

Παρνησσοῦ

impotens

рамень

frenum

pulcher

varis

мочало

Παντικάλαιον

gurbas

kaušas

kuodas

οἶνος

prastas

ἀντακαῖος

latakas

Καβασσός

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

ΟΧΕΡΚΙ

барбос

ΠΟ ΕΤΙΜΟΛΟΓΙΙ

Ἀπόλλων

невеста

журавика

медь

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Тюмень

agnus

vinum

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

ОЧЕРКИ
ПО
ЭТИМОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2001

УДК 801.54
ББК 81.2-3
О-83

Рецензенты: д-р филол. наук А. С. Герд (С.-Петербург. ун-т), д-р филол. наук
И. А. Перельмутер (Ин-т лингв. иссл. РАН)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского государственного университета*

Откупщиков Ю. В.

О-83   Очерки по этимологии. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та,
2001. — 480 с.

ISBN 5-288-02121-X

В книге собраны статьи известного петербургского (ленинградского) этимолога о происхождении славянских (в основном — русских), балтийских, древнегреческих и латинских слов, например, *барбос*, *вино*, *невеста*, *Парнас*, *Аполлон*, *брусника* и др. Каждый очерк представляет собой конкретную иллюстрацию принципов и методики этимологического анализа, разработанных автором, которые он и использует в своих исследованиях.

Для специалистов по исторической лексикологии, словообразованию и семасиологии, студентов и аспирантов филологических факультетов, а также для всех интересующихся происхождением слов в русском и в других индоевропейских языках.

Тем. план 1999 г., № 195

ББК 81.2-3

Работа подготовлена к изданию
при поддержке РФФИ (проект N 00-06-80249)

ISBN 5-288-02121-X

© Ю. В. Откупщиков,
2001
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2001

Effinge aliquid et excude,
quod sit perpetuo tuum.

Plinius Junior

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей книге собраны исследования автора по этимологии, выполненные за последние 40 лет и опубликованные в самых различных (зачастую труднодоступных) изданиях от Неаполя и Будапешта до Владивостока. В книгу не вошли многочисленные этимологии, вкратце или более детально изложенные в двух монографиях автора: «Из истории индоевропейского словообразования» (Л., изд-во Ленингр. ун-та, 1967—23,17 п. л.) и «Догреческий субстрат» (Л., изд-во Ленингр. ун-та, 1988—18,88 п. л.).

В первой из этих книг можно найти (по указателю слов — как и во второй книге) этимологический анализ русских слов (включая древнерусские и русские диалектные формы): *абръдь* ‘саранча’, *бердо*, *блюдо*, *бред* ‘прутняк’, *грознь* ‘гроздь’, *груздь*, *желдь* ‘*Plex aquifolium*’ (бот.), *желна* ‘дятел’, *желнь* ‘корыто’, *Ильмень*, *клад*, *кладенец* (с разными значениями), *кладиво* ‘молот’, (о)ковалок, *колода*, *коровай*, *лнь*, *лунь*, *узда*, *уклад*, *челнь*, *Тихвин*, *Ярбозеро*. Здесь же даются новые этимологии или дополнительные аргументы в пользу отвергнутых этимологий: др.-гр. ἄρτος, χαυχίον, лат. *agnua*, *lignum*, *lignum*, лтш. *šķendala*, лит. *kéltas* ‘паром’, *kélnas* и др.

В книге о догреческом субстрате предлагается ряд ономастических этимологий. Приведем несколько выборочных примеров — только с догреческим суффиксом -σσ-: Ἀμασσός, Ἐλισσα, Ἑρματτός, Ἴνυσσός, Καβασσός, Κολυβρασσός, Λάρισσα, Λυμησός, Μύλασ(σ)α, Μυρμισσός и др.

В предлагаемых очерках нет общеизвестных этимологий. Во многих случаях даются совершенно новые этимологические решения. При этом, во-первых, здесь будут слова, которые, по признанию авторов

солидных этимологических словарей, вообще не имеют этимологии (Ἰαπόλλων). В других случаях, несмотря на широкое распространение той или иной этимологии, она не может быть признана удовлетворительной, и в книге предлагается новое решение этимологической задачи (лит. *gāgapa*, топоним *Тюмень*). Нередко по вопросу о происхождении того или иного слова мнения исследователей расходятся. В этом случае в книге приводятся новые аргументы в пользу одной из имеющихся этимологий (*невѣста*). Кроме того, существует немало старых этимологий, отвергнутых современной наукой (например, сюда можно отнести некоторые латинские этимологии, предложенные еще Варроном). В ряде случаев приходится полемизировать с современными этимологами, защищая отвергнутую ими этимологию, и приводить новые аргументы в пользу последней (лат. *argumentum*). Наконец, иногда новые аргументы в пользу традиционной этимологии приводятся автором книги, когда делаются попытки заменить достаточно правдоподобную общепризнанную этимологию каким-то другим объяснением, как правило, подкрепляемым очень слабыми доводами (*верига*).

Всего в подготовке очерков было использовано 60 статей по этимологии. В общей сложности — с разной степенью подробности — в книге освещается более 80 этимологий. Начинается книга с общетеоретических статей, в которых излагаются общие принципы и методика этимологического анализа.¹ Естественно, что иллюстративный материал в значительной своей части берется из работ автора, поэтому в книге оказались некоторые повторы. В теоретических статьях примеры обычно излагаются в краткой форме, но со ссылкой: «подробнее см. с. ...». В этих статьях особенно большое внимание обращается на словообразовательный аспект этимологического исследования. Ибо до тех пор, пока не будет объяснено, как, по какой модели образовано слово в языке, никакие ссылки на корни, на соответствия (которые часто оказываются всего лишь «соответствиями») в родственных языках, на действительные или мнимые фонетические изменения не гарантируют надежности решения той или иной этимологической задачи.

Во второй части сборника вначале рассматриваются славянские (главным образом русские) этимологии, затем — балто-славянские, после которых излагаются этимологии балтийские.

¹ См. также главу VII «Принципы этимологического анализа» в книге «Из истории индоевропейского словообразования» (с. 191–225), а также главу III «Принципы и методика ономастического анализа» в книге «Догреческий субстрат» (с. 78–118).

В третьей части книги приведены латинские этимологии, а также объяснения имен собственных (в основном, из древнегреческой топонимии). Наконец, в заключительной, четвертой, части помещены рецензии автора на этимологические исследования и словари русского языка.

Книга содержит также обширную литературу, четыре списка сокращений и указатели.

Отзывы и критические замечания на эту книгу автор просит присылать в Издательство Санкт-Петербургского университета или по адресу: 198504, С.-Петербург, Ст. Петергоф, Ботаническая ул., 18/5, кв. 22. Откупщикову Юрию Владимировичу.

Часть I

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДИКА ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ЭТИМОЛОГИЯ*

Одна из наиболее характерных особенностей современного языкознания — это стремление найти подход к языку как к явлению системного порядка. Системный характер фонетических изменений был вскрыт еще основоположниками сравнительно-исторического языкознания. Именно фонетический аспект исследования занимал центральное место в этимологических исследованиях младограмматиков. Это увлечение фонетикой и абсолютизация «фонетических законов» в работах по индоевропейской этимологии вызвали отрицательную реакцию со стороны ряда ученых. Например, Г. Шухардт в серии своих полемических работ, объединенных позднее в статью «*Etymologie und Wortforschung*»,¹ резко выступил против засилья фонетики и против пренебрежительного отношения к анализу смысловых связей. О. Есперсен в своей книге «Язык» писал об определенных успехах этимологии в фонетической и отчасти в семантической области (Jespersen 1925: 305). Но ни Шухардт, ни Есперсен в указанных работах даже не упоминали о словообразовательном аспекте этимологического анализа.

Фонетические соответствия в корне и более или менее правдоподобно установленные семантические связи между сопоставляемыми словами — вот основная база так называемой корнеотсылочной этимологии, получившей довольно широкое распространение в индоевропейском, и в частности в славянском, языкознании. Разумеется, словообразовательная сторона этимологии при этом также принималась во

* Статья была опубликована в сборнике: Этимология. 1967 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1969. С. 80–87.

¹ См. русский перевод в кн.: Шухардт 1950: 210.

внимание, но ей обычно отводилась лишь второстепенная, подчиненная роль в этимологических исследованиях этого типа.

Последние десятилетия в развитии этимологии характеризуются неуклонным возрастанием роли словообразовательного анализа в процессе этимологического исследования. Этимологизируемые слова все более и более обростали плотью словообразовательных формантов, на анализе которых было сосредоточено основное внимание многих этимологов. В работах последних лет часто (и обычно — справедливо) критиковали «корнеотсылочную» этимологию. Само слово «корнеотсылочный» стало чуть ли не бранным эпитетом. В результате этого очень часто стала проявляться тенденция ограничивать словообразовательный анализ одним только суффиксальным словообразованием, тенденция к противопоставлению суффиксов и основ (корней) в словообразовательно-этимологическом исследовании. Наиболее отчетливо это противопоставление было сформулировано в интересной статье В. А. Никонова с весьма знаменательным названием «Поиски системы»: «Этимологические исследования преимущественно занимались основами, а часто и ограничивались ими, пренебрегая формой, тогда как в действительности этимология слова чаще всего обязана именно формальным изменениям, которые несут не меньше информации, чем основа. Как можно обойтись только этимологией основы в словах *белый, белка, белье, белуга, белесый, белизна, бельяк, белойой, белыня, бельмо, белила* и мн. др.?» (Никонов 1963: 224–225).

Из приведенного отрывка совершенно ясно, что В. А. Никонов ищет систему только в области суффиксального словообразования. Для него основа (а тем более — корень) явно не обладает формой. Эту «аморфную» основу он противопоставляет формализующим суффиксам. Между тем форма, а отсюда — и системность, присуща не только суффиксам, но также корням и основам. Более того, сама регулярность суффиксов во многом определялась регулярностью основ, которая, в свою очередь, находилась в тесной связи со структурой корня.

Не менее спорным в приведенном отрывке является и освещение вопроса о том, основа (корень) или суффиксы несут большую информацию. Прежде всего, о какой именно информации здесь идет речь? О стилистической (*белый — беленький — белесый*), о реальной (заяц-*бельяк*, несомненно, отличается от *белуги*) или об этимологической? Речь, по-видимому, должна идти об этимологической информации. А в этом плане *белый, бельяк* и *белуга* различаются между собой меньше, чем *белый, черный* и *красный*. Иными словами, основную

этимологическую информацию несут здесь не суффиксы, а корень.

Сколько бы мы ни приводили суффиксальных производных, например, от прилагательного *кривъ*, *кривой* (*кривда*, *кривизна*, *кривуля*, *кривляка* и т. п.), этимология первого слова не прояснится до тех пор, пока мы не определим, каков был его корень. Это — сложная этимологическая проблема. А вопрос об этимологии слов *кривда*, *кривизна* и т. д., хотя здесь тоже можно встретиться с большими трудностями, — это вопрос о «ближней» этимологии, где речь будет идти уже о вторичных словообразовательных и семантических процессах. Таким образом, словообразовательный аспект этимологического анализа не может и не должен ограничиваться анализом суффиксальной структуры слова. Не менее важное значение для этимолога имеет также словообразовательная структура корня и основы.

Возьмем в качестве примера следующий словообразовательный ряд, в котором отражается обычное индоевропейское чередование в огласовке корня (**ei/*oi*):

<i>гнити</i>	—	<i>гной</i>	—	<i>гноити</i> ,
<i>(по)чити</i>	—	<i>(по)кой</i>	—	<i>(по)коити</i> ,
<i>пити</i>	—	<i>(за)пой</i>	—	<i>поити</i> ,
<i>жити</i>	—	<i>(из)гой</i>	—	<i>гоити</i> ‘давать жить’,
?	—	<i>(по)крой</i>	—	<i>кроити</i> .

Рассмотренный ряд позволяет реконструировать утраченный в славянских языках простой глагол **кри(ти)*, который может быть соотнесен также со следующим рядом:

	<i>(за)пой</i>	—	<i>пити</i>	—	<i>пи-в-о</i> ,
	<i>(на)вой</i>	—	<i>вити</i>	—	<i>(на)ви-в-ъ</i> ,
рус. диал.	<i>(на)лой</i> ‘ливень’	—	<i>лити</i>	—	<i>(на)ли-в-ъ</i> ,
	<i>(из)гой</i>	—	<i>жити</i>	—	<i>жи-в-ъ</i> ,
	<i>(по)крой</i>	—	<i>*крити</i>	—	<i>кри-в-ъ</i> .

Предлагаемая этимология слова *кривъ* опирается на анализ словообразовательных моделей, в которых лишь одна форма дается под звездочкой, т. е. является реконструированной. Хорошо известно, что количество словообразовательных возможностей у языковых моделей очень велико, но не все эти возможности реализуются или же сохраняются в языке. Помимо полного ряда *гноити* — *гной* — *гнити*, в русском языке имеется несколько примеров с утраченным простым гла-

голом: *строити* — *строй*, *доити* — (*на*)*дой*, *роити* — *рой*, *кroitи* — (*по*)*крой* (но нет глаголов *стрити, *дити, *рити, *крити). Может быть, этих слов никогда и не было в языке? Едва ли это так, ибо в ряде случаев от них сохранились надежные следы в виде производных. Так, для глагола *рити ‘течь’ можно сослаться на производные с суффиксом *-ну-*: укр. *ринутити* ‘(сильно) потечь, хлынуть’, чеш. *řipouti se* ‘литься, струиться’.

Словообразовательный ряд

кroitи — (*по*)*крой* — *крити — *кри-в-ъ*

полностью совпадает не только с рядом

гоити — (*из*)*гой* — *жити* — *жи-в-ъ*,

но и с таким примером, как

роити — *рой* — *рити ‘течь’ — лат. *řiv-us* ‘ручей’.

В семантическом плане слово *кривъ* как производное от глагола *крити ‘резать’ должно иметь исходное значение «срезанный, скошенный» → «косой, кривой». Подобный путь развития значений слова от конкретного к абстрактному был наиболее типичен для древнеиндоевропейской и праславянской лексики. В качестве аналогичного примера можно сослаться хотя бы на такие производные от и.-е. корня **skei-* ‘резать’, как др.-исл. *sceifg*, др.-англ. *scāf*, нем. *schief*, лтш. *škībs* ‘косой, кривой’ (Рокотну, 922), а также на исл. *sneida* ‘резать’ и ‘делать косым’ (ср. также швед. *sned* ‘косой’).

Приведенный выше анализ праславянских словообразовательных рядов позволил, совсем не прибегая к данным родственных индоевропейских языков, с помощью внутренней реконструкции восстановить словообразовательную историю слова *кривъ*. Причем анализ этот был предельно формализован и опирался не на изолированные единичные случаи, а на систему словообразовательных явлений, отраженную в самой структуре праславянского корня. Отсюда следует вывод, что *п о и с к и с и с т е м ы* в словообразовательном аспекте этимологического анализа не должны ограничиваться рамками одного лишь суффиксального словообразования. В ряде случаев призыв Козьмы Пруткова *смотреть в корень*, по-видимому, может быть не без успеха использован и в этимологических исследованиях.²

²Новая этимология слова *крив(ой)* подробно излагается во «Введении в этимологию» А. Эрхардта и Р. Вечерки (Erhart, Večerka 1981: 157–158).

Впрочем, в плане суффиксального словообразования многие из продуктивных в древности моделей также до сих пор недостаточно изучены в работах по славянскому языкознанию. Взять хотя бы древнерусские образования на *-ѣдъ*, *-ѣдь*, *-jadь* и сербохорватские существительные на *-āđ*. Соотношения между ними остаются все еще не вполне ясными. В то же время при этимологизации некоторых слов этого типа иногда полностью игнорируются основные особенности соответствующих словообразовательных моделей.

Так, в книге выдающегося итальянского лингвиста В. Пизани «Этимология» (1956) в качестве примера конкретного этимологического анализа рассматривается вопрос о происхождении слова *площадь* (Пизани 1956: 167–170). В. Пизани считает возможным объяснить слово *площадь* как результат заимствования через старославянский из н.-гр. *πλατεῖᾰδες, отвергая в то же время традиционную этимологию этого слова, связывающую его с др.-рус. *плоскъ*. Не говоря уже о том, что в греческих церковных текстах (откуда, скорее всего, могло произойти предполагаемое заимствование) не сохранилось никаких следов слова *πλατεῖᾰδες (Nom. pl. от πλατεῖα ‘улица’), этимология, предложенная В. Пизани, не может объяснить многих фактов, относящихся к словообразованию и лексике древнерусского языка и диалектов современного русского языка.

Рассмотрим следующий словообразовательный ряд:

<i>плоский</i>	—	<i>плочь</i> ‘плоскость, ширина’	—	<i>площадь</i> ,
<i>черный</i>	—	<i>чернь</i>	—	<i>чернядь</i> ,
<i>синий</i>	—	<i>силь</i>	—	<i>синядь</i> ,
<i>рослый</i>	—	<i>(по)росль</i>	—	<i>роследь</i> ,
<i>пухлый</i>	—	<i>(о)пухоль</i>	—	<i>(о)пухлядь</i> ,
<i>гнилой</i>	—	<i>гиль</i>	—	<i>гиледь</i> ,
<i>старый</i>	—	<i>блр. старь</i> ‘старье’	—	<i>старядь</i> . ³

Легко заметить, что если мы попытаемся включить в этот славянский словообразовательный ряд такие явно заимствованные слова, как *стерлядь* (см. нем. Störling ‘маленький осетр’) или *лошадь* (тюрк. *лоша*), мы сразу же потерпим неудачу. То же самое можно сказать и о

³Другие примеры образований на *-дь* (с соответствующими ссылками) см.: (Откупщиков 1967: 149–150). Там же (с. 120) вкратце излагается рассматриваемая ниже этимология слова *дылда*.

ряде *плоский* — укр. *площа* ‘площадь’ — рус. *площадь* = *рохлый* — *рохля* — *рохлядь* = *ровный* — *ровня* — *ровнядь*. Эти примеры говорят о том, что суффикс *-ѣдь* был сложным по своему составу (*-еп- + *-дѣ).

В семантическом аспекте слова *плошь* ‘плоскость, ширина’ и *площадь* относятся к прилагательному *плоский* так же, как *ширь* и (диалектное) *ширедь* относятся к *широкий*. Следовательно, др.-рус. *плошь*, укр. *площа* и рус. *площадь* — это слова, означающие плоскость или плоскос, широкое место.

Исследователи, занимавшиеся этимологией слова *площадь*, не обратили внимания на одно очень важное лексическое совпадение в древнерусском языке: 1) *площадъка* ‘небольшая площадь, небольшой участок’ и 2) *площадъка* ‘плошка, плоский сосуд’ (Срезневский, II, 970). Этот пример окончательно ставит все точки над *i* и заставляет решительно отвергнуть гипотезу о заимствовании слова *площадь* из греческого языка.

Всякое реконструирование словообразовательных рядов требует от этимолога всестороннего и осторожного подхода к анализируемому материалу. Один ряд сам по себе еще не составляет системы. Кроме того, механическая реконструкция словообразовательного ряда может оказаться (и нередко оказывается) ошибочной. Совершенно очевидно, например, что к рядам *писать* — *писец*, *читать* — *чтец*, *играть* — *игрец*, *лгать* — *лжец* мы не можем отнести слова *спать* и *спец*. Каждому известно, что слово *спец* — это сокращение от заимствованного слова *специалист* и никакого отношения к глаголу *спать* оно не имеет. Но этот нарочито нелепый пример показывает, что ошибки подобного рода принципиально возможны.

В случаях не столь очевидных, как в примере со словом *спец*, проверка правильности предлагаемой реконструкции может быть осуществлена путем анализа системы словообразовательных рядов. Допустим, что при этимологизации слова *рамень(е)* мы выделяем в нем суффикс *-мен-* и сопоставляем это слово с глаголом *(о)рати* ‘пахать’. Данная этимология (см. очерк о рус. *рамень* на с. 144 слл.) может быть подтверждена следующей серией словообразовательных рядов (для краткости привожу в каждом случае всего один-два примера):

1) *(о)рати* — *ра-тай*, *ра-тва*, *ра-ль*, *ра-мень*;

2) *(о)рати* — *рамень(е)*, *полъти* — *пламень*, *знати* — *знаменье*;

3) *рамень* — *раменье*, *камень* — *каменье*, *знамя* — *знаменье*;

4) *рамень* — *Раменское*, *камень* — *Каменское*, *знамя* — *Знаменское*;

5) *рамень* — *раменный*, *пламень* — *пламенный*, *камень* — *каменный*;

6) (*о*)*рати* — *рамень*, лит. *ąrti* 'пахать' — агтиб 'пашня'.

К этим шести рядам можно присоединить еще седьмой ряд суффиксальных чередований *-*men*-/*-*ц*-):

ра-мень — лат. *ag-v-um* 'пашня, поле',

др.-прус. *kēg-men-s* 'чрево' — ст.-сл. **ЧРЪ-В-О**,

лит. *stuo-miō* — лтш. *stā-v-s* 'стан, фигура',

лат. *cul-men* 'вершина' — лит. *kal-v-à* 'холм' и мн. др.⁴

Таким образом, анализ словообразовательной модели в данном случае не сводится к реконструкции какого-то единичного ряда. Слово *рамень* и его производные входят в серию рядов, совокупность которых и составляет словообразовательную систему, типичную для славянских образований с суффиксальным *-*men*-.

Одной из наиболее архаичных особенностей праславянского словообразования было чередование суффиксов, исторически тесно связанное с гетероклизой. И если в индоевропейском масштабе эта особенность была довольно подробно проанализирована в работах Э. Бенвениста, Ф. Шпехта и других исследователей, то в славянском словообразовании и этимологии чередования суффиксов до сих пор почти совсем не изучены.

Как в индоевропейском, так и в праславянском языке суффиксы чередовались между собой не хаотически, а по определенной системе. В одних случаях слова, образованные с помощью чередующихся суффиксов, выступали в качестве синонимов, в других — разные варианты слова использовались в целях лексических противопоставлений.

В виде примера можно сослаться на распространенное в и.-е. языках чередование суффиксов *-*men*-/*-*n*-: лит. *sgau-miō* / *sgaupà* 'течение, поток', др.-инд. *áç-tap-* / *áç-pa-* 'камень', лат. *lū-men* 'свет' / *lū-na* 'луна, месяц'. То же самое чередование засвидетельствовано в др.-рус. *ти-мѧ*, *ти-мен-ик* 'грязь, тина' / *ти-на*; рус. *яс-мен* (*ясмѣн сокол* в русских народных песнях), *яс-мен-ник* 'Asperula' / *яс-н-ый*; *яч-мень* / *яч-н-ый* и др. Иногда это чередование может быть обнаружено при сравнении с родственными языками: лит. *stuo-miō*

⁴Наиболее детально это чередование было исследовано Ф. Шпехтом (Specht 1947: 179–183).

‘стан, фигура’ / рус. *ста-н*, рус. *вы-мя* (<*ūdh-men) / др.-инд. ūdh-p-aḥ (gen. sing. гетероклитического склонения).

Но наиболее интересными являются случаи, когда в чередовании участвуют не два, а три суффикса (и даже более):

словен. *droz-g* / чеш. *droz-d* / др.-чеш. *droz-n* ‘дрозд’,⁵

рус. диал. *пеле-г-á* ‘часть луба’ / *пеле-д-á* ‘стреха’ / *пеле-н-а* ‘стреха’,⁶

рус. диал. *пелé-ж-ить* / *пелé-д-ить* / *пелé-н-ить* ‘покрывать, ухичать (избу на зиму)’ (Даль, III, 28),

др.-рус. *дръз-г-а* / *дръз-д-а* / *дръз-н-а* ‘лес’.

Во всех рассмотренных примерах чередуются одни и те же суффиксы: *g/d/n*. Древность этого явления подтверждается наличием точно такого же чередования в балтийских языках: лтш. *skabaġ-g-a* / *skabaġ-d-a* / *skabaġ-n-a* ‘щепка’. Еще показательнее случай, когда в чередовании участвуют те же самые элементы, выступающие не только как именные суффиксы, но и как детерминативы корня: лит. *ei-g-à* ‘ход’ (именной суффикс) / ст.-сл. **И-Д-Ж** (<*ei-d-ǝ) / лит. *ei-n-ù* ‘иду’ (детерминативы корня; ср. простые глаголы: лат. *e-ō*, др.-гр. *εἶμι* ‘иду’).

Иногда этот же тип тройных суффиксальных чередований реализуется в языке лишь частично: др.-рус. *гроз-д-ъ* / *гроз-н-ъ* ‘гроздь’ (*d/n*), пол. *żół-g-a* / *żół-n-a* ‘желна, дятел’ (*g/n*).

Анализ суффиксальных чередований *g/d/n* позволяет предложить новую этимологию слова *дылда*, не получившего до сих пор единого этимологического истолкования. Связь с пол. *duł* ‘доска, бревно’, предложенная А. И. Соболевским, была отвергнута А. Г. Преображенским и М. Фасмером, так как это слово представляет собой заимствование из немецкого (Преображенский, I, 205; Фасмер, I, 558). Ссылки на русские диалектные формы *дыль* ‘колода, бревно’, ‘нога’, *дыли* (мн. ч.) ‘ходули’ также не могут считаться убедительными, ибо эти слова засвидетельствованы в западных диалектах русского языка и, возможно, связаны с пол. *duł*.

В то же время наличие в славянских языках чередования суффиксов *g/d* позволяет сопоставить слово *дылда* с др.-рус. *дългыи* ‘длинный’ и *дългъ* ‘высокий’, ‘великан’. Формы с нулевой ступенью огласовки корня дают, с одной стороны, *d|₁-gos > *dul-gu > *дъл-гъ*, а с другой — *d|₁-dā > *dul-dā > (экспрессивное удлинение?) *dül-dā > *дыл-да*.

⁵Ср. также ст.-сл. **ДРОЗ-Г-Ъ** / болг. *дроз-д* / в.-луж. и н.-луж. *droz-n* ‘дрозд’.

⁶Буквальное значение во всех трех случаях — ‘покров’.

Долгий гласный *ī* (*дылда*) в отличие от краткого *i* (*дългъ*) встречается не только у анализируемого слова. С тем же гласным засвидетельствовано, например, такое слово, как др.-рус. *дылтя* 'вид длинной одежды'. Вероятно, к общему источнику восходят и более отдаленные формы без суффиксальных *g/d*: рус. диал. *дыль* 'даль', *дыльный*, др.-инд. *dūgāḥ* 'далекий, дальний' и др.

Из двух типов слов с чередующимися суффиксами *g/d* западные и южные славянские языки в отличие от русского отразили форму с суффиксальным *g*: чеш. *dlouhán*, с.-хрв. *дўгоња* 'дылда'. Но, видимо, и здесь можно обнаружить следы древнего слова с суффиксальным *d*: ср. такие производные, как рус. диал. *дылдить* 'слоняться, шататься' и синонимичный сербохорватский глагол *дўдати*, позволяющий гипотетически реконструировать слово *дўда (=дылда).

Итак, др.-рус. *дъл-г-ъ* 'длинный' / рус. *дыл-д-а* отражают то же самое чередование суффиксов *g/d*, которое мы наблюдали в случае со словен. *dgöz-g* / чеш. *dgöz-d* и в других рассмотренных выше примерах.

Изложенные лишь в самых общих чертах этимологии слов *кривъ*, *площадь*, *рамень* и *дылда* представляют собой попытку найти те элементы системы в словообразовательном аспекте этимологического анализа, которые пока еще недостаточно разработаны в славистике (особенности структуры корня, суффиксальные чередования). Разумеется, затронутые выше вопросы отнюдь не исчерпывают всей совокупности сложных проблем, связанных с анализом словообразовательных моделей в этимологическом исследовании.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЗАИМСТВОВАНИЯ*

Как известно, словообразовательные признаки, чуждые русскому языку, являются одним из самых важных показателей, позволяющих отнести то или иное слово к числу заимствований. Однако в балто-славянском ареале опора на словообразовательный критерий при разграничении исконной и заимствованной лексики встречается с рядом трудностей. Это прежде всего близкое генетическое родство балтийских и славянских языков, большое количество общей по своему происхождению лексики, тесные контакты носителей тех и других языков,

* Статья была опубликована в сборнике: Словообразовательные и словосочетательные гнезда и типы. Владивосток, 1988. С. 62–68.

приведшие к широкому взаимному обмену в области словарного фонда балтов и славян (особенно в диалектной лексике). Но главное — это почти полное совпадение балтийской и славянской словообразовательных моделей (Мартынов 1973). А последнее обстоятельство крайне затрудняет использование словообразовательного критерия при вычленении слов балтийского происхождения в (диалектной) лексике русского языка. И все же несмотря на указанные осложнения, анализ ряда важных нюансов, отличающих славянские словообразовательные модели от балтийских, позволяют и здесь надежно разграничивать исконную и заимствованную лексику.

Например, суффиксу *-ьб(á)* в русском или белорусском языке (ограничимся для краткости этими языками) в литовском языке будет соответствовать суффикс *-yb(a)*. Иначе говоря, в славянском ареале мы имеем дело с (исторически) кратким *ŷ* перед *b*, а в балтийском — с долгим *ī*. Следовательно, в случае рус. *(y)сад-ьба* — лит. *sod-ŷba*, рус. *ор-ьба* — лит. *ag-ŷba* перед нами выступают примеры генетического родства. В отличие от них блр. *садзіба* и рус. диал. (псков.) *ариба*, *ориба* — это явные литуанизмы в восточнославянских языках, как и пол. *sadyba* и *oguba* — в языках западнославянских (Лаучюте, 130).

Большой интерес в этом отношении представляет рус. диал. *кувиклы*¹ — слово, которое прежде всего из словообразовательных соображений следует отнести к числу балтизмов в говорах русского языка.

Название старинного русского духового инструмента в виде многоствольной флейты, состоящей из нескольких трубочек разной длины (тип «флейты Пана»), засвидетельствовано в формах *куві́клы*, *кугíклы* и *куві́чки*. Из них только последняя форма отмечена в диалектных словарях (СРНГ, 15, 390). Остальные варианты слова не привлекали к себе внимания диалектологов и этимологов.

Небольшие заметки об этом музыкальном инструменте можно найти в энциклопедиях,² подробную статью о нем написал Л. Кулаковский (1940). Последний отмечает исключительную архаичность кувикл, которые отражают «первые этапы инструментальной музыки и даже ее возникновение». Ареал, в котором распространено слово и соответствующая реалья — Брянская, Орловская и Курская области (Кулаковский 1940).

Единственная известная мне этимология слова исходит из формы

---

¹Мое внимание на это слово обратила студентка Ю. Е. Немова, за что я выражаю ей свою глубокую признательность.

²См.: НЭС, стб. 576 (статья *кувички*); БСЭ, XIII, 554 (статья *кувиклы*).

кугѝклы. Ее связывают с названием болотного растения *кугá*, из которого, как предполагают авторы, изготавливаются кугиклы (Штейнпресс, Ямпольский 1966). Однако перед нами типично народно-этимологическое толкование. Словом *кугá* обозначаются различные виды преимущественно болотных растений, которые обычно используются для плетения. Само слово является сравнительно поздним заимствованием из казахского языка (Фасмер, II, 398), оно отсутствует в других славянских языках, что плохо соотносится с архаичным типом самого инструмента (в случае принятия изложенной этимологии). К тому же кувиклы изготавливаются из стволов (стеблей) купыря, дудника, бузины, тростника (Кулаковский 1940: 70–71; Кулаковская, Кулаковский 1975: 15). О куге пишут только авторы этимологии *куга* → *кугиклы*, не учитывая при этом, что ни в русском, ни в других славянских языках вообще нет подобной словообразовательной модели.

Мне уже приходилось высказывать свои соображения по поводу того, что рус. диал. *кувѝклы* (*кугѝклы*) представляет собой балтизм, не отмеченный ни в словаре Ю. А. Лаучюте (1982), ни в других работах по славянским балтизмам (Откупщиков 1981). По своему характеру *кувѝклы* — явно древнее звукоподражательное слово. В ряде индоевропейских языков ономастопозэтическая основа *kuvi-* имеет множество производных, связанных главным образом с криком свиньи, совы, ребе — ребенка. Славянские примеры: рус. диал. *кувѝ* — междометие (о визге свиньи), *кувѝкать* 'визжать (о свинье)', укр. *кувѝкати* 'кричать (о поросенке и о сове)', чеш. *kuvikati* 'издавать звуки подобно ночным птицам', *kuvik* 'сыч', пол. *kuwikać* 'кричать (о сове)' и др. Примеры из других и.-е. языков: лит. *kūvū* — междометие (о крике поросенка), *kūviksėti* 'кричать (о поросенке или сове)', *kūvūkti* 'кричать (о поросенке, ребенке)', *kūvėklis* 'плакса (о ребенке)', *kvūklūs* 'тот, кто визжит (о поросенке, ребенке)', *kvūklupė* 'глотка', лтш. *kvīka* 'визгливая свинья', нем. *quieken* 'пищать, визжать', др.-инд. *kuvi* 'сова', др.-гр. *χο(F)ῖ* — междометие (о крике поросенка) и др.

Наряду с звукоподражательным *кувѝ-* известна также синонимическая основа *куг(ѝ)-*: укр. *кугик* 'сова', *кугач* 'сыч', *кугикати* 'кричать куги! куги!', рус. диал. *кугá* — междометие (о крике совы), блр. *кугакаць* 'плакать (о грудном ребенке)', 'кричать (о сове)'. Интересно сложное белорусское областное слово *кугáкаўка* 'неясыть (вид крупной совы)'. Первая его половина совпадает с основой лит. *kūgauti* 'кричать', а вторая — с лит. *kaūkti* 'выть, плакать'.

Приведенные примеры вряд ли могут вызвать сомнение в том, что

рус. диал. *кувѣклы* / *кугѣклы* имеет звукоподражательное происхождение и что слово это образовано на основе, отличающейся исключительной древностью. Вместе с тем словообразовательная интерпретация рус. диал. *кувѣклы* на славянской почве оказывается весьма затруднительной. Очевидно, что от *кувѣкать* образовать производное *кувѣклы* невозможно. Ни один звукоподражательный (или иной) глагол на *-ѣкать* не дает в русском языке производных подобного типа: есть глаголы *пили́кать*, *тили́кать*, *чири́кать*, *цвири́кать*, *чихи́кать*, но нет слов **пиликлы* (-ла, -ло), **тиликлы* и т. п. В то же время все известные образования подобного рода с исходом на *-кл-* плюс флексия обычно представляют собой балтизмы в русском, белорусском и польском языках, причем *-кл-* в языке-источнике, как правило, является суффиксом, генетически соответствующим пол. *-dŕ-* и рус. *-л-* (ср. лит. *árklas* = пол. *radło* = рус. *рало*). Наличие неисконного суффиксального *-кл-* в слове надежно сигнализирует о его балтийском происхождении: лит. *asiúklis* 'хвощ' → пол. диал. *asiukla*, рус. диал. *асю́кля* 'трава'; лит. *gùrkliŝ* 'кадык' → пол. диал. *gurkliŝ idem*; лит. *karklŭnas* 'ивняк' → ст.-блр. (с 1600 г.) *карклинь idem*, пол. диал. *koŝkliŝa* 'куст ивы'; лит. *burbėkliŝ* 'ворчун' → пол. диал. *burbakliŝ idem*, лит. *žuklŭs* 'рыбак' → ст.-блр. *жукль idem*; лит. *dabòklė* 'арестантская' → рус. диал. *дабóкля idem* и др. Интересным является литуанизированный славизм *ženiklis* 'жених', проникший с литовским суффиксом *-кл-* обратно в диалекты польского языка (→ *ženiklis*).³

Именно наличие суффикса *-кл-* явилось главным аргументом для Б. А. Ларина (1975: 105), чтобы отнести ст.-блр. (с 1457 г.) и ст.-укр. (с 1444 г.) *дякло* к числу литуанизмов, несмотря на затруднение с объяснением *я* в *дякло* (лит. *dúoklė* должно было дать **дукля*).⁴

Слово **kŭvŭklai*, которое послужило источником заимствования диалектного русского языка, в литовском языке не засвидетельствовано. Но его реконструкция представляется вполне надежной: лит. *kŭvŭ* (о крике поросенка) и *kŭvikŝėti* позволяют выделить глагольную основу *kŭvu-* или *kŭvuk-*, которая естественно должна дать **kŭvŭklas* (< **kŭvu-kl-as* или **kuvuk-kl-as*)⁵ мн. ч. **kŭvŭklai* → рус. диал. *кувиклы*. Реконструированная форма **kŭvŭklas* в словообразователь-

³Примеры даны по словарю Ю. А. Лаучюте.

⁴Затруднение, отмеченное Б. А. Лариным, отпадает, если в качестве источника восточнославянских слов принять не *dúoklė* 'подать зерном или хлебом' (как считал Б. А. Ларин), а *dėkla* 'древняя мера зерна' (4 или 1¹/₂ бочки) (Лаучюте, 36).

⁵См. работу: Skardžius 1943: 194–196; ср. также лит. *kaũkti* 'выть, плакать' → *kaukla* 'плакса' (< **kauk-kl-a*).

ном плане относится к реально засвидетельствованному слову *kūvēklis* ‘плакса’ точно так же, как, например, лтш. *mīstiklas* (мн. ч.) — к *mīstēklis* ‘льномялка’ (Mühlenbach, II, 647).

Отсутствие слова **kūvūklai* в литовском языке не исключает возможности его существования и последующего заимствования в диалекты русского языка. Подобные случаи надежно засвидетельствованы в истории балто-славянских лексических отношений. Ограничусь только одним примером с тем же балтийским суффиксом *-kl-*. Блр. *lanikla*, *-lo* ‘заплата’ этимологизируется как производное глагола, имеющегося как в белорусском (*lániць*), так и в литовском языке (*lõpyti*). Оба глагола означают ‘чинить, латать’. Однако словообразовательная модель белорусского слова — чисто балтийская, и хотя в литовском языке не засвидетельствовано слова **lõpykla(s)* ‘заплата’, тем не менее блр. *lánikla* с полным основанием относится к числу белорусских балтизмов (Лаучюте). Здесь, как и в случае с **kūvūklas* — *kūvēklis*, наряду с реконструированной формой **lõpykla(s)*, имеется реальная: лтш. *lārekliš* ‘починка, штопка’ (Mühlenbach, V, 728).

В семантическом плане звукоподражательная этимология рус. диал. *кув́иклы* может быть поставлена в один ряд с рус. диал. *пищáль* (стар.) ‘дуда, сопель, свирель’ (Даль, III, 114), а также с *п́ищик* ‘дудочка, свисток’, *пискúлька* ‘дудочка, сопелочка’ и др. (там же). Все это обычно русские образования, в отличие от слова *кув́иклы*, построенного по очень распространенной и типично балтийской словообразовательной модели. Форма *куѓиклы* представляет собой преобразование исходного *кув́иклы* под влиянием синонимичного звукоподражательного междометия *куѓи* (= *кув́и*), а *кув́ички* — полностью славянизированная форма слова.

В заключение скажем об ареале, в котором засвидетельствовано слово *кув́иклы* и соответствующая реалья. Ареал этот типичен для русских балтизмов (Брянская, Орловская и Курская области), он тесно связан также с ареалом балтийских следов в топонимике к югу (впрочем, как и к северу) от Москвы.⁶ Как отмечал В. Н. Топоров (1972а : 219), наиболее неопределенной остается восточная граница распространения балтийской топонимике в России. По-видимому, следы этой топонимике прослеживаются вплоть до Тамбовской, Пензенской (Погодин 1901 : 92–93) и Горьковской области (Трубе 1966 : 106–108).

⁶См. в связи с этим работы Б. А. Серебrenникова, Х. А. Моора, В. Н. Топорова, В. В. Седова и других исследователей (как лингвистов, так и археологов).

Мы не знаем, как далеко на юго-запад и на юг от Москвы распространялась территория древнего балтийского племени голяди. Очевидно, что упомянутые в источниках Можайск и р. Протва как места проживания голяди — лишь районы, ближайšie к Москве. Балтийские гидронимы, широко распространенные в соседних Калужской, Тульской и Орловской областях (Топоров 1972а: 219), говорят о достаточно внушительном ареале, в котором жили носители балтийского языка (или языков). Именно в Орловской и соседних с ней Брянской и Курской областях засвидетельствовано слово *кувѣклы* (*кугѣклы*, *кувѣчки*). Брянская область непосредственно граничит с Орловской, Калужской и Смоленской областями, а также с Белоруссией. Это достаточно компактный ареал, известный не только своей балтийской топонимикой, но и большим количеством балтийских заимствований в лексике. Что касается слова *кувѣклы* в Курской области, причем в ее южной части (Обоянский район), то нужны дополнительные исследования для того, чтобы решить, может ли этот факт говорить что-либо о южной границе восточных балтизмов (на западе они четко идут по р. Припять) (Топоров 1970: 57) или это слово вместе с реалией сравнительно поздно пришло сюда из более северных русских областей.

Наконец, ареал анализируемого слова, по-видимому, говорит о его заимствовании не прямо из литовского (как условно говорилось выше), а из какого-то близкородственного балтийского языка (Серебрянников 1957: 69–71). Этим, возможно, следует объяснять отсутствие слова *kūvūklai в самом литовском языке.⁷

⁷ Об этимологии слова *кувѣклы* см. также Откупщиков 1987в.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

Сегодня мне хотелось бы с вами поговорить о науке, которая называется *этимология*, т. е. о науке, изучающей происхождение слов.

* Статья, представляет собой лекцию, прочитанную студентам филологического факультета Санкт-Петербургского университета и опубликованную под таким названием в сборнике: Разные грани единой науки: ученые — молодым славистам. СПб., 1996. С. 162–178.

Впервые часть лекции (этимология слова *каракатица*) была опубликована под названием «Словообразование и этимология» в сборнике: Проблемы гуманитарного образования в школе / Отв. ред. А. С. Тимофеева и М. Г. Мерзлякова. Ижевск. 1995. С. 13–18.

Об этой науке можно говорить очень долго, время от времени я читаю годовой спецкурс по этимологии, и естественно, что на одной лекции рассказать подробно об этой науке мне не удастся. Поэтому придется ограничиться вопросом о связи этимологии со словообразованием.

К сожалению, когда обычно студенты посвящают себя языковедению, они не получают у нас на факультете ни малейшего представления о принципах и методике этимологического анализа. Они не получают сведений о системе фонетических соответствий в родственных языках, об архаических словообразовательных моделях, которые утратили свою продуктивность в эпоху исторически засвидетельствованных памятников письменности и о многом другом, без чего немислимы современные этимологические исследования.

В свое время Блаженный Августин писал, что этимология подобна толкованию снов: всяк понимает их так, как кому придет в голову. В XVIII в. Вольтер ехидно издевался над современными ему этимологами, утверждая, что этимология — это наука, в которой гласные ничего, а согласные почти ничего не значат. Для подобного рода издевок у Вольтера были все основания, ибо в его время этимология слова устанавливалась на базе близкого звучания или, по выражению В. К. Тредиаковского, «по сходству звона».

Еще в средние века очень часто, вопреки четкой словообразовательной структуре слова, его обычно этимологизировали, я бы сказал, по принципу шарады. Если слово можно «рассечь» на две или на три части, каждая из которых имеет какое-то значение, то именно такой и будет этимология слова. Например, в средневековой латыни 'Господь' обозначался словом *Domīnus*. От слова *Domīnus* с помощью суффикса *-ic-* было образовано имя собственное *Domīnicus* (что-то вроде 'господний'). И, наконец, по имени святого Доминика был назван основанный им орден *Domīnicani*, где четко выделяются суффиксы *-ic-* и *-an-*. *Domīnicani* — это люди, принадлежащие к данному ордену. Подобную словообразовательную структуру в средние века не всегда понимали, предпочитая «рассекать» слово на две значимые части: *Domīni* и *canes*. По-латыни *canes* означает 'собаки', а *Domīni* — это родительный падеж от *Domīnus* 'Господь'. При таком «объяснении» получается, что *Domīnicani* (точнее было бы *Domīnicanes*) — это 'псы Господа', преследующие еретиков, всяких «инакомыслящих» того времени. То есть нам вместо рассмотрения реальной словообразовательной структуры — дается явно надуманное толкование.

Неправильные интерпретации слов были связаны не только с оши-

бочным словообразовательным анализом, но и с неверным пониманием смысла. Взять хотя бы имя святого *Христофора*. Второй компонент этого имени *-фор* в греческом языке имеет значение 'несущий'. Сравните в русском языке: *семафор* 'несущий знак', *светофор* 'несущий свет'. Следовательно, *Христофор* означает 'несущий Христа'. На базе этой, в принципе правильной, интерпретации имени святого была создана легенда, по которой Христофор взял на себя в качестве подвига обязанность переносить через небольшую речку всех путников, взяв их на руки или на плечи. И вот однажды он так перенес младенца Христа, и якобы поэтому был назван *Христофором*. Хотя при таком истолковании компоненты имени были выделены правильно, но смысл имени собственного на самом деле совсем иной: *Христофор* — это, действительно, 'несущий Христа', но не на плечах, а в сердце своем. Из этих примеров видно, как этимологические интерпретации средневековья прямолинейно и наивно подходили к вопросу происхождения слов.

У нас на Руси много внимания этимологии уделял В. К. Третьяковский, на которого я сегодня уже ссылался. Это он говорил, что слова нужно сопоставлять «по сходству звона», причем, если «звон» не совсем одинаков, то его можно было изменять. Например, что такое *Британия*? Это искаженное рус. *братание* («братство кельтских народов»). Кто такие *этруски*? Это — «хитрушки», ибо «хитро в науках упражнялись». *Италия* — это «наше» слово *Удалия*, ибо «зело далеко удалена от России». Подобными «этимологиями» — хоть пруд пруди — и не только на Руси или в средневековой латыни, а в любой стране и в разные исторические эпохи. Причем, когда Вольтер писал, что этимология — это наука, в которой гласные ничего, а согласные почти ничего не значат, он очень скромно поиздевался над этимологами своего времени. Действительность значительно превзошла саркастические насмешки Вольтера.

Еще в 1660 г. в Амстердаме вышел этимологический словарь латинского языка, в котором на 60 страницах излагалась теория этимологических исследований. Вот три важнейших положения автора.

1. Любой гласный может перейти в любой другой гласный (ср. у Вольтера: «гласные ничего не значат»).

2. Любой согласный может перейти в любой другой согласный (ср. у Вольтера: «согласные почти ничего», а здесь практически **ничего** не значат).

В третьем тезисе этого серьезного научного исследования автор превзошел все то, что писал Вольтер. Этот третий тезис заключается

в следующем:

3. Разницы между гласными и согласными нет, и любая «буква» может перейти в любую другую.

Нужно сказать, что этимология как наука, научная этимология, сформировалась вместе с появлением сравнительно-исторического метода в языкознании и в течение XIX–XX вв. далеко шагнула вперед. А выпускники наших филологических факультетов, уйдя в литературу, в журналистику или в языковедческую науку, в своем понимании и в своем отношении к этимологии остаются на уровне эпохи Августина или Вольтера. . . Но объяснить происхождение того или иного слова все-таки хочется. . .

И вот появляются многочисленные этимологические «мифы», такие же произвольные и бездоказательные, как и толкования снов. Особенно часто ошибочные этимологии связаны с неправильным словообразовательным анализом или даже с его полным отсутствием. Весьма модным, как я уже говорил, является членение анализируемого слова по принципу шарады. Представьте себе, что кто-нибудь вздумал бы топоним *Черновцы* разделить на *черн-* 'черный' и на *овцы*. Получится что-нибудь вроде «черные овцы». С тем же «успехом» другой топоним *Верховина* можно интерпретировать как «верх (кого? чего?) овина». Или слово *работ-яга* (как *труд-яга, дел-яга*) расчленить как *рабо-* *-тяга* и связать конец этого слова с глаголом *тянуть*. Подобными этимологиями заполнено огромное количество статей и заметок в научно-популярных книгах и журналах. Более того, даже, извините, в кандидатских и докторских диссертациях мы встречаем, может быть, и не столь нелепые, но, тем не менее, построенные по тому же самому принципу этимологические толкования.

К сожалению, подобная практика «вивисекции» слова особенно часто, как я уже сказал, встречается в научно-популярных статьях и книгах, рассчитанных на широкого читателя, который далеко не всегда может достаточно критически отнестись к предлагаемым объяснениям. Так, в еженедельнике «Неделя» (1984. № 47) была опубликована небольшая статья М. Горкиной «Ай да каракатица!». Автор статьи считает, что слово *каракатица* состоит из тюркского *кара* 'черный' (такое слово действительно есть) и второго компонента *ката* (это якобы греческое слово, по мнению М. Горкиной, означает 'взрыв'). Спасаясь от преследования, каракатица выпускает своего рода «дымовую завесу» в виде черной жидкости. На первый взгляд может показаться, что изложенная этимология подтверждается даже реалиями. Однако все

это — не так просто. Прежде всего, более старой формой русского слова будет не *каракатица*, а *корокатица* (ср. рус. *каравай* — слово, писавшееся ранее: *коровай*). Затем, соотношение русской полногласной формы *корокатица* и сербохорватской метатезной формы *кракатица* (ср. *город* и *град*, *ворог* и *враг*) говорит об исконно славянском происхождении анализируемого слова. А тюркское *кара* ‘черный’ (см. *каракуль*, *Кара-Кумы* и др.) к славянским названиям моллюска не имеет никакого отношения, ибо ни в одном слове, заимствованном из тюркских языков, *кара* не дает ни *коро-*, ни *кра-*. Наконец, в греческом языке вообще нет слова *ката* ‘взрыв’, это — придуманное слово. На самом деле, в греческом языке есть только такая приставка и предлоги, которые никакого отношения к «взрыву» не имеют.

Словообразовательная структура слова *корокатица* или *кракатица* — предельно ясна: *-ица* является вторичным суффиксом (ср. *дева* — *девица* и др.), **корокат* или с.-хрв. *krakat* — это производное с суффиксом *-ат-* от существительного **корок*. В русском языке такого слова нет, но есть слово, которое от него образовано: *окорок*. Это копченая свиная нога. А вам, студентам-славистам, особенно тем кто занимается южнославянскими языками, хорошо известно сербохорватское слово *krak* ‘нога’, от которого и образовано слово *krak-at-ица*.

Но словообразовательный анализ не должен ограничиваться чисто механическим вычленением суффиксов. Необходимо учитывать также и их семантику. И вот здесь не на высоте оказались уже не журналистка М. Горкина, а известные специалисты по русской и славянской этимологии. Все они однозначно понимают слово *каракатица* как ‘ногастая’. В украинском этимологическом словаре так и написано: ‘ногата тварина’. Так считают А. Г. Преображенский, М. Фасмер (автор лучшего этимологического словаря русского языка), Н. М. Шанский, Г. П. Цыганенко, П. Скок (автор сербохорватского словаря) и целый ряд других этимологов.¹ В «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской дается уточнение: «обладающая большими или толстыми ногами» (КЭСРЯ, 187). Однако производные с суффиксом *-ат-* обозначают не только большие размеры (как *пузатый*, *носатый*), но и обилие чего-то (например, *полосатый* не означает ‘с большими полосами’, они могут быть совсем маленькими, но их много). Есть еще группа нейтральных производ-

¹ См.: Преображенский, I, 358; Фасмер, II, 191; ЭСРЯ, II, 63; Цыганенко, 190; ЕСУМ, II, 384; Skok, II, 177.

ных. Так, *рогатый* не означает ни 'с большими рогами', ни 'с обилием рогов' (то же, например, в случае со словом *крылатый* или *хвостатый*).

Поскольку суффикс *-ат-* имеет разные значения, нужно, очевидно, определить, какое значение имеет этот суффикс у слова *каракатица*. И здесь даже М. Фасмер не различает трех перечисленных типов производных с суффиксом *-ат-*, считая, что слово *каракат образовано так же, как *носат*, а отсюда следует вывод о том, что *каракатица* означает 'ногастая'. Кроме того, сюда же М. Фасмер относит слова *горбат* и *зубат*. Между тем, все три приведенных М. Фасмером примеры относятся к трем разным типам: *носат* 'с большим носом', *горбат* — просто 'с горбом' (а не с 'большим горбом' и не 'с большим количеством горбов'), слово же *зубат* может иметь все три основных значения производных с суффиксом *-ат-* ('с большими зубами', 'с большим количеством зубов' и просто 'с зубами').

Интересно отметить, что Г. П. Цыганенко в своем «Этимологическом словаре русского языка» пишет, что суффикс *-ат-* в слове *каракатица* не имеет оттенка обилия или чрезмерности (как *рогатый*), но тут же объясняет это слово как 'ногастая' (чрезмерность) и дает перевод научного греко-латинского термина 'десятиножка' (обилие). В результате получается, что, с одной стороны, автор считает, что это нейтральный суффикс, с другой стороны, дает значение чрезмерности и перевод множества. Все три значения суффикса *-ат-* в этом месте словаря оказались смешанными между собой.

Как известно, каракатица — это моллюск класса головоногих, причем как «ноги» были восприняты его многочисленные (8 или 10) щупальцы. Сравните греко-латинские зоологические термины *-ὄχτᾱ-πους* и *πολύπους*. Второй компонент этих слов *-πους* означает 'нога', *ὄχτᾱ* 'восемь', а *πολύ* 'много'. Первое из этих слов было скалькировано в русском языке (*осьми-ног*), а второе — заимствовано (*полип*). В древнерусском языке было скалькировано также и второе слово: *πολύ-πους* → *многоножица*.

Таким образом, *многоножица* и *каракатица*, с точки зрения этимологии, — синонимы, только они образованы с помощью разных средств. В первом случае в основе лежит слово *нога*, а во втором — *корок* (с тем же значением 'нога'). Корни здесь разные, но значение одно и то же. Причем, то, что этих ног *много*, в одном случае выражено с помощью словосложения (как и в греческом языке), а в другом — с помощью суффиксации.

Итак, мы видим, что два синонима — *многоножица* и *корокатица* — говорят с полной определенностью о том, что *корокатица* в этимологическом (а также и в реальном) плане — это совсем не «ногастая», не «ногата тварина», это не «моллюск с большими или толстыми ногами», а «многоножка», многочисленные щупальцы которой были восприняты как «ноги». Этот вывод, расходящийся с утверждениями самых авторитетных этимологических словарей русского языка, подтверждается, как мы видели, детальным словообразовательным анализом.

К сожалению, авторы всех этих этимологических словарей обошли своим вниманием одно очень важное слово, засвидетельствованное в вологодских говорах русского языка: *каракатица* 'большая лягушка и, особенного рода, большая козявка'. Вот здесь, действительно, слово *каракатица* в обоих случаях означает 'ногастая'. Хотя словообразовательная структура в названиях моллюска и лягушки — одна и та же, суффикс *-ат-*, означающий в первом случае большое количество, во втором случае означает большие размеры. Таким образом, лягушка, в отличие от каракатицы, и этимологически, и в реалиях, действительно, оказывается «ногастой». Кстати, само слово *лягушка* этимологически связано с русским диалектным *ляга* 'нога' (ср. *ляжка*), т. е. она как бы «лягастая», «с большими ногами». А прыгающие и скачущие насекомые («козявки») тоже имеют сильные задние «ноги».

Перейдем теперь к несколько более сложному примеру, где нам придется отчасти выйти за пределы славянских языков. Речь пойдет об этимологии слова *колобок*, без уменьшительного суффикса — *колоб*. Если спросить на улице любого прохожего, что означает слово *колобок*, то всякий ответит, что это такой небольшой круглый хлебец. И почти наверняка свяжет его с *коло*. Формой множественного числа от *коло* явилось слово *колеса*, по модели *небо* — *небеса*. Позднее от множественного числа *колеса*, по аналогии с существительными среднего рода типа *озера* — *озеро*, была образована вторичная форма именительного падежа единственного числа: *колесо*.

Большинство из тех, кого спрашиваешь о происхождении слова *колобок*, сразу же отвечают: от *коло* 'что-то круглое', а отсюда *колобок* 'круглый хлебец'. Все вроде бы получается самым лучшим образом. За исключением одной важной детали. Слово *коло* — *колеса* относится к той же группе слов, что и *небо* — *небеса*, *чудо* — *чудеса*, *слово* — *словеса* и др. Проф. С. Б. Берштейн в своей «Сравнительной грамматике славянских языков» приводит более 20 примеров подобных обра-

зований (Берштейн 1974: 146 слл.). Они — очень древние, ибо встречаются в ряде родственных индоевропейских языков. Ни одно из этих образований, ни в одном индоевропейском языке не имеет производных с суффиксом *-б-*. Если бы от слова *коло* могло бы быть образовано производное **колоб*, то *небо* должно было бы дать **неبوب*, *чудо* — **чудоб*, *слово* — **словоб* и т. п. Ничего подобного в действительности нет. Ни одно из 20 с лишним славянских существительных этого типа не имеет производных с суффиксом *-б-*.

Вот почему в современных этимологических словарях авторы с большим скепсисом относятся к сопоставлению слов *коло* и *колоб(ок)*. В XIX в. этой этимологии придерживался Н. В. Горяев (Горяев, 151). В наше время эту же этимологию мы находим в «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской (КЭСРЯ, 205). Фонетическая безукоризненность и семантическая правдоподобность этимологии *колоб(ок)* от *коло* сделали ее весьма распространенной и чуть ли не общепризнанной.

Однако еще А. Г. Преображенский в своем словаре (со ссылкой на Ф. Миклошича) отметил слабое место этой этимологии: остается неясным суффикс *-б-* (Преображенский, I, 335). Еще более решителен отзыв М. Фасмера (II, 292): «едва ли связано с *коло* вопреки Горяеву». Сам М. Фасмер, кроме ссылки на лтш. *kalbaks* 'ломоть, отрезанный кусок хлеба', ничего не предлагает, а пометы в словаре типа «неясно» (Преображенский, I) или «надежные сопоставления отсутствуют» (Фасмер, II) говорят о том, что вопрос об этимологии слов *колоб* и *колобок* фактически до сих пор остается открытым.

Попробуем подойти к этимологии русского слова *колоб* с точки зрения его словообразовательной структуры. Идею о предполагаемой связи с *коло* придется в этом случае, как мы видели, сразу же отбросить. Между тем, если рассмотреть однотипные, сходные в фонетическом отношении (полногласие в корне), преимущественно русские производные с суффиксальным *-б-*, то многое в вопросе о происхождении слова *колоб* станет более ясным. Прежде всего, среди русских образований на *-об-* нет не только ни одного, восходящего к словам типа *небо*, *чудо*, но нет и вообще отыменных производных. Эти образования с суффиксом *-(о)б-*, как правило, — не отыменные, а отглагольные. Приведем несколько примеров, где связь существительных на *-об* с глаголом можно проследить, не выходя за рамки русского языка.

Рус. диал. *вороб* 'приспособление для размотки пряжи' бесспорно

представляет собой производное от корня *ver- / *vog- ‘поворачивать, вертеть’ (ср. *ворот* и другие слова с этим корнем). Рус. диал. *долобок* ‘тропинка’ — слово, этимологически связанное с *долбить*. Рус. диал. *свороб* ‘зуд, чесотка’ связано с глаголом *свербеть*. Эти и другие подобного рода примеры позволяют рассматривать слово *колоб* как производное, образованное от глагола *kol-ti (с русским полногласием — *колоть*). Это слово имеет много значений в русском языке (ср., например, *колоть штыком* и *колоть орехи*). Среди разных значений глагола *колоть* можно выделить значение ‘резать’. Ср. *колоть скотину* или (в диалектах) *капусту колоть* ‘срезать кочаны капусты’. Опираясь на последнее значение глагола *колоть* (‘резать’), мы можем, исходя из приведенной выше словообразовательной модели, реконструировать для слова *колоб(ок)* значение ‘резень’ или ‘отрезанный кусок (хлеба)’.

Семантическая модель ‘резать’ → ‘отрезанный кусок (хлеба)’ → ‘хлеб’ хорошо известна в самых различных языках. Кроме этимологически прозрачного рус. диал. *резень* ‘отрезанный кусок хлеба’, в диалектах русского языка можно назвать еще *край*, *скрой*, *краюха*. Все эти слова имеют значение ‘ломоть хлеба’, а в их основе лежит глагол *кроить* ‘резать’. Типологически ср. также в немецком языке: *schneiden* ‘резать’ → *Schnitte* ‘ломоть, отрезанный кусок хлеба’.

Что касается изменения значений ‘кусочек’ → ‘кусочек хлеба’ → ‘хлеб’, то перед нами своего рода семантическая универсалия, которую можно отчетливо проследить на материале славянских языков. Сравните, например, чеш. *kruch* ‘кусочек’, пол. *kruch* ‘кусочек, обломок; кусочек сала’, рус. диал. *крух* ‘щепка, осколок, кусочек’ и словац. диал. *kruch* ‘кусочек или ломоть (хлеба)’. И, наконец, с.-хрв. *крѹх* означает просто ‘хлеб’, уже не ‘осколок’, не ‘отрезок’, не ‘кусочек’, даже не ‘кусочек хлеба’, а ‘хлеб’. Вот так из значения ‘резать’ возникает производное со значением ‘отрезанный кусочек’, затем — ‘кусочек чего-то определенного’ (чаще всего — хлеба) и, наконец, ‘хлеб’.

Как и в случае с вопросом о происхождении слова *каракатипца*, этимологи и при анализе слов *колоб* и *колобок* почти совсем не привлекают богатого диалектного материала славянских языков. Ниже будет фигурировать диалектный материал только русского языка, но в западно- и в южнославянских языках можно, видимо, найти также немало интересного. Возьмем, например, рус. диал. *колобки* ‘мелко нарезанные кусочки теста’ (пермское), а также ‘кушанье вроде молочной лапши’. В этом слове явно отражается связь с глаголом ‘резать’, а

не с круглой формой. Совсем не связано ни с хлебом, ни с круглой формой рус. диал. *калабашка* (аканье в безударной позиции; здесь *колоб-* — основа, *-ашк-* — вторичный суффикс) в значении 'отрезок доски'. И, наконец, последний пример. Рус. диал. (арханг.): *колоб* 'массовое скопление льда весной, ледяные торосы'. Как же увязать с круглой формой эти самые торосы? Не получается. Здесь не только нет никакой связи со словом *коло* или с «хлебом», но и производящая основа (глагол *колоть*) имеет значение не 'резать' (как в случае со словом *колобок*), а 'раскалывать' (ср. *колоть* лед, орехи). Здесь опять в рамках одной и той же словообразовательной модели значительно расходится семантика слов. Сравните: *каракавица* 'моллюск' и *каракавица* 'лягушка', *колоб* (этимологически) 'отрезанный кусок хлеба' и *колоб* 'торосы', т. е. взгромоздившиеся друг на друга расколотые куски льда.

Изложенная этимология как нельзя лучше подтверждается сопоставлением М. Фасмера: рус. *колобок* и лтш. *kalbaks*. Правда, М. Фасмер не делает из этого сопоставления никаких этимологических выводов. Между тем, оба слова совпадают буквально звук в звук, отражая единую праформу *kol-b-ok-os (корень *kol- глагола *kol-ti, первичный суффикс -b-, вторичный суффикс -ok- и флексия -os). Но главное: предлагаемая мною этимология слова *колобок* и реконструкция первичного его значения 'отрезанный кусок (хлеба)', 'резьень' надежно подтверждается тем, что именно это значение имеет лтш. *kalbaks*.²

Не менее важным словообразовательный аспект этимологического анализа является в случаях, когда речь идет о происхождении сложных слов. В частности, в случаях словосложения нужно уметь правильно определить, где находится граница, разделяющая два компонента сложного слова. Возьмем, например, слово *медведь* (по старой орфографии *медвьдь*). Что в этимологическом смысле означает это слово? *Медвьдь* — это тот, кто *ест* мед или тот, кто *ведает* 'знает' о меде? На этот счет существуют разные точки зрения. Интересно, как вы без подготовки ответили бы на этот вопрос. Давайте, не выбирая счетной комиссии, проведем открытое голосование. Кто за то, что вторым компонентом у этого слова будет корень *тд-*, а *медвьдь* — это 'медоед', пожалуйста, поднимите руки. Итак, всего один голос «за». А теперь поднимите руки те, кто считает, что второй компонент нашего слова связан с глаголом *вьдаты* 'знать'. Подавляющее большинство. Разу-

²В последнем этимологическом словаре Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой принята предложенная мною этимология слова *колобок* (Шанский, Боброва, 139).

меется, научные вопросы не решаются путем голосования. Вот и в данном случае один-единственный студент оказался прав, а все остальные ошиблись. Кстати, ту же самую ошибку допускают и преподаватели, опираясь при этом не на строгий этимологический анализ, а на свою интуицию, подходя к этимологии в духе Блаженного Августина.

В современном русском и в древнерусском языке и даже в тех формах, которые мы можем реконструировать, нет словообразовательной модели типа **мед-вѣдь*. Во-первых, в сложных словах, второй компонент которых связан с глаголом *вѣдать*, есть образования на *-вед* (*вѣдать*) (*правовед*, *охотовед* и мн. др.), но нет с конечным *-ведь* (*-вѣдь*). Кроме того, независимо от второго компонента (будь то *вѣд*- или *-ѣд-*), перед ним обязательно должен стоять тематический («соединительный») гласный *e* или *o*: *вод-о-воз*, *земл-е-мер* и др. Казалось бы, закономерными формами словосложения (при любом объяснении слова *медведь*) должны были быть **мед-о-вѣд(ь)* или **мед-о-ѣд(ь)* — с тематическим гласным *o*. Но подобный гласный в древности наличествовал только в том случае, если основа существительного оканчивалась на чередующийся гласный *e/o*. А если основа оканчивалась на иной гласный? Рассмотрим ряд индоевропейских соответствий русскому слову *мед*: ст.-сл. *мѣд-ъ*, лит. *med-ùs*, лтш. *med-us*, др.-инд. *madh-u* ‘мед’, др.-анг. *med-u* ‘медовый напиток’, др.-гр. *μέθυ* ‘хмельной напиток’ и др. Эти и другие индоевропейские соответствия неопровержимо свидетельствуют о том, что ст.-сл. *мѣд-ъ* и другие славянские слова представляют собой древнюю *-u*-основу, к которой и должен был присоединяться второй компонент словосложения. И если этот второй компонент начинался с гласного, то слогаобразующий гласный *u* в исходе первого компонента закономерно переходит в неслогообразующий *v*. Так, и.-е. **keg-u* ‘рог’ (древняя *-u*-основа) плюс флексия *-a* дает лат. *seg-v-a* ‘лань’ (букв. ‘рогатая’); др.-рус. *смѣдъ* ‘черный’ плюс та же флексия дает название реки *Смед-в-а*, букв. ‘Черная (река)’; *мед-ъ* плюс флексия *-a* — *мед-в-а* ‘медовая сыта’. Если к той же *-u*-основе *медъ* присоединить второй компонент *-ѣдь*, то у нас закономерно получается: *medu + ѣдь* → *мед-в-ѣдь* ‘медоед’.

В русском языке слово *ѣдь* засвидетельствовано в значении ‘еда’. А вот полностью соответствующее ему литовское слово *-ėdis* широко представлено в значении ‘едающий’ во вторых компонентах сложных слов. Например, *mės-ėdis* ‘мясоед’, ‘плотоядный’, *žuv-ėdis* ‘рыбоядный’, *duon-ėdis* ‘хлебоед’ и др. В названиях животных, кажется, вообще нет сложных слов со вторым компонентом ‘знающий, ведающий’. В то

же время, значение 'едящий' представляет собой широко распространенную семантическую универсалию: рус. *коро-ед*, *муравь-ед*, *пчело-ед*, лит. *pel-ėda* 'сова' (= 'едящая мышей'), *žuv-ėd(ra)* 'чайка' (= 'едящая рыбу') и т. п. Таким образом, и в плане семантическом этимология слова *медведь* 'медоед' хорошо вписывается в общую картину номинации животных, а связь этого слова с глаголом *вѣдать* является ошибочной, не учитывающей особенностей древнего индоевропейского словообразования, представляющей собой яркий образчик «народной» этимологии.

Примеры с этимологией слов *колоб(ок)* и *медведь* наглядно показывают, что узкие шоры одного лишь изучаемого языка нередко приводят к ошибочным выводам. Нельзя заниматься этимологией, оставаясь в рамках только одного русского или одних только славянских, одних германских, одного только латинского языка, потому что этимологию слова обычно можно объяснить лишь в том случае, если мы имеем представление о родственных индоевропейских языках, и то, что неясно в одном языке, может быть прояснено с помощью материала родственных языков.

Выдающийся французский лингвист А. Мейе с полным на то основанием утверждал: «Грамматик, изучающий какой-либо индоевропейский язык, если он не знает сравнительной грамматики, должен ограничиться простым констатированием фактов, не пытаясь вовсе давать им объяснения, так как иначе он рискует объяснить причинами, лежащими в данном языке, и его особенностями такие факты, которые древнее этого языка и происходят от совершенно других причин» (Мейе 1938: 32–33). В другом месте этот же ученый писал: «Грамматик вправе не знать сравнительной грамматики только в том случае, если он способен ограничиться простым наблюдением голых фактов, никогда не делая попытки их понять» (там же: 33). Эти важные положения А. Мейе, пожалуй, в еще большей степени применимы к этимологическим исследованиям.

В заключение мне хотелось бы вкратце остановиться на этимологии слова *верига* (обычно употребляется во множественном числе: *вериги*). До самого последнего времени в вопросе о происхождении слова *верига* среди этимологов не было разногласий. Слово это считалось исконно славянским, образованным с помощью суффикса *-ига* от *верти — глагола, реконструированного на основе ряда производных (*вервь*, *верья*, *веревка* и др.). В качестве соответствия приводилось также рус. диал. *верать* 'совать'. Кроме того, из родственных индо-

европейских языков обычно ссылались на лит. *vėrti* ‘нанизывать, вдевать’; ‘открывать, закрывать’ и ряд других примеров, очень далеких по значению от слова *верига*.

Однако в 1974 г. появилась статья И. Г. Добродомова (1974: 55–58), в которой отвергается эта этимология и утверждается, что слово *верига* является тюркизмом в славянских языках. Какие основания приводит И. Г. Добродомов для отказа от традиционной этимологии? Он пишет, что М. Фасмер объясняет южнославянское слово *верига* с помощью северновеликорусского диалектизма *верать*. Но, во-первых, диалектные слова очень часто оказываются ключевыми при решении многих этимологических задач, поэтому пренебрежительно относиться к диалектным данным едва ли сто́ит. Во-вторых, рус. диал. *верать* — всего лишь одно из звеньев (и отнюдь не самое убедительное) в цепи аргументов сторонников традиционной этимологии. Наконец, основное препятствие для признания славянского происхождения слова *верига* И. Г. Добродомов видит в весьма большой «подозрительности» существования на славянской почве суффикса *-ига*. Однако, например, в IV томе «Сравнительной грамматики славянских языков» А. Вайяна суффиксу *-г-* посвящено 13 страниц (Vaillant 1974: IV, 494–507). Там же с.-хрв. *верига* возводится к глаголу **верти*. Суффиксальному *-г-* посвящена статья профессора филологического факультета СПб. университета А. С. Герда (1975: 47–55), в которой приводится более 30 примеров с суффиксом *-ига* в русском западно- и южнославянских языках. Суффиксу *-ига* в говорах русского языка специально посвящена одна из работ Т. И. Вендиной (1977). Богатый фактический материал, представленный в этих, а также и в других исследованиях, делает утверждение И. Г. Добродомова о весьма большой «подозрительности» существования на славянской почве суффикса *-ига* совершенно необоснованным. Единственно, в чем И. Г. Добродомов прав, это подчеркнутая им слабость словообразовательного и, добавим, семантического обоснования славянской этимологии слова *верига*. Однако об этом речь пойдет ниже.

И. Г. Добродомов считает, что слово *верига* является тюркизмом в славянских языках. Приведя ряд производных тюркского корня *ör* ‘вязать, плести’, И. Г. Добродомов реконструирует дунайско-болгарское слово **вериг* со значением ‘путь’ или ‘веревка’, которое и послужило, по его мнению, источником предполагаемого заимствования. Наличие в болгарском языке вариантов *верига* и *веруга* он объясняет колебанием в огласовке второго слога (*и / ү*) «из-за разного проявления лаби-

ального сингармонизма в болгарских говорах» (Добродомов 1974 : 58).

Вся эта цепь рассуждений И. Г. Добродомова вызывает серьезные сомнения. Прежде всего, в отношении фонстической субституции в процессе предполагаемого заимствования из тюркских языков в славянские. Наличие сингармонизма в тюркских языках привело, как известно, к тому, что русские тюркизмы имеют весьма характерную фонетическую структуру. Наиболее типичными являются тюркизмы с гласными *y — a* (*кумач*), *y — y* (*тулун*), *a — y* (*арбуз*), *y — ю* (*утюг*), *и — ю* (*изюм*) и т. п. Др.-тюрк. *öruk*, или *örük*, дало бы в русском языке что-нибудь вроде *урюг, или *урюк (и такое слово, действительно, есть, но с совершенно другим значением). Понимая это, И. Г. Добродомов в качестве источника заимствования предлагает видеть реконструированную им на основе чувашского языка дунайско-болгарскую форму *вериг. Однако это слово нигде в тюркских языках не засвидетельствовано (в том числе и в чувашском языке, на который ссылается автор). Его реконструкция не подкрепляется ни одним примером, где тюрк. *ö — ü* передавалось бы посредством чув. (*в*)*e — и*. В фундаментальном исследовании Н. К. Дмитриева (1958) о тюркизмах в русском языке из 360 примеров нет ни одного даже среди сомнительных тюркизмов, с последовательностью гласных *e — и* в первом и втором слоге (слово *верига* имеет именно такую последовательность).

Новая этимология И. Г. Добродомова находится в противоречии также с историческими данными. Тюркские племена под предводительством Аспаруха, как известно, появились на Нижнем Дунае во второй половине VII в. А уже в IX в. в греческих источниках упоминаются славянские топонимы с основой *вериг-*, но они не связаны со значением 'пути, веревка', а отражают широко представленные в южнославянских языках географические или ботанические значения: 'ущелье', 'горный проход', 'залив', 'затон', 'повилика' (*бот.* = 'вьюнок') и др. Трудно предположить, чтобы за 150–200 лет слово, заимствованное из тюркского языка, приобрело в разных славянских языках (болгарский, македонский, сербохорватский) новые (столь отличные от исходного) значения, которые в тот же период нашли свое отражение в топонимике. К тому же, этому противоречила бы хорошо известная терминологическая устойчивость тюркизмов в славянских языках. Ср., например, из области цветообозначений: тюркизмы *каурыи* и *буланыи* употребляются только применительно к масти лошадей, нельзя сказать **девушка с каурыми глазами* или *с булаными волосами*. Наконец, если варианты *верига* и *веруга* объяснять колебаниями тюркского сингар-

монизма, то придется признать тюркизмами и такие исконно славянские слова, как рус. диал. *вязага* и *вязага*, *дерига* и *дериуга* — все с тем же «подозрительным» суффиксом *-ига*.

Итак, ни негативная, ни позитивная части статьи И. Г. Добродомова не дают нам оснований для того, чтобы отказаться от славянского происхождения слова *верига* в пользу гипотезы о тюркском его источнике. Однако уже самый факт появления этой статьи свидетельствует о том, что представленные в различных словарях (и иных лингвистических работах) этимологии слова *верига* нуждаются в более аргументированном обосновании, особенно, как уже отмечалось, в словообразовательном и семантическом плане.

Рассмотрим несколько примеров с этим суффиксом из говоров русского языка: *ведига* 'плот с перилами', *венига* 'растение семейства ивовых', *вязага* 'полено, не поддающееся колке' и *вязага* 'вязкая красная глина', *дерига* 'чехол для матраса' и *дериуга* 'буря, вьюга', *живига* 'невысохший слой скошенной травы'. Здесь нет необходимости давать исчерпывающий список подобных образований. Полный параллелизм в формировании вариантов *дерига* и *дериуга* (а также *дериуга*) — с одной стороны, болг. *верига*, *веруга* и рус. диал. *верюга* — с другой, во-первых, снимают упрек И. Г. Добродомова в том, что при исконно славянской этимологизации варианты *верига* и *веруга* остаются необъяснимыми, ошибочно полагая, что эти варианты можно объяснить только сингармонизмом в тюркском заимствовании. Во-вторых, бесспорна связь слов *дерига* и *дериуга* с глагольным корнем *дер-* 'драть' (ср. также и другие приведенные примеры) убедительно говорит о том, что болг. *верига*, *веруга* и рус. диал. *верюга* также представляют собой производные глагольного корня *вер-* (глагол *verti).

Но здесь возникает важный семантический вопрос: какое конкретное значение мы должны реконструировать для этого глагола применительно к этимологии слов *верига* и *веруга*? Ссылки на рус. диал. *верать* 'совать' или лит. *vėrti* 'открывать, закрывать' и на такие производные, как *веревка*, *верей* и др. делают этимологию слова *верига* весьма расплывчатой. Данное обстоятельство, видимо, и побудило И. Г. Добродомова к поискам тюркского источника. Поскольку интересующие нас слова наиболее широко представлены в южнославянских языках, а русское литературное *вериги* — явный старославянизм, обратимся к одной словообразовательной модели, наиболее четко отраженной в сербохорватском языке.

Возьмем для сравнения два и.-е. корня *vei- (в славянском *vei- дает *ви-*) и *veg- (в славянском *вер-*). Значение первого корня хорошо известно: ‘вить’, ‘свивать’, ‘сплетать’, ‘сгибать’ и т. п. Полный параллелизм серии производных этих корней в сербохорватском языке позволяет их рассматривать как корни синонимичные:

и.-е. *vei- (→ <i>ви</i>)	и.-е. *veg- (= <i>вер-</i>)	
<i>vi`jati (se)</i>	<i>ve`rati (se)</i>	‘вить(ся)’,
<i>vi`juga</i>	<i>ve`ruga</i>	‘извилина, излучина’,
<i>vi`jugati se</i>	<i>ve`rugati se</i>	‘вить(ся), извилив(ся)’,
<i>vi`jugav</i>	<i>ve`rugav</i>	‘вьющийся, извилистый’,
<i>vi`jugast</i>	<i>ve`rugast</i>	‘вьющийся, извилистый’.

В этом ряду сопоставлений естественное место занимает слово *ve`ruga*, которому в болгарском и в диалектах русского языка соответствует параллельное образование *верига*. Приведенная развернутая словообразовательная модель, в славянском происхождении которой сомневаться не приходится, дает совершенно однозначный ответ на вопрос о происхождении слова *верига*. Реконструкция глагола *veg-ti ‘вить, сплетать’, а не ‘открывать, закрывать’ или ‘совать’ (как это обычно дается в этимологических словарях), легко объясняет подавляющее большинство значений слова *верига*, *веруга* и *верюга* в различных славянских языках. Прежде всего, болг. диал. *верига* и *веруга* — название растения *Convolvulus arvensis* (т. е. ‘повилика’) — оказывается полностью совпадающим с его латинским термином, образованным от глагола (con)volvere ‘вить, поворачивать, извиловать’. Такие значения слова *верига* (в южнославянских языках), как ‘залив’ и ‘ущелье’, наряду с ‘извилина’ и ‘излучина’, легко объяснимы семантически и подтверждаются, например, аналогией с лат. *sinus* ‘залив’, ‘ущелье’ и ‘изгиб’, ‘извив’.

Терминологическое значение глагольного корня *veg- ‘вить’ (ср.: *вить веревку*) нашло свое отражение в рус. диал. *верать*, но не в значении ‘совать’, приводимом в словаре М. Фасмера, а в значении ‘плести (лапти, корзины, сети)’. Этих важных значений глагола *верать* не приводит ни М. Фасмер, ни авторы других этимологических словарей. Между тем именно из значения глагольного корня *вер-* ‘плести’ можно наиболее правдоподобным образом установить этимологию слова *вериги* ‘оковы, узы, путы’. Этимологически речь здесь должна идти не об *оковах* (*ковать*), а об *узах* (*вязать*), т. е. о плетеной веревке, которой связывали врага или преступника. Кстати, слова *вервь* и *ве-*

ревка образованы от того же корня *вер-* (ср. такие названия веревок, как *витень* и *плеть*, отражающие ту же семантическую основу номинации). Связь слова *верига* с глагольным корнем *вер-* ‘плести’ надежно подтверждается материалом русских народных говоров. Так, рус. диал. *верюга* — это ‘плтешка’, ‘корзинка, кузовик’, *верюшка* — ‘плетенка, плетушка, корзина из лозняка’, *верига* — ‘небольшой стог сена’ (ср.: *вить сено*).

Предложенная уточненная в словообразовательном и семантическом отношении этимология слова *верига* и реконструкция корня *вер-* в значении ‘вить, плести’ позволяют внести существенные коррективы также в этимологии других родственных слов. Но это — уже тема для отдельного разговора.³

---

³ См. также статью (Откупщиков 1981), где, в частности, приведены многочисленные примеры производных с суффиксом *-ига* (*-уга*) в диалектах русского языка.

ИЗ ИСТОРИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ* (рус. *звено, лоно, брашно, гумно, вено*)

Каждый язык, по меткому выражению Жана Поля, является «словарем потускневших метафор». С еще большим основанием можно было назвать язык «словарем потускневших этимологий». И действительно, если мы возьмем лексику современного русского языка, то увидим, что слов с очевидной, «прозрачной» этимологией очень мало: сказано действие деэтимологизации, которое часто бывает связано с процессами словообразования. Если тот или иной словообразовательный суффикс утрачивает свою продуктивность, то постепенно целая группа слов может подвергнуться действию деэтимологизации. Так, вряд ли кто-нибудь, кроме специалистов-филологов, ощущает в настоящее время связь между словами *масло* и *мазать*, *весло* и *везти* (образования на *-сло*), между *руно* и *рвать*, *зерно* и *зреть* (образования на *-но*) и т. п. Анализу древнейших отглагольных образований на *-но* и посвящены настоящие этимологические заметки.

---

* Статья была опубликована в книге: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1966. Вып. V. С. 79–93.

Л. А. Булаховский писал, что «едва ли не все образования на *-но* теперь в русском языке принадлежат к деэтимологизировавшимся» (Булаховский 1949: 170). Значительная часть русских существительных на *-но* восходит к древнеиндоевропейским отглагольным образованиям с суффиксом **-по-/*-пā*. Эти образования представляли собой отглагольные прилагательные, впоследствии подвергшиеся субстантивации. Связь с глагольным корнем в отдельных случаях довольно отчетливо проявляется даже в современном русском языке: *веретенó*, *сукнó*, *волоknó*, *толокнó*. Часто эта связь может быть установлена только после тщательного изучения истории слова и после сопоставления его с родственными индоевропейскими языками: *зернó* (*зреть*), *полéно* (*полыти*), *пшенó* (*пихать* 'толочь'), *рунó* (*рвать*). Возможно, что к этой группе слов следует отнести *ряднó* (ср. *рядить*, а не *ряд* — как обычно принято считать) и некоторые другие слова.

Подобными же образованиями, восходящими к отглагольным прилагательным мужского рода, являются, например, слова *сон* (< ст.-сл. *сънъ* < **съпнъ*, ср. *съпати*, а также лит. *sāpnas*, др.-инд. *svárnaḥ* др.-гр. *ῥνος* 'сон' и др), *дерн*, *горн*. Из отглагольных образований женского рода с тем же суффиксом (**-пā*) отметим слова: *лунá*, *струнá*, *ценá*, *странá* (*сторонá*), *домнá*. В отдельных случаях глагол, послуживший основой для образования указанных слов, вышел из употребления в русском языке. Тогда существенную помощь при определении этимологии слова могут оказать данные родственных индоевропейских языков. Так, слово *луна* (ст.-сл. **ЛОУНА**) образовано от **louk-s-pā* (ср. *луч*, *излучать*), о чем свидетельствуют др.-гр. *λύχνος* 'светильник', др.-прус. *laichnos* 'звезды', авест. *gauxšpa-* 'блестящий', а также лат. *lucēre* 'светить', наряду с *lūx* 'свет', *lūpa* (диал. *Lospa*) 'луна'. Следовательно, слово *луна* восходит к древнему отглагольному образованию, означавшему 'блестящая, светящая, светило'.¹ Аналогичным образом возникли и остальные перечисленные выше слова, оканчивающиеся на *-но*, *-н*, *-на*. Этимология всех этих слов установлена уже давно и достаточно надежно; относящаяся к данному вопросу литература указана в этимологических словарях А. Г. Преображенского и М. Фасмера. Время возникновения образований с суффиксами **-по-* и **-пā-* не может быть определено с достаточной точностью. Часть из них относится, несомненно, еще к индоевропейскому периоду, часть — к общеславянскому. Поэтому термин «праславянский» в заголовке настоящего очерка следует понимать условно.

¹Ср. также с. 93 настоящей книги.

Среди русских слов на *-но* имеется немало таких, этимология которых до сих пор остается неясной: *звено*, *лоно*, *вено* и др. Остановимся на анализе этих слов и попытаемся выяснить их происхождение.

Звено

«Ein schwieriges Wort», — пишет о нем М. Фасмер (Vasmer I, 448). Предположение о ранней метатезе (*звено* < *zenvo), высказанное еще в XIX в., выглядит совершенно неправдоподобным. В русском языке нет ни одного существительного на *-нво* и в то же время сохранилось много древнейших образований на *-но*. И. Миккола — автор этимологии, предполагающей метатезу *zenvo > *звено*, исходил не из анализа структуры русского слова, а из поставленной а priori задачи: связать рус. *звено* с др.-гр. ῥόβυ, др.-инд. jāpu, лат. genu 'колено' и т. п. (Mikkola 1893: 351–352). Не менее странную этимологию предложил и А. Вайан. Он сопоставил слово *звено* с лит. žuvis 'рыба' и сделал вывод о том, что первоначально слово *звено* означало 'кусочек рыбы' (Vaillant 1938: 247–248). Среди многочисленных (свыше десяти) оттенков значений слова *звено* действительно есть и значение 'кусочек рыбы' (в диалектах) (Даль, I, 672), но это отнюдь не делает данную этимологию более убедительной. К тому же эта этимология неприемлема и по фонетическим соображениям: суффиксальное образование от *zǐvǐ 'рыба' дало бы производное *zǐvǐno, а не *звено*. М. Фасмер одно из значений слова *звено* ('стекло в окне') выделяет как омонимическое слово и связывает его с глаголом *звенеть*. Это предположение также маловероятно, ибо стекло появилось у славян много позднее слова *звено*, а слюда или рыбий пузырь, употреблявшиеся до этого, как известно, не обладают способностью звенеть. Гораздо естественнее предположить, что в этом последнем значении слово *звено* утвердилось как часть окна, содержащая отдельный кусочек слюды или стекла.

Предложенные этимологии, кроме того, не объясняют древнего собирательного оформления множественного числа этого слова: *звенья*² (ср. *братья*, *листья*, *колосья*, *хлопья* и т. п.). Слово *звенья* в своем древнейшем виде должно было означать какую-то совокупность однородных предметов. Ни значение 'колено', ни 'кусочек рыбы' для этого не подходят.

Учитывая, что значительная часть русских образований на *-но* имеет отглагольное происхождение, можно предположить, что слово *звено*

²Наряду с более редкой в настоящее время формой *звена*.

восходит к форме *zven-по. В фонетическом отношении предлагаемое нами толкование в принципе не отличается от объяснения М. Фасмера (*звено* < *zven-по), который, сопоставляя слова *звено* и *звенеть*, по существу следовал за В. Далем. Однако в качестве исходной формы целесообразнее рассматривать форму *звенья* < *zven-п-ja. Если учесть, что эта форма является собирательной формой множественного числа, то можно предположить, что слово *zvenпja является по своему происхождению отглагольным прилагательным со значением 'звенящие, звякающие' (украшения). В семантическом отношении подобными же образованиями являются такие слова, как рус. *побрякушка* (*брякать*), *погремушка* (*греметь*), нем. Klapper (klappen), лат. sperundia (sperere) 'побрякушка, погремушка'. Можно предполагать, что словом *zvenпja в глубокой древности обозначались ожерелья или части конской сбруи и прочие украшения, звенящие или звякающие при движении. Отдельный элемент подобного украшения мог получить название *zvenпо (букв. 'звенящее'). Если украшения делались из костей (животных или рыб), в частности, из позвоночных костей, то слово *zvenпо могло, естественно, перейти на названия этих костей (ср. *звено* в смысле 'позвонок' и самое слово *позвонок* — с иной огласовкой того же корня *zven-/zvon-). Отсюда легко объяснить и такие значения, как *звено осетрины* 'ломоть во всю толщину рыбы' (Даль, I, 672), т. е. кусок рыбы, примыкающий к ее позвонку (или к небольшой группе позвонков). Ожерелье в виде металлической цепочки могло явиться исходным пунктом для сочетаний типа *звено цепи*. Остальные значения слова *звено* не нуждаются в каких-либо особых объяснениях.

Итак, этимологическое истолкование слова *звено*, включающее его в целую систему подобных же слов (*руно*, *пшено*, *зерно* и т. п.), позволяет рассматривать это слово как древнее отглагольное образование с суффиксом *-по: *звено* < *zven-по 'звенящее, звякающее, бречащее, побрякушка'.

Лоно

Вывод М. Фасмера о происхождении этого слова также малоутешителен: «Herkunft unklar» (Vasmer, II, 57). Ни одна из предложенных этимологий не может быть признана удовлетворительной. Обычно слово *лоно* возводят к форме *lokпо или *loksпо, которую сопоставляют с др.-гр. λεχάνη 'таз, лохань', лат. lapx 'миска, чашка' или с др.-гр. λοζός

‘косой, кривой, изогнутый’ и с рус. *локоть* (Mikkola 1897: 246; Преображенский, I, 486; Младенов, 279; Vasmer, II, 57 и др.). Согласно этой этимологии, *лоно* означало нечто изогнутое, косое. Другие сопоставления вряд ли более удачны: *лоно* < *lorпо (Грюненталь 1913: 147) (ср. нем. Larpen ‘тряпка, лоскут’ и англ. lap ‘пола’ и ‘лоно’); *лоно* < *lotno (Mikkola 1913: 127) (ср. др.-инд. aratniḥ ‘локоть’). Наконец, предполагалась также связь слова *лоно* с др.-исл. legger ‘нога, бедро’ и со швед. диал. lakka ‘бежать’; см. (Reichelt 1912: 349–350). В словарях Э. Бернекера (Berneker, I), А. Вальде (Walde), Ю. Покорного (Pokorny) и М. Фасмера (Vasmer, I–III) все эти объяснения даны как неубедительные, а приведенный выше окончательный вывод Фасмера говорит о том, что вопрос об этимологии слова *лоно* остается открытым.

Нам кажется, что самым существенным недостатком всех перечисленных выше этимологий является стремление объяснить происхождение славянского слова, исходя из данных древнегреческого, древнеиндийского и даже современного шведского языка, но без достаточно серьезного анализа славянского материала и самого исследуемого слова.

Прежде всего, мы уже видели, что значительное количество русских существительных на *-но* является отглагольными образованиями. Правда, большинство из них имеет ударение на конечном слоге, которое соответствует древнему месту индоевропейского тона. Однако в ряде надежно засвидетельствованных случаев — по причинам для нас неясным — это древнее ударение переносилось с суффиксальной части на корень: *вѣно* — наряду с *пшенѡ*, *рунѡ*; *дѡмна* — наряду с *лунá*, *струнá*; др.-гр. τέχνον ‘дитя’ (букв. ‘рожденное’) наряду с στυγός, στυγός и др. Следовательно, не совсем обычное место ударения не опровергает предположения об отглагольном происхождении слова *лоно*. В. И. Даль, не касаясь вопроса об этимологии слова *лоно*, рассматривает его, однако, вместе со словами, образованными от корня *лег-/лог-* (ср. *лог*, *лежбище*, *логово* и т. п.) (Даль, II, 262). Видимо, тонкое языковое чутье не обмануло В. Даля. Именно глагольный корень *leg-/*log- хорошо подходит для объяснения этимологии слова *лоно*. Этот корень широко распространен в славянских языках, и нам нет нужды обращаться за помощью к этимологическим «варягам». Более того, в старославянском и древнерусском языках засвидетельствовано слово, этимология которого не может вызвать никаких сомнений и которое является, на наш взгляд, лишь своего рода морфологическим вариантом слова *лоно*: *ложеснѡ* или (чаще) *ложеснá* (множественное число) ‘матка, утроба матери’. В словообразовательном отношении

анализ слова *ложесно* не вызывает особых затруднений: *log-e-s-по состоит из корня *log- (чередующегося с *leg-) 'лежать' и 'класть', тематического гласного -e-, детерминатива -s- и суффикса -по. Слово *лоно* восходит к точно такой же, но атематической форме: log-s-по > *лоно* — с обычным выпадением группы смычный + s перед носовым.³ Следовательно, первоначальное значение слова *лоно* — то же самое, что и у *ложесно* 'места, где лежит плод', т. е. 'матка, утроба, чрево'. Отсюда легко объясняются все иные значения слова *лоно*, засвидетельствованные в русском и в других славянских языках: 'rudenda', 'грудь' и др. Все эти значения тесно связаны с местом нахождения ребенка до и после его рождения. Изменение значения: 'место, где лежит плод' → 'место, где лежит родившийся ребенок' — является не только допустимым, но и вполне логичным.

Реконструкцию *logspo > *лоно*, но без развернутой аргументации, предлагал Р. Якобсон (Jakobson 1955: 613); см. также Шанский, 185.

Брашно

В отличие от двух предыдущих слов *брашно* (или *борошно*) имеет общепризнанную и довольно хорошую этимологию. Это слово обычно сопоставляют с лат. far 'полба', 'мука', farīna 'мука', готск. barizeins 'ячневый, ячменный', др.-исл. baǰg, др.-англ. bere 'ячмень', лтш. baigba 'еда, пища', baigiot 'кормить, откармливать' (Pedersen 1895: 54). Все эти слова, в свою очередь, возводятся к и.-е. корню *bhāres- 'ячмень' или даже к корню *bhāges-, *bhāgs-, 'острый' (ср. др.-инд. bhṛṣṭīh 'острие') (Преображенский, I, 43). Согласно этому толкованию, ячмень получил свое наименование от остьев его колосьев.

Сколь ни многочисленны сопоставления, приведенные в пользу этой этимологии, они все же вызывают некоторые возражения. Прежде всего, древние славянские существительные на -но (а сомневаться в древности слова *брашно* у нас нет никаких оснований) обычно восходят к отглагольным образованиям. Кроме того, вторая половина сопоставления (связь корня *bhāres 'ячмень' со значением 'острый') выглядит весьма натянутой. Наконец, предполагаемое первоначальное значение слова *брашно* 'ячневое' не сохранило следов в славянских языках, где это слово чаще всего означает 'мука' (с.-хрв. *бра̋шно*, болг.

³Наличие параллельной формы *ложесно*, видимо, воспрепятствовало фонетически закономерному удлинению корневого гласного в слове *лоно* (o > ō > a). Таким образом, краткое корневое o в слове *лоно* имеет аналогическое происхождение.

брашно и др.), а в отдельных диалектах русского языка ‘ржаная мука’ (Даль, I, 118). Нам кажется, что именно из значения ‘мука’ и следует исходить при рассмотрении этимологии слова *брашно*.

Среди индоевропейских слов со значением ‘мука’ наиболее распространенными являются слова, образованные от корней *melə- и *peis-: лит. *miltai*, лтш. *milti*, др.-пруск. *meltan*, др.-в.-н. *melo*, алб. *miel* (ср. также рус. *помол*); др.-инд. *piṣṭām*, н.-перс. *pišt*, ст.-сл. **ПЫШЕНО** (ср. также др.-в.-н. *fesa* ‘шелуха от зерна’). Этимология той и другой групп слов одинакова и совершенно очевидна. Перед нами всюду отглагольные образования со значением ‘размолотое, раздробленное, растертое (зерно)’, о чем свидетельствуют соответствующие глаголы: лит. *málti*, лтш. *mált*, лат. *molere*, готск. и др.-в.-н. *malan*, рус. *молоть*, брет. *malaf* ‘молоть’, др.-в.-н. *muljan* ‘дробить’, др.-гр. *μύλλειν* ‘дробить, молоть’, хет. *malanzi* ‘дробят’, арм. *malem* ‘дроблю, разбиваю’, др.-инд. *piṇaṣṭi* ‘дробит, толчет’, лат. *pinsāre* ‘толочь, растирать’ (ср. *pistor* ‘мукомол, мельник’), рус. *пихать*, др.-гр. *πίσσω* ‘дробить, толочь’, лит. *raisýti* ‘толочь, обдирать (ячмень)’. Приведенные примеры, охватывающие все основные группы индоевропейских языков, говорят о том, что два наиболее распространенных в этих языках слова со значением ‘мука’ образованы от глаголов, означающих ‘дробить, толочь, молоть’. Поэтому мы вправе допустить, что и слово *брашно* (ст.-сл. **БРАШЬНО**, рус. *борошно*) имеет подобное же происхождение. Обратим внимание на структуру этого слова. Конечная его часть с суффиксом *-но* очень напоминает распространенные в древнеиндийском и в балтийских языках отглагольные образования, у которых между детерминативом **-s-* и суффиксом **-n-* находится тематический гласный: др.-инд. *saksáṇaḥ* ‘побеждающий’ (*sah-* ‘побеждать’), др.-пруск. *rowaiseni* ‘совесть’ (*waid-* ‘знать’) и др. (Brugmann, Delbrück 1897–1916: II, 1, 267–269, 290). Поэтому можно предположить, что *-шьно* < **-si-no(m)*, а *бра-* < общеслав. **boh-* < и.-е. **bhǵ-*. Это фонетически закономерное восстановление говорит о том, что корень *bhǵ-* утратил свой конечный смычный, очевидно, выпавший перед *s* (ср. др.-пруск. *waisnā* ‘знание’ < *waidsnā).⁴ Полученные данные позволяют нам найти искомый корень. Это будет и.-е. корень **bhreg-* со ступенью огласовки **bhǵǵ-*. Следовательно, и.-е. **bhǵǵ-s-i-no(m)* > общеслав. *borg-s-i-no > *borsino > ст.-сл. **БРАШЬНО** и рус. *борошно*. Корень **bhreg-* в различных индоевропейских языках имеет значение ‘дробить, толочь, размельчать’:

⁴ Выпадение смычного перед *s* известно и в славянских языках (ср., например, формы сигматического аориста *вѣсѣ* < *vedsǵ, *грѣсѣ* < *grebsǵ и т. п.).

лат. *frangere*, готск. *brīkan* (нем. *brechen*, англ. *break*), др.-гр. (F) $\rho\eta\gamma\upsilon\upsilon\mu\iota$ и др. Глаголы, образованные от этого корня, так же как и глаголы с корнем **melə-* и **reis-*, могли употребляться в значении 'молоть'. Особенно это относится к латинскому глаголу *frangere*, который мог выступать в качестве синонима к *molere* (Plin. *Hist. Nat.*, 18, 72; 18, 116–117). В ирландском языке слово *brán* 'отруби', также было образовано от корня **bhreg̃*: *brán* < **bhreg̃-po-m* 'размолотое (зерно)'.⁵ Таким образом, слово *брашно* является морфологической параллелью к ирландскому слову *brán*: *брашно* < **bhrg̃-s-i-po-(m)* 'размолотое (зерно)' → 'мука' — тематическое образование с детерминативом *-s-*, в то время как ирл. *brán* < **bhreg̃-po-(m)* — атематическое образование без детерминатива. Подобные параллельные образования, как мы уже видели, возможны даже в рамках одного языка; тем более они возможны в различных индоевропейских языках.

Гумно

Этимология этого слова также является почти общепризнанной. А. Л. Погодин объяснил его как *compositum*, первой частью которого является корень **goц-* 'бык, корова' (ср. *говядо*), а второй — глагольный корень **тep-* 'мять': *гоумьно* < *gutino 'место, где рогатый скот мнет (колосья)', вытаптывая из них зерно (Погодин 1903: 234–235). В подтверждение правильности этой этимологии обычно ссылаются на «Илиаду» Гомера (XX, 495–497), где подробно описан древний способ обмолота зерна. Объяснение А. Л. Погодина было принято Бернекером, Фасмером и почти всеми другими исследователями. Против этого объяснения неоднократно выступал, кажется, один только В. Махек. Признавая этимологию А. Л. Погодина остроумной, он тем не менее указывает на отсутствие в славянских языках сложных образований подобного типа (Machek 1926 : 343), на необычность суффикса *-o*, присоединяемого непосредственно к глагольной основе (Machek, 150).⁶ К возражениям В. Махека следовало бы добавить еще одно: в наиболее архаичных чакавских говорах сербохор-

⁵Об изменении значения: 'размолотое (зерно)' → 'мука с отрубями' → 'отруби' см. очерк об ирл. *brán* на с. 332 слл. настоящей книги.

⁶В докладе на Международном симпозиуме по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии (Москва, 1984 г.) В. И. Абаев также подверг критике словообразовательную несостоятельность этимологии А. А. Погодина. К сожалению, как сообщил мне В. И. Абаев, настоящая статья осталась ему неизвестной.

ватского языка интересующее нас слово засвидетельствовано в форме *gubnǫ*. О том, что перед нами не случайное отклонение от нормы, говорит словен. *gǫbnǫ*, а также формы *губно́*, *гүвно*, *gǫvno*, засвидетельствованные в диалектах русского, сербохорватского и болгарского языков. На основании этих данных еще А. А. Потебня установил, что наиболее правильным в фонетическом отношении будет восстановление исходной формы **gubīno* (Потебня 1876: 29). И действительно, переход губного смычного в соответствующий носовой (*b* или *p* > *m*) под ассимилирующим воздействием последующего *p* — обычное явление в индоевропейских языках,⁷ в то время как предположение об обратном изменении вряд ли допустимо. Тот же А. А. Потебня стремился видеть в слове *гумно* отглагольное образование со значением 'утоптанная площадь'. Однако, правильно вскрыв морфологическую структуру слова, он неудачно связал его с глагольным корнем *гъм-* 'ползти, двигаться' (Младенов, 114).⁸

Слово *гумно*, нам кажется, не может быть составным. Такого рода *compositum* невозможно обосновать в плане словообразования. *Гумно́* — это, вероятнее всего, отглагольное образование с суффиксом *-но*, подобное разобранным выше словам типа *руно́*, *пшено́* *звенó* и т. п. В современном русском языке слово *гумно* имеет два основных значения: 1) сарай для сжатого хлеба; 2) крытый молотильный ток. Примерно такое же распределение значений засвидетельствовано и в древнейших памятниках старославянского и древнерусского языков. В церковнославянских текстах слово *гоумьно* соответствует обычно др.-гр. *ἀποθήκη* 'житница, склад для хлеба' и *ἄλλωξ* 'молотильный ток'. Какое из этих двух основных значений является первичным — установить трудно. Хозяйственные постройки, примыкающие к току, легко могли получить от него свое наименование. Однако и обратное изменение (или расширение) значения этого слова является не менее вероятным. Оставив вопрос о первичности того или иного значения слова *гумно* открытым, рассмотрим два возможных решения стоящей перед нами этимологической задачи. В качестве исходной для того или другого решения возьмем форму **goubīno* — наиболее архаичную из всех засвидетельствованных форм этого слова.

⁷Ср. напр., лат. *somnus* 'сон' < **sopnos* (*sopīre* 'усыплять'), умбр. *tremnu* < **trebno* и т. п.

⁸Ст. Младенов также сопоставляет болг. *гумно* с *гъмжа* 'утоптанное место', ничем не подтверждая своего сопоставления. А. Мейе выделяет в слове *гумно* суффиксальную часть *-īno*, присоединенную к корню **gum-* неизвестного происхождения (Meillet 1905: II, 447).

Если исходить из значения 'сарай для сжатого хлеба' или 'житница', то само собой напрашивается сопоставление с лтш. *gubenis* 'сенной сарай', 'пристройка для снопов на риге' (Mühlenbach, II, 674; Fraenkel, 140).⁹ Близкими по значению словами являются также лтш. *guba*, лит. *gubà* 'копна (сжатого хлеба, сена)', лтш. *gubât*, лит. *gubóti* 'копнить', а также лит. *gūbrgas* 'курган, насыпь', *gobtūras* 'навес у очага', 'женский головной убор'. Все эти слова находятся в связи с литовским глаголом *gaũbti* в значении 'покрывать'. Следовательно, мы вправе предположить, что слово *goubīno имело когда-то значение 'покрытое (место)', 'укрытие' (для хранения сжатого хлеба или скошенного сена) → 'покрытое (место)' для обмолота зерна (ток).

Столь же возможной представляется нам и другая этимология слова *гумно*, принимающая в качестве исходного значения 'молотильный ток'. А. А. Потебня считал, что это слово должно было получить свое наименование от утопанной площадки, которая служила током. Однако прежде, чем утаптывать площадку для молотбы, ее следовало очистить от травы, кустов и другой растительности. Поэтому мы считаем возможным предложить следующую этимологию слова *гумно*: *goub-ī-но (от глагола *goubīti 'уничтожать') первоначально означало очищенное от растительности («выгубленное») место, на котором обмолачивали хлеб. Эта этимология предполагает (по сравнению с первой этимологией) расширение значения: 'ток' → 'ток и житница'. Отношение слова *гумно* (< *губно*) к глаголу *губить* — такое же, как отношение слов *сукно*, *рядно* к *сучить*, *рядить* или слова *луна* — к *-лучить*. В семантическом отношении последняя из предложенных нами этимологий может быть подкреплена ст.-сл. **ГОУМЪНЫЦЕ** 'тонзура', если только последнее не явилось следствием метафоры.

Вено, ст.-сл. ВЪНО¹⁰

В связи с происхождением этого слова, как и в случае со словом *звено*, М. Фасмер замечает: «Ein schwieriges Wort» (Vasmer, I, 182–183). Трудность в данном случае состоит не в отсутствии приемлемых объяснений, а в наличии двух различных — примерно равноценных — толкований. Оба толкования были выдвинуты еще в XIX в. Согласно первому из них слово *вено* восходит к форме *vēsno и является

⁹Приведенное нами сопоставление встречается уже у Ф. Миклошича, который, однако, не делает из него никаких выводов (Miklosich¹, 81).

¹⁰См. также: Откупщиков 1967: 243–244.

родственным лат. *vēpus* ‘продажа’, др.-гр. *ῥνος* (< *vōsnos), др.-инд. *vaspāt*, арм. *gip* ‘цена, плата’. Вторая этимология связана с и.-е. корнем **ved(h)*- ‘вести’: ст.-сл. **ВѢНО** (< *vĕdno), др.-гр. *ἔδνον* и *ἔεδνον* (< *vednon) ‘брачные дары’, ‘приданое’, *ἔδνωάω* ‘снабжать приданым (выдавать замуж)’, *ἔδνωσμαι* ‘получать приданое’, ‘одарять брачными дарами (брать в жены)’, др.-в.-н. *widomo*, *widemo*, др.-анг. *weotuma*, *wituma* ‘цена’ (Vasmer, I, 182–183),¹¹ лит. *vedù*, *vèsti* ‘жениться’, *paivedà* ‘невеста’, др.-рус. *водити жену*,¹² др.-инд. *vadhūh*, авест. *vadū* ‘невеста, молодая жена’ и др. М. Фасмер и Ю. Покорный в своих словарях отдают предпочтение первой этимологии (Vasmer, I, 183; Рокоту, 1116, 1173), О. Н. Трубачев — второй (Трубачев 1959а : 114). Причем, первая этимология обычно считается более приемлемой в фонетическом отношении, вторая — в смысловом.

Нужно сказать, что против обоих толкований были выдвинуты очень серьезные возражения фонетического характера. И.-е. *vĕsno или *vesno дало бы в старославянском *вѣсно или *весно, а не *вѣно* (ср. ст.-сл. **ПѢСНЬ**, **БАСНЬ**, **ОУЖАСНАЖТИ**, **ВЕСНА**, где *s* сохранилось перед *n*). Точно так же *vĕdno не могло дать ст.-сл. **ВѢНО**, ибо в противном случае западнославянские языки сохранили бы *d* (ср., в частности, пол. *wiano* без *d*) (Соболевский 1895: 84–85; 1911: 105; 1922: 327). К этому следует добавить, что др.-гр. *ἔδνον* и другие родственные слова отражают индоевропейский корень **ved(h)*-, а не **vĕd(h)*-. Если принять, что ст.-сл. **ВѢНО** относится к этому же корню, то долгота гласного *ѣ*, остававшаяся до сих пор без удовлетворительного объяснения, окажется непонятной. Именно поэтому, несмотря на всю убедительность сопоставления ст.-сл. **ВѢНО** с др.-гр. *ἔδνον* в семантическом отношении, большинство исследователей, исходя из фонетических соображений, отказались от этого сопоставления. К. Бругман возводил ст.-сл. **ВѢНО** к **vĕd(h)mpno*, но не смог привести ни одного примера для подтверждения возможности подобного изменения (Brugmann, Delbrück, 1897–1916: II, 261). В. Махек предполагает изменение *vedno > *vĕpno > *vĕno* (Machek, 561), однако и это предположение не может быть подтверждено какими-либо примерами. О. Н. Трубачев в своем исследовании вообще обходит этот сложный вопрос, без решения которого этимологическое толкование, связанное с сопоставлением ст.-сл. **ВѢНО** — *ἔδνον* не может быть признано удовлетворительным.

Между тем разобранные выше примеры подсказывают вполне при-

¹¹ Там же указана относящаяся к данному вопросу литература.

¹² Ср. лат. *ichōget dūsege*, а также рус. *выводное* (вено) и *выводные* (деньги).

емлемое, как нам кажется, решение возникшей фонетической задачи. Выпадение группы смычный + s перед п, надежно засвидетельствованное в славянских и в других индоевропейских языках, дает возможность предположить изменение: *ved(h)-s-no > ст.-сл. **ВЪНО**. Это предположение объясняет и отсутствие -d- перед п в западнославянских языках (возражение А. И. Соболевского), и долготу гласного ъ, возникшую в результате выпадения -ds- перед п. Изменение *ved(h)-s-no > **ВЪНО** аналогично разобранным выше примерам: *louk-s-nā > *лоуна*, *stroug-s-na > *строуна* и т. п. Подобного рода заменительное удлинение корневого гласного встречается в различных индоевропейских языках: лат. *fred-s-no-m > frēnum (см. далее с. 266–273), *seks-dekem > sē-decim, ирл. *bhrag-no-m > brán, *ag-no-m > áп, праслав. *vupsokos (ср. др.-гр. ὑψηλός) > ст.-сл. **ВЫСОКЪ**, праслав. *ved-som > ст.-сл. **ВЪСЪ** и др. Ст.-сл. **ВЪНО** и др.-гр. ἔδνον — общие по своему происхождению и значению слова, представляющие два параллельных словообразовательных варианта: праслав. *ved(h)-s-no и др.-гр. ἔδνον (< *ved(h)nom) отличаются друг от друга лишь наличием или отсутствием форманта -s-.

Следовательно, слово *вѣно* не только в смысловом, но также и в фонетическом отношении может быть возведено к корню *ved(h)- ‘вести’, причем значение слова *ved(h)no(m) целиком совпадает с поздним русским образованием (от того же корня) — *выводное*.

В. Пизани, касаясь отглагольных образований, утративших свою связь с глагольным корнем, писал: «... глагол — это как бы ствол со своими ветвями, всегда связанный с корнем, а имена — как бы плоды, которые в определенный момент отрываются от дерева и могут в свою очередь производить другие растения» (Пизани 1956: 101). Словообразовательный анализ группы русских (вернее, общеславянских) слов, оканчивающихся на *-но* и *-на*, может служить своего рода иллюстрацией к образному сравнению, данному В. Пизани.

Разумеется, мы далеки от мысли о том, что все предложенные выше этимологические толкования будут безоговорочно приняты. Несомненно также, что не все затронутые в статье словообразовательные вопросы являются решенными.

Как известно, индоевропейские отглагольные образования с суффиксом *-по- были индифферентны по отношению к залогу (например, др.-гр. στεγνός означает и ‘покрывающий’ и ‘покрытый’). В праславянских образованиях на *-по, *-пā также встречаются оба залоговых оттенка: *louk-s-pā (букв. ‘светящая’), *zven-по (букв. ‘звнящее’), с од-

ной стороны, и *bhr̥g-s-i-по 'размолотое' — с другой. Условия, при которых славянские существительные на *-но* приобрели оттенок того или иного залога, остаются неясными. Наконец, не менее трудным является вопрос о причинах, по которым одни образования на *-но* сохранили место древнего индоевропейского тона на суффиксальной части слова (*руно́, пшено́, звено́, гумно́*), другие же перенесли ударение с суффикса на корень (*вѣно, лѣно*).¹³

Все эти, а также некоторые другие вопросы, быть может, будут успешно решены после исчерпывающего анализа родственных индоевропейских отглагольных образований с суффиксом *-по-/*-пā.

---

¹³ Этот перенос ударения у слова *лоно* произошел сравнительно недавно. Форма *лоно́* засвидетельствована в памятниках русской письменности (см.: Складченко 1998: 116 — со ссылкой на работы В. М. Иллича-Свитыча, В. В. Колесова и А. А. Зализняка).

О СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

«Семантика — вот та область, которая дает возможность достичь предельной точности исследования». Далеко не каждый этимолог решился бы подписаться под приведенными словами Б. А. Ларина, сказанными им на одном из семинарских занятий. Хотя семантический аспект этимологического анализа уже давно привлекал к себе внимание исследователей, семантические реконструкции никогда не отличались той строгостью и доказательностью, которые обычно характерны для реконструкций фонетических и словообразовательных. Наличие надежно установленных фонетических соответствий, фонетических изменений, а также различных словообразовательных рядов дает возможность объективной проверки правильности или, по крайней мере, вероятности той или иной этимологии. Эта проверка оказывается возможной благодаря тому, что соответствующие фонетические и словообразовательные явления представляют собой не сумму изолированных языковых фактов, а элементы определенной (фонетической или словообразовательной) системы. Именно системный характер фонетических изменений позволяет гипотетически реконструировать формы

---

* Статья была опубликована в сборнике: Вопросы теории и истории языка: Сб. статей, посвященный памяти Б. А. Ларина. Л., 1969. С. 202–208.

слова, не засвидетельствованные ни в одном из известных нам языков. То же самое можно сказать и о словообразовательных реконструкциях. Вычленение в слове тех или иных формативов будет признано убедительным лишь в том случае, если предполагаемая реконструкция может быть соотнесена с надежно засвидетельствованным словообразовательным рядом. Если бы совокупность фонетических изменений или словообразовательных процессов не представляла собой системы, то никакие фонетические или словообразовательные реконструкции, кроме совершенно произвольных, вообще не были бы возможны.

Допустимо ли говорить о системном характере семантических изменений? Если нет, то следует признать, что семасиология в отличие от фонетики или словообразования не обладает какими-либо присущими ей закономерностями, а поэтому никакого семасиологического критерия для проверки вероятности того или иного этимологического решения нет и быть не может. Подобная скептическая точка зрения весьма распространена в лингвистической литературе. Вместе с тем, еще в 1896 г. М. М. Покровский высказал мысль о том, что «слова со сходным значением проходят сходную семасиологическую историю» (Покровский 1959: 80). Теоретическое обоснование типового характера семантических изменений нашло свое выражение в методе изосемантических рядов, который был разработан С. С. Майзелем и изложен в статье В. П. Старинина (1955). В практике этимологических исследований этот метод уже давно применялся и применяется многими этимологами. Типовой, системный характер довольно многочисленных семантических изменений был установлен с достаточной надежностью. Вот некоторые примеры такого рода изменений: 'плести, связывать' → 'плетень' → 'стена' (нем. Wand (Meringer 1904–1905: 139–142), др.-рус. *оплотъ*, лит. *siėna* (Skardžius 1943 : 218); 'холод' → 'стыд, позор' (рус. *стыд, срам* и др. (Ларин 1958: 150–158)); 'жевать, кусать' → 'удила' (лат. *īgēnum*, нем. *Gebiß*, итал. *torso*, с.-хрв. *жвѣле* и др. (см. очерк о лат. *īgēnum* на с. 266–273); 'молоть, размельчать, толочь' → 'мука' (лит. *miltai*, с.-хрв. *млѣво*, др.-инд. *piṣṭām* и др.). И хотя, разумеется, нельзя в с семантические изменения возвести к какому-нибудь определенному типу, наличие довольно большого количества изосемантических рядов позволяет внести некоторую упорядоченность в этимологические исследования, выявить те закономерности, учет которых может приблизить строгость семасиологического анализа к уровню анализа фонетического и словообразовательного.

О. Н. Трубачев в одной из своих статей (1964: 100–105) убедитель-

но обосновывает необходимость создания семасиологического словаря, который отражал бы наиболее типичные случаи семантических изменений (на материале индоевропейских языков). В статье приводится ряд уже известных в науке изменений подобного типа ('поить, совершать возлияния' → 'петь', 'смертный' → 'человек', 'земной' → 'человек' и др.), которые О. Н. Трубачев дополняет некоторыми новыми интересными примерами, главным образом связанными с семантическим изменением 'таять' → 'молчать'. Создание такого рода семасиологического словаря несомненно будет содействовать дальнейшему успешному развитию этимологических исследований. Этот словарь может быть во многих случаях использован и при этимологической работе на материале неиндоевропейских языков.

Среди примерных статей-рубрик, которые приводит О. Н. Трубачев, можно выделить 3 различных типа: а) 'таять' → 'молчать'; б) 'земной' → 'человек'; в) 'имущество' ↔ 'скот'. Разумеется, несколько примеров, приведенных в статье, не исчерпывают всех возможных случаев семантических изменений. В то же время различные типы изменений должны быть четко разграничены в семасиологическом словаре. Прежде всего для этимолога важны не только изменения в значении глагола или имени, но и возможные семантические переходы при формировании имен от глаголов, выражающих соответствующие действия ('молоть' → 'мука', 'покрывать' → 'одежда' и др.). Иначе говоря, в примере 'плести' → 'плетень' → 'стена' → 'защита' (ср. рус. *оплот*) важное значение имеют не только последние два изменения, но и первый семантический переход, составляющий в сущности основу этимологии слова.

На первый взгляд может показаться, что изосемантические ряды типа 'толочь, молоть' → 'мука', 'плести' → 'плетень, стена' настолько бесспорны, что их незачем включать в семасиологический словарь. Однако такие примеры, как ст.-сл. **ПЫШЕНО** или нем. *Wand*, говорят о том, что далеко не во всех случаях устанавливаемые этимологические решения оказываются очевидными и именно наличие соответствующих изосемантических рядов делает их наиболее доказательными. Хорошо известный ряд семантических изменений 'резать' → 'мех, шкура' (др.-рус. *скора*, др.-англ. *heoŕða*, др.-инд. *śáṅman* и др.) также не относится к числу очевидных. Во многих случаях процесс семантических изменений протекает значительно сложнее, сочетаясь с различного рода словообразовательными изменениями. Так, изосемантический ряд 'стоять' → 'стояк, столб' → 'столбенеть, удивляться' → 'остолбенелый, глупый'

может быть реконструирован на основании сравнения др.-гр. $\sigma\tau\epsilon\upsilon\beta\alpha\iota$ 'стою' и $\sigma\tau\acute{\upsilon}\lambda\omicron\varsigma$ 'шест, жердь' с лат. *stupēō* 'останавливаюсь, столбенею' и *stupidus* 'остолбенелый, глупый' (ср. также: др.-англ. *studu* 'столб', др.-в.-н. *stuzzen* 'поддерживать, подпирать' и нем. *stutzen* 'изумлять-ся, быть озадаченным').

Вообще, схемы $a \rightarrow b$ или $a \rightleftharpoons b$ далеко не исчерпывают многочисленных типов семантических изменений. Гораздо чаще, по-видимому,

встречаются случаи типа $a \begin{cases} \rightarrow b \\ \rightarrow c \\ \rightarrow d \end{cases}$, причем количество различных изме-

нений по большей части с трудом поддается учету. Например, глаголы со значением 'резать' во всех языках обычно претерпевают существенные семантические изменения ($\rightarrow$ 'убивать', 'оскоплять', 'чеканить', 'создавать', 'делить', 'пахать' и многие другие). Для иллюстрации подобных семантических изменений достаточно сопоставить между собой лат. *caedō* 'рублю, режу' и (с подвижным *s-*) нем. *scheiden* 'делить', лит. *skaidūs* 'делимый' или лит. *kīfsti* 'резать, рубить' и др.-рус. *чьрсти* 'проводить борозду, вспахивать'. К глаголам со значением 'резать' восходят пол. *kiernos* 'кладеный кабан' (ср. рус. *корнать*), рус. *боров* (и.-е. корень **bher-/*bhog-* 'резать'), многочисленные и.-е. слова со значениями 'косой, кривой' ($\leftarrow$ 'скошенный, срезанный'), 'горький' ($\leftarrow$ 'резкий, режущий') и многие другие.¹

Конечно, схема $a \begin{cases} \rightarrow b \\ \rightarrow c \\ \rightarrow d \end{cases}$ легко может быть разложена на составные

элементы: $a \rightarrow b$, $a \rightarrow c$ и т. д. Однако ценность рассматриваемого семасиологического словаря будет заключаться не только и не столько в установлении отдельных типовых семантических изменений, сколько в выявлении системы этих изменений. Поэтому думается, что семасиологический словарь должен состоять не просто из отдельных статей-рубрик, а из статей, объединенных в большие семантические гнезда. Например, гнездо, объединенное значением 'ставить — стоять', может включать производные со значениями 'ствол, столб' (букв. 'стояк', ср.: лит. *staĩbas*, др.-инд. *stambhañ*), 'место' (лат. *locus* < **stlocus*, др.-в.-н. *stal*, нем. *Stand*), 'материк, суша' (др.-инд. *sthalī*, др.-гр. $\sigma\tau\alpha\delta\epsilon\rho\acute{\eta}$), 'крепкий, сильный, прочный' (др.-исл. *stinngr*, др.-гр. $\sigma\tau\acute{\alpha}\delta\iota\omicron\varsigma$, лит.

¹ Например, др.-исл. *sceifr*, нем. *schief*, лтш. *šķībs* 'косой, кривой'; ст.-сл. **БРИДЪКЪ**, лит. *karūš*, нем. *bitter, herb* 'горький' (см. соответствующие этимологические словари, а также Persson 1891: 127).

sliprūs, рус. *стойкий*) и др.

Во многих случаях смысловое развитие слова не может быть определено с достаточной надежностью из-за утраты промежуточного звена или ряда звеньев в этом развитии. Данный вопрос был подробно рассмотрен Р. А. Будаговым (1963 : 139–156). Однако не каждый изосемантический ряд представляет собой результат изменения типа $a \rightarrow b$ или $a \rightarrow (x \rightarrow b)$.² Например, ряд ‘могила’ — ‘знамя’ (фриг. dat. sing $\chi\nu\omicron\upsilon\alpha\chi\alpha\epsilon\iota$ ‘могиле’ — ст.-сл. **ЗНАМА** ‘знамя’, др.-гр. $\sigma\tilde{\eta}\mu\alpha$ ‘могила’ — $\sigma\tilde{\eta}\mu\acute{\alpha}\iota\alpha$ ‘знамя’) не может быть подведен под схемы $a \rightarrow b$, $a \leftarrow b$, $a \rightleftharpoons b$ или $a \rightleftharpoons x \rightleftharpoons b$, ибо прямой связи между указанными двумя значениями в приведенных примерах нет. Оба значения в данном случае восходят к третьему — не промежуточному, а исходному — ‘знак, отметка’.

Иногда попытки установить непосредственную семантическую связь между двумя значениями приводят к ошибочному истолкованию вследствие излишней прямолинейности этих попыток. Связаны ли между собой непосредственно лат. $f\grave{r}\acute{e}p\acute{n}i$ ‘удила’ и * $f\acute{r}\acute{e}p\acute{n}i$ ‘язвы’ (засвидетельствована только деминутивная форма $f\acute{r}\acute{e}p\acute{n}usc\acute{u}l\acute{i}$ ‘заеды, язвочки в уголках рта’)? Еще древними авторами на этот вопрос был дан положительный ответ, а в этимологическом словаре латинского языка А. Эрну и А. Мейе слово $f\acute{r}\acute{e}p\acute{n}usc\acute{u}l\acute{i}$ ‘заеды’ объясняется как производное от $f\acute{r}\acute{e}p\acute{n}i$ ‘удила’ (Ernout, Meillet 1959: 253). Однако такое объяснение является весьма маловероятным. Во-первых, производные на $-culus$ не изменяли в латинском языке основного значения слова, лишь придавая ему деминутивный оттенок (см. очерк о лат. $f\acute{r}\acute{e}mentum$ в настоящем сборнике на с. 260–266). Во-вторых, лат. $f\acute{r}\acute{e}p\acute{n}usc\acute{u}l\acute{i}$ — это заеды в уголках рта человека, а не лошади. Вопрос о характере семантической связи между рассматриваемыми латинскими словами решается благодаря наличию надежно засвидетельствованных изосемантических рядов ‘жевать, кусать’ → ‘заеды, язвочки, ранки’ и ‘жевать, кусать’ → ‘удила’. Первый из этих рядов имеет достаточно широкое распространение, и характер семантической связи в нем очевиден (ср.: рус. *заеды*, с.-хрв. *жвѣле* и др.). Примерами, иллюстрирующими второй ряд, могут служить н.-луж. $gryza\acute{s}$ ‘грызть, глодать’ → $gryzda$ ‘удила’, с.-хрв. *зѹбати* ‘жевать’ → словац. $zubadlo$ ‘удила’, нем. $beissen$ ‘кусать’ → $Gebiß$ → ‘удила’.³ Особенно наглядным является случай со ст.-сл. **ЖЪВАТИ** ‘жевать’ → 1) с.-хрв. *жвѣле* ‘заеды, ранки в углах

² ‘x’ условно обозначает утраченное промежуточное звено семантического развития.

³ Ср. также другие примеры, приведенные в очерке о лат. $f\acute{r}\acute{e}p\acute{n}it$ (см. с. 266–273 настоящего издания).

рта', 2) с.-хрв. *жвѣле* 'удила'. Этот пример полностью совпадает в семантическом отношении с лат. *frēdere* 'кусать, жевать'⁴ → 1) *frēpusculī* 'заеды', 2) *frēpī* 'удила'. Таким образом, решение вопроса о характере семантической связи между последними двумя словами свидетельствует о том, что не во всех случаях подобного рода омонимии или полисемии нужно предполагать семантический переход одного значения в другое. Нередко прямая связь между двумя анализируемыми значениями отсутствует, и только путем возведения их к *tertium comparationis* можно установить характер отношений между этими значениями.

Изосемантические ряды типа 'сосуд' — 'лодка' или 'камень, скала' — 'нож, меч' нередко освещаются в лингвистической литературе как результат метонимии или метафоры. В принципе подобного рода семантические изменения вполне возможны. Однако при рассмотрении конкретных примеров очень часто выясняется, что никакого переноса значения слов в действительности не было, и там, где современный исследователь видит отражение образного мышления древнего человека, связь между двумя значениями нередко оказывается весьма прозаической. Широкое распространение изосемантического ряда 'сосуд' — 'лодка' объясняется тем, что соответствующие слова очень часто восходят к глаголам со значениями 'выдалбливать, вырубать, вырезать', поскольку процесс выдалбливания был наиболее трудоемким при изготовлении лодки-однодневки, корыта, деревянной миски, долбленого улья и т. п. Рус. диал. *долбѹша* 'долбленая чашка, корытце', 'долбленый улей' и *долбѹшка* 'лодка-однодневка' (Даль, I, 460) представляет собой явно поздний случай подобного рода, легко объяснимый в рамках современного русского словообразования. В то же время различные значения рус. диал. *колода* 'долбленные корыто, гроб, улей' и 'долбленая лодка' (Даль, II, 138) могут получить удовлетворительное объяснение только при сопоставлении с материалом родственных и.-е. языков (ср., например, лит. *kālti* 'выдалбливать'). Аналогичные примеры засвидетельствованы и в других и.-е. языках (Рокопу, 924, 950, 955), причем далеко не во всех случаях слова, входящие в изосемантический ряд 'сосуд' — 'лодка, корабль', имеют надежно установленную этимологию.

Сопоставляя лат. *saxum* 'камень, скала' с др.-в.-н. *sahs* 'нож, меч', Г. Кронассер высказал предположение о том, что в данном случае имела место метонимия: 'камень' → 'каменное орудие' → 'нож' (*pars pro toto*) (Kronasser 1952: 106). Эта попытка связать непосредственно два значения, восходящие к общему третьему источнику, как и в приве-

⁴Ср. *nefrēdes* 'еще не умеющие кусать, жевать' (Varronis *Rerum rusticarum*, II, 4, 17).

денных выше примерах, представляет, по-видимому, результат заблуждения. Хорошо известно, что слова со значениями 'скала, утес, обрыв, круча' часто имеют буквальное значение 'скол, срез' → 'обрыв' (рус. *скала*, лит. *skai̇dis*, др.-гр. *φάραξι* и др.). Связь между значениями 'резать' и 'нож' не нуждается в особых обоснованиях. Поэтому, возвращаясь к лат. *saxum* и др.-в.-н. *sahs*, можно принять иное объяснение семантической связи между этими словами, согласно которому оба слова восходят к и.-е. корню *sek- 'резать', точно так же как рус. *скала* и фрак. *σχάλη* 'нож, меч' восходят к синонимичному и.-е. корню *skel- (Рогов, 926), др.-гр. *φάραξι* и др.-инд. *bagdhakaḥ* 'режущий' — к *bher- (Ibid., 133–135) или лит. *skai̇dis* 'обрыв, круча' и др.-рус. *о-скръдъ* 'топор' — к *sker- 'резать, рубить'. Этот изосемантический ряд можно было бы продолжить и далее.

Приведенные примеры показывают, какое большое значение в формировании древнейшей индоевропейской лексики имели глаголы, связанные с важнейшими трудовыми действиями. Вместе с тем эти примеры свидетельствуют о типовом характере ряда важнейших семантических процессов. Можно надеяться, что систематический анализ этих особенностей, характерных для наиболее архаичных пластов индоевропейской лексики, будет содействовать дальнейшему совершенствованию этимологических исследований, в какой-то мере приближая семасиологическую часть этимологии к той предельной точности, о которой писал Б. А. Ларин.

ДИАЛЕКТНЫЙ МАТЕРИАЛ И ЭТИМОЛОГИЯ*

В своем предисловии к русскому переводу словаря М. Фасмера Б. А. Ларин писал: «В большую заслугу М. Фасмеру некоторые из рецензентов (например, О. Н. Трубачев) ставят включение диалектной лексики и ономастики. Но в этом направлении М. Фасмер сделал лишь первый шаг: из громадного, наличного даже в опубликованных работах диалектального запаса "внелитературных слов" и не менее необъятного запаса местных названий и личных имен он включил лишь какую-то часть. К тому же, как показывают появившиеся рецензии и предпринятая редакцией сверка, именно в диалектных и топонимических этимологиях он допустил больше всего неточностей» (Фасмер, I, 8–9).

* Статья была опубликована в книге: Этимология, 1984. М., 1986. С. 191–197.

Действительно, именно подача диалектной лексики является, пожалуй, наиболее слабой стороной словаря М. Фасмера. Прежде всего, самый отбор лексики во многом случаен. Например, сравнительно высокий процент диалектной лексики финно-угорского происхождения в говорах русского Севера объясняется тем, что М. Фасмер широко пользуется известной работой Я. Калима (Kalima 1919). Немало в словаре диалектизмов тюркского и германского происхождения, в какой-то мере отражены балтизмы. В остальном — это изолированные примеры, нередко сопровождающиеся пометами типа «неясно», «темное слово» и т. п.

Характерно, что при этимологизации русских слов литературного языка М. Фасмер широко привлекает соответствия из родственных индоевропейских языков. Этимология диалектных слов очень часто рассматривается им как бы сквозь призму литературной лексики, хотя эти слова имеют гораздо более близкие и для их этимологии более важные соответствия в родственных языках (для краткости я ограничусь материалом балтийских языков).

Так, рус. диал. *щѐпет* 'наряд, убор' Фасмер относит к *щепá* 'мелочь' и *щепáть* (Фасмер, IV, 503). Между тем, эта ссылка, видимо, верная в генетическом плане, не очень убедительна в семантическом отношении. В то же время русскому диал. *щепет* 'наряд, убор' полностью в фонетическом и словообразовательном плане соответствует семантически более близкое лит. диал. *skēpetas* 'платок', прилагательное от которого *skēpetinis* = рус. диал. *щепетный* 'нарядный' (в дальнейшем лит. и лтш. примеры даны без пометы *диал.*). Даже такое сложное образование с тремя суффиксами, как *щепетильный* 'мелочный, ко внешним мелочам, порядкам, нарядам относящийся', идентично литовскому **skēpetēlinis* — прилагательному от деминутива *skēpetēlis* 'платочек' (ср. *vilnėlinis, virvėlinis*) (Skardžius 1943: 247).

Говоря о значении диалектного материала для русской и славянской этимологии, нужно иметь в виду диалекты не только русского и других славянских языков, но также и тех языков, которые привлекаются исследователем при этимологизации русского (славянского) слова. Так, еще до выхода в свет словаря М. Фасмера было опубликовано шесть объемистых томов (около 1000 с. большого формата каждый) диалектного словаря латышского языка К. Мюленбаха — Я. Эндзелена, включая два тома дополнений (см.: *Mülenbachs*). К 1998 г. вышло 18 столь же фундаментальных томов Академического словаря литовского языка (также с широким включением диалектной лексики) (*LKŽ*). Меж-

ду тем, балтийский материал в словаре М. Фасмера, в основном, ограничен рамками «Балто-славянского словаря» Р. Траутмана (см. Trautmann), который, естественно, не мог учесть нового богатейшего диалектного материала латышского и литовского словарей. К тому же, Р. Траутман, по отзыву К. Буги, в основном, опирался на памятники письменности и недостаточно привлекал диалектную лексику балтийских языков. Все это не могло не отразиться отрицательным образом на словаре М. Фасмера.

Взять хотя бы рус. диал. *стебáть* 'стегать, бить, хлестать'. В словаре в очень неуверенной форме допускается его родство со словом *стебель*, а из балтийских соответствий приводятся лит. *steĩbti* 'крепнуть', *stabũti* и *stabdũti* 'останавливать' (Фасмер, III, 750). В то же время, вне поля зрения М. Фасмера осталось полностью совпадающее с рус. диал. *стебáть* (в фонетическом, морфологическом и семантическом плане), лтш. *stibãt* 'стегать, хлестать'. В качестве первого соответствия родственного этим глаголам слова *стебель* М. Фасмер приводит не лтш. *stibis* 'прут' (как следовало бы), а лит. *stibis* 'membrum virile' (там же). Рус. диал. *стебенítь*, кроме приведенных у М. Фасмера значений, означает также 'частить, мельчить; идти, бежать скорой походкой'. В диалектах лтш. языка у этого глагола есть соответствие *stibĩpãt* 'быстро идти маленькими шагами'. Рус. диал. *мúлить* Фасмер дает только в значении 'жать, давить', приводя при этом не очень надежные балтийские соответствия (например, лтш. *mulis* 'землеройка') (Фасмер, III, 8). Между тем, в словарь не вошли такие диалектные слова с надежными балтийскими соответствиями, как *мúлить* 'выпрашивать, попрошайничать' (= лит. *maĩlyti* 'докучливо просить, клянчить') и *мулítь* = лит. *maĩlĩpti* 'обманывать'. Нет в словаре и таких диалектных слов с балтийскими соответствиями, как *ватóлить* 'говорить неясно, несвязно' (= лтш. *vatalĩt* 'быстро говорить то одно, то другое'), *лягать* 'качать' (= лит. *lingũoti*, лтш. *lĩguõt*, *lĩgãt* то же) и мн. др.

Как правило, М. Фасмер дает лишь отдельные изолированные сопоставления (не всегда к тому же удачные в семантическом отношении) там, где особо тесные генетические связи между языками подкрепляются наличием целых «пучков» лексических изоглосс. Так, для производных корня *lom- он приводит лишь рус. *ломить*, сопоставляя это слово с лит. *lamĩnti* 'укрощать (лошадь)', совершенно оставляя в стороне такие соответствия, как рус. диал. *лом* = лит. *lãmas* 'кусок', *(об)ломок*, *(у)ломок* = лит. *lamãkas* то же, *ломóт* (= *ломóть*) = лит. *lamãtas* то же, *отломить* = *atlãmyti*, *отломать* = *atlãmõti*.

Для рус. *сухой* М. Фасмер, естественно, приводит в качестве соответствий лит. *sausas* и лтш. *sàuss*. И это — все. Между тем, большое количество производных, совпадающих в балтийских и славянских языках (особенно в диалектах), осталось у М. Фасмера «за кадром»:

сухотá = *sausatà* ‘сухость’, *сухмёнъ* = *sausmenà* ‘сухое место’, *сушь* = *sausis* ‘сухая пора’, *сушить* = *sausyti* ‘сушить’, блр. *сушэць* = *sausėti* ‘высыхать’, *сушинá* = *sausienà* ‘сухость’, *сушйна* ‘сухое дерево’ = *sausynas* ‘сухой куст’, *сушень (ср. *сушенье*) = лтш. *sàusepis* ‘высохшее дерево’ и др. Ничего этого нет ни у Р. Траутмана, ни у М. Фасмера, хотя в других случаях первый из них фиксирует одинаковые производные в балтийских и славянских языках. Нет и сложных слов с первым компонентом *сух*-:

суховей = *saĩsvėjis*, *суховейный* = *sausvėjinis*, *суховерхий* = *sausavĩšis*, *суховершин* (*ник*) = *sausavĩšūnis* ‘с высохшей вершиной’, *сухожилье* = *sausāgysle*, др.-рус. *соухороукии* = *sausaraĩkis*.

Примеры подобного рода «комплексных» изоглосс, не отмеченных в работах Я. Эндзелина, Р. Траутмана, М. Фасмера и других исследователей, весьма многочисленны в балто-славянском ареале. Ничего даже отдаленно похожего мы не найдем в других славяно-неславянских ареалах. Все это говорит об исключительно важном значении диалектного материала балтийских языков для славянской этимологии, в частности — для этимологизации славянской диалектной лексики.

О значении диалектного материала для этимологических исследований говорилось и писалось немало. К сожалению, нередко заявления подобного рода остаются чисто декларативными. Правда, есть в этой области и положительные явления. Так, в конце 1977 г. в Томском университете Л. И. Шелепова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Диалекты как источник этимологии». Остановлюсь только на одном примере уточнения словообразовательной базы этимологии слова *знахарь* — уточнения, которое диссертант делает, опираясь на материал русских говоров. Н. М. Шанский высказывает сомнение в реальности словообразовательной модели *знать* → *знаха* → *знахарь*, «так как *potina agentis* на *-арь* не образуются от слов, уже имеющих значение деятеля» (ЭСРЯ, II, 101–102). Приведя диалектные формы *бать* ‘говорить’ → *бах* → *бахарь* ‘говорун’, *дать* → *дах* → *дахарь* ‘тот, кто дает’, *взять* → *взях* и *взяха* → *взяхарь*, особенно же *ба-х-ар-ун* ‘говорун’ — с тремя последовательно «наслаивающимися» суффиксами со значением *potina agentis*, Л. И. Шелепова внесла существенный корректив в интерпретацию словообразователь-

ной структуры слова *знахарь* (Шелепова 1977: 120–121; 1994: 79–80).

Привлечение диалектной лексики играет важную роль в анализе лексических изоглосс, охватывающих различные группы языков — в целях определения степени родства между отдельными индоевропейскими языками. Я позволю себе остановиться только на одном примере.

Б. А. Ларин приводит из словаря Ричарда Джемса очень интересное диалектное слово: *двина. Брат двина* — это 'единоутробный брат' (Ларин 1959: 164). Б. А. Ларин писал, что наличие слов *двина* и *трина*, употребляемых применительно к вину двойной и тройной перегонки, устраняет сомнения в правильности записи (там же : 245). А теперь обратимся к ставшему уже классическим труду В. Порцига «Членение индоевропейской языковой области» (1964). В этой книге автор делает вывод о том, что из всех индоевропейских языков германские языки ближе всего к италийским. В пользу этого тезиса он приводит 32 германо-италийские изоглоссы, в которых, по его мнению, не участвуют другие индоевропейские языки. В статье «О принципах отбора лексических изоглосс» мне удалось показать, что 6 из 11 первых примеров В. Порцига не выдерживают критики, ибо они выходят за пределы германо-италийского ареала, охватывая чаще всего также ареал балто-славянский (Откупщиков 1972: 115–124). Вот один из примеров В. Порцига. В латинском языке имеется числительное разделительное *bīnī* 'по два', которое было образовано из *duīnoī уже в эпоху древнейших памятников письменности. Этимологическим соответствием этому числительному является др.-англ. (ge)twinne 'близнецы' (англ. twins). Считая этот пример эксклюзивной германо-италийской изоглоссой, В. Порциг не учел, что лит. *dvūpaī* и лтш. *dvīnī* 'близнецы' фонетически по существу идентичны реконструированной латинской форме, а по значению = англ. twins. К сожалению, в своей статье я упустил из виду форму *брат двина* из словаря Ричарда Джемса, которая надежно подтверждается балтийскими и германскими соответствиями, а также наличием для слова *трина* 'вино тройной перегонки' корневого и словообразовательного соответствия в лит. *trūpaī* 'тройняшки'. Наконец, в вологодских говорах засвидетельствовано слово *двинь* 'две полосы земли рядом' (ЭССЯ, V, 189). Итак, вместо германо-италийской изоглоссы, которую предполагал В. Порциг, нам удалось выделить важную балто-славяно-германскую лексическую изоглоссу: лит. *dvūpaī* — рус. диал. (или др.-рус.) *двинь* — др.-англ. (ge)twinne (= англ. twins) 'близнецы'. Лат. *bīnī* оказывается за пределами этой изоглоссы, ибо латин-

ское слово остается числительным, а не существительным со значением 'близнецы'.

Диалектный материал славянских языков имеет важное значение не только для славянской, но и для индоевропейской этимологии. Взять хотя бы лит. и лтш. слово гагапа 'ведьма'. Обычно это балтийское слово этимологизируют, исходя из лит. *regėti* 'видеть', связь с лит. *gāgas* 'рог' считают народноэтимологической. С.-хрв. *бабарога* 'баба-яга', невольно приходящая здесь на память, объясняется О. Н. Трубачевым как *baba goḡa — к *ругать* (ЭССЯ, I, 108). Подобное объяснение мне представляется необидительным в фонетическом отношении, а также по следующей причине. В с.-хрв. языке и его диалектах мы находим слова *рогоња*, *рогоша* и *рогуља* с двумя основными значениями: 1) 'рогатое животное (бык, баран, коза, овца, корова)' и 2) 'черт' и 'ведьма'. Особенно важно, что слово *рогоња* полностью (как в фонетическом, так и словообразовательном плане) соответствует лтш. *gaḡape* = гагапа с теми же двумя основными значениями: 'рогатая овца' и 'ведьма' (см. очерк о слове гагапа на с. 235—240 настоящей книги). Вообще, южнославянско-балтийские лексические изоглоссы имеют исключительно важное значение, ибо они не могут относиться к сравнительно поздней эпохе (например, ко времени Великого княжества Литовского), отражая гораздо более древние языковые явления. В качестве примера таких изоглосс, кажется, до сих пор не отмеченных в литературе, можно указать на с.-хрв. *сѣја* 'сестрица' и лит. *sejā* (*sejā*) 'сестра', с.-хрв. *ваљати* → *ваљуга* 'валек, каток' = лит. *voliōti* — *voliūga* то же (ср. рус. диал. *валюга* 'лентяй' — с иным значением), с.-хрв. (стар. — XVIII в.) *degati se*, словен. *degāti se* 'ссориться, ругаться' и лит. *daigōtis* то же (в ЭССЯ, IV, 228 дано только корнеотсылочное указание на лит. *diegti* 'колоть', *diegas* 'росток').

При наличии фундаментального Загребского словаря (Rječnik hrvat.) и других прекрасно изданных словарей сербохорватского и болгарского языков, а также упомянутых выше словарей литовского и латышского языков, изучение южнославянско-балтийских лексических изоглосс (с широким привлечением диалектного материала) представляется делом весьма перспективным, и немало этимологических находок ждет здесь будущих исследователей.

Трудно также переоценить роль диалектных картотек, содержащих большое количество неопубликованного и еще не вошедшего в научный обиход лексического материала. Одно из таких слов, обнаруженное мною в картотеке Псковского областного словаря, позволило пролить

дополнительный свет на этимологию рус. *гнев* и его соответствий в других славянских языках. Фасмер сопоставляет это слово с *гнить* и менее уверенно приводит сопоставление с *гнетить* (Фасмер, I, 420). Однако словообразовательная история рус. *гнев* остается темной. Очевидно, что ни *гнить*, ни *гнетить* не могли послужить непосредственной производящей основой для слова *гнев*. В этой функции здесь должен бы был выступить глагол **гнѣть* ‘жечь, разжигать’, реконструкция которого может опираться на две словообразовательные модели:

1) *mol-ti (молоть) → *molt- → *moltiti (молотить)
     *gně-ti   *gnět- → *gnětiti (гнетить).

Для именной основы *gnět-, ср., например, *подъ-гнѣт-а* ‘подтопка, растопка’.

2) Вторая модель — более сложная. С учетом известного чередования *ei/oi* типа *бити/бой*, опираясь на диалектный материал, можно восстановить древнюю модель:

<i>*зити</i> → <i>зой</i> ‘шум’, ‘лай’ (из <i>зи-нуть</i>)	→	<i>*zoi-iti</i>	>	<i>зоить</i> ‘кричать, стонать’, <i>зѣ-ть</i> ‘петь’,
	→	<i>*zoi-ti</i>	>	↓ <i>зѣ-в-ѣ</i> ‘крик’ и ‘зев’,
<i>ни-ти</i> → <i>пой</i> (<i>водо-пой</i>)	→	<i>*poi-iti</i>	>	<i>поить</i>
	→	<i>*poi-ti</i>	>	<i>пѣть</i> (Трубачев 1959: 139), ↓ <i>на-пѣ-в-ѣ</i> , <i>пѣ-в-унѣ</i> ,
<i>гни-ти</i> → <i>гной</i> (‘гореть’, ‘тлеть’ → ‘гнить’)	→	<i>*gnoj-iti</i>	>	<i>гноить</i> ,
	→	<i>*gnoi-ti</i>	>	<i>гнѣ-ть</i> ‘разжигать’, ↓ <i>гнѣ-в-ѣ</i> .

Именная основа — у слова *гной* ‘навоз’, семантически ср. *пере-гной* и *пере-гар*. В этой сложной модели исходные глаголы означают ‘пить самому’, ‘гнить самому’, но *поить* — это каузатив: ‘давать пить другому’. Отсюда реконструированный глагол **гнѣть* (как и вторичный глагол *гнѣтити*) имеет значение не ‘гореть (самому)’, а ‘разжигать’ — что семантически идеально подходит для значения слова *гнѣвъ* (ср. *горячий* и *гореть*, *пылкий*, *вспыльчивый* и *пылать* и т. п.).

До недавнего времени реконструированный глагол **гнѣть* (*гнетъ*) был всего лишь словом под звездочкой, которое, кроме моих лекций по

этимологии (в Ленинградском университете), возможно, нигде больше не фигурировало. И только в начале 1984 г. мне удалось найти диалектное слово *гнеть* ‘разжигать’, которого нет в словарях славянских языков, нет у Даля, в Словаре русских народных говоров и в Псковском областном словаре. Оно оказалось в картотеке последнего, но не попало в словарь в связи с тем, что это — единичная фиксация.

Поскольку основной материал данной статьи составила русская диалектная лексика, имеющая соответствия в балтийских языках, в заключение приведу еще несколько примеров балто-славянских изоглосс, отраженных в диалектной лексике русского, литовского и латышского языков, но не отмеченных этимологическими словарями.

Рус. диал. *зырить* во всех трех своих основных значениях совпадает с лтш. *žūrēt*: 1) ‘много пить; мочиться; лить’, 2) ‘выть, завывать’ (в рус. языке ‘кричать, горланить’) и 3) лит. *žūrėti* ‘смотреть’. В последнем случае можно отметить также рус. диал. *зыркий* = лит. *žūrūs* ‘зоркий’, которые входят в обширный ряд (около ста примеров) балто-славянских соответствий между балтийскими прилагательными с *ц*-основой и русскими на *-ѣкъ*: тип *сладкий* — *saldūs*, *ноский* — *pašūs*, *меткий* — *metūs* ‘хорошо бросающий’ и мн. др. (Откупщиков 1983а: 23–29).

Не были отмечены в словарях такие изоглоссы, как лит. *sántalka* ‘скопление, скученность’ и рус. *сутолока*, лит. *gugiena* ‘поле под рожью’ и рус. диал. *ржина* ‘озимая рожь’, лит. *siaučiu* ‘шалю’ и *шучу*, *siautýti* ‘буйствовать’ и *шутить* (Фасмер (IV, 491) сопоставляет очень далекие по значению формы, а приведенные им лит. *siaūstis* ‘веселиться’ отсутствует в словарях). В то же время изоглосса лит. *siautéila* = рус. *шутíла* осталась вне поля зрения авторов этимологических словарей.

И, наконец, несколько изоглосс, отражающих балто-славянские языческие верования. Лтш. *blūods* ‘злой дух, сбивающий ночью путника с дороги’ — рус. диал. *блуд* ‘злой дух, который заставляет плутать, блуждать пьяных’. Латышское слово по своему значению = *vadātājs*. Последнее слово в одном из его значений (‘вожак’) имеет полное соответствие в рус. диал. *водáтай*. Рус. диал. *знатник* ‘колдун’ имеет соответствия в лтш. *zinīnieks то же* и *zinātnieks* ‘ученый’, а производящая основа рус. диал. *знальщина* ‘собрание знатоков, знахарей’ позволяет реконструировать слово *зналь ‘знахарь’ = лит. *žipiūolis* ‘знахарь’.

В настоящей статье были приведены лишь некоторые выборочные примеры из того обширного материала, который свидетельствует о том,

что лексическая близость между балтийскими и славянскими языками была более тесной, чем это представлялось даже Р. Траутману (при этом нужно отметить, что его материал далеко не всегда надежен). Диалектная лексика балтийских и славянских языков должна шире привлекаться для взаимного обогащения этимологических исследований в области как тех, так и других языков.

Думается, что немало интересного и полезного для славянской этимологии материала может дать не выборочное, а сплошное изучение диалектной лексики также и других индоевропейских языков (в первую очередь — германских).

О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Интерес к топонимии, особенно возросший в нашей стране в послевоенные годы, привел к интенсивной разработке общетеоретических проблем топонимии (топонимики) и к появлению многочисленных исследований, посвященных анализу тех или иных конкретных географических названий. Общетеоретическая проблематика усиленно разрабатывалась В. А. Никоновым, А. И. Поповым, А. К. Матвеевым, Ю. А. Карпенко и другими учеными. Из книг, посвященных конкретным топонимическим исследованиям особое место занимает «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева (1962). Эта книга получила широкий резонанс как в отечественной, так и в зарубежной науке, главным образом потому, что в ней естественно сочетались удачная методика и тщательность топонимического исследования с постановкой важнейших проблем древнейшего этногенеза и балто-славянских языковых отношений.

Другим обобщающим исследованием, посвященным топонимии, явилась книга Э. М. Мурзаева «Очерки топонимики». Настоящий очерк представляет собой аналитический разбор этой книги — с преимущественным вниманием к вопросам, намеченным в заглавии очерка.

Э. М. Мурзаев хорошо известен своими многочисленными работами в области изучения географической терминологии и топонимии. Им

---

* Статья была опубликована в сборнике: Вопросы ономастики. Свердловск, 1976. № 11. С. 78–84.

написан (совместно с В. Э. Мурзаевой) «Словарь местных географических терминов» (М., 1959). Большое место в работах Э. М. Мурзаева занимает топонимия Средней и Центральной Азии. Будучи географом, он много путешествовал, поэтому нередко материал своих исследований имел возможность проверить на месте, получить необходимые ему сведения непосредственно «из первых рук». Все это, естественно, привлекает особое внимание к книге Э. М. Мурзаева, написанной с целью дальнейшей популяризации топонимических знаний в нашей стране.

Свою книгу автор разделил на две части: 1) «Общие вопросы топонимики» и 2) «Региональные исследования». В первой части — среди других — подробно рассматривается вопрос об определении топонимики. Э. М. Мурзаев, как и ряд других исследователей, считает топонимику самостоятельной наукой, которая использует методы лингвистического, исторического и географического анализа, находясь «на стыке» трех наук (с. 8—13, 16). Такая точка зрения, несмотря на свою кажущуюся объективность, представляется необудительной. Предмет топонимики, как известно, составляют не географические объекты, а их названия, т. е. слова, и топонимика является частью ономастики, которая представляет собой раздел языкознания, изучающий имена собственные. В этом отношении нельзя не согласиться с А. К. Матвеевым, который категорически высказывается против понимания топонимики как «пограничной» науки (Матвеев 1974: 8—11). Поэтому более удачным представляется, например, определение В. А. Никонова: «Топонимика — особый раздел языкознания: . . . неразрывно связанный с историей, географией и этнографией» (Никонов 1965: 164). И дело здесь не в «местнических» спорах лингвистов и географов, а в необходимости определить такое место топонимики в системе наук, которое не было бы местом «между двух стульев».

Весьма положительным как в первой части, так и во всей книге является требование анализировать топонимы не изолированно, не поодиночке, а в системе: «Лингвистический анализ одинокого топонима, вырванного из всей совокупности географических названий того или иного района, без привлечения сравнительного материала из топонимии других районов, — ненадежный метод» (с. 13).

Значительное место занимает в книге глава «Развитие топонимики в нашей стране» (с. 28—79). Здесь дается обзор и краткая характеристика работ по топонимике (или связанных с топонимикой), начиная от Махмуда Кашгарского и до наших дней. Автор рассказывает о работах М. А. Кастрена, Н. И. Надеждина,

В. В. Радлова, Ф. Е. Корша, П. Л. Маштакова, А. И. Соболевского и др. Из современных языковедов, занимающихся изучением топонимики и географической терминологии, особенно много внимания уделено В. А. Никонову, Е. М. Поспелову, Б. А. Серебренникову, Н. И. Толстому, В. Н. Топорову, О. Н. Трубачеву, А. И. Попову, А. К. Матвееву, Ю. А. Карпенко. Полезность подобного историко-библиографического обзора несомненна. Хотелось бы только, чтобы этот обзор был менее описательным и более критическим. Э. М. Мурзаев старается положительно оценить все рассматриваемые им работы. Если, например, А. Ф. Орлов доказывал (и это была его основная концепция), что значительная часть европейской гидронимии — финского происхождения (даже *Лаба*, *Драва*, *Морава*, *Острада*) (Орлов 1907: 38–41, 140 и др.), то Э. М. Мурзаев вскользь замечает: «Современная топонимика не может принять некоторые выводы А. Ф. Орлова. . . » (с. 40). И сосредоточивает все свое внимание не на концепции, а на привлекательных сторонах личности А. Ф. Орлова.

Неоднократно касаясь в своей книге «законов» топонимики, сформулированных В. А. Никоновым, Э. М. Мурзаев ничего не говорит о серьезной критике этих законов,¹ хотя, объективности ради, это следовало бы сделать — независимо от того, разделяет автор книги взгляды В. А. Никонова или нет. В результате подобного подхода к анализируемым работам Э. М. Мурзаев нередко оставляет читателя в недоумении: какую же позицию занимает сам автор в том или ином вопросе? Например, на с. 38 им дается положительная оценка статьи Н. Я. Марра «О происхождении имени *Анапа*». А на с. 63 говорится, что Дж. Коков показал кабардинское происхождение топонима *Анапа*. Но все дело в том, что, принимая одно из этих объяснений, автор должен тем самым отказаться от другого!

В первой части «Очерков топонимики» мы находим большое количество ярко и увлекательно написанных страниц. Здесь можно отметить приведенные автором случаи, когда данные топонимики помогали геологам в поисках и открытиях полезных ископаемых (с. 90). Весьма ценным представляется географический комментарий к давно отмеченной семантической закономерности, проявляющейся в лексических

---

¹ Например, с критикой и существенными коррективами к закону «относительной негативности» выступили А. И. Лебедева, А. К. Матвеев, В. М. Мокиенко, А. И. Попов (См.: Мокиенко 1971: 79–85; Матвеев 1971: 12; Берг 1974: 5–12). В последней статье, появившейся, правда (как и статья А. К. Матвеева), уже после того, как книга Э. М. Мурзаева была сдана в набор, содержится особо резкая критика топонимических «законов» В. А. Никонова.

совпадениях типа 'гора' ⇔ 'лес' (с. 105). Убедительны примеры, свидетельствующие о возможности отражения в топонимии свойств и природы географического объекта (с. 122–123).

Много полезных сведений содержит вторая часть книги Э. М. Мурзаева. Здесь и интересные «этюды» о таких топонимах, как *Алашань* (с. 168–169), *Алма-Ата* (с. 227–228), и постановка задач в деле топонимического исследования территории республик Средней Азии (с. 232–234), критика «поточного метода» подготовки кандидатских диссертаций по топонимике (с. 207). В своей практической части Э. М. Мурзаев стремится проводить топонимический анализ, во-первых, с опорой на источники и, во-вторых, не ограничиваться изолированным изучением отдельно взятого топонима, а исследовать топонимию в ее системе. Все это — несомненные достоинства книги Э. М. Мурзаева. Его наблюдения над топонимией тех районов, в которых он нередко бывал сам, особенно полезны для дальнейших топонимических исследований. Удивительна широта топонимических интересов автора: здесь и тюркская топонимия центральной России, и имена азиатских пустынь, и географические названия Монголии, Синьцзяна, Вьетнама. Столь же широким является и привлекаемый автором языковой материал: славянский, финно-угорский, иранский, тюркский, тунгусо-маньчжурский и т. д. Книга снабжена весьма обстоятельным списком литературы на русском, украинском и белорусском языках (с. 325–349), а также небольшим перечнем работ, напечатанных латиницей (с. 349–350).

В обращении к читателю Э. М. Мурзаев считает необходимым подчеркнуть: «Писавший эту книгу — географ, что не могло не сказаться на структуре, материале и аппарате». Вместе с тем автор, с полным на то основанием, пишет: «Знание законов языковедения обязательно для топонимиста, если он только хочет выйти из стадии собирательства и любительства» (с. 10). Нужно сказать, однако, что именно лингвистическая сторона книги Э. М. Мурзаева вызывает наиболее серьезные возражения.

Посмотрим, например, как автор представляет себе словообразовательный анализ. Касаясь топонима *Вязьма*, у которого обычно в качестве суффиксальной части слова выделяется конечное *-ма*, Э. М. Мурзаев пишет: «Но если вспомнить р. *Клязьма*, то уже более правомочным окажется выделение *-язьма*. Можно возразить, что эти примеры не убедительны, так как в них, за вычетом *-язьма*, остаются ничего не говорящие основы: *в(язьма)* и *кл(язьма)*. Но они теперь ни-

чего не объясняют, а в прошлом же, по-видимому, имели другой облик и несли определенную смысловую нагрузку» (с. 83). Однако, как известно, словообразовательный анализ отнюдь не сводится к механическому отсечению максимально возможной правой части топонима. Что касается названия *Вязьма* (и *Вязьмень*), то наличие суффиксального *-м-* (*-мен-*) дает возможность выделить в нем корень *вяз-/уз-* (ср. *вязать/узы*). Интересно, что оба варианта корня дают в топонимии производные с суффиксальным *-мен-*: *Вяз(ь)мень* и *Узмень* (ср. *Струмень*, *Сухмень*, *Wierchnień* и другие славянские топонимы на *-мень*). На той же с. 83 Э. М. Мурзаев пишет, что р. *Солова* — это *Соловая* «с усеченным окончанием *-я*». Хорошо известно, однако, что краткие формы славянских прилагательных древнее полных. Поэтому объяснение автора представляется столь же неправдоподобным, как и попытка объяснить форму *чисто* (*поле*) «усечением конечного *-е*».

Фонетические изменения (подчас весьма существенные), происшедшие в отдельных языках, к сожалению, часто не принимаются во внимание автором, который строит свои сопоставления обычно лишь на основании чисто внешнего созвучия предполагаемых корней. В качестве примеров можно остановиться на сопоставлении халд. *kiga* ‘земля’ и арм. *egkiġ* ‘земля, страна’ (с. 116)² или арм. *egkap* ‘мельница’ и др.-гр. *ῥαχῶς* ‘каменистый’ (с. 187). Начальное арм. *egk-* обычно является рефлексом звуков, весьма отдаленных от современного их звучания. Например, *egkiġ* ‘земля’ возводится к **egv-* или **ag⁽³⁾v-* ‘пахать’, а *egkiġ* ‘второй’ — к корню **dvī-*. Что касается арм. *egkap*, то такие и.-е. соответствия, как др.-инд. *gigūh*, др.-гр. *βαρύς*, лат. *gravis*, гот. *kaúrgjos* ‘тяжелый’, а также ст.-сл. **ЖРЪНЫ**, др.-ирл. *bró*, др.-исл. *kvern* ‘жернов’, наглядно показывают, сколь существенные фонетические расхождения произошли в сравнительно короткое³ время (4–5 тыс. лет) в несомненно родственных языках. Это должно было бы предостеречь автора от сопоставления современного звучания топонимов, у которых время формирования субстрата он относит к эпохе, отстоящей от нас на «многие десятки и даже сотни тысяч (sic! — Ю. О.) лет» (с. 121) и пространственно охватывающих земли от Балкан до Японии.

Между тем Э. М. Мурзаев очень легко — без особой аргументации — сопоставляет между собой топонимы и апеллятивы из самых различных языков. Например, перс. *шур*⁴ ‘соленый’, чуваш. *шор* ‘бо-

²Причем, Э. М. Мурзаев исключает возможность заимствования.

³Во всяком случае, в масштабах, которыми оперирует автор книги (см. далее).

⁴Здесь и ниже сохраняется транскрипция автора.

лото' и рус. *сорожина* (= *соровая рыба*) — к хант. *сор* 'озеро' (с. 87–88). Финское заимствование *лайда* 'илистая отмель' сопоставляется с укр. *глей* и англ. *slay* 'глина' (с. 89), монг. *хдх* 'грудь, сосок, вымя' — с нем. *hoch* 'высокий' (с. 187) и т. п. После одного из наиболее широких сопоставлений подобного рода автор пишет: «Где уж тут лингвистические границы семей или групп! Один и тот же термин с одной и той же неоспоримой близостью семантики обычен в японском, айнском, палеоазиатских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, финно-угорских, тюркских языках. Чем это объяснить?» (с. 113).

Объяснение Э. М. Мурзаев ищет в ностратической гипотезе (с. 120–121). И это оченьстораживает. Во-первых, ностратическая гипотеза, бесспорно, еще нуждается в самоутверждении. Дело не только в том, что многие языковеды относятся к ней скептически. Важно другое: доказательство родства «ностратических языков» должно базироваться на надежном материале, каковым не являются топонимы, лишенные лексического значения, характерного для апеллятивной лексики. Топонимические сопоставления, базирующиеся на ностратической гипотезе, на наш взгляд, могут только дискредитировать последнюю. Вообще «симбиоз» топонимики и ностратики внесет полный провал как в топонимические, так и в ностратические исследования.

Настораживает в книге та легкость, с которой устанавливаются многочисленные «этимологии» топонимов. Так, о названии р. *Тола* (МНР, др.-монг. *Tugula*) Э. М. Мурзаев пишет: «Если гидроним *Tugula* тюркского корня, то нельзя ли здесь видеть связь с турец. *dökülmek*, азерб. *тукмэк*, узб. *тукилмок*, кирг. *tuguu* 'разливаться, рассыпаться'?» (с. 244). Это — обычное «кабинетное» сопоставление, сделанное на базе просмотра словарей, а не всестороннего этимологического анализа топонима. В той же Монголии есть гидроним *Уригол* (система р. Селенги), второй элемент которого совершенно ясен: *гол* 'река'. Истоки первого элемента Э. М. Мурзаев отыскивает в одном из кетских наречий, в котором, наряду с обычным *уль*, встречается вариант этого же слова — *ур* 'вода' (с. 246).⁵ Сомнительность результатов, когда с такой легкостью этимологизируются географические названия по модели «вода» плюс «вода», станет достаточно ясной, если мы попробуем, на-

⁵Как вариант диалектного кетского слова мог со среднего и нижнего течения Енисея попасть в Монголию, является ли этот вариант архаизмом или новообразованием, как объяснить форму *Ўуригол* — обо всех этих и других возникающих при подобной интерпретации вопросах автор, естественно, ничего не пишет. Я уже не говорю о том, что долгие монгольское *үү* в гидрониме *Ўуригол* восходит к сочетанию *e* (или *y*) плюс согласный плюс *й*, ср. *йүл* 'туча' — из *егүлен* (см.: Санжеев 1953: 78–79).

пример, топоним *Судан* расчленил на тюрк. *су* 'вода' и иран. *dānu* 'вода, река'.

Э. М. Мурзаев считает, что индоевропейская топонимическая основа, отраженная в рус. *гора*, была заимствована в тюркские и монгольские языки. Поэтому тюрк. *кара* и монг. *хар(а)*, находясь во второй позиции, якобы отражают именно эту топонимическую основу, а связь со значением 'черный' представляется автору вторичной, народноэтимологической (с. 109–110). В качестве примера в книге приводится монг. *Нарийн Харуул*, «где монг. *уул* опять же 'гора'» (с. 110). Но, во-первых, значение 'гора' здесь имеет монг. *уул*, а не *хар*. Во-вторых, *хар* не находится здесь во второй позиции. Наконец, перед нами, несомненно, топоним *Харуул* 'черная гора' — столь обычный в топонимии самых различных стран (всякая гора, покрытая лесом, в принципе, может быть 'черной горой'). Для выделения данного топонима из ряда ему подобных, как обычно, к нему было добавлено определение: *Нарийн*. В связи с этим думается, что и предположение о родстве топонима *Карпаты* с монг. *Хар(уул)* и тюрк. *кара* (с. 116) полностью повисает в воздухе.

В заключение — ряд наиболее существенных частных замечаний (в порядке следования страниц).

С. 25. Лат. *substratum* — не инфинитив, а субстантивированное причастие.

С. 74. *Олимпиада* — название дано не «по горе Олимп», а по олимпийским играм, проводившимся в совершенно иной части древней Греции — в Олимпии (Элида).

С. 85. Топоним *Раменье* (и соответствующий апеллятив) древнее, чем германское заимствование *рама* (→ *рамка*), к которому автор пытается его возвести; см.: (Откупщиков 1965: 96–103 или с. 144–152 настоящего издания).

С. 185. Сопоставление рус. *канал* с уйгур. *кан* 'источник', тув. *кем, хем* 'река' и др. совершенно несостоятельно, ибо рус. *канал* — это латинское по своему происхождению слово, а в латинском языке оно представляет собой обычное производное на *-alis* от лат. (из др.-гр.) *саппа* 'тростник'.

С. 194. В монг. *Хара-Ус-Нур* компонент *ус* не имеет значения 'озеро' (его имеет последний компонент — монг. *нуур*). Буквальное значение гидронима: 'озеро черной воды'. Кстати, рядом с ним находится еще одно 'черное озеро': *Хара-Нур* (район гор. Кобдо в западной Монголии).

С. 198. «... В слове *кыз* звук *з* заменил более ранний звук *р*. Эти звуки, как учит лингвистика, переходящи». Автор, вероятно, имеет в виду ротацизм. Но суть этого фонетического явления сводится к изменению ($s >$) $z > r$, а не наоборот (как считает Э. М. Мурзаев).

С. 223–224. Г. К. Конкашпаев высказал гипотезу о том, что элемент *айгыр* в составе тюркских сложных географических названий означает не ‘жеребец’, а ‘большой’. Э. М. Мурзаев считает, что «такое объяснение подкупает своей логичностью и простотой», ссылаясь при этом на русское выражение «лошадиная доза». Однако вторая позиция элемента *айгыр* в топонимах *Карайгыр* и *Базайгыр* делает подобное истолкование мало правдоподобным (*Карайгыр* — «черный большой»?!), а наличие перевала *Акбайтал* ‘белая кобылица’, соотносимого с *айгыр* ‘жеребец’, а не с *айгыр* ‘большой’ заставляет, видимо, вообще отказаться от объяснения Г. К. Конкашпаева.

С. 238. Монг. *Улан-Бургас* — ‘красная ива’, а не ‘белая’.

Наконец, каждый географ и топонимист знает, какое важное значение имеет точная транскрипция имен собственных. В этом отношении такие написания, как *Отребский* вместо *Отрембский*, *Гуделис* вместо *Гудялис* и т. п., свидетельствуют о недостаточно тщательном техническом оформлении книги (то же самое относится и к примерам из апеллятивной лексики).

Рассмотренные примеры говорят, видимо, о том, что интересная книга Э. М. Мурзаева нуждалась в более тщательном лингвистическом редактировании. В этом и проявилось бы единство географии, истории и языкознания, о котором автор неоднократно писал в начале своей книги. Вместе с тем многие изложенные замечания касаются лишь отдельных частных, а иногда — спорных вопросов. И цель этих замечаний — не перечеркнуть те несомненные достоинства книги Э. М. Мурзаева, о которых говорилось в начале статьи, а отметить явную неравноценность географического и лингвистического аспекта «Очерков топонимики».

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ*

О заимствованиях из русского языка в языки других народов России имеется обширнейшая литература. Из старых работ см., например (Эндзелин 1899:285–312). Одной из наиболее обстоятельных монографий, посвященных данному вопросу, является книга Э. М. Ахунзянова (1968). Гораздо меньше внимания в языковедческих работах обычно уделялось обратному процессу, а именно — заимствованиям не из русского, а в русский язык, особенно если эти заимствования имели место в отдаленную историческую эпоху (см., напр.: Миртов 1941; Дмитриев 1958; Назаров 1958; Лаучюте 1971).

Между тем при изучении русского языка в национальной школе вопрос о взаимном обогащении национального языка за счет русских слов и русского языка за счет национальной лексики имеет важное не только учебное, но и воспитательное значение. Именно вопросам изучения такого рода заимствований из национальных языков в русский язык и посвящена настоящая статья.

В условиях двуязычия (частичного или полного) русские, проживающие на территории национальной республики, нередко употребляют в своей речи заимствованные слова, которые не распространяются за пределы данной республики. Сюда относятся названия различных видов национальной одежды, обуви, пищи, обычаев и т. д. Русские и представители местного национального языка, говорящие по-русски, не встречая этих слов в русской художественной литературе, в языке газет, радио и телевидения (за пределами республики), обычно понимают, что в случаях подобного рода они имеют дело с заимствованием из национального языка не в русский литературный язык, а лишь в разговорный русский язык, территориально ограниченный местными диалектами и говорами.

Не нужно, однако, думать, что изучение такого рода узкорегиональных заимствований лишено какого-либо серьезного значения. Как известно, слова чаще всего заимствуются не поодиночке, а целыми группами, и эти заимствования обычно происходят в условиях двуязычия. Именно таким образом в разные исторические эпохи русский язык усвоил большое количество старославянизмов, грецизмов, тюркизмов,

---

* Статья была опубликована в журнале: Русский язык в национальной школе. 1973. № 3. С. 10–18.

германизмов, галлицизмов. Полностью восстановить реальные условия, при которых происходили все эти заимствования, мы, естественно, не можем. В то же время узкорегionalные заимствования, которые повсеместно наблюдаются на территориях с коренным нерусским населением, могут пролить определенный свет на самый «механизм» заимствования, недоступный для непосредственного наблюдения, если речь идет о событиях далекого прошлого.

В русских говорах Литвы можно встретить заимствованное слово *вакарас* (из лит. *vākaras* ‘вечер’). Однако в процессе усвоения иноязычного слова его семантика претерпела существенные сдвиги в сторону сужения значения: рус. диал. *вакарас* — это не вообще ‘вечер’ (такого значения у этого слова нет), а только в сочетаниях типа *вечер отдыха, вечер танцев* и т. п. С этой же семантической закономерностью (сужение значения слова в процессе заимствования) мы постоянно сталкиваемся и при изучении древних заимствований, вошедших в русский литературный язык. Например, *изюм* — это не ‘виноград’ вообще (как в тюркском источнике), а лишь ‘сушеный виноград’, *балык* — не ‘рыба’ вообще, а только ‘сорт вяленой рыбы’.

Таким образом, анализ заимствований из национальных языков в территориально ограниченные говоры и диалекты русского языка может содействовать выявлению определенных фонетических, морфологических, семантических и иных закономерностей, характерных для процесса заимствования вообще. Вот почему примеры подобного рода мы не должны рассматривать как какой-то «второсортный» материал, не достойный внимания серьезного лингвиста.

И русские, знающие национальный язык своей республики, и носители этого языка, говорящие по-русски, как правило, встречают в обоих языках немалое количество слов общего происхождения. Например, в тюркоязычных республиках среди таких слов можно выделить: а) слова русского происхождения; б) слова тюркского происхождения; в) грецизмы и латинизмы, проникшие в русский язык, а через его посредство — в данный тюркский; г) арабизмы и иранизмы, проникшие в тюркские языки, а через их посредство — в русский.

Когда речь идет о достаточно древнем заимствовании, нередко бывает очень трудно определить, кто же у кого заимствовал слово. Даже ученые-этимологи при решении вопроса о направлении заимствования иногда решают его полярно противоположным образом. Так, одни исследователи полагают, что слово *штаны* — это тюркизм в русском языке, а другие считают его исконным славянским словом, видя, на-

пример, в тат. *ыштан* заимствование из русского языка. И примеров подобного рода можно привести немало.

Между тем вопрос о том, кто у кого заимствовал то или иное слово, достаточно часто возникает при изучении русского языка в национальной школе. К сожалению, этимологические словари не всегда ясно отвечают на этот вопрос, а если и отвечают, то, как правило, не приводят никакой или почти никакой аргументации. На какие же объективные критерии можем мы опираться при решении вопроса о том, в каком направлении шло заимствование?

Начнем с фонетического критерия. Каждый язык обладает какой-то суммой особенностей произношения, которые отличают его от других родственных и неродственных языков. И фонетический строй, и артикуляционная база у двух контактирующих языков могут значительно различаться между собой. Поэтому при заимствовании слов из одного языка в другой эти слова во многих случаях не могут быть адекватно переданы фонетическими средствами заимствующего языка. Отсутствующие в этом языке звуки передаются иными, по возможности — наиболее близкими в языке-источнику звуками (фонетическая субституция).

Иногда особенности фонетической субституции могут, на первый взгляд, показаться странными. Например, и в литовском, и в белорусском языке имеются гласные *a* и *o*. Но в старых заимствованиях из белорусского языка в литовский гласный *a*, как правило, передается посредством *o*, а гласный *o* — посредством *a*. Так, слово *батогъ* дало лит. *botāgas*, блр. *мохнатъ* — лит. *maknōtas*. Аналогичное явление наблюдается и при обратных заимствованиях — из литовского языка в белорусский. Все дело здесь в том, что на славянской почве гласный *a* в древности был всегда долгим, а гласный *o* — кратким. В литовском же языке, напротив, долгим был гласный *o*, а кратким — *a*. В процессе субституции определяющим признаком гласного являлась его долгота/краткость, а не открытость/закрытость. Отсюда — особенности при передаче гласных *a* и *o* в приведенных примерах.¹ Следовательно, при определении направления заимствования необходимо обращать внимание не на буквенные совпадения в словах двух контактирующих языков, а на то, отвечают ли они особенностям фонетической субституции.

Слова тюркского происхождения обычно выделяются в русском языке двумя четкими фонетическими признаками, типичными для тюр-

¹ В более поздних заимствованиях гласные *a* и *o* обычно передаются уже иначе (*a* → *a*, *o* → *o*).

кизмов: гармонией гласных и ударением на последнем слоге. Здесь возможны случаи повторения одного и того же гласного в первом и втором слоге: *арба́*, *бахча́* (*a — á*), *кизíл*, *кишмíш* (*и — ú*), *сундúк*, *тулúп* (*у — ú*). Из других сочетаний можно отметить *у — á* (*кума́ч*, *зурна́*), *a — ú* (*табу́н*, *арбу́з*), *a — í* (*ары́к*, *камы́ш*). Однако наличие отмеченных фонетических признаков совсем не означает, что перед нами — слово тюркского происхождения. Сравните, к примеру, такие пары: *куша́к* — *чуда́к*, *камы́ш* — *малы́ш*, *бирю́к* — *индю́к*, *сайда́к* — *лайда́к*. Вторые слова в этих парах ничего общего с тюркизмами не имеют, хотя в плане своей внешней фонетической структуры они ничем или почти ничем не отличаются от первых слов. Отсюда можно сделать вывод, что один или даже несколько изолированных фонетических признаков не могут с полной определенностью свидетельствовать о том, что интересующее нас слово заимствовано из языка, для которого эти признаки являются наиболее характерными. И все же в тех случаях, когда у нас есть достаточно серьезные основания для того, чтобы отнести слово, например, к числу тюркизмов, наличие таких фонетических признаков, как гармония гласных и ударение на последнем слоге, может служить дополнительным и весьма существенным аргументом в пользу предположения о тюркском происхождении рассматриваемого слова.

Важным фонетическим признаком заимствования является наличие в слове звука (или сочетания звуков), типичного для языка-источника, но чуждого русскому языку. Например, в исконных русских словах отсутствует мягкий или твердый звук [дж] в качестве самостоятельной фонемы.² Нет здесь и сочетания звуков *дж*. В тех же случаях, когда в отдаленные исторические эпохи в славянских языках появлялось сочетание *дж*, оно обычно подвергалось метатезе или упрощению: *sad-j-a > *sadža > ст.-сл. **САЖДА**, но рус. *сажа*. Вот почему слова с сочетанием *дж* в начале (*джемпер*, *джигит*), середине (*раджа*, *паранджа*) или в конце слова (*бридж*, *коттедж*), как правило, являются заимствованными в русском языке. Анализ звукового состава слова, наиболее типичных для того или иного языка сочетаний звуков во многих случаях помогает правильно определить путь, который слово прошло при заимствовании из одного языка в другой.

Словообразовательный критерий. Если слово стоит особняком в языке, не относясь к тому или иному словообразовательному ряду, то это может служить основанием для того, чтобы допустить воз-

²Но как позиционный вариант мягкое [д'ж'] может появиться на границе слов *лечь бы* (= [л'эд'ж'бы]) или морфем (*алчба* = [алд'ж'ба]) на месте этимологического [ч].

возможность его иноязычного происхождения. Но одного этого отрицательного признака обычно бывает недостаточно для того, чтобы с полным основанием установить заимствованный характер слова. Например, в русском языке нет надежно установленного и подтвержденного большим количеством примеров словообразовательного ряда на *-зо*. Тем не менее едва ли кто-нибудь будет сомневаться в исконности таких русских слов, как *пузо* и *железо*.

Одним из наиболее серьезных аргументов в пользу заимствования может служить наличие той или иной словообразовательной модели в языке-источнике — при ее отсутствии в заимствующем языке. Однако этот, на первый взгляд, очень простой способ определения заимствованного характера слова может таить в себе немало «яду».

Так, суффикс *-арь*, служащий для обозначения лиц определенной профессии, появился в славянских языках сначала в словах германского происхождения: др.-рус. *мытарь* 'сборщик податей' (ср. гот. *motareis*), *боукарь* 'писец' (ср. гот. *bokareis*).³ Но вскоре этот суффикс получил широкое распространение и в исконно славянских словах (*свинарь*, *рыбарь* и др.) (Мейе 1951: 298–299). Возьмем более поздний пример. Такие слова, как *багаж*, *литраж*, *метраж* и т. д., представляют собой заимствования с ярко выраженным французским суффиксом (*-age*), исконно чуждым русскому и другим славянским языкам. Однако если мы механически все русские слова на *-аж* отнесем к галлицизмам, то тем самым совершим грубую ошибку, ибо суффикс *-аж* уже в XX в. стал присоединяться к исконно русским словам: *листаж*, *сенаж*, *подхалимаж*.

Другая сложность, возникающая при обращении к словообразовательному критерию, заключается в том, что заимствованные слова нередко переоформляются и переосмысливаются морфологически. «Хрестоматийный» пример такого переосмысления представляет собой слово *зонт*. Старая форма заимствования — *зондек* (из голл. *zondek* 'укрытие от солнца') была преобразована в *зонтик* и включена в словообразовательный ряд существительных с уменьшительным суффиксом *-ик*: *зонт-ик*, как *мост-ик*, *дом-ик* и т. п. Отсюда вторично было образовано слово *зонт*, которого, естественно, не было в языке-источнике. Еще более яркий пример (несколько иного типа) — это итал. диал. *cortello* 'нож', заимствованное в русский язык в виде *корт-ик*

³В германском этот суффикс также является заимствованным (из лат. *-agius*). Из славянских языков суффикс *-арь*, в свою очередь, был заимствован в литовский язык.

(уменьшительный суффикс в этом случае был калькирован).⁴

Несмотря на эти (а также и на другие) трудности, словообразовательный критерий очень часто позволяет правильно определить направление заимствования даже в тех случаях, когда оба языка, и язык-источник, и заимствующий язык, находятся в достаточно близком генетическом родстве, обладают сходными словообразовательными моделями. Например, в псковских говорах русского языка засвидетельствовано слово *арѳба* (*орѳба*) 'пахота'. В памятниках старопольской и старобелорусской письменности (XVI—XVII вв.) мы также встречаем: пол. огуба, блр. *ориба*. Можно ли говорить о заимствовании этого слова из литовского языка (лит. *агѳба* 'пахота')? Казалось бы, и в русском языке есть глагол *орать* 'пахать', а также производные с суффиксальным -б-. Но все дело здесь в том, что в исконно славянских словах мы нигде не находим отглагольных образований на -ѳба, а только на -ѳба (*борѳба*, *ходѳба*, *гулѳба*, *молотьѳба*, а для глагола *орать* — *орѳба*). В то же время модель *arti* 'пахать' → *агѳба* 'пахота' имеет весьма широкое распространение в литовском языке. Характерно, что в русских говорах на территории Литвы есть и другие — совершенно бесспорные — примеры заимствования литовских слов с тем же самым суффиксом: *пайшиба* (лит. *раiѳба*) 'рисование', *вальдиба* (лит. *валдѳба*) 'правление' и др. Следовательно, в случае со словом *ариба* его заимствованный характер подтверждается тщательным словообразовательным анализом.⁵

Семантико-этимологический критерий. Слова в языке, как известно, очень часто являются многозначными. При заимствовании из одного языка в другой они, как правило, утрачивают часть своих значений, обычно даже — все значения, кроме какого-то одного. Правда, заимствованные слова могут также, наоборот, и приобрести на своей новой родине одно или ряд значений, которых не было в языке-источнике. Но такие случаи сравнительно редки, гораздо более типичной является именно утрата части значений, а также сужение значения слова, причем часто это сужение связано с заменой абстрактного значения более конкретным.

Кроме уже приведенных выше примеров со словами *изюм* и *балык*, этот тезис может быть подтвержден на материале сравнительно поздних заимствований из английского языка. Так, слово английского происхождения *дог* (из англ. *dog* 'собака') в русском языке означает не собаку вообще, а лишь определенную породу собак. В русском языке

⁴Объяснение известного итальянского лингвиста В. Пизани.

⁵Пример со словом *ариба* взят из работы: (Лаучюте 1971).

слово *пенальти* — это не наказание вообще (как в английском языке), а лишь наказание одиннадцатиметровым штрафным ударом в футболе и т. д., и т. п.

Естественно, что в процессе заимствования каждое слово, оторвавшись от своей родной почвы, лишается в заимствующем языке всяких семантических и этимологических связей. Л. И. Баранникова совершенно справедливо отмечает, что «при заимствовании слов не заимствуются их семантические связи, слово в заимствующем языке оказывается семантически одиноким, не имеющим внутренних связей с другими близкими словами. . . » (Баранникова 1972: 91). Иногда, правда, приходится учитывать при этом возможность переосмысления слова под влиянием народной этимологии, но в целом — наличие у слова тесных семантических и этимологических связей в одном языке при отсутствии таковых в другом является важным критерием при определении того, в каком направлении шел процесс заимствования.

Географический и хронологический критерий. Первостепенное значение при этимологизации заимствований имеет определение времени заимствования и ареала, в котором встречается анализируемое слово или характеризующие его фонетические и словообразовательные признаки. Это обстоятельство имеет особо важное значение, если речь идет о заимствованиях в условиях двуязычия. Совершенно естественно, что такие заимствования могли иметь место только там и тогда, где и когда реально или гипотетически существовало двуязычие.

Использование географического критерия при определении источника и направления заимствования имеет несколько аспектов. Во-первых, необходимо учитывать, в каких именно диалектах русского языка засвидетельствовано интересующее нас слово. Узкая региональная ограниченность позволяет предположительно искать источник заимствования в языках, с которыми контактирует (или контактировали) данные диалекты русского языка. Во-вторых, при наличии предположительно единого исходного слова в русском и в национальном языке того или иного ареала анализу должен быть подвергнут не только ареал, в котором распространено русское слово, но также и ареал соответствующего слова в данном национальном языке и в родственных с ним языках. Обычно заимствование идет в направлении из языка, в котором слово имеет широкое распространение (и даже засвидетельствовано в родственных языках), в язык, где слово встречается лишь в близлежащих диалектах или, во всяком случае, не засвидетельствовано

в родственных языках. Разумеется, возможны и более сложные случаи, когда лингвогеографические данные оказываются противоречивыми и требуют обращения к иным критериям.

Хронологический фактор в процессе этимологизации также должен учитываться в нескольких аспектах. Так, предположение о наличии галлицизмов в древнерусском языке домонгольского периода, по-видимому, будет представлять собой анахронизм, ибо широкое проникновение в русский язык слов французского происхождения относится к гораздо более поздней эпохе. Вопрос о хронологии языковых контактов часто переплетается с вопросом о времени тех или иных фонетических изменений или о времени продуктивности словообразовательных моделей в языке-источнике и в заимствующем языке.

Историко-культурный критерий. Очень часто слова заимствуются из одного языка в другой вместе с соответствующими реалиями. Названия орудий труда, различного рода изделий, металлов, животных, растений (особенно культурных), религиозных обрядов и обычаев — вот далеко не полный перечень тех слов, которые заимствуются вместе с реалиями.

Например, немало слов, связанных с коневодством, было заимствовано в русский язык с востока, в частности из тюрко-монгольских языков. Здесь прежде всего можно отметить слово *лошадь*, а также некоторые названия мастей (*буланый*, *мухортый*, *каурый* и др.). Поэтому когда мы в этимологическом словаре А. Г. Преображенского (I, 528) читаем (со ссылкой на Ф. Миклошича и Н. В. Горяева), что русское слово *мерин* пришло к нам с севера — от варягов, то уже в плане реалий данное предположение вызывает определенные сомнения. На самом деле слово *мерин* также проникло к нам с востока — из монгольских языков: монг. *морь*, др.-монг. *moᡔin*, калм. *möᡔin* 'конь'.

Разумеется, в рамках одного очерка нет возможности детально проанализировать рассмотренные нами критерии, на основании которых устанавливается заимствованный характер слова, а также определяется направление и конкретные пути заимствования. Кроме того, в практике этимологизирования, по большей части, приходится обращаться не к одному какому-то критерию, а к их совокупности. Причем эта совокупность не является простой суммой отдельно взятых критериев, ибо они, с одной стороны, составляют неразрывное единство, а с другой — находятся между собой в сложных и противоречивых отношениях. Это обстоятельство крайне затрудняет комплексный этимологический анализ заимствованной лексики.

В заключение рассмотрим случай, который позволит нам перейти от изложения общих принципов и краткой характеристики отдельных критериев к их практическому применению — на конкретном примере, который до сих пор среди этимологов считается спорным.

Возьмем лит. *káušas* 'ковш' и рус. *ковш*. Эти два слова не могут быть исконно родственными, ибо они вообще не отражают обычных балто-славянских фонетических соответствий (литовскому *káušas* закономерным соответствием в русском языке явилось бы слово *кус). В то же время они вполне сопоставимы при допущении фонетической субституции в процессе заимствования. Но здесь и возникает главный вопрос: кто же у кого заимствовал слово? Одни этимологи считают, что русское слово *ковш* (так же как блр., укр. *ковш* и пол. *kouisz*) было заимствовано из литовского языка (Фасмер, II, 273). Другие, напротив, полагают, что процесс заимствования шел в обратном направлении (Трубачев 1966 : 302–303).⁶ Для решения этого спорного вопроса обратимся к рассмотренным выше критериям.

а) По своей фонетической структуре *káušas* представляет собой типичное литовское слово. Сочетания звуков *-auš-*, *-kauš-*, *-rauš-*, *-tauš-* или (звонкий вариант) *-bauž-*, *-dauž-*, *-gauž-* очень широко представлены в исконно литовских корнях. В то же время русскому языку чужды корневые слова на *-овш-*, *ковш-*, *повш-*, *товш-*, *бовш-* или *бовж-* и т. п. Одно из очень немногих, по-видимому, слов подобного типа — рус. диал. *ловж* (*ловжа*) — это заимствование из литовского языка (Фасмер, II, 509). Следовательно, фонетический «облик» лит. *káušas* и рус. *ковш* говорит в пользу исконности первого и заимствованного характера второго слова.

б) В семантическом плане слово *ковш* в восточнославянских языках (и в польском) не имеет никаких связей, оно оказывается здесь совершенно изолированным. Иное дело — в балтийских языках. Во-первых, лит. *káušas* и лтш. *kaùss* — это не только 'ковш', но и 'череп'. Древность последнего значения подтверждается тем, что и в литовском, и в латышском языке имеются слова *káušas* (*kaùss*) со значением 'череп': лит. *rakáušis*, лтш. *rakausis* 'затылок' (букв. 'причерепье'). Во-вторых, наряду с существительным *káušas* 'ковш' в литовском языке имеется глагол *kaũšti* 'пьянеть'. Все эти (а также и другие) факты говорят о том, что лит. *káušas* имеет на балтийской почве широкие семанти-

⁶П. Я. Черных считает слово *ковш* исконно славянским, а не заимствованным. Следовательно, он также должен был допускать возможность заимствования из славянского в балтийский (Черных 1956 : 96).

ческие связи, которых нет у русского слова *ковш*. Это также серьезный аргумент в пользу того, что русское слово было заимствовано из литовского языка.

в) Попытки этимологизировать слово *ковш* на славянской почве М. Фасмер с полным основанием отвергает как совершенно несостоятельные (II, 273). В то же время лит. *káušas* имеет надежные соответствия в родственных и.-е. языках (ср. лат. *saucup* 'кубок', др.-гр. *χαιχίον* 'чаша' и др.) — соответствия, к которым, как мы видели, не может быть отнесено рус. *ковш*. Этимологически лит. *káušas* связано с такими литовскими глаголами, как *káuiti* 'рубить, вырубать' и *kaūšiti* 'выдалбливать' и первоначально это слово обозначало выдолбленный из дерева сосуд (ср. рус. диал. *долбúша, долблénка*). (Подробности об этимологии балтийских слов см. в очерке на с. 226–234.) Следовательно, и здесь проявляется несомненно заимствованный характер русского слова *ковш*.

г) Словообразовательные (как и семантические) связи у рус. *ковш*, по существу, отсутствуют. Попытка связать его этимологически с глаголом *ковать* неприемлема как по семантическим, так особенно и по словообразовательным соображениям (отсутствие модели типа *ковать* → *ковш*). Никак нельзя объяснить на славянской почве и словообразовательные связи между словами *ковш* и *кувшин* (из *ковшин, ср. *кувалда* из *ковалда). Между тем в литовском языке имеется весьма распространенная модель образований на *-inas*, которая в отношениях между словами *қовш* и *кувшин* все ставит на свое место (ср. лит. *vaĩkas* 'ребенок' и *vaĩkinas* 'парень', букв.: 'большой ребенок'). Этот и приведенные выше примеры (лит. *raikáušis* 'затылок', *kaūšiti* 'пьянеть') говорят о том, что лит. *káušas* имеет в литовском языке широкие словообразовательные связи, которых в русском языке нет у слова *ковш*.

д) Географический критерий также говорит об исконности балтийского названия ковша, которое было заимствовано в ряд славянских языков. Наличие этого слова в обоих современных балтийских языках, а также наличие его соответствий в латинском, греческом и древнеиндийском позволяет говорить об общесбалтийском (и даже индоевропейском) происхождении лит. *káušas*. Что касается рус. *ковш*, то это слово не является общеславянским. Оно засвидетельствовано именно в том ареале, в котором распространены славянские балтизмы: польский, белорусский, русский и (в меньшей степени) украинский язык. Среди памятников древней белорусской, русской и поль-

ской письменности слово *ковш* (kousz) особенно часто встречается в документах так называемого Литовско-русского государства.

е) Гипотеза о заимствовании лит. *káušas* из славянского источника сталкивается с непреодолимыми хронологическими трудностями. Допустим, что слово *ковш* действительно было заимствовано откуда-то с востока (точка зрения О. Н. Трубачева (1966: 302–303)). Такое заимствование должно было быть сравнительно поздним, во всяком случае — не общеславянским. После этого слово *ковш* было заимствовано в балтийские языки, где оно приобрело «новос» (а на самом деле очень древнее) значение ‘череп’, которого не знают ни славянские, ни восточные языки. От «недавно» заимствованного слова в его «новом» значении и в литовском, и в латышском языках образуются производные со значением ‘затылок’. В «новом» слове появляется старое, давно утратившее свою продуктивность чередование **e/*o* (типа *везу/воз, пеку/опока*): *kiáušas/káušas* ‘череп’, а также очень архаическая черта, проявляющаяся в непоследовательном отражении индоевропейского **k’*: *kauk-* и *kauš-* (так же как, например, *piŋkti* ‘покупать’ и *piŋšti* ‘сватать’, букв.: ‘покупать невесту’). Все эти, а также другие черты, отражающие исключительную древность балтийского названия ковша, самым решительным образом противоречат гипотезе о заимствовании из славянских языков в балтийские. Следовательно, эта гипотеза не выдерживает критики также и с точки зрения хронологии языковых явлений.

Наряду с исключительным архаизмом балтийского языкового материала нужно отметить также, что позднее распространение слова *ковш* в ряде диалектов русского языка подтверждается прямыми свидетельствами, записанными даже в XX в. Так, в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» отмечается, что в большинстве обследованных пунктов слово *корец* считается старым словом и употребляется преимущественно лицами старшего поколения, а *ковш* — это «новое слово» (Атлас РНГ, 965). То же самое — в томских говорах: *Корец* — это раньше звали, а теперь — *ковш* (Блинова 1972: 94).

ж) Наконец, в плане культурно-исторических реалий необходимо подчеркнуть, что слово *ковш* относится к той группе лексики, которая широко представлена среди славянских слов балтийского (литовского) происхождения, распространенных, кстати, в том же самом ареале (польский, белорусский, русский, отчасти — украинский). Речь идет о словах, связанных с работой плотника, с различными процесса-

ми обработки дерева: блр. *дойліда* 'плотник', рус. (включая диалектные слова) *деготь*, *пакля*, *ендова*, *жлукто* 'кадка для стирки (бучения) белья', *шуло* 'столб', *склют* 'тесло' и др. — все это слова, заимствованные в русский язык и его диалекты из литовского языка. Заметим, что слова *ковш*, *ендова* и *жлукто* относятся к одной и той же семантической группе слов, означающих различного рода деревянные сосуды (Лаучюте 1971: 156–157).

Итак, при обращении ко всем без исключения критериям мы постоянно убеждались в том, что направление заимствования в случае лит. *káušas* — рус. *ковш* могло быть только одним: из литовского языка в русский. Нужно полагать, что еще до образования Великого княжества Литовского в условиях двуязычия литовское слово *káušas* в значении 'ковш' было заимствовано в диалекты старопольского и древнерусского языков. В польском языке слово так и осталось диалектным, а др.-рус. *ковшь* — после разделения древнерусского языка на русский, белорусский и украинский — получило в каждом из этих языков широкое распространение, еще позднее оно вошло в соответствующие литературные языки, но следы сравнительно позднего распространения этого слова до сих пор можно обнаружить в диалектах русского языка.

Часть II

СЛАВЯНСКИЕ, БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ И БАЛТИЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

БАРАХЛО*

В одной из своих работ А. А. Шахматов сопоставил слово *барахло* с рус. диал. *борошень* 'путевые пожитки, запасы; скарб' (Шахматов 1902: 352–354). Исследование А. А. Шахматова было посвящено фонетическим вопросам, поэтому на этимологии слова *барахло* он по существу не останавливался и его сопоставление не содержало никаких аргументов семантико-этимологического характера. М. Фасмер хотя и ссылается на указанное А. А. Шахматовым сопоставление, однако не принимает его и выносит этимологии слова *барахло* малоутешительный приговор: *dunkel* (Vasmer, I, 54). Наконец, в «Словаре современного русского литературного языка (ССРЛЯ, I, 275)» слово *барахло* — без единого аргумента — объясняется как заимствование из монгольского языка (монг. *бараа* 'товар').

С интересной попыткой обосновать и развить точку зрения А. А. Шахматова выступили Т. В. Шанская и Н. М. Шанский (КЭСРЯ, 29; Шанский 1962: 18–19), Приведем полностью статью из «Краткого этимологического словаря русского языка»: «**Барахло́**. Собственно русское. Образовано, вероятно, с помощью суф. *-ло* от той же основы, что и диал. *борошень* 'пожитки, скарб, хлам'. *Борохло* > *барахло* в результате закрепления аканья на письме. Исчезнувшее *борохъ* является производным посредством суф. *-хъ* от *боръ* 'собранное, присвоенное'. См. **братъ**. Первоначальное *borcъ изменилось в *борох* после развития полногласия».

Ряд возражений (на наш взгляд, существенных) высказал против данной этимологии П. Я. Черных в своей рецензии на «Краткий этимологический словарь русского языка» (Черных 1961: 98). В частности, П. Я. Черных отмечает, что слово *барахло* позднее, оно впер-

---

* Статья была опубликована в сборнике: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1966. Вып. V. С. 73–79.

вые зафиксировано у Даля.¹ Н. М. Шанский в связи с этим пишет, что «отождествлять время фиксации слова в словарях с временем их действительного появления в языке — значит делать грубую ошибку: очень многие слова древнерусской эпохи в словарях были зафиксированы впервые в XIX в.» (Шанский 1962: 18). Последний аргумент Н. М. Шанского нам представляется неубедительным. С равным основанием мы можем заявить, что относить непременно к древнерусской эпохе слово, впервые зафиксированное в XIX в., — значит совершать еще более грубую ошибку. Речь, очевидно, должна идти не об абстрактной возможности (полагаем, что в принципе обе возможности допускают и П. Я. Черных, и Н. М. Шанский), а о конкретном слове *барахло*. Слово же это, действительно, является поздним. И оно останется таковым до тех пор, пока не будет обнаружено в более ранних памятниках письменности или пока не будет с полной очевидностью доказана его древняя этимология и словообразовательная структура.

Н. М. Шанский (1962) объединяет в одну семантическую группу слова *борошень* (*борошно*), *бор* (*брать*) и *барахло*. *Борошень* и *барахло* возводятся к основе **борох-*, которая, в свою очередь, является производной от корня *бор-*. Рус. диал. *бор* 'ноша, движимое имущество, собранное, присвоенное' сопоставляется в статье с др.-гр. *φόρος* 'ноша', др.-инд. *bhāraḥ* 'ноша, бремя' и т. д. Следовательно, *барахло* как «движимое имущество» имеет в качестве исходного значения значение 'ноша'.

Несмотря на тщательность аргументации и на отдельные интересные наблюдения, в целом, этимология слова *барахло*, предложенная Т. В. Шанской и Н. М. Шанским, вызывает серьезные выражения. Прежде всего — по фонетическим и словообразовательным причинам. Трудно объяснить переход *борохло > *барахло* как результат закрепления аканья на письме, ибо Даль фиксирует это слово как раз в тех диалектах русского языка, для которых аканье не является типичным (архангельский, оренбургский) (Даль, I, 48). Наличие *a* (*барахло́* и *бара́хло*) в окружающих диалектах — лучшее доказательство его исконности у данного слова.

Вряд ли допустимо также сопоставление глагола *брать* с *борошень* и *борошно*. Словообразовательная структура ст.-сл. **БРАШЬ-НО** (берем древнейшую из известных форм этого слова) выступает достаточно четко: корень *бра-*, детерминатив корня *-шь-*, суффикс

¹Здесь П. Я. Черных допускает неточность: слово *барахло* встречается уже у А. Х. Востокова в «Опыте областного великорусского словаря» (см. Опыт).

-но. Формант *-s- (*-si-) перед суффиксальным носовым -п- (-т-) встречался, как правило, лишь у корней, оканчивающихся на взрывной смычный звук (ср. *louk-s-na > луна, *stroug-s-na > струна, *čit-s-men > ст.-сл. ЧИСМА и др.). Глагол же *брати* (< *bog-ti) в отличие от *брашьно* имеет производные с суффиксом *-по- только без форманта -s-: (из)бранъ < *bog-по-s и др. Следовательно, корень слова *брашьно* должен оканчиваться на взрывной звук (тип *perk'-/ *rogk'-); наличие двух согласных в конце корня хорошо объясняет тематическую форму форманта -si-,² засвидетельствованную также и в других индоевропейских языках. Тем самым исключается возможность возведения слова *брашьно* к глаголу *брати*.

Слово *брашьно* не может восходить к глаголу *брати* и по семантическим соображениям. Значение др.-рус. и рус. диал. *борошень* 'путевые пожитки, скарб' является, несомненно, вторичным: 'мука' → 'мучная пища' → 'пища на дорогу' → 'пожитки, скарб'. О том, что древнейшим значением слова *брашьно* было значение 'мука', говорят, помимо общеизвестных индоевропейских фактов, данные украинского (*борошно* 'мука'), сербохорватского (*брѣшно* 'мука'), болгарского (*брашно* 'мука') и древнерусского языков (*брашненица* 'амбар'), а также засвидетельствованные в ряде русских диалектов слова *борошно* 'ржаная мука' и *борошня* 'мучной товар, мука' (Даль, I, 99–101, 118; см. также очерк об ирл. brán на с. 333–337 настоящего издания).

Что же касается слова *барахло*, то оно, видимо, не связано ни с глаголом *братъ*, ни со словом *борошно* (или *борошень*). И глагол *братъ*, и существительное *борошно* имеют соответствия почти во всех славянских языках; достаточно ясны они и по своей словообразовательной структуре. Слово же *барахло* отсутствует во всех славянских языках, кроме русского, его нет в древнерусском языке, и оно не входит в какой бы то ни было словообразовательный ряд современного русского языка. Н. М. Шанский восстанавливает слово *борох и сопоставляет его со словом *порох*. Но в сопоставлении *борох — *борохло; *порох* — *порохло три слова из четырех приходится обозначать звездочкой. Ясно, что подобное сопоставление не может считаться достаточно убедительным. Возражая против конкретной этимологии слова *барахло*, защищаемой Н. М. Шанским, автор настоящей заметки отнюдь не оспаривает основных методических принципов, изложенных Н. М. Шанским (1962).

²В противном случае имело бы место скопление согласных: г, смычный корня, s, п.

Отсутствие в русском языке словообразовательного ряда на *-хло*,³ отсутствие каких бы то ни было следов предполагаемого слова **борохъ* в родственных славянских языках, факт поздней фиксации слова *барахло* в словарях — все это заставляет предполагать, что данное слово является заимствованием из какого-то неславянского языка. Область распространения слова *барахло* в XIX в. (Даль помечает его как архангельское, оренбургское и сибирское) заставляет искать корни этого слова на севере, на юго-востоке или на востоке. Ниже предлагается новое этимологическое истолкование слова *барахло*, которое мы рассматриваем как заимствование из монгольского языка.

Ссылка на монгольское слово *бараа*, которая содержится в «Словаре современного русского литературного языка» (ССРЛЯ, I, 275), разумеется, не объясняет еще этимологии слова *барахло*. Но эта ссылка правильно, как нам кажется, указывает на источник заимствования и на один из составных элементов заимствованного слова. Однако в целом слово *барахло* следует возводить не к монг. *бараа* — слову, которое помимо указанного выше значения 'товар' имеет также значение «тряпье, скарб, пожитки», а к монг. *бараа хоол*. Второе слово этого парного сочетания имеет в монгольском языке значение «еда, пища, провизия, провиант». Монг. *бараа хоол* в совокупности могло означать все то, что монгол брал с собой, кочуя с одного места на другое. Сюда входили и продукты питания, и одежда, и всевозможный скарб.⁴ Парные сочетания типа *бараа хоол* чрезвычайно широко распространены в монгольском языке. Вот некоторые примеры подобных парных сочетаний: *энх тайван* 'мир', *эруу шуулт* 'пытка', *эруул мэнд* 'здоровье', *эх эцэг* 'родители' (букв. 'мать, отец'), *хоол унд* 'пища' (букв. 'еда, питье') и т. п.

Монг. *бараа хоол* при слитном произношении должно дать в русском заимствованном слове ударение на последнем слоге: **барахóл*. Раздельное произношение слов *бараа* и *хоол* могло привести к ударению в середине слова: **барáхол* (> *барáхло* — ударение, зафиксированное Далем). Форма **барахол* сохранилась в многочисленных производных от этого слова: *барахолка*, *барахольщик*, *барахольный*, *барахолить*. Изменение **барахол* > *барахло* вполне естественно на почве русского языка. Сама семантика слова заставила произвести в нем морфологическое переформливание, что вызвано необходимостью

³ Нам известно лишь одно подобное слово: рус. диал. *рухло* (Даль, IV, 115), восходящее к др.-рус. *роухло* 'движимое имущество, пожитки'.

⁴ Ср. рус. *жито* и *пожитки*.

соотнести собирательное значение данного слова с обычным в этих случаях средним родом на -о.

В полном соответствии с поздней фиксацией слова *барахло* в словарях можно утверждать, что перед нами факт сравнительно позднего заимствования. Монгольские долгие гласные в подавляющем большинстве случаев явились результатом слияния кратких гласных после выпадения интервокальных проточных согласных (Санжеев 1953: 7). Этот процесс, протекавший не одинаково в различных монгольских диалектах, закончился, в основном, лишь в XV в. (там же: 78).⁵ Поэтому едва ли заимствование слова *барахло* произошло ранее XVI в., скорее же всего — значительно позднее этого времени. Отсутствие слова *барахло* в тюркских языках заставляет предполагать, что оно было заимствовано непосредственно из какого-то монгольского языка, вероятнее всего, судя по географическому ареалу этого слова, из калмыцкого или бурятского языка.

В пользу правильности приведенной нами этимологии слова *барахло* говорит следующий весьма интересный факт. В словаре Даля слово *барахло* приводится как синоним оренб. диал. *шарабара* (Даль, IV, 374, 375, 621). Последнее слово имеет значение 'всякая всячина, мелочь, домашний скарб, старая рухлядь'. М. Фасмер не дает никакого этимологического объяснения для слова *шарабара*, предположительно относя его к числу Reimbildungen. В Даль сопоставляет первую половину слова *шарабара* с сибирск. диал. *шара* (< монг. *шаар*) 'выварки чая'.⁶ Монг. *шаар* помимо указанного Далем имеет также значения: «подонки, отбросы; брак». В целом монг. *шаар бараа* 'негодный хлам' — такое же (типичное, как мы видели, для монгольского языка) парное сочетание, как и *бараа хоол*. Характерно, что в обоих парных сочетаниях наличествует слово *бараа* 'скарб, пожитки'. Оба синонима (*барахло* и *шарабара*) в XIX в. были распространены в Оренбургской и Пермской губерниях, а также в Сибири. Следовательно, можно считать, что приведенная нами этимология обоих слов хорошо согласуется и с их ареалом, и с известными нам данными монгольских языков.

В заключение следует отметить еще одно весьма существенное обстоятельство: в современном бурят-монгольском языке имеется сло-

⁵Особенно длительным был процесс слияния кратких *о* и *у* в *о̄* (ср.: *хоол* < *qoγul).

⁶М. Фасмер (III, 374) считает, что это слово заимствовано из калм. *šar*, ссылаясь при этом на Г. Рамштедта. Однако последний ничего подобного не утверждает; он приводит только слово *šar* (вернее *šār*), распространенное и в других монгольских языках (см.: Ramstedt, 349). Нам кажется более вероятным предположение о том, что сибирск. диал. *шара* было заимствовано не из калмыцкого, а из бурятского или монгольского языка.

во *борхолоо* 'пожитки, хлам, барахло' (Рус.-бурят.: 27). Это слово, по всей видимости, является обратным заимствованием из русского, так как в рамках бурят-монгольского языка оно не имеет удовлетворительной этимологии. Передача рус. *барахло* посредством бурят-монг. *борхолоо* вполне закономерна в фонетическом отношении. Русское ударное *о* передано долгим *оо*. Огласовка двух кратких слогов в бурят-монгольском слове определена требованиями гармонии гласных (форма *бархолоо или *бархалоо — невозможна в монгольских языках). Перестановка второго гласного *о* — также обычное явление в монгольском слове, заимствованном из русского языка. При изучении русского языка монголами одной из наиболее типичных ошибок является произношение *арбота* вместо *работа*, *ирсунок* вместо *рисунок* и т. п.⁷ Передача слова *барахло* посредством *борхолоо* относится к этому же типу фонетических явлений.

Случай, когда заимствованное слово в иной форме (и обычно с иным значением) возвращается «неузнанным» в свой родной язык, не так уж редки. Наличие такого обратного заимствования в примере с монг. *бараа хоол* → рус. *барахло* → бурят-монг. *бархолоо* является в достаточной мере вероятным. Последнее обстоятельство, свидетельствующее о наличии русско-монгольских языковых контактов в конкретном случае со словом *барахло*, также может рассматриваться как косвенный аргумент в пользу предлагаемой нами этимологии этого слова.

---

⁷ См.: Шабалин, Гарин, Лувсандэндэв 1959: 70. Ср. также *бригадир* → *биргадир*, *труба* → *турба* в томско-тюркских говорах (Абдрахманов, Гордеева 1962: 184).

БАРБОС*

В русском языке это слово употребляется и как имя собственное (собачья кличка *Барбос*), и как апеллатив — в прямом ('дворовая собака'), и в переносном смысле ('злой, грубый человек'). В белорусском и украинском языках слово *барбос* — явное заимствование из русского языка (Ройзензон 1968: 135, прим. 1; ЕСУМ, I, 140). Отсутствие этого слова в других славянских языках привело большинство исследователей к выводу о том, что *барбос* не является исконным славянским словом. Однако вопрос о его происхождении до сих пор не выяснен: «не

---

* Статья была опубликована в журнале: Филологические записки. Воронеж. 1996. С. 139–143.

вельмі яснае слова» (ЭСБМ, I, 312), «загальнапрынятага пояснення не мае» (ЕСУМ, I, 140), «по свому проісходжэнню неясное» (ЭСРЯ, I, 2, 42). М. Фасмер воогу не прадагае нікакага этымалагічнага аб'яснення слова *барбос*, адзначае ліш, што «сходства с рум. bărbos 'бородаты', возм(ожно), явяляецца чыстай слукайнасцю» (Фасмер, I, 125).¹

Ні адна із папыткаў устаноўіць праісходжэнне слова *барбос* не палучіла агучнага прызнання. Н. М. Шанскі прадага ісконнаславянскую этымалагію слова, сапаставіў яго с укр. *барабосіті* 'балтаць', с.-хрв. *брбосати* 'гаворіць сквозь слезы, всхліпывая', блр. *балбос* (браннае слова). В якасстве семантычнага аналагіі Н. М. Шанскі ссылаецца на *лайка* — *лаяць* і рус. дыал. *сколухі* 'собака' і *сколіць* 'выць, скуліць' (ЭСРЯ, I, 2, 42). Это аб'ясненне с польным на то аснованнем было отвергнуто (Ройзензон 1968: 136; ЭСБМ loc. cit.; ЕСУМ loc. cit.). Оно базіруецца на внсшнем созвучіі (Kling Klang — Ähnlichkeit), неубедітельно с словообразаватальным плане (ср., напрымер, рус. *голос* → *голосіть*, *колос* — *колосіться* і *барабос → *барабосіть, а не наооборот), нацянуто в плане семантычным. Глаголы *лаяць* і *сколіць* обычны прыменітельно к собаке, но этого нельзя сказаць ні об укр. *барабосіті*, ні о с.-хрв. *брбосати*.

В. Кіпарскі ішеч істокі слова *барбос* в руском переводном романе XVIII в. «Евдон и Берфа». Сюжет этого романа восходит к сказаниям о Роланде. Его герой Евдон — это исторический Eudon, который в VIII в. сражался с арабами, а также с двумя разбойниками, один из которых носил распространенное испанское имя Barbosa ('бородатый'). Этот «Барбось разбойникъ гишпанскій»² становится в русском языке апеллятивом *барбос* 'злодей, грубиян', который затем модифицируется в собачью кличку и приобретает значение 'собака' (Kiparsky 1958: 32–34).

Сразу же после статьи В. Кіпарского в том же самом журнале Ю. Шридтер внес поправку в этимологию своего предшественника. По его мнению, Barbosa — результат контракции имени двух братьев-разбойников XVI в. Barbarossa (Striedter 1959: 72–75). Это объяснение представляется совершенно несостоятельным, так как имя разбойника Barbosa на много столетий древнее имени Barbarossa. Кроме то-

¹ То же самое, опустив слово *возможно*, повторяет в своем словаре Н. М. Шанский (ЭСРЯ, I, 2, 42).

² В русском (ЭСРЯ) и украинском (ЕСУМ) этимологических словарях так ошибочно назван сам переводной роман «Евдон и Берфа».

го, в топонимии и антропонимии Пиренейского полуострова и Южной Америки широкое применение имеют имена *Barbos*, *Barbosa*, *Barbosas* (Encicl. univ., 699–702).

Слабость этимологии В. Кипарского была отмечена Л. И. Ройзензоном, который писал, что собачьи клички типа *Пират*, *Корсар* не переходят в нарицательные слова со значением ‘собака’ (Ройзензон 1968: 136). Еще В. И. Даль заметил, что «собаку грешно кликать человеческим именем» (Даль, IV, 251). «Усиливающаяся тенденция именовать животных “человеческими именами” — явление нового времени» (Сталтмане 1989: 92).³ Однако наиболее весомый аргумент против объяснения В. Кипарского будет приведен ниже — при изложении этимологии слова *барбос*.

Гипотезу о тюркском происхождении слова *барбос* в осторожной форме высказал Л. И. Ройзензон, приведя в качестве возможного источника заимствования узб. *бўрибоси*, уйг. *борибосар*, кирг. *борубосар*, казах. *берибосар* и т. д. ‘волкодав’. Однако сам автор не признает эту этимологию убедительной, отмечая три наиболее важных затруднения: 1) как объяснить субституцию узб. *ў*, казах. *е* русским *а*; 2) неясна история тюркского слова, слово это — новое, его нет в словаре Махмуда Кажгарского; 3) из какого тюркского языка и когда слово попало в русский язык? (Ройзензон 1968: 136–137). К этому следует добавить, что среди русских тюркизмов с гласным *а* в первом слоге есть слова с последовательностью гласных *а — а* (*баскак*), *а — у* (*барсук*), *а — ы* (*балык*), *а — е* (*балбес*). Но нет примеров с последовательностью *а — о* (как у слова *барбос*). Эта фонетическая особенность русских тюркизмов отражает гармонию гласных, характерную для тюркских языков. Показательно, что в известной работе Н. К. Дмитриева о русских тюркизмах (Дмитриев 1958: 3–47) нет ни одного слова типа *барбос* (*а — о*) — даже среди гипотетических примеров. Нет слова *барбос* и в словаре Е. Н. Шиповой (1976).

Таким образом, вопрос об этимологии слова *барбос* можно считать открытым. Даже беглый обзор предлагаемых гипотез показывает, что наиболее вероятными истоками анализируемого слова следует считать истоки романские (исп. *Barbos* и *Barbosa*, рум. *bărbós* ‘бородатый’ и др.). Романские слова с ярко выраженным суффиксом *-os-* восходят к весьма продуктивной латинской словообразовательной модели: *gib-*

³О некоторых общих принципах номинации животных (и в частности собак) см. в работах (Мокиенко, Фоянкова 1976: 317–322; Дубова 1980). В последней работе отмечается слабая изученность собачьих кличек нерусского происхождения (с. 145).

bus 'горб' → gibbōsus 'горбатый', pilus 'волос' → pilōsus, herba 'трава' → herbōsus, rīma 'щель' rīmōsus, silva 'лес' → silvōsus и мн.др. В этот ряд естественно вписывается пара: barba 'борода' → *barbōsus 'бородатый'. Отсутствие последнего слова в памятниках латинской письменности свидетельствует о том, что оно было сформировано по весьма распространенной словообразовательной модели (около тысячи примеров!), скорее всего, в прароманскую эпоху и частично вытеснило в романских языках синоним, восходящий к лат. barbātus. Как справедливо отметил В. Кипарский, испанское имя собственное Barbos(a) отражает соответствующий испанский апеллатив 'бородатый'. Сюда же, несомненно, относятся также рум. bărbós и итал. barboso 'бородатый' (Battaglia I, 65).

Однако предположение В. Кипарского о том, что имя «гишпанского разбойника» Barbosa становится в русском языке апеллативом ('Bösewicht, Grobian'), а затем приобретает значение 'собака' (Kiparsky 1958: 34) — крайне неправдоподобно. При наличии двух различных значений у слова совсем не обязательно, чтобы одно из них изменялось в другое. Очень часто в основе подобных явлений лежит tertium comparationis, т. е. то третье общее значение, которое объясняет подобного рода случаи. В самом деле, эпитет 'бородатый' применительно к разбойнику естественно переходит в его прозвище (т. е. в имя собственное), а иногда становится апеллативом. Ср. рус. диал. *бородачи* 'грабители' (ПОС, II, 119) или (с несколько иным значением) исп. barbudos Фиделя Кастро.

Широко распространенной семантической универсалией является номинация животных и растений по признаку наличия у них бороды (или «бороды») (Wartburg I, 244; Nouveau Lagousse, I, 727–731). Применительно к собакам, можно (помимо приведенных у В. Вартбурга примеров) сослаться на рум. barbét 'пудель', лит. barzdà 'борода' → barzdúkas 'лесная собака' и др. Таким образом, имя испанского разбойника и название собаки связаны между собой не непосредственно (как считал В. Кипарский), а через общее третье значение 'бородатый'. Ср. лат. (Scipio) Barbātus и barbātus 'род рыбы' (у Варрона), где также нет прямой связи между именем собственным и апеллативом и где также было бы странным выводить название рыбы из прозвища Сципиона.

Конкретные пути проникновения слова *барбос* в русский язык остаются неясными. Быть может, первоначальные его истоки находятся в Испании, где особенно широко представлены производные с основой barbos- как в апеллативной лексике, так и в ономастике. Кроме

того, Испания хорошо известна как родина выведения некоторых пород собак. В частности, *спаниель* по-английски означает 'испанский' (spaniel).

Что касается бороды или бородки, то ее имеют многие породы собак. Причем эта особенность ярко бросается в глаза — что могло служить причиной соответствующей номинации. Недаром именно этот признак подчеркивает Н. Заболоцкий в стихотворении «Таруса»:

Целый день стирает прачка,
Муж ушел за водкой,
На крыльце сидит собачка
С маленькой бородкой.

БОРОНА и БОРОЗДА*

Русское слово *борона*¹ на первый взгляд имеет довольно ясную и хорошо аргументированную этимологию. После того как были отвергнуты попытка Ф. Миклошича связать ст.-сл. **БРАНА** с **БРАТИ(СѦ)**² и предположение Г. Мейера о заимствовании слав. *boгna из иран. *barh* 'борона' (Meуer 1891: 44–45),³ установилось единство в этимологическом толковании данного слова. В работах, посвященных вопросу об этимологии рус. *борона* (а также — *борозда*) и ст.-сл. **БРАНА (БРАЗДА)** корень этих слов обычно сопоставлялся с др.-гр. *φάρος* 'пашня', *φαρόω* 'пахать', лат. *forāre*, др.-в.-н. *forōn* 'сверлить, буравить', др.-инд. *bhr̥ṣīñ*, др.-исл. *broddr*, др.-в.-н. *bart* 'острие', ирл. *barz* 'игла', лат. *fastigium* 'вершина', др.-ирл. *barr* 'верхушка, вершина', др.-в.-н. *bar-ta* 'секира', *burst* 'щетина', ст.-сл. **БРАДА**, лит. *barzdà* 'борода', лтш.

* Статья была опубликована в книге: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1963. Вып. IV. С. 87–95.

¹ Ст.-сл. **БРАНА**, укр. *борона*, болг. *брана*, с.-хрв. *brána*, пол. *brona*, кашуб. *brona* и др. Общеславянская форма *boгna. Алб. *brana* 'борона' — заимствование из сербского (Meуer, 45).

² «Мирное орудие могло первоначально предназначаться для борьбы» (Miklosich¹, 18). Против этого предположения см., например, Г. Meуer (Meуer, 44). Впрочем, Ю. Покорный (Рокогну, 133–134) идет дальше Миклошича и значительно расширяет группу слов, которую он возводит к индоевропейскому корню **bher-* 'обрабатывать острым орудием, царапать, резать, тереть, колоть': рус. *бороть(ся)*, *забор*, *боров*, *борть*, *боронь* 'запрет', *забрало*, греч. *φάρμακον* 'лекарство' и др. Однако сопоставления всех этих слов между собой с корнем **bher-* 'острый' и рус. *борона* и *борозда* далеко не всегда можно считать достаточно обоснованными.

³ Против предположения Г. Мейера вслед за П. Хорном (Horn 1893: 47–48) единодушно выступили почти все исследователи (см.: Vasmer, I, 109–110).

berzt ‘тереть’ и др. (Pedersen 1895: 72–73; Walde 1897: 507; Wiedemann 1902: 234; Berneker, 73–75; Vendryès 1925: 14; Младенов 1941: 42–43; Pokorný, 133–134; Vasmer, I, 109–110). Таким образом, согласно приведенным соответствиям, первоначально слово *борона* имело значение ‘орудие с острыми зубьями’. Возможность подобного толкования подтверждается засвидетельствованным у Гезихия др.-гр. οξίνα, а также лат. осса (< *oteka < *oketā), др.-корн. oset, кимр. oged, др.-прус. aketes, лит. akėšios, лтш. ešėšas, др.-в.-н. egida (> совр. нем. Egge), др.-англ. eg(e)ðe. Все эти слова, имеющие значение ‘борона’, также считаются образованными от корня, означающего ‘острый’ (ср. лат. асег, др.-гр. ὄξυς и др.) (Schrader, I, 215; Fraenkel 1959: VII, 15). Со стороны словообразования приведенная этимология слова *борона* не вызывает особых затруднений: и.-е. корень *bʰag- и широко распространенный суффикс *-па закономерно дали общеслав. *boġna, от которого берут начало ст.-сл. **БРАНА**, рус. *борона* и другие славянские слова с тем же значением. Итак, можно сказать, что ставшая уже общепризнанной этимология слова *борона* является одной из наиболее детально аргументированных этимологий.

И все же, несмотря на всеобщее признание, эта этимология имеет ряд слабых пунктов, заставляющих усомниться в ее правильности. Прежде всего далеко не все приведенные выше соответствия являются приемлемыми как в фонетическом, так и в семантическом отношении. Так, др.-в.-н. bogōp имеет огласовку корня, не соответствующую огласовке корня в рус. *борона*. Не могут считаться достаточно доказательными и ссылки на лат. fastigium, лтш. berzt, лит. barzdà, ст.-сл. **БРАДА** и некоторые другие слова, связь которых со значениями ‘острый’, с одной стороны, и ‘борона’ — с другой, является весьма проблематичной. Следует отметить и то обстоятельство, что ни в одном другом индоевропейском языке корень *bʰag- ‘острый’ не образовал слов со значением ‘борона’ или ‘боронить’. Сомнительной является также этимологическая связь лат. осса и всех соответствующих балтийских, кельтских и германских слов с лат. асег. Расхождение в огласовке корня между асег и осса вряд ли возможно объяснить с фонетической точки зрения.⁴ Что же касается недостаточно хорошо засвидетельствованного др.-гр. οξίνα, то это слово, быть может, явилось результатом измене-

⁴ Именно это обстоятельство («große lautliche Schwierigkeiten») заставило Ф. Шпехта искать иных путей в объяснении лат. осса (см.: Specht 1935: 215). Хотя нужно сказать, что предполагаемая Шпехтом связь лат. осса с oculus и другими индоевропейскими словами этого корня (Ibid.: 210–214) также маловероятна.

ния, например из *оссіпа (ср. лат. *осса*) > ὄξινα, под влиянием народной этимологии. Как сигма, так и суффикс -να в слове ὄξινα могли появиться и под аналогичным воздействием ὄξινη 'топор'.⁵ Впрочем, если даже др.-гр. ὄξινα в самом деле образовалось от ὄξις, этот единственный случай еще не свидетельствует о том, что рус. *борона* также было образовано от корня со значением 'острый'. Против общепринятой этимологии слова *борона* говорит и то, что названия различных хозяйственных орудий в русском (да и не только в русском) языке обычно образуются не по внешнему признаку, а по действию, производимому этим орудием, т. е. образуются не от именного, а от глагольного корня: *сеялка*, *веялка* (диал. *веяло*, *веяльня*), *молот*, *кувалда*, *колун*, *тесак*, *косилка*, *лом*, *молотилка*, *молотило* (короткое звено цепа, диал. также *битчик*) и др. Традиционная этимология слова *борона* не может дать хорошего объяснения и для сибирск. диал. *борона* 'большой ручной золотопромывательный стан' (Даль, I, 117), а также для технического термина *боронка* 'прибор, применяющийся в золотой и платиновой промышленности для протирки золотосодержащих песков' (Техническая энцикл., II, 680). Употребляемые в золотопромышленности соответствующие приборы для дробления породы и протирки песка представляют собой толчен с пестами или бегунами, и внешне они ничем не напоминают борону. Термины *борона* и *боронка*, видимо восходящие к старинным терминам русских старателей, были образованы не на основании внешнего сходства, а благодаря сходству действий, производимых золотопромышленным и сельскохозяйственным орудиями (дробление комьев золотосодержащей породы и дробление комьев земли на пашне). Наконец, при традиционной трактовке этимологии рус. *борона* это слово выступает как единичный случай, который не образует ряда, т. е. не входит в какую-либо систему ни в семантическом, ни в словообразовательном отношении. Все это вместе взятое заставляет усомниться в правильности традиционной этимологии слова *борона*.

Как уже говорилось выше, мы вправе предположить, что рус. *борона*, как и другие имена, обозначающие орудия действия, было образовано от глагольного корня. Если это так, то морфема -на может рассматриваться как форма женского рода древнеиндоевропейского суффикса отглагольных прилагательных *-nós, *-ná, *-nó(m). Этот суффикс, потерявший или почти потерявший свою продуктивность в большинстве индоевропейских языков исторической эпохи, был весьма широко распространен в древнеиндоевропейский период. Почти во всех

⁵Последнее предположение было высказано Ф. Шпехтом (Ibid.: 211).

индоевропейских языках сохранились довольно многочисленные реликтовые формы этих древних образований, значительную часть которых составляли имена действия. Примером подобных образований мужского рода могут служить ст.-сл. **СЪНЪ** < *sъrpos (ср. **СЪПАТИ**), др.-гр. ὕπνος, др.-инд. svárpaṅ, лит. sārpas, лат. somnus < *sorpos (ср. sorīge), др.-исл. suefn, др.-ирл. suan ‘сон’; женского рода: ст.-сл. **ЛОУНА** < *louksna или *leuksna (ср. ст.-сл. **ЛОУЧЬ**), совр. рус. *излучать*, др.-гр. λευχός ‘светлый’, др.-гр. λύχνος ‘светильник’, лат. lūpa < *leuksna (ср. Losna, а также lūcēre ‘светить’, lūx ‘свет’ и др.), др.-прус. laukpos ‘звезды’, авест. gauhšna- ‘блестящий’, др.-ирл. lūan ‘луна’ (т. е. букв. ‘светящая, блестящая’); среднего рода: ст.-сл. **ЗРЬНО** (ср. **ЗРЬТИ**), лат. grānum, др.-ирл. grān, кимр. grawn, гот. kairn, др.-в.-н. согп, др.-прус. sygne ‘зерно’, лит. žirnis ‘горох’, др.-инд. jīrṇāṅ ‘сморщенный, старый, распавшийся’. Образованиями такого же типа, сохранившимися в современном русском языке, являются также: *стан, дерн, горн* (мужской род); *домна, страна (сторона), цена, струна* (женский род); *сукно, руно, волокно, толокно, веретено, пшено* (средний род).⁶ Почти все реликтовые образования подобного типа сохранили в русском языке место ударения, соответствующее древнеиндоевропейской акцентуации (ср. др.-инд. bhīpāṅ, jīrṇāṅ, др.-гр. στεγνός, ἄγνός и др.). Такое же ударение на суффиксальной части имеет и слово *борона́*, которое, как нам кажется, следует отнести к именам действия, восходящим к индоевропейским отглагольным прилагательным с суффиксом -pā.

После этих предварительных соображений, естественно, возникает вопрос о глагольном корне, от которого образовалось слово *борона*. Основная функция, которую выполняет борона, заключается в раздроблении, размельчении комьев земли на пашне и в разрыхлении поверхностного слоя почвы. Сходные функции выполняет и употребляемая в золотопромышленности *боронка* (см. выше с. 92). Засвидетельствованное Далем *дробило* (в землепашестве) и *толчеи* (в золотопромышленности) — орудия, близкие к *бороне* и *боронке* как по своим функциям, так, видимо, и по значению соответствующего глагольного корня. Этим корнем, как нам кажется, является корень *bhrēǵ-, имеющий широкое распространение в различных и.-е. языках: лат. frangere ‘ломать, разбивать, дробить, молоть, толочь’, готск. brīkan, др.-гр.

⁶По поводу этимологии слова *пшено* см.: Булаховский 1953: 166–167. Там же см. этимологию слова *домна* (156). Остальные примеры см. в этимологическом словаре Фасмера (1955). См. также Ларин 1959: 215.

(F)ρήγνυμι — примерно с тем же значением: лат. *fragmen*, готск. *gabrika* ‘обломок’, ирл. *bḡap* ‘отруби’ (первоначальное значение: ‘размолотое (зерно)’); др.-инд. *gīḡi-bhḡaj-* ‘прорывающийся с гор’, лат. *fragor*, др.-ирл. *(t)air-brech* ‘грохот, треск’ и др. Имеются также формы этого корня без г: др.-инд. *bhanákti* = лат. *frangit*, др.-инд. *bhagnaḥ* ‘разбитый’, лит. *bangà*, лтш. *baṅga*, др.-инд. *bhaṅgāḥ* ‘волна’. Основное значение и.-е. корня *bhreg- ‘разбивать, дробить, размельчать, толочь’. Следовательно, общеславянское слово *bogna < *bhogná или < *bhogsna обозначало орудие, которое разбивает, раздробляет комья земли: *bhogsná ‘раздробляющая, дробило’,⁷ подобно тому, как *leuksná ‘светящая, светило’.

С фонетической точки зрения подобное образование вполне допустимо. Правда, славянскому *bog- в латинском языке должно соответствовать не *frag-* (*frag-tos > *frāctus*), а **farg-* (и.-е. **bharg-*) или **forg-* (и.-е. **bhorg-*). Однако каждый и.-е. корень, как это убедительно показал Э. Бенвенист, может выступать в двух видах, например **pér-k’*- (лит. *peršù, pišti* ‘сватать’) и **pr-ék’*- (лат. *prēcō* ‘прошу, умоляю’) (Бенвенист 1955: 181), см. также (Kuryłowicz 1956: 130–134). Таким образом, наряду с общеславянской формой *brog-, соответствующей лат. *frag-*, но не оставившей, видимо, следов в славянских языках, могла существовать также форма корня *bog-.⁸ И вообще, корни, содержащие плавный г, часто допускали некоторую свободу в своей огласовке: др.-гр. *φάργμα* и *φράγμα* ‘ограждение’, *φάργνυμι* и *φράγνυμι* ‘ограждать’, *φάργμος* и *φράγμος* ‘ограда’. Общеславянское слово *bogna может восходить как к *bogná, так и к *bogsna. Выпадение *g* перед *n* — явление, широко представленное в русском (*дернуть*, ср. болг. *дръгнж* ‘дерну’; *тронуть*, ср. *трогать*; *двинуть*, ср. *двигать*) и в других славянских языках (Соболевский 1907: 29–30). Подобное выпадение, возможно, произошло также в слове *струна* (< *streugna) (Брандт 1890: 183),⁹ корень которого **streugn-* сохраняется в лат. *struō, struxi* ‘класть рядами’. Однако более вероятным следует признать изменение *streugsna (или *strougsna (Vasmer, III, 32)) > *streuksna > *струна*, *bhogsna > *bhorksna > *borna (> *борона*),

⁷Ср. *дробило* ‘чекмарь, колотушка для разбивания сухих комьев на пашне’ (Даль, I, 493).

⁸Согласно Э. Бенвенисту, *g* является, строго говоря, детерминативом. Но эта сторона вопроса в данном случае не существенна.

⁹Выпадение *g* перед *n* имело место и в кельтских языках (Льюис и Педерсен 1954: 59, 115).

ибо оно хорошо подтверждается примером *leuksna > лат. lūpa и ст.-сл. **ЛОУНА**.

В пользу предлагаемой нами этимологии рус. *боро́на* говорят отдельные факты употребления индоевропейских слов, образованных от корня *bhreg-. Так, лат. frangere glēbam (glēbas) bidentibus 'обрабатывать мотыгами пашню' букв. 'разбивать (раздроблять) мотыгами комья земли'. Образованный от того же корня греческий глагол ῥήγνυμι также употреблялся в сельском хозяйстве: γῆς ἀρότροις ῥήξας δάτεδον 'вспахав почву плугами'. В немецком языке и.-е. корень *bhreg- сохранил близкое значение в den Acker brechen 'распахивать пашню', Bruch 'пахотная земля', brachen 'поднимать пар' (ср. Brachfeld 'поле под паром'). Нем. Brecher и англ. breaker 'дробилка' по своему значению и отчасти по способу образования напоминают рус. *дробило* и золотопромышленные термины *боро́на* и *боронка*. Наконец, от того же корня *bhreg- в английском языке образованы слова brake 'большая боро́на' и to brake 'разбивать комья (бороной)'. Итак, предлагаемая нами этимология слова *боро́на* оказывается возможной не только с фонетической и морфологической, но также и с семантической точки зрения.

Общепризнано, что слово *борозда* (ст.-сл. **БРАЗДА**) образовано от того же корня, что и *боро́на*. Различаются эти два слова лишь суффиксом и, естественно, своим значением. О тесной связи между словами *боро́на* и *борозда* свидетельствует, например, полаб. bordža и bórdza 'он боронит' и псков. *борозда* 'боро́на' (Даль: I, 116). И.-е. суффикс *-do-, *-da-, чередовавшийся с *-to-, *-ta- (ст.-сл. **ТВЪРДЪ**, лит. tvirtas 'твердый'), не имел широкого распространения в общеславянском языке (Мейе 1951: 285), поэтому проследить все случаи его употребления не представляется возможным. И все же, как показывает ст.-сл. **ЧАДО** (ср. ст.-сл. **(ЗА)ЧАТИ**) (Трубачев 1959: 43), слова с суффиксом *-do- (*-da-) могли быть образованы от глагольного корня и иметь значение, близкое к значению образований с суффиксом *-to-, которые обычно характеризуются оттенком страдательного залога. Следовательно, слово *борозда* (< *borg(i)da) некогда означало полосу земли, вспаханную сохой или обработанную бороной, букв. 'раздробленная, размельченная (земля)'. Здесь также уместно будет вспомнить нем. Bruch 'пахотная земля', den Acker brechen 'распахивать пашню' и другие приведенные выше примеры употребления слов, образованных от и.-е. корня *bhreg-.¹⁰

¹⁰Колебания между и.-е. *g и *g' (*bhorgsnā > *боро́на*, но *bhorgzda > *борозда*) отражают так называемую «непоследовательную сатэмность», особенно часто встречаю-

Предлагаемое объяснение легко разрешает вопрос о происхождении *з* в слове *борозда*: это закономерное изменение и.-е. *ǵ* (ср. ст.-сл. **ЗРЬНО** — лат. *grānum*, др.-ирл. *grān*; ст.-сл. **ЗНАТИ**, — лат. *co-gnōscō*, др.-гр. *γτ-γνώσχω*, гот. *kann*).

От слова **borzda* < **borgǵ(i)da* еще в общеславянский период был образован глагол **borzditī*, который дал новые образования с суффиксом **-по-*, **-па-*. Таким образом возникли формы: ст.-сл. **БРАЗДНА** и **БРАЗДНА** (ср. фамилию *Бороздна*), которые, в свою очередь, дали болг. *бразна* (ср. блр. и укр. *борозна*).¹¹ Выпадение *д* в группе *здн* (*празникъ* < *праздъникъ*), явившееся следствием падения еров, легко объясняет наличие последних форм. Наконец, корневой гласный *ъ*, засвидетельствованный в болг. *бръзна*, *бръзда*, возможно, отражает более древнюю и.-е. огласовку корня **bhreg-*: **bherǵ-* (ср. лат. *frēgi*, готск. *brēkum*). В целом отношение между *борозда* — *борозна* — *борона* — *бръзна* целиком соответствует соотношению между **ГРОЗДЪ** — др.-рус. *грознь* и укр. *грозно* — пол. *gropo* и укр. *гроно* — др.-рус. *грезно* ‘гроздь’ (Преображенский I, 159–160). Этот последний пример, быть может, объяснит странный случай, отмеченный в псковском диалекте, где слово *борозда* имеет значение ‘борона’. Даль видит в этом случае пример «смещения сходных слов» (Даль, I, 116). Вряд ли подобное объяснение можно признать удовлетворительным. Между тем наличие двух вариантов с суффиксами **-до-* и **-по-* (др.-рус. *гроздь* и *грознь*, ст.-сл. **ГРОЗДЪ** и пол. *gropo*) для одного слова с одним значением говорит о том, что псков. *борозда* ‘борона’ является морфологическим вариантом, фонетически закономерной диалектной формой, в которой был использован близкий по значению, но иной суффикс. Отмеченное диалектное расхождение, вероятно, является очень древним; его можно объяснить залоговой индифференцией древнеиндоевропейских суффиксальных образований. Суффикс **-до-* вообще не имел особой тенденции к образованию страдательных форм, подобных ст.-сл. **БРАЗДА** (ср. лат. *calidus* ‘теплый, горячий’, *fluidus* ‘жидкий, текучий’). Поэтому псков. *борозда* — вполне возможное отглагольное образование с суффиксом **-да*, имеющее активное значение, т. е. обозначающее орудие действия (ср. *кувалда*). Следовательно, предположение о связи рус. *борона* и *борозда* с

зущюся в балто-славянском ареале, ср. рус. диал. *(о)город* и *(о)зород* (Откупщиков 1989: 64–65).

¹¹ Впрочем, последние формы, возможно, явились следствием контаминации (*борона* и *борозда* — *борозна*).

и.-е. корнем *bhreg̃- позволяет объяснить без этого остающееся непонятным диалектное явление, засвидетельствованное в псковских говорах.

Наконец, в пользу предложенной выше этимологии слов *боро́на* и *борозда* свидетельствует лит. *biržis* 'борозда на пашне' (обычно готовая для посева, т. е. обработанная бороной). Э. Френкель сопоставляет это слово и лтш. *birze* 'борозда' со ст.-сл. **БРАЗДА** и рус. *борозда*, но ограничивается лишь простым сопоставлением (Fraenkel, 44–45). Между тем лит. *biržis* можно легко возвести к и.-е. корню *bhreg̃- со ступенью огласовки *bhrg̃is: и.-е. *bhrg̃is > лит. *biržis* аналогично соответствиям: др.-инд. *mṛtiḥ* 'мертвый' — лит. *mirtis* 'смерть', др.-инд. *ḱṛṣṇāḥ* 'черный' — лит. *Kirsna* 'Черная' (название реки). И.-е. *-r̥- закономерно дает лит. -ir-, а ž в лит. *biržis* полностью соответствует и.-е. ḡ корня *bhreg̃- и слав. з в ст.-сл. **БРАЗДА**. Таким образом, лит. *biržis* действительно можно рассматривать как слово, образованное от того же корня, что и рус. *борозда*. О том, что этим корнем был и.-е. корень *bhreg̃-, помимо приведенных выше аргументов, говорит также лтш. *birzt* 'крошиться, дробиться', близкое по своему значению к лат. *frangere*.

Следовательно, мы вправе рассматривать рус. *боро́на* и *борозда* (ст.-сл. **БРАНА** и **БРАЗДА** как древние и.-е. отглагольные образования с суффиксами *-ná и *-dá и с общим для обоих слов корнем, восходящим к и.-е. корню *bhreg̃- (*bhreg-) 'раздроблять'.

БРУСНИКА*

Название ягоды и растения *Vaccinium vitis idaea* известно в русском языке и его диалектах в следующих формах: *брусни́ка*, *брусни́га*, *брусни́ца*, *брусéна*, *брусёна*, *брусени́ка*, *брусёнка*, *брусíца*, *бру́ска*, *брусни́на*, *брусня́*, *брусня́г*, *брусня́нка*, *брусóвница*, *бруся́нка*, *брушни́ца*, *брушни́чка*, *брушни́чушка*, *брюсни́ца*, *брюшни́ца*.¹ Из этимологически иных названий брусники можно отметить лишь диалектное слово *борови́ка* (арханг., рызан.), находящее

*Статья была опубликована в сборнике: Вопросы лингвистики / Отв. ред. Э. Ф. Молина. Томск, 1975. Вып. 3. С. 31–37.

¹Все примеры из диалектов русского языка, приведенные здесь и ниже без ссылок, даны по изданию: СРНГ, 3.

ближайшие параллели в болг. *боровѝнка*, пол. *borówka*, с.-хрв. *боровница* ‘брусника’, ‘черника’, *боровица* ‘черника’ и др.

Наиболее распространенное в диалектах русского языка (наряду с литературной формой *брусника*) слово *брусница* имеет надежные соотвещения во всех славянских языках: блр. *брусніца*, укр. *брусниця*, чеш. *brusnice*, словац., в.-луж., н.-луж. *brusnica*, пол. *brusznica*, с.-хрв. *брусница*, болг. *брусніца*. Это обстоятельство позволяет считать данное слово общеславянским по своему происхождению.

Вопрос об этимологии слова *брусница* до сих пор подробно не рассматривался. Авторы работ о славянских названиях ягод и растений (Масчек 1954; Гринкова 1958; Меркулова 1967), как и составители этимологических словарей, обычно ограничивались кратким перечнем выборочного материала, давая лишь общую этимологическую схему и оставляя многие вопросы без объяснения.

Основная трудность этимологизации слова *брусница* заключается в том, что имеется два различных решения этимологической задачи, причем оба эти решения выглядят весьма убедительными и, по общему признанию, исключают одно другое.

Наиболее распространенной является этимология, связывающая слово *брусница* с *брус* и *бросать*, а из внеславянских соответствий — с лит. *brũkti* ‘трепать (лен)’, *brũknės* (мн. ч.) ‘брусника’ (Berneker, I, 90; Преображенский, I, 47; Grũckner, 42; Фасмер, I, 221; Sławski, I, 45; Гринкова 1958; 114 и др.).

Вторая этимология, предложенная Р. Ф. Брандтом, возводит слово *брусница* к основе *брусн-* ‘красный’, засвидетельствованной в рус. диал. (Даль, I, 131), *бруск* ‘марена’ (Брандт 1887: 211) (растение *Rubia tinctorum*, корни которого использовались для добывания краски, главным образом — пурпурной и красной). Эта же этимология приводится в КЭСРЯ¹, 45 (автор — Т. В. Шанская), а также (в качестве одного из двух возможных объяснений) в (ЭСРЯ, I, 203–204). В подтверждение наличия славянской основы *брусн-* ‘красный’ Н. М. Шанский приводит также болг. *брусніца* ‘корь’.

Обе изложенные этимологии могут быть усилены большим количеством примеров. Но каждый такой пример, укрепляя позиции одной этимологии, ослабляет аргументацию, приводимую в пользу другой. В то же время каждая из двух этимологий не в состоянии ответить на целый ряд вопросов, связанных с объяснением происхождения слова *брусница*.

Прежде всего, наряду с рус. диал. *бруск* ‘*Rubia tinctorum*’, следу-

ет отметить название брусники *бруска*, а также производное основы *бруск-* 'красный' в названии одного из сортов красной смородины — *брусковая смородина* (сузд., владим.). Основу *брус-* 'красный' (без суффиксального *-н-* или *-к-*) можно отметить в вологодских говорах, где встречается название красной смородины (*Ribes rubrum*) *брусалка*. В архангельских говорах *брусвяный* — это 'красный, багряный', *брусвянить* 'красить в красный цвет', *брусвянтъ* 'краснеть, алеть', 'багроветь' (Даль, I, 131).

Наиболее близкими к слову *брусница* являются такие производные, как блр. *бруснѣць* 'краснеть, загорать', *бруснѣлый* 'красноватый, загорелый' (Носович, 35), пол. диал. *brōsnięc, brūsniec* (Kałowicz, I, 124). Основа *брус-* относится к *брус-н-* и к *бруснѣць* так же, как *крас-* относится к *крас-н-* и *краснеть*. Следовательно, *брусница* может считаться таким же производным от основы *брусн-*, как и рус. диал. *красница* 'клюква' — от основы *красн-*. Наличие слова *брусница* со значением 'корь' одновременно в белорусском и болгарском языках (Гринкова 1958: 111) — еще один аргумент, подтверждающий правильность реконструкции основы *брусн-* 'красный' (ср. рус. *краснуха*). Попытка объяснить *брусница* 'корь' как «переносное значение» слова *брусница* 'брусника' едва ли может быть признана удачной.

Связь со значением основы *брусн-* 'красный' может удовлетворительным образом объяснить постоянное смешение в названии столь непохожих друг на друга растений, как брусника и бересклет. Кустики брусники обычно вырастают на 20–30 см от земли. Высота бересклета может достигать 5–8 метров. И несмотря на это различие, в русских народных говорах слово *брусничник*, например, имеет значения: а) 'брусника', б) 'бересклет широколистный' (*Evonymus latifolius*), в) 'бересклет бородавчатый' (*Evonymus verrucosus*). В России из растений семейства бересклетовых распространены два рода: бересклет и краснопузырник. Этимология последнего слова достаточно очевидна. На основе значения 'красный' можно объединить также этимологию слов *брусника*, *брусница* и *брусничник* 'бересклет'. Самый распространенный у нас вид бересклета *Evonymus verrucosus* имеет краснобурые цветы и розово-красные плоды.²

Смешение названий брусники и бересклета, по-видимому, относится к достаточно древнему времени. Об этом свидетельствует, в част-

²Кстати, по тому же признаку смешиваются названия брусники и толокнянки (ложная брусника), также имеющей красные плоды.

ности, полное словообразовательное совпадение одного из славянских названий бересклета (укр. *бруслина*, чешск. *brslen*, рус. диал. *бруслина*, *бруслён*) с латышским названием брусники: *brūklepe*, *brūklīne* (*Mühlenbach*, I, 341). Здесь, наряду с одинаковой суффиксацией (-l- плюс -n-), обращает на себя внимание распределение форм с *k и *k' в балто-славянском ареале: лтш. *brū-k-l-* 'брусника' относится к рус. диал. *бру-с-л-* 'бересклет' так же, как лит. *brū-k-p(ė)s* 'брусника' — к рус. *бру-с-н(ица)*.

Казалось бы, вопрос об этимологии слова *брусница* можно считать решенным, а наличие славянской основы *брус(н)-* 'красный' — доказанным. Иначе говоря, *брусница* — это 'красница, красная ягода'. И здесь, действительно, все было бы так. . . , если бы у слова *брусница* не было еще одной — не менее убедительной — этимологии.

Приводимые во всех этимологических словарях краткие ссылки на лит. *brūkpės* 'брусника', *braūkti* 'смахивать, стирать' (*Fraenkel*, 55),³ рус. *брус*, *бросать* и т. д. не проясняют в достаточной мере этимологии слова *брусница*. Между тем совпадение балтийского и славянского материала здесь столь значительно, что не оставляет сомнений в правомерности приведенных сопоставлений.

Лит. *brūkpės* 'брусника' отчетливо этимологизируется как производное глагола *braūkti* 'обдирать, обрывать (например, головки льна)'. Аналогичное значение имеет лтш. *braūcīt* 'собирать; смахивая срывать' (например, головки льна, листья липы) (*Mühlenbach*, I, 325). В славянских языках следует отметить болг. *брѹся* 'сбиваю, обиваю плоды с дерева' с причастием *брусеный* 'сбитый, сорванный' (*Геров*, I, 73). В русских диалектах *бросать лен* значит «очищать лен от головок, обивая их». Аналогичное значение имеют глаголы *броснить*, *бросновать*, *броснуть*, *брусновать*. Самый процесс обработки льна и конопля производился или вручную, или с помощью *бросновки*. «В новгородской броснут руками, а в тамбовской о бросновку» (*Даль*, I, 131) — лопатку с широкими зубьями, через которые продергивались головки льна (*брос*). Это орудие называется также *бросальница*, *броснутка*, *броснуха*, *броснушка*, *бруснева*, *бруснёлка*.

В балтийских языках бросновка также имела несколько названий, образованных от соответствующего корня *brauk-/bruk-*. Здесь прежде всего следует отметить лит. *brauktūvai* (мн. ч.) 'чесалка с железны-

³Ср.: *lipus braukia brauktuvėmis* (*LKŽ*, I, 832). В этимологическом словаре Фасмера лит. *braūkti* очень неудачно (применительно к этимологии слова *брусника*) передается как 'смахивать, стирать' (*Фасмер*, I, 221).

ми зубьями для срывания головок льна' (Sereiskis, 99). В ряде случаев одно и то же название употребляется для обозначения то бросновки, то трепала: лит. *brauktuvė, bruktuvė, brauktūvai* (LKŽ, I, 834, 893), лтш. *braūklis, braukts, brāuktuve, braūcekļis* (Mühlenbach, I, 325–326). Важно отметить, что среди балтийских и славянских языков засвидетельствованы формы с полной и нулевой огласовкой корня: лит. *brauktuvė/bruk-tuvė*, рус. *брус-н-* (< *brouk'-)/*брос-н-* (< *bruk'-). Отношение между *k и *k' в исходе корня — обычное для балто-славянского ареала, где случаи непоследовательной сатемности достаточно часты (лит. *piŭkti/piŭšti*, рус. *клонить/-слонить*, рус. *гусь*/ лит. *žąsis* и т. п.).

Исключительно важным для понимания излагаемой этимологии является наличие в русских говорах глаголов *бросить, броснуть, бруснить* и *бруснуть*, употребляемых как при обработке льна, конопли, так и при сборе ягод. Вот некоторые примеры из «Словаря русских народных говоров» (СРНГ):

1) *бруснить* а) «срывать ягоды, семена, зёрна, захватывая сразу горстью»; б) «выбивать семя из конопли с помощью бруснёлки»;

2) *бруснуть* а) «срывать с ветки листья, ягоды», «обрывать ягоды целой кистью, захватив их всей горстью»; б) «очищать лен, коноплю от головок»;

3) *броснуть* а) «собирать ягоды, забирая их всей горстью руки, отрывая от стеблей»; б) «очищать лен, коноплю, овес от головок». Связь между двумя значениями последнего глагола была отмечена еще В. И. Далем (II, 616). Этимологическая общность значений 'обрывать головки (у льна, конопли)' и 'обрывать ягоды' наблюдается и у производных ряда приведенных глаголов. В качестве примера можно сослаться на перм. *бруснёлка* (один из видов бросновки) и *бруснёлочка* 'дорожка, проход в зарослях ягодника'.

Этимология слова *брусница* в данном случае определяется способом собирания этой ягоды. Приведем краткое описание самого процесса сбора брусники (СРНГ, 3, 208): «Берут ягоду не по одиночке, а кучей, пропуская кустики брусники между растопыренных пальцев руки, как бы черпая ее. Для сбора брусники применяют деревянный совочек с длинными тонкими зубцами, наподобие гребня или растопыренных пальцев руки». Н. П. Гринкова (1958: 114) справедливо отметила, что «устройство такого совка в миниатюре напоминает льняную броснуху, а назначение и характер действия совпадают».

Типологическим аналогом названия брусницы может служить нем.

Streichbeere (диал. Strickbeere) — к *streichen*⁴ (ср. *Wolle streichen* ‘чесать шерсть’). Очевидно, что это название также было связано со способом собирания брусники, при котором кустики растения как бы «прочесываются» растопыренными пальцами руки.

Во всех статьях и словарях, излагающих рассматриваемую этимологию слова *брусница*, как правило, дается неточное, как мне кажется, семантическое обоснование этой этимологии. «Брусника названа так потому, что спелые ягоды ее можно очень легко рвать» (ЭСРЯ, I, 2, 203); «потому что спелые ягоды легко срываются» (Фасмер, I, 221); «спелые ягоды брусники легко снимаются, сдергиваются, сбрасываются» (Гринкова 1958: 113). Подобного же рода объяснения можно встретить и у других авторов. Однако, во-первых, не только брусника, но и любые другие спелые ягоды легко срываются и даже осыпаются с куста. Во-вторых, если следовать той же логике, то, например, рус. диал. *долбушка* или *долбанец* ‘лодка-однодневка’ (Даль, I, 460) названа так потому, что лодка, сделанная из цельного ствола дерева, . . . «легко выдалбливается», а рус. *кора* и *скора* (→ *шкура*) были образованы от корня **keg-* ‘резать’, ибо они «легко срезаются». В названиях брусники, лодки-однодневки, коры и шкуры отразился способ собирания или способ изготовления предмета, независимо от легкости или трудности соответствующего процесса. А способ собирания брусники — достаточно своеобразный, отличный от способа собирания большинства других ягод.

Итак, перед нами — две различные этимологии слова *брусница*, каждая из которых могла бы быть признана в достаточной мере убедительной, если бы эта этимология была единственной.

Какие же из приведенных сопоставлений следует признать верными: сопоставления с основой *брусн-* ‘красный’ или с основой *брусн-* ‘срывать (головки льна, ягоды)’? Как это ни парадоксально, но, видимо, оба сопоставления правильны. И, тем не менее, от одной из двух изложенных этимологий нам придется все-таки отказаться. И вот почему.

Основу *брусн-* ‘красный’ мы можем обнаружить только в славянском ареале. Никаких следов этой основы в балтийских языках мы не находим. В то же время основа *brauk-/bruk-*, *брус-/брос-* (< **brauk’-/*bruk’-*) ‘срывать (головки льна, листья, ягоды)’ засвидетельствована в более обширном балто-славянском ареале. Следовательно, послед-

⁴ Это сопоставление можно найти в этимологических словарях: (Berneker, I, 90; Brückner, 42; Фасмер, I, 22; Słowski, I, 45).

няя основа отличается бóльшим архаизмом, чем основа *брусн-* ‘красный’.

В семантическом отношении развития значений ‘срывать (ягоды) → ‘сорванная (особым способом) ягода’, ‘ягода брусника’ → ‘цвѣта брусники’ представляется гораздо более естественным, чем обратное семантическое изменение. Глаголы со значением ‘срывать’, ‘обламывать’, ‘срезать’ нередко лежат в основе именных образований с исходным значением ‘(нечто) сорванное, обломанное, срезанное’. Так, др.-гр. *κάρπος* ‘плод’ этимологически сопоставимо с лат. *саггѳ* ‘срываю, рву’, ‘собираю’ (и.-е. корень **ker-*/*-kog-* ‘резать, срезать’). Название же цвета, данное по окраске цветов или плодов растения, вообще встречается буквально на каждом шагу (*вишневый, малиновый, сиреневый, оранжевый, васильковый* и т. п.).

Таким образом, в семантическом отношении обе изложенные этимологии можно увязать между собой, если признать, что значение *брусн-* ‘красный’ является позднейшим, развившимся из значения ‘цвѣта брусники’. Поэтому этимология Р. Ф. Брандта, предполагающая, что название брусники восходит к основе *брус(к)-н-* ‘красный’, должна быть отвергнута. Против этой этимологии говорит также факт наличия болг. *брусница* и с.-хрв. *брѳница* со значениями ‘брусника’ и ... ‘черника’. Названия последней ягоды в русских народных говорах отличаются исключительным однообразием (*черника, черница* — название по черному цвету) (Боброва 1968: 15–16). Разумеется, болгарское и сербохорватское название черники с основой *брусн-* не могло быть дано по красному цвету. В то же время объединение брусники и черники в одном названии хорошо известно и за пределами южнославянских языков. В качестве примера здесь можно сослаться хотя бы на англ. *bilberry* ‘черника’ /*red bilberry* ‘брусника’ (ср. *червена брусница* в болгарском языке). В польском языке *borówka* — это и ‘брусника’, и ‘черника’. Те же два значения имеют болг. *боровинка* и с.-хрв. *боровница*.

Последние примеры легко объяснимы этимологически. Брусника и черника получили общее наименование как ягоды, растущие в бору (‘боровая ягода’). Здесь цвет брусники и черники практически не имеет значения. Именно поэтому общее название этих ягод в южнославянских языках — *брусница* — не может быть этимологически объяснено из значения ‘красный’. В данном случае необходимо искать этимологию, не связанную с цветом ягоды, но способную, подобно этимологии пол. *borówka*, объяснить общее название брусники и чер-

ники. Именно такой является этимология, возводящая слав. *брусница* к основе *брус(н)*- 'срывать (особым способом) ягоды', — этимология, которая легко объясняет это общее название брусники и черники, ибо способ собирания тех и других ягод во многом сходен.

В словообразовательно-семантическом плане *брус-* относится к глаголу **брусать* (ср. болг. *бру́ся* 'сбиваю, обиваю плоды с дерева') так же, как рус. диал. *брос* 'отделенные от стеблей головки льна, конопля' относится к *бросать* 'очищать лен от головок, обивая их'. И если *брос*, за ненадобностью в хозяйстве, семантически развивается в сторону обозначения чего-то ненужного (ср. *бросовый*, *отбросы* и т. п.), то основа *брус-* была использована для обозначения ягоды, собираемой аналогичным способом. Реконструируемое сочетание **бруса (ягода)* хорошо объясняет такие названия брусники, как *бруска* (**бруса : бруска = дева : девка*),⁵ *брусица* (**брусса : брусица = дева : девица*).

Приведенные формы названия брусники образованы от основы *брус-*. По обычной словообразовательной модели (*вода — водный*) от этой основы было образовано прилагательное *брусный* 'то же, что брусниковый'. Это прилагательное является «ключевым» для выяснения связи между двумя группами соответствий, приведенных в начале настоящей статьи.

С одной стороны, *брусна (ягода)* в плане общей семантики отличается от *брус(к)а* не более, чем современное нам сочетание *брусничная ягода* от *брусника*. Все наиболее распространенные названия брусники восходят именно к основе *брусьн-* : *брусна (ягода)* → *брусница*, *брусника*, *бруснина*, *брусня* и т. д.

С другой стороны, наряду с сочетаниями типа *брусна ягода*, *брусный лист* можно легко представить себе сочетание *брусный цвет*, в котором прилагательное *брусный* естественно приобретает значение 'красный'. Таким образом находят себе объяснение болг. *брусни́ца* и блр. *брусніца* 'корь', блр. 'брусньць', пол. *brósnieć* 'краснеть' и т. п.

Впрочем, значение 'красный', по-видимому, развивается у названия брусники, когда оно еще не было осложнено суффиксальным *-н-*. Об этом свидетельствуют такие примеры, как *брусковая смородина* (сорт красной смородины), *брусалка* 'красная смородина', *бруск* 'марена', а также *брусвяный* 'красный, багряный, цвета брусники', *брусвянить* 'красить в красный цвет' и др.

---

⁵Разумеется, здесь речь идет лишь о генетическом, а не о семантическом тождестве приведенных моделей.

Наконец, следует отметить, что генетически общее у балтов и славян название брусники (связь с глаголом *br(o)uk-ti/*br(o)uk'-ti), видимо, возникло независимо в балтийских и славянских языках. Об этом свидетельствует различная огласовка корня у лит. brũkn(ès) и рус. брусн(ица), различие суффиксов (отглагольный суффикс -п- у лит. brũknès ← braũkti и отыменной суффикс -ьн- у рус. брусница, где брусн- ← *брусьн-, ср. брусена, брусеника).⁶ Кроме того, даже в самих балтийских языках нет единого в словообразовательном отношении названия брусники (ср. лит. brũknès и лтш. brũklene, brũkline. Возможно, что лтш. brũklene отражает древнейшее балто-славянское название брусники, но рус. диал. брусльн, бруслина, чеш. brslen свидетельствуют о том, что в славянских языках это название очень рано было перенесено на бересклет.⁷

Значение 'красный' как производное, развившееся из значения 'брусничный, цвета брусники', встречается у анализируемых слов только в славянском ареале. Балтийские языки здесь не выходят за пределы отдельных случаев словоупотребления. Это обстоятельство также является весьма существенным при выяснении вопроса о соотношении основ брус(н)- 'срывать (головки льна, ягоды)' и брус(н)- 'красный'.

---

⁶ Поэтому трудно согласиться с В. А. Меркуловой, которая считает, что балтийский и славянский отражают здесь единую словообразовательную модель (Меркулова 1967: 216).

⁷ Впрочем, ср. чеш. bruslina 'брусника'.

ГНЪВЪ и ГНЪДЪ*

Среди русских слов, этимология которых до сих пор остается невыясненной, немало есть таких, которые отражают словообразовательные модели, утратившие свою продуктивность еще в праславянскую эпоху. Все попытки этимологизировать такие слова, опираясь на знакомые нам из русского или древнерусского языка словообразовательные типы, в большинстве своем заранее обречены на неудачу. Ибо в этом случае имеет место нарушение важного хронологического принципа этимологического анализа, происходит смещение хронологических эпох, модернизация древних словообразовательных отношений в языке.

---

* Статья была опубликована в журнале: Русский язык в школе. 1973. № 5. С. 96–98.

Взять хотя бы такую группу древних прилагательных, обозначающих различные цветовые оттенки, как ст.-сл. и др.-рус. *блѣдѣ, гнѣдѣ, смѣдѣ, спѣдѣ* (ср. рус. *бледный, гнедой, седой*). Учитывая особенности структуры древнего корня, этимологи обычно вычленяют в этих словах (в историческом плане) суффиксальное *-д-*. Но ни основную функцию этого суффикса, ни значение соответствующих корней материал письменно засвидетельствованных славянских языков определить не позволяет. Здесь необходима глубокая внутренняя реконструкция словообразовательных моделей, утративших свою продуктивность, по-видимому, еще в доисторическую эпоху.

Гнев

«Происхождение слова неясно», — говорится о русском слове *гнев* в «Этимологическом словаре русского языка» под ред. Н. М. Шанского. То же самое о чешском слове *hněv* пишет В. Махек, а о польском *gniew* — Ф. Славский (ЭСРЯ, I, 4, 104; Machek, 134; Sławski, I, 304). Этот вывод авторов этимологических словарей подтверждается довольно большим количеством различных противоречивых толкований рус. *гнев*, ст.-сл. **ГНѢВЪ** и других слов в родственных славянских языках. Все эти слова имеют одно и то же значение, за исключением рус. диал. *гнев* 'гниль', единственного примера из древнерусского (церковнославянского) памятника XIII в., где *гнѣвъ* также встречается со значением 'гниль', и, быть может, относящегося сюда же полаб. *gnewo* 'железы в сале, мясе'.

Еще Ф. Миклошич сопоставил ст.-сл. **ГНѢВЪ** с **ГНѢТИТИ** 'зажигать' (Miklosich, 68) и с **ГНИТИ**. Оба эти сопоставления легли в основу наиболее распространенных этимологий рус. *гнев* и родственных славянских слов. Согласно одной из них ст.-сл. **ГНѢВЪ** (к ст.-сл. **ГНѢТИТИ**, **ГНѢСТИ** 'жечь', 'зажигать', **ВЪЗГНѢТИТИ** 'воспламенить') отражает известную семантическую закономерность, проявляющуюся в том, что глаголы «горения» и их производные используются для выражения ощущений и эмоций человека (*гореть* — *горький* в различных значениях, *горе*; *пылать* — *пыл, пылкий*; *печь* — *печаль* и т. д.).

В этой этимологии, наиболее детально разработанной Й. Коржинком (Kojinek 1934: 43 сл.), слабой является словообразовательная сторона. Совершенно очевидно, что от глагола **ГНѢТИТИ** или **ГНѢСТИ** не могло быть образовано существительное *гнев*. Так как *-в-* у этого слова, по общему признанию (А. Мейе, Ф. Славский, П. Скок, ЕСУМ, I, 537 и др.), является суффиксальным, остается необъясненной основа **гнѣ-*.

А. Вайан пытался доказать наличие основы *gně- в ст.-сл. **ГНѢВЪ** путем сопоставления с основой *zně- (*зной* и др.), видя в этих двух основах непоследовательность в отражении индоевропейского палатально-го g' (тип *клонить* — *прислонить*) (Vaillant 1967: 97–98). Однако гипотетичность этого сопоставления отнюдь не подтверждает этимологии **ГНѢВЪ**, восходящего к **ГНѢТИТИ**.

Наконец, нужно отметить, что указанная этимология не может удовлетворительно объяснить значения 'гниль' у др.-рус. *гнѣвъ*, у рус. диал. *гнев* — значения, которое, по существу, явилось отправным пунктом второй этимологии слова *гнев*, основанной на сопоставлении с глаголом *гнити*. В этом случае ст.-сл. **ГНИТИ** и **ГНѢВЪ** объясняются как однокорневые (с чередованием *ei/*oi в корне): *gnei-tei и *gnoi-v-os, причем -v- здесь также рассматривается как древний суффикс.¹

Однако и при этом объяснении остается немало трудностей, во-первых, словообразовательный тип остается все-таки неясным, ибо данный изолированный пример не подкрепляется ссылками на какие-либо иные случаи подобного рода. Во-вторых, слабой остается семантическая сторона данной этимологии, сторонники которой предполагают для слова *гнев* развитие значений 'гниль' → 'гной' → 'яд' → 'гнев'. В семантическом отношении первая из двух изложенных этимологий представляется гораздо более правдоподобной.

Итак, перед нами две различные этимологии, которые исключают одна другую. Каждая из них имеет свои преимущества и свои недостатки. Поэтому вопрос об этимологии слова *гнев*, по существу, до сих пор остается открытым.

Мне представляется, что обе рассмотренные выше этимологии можно объединить между собой следующим образом. Известная модель: *бити* — *бой*, *лити* — (*на*)*лой*, *пити* — (*за*)*пой*, (*по*)*чити* — (*по*)*кой* и т. д. находит свое отражение и в случае *гнити* — *гной* (чередование *ei/*oi в корне). Последнее слово в диалектах русского языка и во всех славянских языках означает обычно не столько 'гной', сколько 'навоз, перегной'. Полный параллелизм в образовании слов *пере-*

¹Я не останавливаюсь здесь на интересной, но крайне спорной этимологии В. В. Мартынова (1962; 55–67), который возводит слово *гнев* к *огонь* через посредство глагола *огньватися* (кстати, аналогичное объяснение мы находим в рассуждениях одного из героев М. Горького — Матвея Кожемякина). Слово *гнев* входит в качестве составного компонента в архаичные славянские сложные имена (ср. пол. Gniewomir, Jagólniew, Zbogniew и др.). Поэтому едва ли можно видеть в слове *гнѣвъ* результат вторичного переосмысления и регрессивно-деривационного вычленения имени из глагола сравнительно поздней структуры.

гной и *пере-гар* (Даль, III, 44) — с этимологически прозрачным вторым словом — позволяет для глагола *гнити* реконструировать более древнее значение ‘гореть’, а не связывать его с весьма проблематичным для славянских языков значением ‘тереть’. Развитие значений ‘гореть’ → ‘тлеть’ → ‘гнить’ вполне естественно. А предлагаемая семантическая реконструкция позволяет увязать между собой слова *гнить*, *гной* и *гнев* также и в словообразовательном отношении.

Отмеченная выше модель, к которой относятся слова *гнити* — *гной*, может быть расширена далее: *пити* → (*за*)*пой* → *поити*, где последний отыменной глагол имеет каузативное значение (*пити* — самому, *поити* — «давать пить» другому). Такой же каузативный глагол мы имеем в случае *гнити* → *гной* → *гноити*. О. Н. Трубачев, обративший внимание на совпадение форм *пою* (лошадь) и *пою* (песню), дал остроумную и хорошо аргументированную этимологию глагола *петь* (‘пить’ = ‘совершать возлияние языческим богам’ → ‘совершать возлияния, сопровождаемые религиозными песнопениями’ → ‘петь при возлиянии богам’ → ‘петь’) (Трубачев 1959в: 135–138). В этом случае именная основа **poi-* была использована для двух параллельных образований: 1) *poi-ti > *пть-ти* и 2) *poi-iti > *rojiti > *поити*. С тем же явлением мы встречаемся и у производных именной основы **gpoi-*: 1) *gpoi-ti > *гнъти ‘давать гореть’ (каузатив) → ‘жечь’ и 2) *gpoi-iti > *гноити*. От *гнъ-ти и было образовано слово *гнъвъ* — так же как от *стъ-ти* — *стъ-в-ъ*, от *пъти* — *пть-в-* (*унъ*) ‘петух’ и другие слова с суффиксальным *-в-*.

Производящая основа **гнъ-* слова *гнъвъ* может быть реконструирована и другими способами. По модели *пть-ти* → *птъ-* (ст.-сл. **ПЪТ-ИЮ** ‘пение’ рус. диал. *пть-т-унъ* ‘петух’ и др.) от основы **гнъ-т-* образованы ст.-сл., др.-рус. *подъ-гнъ-т-ъ* и *подъ-гнъ-т-а* ‘подтопка, растопка’ (например, лучина). Интересно отметить, что эти слова, как и *гнъвъ*, имеют переносное значение: ‘то, что служит к побуждению, поощрению’ (ср. Срезневский, II, 1054). Кроме того, словообразовательной модели ‘глагол’ → ‘отглагольное имя’ → ‘отыменной глагол’: **kor(t)i* → **kor-t-* → *koriti* (рус. *коротить*), **kir-(ti)* → **kir-t-* → *kiriti* (рус. *чертить*) и т. п. целиком соответствует ряд **gně-(ti)* → **gně-t-* (ст.-сл., др.-рус. именная основа *гнъ-т-*) → *gnětiti (*гнътити*). Последний производный глагол невозможно представить без наличия производящего глагола более простой структуры. Следовательно, нам не приходится сомневаться в реальности реконструированного различными путями глагола *гнъ-ти, послужившего произ-

водящей основой при образовании существительного *гнѣвъ*.

Изложенная этимология удовлетворительно объясняет наличие у слова *гнѣвъ* двух различных значений: 'гнев' и 'гниль'. Первое из них связано с исходным значением глагольной основы **gnei-/ *gnoi-* (> **гнѣ-*), а второе — с его вторичным значением. О том, что вторичное значение развилось не только у глагола *гнить*, но и у *гнѣти, по-видимому, свидетельствует с.-хрв. *гнѣти, гнѣм* 'гниль' (Речник срп.-хрв., III, 392). Ф. Славский в 50-е годы писал, что основа **gně-* со значением 'разжигать' нигде не засвидетельствована (Sławski, I, 304). Однако несколько лет тому назад в картотеке Псковского областного словаря (Санкт-Петербургский университет) мне удалось обнаружить запись 1959 г.: *агон' гн'ѣт' — каст'ѣр развад'ѣт'* (Крапивно Гдовского района). Таким образом, изложенная этимология слова *гнѣвъ* опирается теперь не на реконструированную, а на реальную глагольную форму: *гнѣть* 'разжигать'.

Гнед(ой)

Изложенные выше соображения в пользу существования древней основы *гнѣ(ти)* 'жечь' позволяют с большей уверенностью, чем это делает, например, Ф. Славский, принять этимологию прилагательного **ГНѢДЪ** в словообразовательном плане частично разработанную Й. Коржинком (Kořinek 1934: 43сл.), а в семантическом отношении — В. Махеком (Machek, 134). Согласно этой этимологии, *гнѣ-д-ъ* представляет собой образование с суффиксальным *-д-* от той же основы *гнѣ-*, что и слово *гнѣвъ*. В семантико-этимологическом плане слово *гнѣдъ* имело исходное значение 'подгорелый, загорелый, подпаленный', развившееся затем в цветное обозначение. Этот семантический процесс может быть наглядно прослежен на примере чеш. *hnědý* 'смуглый, загорелый' и 'коричневый', он имеет много типологических параллелей в различных языках: рус. *загорелый*, пол. *ogorzały, opalony* 'загорелый', рус. (белая) с *подпалинами* (собака), лит. *dėglas* 'пятнистый' (о свинье, к *dėgti* 'жечь', 'гореть') и т. д.

В то же время, все еще встречающееся в этимологических словарях сопоставление А. Неринга *гнѣдъ* 'цвета вши' со словом *гнида* (Schradler, I, 161), на наш взгляд, неудачно.

Итак, слова *гнѣвъ* и *гнѣдъ* образованы от одной и той же глагольной основы **гнѣ-* с помощью суффиксов *-в-* и *-д-*. Такие явления хорошо известны в русском, особенно же в древнерусском языке (так же

как и в других индоевропейских языках). Например, от глагола *ста-ти* были образованы такие слова, как *ста-в-ъ* (= совр. рус. *су-став*), *ста-д-о* 'стойло' (ср. также с.-хрв. *ст̃а-д* 'состояние'), *ста-н-ъ* 'состояние', 'стан', *ста-ть* 'осанка' и др. (суффиксы *-в-*, *-д-*, *-н-*, *-т-*). Нередко слова, образованные с помощью различных суффиксов, имеют одинаковое или близкое значение: *да-н-ь* и *да-т-ь* 'даяние' (ср. совр. рус. *подать*), *ста-д-о* и *ста-я* (с суффиксальным *-j-*) 'стойло' *пть-н-ик* и *пть-т-ик* т. д. В этих случаях иногда принято говорить об исторических чередованиях суффиксов (в отличие от фонетических эти чередования морфологического происхождения).

Быть может, к таким древним чередованиям следует отнести рус. диал. *гне-в-ный* 'капризный, раздражительный' и *гне-д-ный* 'капризный' (СРНГ, VI, 236). Семантически эти слова объяснимы как результат развития значений 'горячий, вспыльчивый' → 'гневный', 'раздражительный', 'капризный'. То, что перед нами не изолированный случай слова с суффиксальным *-д-*, имеющего значение 'капризный', подтверждается наличием глагола *гнедаться* 'капризничать' (там же).² Объяснить эти примеры какими-то позднейшими фонетическими изменениями было бы затруднительно. Если же видеть здесь чередование суффиксальных *-в-* и *-д-* (ср. также *си-в-ъ* и *ст̃-д-ъ* с разной отгласовкой корня, повторяющей, кстати, случай со словами *гнить* и *гнтьвъ*), то параллелизм образований *гне-в-ный* и *гне-д-ный* явится еще одним существенным аргументом в пользу возведения слов *гнть-в-ъ* и *гнть-д-ъ* к одному и тому же глагольному корню.³

² Следует отметить также параллелизм в образовании древнерусских имен собственных: *Гнть-в-ашъ* и *Гнть-д-ашъ*, *Гнть-в-ышевъ* и *Гнть-д-ышевъ* (Тупиков 1903: 107–108).

³ В научной литературе неоднократно высказывалось сомнение по поводу наличия или отсутствия в праславянском суффикса *-d-*. После выхода в свет книги (Откупщиков 1967) С. Б. Бернштейн писал: «Большой продуктивностью в праславянском характеризовался индоевропейский суффикс *-d-*. Недавно это было убедительно показано на большом материале Откупщиковым» (Бернштейн 1974: 250).

ЖУРАВИКА*

В диалектах русского языка широко распространены такие названия клюквы, как *журавика*, *журавица*, *журавина*. Этимологическая связь этих слов с *журавль* считалась совершенно очевидной, но сравнительно недавно было высказано предположение о том, что эта связь

* Статья была опубликована в журнале: Русский язык в школе. 1973. № 3. С. 111.

вторичная, народно-этимологическая, а на самом деле слово *журавика* восходит к существительному *жар* в значении яркого огненного цвета. При этом приводились ссылки на диалектные формы *жеравика*, *жоравица* и *жаровика*, а также на диалектное же название клюквы — *красница* (Гринкова 1958: 116–118). Насколько правдоподобна это новая этимология?

Наличие в диалектах русского языка вариантов названия клюквы с гласными *е*, *о* и *а* в корне (*жер-*, *жор-*, *жар-*) наряду с формой *журавика*, *журавица* говорит как раз против сопоставления со словом *жар*. Это слово и его производные не имеют столь богатого «набора» фонетических вариантов. В то же время варианты *жеравика*, *жоравица*, *жаровика* полностью совпадают с вариантами древнерусского названия журавля: *жеравь*, *жоравь*, *жаравь*.¹

Но главный аргумент в пользу традиционной этимологии слова *журавика* (см.: Фасмер, II, 67) — это наличие широко распространенной семантической модели ‘журавль’ → ‘клюква’ (как ‘журавлиная ягода’). Ср. примеры: англ. *stape* ‘журавль’ + *berry* ‘ягода’ → *stapberry* ‘клюква’; швед. *trana* ‘журавль’ + *bär* ‘ягода’ → *tranbär* ‘клюква’, эст. *kuge* ‘журавль’ + *marj* ‘ягода’ → *kugemari* ‘клюква’; ненецк. *харё* ‘журавль’ + *нгодя* ‘ягода’ → *харё нгодя* ‘клюква’; мар. *турня* ‘журавль’ + *пõчиж* ‘брусника’ + *турня пõчиж* ‘клюква’. Эти примеры свидетельствуют о том, что связь слов *журав(л)ь* и *журавика* ‘клюква’ не является случайной, а отражает широко распространенную семантическую закономерность, известную далеко за пределами русского языка. Сопоставление же русского диалектного *журавика* со словом *жар* представляет собой типичный образец кабинетной этимологии — оригинальной и остроумной, но не находящей опоры в языке.

---

¹ Та же картина наблюдается в русских диалектах: «Наименование этой птицы (журавля. — Ю. О.) по говорам дает то же колебание гласного основы с тем же распределением вариантов», что и у названия клюквы (Меркулова 1967: 217).

КОРЫТО*

М. Фасмер (II, 343) не раскрывает этимологии этого слова, ограничиваясь перечислением (вслед за А. Г. Преображенским) родственных образований в балтийских языках (лит. *grākartas* ‘ясли, корыто’,

---

* Статья была опубликована в журнале: Русский язык в школе. 1973. № 1. С. 80–81.

др.-пруск. *gracartis* 'корыто') и осторожно сопоставляет его с *кора*, *корень* и др.-гр. *κεῖρω* 'стригу', 'рублю' (М. Фасмер дает только первый перевод греческого слова). Все это не вносит никакой ясности в вопрос о происхождении слова *корыто*.

В. В. Иванов (КЭСРЯ², 214) и Г. П. Цыганенко (219) считают, что слово *корыто* первоначально означало «изделие из коры дерева», допуская, что образовано оно было от существительного *кора*. Однако этому объяснению противоречат два обстоятельства. Во-первых, *корыто* — это не изделие из коры, а «половинка расколотого бревешка, обделанная и выдолбленная с плоской стороны» (Даль, II, 171). Следовательно, в реалиях мы не находим поддержки для изложенной этимологии. Во-вторых, единственная словообразовательная параллель к *корыто* — слово *копыто* — явно соотносится не с именной, а с глагольной основой (ср. глагол *копать*).

Выдающийся латышский языковед Я. Эндзелин сопоставил слово *корыто* с лтш. *karāite*, *karuôte* 'ложка', не дав, однако, сопоставленным словам никакого этимологического объяснения (Mühlenbach, II, 166). Таким образом, перед нами одно из тех многочисленных русских слов, этимология которых нуждается в уточнениях.

Прежде всего, давно утратившая свою продуктивность словообразовательная модель на *-ыто* (из **-ū-to*) свидетельствует о столь значительной древности слова *корыто*, что его прямое производство от слова *кора* может быть отнесено лишь к толкованиям на уровне народной этимологии. Нам кажется, что целесообразнее, вслед за М. Фасмером, отнести слово *корыто* к той же группе слов, что и *кора* или др.-гр. *κεῖρω* (из **keg-jō*) 'стригу', 'рублю'. В этом случае можно считать, что перед нами группа слов, относящихся к древнему и.-е. корню **keg-/*kog-* 'резать', 'рубить', 'вырубать', производными которого являются, например, рус. *кор-н-ать*, *коро-т-к-ий* (букв. 'обрезанный, обрубленный, усеченный') и большое количество слов в родственных индоевропейских языках. Слово *кора* образовано от того же корня. Ср. укр. диал. *чёрти* 'обрезать кору'. Здесь в процессе образования отглагольного имени наблюдается древнее чередование *e/o* в корне слова: *чёр-ти-* → *кор-а*, лат. *teg-o* 'покрывать' → *tog-a* 'тога' (букв. 'покров'), рус. *вед-у* → (*вое*) *вод-а*, *вез-у* → *воз-ъ* и т. п.

Литовское слово *grā-kar-t-as* 'ясли, корыто' отличается от рус. *корыто* наличием приставки *grā-* и основой **kog-t-* в отличие от слав. **kogū-t-*. Однако форма без **-ū-* засвидетельствована и в славянских языках, например, в.-луж. *korŕo* 'корыто'. К тому же и в балтий-

ских языках мы встречаем основу, фонетически сопоставимую со слав. *когŭ-t : лтш. кагиб-t-e, кагаŭ-t-e 'ложка'. Семантически, казалось бы, латышское и русское слово едва ли могут быть сопоставлены между собой. Однако именно возведение этих слов к корню *кег-/*ког- со значениями 'вырезать' и 'вырубать' все ставит на свое место. Уже давно было замечено, что огромное количество названий деревянных сосудов в самых различных индоевропейских языках этимологически связано с глаголами со значением 'вырезать', 'вырубать', 'выдалбливать'. Одним из этих многочисленных примеров может служить и слово *корыто* с этимологически исходным значением 'вырубленное, выдолбленное (например, бревно)'.¹

При сопоставлении сходных по своей модели слов *копыто* и *корыто* бросается в глаза серьезное расхождение в их общей семантике. С точки зрения современных залоговых отношений *копыто* — это «актив» (орудие, с помощью которого конь, например, «копает» или бьет землю), а *корыто* — «пассив» (букв. 'вырубленное' или 'выдолбленное'). Однако в глубокой древности отглагольные образования были индифферентны к залогу. Эти древние черты хорошо сохранились в диалектах русского языка. Так, *сечка* и *резка* 'орудия, с помощью которых секут или режут' (в частности, солому) — это «актив», а *сечка*, *резка* 'мелко искрошенная солома' — «пассив». Точно такие же «залоговые» отношения мы находим и между словами *копыто* и *корыто*.

КУВАЛДА*

Слово *кувалда* имеет в русском языке и его диалектах два основных значения: 1) 'тяжелый молот' и 2) 'неповоротливая толстая женщина'. Авторы этимологических словарей русского языка расходятся между собой при объяснениях происхождения этого слова (или этих слов). Так, А. Г. Преображенский пишет, что слово *кувалда* восходит «вероятно, к *ковать*, *кую*; образование не совсем ясно» (I, 404). В немецком издании словаря М. Фасмера приводится только второе из двух значений слова *кувалда* ('неповоротливая толстая женщина' (Vasmer, I, 678)). Об этимологии именно этого слова здесь говорится следую-

---

* Эта статья под названием «Об этимологическом словаре белорусского языка» была опубликована в сборнике: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1976. Вып. I. С. 113–117.

шее: «... вероятно, префикс *ку-* и *вал-* к *валить*». В русском переводе добавлено также и первое значение слова ('тяжелый молот'), а объяснение оставлено прежнее. Это, видимо, недосмотр переводчика и редактора словаря, ибо едва ли М. Фасмер мог связывать происхождение слова *кувалда* 'молот' с глаголом *валить*. Он, вероятно, считал, что перед нами — два разных слова, а не два разных значения одного и того же по своему происхождению слова. Наконец, наиболее пространное объяснение слова *кувалда* предложил В. В. Иванов. «Вероятно, восходит к *ковалда*, образованному с помощью суф. *-да* (ср. *дылда*) от *коваль* 'кузнец', сохранившегося в диалектах и являющегося производным с суф. *-ль* (ср. *строгаль*) от *ковати*. Изменение *ковалда* > *кувалда* объясняется, возможно, влиянием *кую*» (КЭСРЯ, 171–172).¹

Здесь, как и в объяснении А. Г. Преображенского, нужно признать правдоподобным возведение рассматриваемого слова к глаголу *ковать*, а также, быть может, наличие аналогического влияния парадигмы *кую, куешь* и т. д. на изменение *ковалда > *кувалда*. Вычленение же суф. *-да* в слове *кувалда* представляется весьма сомнительным.

Прежде всего, славянские образования с суффиксальным **-d-* в большинстве случаев являются отглагольными, а не отыменными образованиями. Славянские же отыменные производные со вторичным суффиксом **-d-* в подавляющем большинстве случаев образуются от именных основ с первичным суф. **-п-* (тип. ст.-сл. **ГОВАДО**, **ЖЕЛДЪ**, **СКАРАДЪ** и др.).² Надежных примеров слов со вторичным суффиксом **-d-*, образованных от именной основы с первичным суффиксом **-l-*, в славянских языках нет. Ссылка В. В. Иванова на слово *дылда* ненадежна, ибо *-л-* в данном случае относится к корню, а не к суффиксу.³ Кроме того, принимая этимологию В. В. Иванова, мы не сможем объяснить, как производное от *коваль* (с мягким *ль*) дало твердое *л* в слове *кувалда*. Наконец, изложенное объяснение нельзя признать убедительным и в общесемантическом отношении: *po men auctoris* с суф. *-л-(ь)* путем присоединения к нему конечного *-да* превращается в *po men instrumenti*. Такой семантико-словообразовательной модели мы опять-таки не знаем в славянских языках. Объяснения же, даваемые

¹ Во втором издании словаря (1971) авторы отказались от этой этимологии.

² Подробнее об этом см. (Откупщиков 1967: 149–150).

³ Там же: 120. — Новую весьма убедительную этимологию слова *дылда* предложила Ю. Лаучюте (1969: 19–20). Поэтому, оставляя в силе сопоставление с др.-рус. *дългъ* на балто-славянском уровне, я должен признать, что слово *дылда* является балтизмом в славянских языках.

ad hoc, никогда не считались убедительными.

Все это делает вычленение суффикса *-да* в слове *кувалда* весьма маловероятным, а следовательно, и вопрос об этимологии этого слова по-прежнему должен считаться открытым.⁴ Между тем белорусский материал может, как мне кажется, пролить новый свет на происхождение слова *кувалда*. Белорусские слова (с явными следами заимствования из польского) *кава́дла* и *кува́дло* 'наковальня' (Носович, 257) представляют несомненный интерес как в фонетическом, так и в словообразовательном и семантическом отношении. Прежде всего, мы имеем здесь параллельные варианты на *кав-* и *кув-*. Тем самым, если будет доказана связь блр. *кава́дла* и *кува́дло* с рус. *кувалда*, теоретически реконструируемая для русского слова исходная форма **кова́лда* и связь этого слова с глаголом *ковать* получит практическое подтверждение на конкретном материале белорусского языка.

Важно отметить также наличие в белорусских словах форм среднего рода на *-дло* и женского рода на *-дла*.⁵ Вторичный характер последней формы (ср. пол. *kowadło* 'наковальня'), видимо, не вызывает сомнений. И объяснить ее появление можно без особого труда белорусским аканьем.

Интересными представляются также и семантические расхождения у анализируемых слов. Западнославянские формы (пол. *kowadło*, чеш. *pačkovádlo*) и заимствованные из польского блр. *кава́дла*, *кува́дло*, укр. *кова́дло* имеют значение 'наковальня'. Соответствующие же им восточнославянские образования: рус. диал. *ковало* (Даль, II, 128); укр. *ковалдо* (Грінченко, II, 260) означают '(большой) молот'. То же самое семантическое расхождение можно отметить, например, при сопоставлении таких родственных образований, как др.-гр. *ἄκμων*, *ἄκμωνος* 'наковальня' и др.-в.-н. *hamag*, др.-исл. *hamag* 'молот'. Следовательно, нет никаких серьезных препятствий семантического характера для сопоставления белорусских слов *кава́дла* и *кува́дло* с рус. *кувалда*.

В свете изложенных фактов этимология рус. *кувалда* может быть представлена в следующем виде. Исходная форма **кова́дло*, образованная от глагола *ковати* с обычным инструментальным суффиксом

⁴Едва ли можно признать обоснованным сопоставление слова *кувалда* с чагат. *копал* 'неуклюжий, грубый, тяжелый' (Дмитриев 1962: 565; сопоставление дается в гипотетической форме) или с морд. *кувал* 'длинный' — по длинной рукояти (Федорова 1967: 109).

⁵В дер. Рубель Столинского р-на Брестской области в 1964 г. записано слово *кавалда*, которое во всех падежах ед. ч. склоняется как обычное существительное ж. рода и только вин. п. имеет форму *кавалда* (*-а* из *-о*) — явный реликт парадигмы среднего рода (сообщено Л. Т. Выгонной).

-дло, претерпела ряд фонетических изменений:

а) *ков-* > *кув-* под аналогическим воздействием парадигмы *кую, куешь, кует...* (КЭСРЯ¹, 171–172);

б) метатеза *д — л > л — д* (-дло > -лдо);

в) изолированное новообразование на -лдо, лишенное поддержки словообразовательного ряда на -дло > -ло, перешло под влиянием аканья в парадигму женского рода на -а.

Хронологически изменение, указанное первым, могло быть, на самом деле, и последним, но этот момент не имеет существенного значения. Общая схема фонетических изменений может быть представлена здесь, например, следующим образом: *ковадло > *ковалдо > *кувалда > *кувалда*. Два последних изменения находят себе аналогию в белорусских формах *кавадла* (флексия -а) и *кувадло* (корень *кув-*), а первое изменение устанавливается на основании украинского и сравнения белорусских и западнославянских слов с рус. *кувалда*.

В этимологической литературе уже отмечалось, что в ряде случаев, когда этимологи предполагают непосредственное заимствование из польского языка в русский, мы можем говорить о белорусском посредничестве в процессе этого заимствования.⁶ Приведенные выше белорусские слова *кавадла* и *кувадло* позволяют предположить, что необычная для русского языка форма *ковадло (> *кувалда*) явилась результатом заимствования из польского языка (*kowadłø*) в русский через белорусское посредничество. Поскольку фонетическое изменение -дло > -ло к моменту заимствования уже завершилось в русском языке, в слове *ковадло вместо обычной в более раннюю эпоху утраты *д* перед *л* произошла метатеза.

Однако подобное объяснение имеет ряд слабых пунктов. Во-первых, географический ареал слова *кувалда* отнюдь не ограничивается западными или северо-западными русскими говорами. Во-вторых, семантика рус. *кувалда* '(большой) молот' расходится с семантикой западнославянских (пол. *kowadłø*, чеш. *nakovadlo*), белорусских (*кавадла*, *кувадло*) и украинского (*ковадло*) слов, имеющих значение не 'молот', а 'наковальня'. В то же время значение слова *кувалда*, отличаясь от приведенных западнославянских по своему происхождению слов, полностью совпадает с такими восточнославянскими образованиями, как укр. *ковалдо* и рус. диал. *ковало* '(большой) молот'.

⁶Об этом, в частности, говорилось в докладе А. И. Журавского «Лексические полонизмы в старобелорусской письменности позднейшего периода», прочитанном на упомянутой выше конференции «Белорусская лексикология и этимология».

Следовательно, можно высказать предположение, что праслав. *kowadlo, получившее в западнославянском ареале значение 'наковальня', у восточных славян означало 'большой молот', что, кстати, более соответствует общей семантике суффикса -*дло*. Исходная форма *kowadlo претерпела различные фонетические изменения:

*kowadlo | ..... → *ковало* 'большой молот'
 ..... → *ковалдо* > *кувалда* 'большой молот'.

Таким образом, и рус. диал. *ковало*, и форма *кувалда* представляют собой результат различного фонетического развития одной и той же исходной формы *kowadlo, сохранившейся до сих пор в западнославянских языках со значением 'наковальня'.⁷

Пример с этимологией слова *кувалда* показывает, что и в фонетическом, и в словообразовательном, и в семантическом отношении именно белорусский материал позволяет по-новому взглянуть на происхождение этого слова и восполняет недостающие звенья теоретически реконструируемых форм живыми формами живого языка.

Значение слова *кувалда* 'неповоротливая толстая женщина', засвидетельствованное в диалектах русского языка, явилось, видимо, результатом иронического словоупотребления, ибо *кувалда* для дробления камней, как известно, не отличается ни особым изяществом, ни легкой подвижностью. . .

⁷ Таким образом, предлагаемая этимология слова *кувалда* существенно расходится с объяснением, изложенным во 2-м издании КЭСРЯ.

Блр. ЛАПІКЛА*

В словаре Ю. Лаучюте (с. 117–118) белорусское слово было отнесено к числу балтизмов вместе с такими словами, как *lápa*, *zálápa*, *lápek*, *lapéka*, *láпень*, *láпянь*, *láпiк(a)*, *láпiнка* 'заплата', а также *лапiк* и *лапiка* '(небольшой) участок земли'. Основные аргументы в пользу балтийского происхождения приведенных слов: типичные для славянских балтизмов колебания в передаче рода (*лап-iк* ~ *лап-iк-a* ~ *лап-iк-o*), специфически балтийский суффикс -*kl-* у слова *лапiкла*

*Статья была опубликована в журнале: Baltistica. 1989. Т. XXV (1). P. 169–172.

и, наконец, ареал, в котором засвидетельствованы эти и родственные им слова (Белоруссия, русские говоры Латвии, Литвы, Эстонии, смоленские говоры).

В. Урбутис привел ряд интересных аргументов в пользу славянского происхождения перечисленных выше слов, считая, что речь здесь должна идти не о заимствовании, а об исконном родстве (Urbutis 1984: 34–36). Рассмотрим все основные относящиеся сюда *pro et contra*, чтобы выяснить, какая из приведенных двух точек зрения может считаться более правдоподобной.

Основная трудность в решении этого вопроса заключается в том, что по причине исключительной близости балтийской и славянской лексики в обоих ареалах встречаются производные с основой *lor-/lar-*, генетически, видимо, связанные между собой. Причем и в балтийском, и в славянском наблюдаются обе приведенные огласовки корня. Об этом свидетельствуют лит. *lāras* ~ *lōras* (Fraenkel, 386), рус. диал. *лāпоть* = *лōпоть* ‘одежда’ (СРНГ, XVI, 266; XVII, 141–142) и др. Лексическая изоглосса (кажется, еще не отмеченная в литературе) лит. диал. *lāratas* ‘рваная одежда; лоскут’ — рус. диал. *лōпот* ‘поношенная одежда, лоскут’, *лōпоты* (мн. ч) ‘тряпки, рваная одежда’ (СРНГ, XVII, 138, 141) также свидетельствует и о связях между основами *lor-* и *lar-* и о наличии идентичных по своей форме и по значению слов с этой основой как в балтийском, так и в славянском ареале.

Однако, если мы возьмем простейшие именные и глагольные образования с основой *lor-/lan-*, то окажется, что и в литовском, и в латышском языке они надежно представлены: лит. *lōras* = лтш. *lārs*, лит. *lōrutis* = лтш. *lāriņi*. Иная картина — в славянском ареале. Слово *лāпа* в значении ‘заплата’ известно только в диалектах белорусского языка и в русских говорах на территории Латвии (СРНГ, XVI, 260). Ни в одном другом славянском языке это слово не встречается. Примерно тот же ареал у блр. *лāпиць*, рус. диал. *лāпить* ‘класть заплаты, чинить’. Еще Я. Эндзелин сомневался в исконно русском происхождении смоленского диалектизма *лāпить* (“echt russisch?” — Mühlenbach, II, 439). В настоящее время глагол *лāпить* известен и за пределами Смоленской области, но у него можно отметить совершенно четко ограниченный ареал: северо-западная часть России и русские говоры на территории прибалтийских стран (СРНГ, XVI, 263).¹ Как известно, это — типичный ареал славянских балтизмов в диалектах русского языка. Таким образом, ареальный анализ говорит в пользу заимствования слов

¹ Единственное исключение — переселенческие иркутские говоры.

lápa ‘заплата’ и *láпить* (*láпиць*) ‘латать’ из балтийского в славянский.

В. Урбутис приводит с.-хрв. диал. *lap* ‘лоскут; участок земли’ для доказательства исконности блр. *lápa* и других родственных слов (Urbutis 1984: 35). Однако нам известен ряд балто-южнославянских лексических изоглосс, в которых совершенно не участвуют западно- и восточнославянские языки. Например, с.-хрв. *seja* ‘сестрица’ ~ лит. *seiša* ‘сестра’, с.-хрв. (XVIII в.) *degati se*, словен. *degáti se* ‘ссориться, ругаться’ ~ лит. *daigótis* то же и др. Едва ли можно говорить об исконном, а не о заимствованном характере блр. *рагана* и пол. *gagaпа* ‘ведьма’ только на том основании, что у лит. *gāgapa* и лтш. *gagapa, gagaпe* есть соответствие в южнославянском ареале: с.-хрв. диал. *gōgoпа* (в значениях ‘рогатое животное’ и ‘ведьма’ ~ ‘черт’).

При сложности разграничения исконно родственной и заимствованной лексики в балто-славянском ареале особо важное значение приобретают словообразовательные данные. В. Урбутис, приведя 5 примеров деривационных отношений типа блр. *lápa* : *láпиць* (блр. *мáсла* : *мáслиць*, *тумáн* : *тумáниць*, *láта* : *láциць*, рус. *пáкля* : *пáклить*, др.-рус. *платъ* : *платити*), делает вывод: «так много и столь близких параллельных оппозиций к паре *lõpyti* : *lõpas* в балтийских языках трудно найти» (Ibid.: 36). Не касаясь вопроса об относительной частотности употребления данной словообразовательной модели в балтийском и славянском (кто здесь проводил подсчеты?), а также явно заимствованного характера слов *тумáн* (тюркизм) и *пáкля* (балтизм), отмечу, что отыменные образования на *-yti* и *-īt* имеют достаточно широкое распространение в балтийских языках. Сюда можно отнести, напр., лит. *dūmai* : *dūmyti*, *gūkas* : *gūkyti* (ср. блр. *тумáн* : *тумáниць*), *vielà* : *viēlyti*, ‘продевать свинье в нос проволоку’, *māzgas* : *mazgyti*, *kuīpas* ‘лоскут’, *kuīpyti* ‘латать’² (ср. блр. *láта* : *láциць*) и т. п. Лтш. *zēlts* : *zēltīt* связаны между собой так же, как и рус. *зóлото* : *золотить* (Endzelin 1922: 653), а лит. *sniēgas* : *snaigyti* — как рус. *снѣгъ* : *снѣжить*. Более того, П. Скарджюс указывает на глубокую древность этой балто-славянской модели (Skardžius 1943: 635), а Я. Эндзелин отмечает, что исконно балтийские образования на *-yti*, *-īt* первоначально были исключительно отыменными (Endzelynas 1957: 180). Следовательно, видеть в случаях типа лит. *lõpas* : *lõpyti* = блр. *láпа* : *láпиць* типично славянскую словообразовательную модель у нас нет никаких оснований.

²Синонимичность слов *kuīpas* и *lõpas* отразилась и во фразеологии: *kuīpas ant kuīro* = *lõpas ant lõpo*.

Расхождение в роде в случае лит. *l̄bras* ~ блр. *l̄ana* также говорит скорее в пользу заимствования, нежели исконного родства. Генетическая изоглосса лит. *l̄bras* — с.-хрв. диал. *lap* отражает один и тот же мужской род. А в процессе заимствования колебания в передаче рода — обычное явление (Лаучюте, 117–118). Лит. *žlūktas* → рус. *жлўкта* и *жлўкто* (также блр. *жлўкта*, укр. *жлўкто*, пол. *żluktą* и *żlukto*) — при почти полном отсутствии форм мужского рода. Ту же картину дает и лит. *žūlas* → блр., рус. *шўла*, *шўло* (также пол. и укр.). Все три рода дает при заимствовании из литовского в белорусский слово *l̄aužas* (→ *ловж*, *лѡвжа*, *лѡвжо*). Лит. *lorūklas* ‘заплата’ отражено в формах женского и среднего рода (*l̄anікла* и *l̄anікло*).

Последний случай особенно показателен. Перед нами пример типично балтийского суффикса *-kl-*, которому в славянском ареале, как известно, соответствует синонимичный суффикс *-dl-* (ср. лит. *ągklas* = чешк. *rádlo*, пол. *radło*, рус. *рало* и др.). Вот почему блр. *l̄anікла* в отличие от лит. *lorūklas* не может быть исконным словом. Типично балтийский аффикс, даже при наличии близких славянских соответствий, нередко позволяет надежно отграничить исконно славянское слово от балтизма. Так, *орьба́* — русское слово, а рус. диал. *арі́ба* и *орі́ба* — балтизм. Подобное же расхождение мы имеем в случае рус. *у-са́дьба* и блр. *садзі́ба* ‘усадьба’ (балтизм) (Лаучюте 1972: 91). Наличие четко выделяемого суффикса *-kl-* в славянском слове обычно служит достаточным основанием для отнесения его к числу балтизмов.³

Особый интерес представляет редкая белорусская диалектная форма *l̄anілка*. И Ю. Лаучюте, и В. Урбутис (с оговоркой: «быть может») считают, что в случае *l̄anікла* ~ *l̄anілка* имела место метатеза. Однако в вопросе о направлении изменения слова оба автора придерживаются прямо противоположных точек зрения. В. Урбутис, считая форму *l̄anілка* исконно славянской, приводит не очень удачную параллель: блр. *паста́йка* ‘отстоявшаяся сметана’ (Urbutis 1984: 35). Для пары блр. *l̄anіць* — *l̄anілка* более подходили бы примеры типа *сушы́ць* — *сушы́лка*, *тачы́ць* — *тачы́лка*, *паі́ць* — *паі́лка* и т. п. Предположение о том, что под влиянием приведенной словообразовательной модели заимствованное из лит. *lorūklas* (resp. **l̄oruklas*) блр. *l̄anікла* было (в единичном случае) преобразовано посредством мета-

³Примеры см. (Откупщиков 1987: 30). К ним следует добавить случай, наиболее близкий к балтизму *l̄anікла*: блр. *Вары́кла* (поле) — из лит. *Varyklà* ← *varyklà* ‘выгон’ (Мікратапані́мія Беларусі 1974: 40). Совершенно очевидно, что этимология этих слов связана с лит. *varūti* ‘гнать’, а не с блр. *вары́ць*.

тезы в *lápilka* (ср., напр., блр. *цадзілка*), выглядит более правдоподобным, чем обратное направление метатезы. В последнем случае следовало бы предположить, что обычное славянское слово на *-лка* было преобразовано совершенно непонятным образом, и это непонятное по своей форме слово получило более широкое распространение, чем единичное слово *lápilka*. Ни одного случая метатезы типа рус. *цѣдилка* → *цѣдикла не встречается ни в одном славянском языке. Наконец, место ударения у славянских образований на *-лка* обычно приходится на предпоследний слог: блр. *пáрыць*, но *пары́лка*, *гладзі́ць*, но *гладзі́лка* и т. п. В то время лит. **lóruklas*⁴ закономерно дает блр. *láпiкла*.

Нельзя не отметить также, что лит. *lõras-lõruyti, lõrinti — lopikis =* лтш. *lāriķis — lorūklas (lóruklas?) — lõruytojas* отражают весьма сложную и распространенную балтийскую словообразовательную модель, осложненную еще параллелизмом в образовании форм на *-uklas, -uklā* и *-ēklis*. Ср. лит. *lorūklas —* лтш. *lāreklis* ‘починка, штопка’ и, напр., лит. *kibūklas = kibēklis* ‘вешалка’.

Примеры типа блр. *лáпень, лáпiнка*, рус. диал. *лáпина* и др. могут представлять собой как появившиеся на основе заимствованных слов славянские образования, так и славянизированные балтизмы. Напр., лит. *loripũs*, вин. п. *lõrinj* → блр. *лáпень, лáпiнка* (со славянским вторичным суффиксом⁵) и т. п. Исключительная близость и почти полная идентичность балтийских и славянских словообразовательных моделей⁶ не позволяет в каждом конкретном случае провести четкую грань между балтийскими заимствованиями и славянскими новообразованиями, сформированными на основе этих балтизмов. Более того, балто-славянская словообразовательная близость не всегда позволяет надежно отграничить исконно родственную лексику от заимствованной и даже в отдельных случаях решить вопрос о том, что перед нами: славянский балтизм или же балтийский славизм.

Во всяком случае, ареальный и словообразовательный анализ говорит в пользу того, что блр. *лáпiкла* является литуанизмом. К балтийским заимствованиям, по всей видимости, следует отнести блр. и рус. диал. *лáпа* ‘заплата’, а также блр. *лáпиць* и рус. диал. *лáпить* ‘латать’.

⁴ LKŽ, VII, 649 даст форму *lorūklas*, что, однако, расходится с такими производными глагола *lõruyti*, как *lõrumas, lõruytojas* и др.

⁵ Ср.: лит. *margėlis, margėlė* ‘бык (корова) пестрой масти’ → блр. *маргэ́ль*, пол. *margiel* и *margialka* (Лаучюте, 47).

⁶ См., в частности, (Мартынов 1973: 10–11).

Выход в свет «Словаря балтизмов в славянских языках» Ю. А. Лаучюте,¹ где суммированы результаты исследований целого ряда поколений лингвистов и учтены работы последнего времени (в том числе — и автора словаря), наглядно показал, сколь существенное влияние балтийская лексика оказала на диалектную лексику польского, белорусского, русского и украинского языков. Продолжающаяся публикация значительного количества нового диалектного материала, в частности, «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), с одной стороны, «Lietuvių kalbos žodynas» (LKŽ) — с другой, открывает широкие перспективы для дальнейших углубленных исследований в области как исконно родственной лексики балтийских и славянских языков, так и лексики, заимствованной из одних языков в другие. Естественно, что при этом уже сейчас выявляются балтизмы, не вошедшие в словарь Ю. А. Лаучюте.

Настоящий очерк представляет собой продолжение серии небольших статей, посвященных выявлению новых, до сих пор не отмеченных в научной литературе балтийских заимствований, главным образом в говорах русского языка. Первой в этой серии была статья о рус. диал. *кувйклы* (Откупщиков 1987: 28–32).²

Рус. диал. *ленгус* 'лентяй' отмечено в смоленских говорах русского языка (СРНГ, XVI, 351). Кроме того, в других говорах засвидетельствованы следующие слова с тем же значением: *ленгыз* (твер., псков., курск.), *ленгызик* (твер., псков.), *ленгас* (арханг., волог.), *лэньгас* (онеж., арханг.), *ленгэл* (волог.), *ленгарь* (новг., олон.), а так-

* Статья была опубликована в журнале: *Baltistica*. 1989. Т. 25(1). Р. 60–65.

¹ См. рецензии в журналах: *Język Polski*. 1983. 63. stor. 349–352 (J. Safarewicz); *Baltistica*. 1984. Т. 20(2). Р. 184–191 (V. Urbutis); *Zeitschrift für Slawistik*. 1984. Bd 19. Hft 2. S. 302–305 (R. Eckert) и др. См. также: *Urbutis V. Slavų kalbų pseudobaltizmai / Baltistica*. 1984. Т. 20(1). Р. 30–39. — Здесь с разной степенью убедительности оспаривается принадлежность ряда славянских слов к числу балтизмов, принята Ч. Кудзиновским, Т. Зданевичем, Ю. Лаучюте и другими исследователями. Высокую оценку словарю Ю. Лаучюте неоднократно давал В. Н. Топоров. См., в частности: Топоров В. Н. О балто-славянской диалектологии // *Dialectologia Slavica*. Сб. к 85-летию С. Б. Бернштейна. М., 1995. С. 48 сл.

² Балтийское происхождение ряда русских диалектизмов не нуждается в особых обоснованиях. Напр.: *гриняя* (неделя) — лит. *grūpōji* (savaitė), *деючить* 'охать' — *dejuoti*, *додобный* 'говорливый' — *dobpė*, *евной* 'съедобный' — *javinis*, *коя* 'голень' — *kōja*, *молунок* 'кофемолка' — *malūnas* и др. Иное дело — такие слова, как рус. диал. *кувйклы*, *ленгус*, блр. *лэпйкла*, где нужны доказательства.

же *лѣнѣбсья* 'лентяйка' (арханг., онеж.) и *лѣнѣзѣтъ* 'лентяйничать' (твер., псков.). Форма с гласным *и* (*лѣнѣгас*) записана в вологодских, *лынѣзѣ* — в псковских и тверских говорах (СРНГ, XVII, 49, 221).

Попыток этимологизировать русское диалектное слово было немного. Напрашивающаяся связь со словом *лень* (Соболевский 1916: 333)³ остается неясной в словообразовательном отношении, что было отмечено М. Фасмером (II, 483). Этимология В. Пизани — к нем. *Faul-Geist* (с переводом первой и заимствованием второй части слова) — с полным на то основанием была отвергнута О. Н. Трубачевым в дополнениях к словарю М. Фасмера (s. v.). В 1965 г. О. Н. Трубачев в очень осторожной форме предложил сопоставить слово *лѣнѣгас* с с.-хрв. диал. *linguza* 'лентяйка'. Приведем соответствующее место полностью: «Нам не хотелось бы умножать число гадательных и беспочвенных этимологий, но, имея в виду невыясненность слова, полезно обратить внимание на возможную его близость к с.-хрв. диал. (икавск.) *lipguza* 'лентяйка' ж. р. (Босния). С.-хрв. слово из прасл. *lěpъgъzъ сложение *lěpъ + *gъzъ* 'гузно, задница', можно было бы считать тождественным рус. диал. *лѣнѣгас* при условии, если последнее — из *лѣнѣгус* с теми же древними компонентами (ср. диал. курск. *лѣнѣгус* 'лодырь'; псковск., тверск. *лынѣзѣ* 'лентяй'). Преобразования в северновеликорусском слове могли наступить в условиях заударного слога или в результате сознательного отталкивания от слова *гуз*?» (Трубачев 1965: 11).

Как видим, автор и сам всячески подчеркивает неуверенность в корректности своего сопоставления («полезно обратить внимание на возможную его близость...», «можно было бы считать», «при условии, если» и т. п.). Однако спустя всего два года в дополнениях к словарю М. Фасмера О. Н. Трубачев уже рассматривает свою этимологию как «беспорную», не приведя при этом никаких дополнительных аргументов в ее пользу. В словаре П. Скока с.-хрв. (уже не икавские формы) *lǰènguz* и *lǰènguzā* 'лентяй' и 'лентяйка' этимологизируются аналогичным образом (без ссылки на О. Н. Трубачева) (Skok, II, 296).

Однако здесь все далеко не так просто.

Во-первых, остается в силе замечание М. Фасмера о неясности словообразовательной модели. Славянские сложные слова со вторым компонентом *-гуз* и *-гуз(к)а*, как правило, присоединяются к первому компоненту с помощью *-о-* (болг. *гол-о-гѣз*, *крив-о-гѣз*, с.-хрв.

³А. И. Соболевский реконструирует форму *лѣнѣгá типа *мальгá*, *шувльгá*.

црн-о-гуз, бел-ò-гуза, рус. тряс-о-гўзка, бел-о-гўзка, кургўзый < *кърн-о-гузъ и т. п.). Сложных слов с первым компонентом *лен(ь)* — как будто бы вообще нет в славянских языках. Их нет в словарях древнерусского языка, в СРНГ, в словарях других славянских языков.

Во-вторых, едва ли сербохорватские слова следует отделять от болг. диал. *лѣнгѣзѣ* ‘бездельник’. Последнее никак не может быть фонетически соответствующим приведенным выше сербохорватским словам. В тому же Ст. Младенов отмечает в своем этимологическом словаре болгарского языка, что слово *лѣнгѣзѣ* было заимствовано из турецкого языка, правда, без ссылки на слово-источник. Известный тюрколог С. Н. Иванов, к которому автор обратился за консультацией, сказал, что таким словом могло бы быть не исконно турецкое образование, а какой-нибудь диалектизм, скорее всего, романского происхождения. Однако среди романизмов, проникших в турецкий язык, как обычно, через греческое посредство, слово, которое могло бы послужить источником заимствования болг. *лѣнгѣзѣ*, отсутствует (Tzitzilis 1978). Это заставило меня высказать предположение об итальянском источнике с.-хрв. *linguza*. Подобно тому как итал. *ventosa* (из лат. *ventōsa* ‘вздутая, пузатая’, от *ventus* ‘ветер’) — через гр. *βεντοῦζα* — было заимствовано в болг. *вентѣза* ‘банка (мед.)’, — лат. *lingua* ‘язык’ дает производное *linguōsa* (*mulier*) ‘болтливая (женщина), болтушка’, а затем — через итал. *linguosa* — проникает в диалекты сербохорватского языка (*linguza* и *ljènguza*). Семантическое развитие ‘болтун’, ‘болтушка’ → ‘лентяй(ка)’ не нуждается в особых обоснованиях, ср. хотя бы рус. диал. *болтун* или *балаболка* — с обоими этими значениями (СРНГ, III, 82; II, 66). С этим своим предположением и с вопросом об источнике болгарского слова автор обратился к проф. Ив. Дуриданову. Вот что он пишет относительно происхождения рассматриваемых южнославянских слов: «В турецких диалектах есть слово *langaz* ‘ленивый, лентяй’ (Türkiye de Halk Ağzından derleme sözlüğü. Ankara, 1977. T. 9. P. 3069), но оно не исконно турецкое — это заимствование из испанского: *lenguaz, languaza* (последнюю форму я нашел в этимологическом словаре Й. Короминаса⁴) ‘болтливый’ (основа *lengua* < лат. *lingua*), с.-хрв. диал. *лингуза*, по всей вероятности, — из итальянского *linguoso, -uosa* (контракция *-ио-* > *-и-*) или из исчезнувшего далматинского. Ваши догадки правильны» (письмо от 6.01.1985).

Поскольку ареал русских диалектных слов, приведенных в начале

⁴См.: Coromina J. Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana. T. I–IV. Bern, 1954–1957.

статьи, полностью исключает возможность рассматривать их как романские заимствования, а пестрота и изобилие различных вариантов слова⁵ явно заставляют предполагать все же какое-то заимствование, обратимся к этой стороне вопроса.

Ареал, в котором засвидетельствованы рус. диал. *ленгѹс* и его варианты, типичен для русских балтизмов. Новгородская, Псковская, Смоленская и Тверская области представляют собой компактный массив, расположенный непосредственно к востоку от территории, занимаемой балтийскими языками. Важно отметить, что, как и балтизм *кувѹклы*, рус. диал. *ленгѹз* встречается в Курской области. Что касается архангельских, вологодских, олонечских и онежских говоров, то они в значительной мере принадлежат переселенцам из областей, смежных с балтийской территорией. Ни одно из перечисленных слов не засвидетельствовано более ни в одном русском говоре.

Источником заимствования могло послужить лит. *leĩgvas* = *lengvùs* 'легкий'. Характерно, что и в литовском языке, и в русских заимствованиях встречаются варианты на *-ас* и на *-ус* (ср. *лѹнгас*, *лѹньгас* и *leĩgvas*, *ленгѹс* и *lengvùs*). Странные для русского языка формы женского рода *леньгосья* и *лѹнгосья*⁶ могут отражать соответствующие формы полных литовских прилагательных женского рода: *lengvõsios* (род. п. ед. ч.) и *leĩgvosios* (им. п. мн. ч.). Обращает на себя внимание, как и в случае *лѹнгас* — *ленгѹс*, совпадение двух различных мест ударения в литовском и русском слове.

По модели *liepos* (мн. ч.) — *liepa* (ед. ч) в процессе заимствования в условиях двуязычия форма *leĩgvosios* могла быть воспринята как множественное число от *leĩgvosia, что и дало в русских говорах *лѹнгосья*.

Выпадение *ц* в позиции между согласным и гласным — достаточно хорошо известное явление: рус. *обводъ → *ободъ* и др. В процессе заимствования из литовского утрата *ц* в этой же позиции имела место в случае лит. *arvalùs* → блр. *áпалы* 'круглый'. Причем утрата *ц* здесь, видимо, произошла уже в литовском языке (ср. *ápalas* → с тем же местом ударения, что и блр. *áпалы*) (Лаучюте, 61). Возможно, что заимствованием из лит. *pegvaldùs* является блр. *негалда* 'неудачник' (Гринавцкене и др. 1975: 184), что наиболее близко к случаю *lengvùs* ← *ленгѹс*. Вообще утрата *ц* в позиции перед *и* представляет собой весьма распро-

⁵Ни одно из приведенных выше исконных славянских слов типа болг. *кривогѹз*, с.-хрв. *белогуза*, рус. *белогѹзка* и др. не имеет подобного рода вариантов.

⁶Обратный словарь русского языка не содержит ни одного подобного слова, оканчивающегося на *-сья*.

страненное явление, своего рода фонетическую универсалию, ср. лат. sequor, sequitur, sequētur, но secūtus, а не *sequūtus, итал. linguosa, но с.-хрв. диал. linguza.

В семантическом плане исходными в развитии значения 'ленивый' у прилагательного 'легкий'⁷ были, по всей вероятности, сочетания типа lengvaī dirbti 'легко работать', leīgvas dārbas 'легкая работа' и т. п. С этим же направлением семантического развития связаны глаголы lengvinēti 'легко жить, не делать тяжелой работы' и lengvótis 'избегать трудной работы'. Академический словарь литовского языка (LKŽ, VII, 334) в качестве одного из значений прилагательного leīgvas приводит значение 'медленный, неторопливый', сопровождая его примером: «Ана lengvutė prie darbo, t. y. nenor sunkiai dirbti» 'Анна на работе lengvutė, т. е. не хочет тяжело работать'. Из этого и других примеров видно, что речь идет не просто о неторопливой работе, а о стремлении избежать напряженного труда («не хочет тяжело работать»).

Обращает на себя внимание также слово lengvūnas в значении 'кто медленно работает'. Модель существительных на -ūnas, образованных от прилагательных с и-основой, хорошо известна в литовском языке: drąsus 'смелый' — drąsūnas 'смельчак', lėtus 'медленный' — lėtūnas 'медлительный человек' (Skardžius 1943: 279). Следовательно, производящей основой лит. lengvūnas 'медленно работающий человек' послужило прилагательное lengvūs 'медленно работающий', которое и явилось источником заимствования рус. диал. *ленгѹс*. Кстати, единственный пример употребления этрго слова в словаре («в работе ты такой ленгус. . . ни черта не стоишь» — СРНГ, XVI, 351) говорит не о лежебоке, не о тунеядце, не о бездельнике, а именно о плохо работающем человеке. Ср. также 'вялый, плохой работник' — для слова *ленгѹс* (там же).

Типологически связь между значениями 'легкий' и 'медленно работающий, ленивый' может быть подтверждена и на примере со славянскими (русскими) словами, генетически родственными лит. leīgvas, в частности рус. *легкий* и производными той же основы. В диалектах русского языка засвидетельствованы слова *лёгѹнький* 'ленивый', *легѹша* 'лентяй' (ср. *легѹше* 'легко'), *легѹтный* 'легкий, не требующий усилий, труда'. Ср. также глаголы: *легѹстѹть* 'бездельничать', *легѹтничѹть* 'лентяйничать, лодырничать', *легѹшатѹть* 'облегчать себе работу' (СРНГ, XVI, 314–317).

⁷Интересно отметить, что значение лит. *tingūs* 'ленивый' развивается на основе антонима 'тяжелый' (ср. ст.-сл. **ТАЖЬКЪ**).

Что касается большого количества форм заимствованного из литовского языка слова в говорах русского языка (помимо рассмотренных слов также *ленгарь*, *ленгал*, *ленгúz(ик)* и даже *лынгúz*⁸), то, например, передача балтийского *s* и как *с*, и как *з* обычна для славянских языков. Например, пруссы в Ипатьевской летописи упоминаются как *проуси* и как *проузи*, лит. *gėtėsas*, лтш. *gėtesis* передается в древнерусском языке как *ремезь*, но ср. *ремезьство* и *ремезьство* (Откупщиков 1971: 123–125); ср. также в исконных словах: *порос* и *поз*, *через* (с этимологическим *с*) и др. Наличие нескольких изолированных форм с мягким *нь* (*лэньгас*) может объясняться как влиянием народной этимологии (связь с исконным словом *лень*), так и особенностями фонетической субституции в процессе заимствования. Параллельно здесь может служить близкое по звучанию прозвище сына Олгирда — *Лингвения*, основа которого в русских летописях передается то как *Лынг-*, то как *Лыньг-*. Остальные варианты слова — результат позднейшей славянизации, а сам факт наличия большого числа фонетических и словообразовательных вариантов хорошо увязывается с заимствованным характером рассмотренной группы слов.

---

⁸ Формы *лінгас* и *лынгус* могут отражать диалектные балтийские образования, у которых *ep* перешло в *ip* (Zinkevičius: 1966: 96–102). А передача лит. *i* то как *и*, то как *ы* — обычное явление при заимствованиях из литовского языка в русский (ср., например, рус. диал. *дирва́н* и *дырва́н* — из лит. *dirvonas*).

МЕДЬ*

Слово *медь* имеет соответствия во всех славянских языках, где для этих соответствий засвидетельствованы значения ‘медь’, ‘латунь’, ‘руда’. Гласный *e* в корне восходит к *ъ* (ст.-сл. и др.-рус. *мѣдь*), характер которого неясен (*ē* или дифтонг?). Ф. Миклошич, например, сопоставил ст.-сл. *мѣдь* с лит. *svidėti* ‘блестеть’ и одновременно с др.-в.-н. *smid* ‘кузнец’. Первое сопоставление Ф. Миклошича неприемлемо по фонетическим соображениям, а второе получило распространение среди целого ряда этимологов. В этимологическом словаре Э. Бернекера (Berneker, II, 46) вскользь упоминается о возможности (под вопросом) сопоставления ст.-сл. *мѣдь* и *смѣдь* ‘темный’.

---

* Статья была опубликована в журнале: Русский язык в школе. 1973. № 3. С. 109–110.

М. Фасмер, прежде чем изложить последние два объяснения происхождения слова *мѣдь*, делает в своем словаре весьма выразительную оговорку: «существующие этимологии гадательны» (Фасмер, II, 591).

После выхода в свет словаря М. Фасмера появились еще две этимологии слова *медь*: Б. Чоп (Čop 1958: 27–32) сопоставляет его с хеттским *mita-*, *miti-* ‘красный’ и со ср.-н.-н. *mēde* ‘корень растения *Rubia*’. Однако убедительных аргументов в пользу своей этимологии Б. Чоп не привел, к тому же он сам признает, что реконструкция вокализма исходной формы вызывает при таком толковании серьезные трудности.

Более обстоятельной является новая этимология слова *медь*, предложенная В. И. Абаевым (1957: 321–328). Согласно этой этимологии, слово *медь* восходит к древнему славянскому названию страны Мидии — *Мѣдь (подобно тому как, например, латинское слово со значением ‘медь’ — *cuprum* — восходит к названию острова *Кипра*). Статья В. И. Абаева содержит интересные сведения о культурных связях Восточной Европы с Закавказьем, о развитии древней металлургии, и его этимология была благожелательно встречена некоторыми учеными (например, Л. Згустой (Zgusta 1958: 98–100) и О. Н. Трубачевым — в дополнениях к русскому переводу М. Фасмера, см. статью *медь* в т. 2).

Обратимся, однако, к лингвистической стороне новой этимологии. «Мидию древние славяне называли *Мѣдь*», — утверждает В. И. Абаев (с. 325). В статье слово *Мѣдь* (без звездочки) неоднократно упоминается как реально существующее в языке (см., например, с. 328). На самом деле в источниках мы нигде не находим названия страны *Мѣдь, а только *Мидия* (из др.-гр. *Μῆδία*). Следовательно, уже в исходном пункте автор этимологии опирается на неверное, а если говорить о праславянской реконструкции, на недоказанное положение. В сущности, название страны *Мѣдь предполагается только на основании новой этимологии слова *медь*, а эта этимология, в свою очередь, опирается на реконструированное на ее основе название.

Но главное даже не в этом. В. И. Абаев, прекрасно понимая, что др.-перс. *Māda* ‘Мидия’ не могло дать в славянском формы *Мѣдь, предлагает дилемму: либо 1) *Мѣдь — «это оригинальное славянское название Мидии, соответствующее иранскому и унаследованное от дославянского периода», либо 2) слово проникло к славянам через греческое посредство и отражает греческое произношение *Μῆδοι* ‘мидийцы’ (с. 329). Однако ни одно из этих предположений не выдерживает критики. Нет никаких оснований возводить название Мидии или ми-

дийцев к индоевропейской эпохе. Кстати, ни названия страны *Мѣдь, ни названия металла, которое соответствовало бы слову *медь*, не знают наиболее близкие к славянским балтийские языки, не говоря уже о других индоевропейских языках. Не лучше обстоит дело и с предположением о греческом посредстве. Др.-перс. *Māda* 'Мидия' проникает в греческий язык в форме *Μᾶδοι* 'мидийцы', которая в дорийских диалектах сохранилась, а в ионийско-аттическом диалекте перешла в *Μῆδοι*. Вряд ли предки славян вообще получали *медь* из *Мидии*, тем более через греков (иначе как увязать между собой эти два названия?). И почему предки славян должны были называть мидийцев греческим именем в ионийской форме? В. И. Абаев ссылается на греческую колонизацию Северного Причерноморья. Но в степях Причерноморья тогда жили не славяне или их предки,¹ а скифы. И только через скифов название мидийцев могло бы проникнуть к предкам славян. Но скифские имена в греческой передаче не оставляют никаких сомнений в том, что в языке скифов название Мидии и мидийцев содержало гласный *a*, но не *e*: *Μαδίης*, *Μαδαχος* и др. (Kretschmer 1896: 216). Все эти факты заставляют усомниться в приемлемости этимологии В. И. Абаева.

Остается два старых объяснения этимологии слова *медь*. Обратимся прежде всего к этимологии, основанной на сопоставлениях с др.-в.-н. *smid* 'кузнец', *smīda* 'металл', нем. *geschmeidig* 'ковкий' и другими германскими словами. Общая основа **(s)meid(h)-/*(s)moid(h)* дает в германском формы с «подвижным *s-*», а в славянском — без него. Утверждение В. И. Абаева о том, что «начальное *s-* в славянских языках не утрачивалось» (с. 321), не может служить аргументом против приведенного сопоставления. Во-первых, нужно еще доказать, что «подвижное *s-*» утрачивалось в тех формах, где его нет, а не присоединялось к тем формам, где оно есть. Во-вторых, некоторые примеры, приведенные В. И. Абаевым для подтверждения своего тезиса, неудачны, ибо они не принадлежат к исконной славянской лексике и относятся к гораздо более поздней исторической эпохе (*смак*, *смалец*). Наконец, в германских языках особенно часто встречаются формы с «подвижным *s-*», а в славянских — без него. Поэтому сопоставление др.-в.-н. *smīda* 'металл' и ст.-сл. **МѢДЬ** отражает обычные германо-славянские отношения (ср., например, готск. *smals*, англ. *small* 'небольшой' и *малый*; англ. *sprint* '(быстро) бежать' и рус. *прядать*, и.-е. корень **(s)ker* 'резать' → англ. *short* 'короткий', но др.-рус.

¹ Если не считать, вслед за писателем А. Юговым, что Ахилл был русским (?) князем и жил где-то в районе Керчи.

· *коротъ* (къ) и т. д.).

Дальнейшие этимологические связи позволяют видеть в герм. *smeid ‘металл’ и в слав. *мѣдь* производные корня *(s)mei-/*(s)moi- ‘бить, рубить, резать’ (ср. готск. *maitan* ‘рубить, резать’). А это, в свою очередь, дает определенные основания для сопоставления германских и славянских слов с др.-ирл. *méin* ‘металл’ (с чередованием суффиксов d(h)/*n, типа рус. *дроз-д* / др.-чеш. *droz-n*, лтш. *glī-d-a* / рус. *гли-н-а* и др.) и с др.-гр. *σμίλη* ‘нож, резец’. Следовательно, семантическое развитие могло идти здесь по двум линиям: 1) ‘резьба по дереву, камню и т. д.’ → ‘резьба и чеканка по металлу (меди)’ → ‘предмет из меди’ → ‘медь’ или же 2) ‘бить’ → ‘ковать’ → ‘предмет дляковки’ → ‘металл’, ‘медь’ (ср. чеш. *kouti* ‘ковать’ и *kov* ‘металл’).

Изложенная этимология во многом гипотетична. Недостаточная достоверность этой этимологии позволяет с большим вниманием отнестись к сопоставлению, в осторожной форме предложенному Э. Бернекером: ст.-сл. *мѣдь* — к *смѣдь* ‘темный’. Во-первых, названия металлов по цвету — весьма распространенное явление в языке: рус. *олово* — лат. *albus* ‘белый’, *золото* восходит к значению ‘желтый’, лат. *argentum* ‘серебро’ — к значению ‘белый, блестящий’ и т. д. Кроме того, как это отметил Б. Чоп (Сор 1958: 27–28), образования с суффиксальным *-d-* были типичны для славянских прилагательных с «цветовыми» значениями: ст.-сл. *блѣдь*, *гнѣдь*, *смѣдь*, *сѣдь*. Наконец, важным представляется то обстоятельство, что медь как металл наиболее широкое значение приобрела в качестве составной части бронзы. Как известно, бронза представляет собой сплав меди и олова (иногда с небольшой примесью других металлов). Слово *олово* этимологически означает ‘белый, светлый’. В условиях выплавки бронзы название *меди* как «темного» металла (от прилагательного *(с)мѣдь* ‘темный’), естественно, составляло пару в семантической оппозиции (светлый и темный компоненты бронзы).

Начальное *с-* в слове *смѣдь* можно рассматривать как обычное «подвижное *s-*» (тип *скора* — *кора*), а образование слова *мѣдь* от прилагательного *(s)мѣдь ‘темный’ целиком совпадает с образованием названия сплава олова, меди, серебра и серы — *чернь* — от прилагательного *чернь*.

Какой из двух изложенных этимологий слова *медь* следует отдать предпочтение, сказать трудно. Но каждая из них гораздо правдоподобнее, чем этимология *мѣдь* из *Мѣдь ‘Мидия’.

МОЧАЛО*

Еще в XIX в. мнения ученых по поводу происхождения слова *мочало* разделились. Одни считали, что *мочало* связано по своему происхождению с основой прилагательного *мокрый* и глаголов *мокнуть*, *мочить*, ибо луб, из которого изготавливается мочало, вымачивают и лишь после этого разбирают на волокна. Другие высказывали сомнения в правильности этой этимологии, ссылаясь на то, что от глагола *мочить* естественным образованием было бы *мочило*, а не *мочало*. Кстати, в русском языке слово *мочило*, действительно, существует и означает оно 'место, где что-нибудь мочат' (например, лен или коноплю). Поэтому было высказано предположение о том, что *мочало* этимологически связано не с *мочить*, а с *мыкать* (*лыко*), т. е. 'раздирать, разделять на волокна'. Исходная форма (с кратким *ѣ* вместо долгого *ы*) *мъчало изменилась позднее в *мочало*.

Обе эти этимологии продолжают существовать в качестве равноправных и в наши дни. М. Фасмер (II, 666) придерживается первой этимологии, авторы «Краткого этимологического словаря русского языка» (КЭСРЯ², 274) вслед за Ф. Миклошичем (Miklosich, 206) и А. Г. Преображенским (I, 563) — второй. Попробуем разобраться во всех основных *pro et contra* каждой из этих двух этимологий слова *мочало*.

Прежде всего, как отмечает М. Фасмер, форма *мъчало должна была бы закономерно дать *мчало, а не *мочало*. Защитники разбираемой гипотезы понимают фонетическую уязвимость своей позиции. Поэтому они высказывают предположение, что *мъчало изменилось в *мочало* под влиянием глагола *мочить*. Подобное переосмысление слова, в принципе, возможно, но это уже — известное отступление, уступка этимологии *мочало* — *мочить*.

Разумеется, слово *мочало* не могло быть образовано от глагола *мочить* или от прилагательного *мокрый*. Это возражение против этимологии, изложенной в словаре М. Фасмера, основано на недоразумении. Немецкое *zu* в соответствующей статье словаря М. Фасмера означает, что слово *мочало* «относится к», «принадлежит к» той же группе слов, что и *мочить*, *мокрый*, а вовсе не значит: «происходит от» этих слов (как, кстати, переведено немецкое *zu* здесь и во многих местах русского издания М. Фасмера).

В словах *мочало* и *мочить* (при любой из рассмотренных этимоло-

---

* Статья была опубликована в журнале: Русский язык в школе. 1973. № 1. С. 81–82.

логий первого слова) *ч* явилось результатом палатализации *к*. *Мочити* восходит к более древней форме *мокити, а мочало — к *мокъло. Последнее слово было образовано от *мокъти, так же как, например, краткие прилагательные *горъль*, *горъла*, *горъло* были образованы от *горъти*. Следовательно, *мокъло представляет собой отглагольное прилагательное (причастие) среднего рода (*мокъль, *мокъла, *мокъло), которое в сочетании *мокъло лыко (ср. *горъло мъсто*) означало: ‘вымоченное лыко’.

Восстановленный нами глагол *мокъти в его отношении к *мокити отражает известную словообразовательно-семантическую модель:

<i>бълити</i> ‘делать белым’	— <i>бълъти</i> ‘становиться белым’;
<i>тупити</i> ‘делать тупым’	— <i>тупъти</i> ‘становиться тупым’;
<i>старити</i> ‘делать старым’	— <i>старъти</i> ‘становиться старым’;
* <i>мокити</i> ‘делать мокрым’	— * <i>мокъти</i> ‘становиться мокрым’.

После смягчения *к* (*ч*) и закономерного перехода *ть* в *а* после *ч* мы должны получить модель несколько видоизмененную:

<i>мочити</i> ‘делать мокрым’	— * <i>мочати</i> (→ <i>мочало</i>) ‘становиться мокрым’;
<i>мельчить</i> ‘делать мелким’	— <i>мельчатъ</i> ‘становиться мелким’;
<i>легчить</i> ‘делать легким’ (диал.)	— <i>легчатъ</i> ‘становиться легким’.

Наличие *а* после *ч* в слове *мочало* (в отличие от глагола *мочить*) не исключает у него связи с корнем *мок-* ‘мокрым’. Такие слова, как польск. *moszga*, укр. *мочар*, чеш. *mošal* ‘трясина, топь’, также не могли быть образованы от глаголов типа *мочити*. Тем не менее связь с корнем *мок-* здесь бесспорна.

Наконец, ссылки на *мочило*, *точило* и другие подобные слова (к *мочити*, *точити* и т. п.) не могут быть убедительными по той простой причине, что здесь перед нами другой суффикс: **dl(o)*, а не **-l(o)*. Разница в словообразовательной модели станет совершенно ясной, если мы сопоставим польские слова *toczydło* и *gorzely*. Этот пример говорит о том, что русские слова *точило* и *горелый* совпали в своей суффиксальной части только после выпадения *д* перед *л* в первом слове.

Но все сомнения, по-видимому, должны устранить данные белорусского и украинского языков: блр. *мачанне*, укр. *мочання* означают ‘макание’, а блр. *мачальны*, укр. *мочальний* — ‘макальный’.¹ Поскольку слово *мочало* засвидетельствовано только в восточнославян-

¹ Глагол *макать* также этимологически связан с *мочить* и *мокрым*. Ср., *мочить* — *макать* и (*в*) *скочить* — *скакать*.

ских языках, материал белорусского и украинского языков приобретает в данном случае первостепенное значение.

Таким образом, детальное рассмотрение всех основных «за» и «против» каждой из двух приведенных этимологий слова *мочало* заставляет нас отдать явное предпочтение той этимологии, которая связывает происхождение этого слова с глаголами *мочить*, *мокнуть* и с прилагательным *мокрый*.

НЕВЪСТА*

Этимология слова *невъста* уже давно привлекает к себе внимание исследователей. Начиная от Ф. Миклошича и до наших дней наиболее распространенными являются два этимологических объяснения этого слова: 1) *невъста* < *neǫoidta ‘неизвестная’ (и.-е. корень **ǫoid-* ‘знать’); 2) *невъста* < *neǫoǫedta ‘новобрачная’ (корни **neǫ-* ‘новый’ и **ǫed(h)-* ‘вести, брать замуж’).¹ Обычно первое из приведенных толкований признается удовлетворительным в фонетическом отношении, но недостаточно убедительным в смысловом плане. Второе объяснение, напротив, считается убедительным в отношении смысла, но слабым фонетически (необъяснимым остается корневое *ъ* вместо ожидаемого *e*) (см., напр. (Погодин 1903: 217)). Отсутствие единства в решении вопроса об этимологии слова *невъста* заставило исследователей искать новые пути объяснения происхождения этого слова. Подробный разбор предложенных новых этимологий дан в книге О. Н. Трубачева о славянских терминах родства (Трубачев 1959: 91–93). Автор этой книги вслед за М. Фасмером справедливо, как нам кажется, заключает, что все новейшие этимологические толкования, касающиеся слова *невъста*, «неудовлетворительны и одинаково недоказуемы при всем их остроумии» (там же: 93). Сам О. Н. Трубачев принимает одну из двух старых этимологий Ф. Миклошича: *невъста* < *neǫoidta ‘неизвестная’. В своей книге он обычно подтверждает ту или иную принятую им этимологию довольно вескими аргументами. В случае же с этимологией слова *невъста* выводы автора книги неубедительны. Впрочем, можно соглашаться или не соглашаться в данном вопросе с О. Н. Трубачевым, но следует решительно возразить против следующего категорического

* Статья была опубликована в сборнике: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1963. Вып. IV. С. 96–103.

¹ Обе этимологии встречаются уже в словаре Ф. Миклошича (Miklosich, 214).

его заявления: «Старая этимология *nevěsta* настолько очевидна (?! — Ю. О.), что поиски каких-то новых объяснений не представляются целесообразными (!). Можно заранее сказать, что они не смогут противопоставить ничего равноценного по ясности старому объяснению» (там же). Если бы указанная выше старая этимология слова *невѣста* была «очевидной», то вряд ли исследователи-этимологи стали бы ломать копыта по этому поводу в течение ста лет. Кроме того, О. Н. Трубачеву как этимологу лучше, чем кому-нибудь другому, известно, что в области этимологических исследований слова «очевидно», «несомненно» и т. п. следует употреблять с очень большой осторожностью, ибо не раз уже «совершенно очевидные» этимологии на деле оказывались ошибочными. Поэтому следует считать преждевременными и окончательный приговор О. Н. Трубачева о происхождении слова *невѣста*, и его вето, наложенное на дальнейшие исследования в этой области.² Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению этимологии слова *невѣста*.

В пользу этимологии *невѣста* ~ 'неизвестная' могут быть приведены следующие аргументы. Корень **ǵoid-* (*ǵeid-*) 'знать' хорошо известен в и.-е. языках: греч. (F) *οἶδα*, др.-инд. *vēda*, готск. *wait* 'я знаю', др.-прус. *waidimāi* 'мы знаем' и др. От этого корня засвидетельствованы формы отглагольных прилагательных с суффиксом *-*to-*, *-*tā-*: авест. *vista*, лат. *vīsus*, др.-ирл. *fess*, готск. *wissa*. В старославянском языке от глагола **ВѢДѢТИ** засвидетельствована причастная форма **ВѢСТЪ** 'известный'. Соответствующей формой женского рода с отрицанием *не-* могло явиться (позднее ставшее субстантивированным) отглагольное прилагательное *невѣста* 'неизвестная'. С точки зрения фонетической и морфологической приведенные аргументы, на наш взгляд, следует признать безукоризненными. Что же касается семантической стороны, то здесь возникают очень серьезные затруднения. Ссылки на то, что невеста была неизвестна родным жениха, что ее в доме жениха часто не называли по имени и т. п., вряд ли можно рассматривать в качестве серьезных аргументов в пользу этимологии *невѣста* 'неизвестная'. В этом отношении справедливо отвергнутые О. Н. Трубачевым этимологии Н. С. Трубецкого, Г. А. Ильинского, Я. Отрембского (Трубецкой 1922–1923: 12–13; Iljinskij 1902: 227–228; Otrębski 1927: 284–

²Справедливые возражения О. Н. Трубачеву были высказаны в этом отношении В. В. Мартыновым в рецензии на книгу о славянских терминах родства (Мартынов 1960: 143). Возражая О. Н. Трубачеву, В. В. Мартынов предлагает новую остроумную этимологию слова *невѣста*: *nevěsta* < *neǵois-ta < *ne-ǵoik-ta (и.-е. корень *ǵoik-* 'род') 'не-род-и-ая', которая, по нашему мнению, несколько не уступает этимологии *невѣста* 'неизвестная'.

289) и других мало чем отличаются от защищаемой им самим этимологии. В самом деле, невесту можно с равным основанием назвать и 'неизвестная', и 'самая молодая' (< *neciŝthā — превосходная степень от *neĉā 'молодая' — этимология Н. С. Трубецкого), и 'неродная' (< *neĉoiġta от корня *ĉoiġ 'род' — упоминавшаяся уже выше этимология В. В. Мартынова). Все эти этимологии в семантическом отношении примерно равноценны, ибо все они отвечают действительному положению невесты в древнеславянской семье: она могла быть 'неизвестной' родичам мужа, она была 'самой молодой' взрослой женщиной в семье, она не принадлежала к роду мужа (или не находилась в ближайшем кровном родстве с ним), т. е. была 'неродной'. Примерно то же самое можно сказать и об этимологиях Г. А. Ильинского, В. Махека, Й. Коржинка (Maček 1948: 98; Kořinek 1930: 8–15) и Я. Отрембского, на которых мы останавливаться здесь не будем, присоединяясь к приведенным выше оценкам этих этимологий, данных М. Фасмером и О. Н. Трубачевым.

Все перечисленные выше этимологии, кроме этимологий *невѣста* 'неизвестная' и *невѣста* 'неродная', неубедительны также и в фонетическом и в морфологическом отношении. Последние же две этимологии имеют один общий весьма существенный недостаток: их вероятность не подтверждается данными других языков. Если бы авторы или сторонники этих этимологий привели несколько примеров из родственных (или даже неродственных) языков, где невеста или молодая жена называлась бы 'неизвестная' или 'неродная', тогда правдоподобность этих этимологий стала бы гораздо более значительной. Кроме того, против упомянутых двух этимологий говорит и тот факт, что ни один из двух корней (*ĉoid-, *ĉoiġ-) не употребляется ни в славянской, ни в индоевропейской терминологии, относящейся к семье и браку. Наконец, что касается этимологии *невѣста* 'неизвестная', то против нее В. В. Мартынов выдвинул очень убедительный, на наш взгляд, аргумент, заимствованный из той самой книги О. Н. Трубачева, в которой защищается рассматриваемая этимология. О. Н. Трубачев пишет в своей книге: «История наиболее важных индоевропейских терминов 'знать' сводится к следующей схеме:

*ġep-I 'рождаться, быть в родстве', *ġep-II 'знать (человека)', *ĉeid- 'видеть', *ĉiod- 'знать (вещь)'» (Трубачев 1959: 157). С этой точки зрения принятая О. Н. Трубачевым этимология слова *невѣста* также не выдерживает критики (подробнее см. (Мартынов 1960)).

Хотя в настоящее время этимология *невѣста* 'неизвестная' приня-

та почти всеми исследователями (см. Pokorný, 116; Vasmer, II, 200),³ нам представляется, что гораздо более правдоподобной следовало бы признать вторую из двух этимологий, предложенных в словаре Ф. Миклошича: *невеста* < **ne̋cedta*. Корень *ced (h) 'вести' широко распространен в индоевропейских языках, причем во многих случаях он имеет значение 'жениться', т. е. букв. 'вести (невесту в дом)'. Так, в близкородственном для славянских языков литовском языке имеется глагол *vedù, vèsti* 'жениться' (ср. лтш. *vedu, vest*). От и.-е. корня *ced (h)- образованы также др.-инд. *vadhūh*, авест. *vaδū* 'невеста, молодая жена', *vaδya-* 'на выданье (о девушке)', лит. *vedėklis* — с тем же значением (о юноше), лит. *vedūs* 'жених', лтш. *vedama* 'невеста', др.-гр. ἔδνον 'брачные дары, приданное', ἔδνωω 'снабжать приданным (выдавать замуж)', англ. *wed* 'выдавать замуж, женить' и др.

Широко распространен корень *ced (h) в том же значении и в славянских языках. Так, лит. *vedù, vèsti* 'жениться' соответствует (с иной огласовкой корня) др.-рус. *водити жену*⁴ (лат. *uxōrem dūcere*). В древнерусском языке слово *водима* означало 'жена, супруга'; тот же корень сохранился и в рус. *выводное (вѣно)* и *выводные* (деньги) в значении 'выкуп за невесту' (Даль, I, 281). Ст.-сл. **ВѢНО** < *ced (h)-s-по-т также образовано от корня *ced (h)- (см. выше: очерк о слове *вѣно*).

Итак, материал индоевропейских (в том числе и славянских) языков свидетельствует о том, что предположение о связи слова *невеста* с корнем *ced (h)- является вполне обоснованным. Убедительность этого предположения можно подкрепить ссылкой на лит. *pauvedà* (*paūveda*) 'новобрачная' — слово, состоящее из тех же самых (по происхождению) двух корней, что и *невеста* (< **ne̋cedta*), и совпадающее с исследуемым словом по своему значению (ср. также лит. *paujavedūs* 'новобрачный'). Сопоставление слов *невеста* с лит. *pauvedà* встречается еще у Ф. Миклошича. О. Н. Трубачев, подробно анализируя вопрос о происхождении слова *невеста*, не упоминает ни лит. *pauvedà*, ни подавляющего большинства приведенных выше родственных слов. А между тем именно эти примеры заставляют сильно усомниться в «очевидности» этимологии *невеста* 'неизвестная'.

³Против этой этимологии — в пользу этимологии *невеста* 'новобрачная' — выступал А. В. Исаченко, правда, без детальной аргументации (Исаченко 1953: 77). В пользу традиционной этимологии *невеста* 'неизвестная' высказывался Э. Дикенман в рецензии на книгу О. Н. Трубачева (1961: 222).

⁴Ср., например: «Да всякъ челов къ иже *водити* хочет *жену*, да ю *водитъ* по закону» (Житие Андрея Юрьевича).

Этимология *невѣста* < *нецо-цедта 'новобрачная' подтверждает- ся также фактом наличия в сербохорватском языке наряду с *нёвеста* краткой формы этого слова *нёва* 'молодая, молодуха, невестка'.⁵ Если слово *нецо-цедта (или даже *неца цедта) означало 'повобрачная, молодая жена', то *неца, естественно, должно было означать 'молодая'. Подобное употребление слова в принципе ничем не отличается от современных русских слов *молодая* ('молодая жена') или *молодые* ('молодожены'), а также, например, от албанского *gé* 'молодая девушка, невестка' (букв. 'новая').

Правда, следует признать, что этимология *невѣста* 'новобрачная' встречается с определенными фонетическими трудностями. Во-первых, корень *нец-/*поц- в славянских языках обычно встречается с гласным *о*. Во-вторых, долгота второго корневого гласного (*ѣ*) почти всеми исследователями признается необъяснимой (корень *цед(h)- должен был бы дать отглагольное прилагательное *vesta, а не *vĕsta).

Первое затруднение разрешается довольно просто. Фр. Прусик еще в прошлом веке отметил, что в чешской топонимике сохранились многочисленные следы древней огласовки *e* корня *нец-/*поц-: *Nevosad*, *Nevosedy*, *Nevotníky* (Prusík 1893: 161). Поэтому возведение слова *невѣста* к нецо-цедта в этом отношении является вполне правомочным. Выпадение слога в слове *невѣста* (< нецоцеста) обычно рассматривается как результат гаплогонии типа *знаменосец* < *знаменоносец (Ibid., 160).

Причина, по которой большинство исследователей отказалось от этимологии *невѣста* 'новобрачная', заключается в том, что не было найдено удовлетворительного объяснения долготы корневого *ѣ* в этом слове. Попытка объяснить эту долготу тем, что перед нами — глагольный корень с протяженной ступенью огласовки (Dehnstufe), не может быть признана убедительной. Как известно, индоевропейские отглагольные образования с суффиксом *-to- обычно не имели этой огласовки. Аналогическое воздействие форм настоящего времени здесь также исключено, так как глагол *вести* имеет в корне *e*, а не *ѣ*. Следовательно, мы должны искать какое-то иное объяснение долготы *ѣ* в слове *невѣста*.

Нам представляется, что изменение *невѣста* < *нецоцеста (< *нецо-цед-та) не может быть подведено под рубрику какого-то единого фонетического изменения. Гаплогония, на которую обычно ссыла-

⁵ Это слово прочно вошло в сербохорватский язык. От него имеются производные: *нёвин* 'молодухин, невесткин', *невовати* 'жить молодухой, молодой женой'.

ются исследователи, ничего в данном случае объяснить не может, ибо гаплогогическое выпадение слога не увеличивало количества гласного в сохранившемся слоге: лат. *sēmōdius* < *sēmimōdius, др.-гр. ἄμφωρεύς < *ἄμφωρεύς; рус. *знаменосец* < *знаменоносец. В реконструируемой форме *нецоџеста, на наш взгляд, имела место не гаплогогия, а выпадение второго сонанта џ с последующим слиянием гласных *оџ* в дифтонг, который и дал *џ* в слове *невџста*. Подобное предположение имеет свои *pro et contra*. Против него говорит тот факт, что в отличие от таких языков, как греческий и латинский, в которых и исчезал между гласными (лат. *lātīna* < *lavātīna, др.-гр. πλέω < *πλεFω), славянские языки сохранили интервокальный џ (*плавати*, *ковати* и др.). Однако в конкретном случае со словом *нецоџеста ряд обстоятельств мог содействовать выпадению второго интервокального џ. Во-первых, перед нами случай словосложения. На границе двух слов в индоевропейских языках, как известно, действовали многочисленные — и до конца не выясненные — закономерности фразовой фонетики (правила сандхи). В подобном положении мы можем ожидать отклонения от обычных норм фонетического развития. Вторая половина рассматриваемого сложного слова (*-*џеста*) начинается с сонанта џ, артикуляция которого была в подобном положении неустойчивой, о чем свидетельствует, например, ст.-сл. **џџа** — слово, утерявшее свой начальный звук џ (это подтверждается формами: ст.-сл. **џџа**, лит. *varsà*, др.-в.-н. *wafsa*). Если взять целиком *compositum* *нецо-џеста, то здесь второй џ оказывается в интервокальном положении, в котором сонант џ также отличается крайней неустойчивостью артикуляции. Наконец, наличие двух соседних слогов -џо и -џе, начинающихся с одного и того же звука, также должно было содействовать выпадению одного из них.

Итак, для объяснения фонетических изменений, происшедших со словом *невџста*, мы предлагаем следующую реконструкцию: *нецоџед-та > *нецо-џеста > *нецоџеста > *nevěsta* (или *неџа џедта > *неџа џеста > *neџaџesta* > *nevěsta*).⁶ Таким образом, в обоих вариантах *џ* в слове *невџста* оказывается восходящим к дифтонгу.⁷

Разумеется, мы не считаем предложенное выше решение вопроса

⁶Мы не касаемся здесь вопроса о хронологической последовательности различных фонетических изменений. Поэтому ббльшая древность изменения -dt > -tt > -st- (сравнительно с выпадением џ и другими изменениями) в приведенной схеме носит условный характер.

⁷О различного рода упрощениях на границе двух слов, приводящих в конечном счете к гаплогогии, см. (Bolling 1948: 47–50). Там же приведены многочисленные примеры из латинского, древнегреческого, древнеиндийского и из современных европейских языков.

об этимологии слова *невѣста* очевидным и окончательным. Более того, предлагаемое нами объяснение происхождения корневого *ъ* вряд ли будет всеми признано достаточно убедительным.⁸ Возможно, что в дальнейшем будут выдвинуты новые, более убедительные гипотезы, касающиеся происхождения слова *невѣста*. Целесообразность поисков подобных гипотез и новых доказательств вряд ли следует подвергать сомнению. В настоящее же время из двух наиболее распространенных этимологических толкований этого слова нам, несмотря на некоторые фонетические затруднения, гораздо более правдоподобным представляется объяснение, связывающее слово *невѣста* с и.-е. корнем **ued(h)*- и, в частности, с литовским «двойником» славянского слова — с *pauvedà*.

Наличие в древнеиндийском языке состоящего из тех же двух компонентов слова *navavadhū* ‘молодая жена; новобрачная’, кажется, устраняет последние сомнения, связанные с этимологией слова *невѣста*.

---

⁸ В конце концов долгота гласного в *въстыи* (*невѣста* ‘неизвестная’) тоже является отклонением от нормы, ибо, как известно, индоевропейские отглагольные прилагательные с суффиксом *-to- имели нулевую ступень огласовки корня (например, лат. *clūtus*, др.-инд. *ṣrutāḥ*, др.-гр. *κλυτός* при корне *kleu-*, ср. также ст.-сл. **ОТВЪРЪСТЪ** при **ОТВЪВРЪСТИ**). Старославянский язык знает большое количество отклонений от этой древней индоевропейской нормы, причины которых далеко не всегда ясны. В худшем случае долготу *ъ* в слове *невѣста* можно признать одним из таких — пока неясных для нас — отклонений.

ПЛОЩАДЬ*

До сравнительно недавнего времени этимологическая связь этого слова с прилагательным *пlockъ* ни у кого не вызывала сомнений. Но вот известный итальянский языковед В. Пизани высказал предположение, что др.-рус. и церк.-слав. *площадь* представляет собой заимствование через старославянский из гр. *πλατειάδες — формы мн. ч. от существительного *πλατεῖα* ‘площадь’ (Пизани 1956: 167–170). Эта этимология была принята авторами КЭСРЯ² (344).

Между тем этимологию В. Пизани трудно отнести к числу удачных. Во-первых, реконструируемая В. Пизани греческая форма им. п. мн. ч. на *-άδες* не засвидетельствована в греческом языке, а также в греческих

---

*Статья была опубликована в журнале: Русский язык в школе. 1973. № 3. С. 110–111.

церковных текстах, откуда анализируемое слово, скорее всего, могло бы проникнуть в старославянский язык. Во-вторых, формы мн. ч. на -*ѡдѣс* распространились в греческом языке у основ на -*ā* поздно, когда сочетание **-tj-* (ср. гр. -*τελε-*) не давало уже на славянской почве *щ* (тип *světja > *свѣща*). Более того, в церковнославянских текстах, действительно, встречается слово, заимствованное из ср.-гр. *πλατεῖα* — *платиѧ* 'площадь'. Это реальное, а не предполагаемое заимствование лишает гипотезу В. Пизани последней опоры.

Иное дело традиционное сопоставление слова *площадь* с *плоскъ*. Фонетически *щ* и *ск* в этих словах соотносятся между собой так же, как, например, в случае *ищу* — *искать*. Образования с суффиксами -*ядь* и -*ндь*, сохранившие свои следы в современном русском литературном языке (*рухлядь*, *челядь*, *площадь*), особенно широко представлены в диалектах (Азарх 1961: 150–159). Модель *плоскъ* → *плочь* 'плоскость', 'ширина' → *площадь* обычна для древнерусского языка и для современных русских диалектов. В словообразовательном отношении *плочь* и *площадь* относятся к прилагательному *плоскъ* так же, как *ширь* и (диалектное) *ширедь* ('широкое место') (там же: 152) — к *широк(ий)*.

Наконец, наличие в древнерусском языке двух слов, построенных по одной и той же модели, — *площадька* 'небольшая площадь, небольшой участок' и *площадька* — 'плошка, плоский сосуд' — заставляет окончательно отказаться от этимологии В. Пизани и вернуться к старому сопоставлению слова *площадь* с прилагательным *плоскъ*.

ПОЛИКЛИНИКА*

В русском языке есть много слов греческого происхождения, которые, строго говоря, не следовало бы называть греческими заимствованиями. Это так называемые неогреческие слова, искусственно образованные в новое время с помощью корней или слов греческого происхождения. В одних случаях за основу было взято какое-то реально существовавшее в древнегреческом языке слово (например, *телескоп* — от слова со значением 'далеко видящий'), которое и стало использоваться

---

* Статья была опубликована в журнале: Русский язык в школе. 1974. № 2. С. 105–106.

для обозначения того или иного нового предмета, явления или понятия. В других случаях (*телефон, телеграф*) были созданы совершенно новые слова (букв. 'далеко звучащий', 'далеко пишуший'), для которых в древнегреческом языке имелись лишь составляющие их компоненты.

Не нужно думать, что этимологизация неогреческих слов не представляет собой никаких особых трудностей. Вопросы, связанные с местом и временем создания этих слов, часто остаются невыясненными. Значение неогреческих слов или их составных компонентов далеко не всегда определяется этимологами однозначно.

Предлагаемые ниже заметки посвящены вопросу о происхождении одного из таких слов.

Вторая половина композита *поликлиника* в этимологическом отношении предельно ясна: *клиника* — это субстантивированное греческое прилагательное $\kappa\lambda\iota\nu\iota\kappa\acute{\eta}$, которое еще в древнегреческом языке имело значение 'уход за лежащим больным, врачевание'. Это слово, в свою очередь, было образовано от существительного $\kappa\lambda\iota\nu\eta$ 'постель'. Иначе говоря, *клиника* — это больница с постельным режимом.

Каково происхождение начального *поли-* в слове *поликлиника*? Авторы русских словарей и справочников отвечают на этот вопрос по-разному. Одни связывают слово *поликлиника* с др.-гр. $\rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ 'город' и этимологизируют его как слово, означающее 'городская клиника'. Другие считают, что *поликлиника* этимологически имеет значение «клиника, в которой лечат разные (букв. многие — к др.-гр. $\rho\acute{o}\lambda\upsilon\varsigma$ 'многий') болезни».

Для носителей русского языка вопрос об этимологии слова *поликлиника* имеет, в основном, чисто теоретический интерес. Но в английском, немецком, французском и других европейских языках теоретические вопросы этимологии оказываются неразрывно связанными с практическими вопросами орфографии. Если признать правильной этимологию 'городская клиника', то по-английски, например, следует писать *policlinic*. В противном случае, если отстаивать этимологическую связь этого слова с 'многий', необходимо писать *polyclinic*. То же самое — в немецком, французском и некоторых других европейских языках. В словарях (в частности, английских и французских) нет единства в написании этого слова. Дело дошло до того, что словари стали различать два разных слова: англ. *policlinic* 'клиника для пациентов города' и *polyclinic* 'клиника для лечения различных болезней'.

В этимологических словарях русского языка происхождение слова *поликлиника* освещается по-разному. В словарях А. Г. Преобра-

женского и М. Фасмера это слово вообще не этимологизируется. В КЭСРЯ² (351) дается, в основном, верная этимология, но аргументы в ее пользу отсутствуют. В словаре Г. П. Цыганенко (Киев, 1970) приводятся следующие соображения: «Заметим, что в дорев. России поликлиники существовали только в крупных городах». Это замечание не усиливает, а, наоборот, ослабляет изложенную в словаре этимологию. Во-первых, слово *поликлиника* представляет собой заимствование в русском языке. Поэтому наличие или отсутствие сельских поликлиник не могло оказать влияния на этимологию слова, возникшего за пределами России. Во-вторых, отсутствие сельских клиник может служить аргументом не в пользу, а против этимологии 'городская клиника', ибо противопоставление городской клиники отсутствующей сельской не имеет никакого смысла.

Для решения вопроса об этимологии слова необходимо как минимум установить место, время и общие условия создания слова.

Слово *поликлиника* появилось в европейских языках в начале XIX в., причем во французском языке оно, по-видимому, представляет собой заимствование. Судя по всему, родиной слова стала Германия, где первые поликлиники были организованы при университетах. Здесь, по сообщению английской печати (1827 г.), студенты-медики лечили горожан под присмотром опытных врачей — преподавателей университета. В отличие от научно-исследовательских клиник внутриуниверситетского назначения *поликлиника* (нем. Poliklinik) обслуживала городское население. Поэтому у истоков анализируемого слова мы, действительно, находим др.-гр. πόλις 'город'. Характерно, что немецкие словари (в отличие, например, от английских и французских) пишут слово Poliklinik последовательно через *i*.

Из немецкого языка слово Poliklinik было заимствовано другими языками. И именно здесь с ним произошла «метаморфоза»: у слова, начинающегося на *poli-*, появился «двойник» на *poly-*. Перед нами — этимологическое переосмысление слова, вызванное изменениями в самих реалиях: поликлиники очень скоро приобрели автономию, независимость от университетов. Вместе с этим потеряло смысл противопоставление внутренней университетской клиники — внешней, городской. Кроме того, поликлиники стали строиться и в сельской местности. «Сельская городская клиника» — сочетание не очень удачное с точки зрения логики, а деэтимологизация слова, которое недавно было создано, представляла бы собой явление уникальное. Таким образом, связь слова *поликлиника* с гр. πόλις 'город', имевшая какие-то основания в

момент создания слова, все более и более ослабевала.

Развитие самих поликлиник привело к тому, что, в отличие от клиник с узкой специализацией (глазная, кожная), поликлиники должны были располагать специалистами разных профилей. Это обстоятельство, по-видимому, и послужило главной причиной этимологического переосмысления слова, чему в значительной мере содействовало наличие близкого по звучанию и вполне подходящего по значению греческого слова πολύς 'многий'. Таким образом, речь должна идти не об «ошибке» и не о «смещении» компонента poli- с poly-, а о вполне обоснованном переосмыслении слова. Современные *поликлиники* соответствуют этимологии polyklinike 'клиника, в которой лечат многие болезни', а poliklinike 'городская клиника' относится, пожалуй, к этимологической «предыстории» слова или по крайней мере отражает лишь первый этап в развитии его этимологии. В соответствии с этим должен решаться и вопрос об орфографии слова — для тех языков, которые разграничивают в написании *i* и *y*. Собственно говоря, этот вопрос так и решается в тех английских и французских словарях, которые разграничивают два самостоятельных слова: policlinic 'городская клиника' и polyclinic 'клиника, в которой лечат разные болезни'.

В современном греческом языке есть два слова, имеющих значение 'поликлиника', и оба они пишутся через *y*: πολυκλινική и πολυιατρείον. В то же время понятие 'городская клиника' передается словом άστυκλινική, где в качестве первого компонента было взято слово άστυ, а не πόλις. Таким образом, и здесь, как в английском и французском языках, произошло переосмысление слова в соответствии с тем реальным содержанием, которое отражает сущность современных поликлиник.

РАМЕНЬ и РАМЕНЬЕ*

Слово *рамень* и производное от него *раменье* засвидетельствованы из всех славянских языков только в русском. В древнерусских памятниках *раменье* означало 'лес по краю пашни' (И. И. Срезневский, III, 65). В «Словаре Академии Российской» (изд. 2-е, СПб., 1806 и слл., ч. V, стлб. 942) и в «Общем церковно-славяно-русском словаре» (СПб., 1834, ч. II, стлб. 1089) слово *рамень*, *-мня* (мужского

* Статья была опубликована в сборнике: Вопросы общего языкознания. Л., 1965. С. 88-96.

рода) имеет значение 'строительный, годный на строение лес'. Место ударения (*раме́нь*) в словарях, начиная с 1847 г., меняется, но мужской род сохраняется: «*раме́нь, рамя́*, м. р., лесная поросль на запущенной пашне», — читаем в «Словаре церковно-славянского и русского языка Имп. Академии наук» (изд. 2-е, т. IV. СПб., 1868, стлб. 82). В словаре Даля (IV, 58) *раме́нь, рамени* — женского рода. Слова *раме́нь* и *раменье*, по свидетельству Даля, означают «лес, соседний с полями, с пашней». В костромских и рязанских говорах *рамень* и *раменье* — 'мешаное чернолесье'. В северо-восточных областях европейской части России — *рамень* 'густой, дремучий, темный лес; большие казенные леса, где есть распашка; глушь лесная непроезжая, без дорог, где только по опушке есть починки и рощисты' (Даль, IV, 58). В вологодских говорах — *раменье* 'деревня, селенье под лесом' (там же). Наконец, В. Даль отмечает в языке промышленников для слова *рамень* значение 'бревно в 5–6 саж.'. Все производные от слова *рамень* (*раменка, раменный, раменский* и др.) неразрывно связаны со значением 'лес'. Это наиболее распространенное значение слова *рамень* не изменилось и до наших дней. В «Словаре современного русского литературного языка» (ССРЛЯ), где *раме́нь, -и, ж. р., обл.*, обозначается как 'густой, дремучий лес (обычно еловый)', приведен пример из «Жатвы» Г. Николаевой: «Заросшая невысокой травой, зеленая как ковер, дорога вилась по еловой рамени» (ССРЛЯ 12, стлб. 575).¹

Этимология же слова *рамень* до сих пор остается неясной. Еще в прошлом веке А. Матценауер отмечал, что слово *рамень* «*etymologicky temné*» (Matzenauer 1870: 289), а В. Ягич признал, что происхождение слова *рамень* для него «*nicht klar ist*» (Jagic 1884: 484). Г. А. Ильинский писал: «О происхождении этого слова (*рамень, — Ю. О.*) этимологической науке до сих пор не удалось сказать ничего положительного» (Ильинский 1918: 179). М. Фасмер приводит в своем словаре ссылки на различные объяснения происхождения слова *рамень*, но решительно отвергает большинство из них, не приходя сам ни к какому определенному заключению (Фасмер, II, 489).

Исходя из основного значения 'лес' А. Матценауер в очень осторожной форме сопоставил слово *рамень* с др.-гр. *ῥάμιος* 'ветвь с листьями и плодами' и н.-гр. *ῥοῦράμι(ον)* 'гай, лес'. Однако в этимологи-

¹ Несколько неожиданное и, видимо, позднее значение для слова *раменье* было засвидетельствовано в последние годы в одном из районов Псковской области: *раменье* 'рай, хорошая жизнь'. Соответствующий материал находится в картотеке Псковского областного словаря Межкафедрального словарного кабинета ЛГУ (ныне СПбГУ).

ческом словаре греческого языка Гофмана справедливо отмечается, что др.-гр. ῥάμιος находится в родстве со ст.-сл. **ВРЪБА** (Hofmann 294). Что же касается слова ῥοιμίον (οὐρμίον), то это — заимствование из тюркского огтап ‘лес’ (Фасмер, II, 489). А. А. Потебня возводил *рамень* к *рама* ‘граница, край, предел пашни, упирающейся в лес’ (Потебня 1883: 30). А. Г. Преображенский пошел еще дальше, неосторожно сблизив последнее слово с поздним германским заимствованием — с совр. рус. *рама* (Преображенский, II, 181). Против последнего сопоставления категорически возражал М. Фасмер. Относительно же объяснения А. А. Потебни следует, во-первых, сказать, что (как справедливо отметил еще Г. А. Ильинский) слово *рама* ‘край пашни у леса’ не засвидетельствовано в древнерусском языке и впервые упоминается только в словаре В. Даля (Ильинский 1918: 179). Связь между словами *рамень* и *рама* (в последнем значении) очевидна. Во всяком случае, она не вызывала ни у кого ни малейших сомнений. Но у нас нет никаких оснований выводить первое слово из последнего. Кроме того, ссылка на слово *рама* нисколько не проясняет происхождения слова *рамень*, поскольку само слово *рама* ‘край пашни у леса’ не имеет удовлетворительной этимологии. В. Ягич сопоставлял (правда, очень неуверенно) слова *рама* и *рамень* со ср.-в.-н. *gām, gāme* ‘цель’ (Jagić 1884: 484). Г. А. Ильинский считал первоначальным значением слова *рамень* значение ‘поросль’. При этом он опирался на сопоставления с др.-англ. *wgōt* ‘хобот, нос, рыло’, др.-исл. *gōt* ‘корень’, др.-гр. ῥάδιμος ‘побег’ (Ильинский 1918: 180). Ни одно из приведенных объяснений происхождения слова *рамень* не получило широкого признания. М. Фасмер в предположительной форме (*wohl*) говорит о возможности связать слово *рамень* с *рамянный* ‘сильный’, но никаких аргументов в пользу этого сопоставления не приводит. Между тем увязать эти два слова было бы трудно и в словообразовательном, и особенно в семантическом отношении. К тому же самое слово *рамянный* не имеет достаточно убедительной этимологии. Таким образом, вопрос о происхождении слова *рамень* в настоящее время можно считать открытым.

Основным недочетом предложенных этимологий слова *рамень*, на мой взгляд, является недостаточное внимание (или полное невнимание) к вопросам словообразования. Обычно исследователи отыскивали в родственных индоевропейских языках близкие по звучанию слова со значениями ‘лес’, ‘корень’, ‘ветвь’, ‘побег’ и т. п. Тем самым при этимологическом анализе слова *рамень* решалась фактически задача с уже известным ответом. Направление семантического анализа было опре-

делено заранее. Простое сопоставление слова *рамень* с тем или иным индоевропейским словом не объясняло его конкретного происхождения (в словообразовательном плане). Самое слово *рамень* рассматривалось как единичное, изолированное слово, не входящее в какой-либо словообразовательный ряд. Связи с родственными индоевропейскими словами оказывались случайными, они определялись обычно субъективным выбором исследователя, а убедительность того или иного сопоставления зачастую зависела от более или менее удачной догадки, от большего или меньшего остроумия автора. Разумеется, элементы субъективизма неизбежны во всяком этимологическом исследовании, но при анализе происхождения слова *рамень* они, как правило, играли доминирующую роль.

В настоящем очерке мне хотелось бы проанализировать происхождение слова *рамень*, исходя не из заранее намеченной семантической связи и не из более или менее удачных фонетических сопоставлений с родственными языками, а из словообразовательной структуры самого слова.

По своей структуре слово *рамень* (*рамень*) может быть поставлено в один ряд со словами: *пламень*, *камень*, др.-рус. *стремь* (ст.-сл. **СТРЪМЪНЬ**), *струмень*, ст.-сл. **ПРАМЪНЬ** 'нить', *кремень*, *ячмень*, *ремень* (заимствование этого слова из германского мне представляется весьма сомнительным) или (с тем же, но, возможно, вторичным суффиксом), *житмень*, *глухмень*, *хильмень*, *кусьмень*, *сухмень*, *сушьмень*, *узмень* и др. Часто подобные образования на *-мень* встречаются и в топонимике: *Тихмень*, *Ильмень* (Откупщиков 1961: 10–11), *Узьмень*, *Струмень*, *Тесмень*, *Сухмень* (ср. также: *Раменье* и *Раменское*). Не все перечисленные выше слова имеют достаточно надежную этимологию. Возможно, что некоторые из них — сравнительно поздние образования (тип *глухмень*, *сухмень*, отличающийся от более древних образований также и по своему значению). Однако исключительно большая древность самого типа образований на *-мень* не вызывает ни малейших сомнений. Эти образования засвидетельствованы в старославянском и во всех славянских языках.² Соответствие (не только фонетическое, но и морфологическое), например, между ст.-сл. **КАМЪТЪ**, **КАМЪНЪ** и др.-инд. *áṣṭap*, др.-гр. *ἄστυον*, лит. *актиб* говорит об индоевропейском происхождении древнейших образований на *-мень*. И.-е.

²Ср., например: ст.-сл. **ПЛАМЪТЪ**, **ПЛАМЪНЪ**, **ПРАМЪНЪ**, **КАМЪТЪ**, **КАМЪНЪ**, **КАМЪНЪ**, **СТРЪМЪНЪ** и соответствующие западно-, восточно- и южнославянские слова.

суффикс *-теп-, наличествующий у этих слов на *-мень*, как известно, лег в основу медиальных причастных образований типа др.-греч. φερόμενος, др.-инд. bhāgamāpaṇi или авест. vazətpa-. Давно установленное «причастное» происхождение большого количества индоевропейских образований с суффиксом *-теп- хорошо объясняет наличие слов мужского, женского и среднего рода, образованных с помощью этого суффикса. Существительные женского рода среди этих образований встречаются редко (например, лат. fēmina, columna). Особенно же много среди них существительных среднего рода. В латинском языке, например, можно указать flāmen, agmen, sēmen, tegmen, līmen, flūmen, lūmen и мн. др. Нередки случаи наличия близких форм мужского и среднего рода: лат. terminus и termen. В древнеиндийском языке соответствующие формы мужского и среднего рода могли различаться по месту тона и по значению. Мужской род в ряде случаев представлял собой nomina agentis, а средний — nomina actionis: dātmān m. '(по)датель' — dātmān n. '(по)дача'; brahmān 'жрец, брахман' — brahmān 'моление' (Brugmann и Delbrück 1897: II, 1, 239). Большое количество образований с суффиксом *-теп- сохранилось в германских (Ibid.: 240), в армянском (Ibid.: 235–237) и в литовском языках (Ibid.: 238–240); см. также: (Kurýowicz 1952: 302).

В славянских языках значительная часть образований с суффиксом *-теп- относится, как известно, к среднему роду: например, рус. *время, племя, семья, темя, вымя, бремя, имя, знамя, стремя*. Здесь также встречаются параллельные формы мужского и среднего рода: *пламень* и *пламя, стремя* и *стремь, шеломень* и *шеломя*. «Причастное» происхождение значительной части индоевропейских и славянских образований с суффиксом *-теп- прослеживается совершенно отчетливо. Ср., например: ст.-сл. **СЪМА** — **СЪТИ**, лат. sēmen — serō, лит. sėmens (м. р. мн. ч. 'посевы') — sėti; ст.-сл. **БРЪМА** — **БРЯТИ**, др.-инд. bhāgma 'несение' — bhāgāmi, др.-гр. φέρμα 'плод' — φέρω. Достаточно хорошо известны и давно установлены связи с глагольным корнем для слов *время, племя, знамя*. Из образований на *-мень* такую же связь уже отмечали для ст.-сл. **ПЛАМЪНЬ**, др.-рус. *струмень* (Мейе 1951: 281), ст.-сл. **ПРАМЪНЬ** (Miklosich 1875: 236).

Следовательно, если только слово *рамень* не является сравнительно поздним аналогическим образованием или русифицированным заимствованием из какого-нибудь языка, то можно предположить, что перед нами древнее отглагольное образование с и.-е. суффиксом *-теп-. В пользу этого предположения, в пользу помещения слова

рамень в один ряд с другими образованиями на *-мень*, *-мя* говорят производные от слова *рамень*, не отличающиеся от производных русских слов с суффиксом **-теп-*. Ср., например, *раменье* и *знаменье*, (*без*)*времяе*, др.-рус. *каменик*, *кременик*; *раменный* и *каменный*, *пламенный*; *Раменское* и *Знаменское* и т. п.

Если допустить, что *-мень* в слове *рамень* имеет суффиксальное происхождение (а в пользу этого предположения, как было показано выше, говорит многое), то корнем данного слова следует признать *ра-*. Корень этот хорошо известен как в русском, так и в других славянских языках, и нам нет нужды обращаться здесь к этимологическим «варягам». В древнерусском и в современном русском языке сохранились такие слова, как *ра-ло*, *ра-тай*, *ра-ль* ‘нива’, *ра-тва* (Срезневский, III, 104) ‘пахота’ и др. Уже из этого краткого перечня видно, что значительная часть производных от глагола *орать* ‘пахать’ выступает в русском языке с корнем в форме *ра-*. В этой же форме выступает корень глагола *орать* и в производном *ра-мень* ‘вспаханный участок земли’. Таким образом, результат структурного анализа слова *рамень* оказался несколько неожиданным: вместо «леса» он привел нас в «поле», на «пашню».

Приемлемо ли приведенное этимологическое толкование слова *рамень* в семантическом отношении? На этот вопрос следует ответить утвердительно. Прежде всего, *рамень*, как правило, означает не просто ‘лес’, а ‘лес, находящийся по соседству с пашней’. Этот момент неоднократно подчеркивается и в словаре Даля, и в других словарях. Несомненно, родственное со словами *рамень* и *раменье* слово *рама* означает ‘пашня по соседству с лесом’. Следовательно, с одной стороны, *рамень* ‘лес рядом с пашней’, а с другой — *рама* ‘пашня рядом с лесом’. И оба слова, как это признано всеми, одного происхождения. В этом случае перед нами имеются две различные возможности: или пашня получила свое название от леса, или, наоборот, лес от пашни. Все поиски решения данной этимологической задачи исходили обычно из того предположения, что в основе слова *рамень* лежит значение ‘лес’. На самом же деле, по всей видимости, лес получил свое название от соседней пашни. Об этом, в частности, говорит и одна любопытная деталь, на которую почему-то никто не обратил внимания. Наряду со словами *рамень* и *раменье* В. Даль приводит также *зараменье*, означающее ‘лес, окружающий поле, пашню, чищобу’ (IV, 58). Если лес, находящийся за пашней, называется *зараменье*, то *рамень* или *раменье* — это, естественно, сама пашня. Именно таково и было, видимо, первоначальное

отношение между пашней (*рамень*) и лесом (*зараменье*). Переход значения *рамень* 'пашня' → *рамень* 'лес рядом с пашней' — вполне возможен; он может быть подтвержден примером, приведенным у того же В. Даля: в Калужской губернии «лес нередко зовется *краем*, т. е. за-краиною поля» (IV, 58). Еще более вероятным следует признать семантическое изменение *рамень* 'пашня' → 'пашня, заросшая лесом' → 'лес на заброшенной пашне' → 'лес'. Это изменение, по всей видимости, является наглядным отражением подсечной системы земледелия. В пользу последнего семантического истолкования предлагаемой нами этимологии слова *рамень* свидетельствует также распространенное в Карелии слово *сурамень*, обозначающее мелкий лес, растущий на запущенной пашне (сообщено Н. А. Мещерским).

Итак, *рамень* относится к глаголу *орать* 'пахать' так же, как ст.-сл. **ПАМЭНЬ** — к **ПОЛЪТИ**, **ЗНАМА** — к **ЗНАТИ**, **СЪМА** — к **СЪТИ**, **ПРАМЭНЬ** — к **ПРАТИ** и т. д. Теперь, когда выяснена словообразовательная структура слова *рамень*, когда определены его корень и значение, обратимся к соответствиям в родственных индоевропейских языках. Эти соответствия могут быть признаны надежными лишь в том случае, если они не только близки к слову *рамень* в фонетическом отношении или по своей семантике, но также если они совпадают с этим словом по своей морфологической структуре.

Та же самая словообразовательная модель (*орать* — *рамень*) имеется в литовском языке: *ar̃ti* 'пахать' — агт̃и̃б, -eĩs, т. 'пашня'. Здесь перед нами полное совпадение и в фонетическом, и в морфологическом, и в семантическом плане. Причем приведенное соотношение — не случайное, изолированное совпадение; оно является типичным не только для славянских языков, но и для литовского языка: *ar̃gti* 'расти' — агт̃и̃б 'нарост', *leĩkti* 'сгибать' — lenk̃и̃б 'сустав, сгиб', *lygti* 'равнять' — lygt̃и̃б 'равенство' и др. Формант -т̃и̃б (родительный падеж -т̃eĩs) в приведенных и во многих других случаях полностью соответствует форманту -мень и образует, как и в русском языке, имена мужского рода.

В древнегреческом языке к глаголу ἄρω 'пахать' восходит существительное ἄρωμα 'пашня, нива'. Соотношение между этими двумя словами то же, что и в приведенных выше славянских и литовских примерах. Разница заключается только в том, что др.-гр. ἄρωμα относится к среднему роду³ и суффикс *-теп- выступает у этого слова с нулевой

³Ср. приведенные выше примеры колебания между мужским и средним родом у индоевропейских образований с суффиксом *-теп-.

ступенью огласовки *-тп-. Слоговой *п* закономерно дает в греческом языке *α*, что видно, например, из соответствий: лат. *pōtēn* — др.-гр. *ῥοτῆνα*, др.-рус. *знамѣ* — др.-гр. *γνώμη*, лат. *termen* — др.-гр. *τέρμα*.

В латинском языке от глагола *agāre* ‘пахать’ не сохранилось существительного с суффиксом *-тп- со значением ‘пашня’. Однако здесь, видимо, имеется производное от этого не дошедшего до нас слова: *armentum* ‘крупный скот’ (обычно рабочий). Связь существительного *armentum* с глаголом *agāre* была отмечена еще Варроном (LL, 5, 96). Этой же этимологии слова *armentum* придерживались Колумелла (*Colum* 6, praef. 3) и Исидор (*Jsid. Orig.*, 12, 1, 8). В новое время Ф. Скуч также возводил слово *armentum* к *agāre* (*Skutsch* 1909: 348). Он считал, что более древняя форма **agāmentom* подверглась ямбическому сокращению, а затем — синкопе. Слабость этого фонетического объяснения привела к тому, что в последнее время была принята иная этимология слова *armentum* (связь с др.-гр. *ἄρμα* ‘повозка’ — *Walde* I, 68). Однако в пользу правильности древней этимологии, предложенной еще Варроном, говорят следующие факты. Скот, запрягаемый в повозки, назывался в латинском языке *iumentum* (< *iouksmentom*, *IOVXMENTA* — *CIL* I², 1, cf. *iungere* ‘запрягать’). *Armentum* — это скот, используемый, видимо, для какой-то иной цели. Затем, название рабочего скота, полученное от глагола ‘пахать’, засвидетельствовано в литовском языке: *ąrti* ‘пахать’ — *ąrklas* ‘соха’ — *ąrklūs* ‘лошадь’. Наконец, нет никакой необходимости непременно возводить *armentum* к **agāmentom*. Хотя производные от *agāre* обычно имеют в латинском языке основу *agā-* (*agātrum*, *agātor*, *agātiō*), в данном случае наличие этой основы не является обязательным. Хорошо известно, что глагол *secāre*, например, имеющий основу *secā-*, наряду с таким образованием, как *secamenta*, дал также производные *segment*, *segmentum*, *sectiō* и т. п. Да и сам глагол *agāre* имеет производные *agum* ‘пашня’ и *agvālis* ‘пахотный’, что делает вполне допустимой связь рассматриваемой формы *armentum* с *agāre*. Таким образом, от глагола *agāre* ‘пахать’ в латинском языке было образовано существительное **armpn* ‘пашня’ (позднее вытесненное словом *agum*), которое послужило основой для образования слова *armentum* ‘скот, используемый для работы на пашне’. Впрочем, слово *armentum* могло быть образовано и непосредственно от глагола *agāre*. В этом случае слова **armpn* могло и не быть в латинском языке. Но и тогда словообразовательная модель *agāre* — *armpn(tum)* сохраняется.

Итак, сопоставление рус. *рамень* — *орать* ‘пахать’ с лит. *armpn* — *ąrti*, др.-гр. *ἄρμα* — *ἄρω* и лат. *armpn(tum)* — *agāre* свидетельствует в

пользу предложенной выше этимологии слова *рамень*.

В заключение вкратце остановимся на слове *рама* ‘край пашни у леса’. Это слово в связи с приведенными фактами вызывает затруднение только в словообразовательном отношении. Корень его, очевидно, ясен, значение — тоже. Можно было бы просто сослаться на то, что *рама* — позднейшая форма, что это слово образовано от *рамень*. Однако слово *рама* сохранило более древнее значение (‘пашня’) по сравнению со словом *рамень* (‘лес у пашни’), поэтому вряд ли перед нами новообразование. Скорее, наоборот, *рама* — очень древнее слово, хотя оно и не сохранилось в памятниках древнерусской письменности. Мне кажется, что слово *рама* можно рассматривать как один из немногих реликтов индоевропейских образований женского рода с суффиксом *-mēn-. Если буквальное значение древнего слова *ag-mōn было ‘вспаханный’, то слово *рама* восходит к соответствующей форме женского рода *ag-mēn-a > *agmpa ‘вспаханная’ (ср. по типу образования, например, лат. columna). Упрощение -mp- > -m- > -n-, видимо, такого же типа, как и в слове *зима*, где наличие древнего суффикса *-mēn- (-mp-a) подтверждается данными родственных языков: др.-инд. hēman ‘зимой’, hēmantāh ‘зима’, др.-гр. χειμα (-μα < *mp), χειμών ‘зима’, алб. dimen ‘зима’ (Brugmann, Delbrück 1897: 234; Pokony, 425–426).⁴

Н. И. Толстой отреагировал на изложенную этимологию в высшей степени эмоционально: «Честь установления надежной этимологии слова *рамень*, *раменье* принадлежит Ю. В. Откупшикову...» (Толстой 1997: I, 349). И далее (с. 350–356) он приводит интересный диалектный материал, подтверждающий правильность предложенных семантических реконструкций. Столь же категоричен вывод С. Б. Бернштейна: «... установленная Откупшиковым связь между глаголами ogati и именной основой gamēn- бесспорна» (Бернштейн 1974: 179).

---

⁴ Впрочем, наличие таких параллельных форм, как *ghei-mōn и *ghei-ma *ag-mōn и *ag-mā и т. д., могло явиться не следствием упрощения -mp- > -m- (традиционное объяснение подобного параллелизма), а исконным чередованием образований с суффиксальными *-mēn- и *-mō- (*-mā-). Это древнее чередование наиболее полно сохранилось в литовском языке: drėgti ‘сыреть, влажнеть’ — drėgmens (Pl.) ‘осадки’ — drėgmė ‘влажность’, lūgti ‘выравниваться’ — lygtiub ‘равенство’ — lygmė, ‘равнина’, sūkti ‘крутить, вращать; вить’ — suktiub ‘оборот, виток’ — sūkmas ‘мошеник, плуг’ и др. Вряд ли многочисленные литовские образования типа gėkmas ‘крик’, tėktmė ‘течение, поток’, versmė ‘ключ, родник’ и тому подобные возможно возвести к образованиям на *-mp-.

РАСШИВА*

С этим словом можно встретиться в произведениях Н. А. Некрасова, М. Горького и ряда других русских писателей. *Расшивы* — это большие парусные суда на Волге, которые позднее были вытеснены пароходами. Обычно слово *расшива* этимологизировалось и сейчас этимологизируется на основании сопоставления с глаголами *шить*, *расшить*, *расшивать*.

Однако еще в 40-х годах против этого этимологического сопоставления высказался известный славист академик Н. С. Державин (1939: 39). По его мнению, связь слова *расшива* с *шить* — это результат народно-этимологического переосмысления непонятого слова, заимствованного из немецкого языка, где *Reiseschiff* означает ‘судно для путешествий’.

Какая же из двух изложенных этимологий правильна? Ошибку в данном случае допустил Н. С. Державин.

Прежде всего, *расшива* — это типичное грузовое судно, а не ‘судно для путешествий’. Кроме того, это слово является в русском языке исконным, а не заимствованным. Об этом свидетельствуют надежные этимологические связи, которые имеются у слова *расшива* в рамках родного языка. Так, сочетание слов *пришить* доску — обычно в языке плотников. От глагола *шить* в значении ‘прибивать, приколачивать’ берет начало диалектное слово *шитик*, которое В. И. Даль (IV, 635) объясняет таким образом: «Мелкое речное судно» (волжское слово) или «лодка с нашивами, набоями, с нашитыми бортами» (сибирское слово). У Даля же мы находим слово *шива* «лодка шитик, не долбленая».

Следовательно, с этимологической точки зрения, *расшива* — это судно, «расшитое», т. е. обитое досками. Об изготовлении у древних руссов «набойных лодий», обшитых досками, сообщает византийский император Константин Багрянородный (X в. н. э.). Кстати, руссы пришивали доски к остовам своих судов не только деревянными гвоздями, но также ивовыми прутьями и корнями можжевельника (Мавродин 1949). Возможно, что именно здесь следует искать связующее звено между значениями ‘шить’ и ‘прибивать’, ‘приколачивать’ у глаголов *шить*, *пришивать*.

---

* Статья была опубликована в журнале: Русский язык в школе. 1973. № 1. С. 81.

СТЕНА и СТЕНЬ*

Тонкий знаток русского языка и его диалектов В. И. Даль считал, что слова *стена*, *стеня*, *тень* и *сень* имеют общий корень (IV, 351, 379). Даль не касался вопросов, связанных с этимологией приведенных слов. Вывод об общности их происхождения сделан автором на основании наблюдений над словоупотреблением, причем этот вывод опирался на богатейший опыт лексикографической работы и на изумительную языковую интуицию Даля. В многочисленных работах, посвященных этимологии слов *стена*, *стеня*, *тень* и *сень*, вывод Даля и его интересные наблюдения полностью игнорируются. Исследователи-этимологи исходили, как правило, не из данных живого языка и его многочисленных диалектов, а почти исключительно из сопоставлений (зачастую рискованных и натянутых) с родственными индоевропейскими языками. Столь односторонний подход к анализу привел к тому, что перечисленные выше слова до сих пор не имеют удовлетворительной этимологии. Рассмотрим относящийся к данному вопросу материал и постараемся дать новое этимологическое истолкование слов *стена* и *стеня*.

*Стена*¹

В настоящее время категорически отвергнуто предположение о том, что данное слово является древним заимствованием из германского. Почти во всех словарях и работах по этимологии ст.-сл. **СТѢНА**² рассматривается как слово, исконно родственное готск. *stains* (нем. *Stein*) 'камень' и др.-гр. *στία*, *στῖον* 'камешек, галька' (Meillet 1905: II, 446; Преображенский, II, 410; Фасмер, III, 754; Trautmann, 281; Младенов, 608; Kluge, 744; Рокотпу, 1011 и др.). Германские и греческие слова, в свою очередь, сопоставляются с др.-инд. *styāyatē* 'затвердевает, застывает'. А. Г. Преображенский в связи с этим толкованием пишет: «Если эти сопоставления верны, то первоначальное значение *стена* собирательное: 'груда, куча, масса камней, отсюда каменная

* Статья была опубликована в сборнике: Из истории слов и словарей. Л., 1963. с. 130–137.

¹ Ст.-сл. **СТѢНА**, укр. *стіна*, болг. *стена*, чеш. *stěna*, пол. *ściana* и др.

² Слово *стена* рассматривается как заимствование из готского (вслед за Г. Хиртом, А. И. Соболевским и Уленбеком) в книге: Peisker 1905: 71. Наиболее подробно критика этого взгляда изложена в книге: Kiparsky 1934: 85–86.

преграда, каменная стена» (Преображенский, II, 410–411). Против этой — ставшей почти общепризнанной — этимологии серьезные возражения выдвинули А. Брюкнер и В. Махек: во-первых, согласно данным археологии, славяне имели не каменные, а деревянные или глиняные стены (Brückner, 529; Brückner 1924: 217; Machek 472), во-вторых, в славянских языках для обозначения каменной стены имеется особое слово: ст.-сл. **ЗИДЪ**, с.-хрв. *zid*, чеш. *zed'*. Эти возражения, опирающиеся на реальные исторические факты,³ на наш взгляд, исключают возможность сопоставления ст.-сл. **СТЪНА** с готск. *stains*. Хорошо известно, что археологические данные имеют важное, зачастую — первостепенное значение при определении этимологии слов, связанных с материальной культурой народа. Именно исходя из реалий, Р. Мерингер дал лучшую из своих этимологий: нем. *Wand* 'стена' < *winden* 'плести' (Meringer 1904–1905: 139–142). Подобное же происхождение имеет, например, монг. *хэрэм* 'стена' < *хэрэх* 'сплестать, связывать сплетением', хотя это слово уже давно употребляется в значении 'каменная стена' (ср. *Их Цагаан хэрэм* 'Великая китайская стена'). В русском языке аналогичным образом возникли слова *плетень*, *плот*, и *оплот* (глагол *плести*). Поэтому мы вправе предположить, что слово *стена* имело какое-то иное происхождение. Попытка А. Брюкнера связать ст.-сл. **СТЪНА** с лит. *siėna* и лтш. *siēna* 'стена' не может быть признана удачной по причинам фонетического характера: фин. *seina* и эст. *sein* 'стена', заимствованные из древнебалтийского (Fraenkel, 782–783), свидетельствуют о том, что литовская и латышская формы не имели в древности начального *st-*. Следовательно, можно считать, что вопрос об этимологии слова *стена* остается открытым.

Нам представляется, что слово *стена* восходит к и.-е. корню *(s)teg-/*(s)tog-. Этот корень засвидетельствован в большинстве индоевропейских языков: др.-инд. *sthaḡayati* 'покрывает, скрывает, окутывает'; др.-гр. *στέγω* 'покрываю, прячу, задерживаю, защищаю', (σ)τέγος, (σ)τέγη 'крыша, кровля, дом', *στεγ(α)νός* 'покрывающий, защищающий, покрытый, защищенный', *πόλις στεγανή* 'укрепленный город', *στεγόνον* 'крыша, дом, палатка'; лат. *tegō* 'покрываю, защищаю, окутываю', *tectum* 'крыша, дом', *tignum* 'балка' (< 'покрытие', ср. Lucr., II, 191, VI, 140, Caes. B. C., II, 9), *contignātiō* 'бревенчатое перекрытие, стропила', *tēgula* 'черепица' (во мн. ч. 'крыша'), *teges* 'покрывало, циновка', *toga* 'тога', *tegile* 'покрыв, покрывало, одежда', *tegimentum* 'покрыв, покрывало, одежда, навес, кровля', *teg(i)men* 'одежда,

³О жилищах древних славян см., например: Нидерле 1956: 248–249.

покров, навес, прикрытие, защита'; др.-в.-н. *decchen* (нем. *decken*), др.-исл. *þekja* 'покрывать', др.-в.-н. *decchi* (нем. *Decke*) 'потолок, крыша'; кимр., корн. *to* (< *togo) 'крыша'; лит. *stogas* 'крыша'; др.-прусс. *stogis* 'крыша'; ст.-сл. **ОСТЕГЪ** 'одежда' и др.⁴

Слово *стена* (ст.-сл. **СТѢНА**) могло возникнуть как отглагольное образование с суффиксом *-*snā*: и.-е. *stegsnā (или *stēgsnā) > слав. *stĕnā* — с обычным выпадением группы «смычный + s» перед носовым. Подобными же образованиями являются: ст.-сл. **ЛОУНА** и лат. *lūna* < *louksnā 'светящая, светило' (ср. авест. *gauhšpa-* 'блестящий', др.-прусс. *laukpos* 'звезды', пренест. *Losna*), ст.-сл. **СТРОУНА** < *stro-ugsnā (ср. лат. *struō*, *strūxī* 'класть рядами, строить'), ст.-сл. **БРАНА** < общеслав. *bornā < *bhorgsnā 'дробящая, дробило' (ср. лат. *frangō* 'дроблю, размельчаю', готск. *brīkan* и др.). Следовательно, первоначально слово *stegsnā означало 'прикрывающая, защищающая' (ср. греческое отглагольное прилагательное *στεγνός* с тем же значением), подобно тому, как слово *louksnā означало 'светящая', а *bhorgsnā — 'дробящая'. Долгий гласный *ē* в корне слова *stĕna* или был исконным (ср. лат. *tēgula* — с той же огласовкой корня), или явился результатом заменительного удлинения после выпадения *gs* перед *n*.⁵ Суффикс *-*snā* (в мужском и среднем роде — *-*spo-*), по существу, видимо, не был самостоятельным суффиксом: он состоял из форманта *-s-* (*Brugmann*, *Delbrück*, II, 290–291) и хорошо известного и.-е. суффикса отглагольных прилагательных *-nā* (*-*po-*). Отглагольные прилагательные и существительные, образованные с помощью суффикса *-*spo-* (*-*snā*), засвидетельствованы в итальянском, греческом (*Ibid.*, 265), старославянском, древнепрусском (*Ibid.*, 265; *Meillet* 1905: II, 446) и в древнеиндийском языках (*Macdonell* 1910: 133–134). Следовательно, слово *stĕna* < *stegsnā 'прикрывающая, защищающая' → 'прикрытие, защита'⁶ не является каким-то исключительным образованием, а представляет собой один из многочисленных примеров индоевропейских образований на *-*snā*.

В пользу предлагаемой нами этимологии слова *стена* можно привести также некоторые археологические данные. Древнейшие жилища славян (как и других народов центральной и северной Европы) представляли собой примитивные землянки: котлован глубиной 1–1,5 м,

⁴Примеры даны, в основном, по словарю Ю. Покорного.

⁵Последнее нам представляется более вероятным. Ср. лат. *frĕnum* < *fredsnom, *cĕna* < *quertsnā, *sĕni* < *seksni и т. п.

⁶Ср. рус. *оплот* 'защита' и *оплот* 'стена, ограда'.

покрытый сверху кровлей. Иногда вокруг котлована возводились невысокие стены, сооруженные из стволов деревьев. Эти стены обмазывались глиной и перекрывались кровлей. Конструкция всего жилища — это, по существу, конструкция его кровли, покрывающей яму (Нидерле 1956: 248—249). Естественно, что весь этот комплекс, состоявший из элементарных стен и кровли и служивший прикрытием жилой ямы, назывался словом, корень которого [**(s)teg-*/**(s)tog-*] имел значение ‘покрывать, крыть’. В ряде индоевропейских языков это наименование сохранилось за крышей (см. приведенные выше примеры из греческого, латинского, кельтских, балтийских и германских языков), в славянских языках оно удержалось за другой частью единой конструкции, прикрывавшей древние жилища, — за стеной. В значении ‘крыша’ здесь укрепились другие слова, но также связанные с синонимичным глагольным корнем (ср. *покрывать, крыть*): *кров, крыша*.⁷ Следовательно, слово *стена* не только в фонетическом и морфологическом, но также и в смысловом отношении может быть возведено к и.-е. корню [**(s)teg-*/**(s)tog-*].

В плане словоупотребления интересным является засвидетельствованное в архангельском диалекте *солнце в стену садится*, т. е. «за сплошные облака по склону» (Опыт 319), а также пример из песни про Ивана Грозного, который казнил бояр за то, что они «царевича не застѣняли» (Даль, I, 640), т. е. не прикрывали, не защищали. Оба последних примера в семантическом плане могут служить связующим звеном между словами *стена* и *тѣнь*.⁸

*Стѣнь, тѣнь, сѣнь*⁹

По поводу этимологии этих трех слов в литературе высказывались самые разнообразные мнения. Ст.-сл. **СТѢНЬ** и **СѢНЬ** обычно возводятся к и.-е. корню **skā(i)-* или **skē(i)-* и сопоставляются с др.-инд. *śhāyá* ‘блеск, мерцание, тень’, н.-перс. *sāya* ‘тень, защита’, др.-гр. *σκιᾶ* ‘тень’, *σκότος* ‘темнота, мрак’, *σκιόος* ‘тенистый, темный’, *σκηνή* ‘палатка’, готск. *skeinan* (нем. *scheinen*) ‘светить, сиять’, лтш. *sejs* ‘тень’, ст.-сл. **СИЯТИ** ‘блестеть’, с.-хрв. *prisoje* ‘солнечное место, солнечная

⁷Причем слово *крыша* появилось в русском языке очень поздно: оно засвидетельствовано лишь со второй половины XVIII в. См.: Иссерлин 1960: 224.

⁸Ср. также диал. *застѣнь* ‘тень, тенистое место’ и *застѣнье* ‘место за стеною’ (Даль, I, 640).

⁹Ст.-сл. **СТѢНЬ** и **СѢНЬ**, церк.-слав. **ТѢНА**. Все три русских слова имеют соответствия в южных, западных и восточных славянских языках (Фасмер, II).

сторона', *òsoje* 'тенистое место' (Brugmann, Delbrück 1897: I, 1, 546; Rozwadowski 1908: 304–309; Преображенский, II, 411; Persson, 1912: 700; Jokl 1923: 64–66; Trautmann, 304; Младенов, 582, 626; Brückner, 62; Kluge, 641; Hofmann, 318; Vasmer, II, 610: III, 11; Pokorny, 918 и др.). Среди этих многочисленных сопоставлений следует, прежде всего, выделить ст.-сл. **СНІАТИ** и с.-хрв. *prisoje* и *òsoje* (последние два слова имеют также соответствия в болгарском языке). Этимология этих слов достаточно очевидна: противопоставление двух значений объясняется употреблением различных приставок. Возможно, что корень этих слов действительно родствен приведенным выше индоиранским, греческим и германским словам, а также латышскому *sejs*. Из интересующих нас русских слов к этой же группе можно было бы отнести (с какой-то долей вероятности) слово *сень* (ст.-сл. **СЪНЬ**). Однако в этом случае возникают серьезные затруднения фонетического и словообразовательного характера: каково было отношение ст.-сл. **СЪНЬ** к **СНІАТИ** *prisoje* и *òsoje*? Что же касается др.-рус. *стѣнь* и *тѣнь*, то они, по видимому, не имеют никакого отношения к перечисленным индоевропейским примерам. Правда, еще со времени К. Бругмана принято считать, что *stěň* < *scēni < *skēni. Однако, как убедительно показал В. Вондрак, подобное изменение было невозможно в славянских языках, где начальное *sk-* обычно не переходит в *st-* (Vondrak 1905: 174–175).¹⁰ Сам В. Вондрак, примыкая к традиционному объяснению слова *sěni*, считает, что *těň* < *těmňi (ср. *līma*), а *stěň* — контаминированная форма, возникшая из смешения *sěň* и *těň* (Ibid.). Против объяснения В. Вондрака (*těň* < *těmňi) высказывались А. Брюкнер (Brückner 1907: 111) и В. Ягич (Jagić 1920: 201). М. Фасмер и Ю. Покорный воздерживаются от категорических суждений по поводу последней этимологии, которую, действительно, довольно трудно обосновать фонетически.

Интересную попытку связать происхождение слов **СТЪНЬ** и *тѣнь* предпринял Г. Ильинский, сопоставивший эти слова с др.-инд. *stāyāti* 'он скрывается', *tāyúḥ* 'вор', ст.-сл. **ТАИЖ**, **ТАТЬ**, др.-гр. *τητάω* 'граблю, лишаю' (Ijinskij 1906: 160). Но и эта попытка не имела успеха, так как примеры, приведенные из древнегреческого и древнеиндийского языков, далеки по значению от славянских слов **СТЪНЬ** и *тѣнь*. Кроме того, эти примеры имеют в славянских языках соответствия, полностью совпадающие с ними по своему значению: слова **ТАИЖ** и **ТАТЬ**, приве-

¹⁰ Там же приведены многочисленные примеры со славянскими отражениями индоевропейского **sk-*.

денные самим же автором.

Итак, несмотря на многочисленные исследования, посвященные этимологии слов *стень*, *тень* и *сень*, происхождение этих слов остается неясным. То, что сказал Мейе в 1905 г. относительно этимологии слов **СЪНЬ** и **СТЪНЬ** («ces deux mots sont très obscurs») (Meillet, 1905: II, 455), спустя 45–50 лет вынуждены повторить В. Махек («slovo velmi nespodně» — о чеш. stín) и С. Бак («history obscure» — о ст.-сл. **СТЪНЬ**, чеш. stín, пол. cień, рус. *тень*) (Machek, 472–473; Buck, 63). И до сих пор, несмотря на их полную фонетическую несостоятельность, в словарях и в специальной литературе продолжают фигурировать реконструкции типа *stěň < *skěňī, *těňī < *temňī.

Между тем оба слова (**СТЪНЬ** и *тнь*) могут быть объяснены как отглагольные образования с суффиксом *-sni- от и.-е. корня *(s)teg-: stěňī < *stegsnis, těňī < tegsnis (ср. др.-гр. στέγος и τέγος, στέγη и τέγη ‘крыша, кровля, дом’, др.-гр. στέγω, лат. tegō, др.-в.-н. decchen ‘покрывать’ — с подобным же древним чередованием начального *st- и *t-). Фонетические изменения в корне те же, что и в слове stěna (выпадение gs перед п с удлинением предшествующего гласного). Переход и.-е. *-nis > ст.-слав. **-НЬ** — также обычное явление. Суффикс *-sni- — древний суффикс отглагольных образований, встречающихся в различных индоевропейских языках (Brugmann, Delbrück, II, 285), особенно широко распространен в наиболее близком к славянским литовском языке: dėgti ‘гореть’ — dėgsnis ‘выгоревшее место, пожарище’, miškīti ‘держат глаза полуприкрытыми’ — mirksnis ‘морганье’ и т. п. (Leskien 1884: 282, 293, 361, 420). В литовском языке группа «смычный + s» перед п сохранялась, в славянском — выпала.¹¹ Следовательно, слова **СТЪНЬ** и *тнь* по типу образования целиком соответствуют приведенным литовским примерам, а также славянским словам типа danī, tūkanī, ġvanī, dġganī, в которых суффикс -pi- присоединился к гласному окончанию глагольного корня без детерминатива s.

Таким образом, оба слова (**СТЪНЬ** и *тнь*) первоначально означали ‘укрытие, защита, навес’, затем ‘укрытое или защищенное (от солнца) место’.¹² Отсюда становится ясным, что *(s)tegsnis ‘укрытое место’ относится к глаголу *(s)tegti ‘покрывать’ точно так же, как лит. dėgsnis ‘выгоревшее место’ к глаголу dėgti ‘гореть’.

¹¹ Выпадение «смычного + s» перед п в славянских языках надежно засвидетельствовано: ср. ст.-сл. **ЛОУНА** < *louksna с **ЛОУЧЬ** < *loukis и -loučiti < *-loukiti.

¹² Ср. приведенные выше латинские, греческие, кельтские, балтийские и германские слова со значением ‘крыша, навес’.

Слово же *сень*, объяснение которого (в случае его сопоставления с **СИЯТИ** и т. п.) встречается с определенными трудностями, видимо, явилось результатом контаминации слов *стень* и *тень*. В пользу этого предположения (и против возможности сопоставления ст.-сл. **СѢНЬ** с **СИЯТИ**) говорят многочисленные случаи употребления слов *сень* и (несомненно, родственного с ним) *сени* в древнейших письменных памятниках и в диалектах живого языка. Возьмем несколько примеров, приведенных в словаре В. Даля. *Стѣнь* и *стѣнница* 'куща, намет, палатка, шатер, навес, шалаш, легкое жильё', *надпрестольная стѣнь* 'навес'; *стѣнь* 'балдахин'; *стѣнь* 'защита, покров, убежище' («под стѣнью руки моя покрыю тя»; «птены, под стѣнью материнских крыл»); *стѣнь* 'навес у дома на столбах, крытое крыльцо, галерея, балкон, навес для летней прохлады' («берега рѣчки осѣнены лѣсами» — Даль, IV, 379).¹³ Все эти примеры очень трудно объяснить, исходя из этимологии; **СѢНЬ** от **СИЯТИ**. В то же время любой из приведенных примеров этимологически становится совершенно ясным, если рассматривать слово *сень* как результат контаминации слов *стень* и *тень*, а эти последние возвести к и.-е. корню *(s)teg- 'покрывать'.

Изложенная выше этимология слов *стена*, *стень*, *тень* и *сень*, помимо приведенных данных, может быть подтверждена также данными архангельских говоров русского языка, где засвидетельствованы слова *стѣнко* 'тень' и *стѣнокъ* 'тень от предмета при солнечном или лунном свете' (Подвысоцкий, 163, 167). Этот факт говорит, во-первых, о наличии несомненной генетической связи между словами *стена* и *стень*, ибо *стѣнко* и *стѣнокъ*, имеющие основу на твердый согласный *н*, по своей семантике явно примыкают к слову *стень* с основой на мягкий согласный, во-вторых, указанные слова из архангельских говоров дают нам достаточно оснований для сближения слов *стена* и *стень* со словом *тень*, поскольку оба приведенных архангельских слова полностью совпадают со словом *тень* по своей семантике.

Итак, интересное предположение В. Даля о том, что слова *стена*, *стень*, *тень* и *сень* имеют общее происхождение, находит подтверждение в фонетически правомерном возведении всех этих слов к и.-е. корню *(s)teg- 'покрывать'.

¹³Ср. также многочисленные примеры типа: «... отъ зноя б гають подъ стѣнь, въ хладное м сто», «стѣнь надъ царскими дверми», «стѣнь надъ жертвенникомъ», «повел надъ громомъ умеръшаго устрои стѣнь малу кирпичную» (XVI–XVII вв.) и др. (КДРС).

СТЫГДА*

В древнейших старославянских и древнерусских памятниках слово, соответствующее более позднему русскому *стогна* 'городская улица, площадь', засвидетельствовано в формах *стыгна*, *стегна* и *стыгна*. И только в Супрасльской рукописи наряду с обычной формой *стыгна* (133,6; 137, 13) один раз употреблена форма *стыгда* (397,12).¹ Больше нигде эта форма не засвидетельствована.

В тексте Супрасльской рукописи греческому ἐν ταῖς τῆς πόλεως πλατείαις καὶ ῥύμαις соответствует *въ градныхъ стьгдахъ и междахъ* (397, 11–12). А. Мейе, ссылаясь на соседство двух последних слов в тексте, предположил, что мы имеем здесь дело с опиской переписчика, вызванной тем, что конечная часть слова *междахъ* была ошибочно перенесена на предшествующее слово. Поэтому, как полагает А. Мейе, данное слово правильно следует читать *стыгнахъ*, а не *стыгдахъ* (Meillet 1905: II, 321; Преображенский, II, 389). Это объяснение А. Мейе получило широкое признание. Оно выглядит достаточно убедительным и правдоподобным. И все же описка, которую предполагает А. Мейе в тексте рукописи, нам представляется маловероятной. Остановимся вкратце на некоторых фактах, которые, как нам кажется, говорят в пользу достоверности слова *стыгда* в Супрасльской рукописи.

В тексте памятника слово *стыгна* засвидетельствовано дважды: *стыгнам'* (133,6) и *на стыгны* (137,13). В обоих случаях этому слову в греческом оригинале соответствует ἀγορά. Слову *стыгда* соответствует др.-гр. πλατεῖα. Таким образом, в Супрасльской рукописи словам *стыгна* и *стыгда* соответствуют разные греческие слова. Возможно, что мы имеем дело с попыткой разграничить два сходных по своему значению слова, вернее сохранить это разграничение в переводе.

В отличие от случаев со словом *стыгна*, интересующее нас место имеет одну существенную особенность. Здесь речь идет о площадях и улицах (πλατεῖαις καὶ ῥύμαις). Слово *стыгна* само по себе означало и 'площадь', и 'улицу'; в старославянских и древнерусских текстах этим словом, как известно, передается и греч. ἀγορά,

* Статья под названием «О слове СТЫГДА в Супрасльской рукописи» была опубликована в сборнике: Вопросы теории и истории языка: Сб. в честь проф. Б. А. Ларина. Л., 1963, С. 218–219.

¹ Супрасльская рукопись. СПб., Изд. С. Северьяновым, 1904. — Все ссылки даны по этому изданию.

и πλατεῖα, и ῥύμη. В рассматриваемом нами месте Супрасльской рукописи следовало передать одно временно и греч. πλατεῖα и ῥύμη. Именно поэтому, быть может, в данном месте Супрасльской рукописи было употреблено не слово *стѣгна*, а менее распространенное — *стѣгда* (πλατεῖαις καὶ ῥύμαις — *стѣгдахъ* и *междахъ*).

В болгарском языке сохранилось слово *стѣгда́* ‘рыночная площадь’ (Младенов, 615). Связь со всей предшествующей группой слов здесь несомненна. Значение ‘площадь’, а не ‘улица, площадь’, видимо, проливает некоторый свет на употребление слова *стѣгда* в Супрасльской рукописи именно в сочетании *стѣгдахъ* и *междахъ*. Но главное — болг. *стѣгда́* подтверждает факт наличия славянских образований с суффиксом *-да* (наряду с *-на*) у корня *стѣг-/стѣг-*.

В словообразовательном отношении наличие примерно равнозначных параллельных форм *стѣгна* (*стѣгна*) и *стѣгда* с суффиксами **-па* (**-по-*) и **-да* (**-до-*) не является чем-то чуждым старославянскому или древнерусскому языку. Приведем в качестве иллюстрации следующий список:

Суффикс <i>-da</i> (<i>*-do-</i>)		Суффикс <i>-па</i> (<i>*-по-</i>)	
	<i>гроз-дѣ</i>	<i>гроз-нѣ</i>	} ‘гроздь’,
	<i>грез-дѣ</i>	<i>грез-нѣ</i>	
	<i>браз-да</i>	<i>браз-на</i>	} ‘борозда’,
рус.	<i>бороз-да</i>	рус. диал.	
	<i>стѣг-да</i>	<i>стѣг-на</i>	} ‘стогна’.
болг.	<i>стѣг-да́</i>	<i>стѣг-на</i>	

Таким образом, засвидетельствованное в Супрасльской рукописи слово *стѣгда* является вполне закономерной формой, и у нас нет достаточных оснований для того, чтобы считать это слово результатом описки переписчика.

²Слово *борозна* в значении ‘борозда’ засвидетельствовано в псковском диалекте русского языка.

ШТАНЫ*

Обычно считается, что слово *штаны* впервые засвидетельствовано в «Хождении на Восток» Ф. А. Котова (первая четверть XVII в.).¹ В КДРС это слово фиксируется с 1624 г. Однако Б. А. Ларин отмечает запись этого слова, относящуюся к несколько более раннему времени (Ларин 1960: 70, 207). Слово *штаны* не было известно старославянскому языку,² его нет в словаре И. И. Срезневского, неизвестно оно и родственным славянским языкам. Все эти обстоятельства заставили считать, что это слово заимствовано из тюркского. Тюркские формы *iŝton*, *iŝtan*, *iĉton* ‘нижнее платье, подштанники, штаны’ уже давно объяснены как сложные слова, состоящие из *iĉ-* ‘внутренний’ и *-ton-* ‘платье, одежда’ (Vámbéry, 35; Корш 1903: 30). Формой, наиболее близкой к рус. *штаны*, является тат. *ыштан*. Однако эта форма, по мнению специалистов-тюркологов, не могла явиться исходной, а сама была заимствована из рус. *штаны*. В свою очередь, русское слово было заимствовано из тюркского *iĉton* (Радлов, V, 1402, 1513, 1561). Именно такова была точка зрения В. В. Радлова, на авторитет которого обычно опирались все позднейшие исследователи. Правда, последние не всегда были столь же осторожны и нередко выводили рус. *штаны* непосредственно из формы *ыштан*.

Ни толкование В. В. Радлова, ни объяснения его последователей (Фасмер, III, 429) нам не представляются убедительными. В литературе уже стало традицией и своего рода «модой» выводить все русские слова со значением ‘штаны’ из тюркских языков. И если тюркское происхождение слова *шаровары* ни у кого не вызывает сомнений (Rapstedt, 347), то попытка вывести из тюркского русские слова *порты* (Deny 1925: 98–106) и *штаны* вряд ли может быть признана убедительной. Против тюркского происхождения слова *порты* решительно высказывался М. Фасмер (см. соответствующую статью его словаря). Не выдерживает критики и предположение о тюркском происхождении слова *штаны*. Если считать, что одно из двух слов (рус. *штаны* и тюрк. *ыштан*) появилось в результате заимствования, то, скорее, следует допустить, что слово *ыштан* является заимствованным. Хо-

* Статья под названием «Тюркское ли заимствование слово *штаны*?» была опубликована в книге: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1963. Вып. IV. С. 103–110.

¹ Опубликовано в: Изв. ОРЯС. 1907. Т. XII, ч. I. С. 67–125 (Vasmer, III, 429).

² По крайней мере, оно не зафиксировано в имеющихся памятниках.

рошо известно, что в тюрко-татарских и родственных с ними языках не всякое сочетание согласных может находиться в начале слова. Перед некоторыми согласными (или сочетаниями согласных) в этих языках появляется протетический гласный: др.-гр. Σμύρνα → турец. *Измир*, слово *русский* → монг. *орос* и т. п. Совершенно такого же типа заимствованием могло бы быть и *штаны* → *ыштан*. В то же время обратное заимствование маловероятно, потому что русские слова тюркского происхождения обычно не теряют начального гласного: *урюк*, *ишак*, *амбар*, *атаман* др. Более того, в русском языке имеются слова, заимствованные из тюркского, в которых одним из корней, действительно, было тюркское слово *іç* (иç) ‘внутренний’. И во всех этих словах начальный гласный сохранился: *иçетыги*, *иçедёги*, *иçедёки*, ‘вид обуви’ (Даль, II, 67) ← тюрк. *іç-itük* (букв. ‘внутренняя обувь’) (Корш 1886: 505), *очкур*, *очкура*, *ошкура* ‘пояс на брюках’ (Даль, II, 777) ← тюрк. *иç-қиг* (*іç-қиг*) (букв. ‘внутренний пояс’) (Дену 1925: 400). Тюрк. *іç-топ* ‘внутренняя одежда’ должно было бы дать в русском языке форму **иçетоны* или **иçедёны*, а не *штаны*. Следовательно, материал тюрко-славянских языковых отношений не подтверждает предположения о тюркском происхождении слова *штаны*. Однако широкое распространение в тюркских языках и вполне удовлетворительное этимологическое объяснение слов типа *іç-топ* исключает также и возможность обратного — тюркского — заимствования из славянских языков.

По-видимому, оба слова (*штаны* и *іç-топ*) независимы друг от друга по своему происхождению. Возможно, что тат. *ыштан* и рус. *штаны* (вместо, как мы увидим ниже, закономерного **станы*) явились контаминированными формами, результатом сближения двух одинаковых по значению слов (где-нибудь в районе тесного контактирования русского языка с татарским). Но это, разумеется, только предположение.

Видимо, серьезные сомнения в возможности тюркского происхождения слова *штаны* заставили А. И. Соболевского искать источник этого слова на Западе: средневек. лат. *sutana*, *sofaneum*, итал. *soffana*, франц. *soutane* ‘сутана, ряса’ (Соболевский 1904: 4). Эта совершенно невероятная этимология лишней раз свидетельствует о том, что слово *штаны* не получило удовлетворительного этимологического истолкования (ибо А. И. Соболевский, несомненно, знал этимологию этого слова, принятую в работах В. В. Радлова и Ф. Е. Корша, но он был убежден в ее несостоятельности). Наконец, следует отметить, что в работе Н. К. Дмитриева (1958: 13–47) в подробном перечне русских слов тюркского происхождения слово *штаны* отсутствует. Его нет даже в

разделе «Слова, причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы».

Нам кажется, что слово *штаны* вообще не было заимствованным словом. По своему фонетическому и морфологическому облику это слово ничем не отличается от таких древних отглагольных образований, как *лунá, странá, струнá*, (ж. р.), *руно́, сукно́, пшено́* (ср. р.), *блинб́, чинб́, челнб́* (м. р., мн. ч.) и т. п. Еще Н. В. Горяев предположил, что слово *штаны* образовано от *стагны* (и.-е. корень *steg- ‘покрывать’) (Горяев, 242, 426). Однако Горяев не смог обосновать своей гипотезы фонетически. Ему справедливо возражали, что *ст-* обычно не дает в русском языке *шт-*, а *г* в сочетании *-гн-* сохраняется, например в слове *стежно* (Преображенский, II, 107). Кроме того, Н. В. Горяев не объяснил происхождения гласного *а* в слове *штаны* при корне *steg-/ *stog-.

Самое существенное из фонетических затруднений (*ст-* > *шт-*) было устранено со времени появления книги Б. А. Ларина «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса». Оказывается, древнейшая форма, в которой засвидетельствовано интересующее нас слово, имела начальное *с-*, а не *ш-*: *stanie (станй)* (Ларин 1960: 70). Это свидетельство Р. Джемса подтверждается записями из современных архангельско-холмогорских говоров, приводимыми Б. А. Лариным, — *станис''ки*. Говоря о происхождении слова *штаны*, Б. А. Ларин пишет в своей книге: «Запись этого слова с начальным *st-*, быть может, проливает свет на происхождение его. Не такова ли и была более древняя форма этого слова?» (там же: 207). Хотя изменение *ст-* > *шт-* и не могло быть фонетически закономерным в русском языке, оно все же могло иметь место при переходе слова, начинающегося со *ст-*, из диалектов с шепелявым *с* (*с''*) в диалекты, где *с* и *ш* четко разграничены. Именно в архангельско-холмогорских говорах одной из наиболее ярких и древних их особенностей является наличие шепелявого *с''*, которое в английском словаре Р. Джемса передается посредством *sh* (там же: 49; *shenacos (с''енокос)*), во французском словаре XVI в. — посредством *ch* (Ларин 1948: 33), в русских словарях и работах — посредством *ш* (Ларин 1960: 50). Характерно, что именно в этих говорах надежно засвидетельствована древнейшая форма *станы*, которая, проникая в другие диалекты русского языка, естественно, должна была дать форму *штаны* (< *с''таны* < *станы*). В псковских памятниках XIV в. часто наблюдается взаимная замена букв *ш* и *с*, что, видимо, отражает определенные особенности в произношении (*смешил* ‘смесил’, *донеши* ‘донеси’, *впшнтъ* ‘весне’ и др.) (Соболевский 1907:

36). Это обстоятельство, в свою очередь, могло содействовать переходу *ст* в *шт*.³ Во всяком случае изменение *ст-* в *шт-* в конкретном слове *штаны* не гипотеза, а засвидетельствованный факт, который к тому же может получить достаточно приемлемое фонетическое объяснение.

Остальные возражения, высказанные против гипотезы Н. В. Горяева, не являются серьезными. Следует только предположить, что отглагольное образование с суффиксом *-по- имело между суффиксом и корнем формант *-s- — обычный в образованиях подобного рода. Индоевропейская форма *stog-s-po-í 'покрывающие, покровы' (мн. ч. от *stog-s-pó-s, а не *steg-pó-s, как считал Н. В. Горяев) закономерно должна была перейти в *stōnī ср. *louk-s-ná > lūnā, *stroug-s-ná > strū-nā, *bhorg-s-ná > bornā и др.). Конечный дифтонг oi > í, выпадение -gs- перед п привели к удлинению предшествующего гласного. А поскольку индоевропейскому ō соответствует славянское а, переход *stōnī > *стани* также вполне закономерен. Форма *стани* (stanie) засвидетельствована у Р. Джемса, о дальнейших фонетических изменениях уже говорилось выше.⁴

В одном из диалектов русского языка, видимо, сохранились следы также и иной огласовки и.-е. корня *steg- (а не *stog-). В случае с огласовкой *steg- теоретически мы должны иметь: *stegsnoi > *stēnī > *štēnī⁵ > *št'aní⁶ > *щаны*. Последняя форма действительно засвидетельствована в вологодских говорах (Опыт, 269). Интересно отметить, что фонетические изменения и особенности, на которые нам часто приходится ссылаться, встречаются обычно в псковских, вологодских и архангельско-холмогорских говорах. В связи с этим можно сделать предположение, что слово *штаны* первоначально сохранилось только в северных диалектах русского языка, откуда оно позднее распространилось на остальные его диалекты. Этим можно объяснить отсутствие данного слова как в старославянском, так и в современных славянских языках. Возможно также, что различные формы слова *штаны*, засвидетельствованные в архангельско-холмогорских и вологодских говорах

³О возможной контаминации рус. *станы* — тюрк. ičtop → рус. *штаны* — тат. *ыштан* уже говорилось выше.

⁴Замена окончания *-и* окончанием *-ы* — общеизвестный факт исторической морфологии русского языка.

⁵Переход st-/št- — спорадически встречается перед гласными переднего ряда. См., напр. (Соболевский 1907: 21).

⁶О переходе *e* и *ē* в *a* и *'a* см. (там же: 86–87). Эти изменения особенно характерны для псковских говоров XIV–XV вв.

(*стани* и *щаны*) отражают две формы и.-е. корня *stog- и *steg-.

Возведение слова *штаны* к и.-е. корню *steg-/ *stog- приемлемо не только в фонетическом и словообразовательном, но также и в семантическом отношении. Уже давно было отмечено, что корень *steg- имеет в индоевропейских языках два основных значения: 1) покрывать жилище (крышей) и 2) покрывать тело (одеждой) (Zubaty 1895: 20). Из слов, связанных со вторым значением, можно указать др.-инд. sthagáyati 'покрывает, скрывает, окутывает', лат. toga 'тога', tegile и tegimen(tum) 'покрывало, покрывало, одежда', ст.-сл. **ОСТЕГЪ** 'одежда, платье'. Кроме того, у В. Даля мы встречаем *остегнъ* 'исподницы, шаровары, брюки, штаны', причем В. Даль связывает его со словом *стегно*. Связь всех этих слов с и.-е. корнем *(s)teg- уже давно отмечалась в литературе (Matzenauer 1885: 173–174; Горяев 1896: 242). Из исследователей последнего времени на связь между ст.-сл. **ОСТЕГЪ** и корнем *(s)teg- указывает, например, В. Пизани (1956: 104). Нам представляются неосновательными колебания М. Фасмера, который (вслед за А. Вальде, Ю. Покорным и др.) склонен сопоставлять слова *остегъ* и *остегнъ* не с корнем *(s)teg-, а с глаголом *стегать* (корень *stegh-) (Vasmer, II, 286). И.-е. корень *stegh- довольно широко распространен в различных языках, но от него неизвестны образования со значением 'одежда, платье' ни в одном другом языке, кроме русского (*стеганка*). Причем сама словообразовательная структура слова *стеганка* с достаточной очевидностью говорит о том, что это слово является поздним русским новообразованием, которое не может идти ни в какое сравнение с таким древним атематическим образованием, как *остегнъ*.

Наконец, в пользу изложенной выше этимологии слова *штаны* (< 'покрывающие, покровы') можно привести пример с другим русским словом, образованным от того же корня, — *стегно*.⁷ Это слово тоже уже давно сопоставлялось с корнем *steg- (Микуцкий 1876: 4). Согласно этому сопоставлению древнеиндоевропейское слово, которое обозначало когда-то покрытую часть человеческого тела, находившуюся под набедренной повязкой или под каким-либо иным видом одежды (можно также думать о покрытой перьями верхней части ноги у птиц). *Stegnó(n) 'покрытое' — характерное для индоевропейского языка образование.⁸ Так как связь рус. *стегно* с и.-е. корнем *(s)teg- уже от-

⁷Родственные славянские формы (также со значением 'бедро') см. в словарях А. Г. Преображенского, М. Фасмера, Ю. Покорного и др.

⁸Ср., например, лат. lignum 'хворост' (букв. 'собранное'), frēnum 'удила' (букв. 'растертое зубами'). Русские слова *руно*, *сукно*, *пшено*, *волокно* — подобного же типа от-

мечалась в литературе, мы не будем подробно останавливаться на данном примере. Отметим только недостаточную аргументированность, а порой и полную несостоятельность иных этимологических истолкований данного слова. Сопоставления с лит. *stýgti* ‘успокаиваться’, *stýgoti* ‘быть спокойным’ лтш. *stàigs* ‘болотный, топкий’ (Zubaty 1895: 20), др.-инд. *sákthi*, авест. *haxti* ‘бедро’ (Meillet 1905, II, 446) и некоторые другие — уже совсем неправдоподобные сопоставления были справедливо отвергнуты М. Фасмером (Vasmer, III, 8). Сам М. Фасмер сопоставляет рус. *стегно* с лат. *tignum*. Это сопоставление, на наш взгляд, является верным. Однако следует заметить, что лат. *tignum* (< *tegnom) ‘перекрытие, балка’ — это слово, образованное не от **steg-* ‘шест, жердь, палка’ (как это считают А. Вальде, Ю. Покорный и М. Фасмер), а, скорее, от **steg-* ‘покрывать’.⁹

Таким образом, слова *штаны* и *стегно* восходят к одному и тому же и.-е. корню **steg-/stog-*. В словообразовательном отношении *штаны* — это субстантивированное отглагольное прилагательное мужского рода (относящееся к *pluralia tantum*), *стегно* — такое же образование среднего рода. Исходными формами рассматриваемых нами слов явились формы *stog-s-no-i и *steg-no-n. Помимо различия в огласовке корня и отсутствия форманта *-s-* во втором случае приведенные формы различаются также в отношении залога. В этом нет ничего странного, ибо, как известно, индоевропейские отглагольные образования с суффиксом **-no-* были индифферентны по отношению к залогу. Если говорить конкретно о корне **steg-*, то др.-гр. *στεγνός*, например, означает и ‘покрывающий’, и ‘покрытый’. Нечто подобное (в отношении залога) представляют собой также формы *stogspoi ‘покрывающие, покровы’ (ср. *loukspá ‘светящая, светило’, *bhorgspá ‘дробящая, дробило’ и др.) и *stegnón ‘покрытое’, → ‘покрытая часть тела’ (ср. *пшено* ‘толченое’, *руно*, *сукно* — подобные же образования от *рвать*, *сучить* и т. п.).

Итак, приведенный выше материал свидетельствует в пользу того, что слово *штаны* не было тюркским заимствованием, что оно входит в качестве органической составной части в словообразовательный ряд праславянских (индоевропейских) отглагольных образований с древним суффиксом **-(s)ló-*, **-(s)ná*.

глагольные прилагательные (как и в случае со словом *стегно* — субстантивированные).

⁹Ср.: *tignarius* ... quia tectoria ligni inducit («плотник ... ибо он потолки покрывает деревом»). Этимология *tignum* < *tegnom принята в словаре: Ernout, Meillet, t. II, 691.

Хорошо известны тесные балто-славянские лексические связи, в частности связи в области ремесленной лексики. Ни с одним из других индоевропейских языков, находящихся за пределами балто-славянского ареала, ни балтийский, ни славянский не имеет столь большого количества изоглосс в области ремесленной лексики. Обилие лексических изоглосс балто-славянского ареала неразрывно связано с изоглоссами фонетическими (Курилович 1958: 15–49; Иллич-Свитыч 1963), словообразовательными и морфологическими.¹ Это свидетельствует о закономерном характере тех общих явлений, которые мы наблюдаем в развитии анализируемой лексики.

Действительно, важнейшие лексические изоглоссы, нередко ограниченные рамками исключительно балтийских и славянских языков, можно обнаружить уже среди глаголов, обозначающих те или иные трудовые процессы:² др.-рус. *лѣти* — лит. *liėti*, лтш. *liēt* 'лить (металл)' (Urbutis 1966: 91–93); рус. диал. *бросать*, *броснуть* — лит. *brūkti*, *braūkti*, лтш. *braūcīt* 'трепать (лен, коноплю)', др.-рус. *мѣти*, рус. *мять* — лит. *minti* 'мять (лен, коноплю)'; др.-рус. *мѣсити*, рус. *месить* — лит. *maišyti*, лтш. *maišīt* 'мешать, месить', др.-рус. *вити*, *виати* — лит. *vūti*, *vijoti*, лтш. *vīt* 'вить, плести'; рус. *скать*, *сучить* — лит. *sūkti*, лтш. *sukt* 'крутить, сучить'; рус. *валять* — лит. *volioti* 'катать, валять'; ст.-сл. **ЧРЪСТИ** 'резать, рассекать' — лит. *kirsti*, лтш. *cirst* 'резать, рубить' и др. Особенно показателен случай с др.-рус. *зѣжду* 'создаю' — лит. *žiedžiū* 'леплю, формую',³ где только в балто-славянском ареале произошла метатеза *dheiǵh- > *ǵheidh- в составе корня; ср. лат. *pingo* 'леплю, формую', готск. *deigan* 'месить, мять' и др. (Fraenkel, 1307).

* Статья под названием «Из истории балто-славянских лексических отношений» была опубликована в журнале: *Baltistica*. 1971. Т. VII (2). Р. 119–128.

¹ В свое время на основании тщательного сравнительно-исторического анализа морфологических данных В. Мажюлис пришел к важному выводу о том, что генетическая близость балтийских и славянских языков была более тесной, чем это обычно принято считать (Mažiulis 1970: 319).

² Примеры из диалектов русского языка обычно даются по словарю В. Даля, латышского — по словарю К. Мюленбаха—Я. Эндзелина, литовского — по словарю Б. Серейского и ЛКЖ. В остальных случаях даны соответствующие ссылки.

³ Связь с лепкой глины хорошо сохранилась у многочисленных балтийских и славянских производных: лит. *žiedžius*, пол. *zdun* 'горшечник', др.-рус. *зѣдъ* 'глина', *зѣданыи* 'глиняный'.

В ряде случаев близкие по значению глаголы были использованы в балтийских и славянских языках различным образом: лит. *kálti* ‘ковать’ — *káuti* ‘рубить’, но рус. *колоть*, ‘*kauti*’ — *ковать*, чеш. *kouti* ‘*kalti*’;⁴ лит. *kàsti* ‘копать’ — *karóti* ‘рубить, сечь’, но рус. *косить* ‘*pi-auti*’, как бы ‘*karoti* (*žolę*)’ — *копать* ‘*kasti*’. Подобное распределение значений, как известно, особенно часто встречаются в близко родственных языках, создавая в них «ложных друзей переводчика».⁵ Вторичный характер отмеченных расхождений подтверждается тем, что ряд производных приведенных выше глаголов сохраняет значения, утраченные самими глаголами. Так, лит. *kūjis* ‘молот’, *káustyti* ‘подковывать’, *káustytojas* ‘кузнец’ и др. позволяют реконструировать для лит. *káuti* утраченное значение *‘ковать’ (фреквентатив *káustyti* относится к *káuti* так же, как, например, *piáustyti* к *piáuti* или *kálstyti* к *kálti*),⁶ лит. *karplūs*, лтш. *karplis* ‘мотыга’, лит. *kāpas* ‘могила’, прусс. *en-kopts* ‘погребенный’ могут быть соотнесены с лит. *karóti* в значении *‘копать’, а не ‘рубить, сечь’; рус. диал. *ковал(ок)* ‘кусок’ восходит к глаголу *ковать* в значении *‘рубить, резать’, а не ‘ковать’; др.-рус. *кладиво* и чеш. *kladivo* ‘молот’ являются (в конечном итоге) производными праслав. *kol-ti со значением ‘ковать’, а не ‘колоть’ и т. д., и т. п.

Интересными являются случаи, когда один и тот же глагольный корень распространен в балтийских и славянских языках с помощью различных формантов, функции которых, однако, полностью совпадают. Например, корень **gem-* ‘рубить’ в балтийском ареале дает производные с суффиксальным **-t-*: *gem-t-as* ‘обрубок’, *gam-t-is* (с именной огласовкой) ‘зарубка’, *gamtyti* ‘рубить’. В славянских языках тот же корень дает производные с суффиксальным **-b-*: **gem-b-* (рус. *рябъ*, собств. ‘выщербленный, покрытый зарубками’), **gom-b-* (с именной огласовкой; ср. рус. *руб-ец*, *рубка*), *рубити*. Легко заметить, что словообразовательная модель в обоих случаях одинакова: а) слав. **gem-* → **gem-b-* → **gom-b-* → *рубить*; б) лит. **gem-* → *gem-t* → *gam-t* → *gamtyti*).

⁴Ограничиваемся в каждом случае одним — наиболее распространенным — значением слова.

⁵Исследованием такого рода явлений в славянских языках занимался Ил. И. Толстой.

⁶Ср. также лтш. *kaustīt* — обычный фреквентатив к *kaūt*, употребляемый только в значении кузнечного термина. Вышедший из употребления глагол *arkaut* засвидетельствован в народной песне:

Es a p k a v u m e l l u z i r g u
Sudrabiņa pakavēm.

Я подковал вороного коня
Серебряными подковами.

(Bielenstein 1907–1918: 538–539).

Балтийские и славянские языки не только обладают значительным количеством изоглосс, относящихся к глаголам, обозначающим трудовые процессы. Многие *nomina agentis* и *nomina instrumenti* формируются там и здесь от одних и тех же корней по одной и той же словообразовательной модели: лит. *siuvėjas, siuvėja*, лтш. *šuvėjs, šuvėja* — др.-рус. *швьпи, швьпя* ‘портной, портниха’; лит. *siuvikas, siuvikis*, др.-прусс. *schuwikis* — др.-рус. *швьвьць* ‘сапожник, портной’, лит. *minikas* — блр. диал. *мнец* ‘мяльщик’,⁷ лит. *tašiklis* (к *tašyti*), лтш. *teseklis* (к *test*) — рус. *тесло* (к *тесать*); лит. *maišiklis*, лтш. *màiseklis* — чеш. *mísidlo* ‘мешалка’; лит. *voliūga* — с.-хрв. *вълуга* ‘валёк, каток’; лит. *tākilas*, др.-прусс. *tackelis*, лтш. *teciklas* — рус. *точило*, пол. *toczydło* ‘точило’; др.-прусс. *dalptan* ‘пробой’ — рус. *долото* и др.

Список изоглосс типа др.-прусс. *schutuan* ‘нитки’ — рус. диал. *шитво* ‘частая сквозная нить’, лит. *nūtys* ‘ниченки’ — рус. *нити*, лит. *šaivà* — чеш. *seva*, рус. *цевка*, лтш. *birde* ‘ткацкий станок’ — рус. *бердо*, лтш. *gūrste (līnu)* ‘связка (льна)’ — рус. *горсть* (льна), лтш. *gagalīs* ‘рукоятка старинной сохи’ — рус. диал. *рогаль* ‘рукоятка сохи’ можно было бы продолжить и далее. Интересно отметить, что в ряде случаев балтийским словам без суффиксального *-(i)k- в славянских языках будут соответствовать образования с этим суффиксом (тип лит. *avis* — др.-рус. *овьца*): лит. *gijà* ‘прядь, нить в основе’, лтш. *dzija* ‘шерстяная пряжа, шерстяные нити’ — рус. диал. *жица* ‘шерстяная пряжа’, болг. *жица* ‘нить; проволока’, с.-хрв. *жица* ‘прядь; проволока’; лит. *lóna* ‘кровать’ — болг. *лавица* ‘ложе’; лит. *vija* ‘веревка или канат, скрученный с проволокой’ — рус. диал. *вица* ‘канатная прядь, скрученная из нескольких нитей’.

Приведенная выборочно часть балто-славянских изоглосс в области ремесленной лексики свидетельствует о близком родстве балтов и славян, о многочисленных общих чертах их материальной культуры.⁸ Об этом же говорят данные археологии и этнографии. Даже при раскопках сравнительно поздних памятников VII–IX вв. н. э. археологи

⁷Последнее сопоставление сделано О. Н. Трубачевым. См. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963. С. 62–63.

⁸В этой связи весьма странным и совершенно необидительным представляется вывод О. Н. Трубачева о якобы большей близости славянской ремесленной лексики к германской и даже к латинской (Трубачев 1966; 392–393 и др.). Поскольку во всей рассмотренной автором ремесленной лексике он находит только 6 (!) балто-славянских изоглосс, даже 26 славяно-латинских (во многом сомнительных) соответствий, приведенных в книге О. Н. Трубачева, естественно, должны были представиться автору числом значительным.

с трудом разграничивают или совсем не различают древностей балтов от древностей славян (Ляпушкин 1968: 89). Так называемые «длинные курганы» и их принадлежность балтам или славянам вызвали длительную дискуссию среди археологов (там же: 92слл.). Ряд городищ VII–VIII вв., до недавнего времени считавшихся славянскими, при более тщательном изучении оказались памятниками балтской культуры (там же: 119). Постройки и утварь латышей и литовцев сходны не только между собой, но также с постройками и утварью восточных славян (Bielenstein, 11). Все эти факты хорошо согласуются с теми выводами, которые можно сделать на основании анализа балто-славянских лексических изоглосс в области ремесленной лексики.

Но сходство ремесленной лексики балтов и славян объясняется не только генетической близостью их языков. Важную роль здесь сыграли также многочисленные обоюдные заимствования из одних языков в другие. К сожалению, именно значительная близость балтийских и славянских языков затрудняет выделение древнейших слоев заимствованной лексики в этих языках. Допустим, что лит. *sōdas* было заимствовано из слав. *садъ*. Но если это слово — не заимствованное, а исконно родственное, то какую оно в этом случае должно иметь форму? Оказывается, тоже *sōdas*. Поэтому с большей определенностью мы можем говорить лишь о заимствованиях, относящихся к сравнительно поздней эпохе. Нужно сказать, что славянские заимствования в балтийских языках изучены гораздо основательнее (работы А. Брюкнера, П. Скарджюса, Я. Эндзелина и др.), чем балтийские заимствования в славянских языках. Между тем, именно в области ремесленной лексики восточные и западные славяне (главным образом белорусы, русские и поляки) заимствовали значительное количество слов из балтийских языков (в первую очередь — из литовского). Особенно много заимствований связано со словами, обозначающими процессы обработки дерева, с плотничьей лексикой. Сюда следует отнести, прежде всего, довольно многочисленные названия разных построек (диалектные формы особо не оговариваются): блр., рус. *аруд*, пол. *arud* ‘закром’ (лит. *arūdas* то же); блр., рус., укр. *ёвня*, *евня*, ст.-укр. *евья* ‘овин, рига’ (лит. *jáuja* то же); блр. *прымень* ‘сени’, ст.-пол. *prímien* ‘пристройка’ (лит. *prīmenė* ‘прихожая, передняя’); блр., рус. *пуня*, пол. *rupia* ‘сарай для сена’ (лит. *rūpė* ‘сарай, хлев’, лтш. *rupē* ‘сарай для сена’); блр. *свіран*, рус. *свирон*, пол. *świron* ‘амбар, клеть’ (лит. *svīrnas* то же).

Неразрывно связаны со строительным делом и такие балтизмы в славянских языках, как пол. *sziū*, блр. *шула*, рус., укр. *шуло* ‘столб

в заборе или в стене избы' (лит. šūlas то же); пол. sklut, блр. *склют*, *шклюд*, рус. *склют*, укр. *шклюд* 'тесак, тесло' (лит. skliūtas то же); пол. dziegieć, др.-чеш. dehet, блр. *дзегоць*, рус. *дѣготь*, укр. *деготь* (лит. degūtas 'деготь'); пол. rakuły, блр. *пакулле*, рус. *пакля* (лит. pākulos 'пакля'). Ряд названий деревянных сосудов также был заимствован из балтийских языков: пол. žlukto, блр., рус., укр. *жлукта*, -о 'кадка, бочка для замачивания белья' (лит. žlūktas то же, žlaūktas 'чан'); др.-рус. *яндова* 'плоская чаша с рыльцем' (лит. indauja 'шкаф для посуды'); пол. kousz, блр. *коўш*, рус., укр. *ковш* (лит. káušas, лтш. kaūss).⁹ Балтийское влияние на польский и белорусский языки в области строительной лексики было столь значительным, что в эти языки проникло также литовское название плотника или зодчего: ст.-пол. doilid, douyida, блр. *дойлід*, *дойліда*, *дайлида* (лит. dailidė 'строитель, плотник').

* * *

*

Приведенные выше факты позволяют перейти к рассмотрению происхождения ряда славянских слов со значением 'ремесло'. В плане выявления древних балто-славянских связей эти слова представляют несомненный интерес. У южных славян со значением 'ремесло' употребляются болг. *занаят*, макед. *занает*, с.-хрв. *zānāt* и *дѣрт*. Такие слова, как *ремьство*, *ремьство* и *ремезьство*, представляют собой книжные церковнославянские формы и не находят себе опоры в живых южнославянских языках. В то же время приведенные формы обычны для восточнославянских языков. Их мы встречаем и в памятниках древнерусской письменности (*ремество*, *ремьство*), и в диалектах русского, белорусского и украинского языков (*ремествó*, *ремѣство*). В западнославянских языках формы на -stvo не встречаются, здесь всюду последовательно выступают образования на -slo: чеш. řemeslo, пол. rzemiosło, rzemiosło, в.-луж. rjēmjesło, н.-луж. řėmesło. По мнению А. Брюкнера, формы на -slo типичны только для западных славян, а рус. и укр. *ремесло* является заимствованием из польского (Brückner, 475). Однако наличие др.-рус. *ремесленицы* уже в памятнике начала XIV в. (Срезневский, III, 114), а также широкое распространение слова *ремесло* в диалектах русского и украинского языков — при отсутствии в белорусском формы этого слова с суффиксальным -л- — делает предположение А. Брюкнера маловероятным. Как бы то ни было, у восточных славян засвидетельствованы две формы рассма-

⁹См. очерк на с. 226–234 настоящего издания.

триваемых слов: *ремество* и *ремесло*. И здесь, естественно, возникает вопрос о том, как эти формы относятся к лит. *remėstas, remėslas* 'ремесло'. Ф. Миклошич, этимологизируя ст.-сл. **РЕМЬСТВО**, приводит эти балтийские слова, а также лит. *remėsas* 'ремесленник' и лтш. *remesis* 'плотник' (Miklosich, 275). Эти же или аналогичные сопоставления мы находим у К. Буги (*Būga*, II, 304, 532), Я. Эндзелина (Эндзелин 1911: 198); см. (Mühlenbach, III, 510), а также в этимологических словарях А. Г. Преображенского и М. Фасмера (s. v. *ремесло*). В конечном итоге, вся группа слов возводится к корню **reṃ-* 'рубить', производными которого являются лит. *reṃ-t-as* 'обрубок', *raṃ-t-is* 'зарубка', *raṃtūti* 'рубить' (*Būga*, II, 304, 532–533, 541). Сюда же, безусловно, должны быть отнесены такие слова, как др.-прус. *romestue* 'плотничий топор' (*Būga*, II, 304) и лтш. *remiķis* 'плотник'.

Приведенная этимология, наиболее обстоятельно обоснованная К. Бугой, должна быть отнесена к числу в высшей степени правдоподобных и убедительных этимологий.¹⁰ Однако она не отвечает на вопрос об отношении рус. *ремество, ремесло* к лит. *remėstas, remėslas*. К. Буга был даже вынужден доказывать, что литовские слова не были заимствованы из славянского, ибо в те годы А. Брюкнер, например, значительное число исконно родственных слов и даже славянских балтизмов считал балтийскими славизмами.

Итак, перейдем к рассмотрению приведенных выше славянских и балтийских слов. Прежде всего, наиболее архаичные по своей структуре формы — церк.-слав. *ремесьство* и *ремезьство* — позволяют выделить в качестве производящей основы этих суффиксальных образований *ремесьъ, *ремесьь, *ремезъ или *ремезьь*. По-видимому, последнее слово мы находим в древнерусском языке (XIV в.): *ремези храмы сдѣлають вы* (Срезневский, III, 114). Однако это никак не может служить надежным основанием для утверждения о широком распространении слова *ремезь* 'плотник, строитель' в древнерусском языке. Кроме того, слово *ремезь* (или *ремезъ*) не может рассматриваться как соответствие лтш. *remesis* или лит. *remėsas*. В самом деле, рус. *береза, железо* ~ лит. *bėržas, geležis* говорит о том, что др.-рус. *ремезь* должно было бы соответствовать лит. *remežas. Правда, др.-рус. *ремесьь полностью соответствовало бы литовскому *remėsas*. Но в этом случае мы должны признать, что др.-рус. *ремези* и церк.-слав. *ремезьство* представляют собой результат озвончения *с*, что трудно признать правдоподобным для слов славянского происхождения. В то же

¹⁰Хотя, например, В. Махек не разделяет ее (Maček, 433).

время колебания между *с* и *з* в передаче древнерусских слов балтийско-го происхождения — вполне обычное явление. Так, в Ипатьевской летописи под 1278 г. пруссы упоминаются в двух формах, *проуси* и *проузи* (ср. *ремеси и *ремези*, церк.-слав. *ремесьство* и *ремезьство*). Таким образом, единственное слово, которое могло бы послужить базой для образования восточнославянских слов на *-(ь)ство* (или на *-ло*) — др.-рус. *ремези* — оказывается не только изолированным, но и аномальным с точки зрения исконого родства анализируемых балтийских и славянских слов.

Допустим, однако, что у восточных славян существовало слово *ремесь (*ремесь), соответствующее лит. *remėsas*, лтш. *remesis*. Еще К. Буга отметил, что лит. *remėsas* относится к числу обычных *potėpa agentis* на *-ėsas*: *burgėsas* ‘брюзга’, *švelpėsas, velbėsas* ‘шепелявый’ (Būga, II, 304, 532–533); см. также (Skardžius 1943:311–312). Суффикс *-esa-* естественно входит в систему литовских образований с суффиксальным *-s-* (Ibid.: 310–314). Что же касается др.-рус. *ремесь, то ни в словообразовательном, ни в общесемантическом плане (*potėpa agentis* на *-есь* или *-есь?*) данная реконструированная форма не может рассматриваться как исконое славянское слово.

Крайне странным на славянской почве выглядит наличие двух параллельных образований *ремество* и *ремесло*. Производных на *-сло* в восточнославянских языках сравнительно немного. Если исключить неясные по своему происхождению слова *кресло* и *коромысло*, то остальные русские образования на *-сло* окажутся легко соотносимыми с соответствующими глаголами: *весло* — *везти* (< *цегh-slom), *масло* — *мазать*, *прясло* — *прясть*, *тесло* — *тесать*, *свясло* — *вязать* и т. д. Слово *ремесло* в этом отношении ни с чем не сопоставимо на славянской почве.¹¹ Кроме того, в плане своей общей семантики (*potėpa instrumenti*) приведенные славянские образования на *-(с)ло* резко отличаются от слова *ремесло*. Наконец, ни одно из этих образований не имеет параллельных синонимичных (или даже несинонимичных) форм на *-(ь)ство*. Случай с *ремество* — *ремесло* и в этом отношении оказывается исключительным и необъяснимым. В то же время варианты суффиксов у лит. *remėslas, remėstas* могут быть сопоставлены, например, с *gruėslas — grumėstas* ‘ком, глыба’, *giėslas* ‘молва, слух’ — (*iš*)*giėrstas* ‘услышанный’, *kaėslas — kaėstas* ‘потение’, *skrėuoslas — skrėuostas* ‘щека’ и т. п. Словообразовательная мо-

¹¹ Так, о чеш. *řemeslo* В. Махек в своем словаре (Machek, 433) пишет: «Слово неясное, нигде в других местах нет подобного образования (разве только лтш. *remesis* ‘плотник’)».

дель grūmti, grūmia → gruīnslas, gruīnštas предполагает в качестве закономерного развития *remti, remia → *remslas, *remstas ‘рубка’ (как процесс, а затем — как занятие), ср. kaīslas, kaīstas ‘потение’ (процесс). Однако, видимо, под влиянием *pominis agentis remēsas* приведенные под звездочкой формы дали *remēslas* и *remēstas*. Таким образом, и здесь явление исключительное и непонятное на славянской почве оказывается объяснимым в рамках литовского словообразования. Поэтому прав К. Буга, склонный видеть в лит. *remēslas* и *remēstas* исконные балтийские слова (Būga, II, 304).¹² Нужно сказать, что и более поздние по своей структуре производные со значением *pominis agentis* целиком отвечают обычным словообразовательным нормам балтийских языков: лит. *remēstas* → *remestiniīkas*, -è как *āmatas* — *amatiniīkas*, -è, *púodas* → *puodiniīkas*, -è; лтш. *remesnieks*, -nīca (как *māize* ‘хлеб’ → *māiznieks*, -nīca), видимо, явились результатом присоединения новых суффиксов к древней основе *pominis agentis*.

Не этимологизируются как исконно славянские слова рус. *ремесло* и *ремество* также и в плане их соотношенности с глагольным корнем. Выше мы уже видели, что русские производные на -сло без особых затруднений сопоставляются с соответствующими глаголами. Слово же *ремесло* здесь просто «повисает в воздухе». То же самое относится и к предполагаемой производящей основе слов *ремесло* и *ремество* — др.-рус. *ремесъ. Если лит. *remēsas* легко возводится к корню *rem-* ‘рубить’ (который относится к *reĩ-tas* ‘обрубок’, букв. ‘обрубленный’ так же, как, например, корень *sem-* ‘черпать’ — к *sėm-tas* ‘почерпнутый’), то у др.-рус. *ремесъ на славянской почве остается неясным как суффикс, так и корень. Ибо если корень **rem-* ‘рубить’ легко вычленяется из лит. *reĩ-tas* — в силу того, что последнее слово по происхождению представляет собой «стандартное» отглагольное прилагательное с продуктивным суффиксом -t-, обычным для балто-славянских причастных образований, то у рус. *рубить* тот же корень **rem-* извлекается только путем сложного этимологического анализа. Следовательно, если лит. *remēsas* без труда этимологизируется в балтийском ареале, то др.-рус. *ремезь* или реконструируемая форма *ремесъ не может получить надежного этимологического истолкования как слово исконно славянского происхождения.

Приведенные факты позволяют высказать предположение о балтийском происхождении рассматриваемых славянских слов. Прежде всего, лит. *remēsas*, лтш. *remesis* или иное балтийское сло-

¹²Э. Френкель все же считает лит. *remēslas* славизмом (Fraenkel, 717).

во со значением 'плотник' было заимствовано в формах *ремесь и *ремезь* (*ремесь, -зѣ), которые легли в основу образований с обычным славянским суффиксом -(ь)ство: *ремес-ь-ство* и *ремезь-ь-ство*. Что касается формы *ремесло*, то она в западных славянских языках, по-видимому, явилась результатом прямого заимствования из балт. (лит.) *remėslas*. У восточных славян можно думать как о заимствовании, так и о вторичном происхождении -л- в словах типа *ремес(ль)(никъ)* с последующей обратной деривацией (→ *ремесло*). Наличие параллельных литовских форм *remėslas* — *remėstas*, видимо, содействовало упрочению двух основных типов слова на славянской почве: *ремесло* и *ремество*.

И географический ареал, совпадающий с обычным ареалом славянских балтизмов, и значительный удельный вес строительной (плотничьей) лексики среди славянских слов балтийского происхождения, и отсутствие надежной базы для этимологизации славянских слов — при наличии подобной базы в балтийском ареале — всё это подтверждает высказанное выше предположение о заимствованном характере анализируемых славянских слов.

В условиях особенно тесных языковых контактов нередки случаи создания своеобразных слов-«гибридов», когда к иноязычной основе присоединяются различные форманты заимствующего языка. Так, в говорах литовского языка мы встречаем «гибриды» типа: *palkėlė* 'палочка' = лит. *lazdėlė* (рус., блр. *палка*), *ūžrečkis* 'место за печкой' = лит. *ūžkrosnis* (рус., блр. *печка*), *straiñumas* 'изящество' (и др. значения) = лит. *grakštumas* (рус. *стройный*, блр. *стройны*) (LKT: 53, 268, 372). Аналогичные явления нередки и в славянских балтизмах:¹³ рус. диал. *кятурка* 'ширинка' (лит. *keturi* 'четыре'), пол. диал. *naktaj* 'тот, кто шатается по ночам' (лит. *naktis* 'ночь'), блр. *дойлідства* 'зодчество' (лит. *dailidė* 'плотник'). Для наших целей особенно показателен последний случай, где мы можем лит. *dailidė* 'плотник' → блр. *дойлід(а)* 'зодчий' → *дойлідны* 'зодческий', *дойлідства* 'зодчество' сопоставить с лит. *remėsas*, лтш. *gemesis* 'плотник' → др.-рус. *ремезь*, *ремесь 'плотник, строитель' → укр. *ремесний* 'ремесленный', церк.-слав. *ремезьство*, *ремесьство* 'ремесло'. В обоих случаях славянизация заимствованного слова и его производных идет параллельно, и в обоих случаях следует исключить возможность исконного родства.

Примеры типа лит. *mergėlka* = *mergaitė* 'девушка' (LKT, 45, 74,

¹³Здесь и ниже примеры со славянскими балтизмами взяты из словаря Ю. Лаучюте (1982).

109), пол. диал. *ženiklis* ‘жених’ (Лаучюте, 86) могли возникнуть, по-видимому, лишь в условиях двуязычия или при очень тесном взаимодействии языков. В тех же самых условиях слово, заимствованное, например, из славянских языков в балтийские, могло быть вторично заимствовано из балтийских в славянские. В одних случаях примеры подобного двойного заимствования подтверждаются фонетически данными: др.-рус. *бояръ* → лит. *vajõgas* → пол. *bojarzup* ‘боярин’; в других случаях — словообразовательными: блр. *крупа* → лит. *kruorà* (*kruõros*) → *kruoriõnė* → блр., рус. *крупе́ня* ‘суп или жидкая каша из крупы’. Подобного типа вторичными заимствованиями из славянских языков в балтийские следует, видимо, считать лит. *remestva* ‘ремесло’ из блр. *ремéство*) и *remezpũkas* ‘плотник, ремесленник’ (из блр. *ремесникъ*) (Skardžius 1931: 189; Fraenkel, 117). Остальные рассмотренные выше литовские и латышские слова с основой *remes-* являются, как это считал еще К. Буга, исконно балтийскими по своему происхождению.

Дальнейшее изучение балто-славянской ремесленной лексики, по-видимому, может дать немало интересного материала по вопросу о древнейших отношениях балтов и славян — как в области материальной культуры, так и в плане взаимодействия балтийских и славянских языков.

О ДРЕВНЕМ НАЗВАНИИ ХЛЕБА В БАЛТИЙСКОМ, СЛАВЯНСКОМ И ГЕРМАНСКОМ*

Едва ли у кого-нибудь может возникнуть сомнение в том, что лтш. *klàips*, лит. *kliẽpas*, ст.-сл. **ХЛѢБЪ**, готск. *hlaifs* и др.-исл. *hleifr* имеют общее происхождение. Однако принято считать, что слова эти нельзя возвести к единому индоевропейскому источнику, поскольку они не отражают обычных балто-славяно-германских фонетических соответствий. Главным препятствием здесь является балтийское *p*, которому не может соответствовать прагерманское *b (прагерм. *xlaibaz > готск. *hlaifs*) при славянском *б*. Кроме того, всегда большие фонетические трудности возникают при объяснении начального славянского *х*-.

За пределами балто-славяно-германского ареала мы не находим достаточно надежных примеров, которые можно было бы поставить в

* Статья была опубликована в журнале: *Latvijas PSR Zinatņu Akadēmijas vēstis*. 1973. № 2 (307). P. 84–89.

один ряд с рассматриваемыми словами. Сопоставление готск. *hlaifs* с лат. *libum* 'пирог, лепешка' и др.-гр. *κλίβανος* 'вид печи' отвергается авторами этимологических словарей латинского и греческого языков (Walde, Frisk и др.). Кроме того, эти сопоставления ничего не дают ни для установления этимологии анализируемых слов, ни для выявления отношений между ними.

Отсутствие четких фонетических соответствий между готск. *hlaifs*, лтш. *klāips*, ст.-сл. **ХЛѢБЪ** и т. д. при явной общности происхождения этих слов привело ученых к выводу о том, что эта общность возникла в результате серии заимствований. Причем в качестве первоисточника заимствования балтийских и славянских слов указывались соответствующие слова германских языков (главным образом, готского и древнеисландского).

Так, подавляющее большинство исследователей высказалось за германское происхождение ст.-сл. **ХЛѢБЪ** (Pott 1858: ff.: II, 14; Thomsen 1870: 150; Hirt 1898: 338; Meillet 1900: 179; Brückner 1901: 27; Vondrák 1906: I, 261; Torp 1909: 109; Соболевский 1911: 166; Stender-Petersen 1927: 299–302; Fraenkel 1950: 36; Miklosich, 86; Berneker, I, 389). Сомнения в заимствованном характере славянских слов и возражения против их германского происхождения высказывали в разное время П. Шафарик (Šafárik 1865: III, 15), Ф. И. Буслаев (1867: 552), И. И. Козловский (Kozlovskij 1886: 386), Х. Педерсен (Pedersen 1895: 50), С. Младенов (1909: 125–128), П. Я. Черных (1956: 67), В. В. Мартынов (Мартынаў 1961: 95–96) и др. Иногда при этом утверждалось, что, напротив, германские слова были заимствованы у славян. Однако эти утверждения обычно не сопровождалась никакой аргументацией или же эта аргументация была явно недостаточной. Характерно, что П. Шафарик колебался в вопросе об отношении славянских слов к германским (Šafárik 1837: I, 469), а Х. Педерсен (Pedersen 1926: 48) и В. В. Мартынов (1963: 85–88) в более поздних своих работах отказались от предположения об исконном происхождении славянских слов, признав их германизмами.

Балтийские слова в меньшей степени привлекали внимание исследователей, ибо лтш. *klāips* обычно считалось заимствованием из готского или древнеисландского, а лит. *klīėpas* — или непосредственно, или через славянское посредство — опять-таки выводилось из германского (Brückner 1877: 94; Thomsen 1890: 189–190; Berneker, I, 389; Būga 1922: 68; Mühlenbach, II; Senn 1925: 50; Fraenkel 1950: 36; Otrębski 1966: 52).

Вместе с тем в одной из своих ранних работ К. Буга высказал мысль об исконном происхождении лит. *klīēpas* и лтш. *klāips* (Būga 1912: 30–32), однако позднее он отказался от этого своего предположения (Būga 1922: 68ff.). В последнее время о возможности объяснить лит. *klīēpas* и лтш. *klāips* как слова балтийского происхождения писали В. Мажюлис (1959: 115–116) и А. Сабаляускас (Sabaliauskas 1966: 90). Такая постановка вопроса предполагает полный пересмотр традиционной схемы, отражающей историю рассматриваемых слов (германский → славянский → балтийский или же германский → славянский, балтийский). Однако для того, чтобы этот пересмотр базировался на достаточно надежной основе, необходимо решить, по крайней мере, два важных вопроса: 1) на материале каких языков — германских, балтийских или славянских — этимологизируются (и этимологизируются ли вообще) интересующие нас слова; 2) как объяснить фонетические расхождения между балтийскими словами — с одной стороны, германскими и славянскими — с другой (независимо от того, будем ли мы их рассматривать как исконно родственные или как заимствованные из одних языков в другие).

Как раз в этих двух пунктах гипотеза о германском происхождении балтийских и славянских слов имеет множество слабых сторон. Во-первых, у германских слов нет надежной этимологии. Высказывались даже предположения о заимствовании в германский из урало-алтайского, семитского или просто из какого-то неизвестного языка (Feist, 260). Наконец, З. Файст в своем «Сравнительном словаре готского языка» вынужден был слову *hlaifs* вынести малоутешительный приговор: «(слово) темного происхождения». Кроме того, К. Буга убедительно показал, что лит. *klīēpas*, не могло быть заимствовано из белорусского (Būga 1912: 31),¹ а А. Зенн не менее убедительно возражал против возможности прямого заимствования этого слова из древнеисландского (Senn 1925: 50). В результате при объяснении происхождения лит. *klīēpas* приходится строить различные малоправдоподобные гипотезы: видеть в этом слове контаминацию *klēbas (из белорусского) и *kēpalas* ‘буханка’ (Ibid.) или предполагать заимствование из германского в литовский через славянское и финское (глухой *p*!) посредством (Otrębski 1966: 52–53).

Те же трудности остаются и в том случае, если предполагать, что исконное славянское название хлеба было заимствовано балтами и германцами. На славянской почве не этимологизируются ни ст.-сл.

¹Здесь ожидалась бы форма *klēbas, а не *klīēpas* (Būga 1912: 31).

ХЛѢБЪ, ни родственные ему слова в других славянских языках. Предположение об исконности славянских слов и о заимствовании их из славянского в балтийский опять наталкивается на те же самые необъяснимые фонетические расхождения, о которых речь уже шла выше (слав. *b* ≠ балт. *p* ни генетически, ни в случае заимствования).

Обратимся теперь к попыткам этимологизации рассматриваемых названий хлеба на балтийской почве. Еще К. Буга сопоставил лит. *klīėpas* и лтш. *klāips* с лит. *sklīėpas* 'кусок', *skliėpis* (*žėmės*) то же, (*dūonos*) *sklimbėlis* 'ломоть, кусок хлеба', *skliėpis* 'отрезанный кусок (хлеба, сала)' (Būga 1912: 31). Впоследствии, как было сказано, К. Буга отказался от этой этимологии. Но к сопоставлениям К. Буги вернулся Я. Отрембский, для того чтобы объяснить этимологию ... германских слов. Создалась довольно странная ситуация: в германском не сохранилось никаких следов, опираясь на которые можно было бы этимологизировать готск. *hlaifs*, др.-исл. *hleif* и др.; в балтийском имеются слова, раскрывающие этимологию лит. *klīėpas* и лтш. *klāips*, но они используются для объяснения германских слов, а балтийские слова объявляются германизмами. Все это говорит о том, что старая этимология К. Буги заслуживает самого пристального внимания и дальнейшего изучения.

Прежде всего, К. Буга не дал достаточного семантического обоснования своей этимологии. Приведенные им соответствия позволяют рассматривать их как производные и.-е. корня **(s)klei-p-/*(s)kloi-p-/*(s)kli-p-*, которые объединяются общим значением 'отрезок, кусок'. Такая точка зрения представляется вполне правдоподобной. Семантическая модель 'резать' → 'отрезок, кусок' → 'кусочек пищи, хлеба' → 'хлеб' хорошо известна во многих языках. Вот некоторые примеры, частично или полностью отражающие эту модель:

а) рус. *краяти, кроить* 'резать' → *краюха, край, скрой* 'ломоть хлеба';

б) нем. *schneiden* 'резать' → *Schnitte* 'ломоть, отрезанный кусок хлеба';

в) лит. *skleĩbti* '(косо) резать' → *skliėbas* 'отрезанный кусок (хлеба)';²

г) рус. *резать* → *резень* 'отрезанный ломоть';

д) лтш. *šķēīt* 'раскалывать, расщеплять', *šķēlēt* 'разрезать на куски' → *šķēle* 'ломоть хлеба';

---

² Там, где нет особых оговорок, балтийский диалектный материал дается по следующим словарям: (Sereiskis, Niederemann, Senn, Brender; Mühlenbach).

е) рус. *колоть* → *колоб* 'круглый хлеб' (ср. в плане семантики: *коля* 'обрубок бревна', а также рус. *колобок* и лтш. *kalbaks* 'ломоть, краюха хлеба').

Важно отметить, что лтш. *klāips* имеет не только значение 'буханка', но также 'краюха, отрезанный кусок хлеба' (Mühlenbach, II, 209). Именно это значение следует считать исходным при определении этимологии балтийских слов, ибо семантическое изменение 'кусочек хлеба' → 'хлеб' является вполне естественным и надежно засвидетельствованным, а обратное изменение едва ли вообще возможно.

Балтийские слова отражают обычные индоевропейские фонетические и словообразовательные особенности. Лит. *klīėras*, лтш. *klāips* — это широко распространенное чередование **ei/*oi* (ср. лит. *skiedà* — лтш. *skaīda* 'шепка' и другие примеры, приведенные К. Бугой (Būga 1912: 31–32). Нулевую ступень того же чередования мы находим в лтш. *klīp-īņš* 'тёс'. В целом лит. *klīėr-as* / лтш. *klāip-s* / лтш. *klīp-īņš* отражают индоевропейское чередование **e/*o/нуль* (**ei/*oi/*i*). Лит. *sklūpas* 'кусочек (земли, ткани)' — сравнительно с *klīėras* — представляет собой индоевропейскую форму с *s-mobile*. Лит. *skliūbas* 'отрезанный кусок (хлеба)' — это форма с *s-mobile* и с носовым инфиксом (о соотношении слов с *p* и *b* речь будет идти ниже).

Важное значение при этимологизации балтийских слов имеют эстонские слова *klaip*, род. п. *klaiba* и *klaibakas* 'большой кусок (хлеба)', заимствованные из латышского языка (Thomsen 1870: 150). Эти слова сохранили древнейшее значение, положенное в основу излагаемой этимологии. Кроме того, перед нами — следы древнейшей балтийской формы **klaibas*, которая целиком соответствует прагерманскому **xlaibaz*, что лишает гипотезу о германском заимствовании ее самого веского фонетического аргумента (балтийское *b* — в отличие от *p* — фонетически соответствует праславянскому и прагерманскому *b*).

Реконструируемые на основании эстонских заимствований балтийские слова **klaibas* и **klaibakas* по своей словообразовательной структуре полностью совпадают с **kalbas* (= рус. *колоб* 'круглый хлеб') и лтш. *kalbaks* 'ломоть хлеба' (= рус. *колобок*). Сюда же следует отнести также лтш. *klubāks* 'большой кусок хлеба' (Mühlenbach, II, 232). Формы **klaibaks*, *kalbaks* и *klubāks* 'кусочек хлеба' имеют не только общее значение, но также одинаковые суффиксы (-*b*- и -*k*-), а их древность подтверждается полным фонетическим и словообразовательным тождеством лтш. *kalbaks* и рус. *колобок*. Подробно тому как рус. *колобок* было образовано от *колоб*, лтш. **klaibak(a)s* (→ эст. *klaibakas*)

восходит к форме *klaib(a)s ‘кусок хлеба’ (→ эст. klaip, klaiba то же).

Наличие столь разветвленных вариантов слов с одним и тем же сложным суффиксом для обозначения ‘куска хлеба’ в диалектах латышского языка необъяснимо с точки зрения гипотезы о германском происхождении лтш. klāips. Нужно особо подчеркнуть, что все приведенные здесь формы под звездочкой не только отвечают обычным нормам латышского словообразования, но и подтверждаются фактами заимствования из латышского языка в эстонский.

Все три латышских варианта — *klai-b-aks, klu-b-āks и kal-b-aks — могут рассматриваться как производные и.-е. корня (без s-mobile) *(s)kel-/*(s)kol- *(s)k₁- ‘рубить, резать’ (ср. лит. skėlti, лтш. šķelt, рус. *колоть*) — в двух его состояниях — по Э. Бенвенисту (1955: 181–202). И все они — вместе с такими словами, как лит. skliūbas, skliūpis ‘отрезанный кусок (хлеба)’, — относятся к приведенному выше изосемантическому ряду: ‘резать’ → ‘отрезок, кусок’ → ‘кусок, хлеба’ (→ ‘хлеб’).

Реконструированная латышская форма *klaib(a)s является исключительно важной, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, как уже сказано выше, она фонетически полностью соответствует прагерм. *xlaibaz, давая тем самым основание для генетического сопоставления балтийских и германских слов. Во-вторых, наличие формы *klaib(a)s, наряду с klāips (< *klaipas), позволяет объяснить расхождение между балтийским *p* и прагерманским (праславянским) *b* у древнего балто-славяно-германского названия хлеба. Объяснение это может быть или фонетическим, или морфологическим.

Первое из них связано с известными фактами колебаний между глухими и звонкими в ряде индоевропейских языков. Наиболее отчетливо это явление выступает в балто-славянском ареале, особенно — в латышском языке. В своей «Латышской грамматике» Я. Эндзелин приводит обширный список примеров типа лтш. bīres/pīres ‘овечий помет’, blakts/plakts ‘клоп’, лит. būgnà/лтш. rūgna ‘морда, рыло’, лит. klėbūs/лтш. klėpis ‘охапка’ и др. (Endzelin 1922: 180–182; 1951: 250). В дальнейшем данному явлению уделяли внимание В. Махек (Machek 1934: 5), Я. Отрембский (Otrębski 1955: 25 сл.), В. Кипарский (Kiparsky 1968: 73–97) и другие исследователи. Независимо от того, как мы будем объяснять причины этих колебаний между глухими и звонкими, их широкое распространение в балтийском, а также в балто-славянском ареале не вызывает никаких сомнений. И случай с лтш. *klaib(a)s, ст.-сл. ХЛЪБЪ / лтш. klāips совершенно естественно пополняет списки

Я. Эндзелина, В. Махека, Я. Отрембского, В. Кипарского.

Однако варианты с *b* и *p* (или шире: со звонким и глухим) могут иметь не только фонетическое, но и морфологическое происхождение. В этом случае расхождение между реконструированной формой *klaib(a)s и совр. лтш. klàips может объясняться так же, как, например, случаи типа лтш. šjaubs и šjaups 'косой, покатый' или stulbs и stūlps, лит. stulbas и stūlpas, ст.-сл. **СТАЪБЪ** и **СТАЪПЪ**. По-видимому, здесь перед нами реликты древнего чередования и.-е. суффиксов *-bh/*-p- (ср. за пределами балто-славянского ареала: ст.-сл. **СТЪБ(Л)Ъ** и лат. sti-p-ula 'стебель'). Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что чередование *b/p* нередко выступает лишь как часть более широких чередований, которые не могут быть объяснены фонетически, например: лтш. šjaubs / šjaups / šjauns / šjauks (Specht 1944: 130).

Следовательно, лтш. *klai-b-(a)s и *klài-p-s могут быть поставлены в один ряд с такими примерами, как stul-b-s и stūl-p-s, šjau-b-s и šjau-p-s. Важно подчеркнуть, что точно такое же суффиксальное чередование мы находим у производных того же самого корня с *s-mobile* на литовской почве: лит. skli-ṁ-b-as и skli-ṁ-p-is 'отрезанный кусок (хлеба)', sklī-p-as 'кусок' (ср. без *s-mobile*: kliē-p-as 'хлеб').³

В заключение необходимо отметить следующее.

1. Этимология К. Буги отражает хорошо известную в разных языках семантическую модель: 'резать' → 'кусок (хлеба)' → 'хлеб'.

2. Реконструированная латышская форма *klaib(a)s (→ эст. klaip, klaiba) 'кусок хлеба' устраняет препятствия к генетическому сопоставлению балтийских и германских названий хлеба.

3. Расхождения между формами с *b* и *p* находят свое объяснение на балтийской (балто-славянской) почве.

4. Название хлеба (с исходным значением 'кусок хлеба') на балтийской почве отражено формами с *s-mobile* и без него, с носовым инфиксом и без инфикса, с суффиксальными *b* и *p*, с огласовкой корня *e, *o и нуль (*ei/*oi/*i): лит. s-kli-ṁ-b-as, kliē-p-as, лтш. klàips.

5. Германские и славянские слова, не имеющие сколько-нибудь надежных этимологических связей в рамках своих языков, возможно, родственны балтийским словам: балт. *klaibas/*klaipas/*kleipas — праслав. *xlěbъ — прагерм. *xlaibaz. Вопрос о происхождении ст.-сл. **ХЛЪБЪ**, впрочем, лучше оставить открытым, ибо он осложняется теми трудностями, которые всегда возникают при интерпретации праславян-

³С учетом отсутствия *s-mobile*, лит. kliēpas относится к sklīpas так же, как, например, skiesti 'разжижать' относится к skýsti 'разжижаться'.

ского начального *x*. Что же касается прагерманского *xlaibaz, то, если все-таки настаивать в данном случае на заимствовании, скорее следует говорить об очень древнем заимствовании из балтийского в германский, чем наоборот. Во всяком случае, если высказывались предположения о заимствовании даже из семитского или урало-алтайского в германский, то гораздо естественнее было бы искать источник заимствования в балтийских языках, где название хлеба имеет надежные этимологические, словообразовательные и семантические связи.

О МНИМЫХ СЛАВИЗМАХ В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ*

Хорошо известно, что в балтийских языках имеется значительное количество славизмов, особенно в области лексики, связанной с христианской религией. По большей части это заимствования сравнительно поздние, самые ранние из них, как правило, не более, чем тысячелетней давности, чаще же всего они относятся к еще более позднему времени. Столь же поздними являются также заимствования из балтийских языков в западно- и восточнославянские. Несомненно, что взаимное проникновение лексики в балто-славянском ареале имело место и в более древнюю эпоху. Но до сих пор не найдены достаточно надежные критерии, по которым балтийские славизмы этой эпохи могли бы быть четко отделены от славянских балтизмов и от исконно родственных слов.

Давняя традиция, восходящая, по крайней мере, к первой половине XVIII в., рассматривала литовский и латышский языки не как самостоятельную группу индоевропейских языков, а как ответвление славянского (см., напр.: Ruhig 1745: 9 [«славянский — мать литовского языка»]; Watson 1822; Pott 1833: XXXIII). Многие факты балтийских языков нередко объяснялись сквозь славянскую «призму», значительная часть исконной литовской и латышской лексики интерпретировалась как заимствования из славянского. Крайнюю позицию в этом отношении занимал А. Брюкнер, который считал славизмами очень многие исконно балтийские слова, например, такие, как лит. *prašyti, remėsas, šāmas, vilpa* и даже числительные *devyni* и *tūkstantis* (Brückner 1877: 80, 121, 125, 140, 153). Более того, немалое число слов, заимствованных из литовского в западно- и восточнославянские языки, А. Брюкнер считал славизмами в литовском языке (лит. *arūodas, dirsa, kum̃pis, pākulos*,

* Статья под таким названием была опубликована в сборнике: Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986. С. 89–102.

sklūta(s), šūlas, veñteris и др.) (Ibid.: 68, 80, 99, 114, 132, 143, 152). Свою позицию А. Брюкнер пытался обосновать сомнительным тезисом о значительном культурном превосходстве славянских племен над балтийскими, что, по его мнению, предопределило одностороннюю направленность заимствований из славянских языков в балтийские. Многие ошибки А. Брюкнера были исправлены усилиями как его современников, так и ученых последующих поколений (в частности, П. Скарджюса и Э. Френкеля), но ряд его объяснений продолжает по традиции переходить из одного этимологического словаря в другой.

В наши дни идеи А. Брюкнера по вопросу о характере балто-славянских лексических связей наиболее последовательно продолжает О. Н. Трубачев. Он также многие исконно балтийские слова склонен считать славянскими заимствованиями, включая случаи, когда мы имеем дело, напротив, с заимствованиями из балтийского в славянский (например, лит. *káušas* → рус. *ковш* (Трубачев 1966: 302–303)).¹

Подобная позиция обосновывается аргументами, во многом напоминающими доводы А. Брюкнера. «Отличие славянской материальной культуры, — пишет О. Н. Трубачев, — довольно точно отраженное языком, терминологией, состоит в относительно более высоком уровне культуры, в том числе обработки дерева у славян сравнительно с балтами. Достаточно сказать, что, например, латыши были вынуждены заимствовать у немцев название такого важного орудия, как тесло — лтш. *slīmęsts* < н.-нем. *snīd(e)messet*. . . Славяне располагали исконным древнейшим названием тесла — праслав. **teslo*, **tesla* . . . » (Трубачев 1966: 167). Здесь, прежде всего, следует отметить, что и лтш. *slīmęsts*, и н.-нем. **snīd(e)messet* означают не 'тесло' (др.-в.-н. *dehsala*, совр. нем. *Dechsel*), а 'скобель, резец' (совр. нем. *Schneidmesser*), т. е. бондарный инструмент в виде ножа с двумя ручками (Kagainе 1983: I, 386, см. там же рисунок), в отличие от тесла — плотничьего топора — инструмента, который употребляется в совершенно иных целях. Затем, исконному славянскому (как и германскому) названию тесла соответствует также исконное его балтийское название: лтш. *tėšu*, *test* 'тесать' → *teslis* 'тесло', лит. *tašyti* 'тесать' → *tašiklis* (= *tašytuvas*) 'тесло'. Причем в балтийских языках название тесла имеет более развернутые словообразовательные связи, чем в славянских. Следовательно, в этом плане у нас нет оснований противопоставлять славянские языки бал-

¹О происхождении балтийских слов см.: Откупщиков 1970: 185–192. О критериях, определяющих направление заимствования из балтийского в славянский см.: Откупщиков 1973: 10–18.

тийским.

Против идей, изложенных в приведенном высказывании О. Н. Трубачева, справедливо возражала А. Реке́на (Reķēna 1975: 70–71). Однако и она считает лтш. *slīmēsts* германизмом. Между тем это предположение, вслед за А. Биленштейном (Bielenstein, 319–320) принятое в словаре К. Мюленбаха — Я. Эндзелина (Mühlenbach, III, 936), вызывает ряд сомнений. Прежде всего н.-нем. **snīd(e)messet* — это всего лишь реконструкция. Такого слова нет ни в словаре братьев Гримм, ни в нижненемецком словаре К. Шиллера или А. Люббена и К. Вальтера. А. Биленштейн гипотетически создал нижненемецкое слово, которое, по его мнению, должно было послужить источником заимствования лтш. *slīmēsts*, исходя из н.-нем. *snīden*, ‘резать’ и *messet* ‘нож’. Чтобы быть точным, эту форму следовало приводить, как и всякую реконструкцию, под звездочкой. Между тем, попав в словарь К. Мюленбаха — Я. Эндзелина, н.-нем. **snīd(e)messet* стало механически переходить из одной работы в другую как реальное нижненемецкое слово. Никто не удосужился проверить его по словарям или хотя бы внимательно прочитать А. Биленштейна, который писал, что слово, послужившее источником лтш. *slīmēsts*, в нижненемецком должно было иметь форму *snīd(e)messet* («*müsste es snīd(e)messet geheissen haben*» (Bielenstein, 320). Конечно, и в латышском, и в славянских языках немало ремесленных терминов германского происхождения. Но это совсем не значит, что до германизации соответствующей терминологии у балтов и славян не было аналогичных орудий и инструментов. Конечно же, скобель древнее бондарного ремесла, поэтому название этого инструмента вполне может быть у латышей исконно балтийским.

Реконструкция А. Биленштейна очень мало правдоподобна в фонетическом отношении. Она предполагает синкопирование двух гласных в процессе заимствования, и на месте четырехсложного немецкого слова оказывается двусложное латышское. Ни одного другого подобного примера А. Биленштейн не приводит. То, что первое *e* в н.-нем. **snīd(e)messet* поставлено в скобки — сделано совершенно произвольно, ибо все без исключения нижненемецкие композиты на *snīde-* сохраняют это *e* (Lübben, Walther 1888: 360). Вот почему утрата *d* в этом случае оказывается непонятной. Наконец, изменение *snī-* > *slī-* реконструируется ad hoc, ни одно немецкое слово на *sn-* не изменилось в процессе заимствования в латышский язык в *sl-*.² Н.-нем. *sn-* дает в ла-

²Если не считать совершенно фантастической реконструкции А. Биленштейна: **snī(d)berķis* → *slīberķis → *strīberķis* ‘волочи́льный станок бондаря’ (Bielenstein, 913).

тышском иногда *sp-* (н.-нем. *snikke* → лтш. *snīķis* ‘паром’ (Mühlenbach, III, 976), чаще же *šp-* (н.-нем. *snibbe* → лтш. *šnibe* ‘бекас’, н.-нем. *spog* → лтш. *špiobģe* ‘шнур’ (Mühlenbach IV, 88, 90). Главное же: при действительном заимствовании нижненемецкого слова с корнем *snīd-* мы имеем н.-нем. *snīder* (совр. нем. *Schneider*), *sniddeln* → *šnīderēt* ‘парезать’ (Mühlenbach IV, 89). Т.е. *sp-* → *šp*, а не **sl-*, корневое *d* никуда не исчезает, а количество слогов не только не сокращается, но даже увеличивается (очевидно, немецкий глагол воспринимался как **snideren*).

Подобным образом обстоят дела с таким важным фактором, как фонетическая субституция в процессе заимствования. Кроме того, гипотеза о немецком происхождении лтш. *slīmešts* не учитывает такой архаической формы слова, как *slīmesis*; ср.: лтш. *gemesis* ‘плотник’, *lemesis* ‘лемех’, *puvesis* ‘гной’, лит. *gemėsas* ‘плотник’, *ėdesis* ‘жратва’ и др. Все это — давно утратившие свою продуктивность редкие образования с расширенной древней и.-е. основой **-es* (Endzelin 1922: 275; Skardžius 1943: 312–313). Трудно себе представить, что во II тысячелетии н.э. в латышском языке могло возникнуть такое архаическое образование в результате какого-то переосмысления заимствованного немецкого слова. Кстати, формы *slīmesis* и *slīmešts* относятся одна к другой так же, как *gemesis* и *gemėšts* ‘ремесло’ (= лит. *gemėsas*: *gemėštas*). Здесь мы имеем дело с явно древними общебалтийскими словообразовательными связями, которые не могли сформироваться в сравнительно позднее время — независимо в латышском и литовском языке — в результате преобразования заимствованной лексики.

Наконец, при освещении вопроса об этимологии лтш. *slīmešts*/*slīmesis* совершенно было оставлено в стороне важное слово *slīmēt* — с двумя значениями: 1) ‘скоблить’ и 2) ‘бездсльничать’ (Mühlenbach, VI, 527). Именно как производные этого глагола должны рассматриваться лтш. *slīmešts* и *slīmesis* — и опять в двух значениях: 1) ‘скобель’ и 2) ‘бездельник’; ср. семантически лтш. *teslis* ‘тесло’ и *teslis* ‘лентяй, бездельник’.³

Но если бы даже лтш. *slīmešts* действительно оказалось заимствованием из немецкого, то и в этом случае нельзя подобными аргумен-

---

На самом деле лтш. *strīberķis* было заимствовано из н.-нем. *strikenbeke* (Mühlenbach, III, 1091). См. также: Kagaine 1972: I, 173 (где среди фонетических вариантов латышских германизмов нет ни одного случая с вариантом *sp-* > *sl-*).

³Важно отметить, что подавляющее большинство латышских германизмов моносемантически, на их основе обычно не развиваются производные значения (см.: Kagaine 1972: 184).

тами обосновывать высший или низший культурный уровень того или иного народа. Иначе английский язык, в котором более 50% лексики из самых разных областей материальной и духовной культуры составляют романские заимствования, свидетельствовал бы о крайне низком культурном уровне англичан, особенно по сравнению, например, с исландцами, в языке которых количество заимствований крайне невелико. Кроме того, трудно сказать, где мы найдем больше немецких заимствований в области бондарного ремесла — в латышском языке или в славянских. Ведь и рус. *бондарь*, и *бочка*, и многочисленные названия бондарных и плотничьих инструментов — как в русском, так и в других славянских языках — немецкого происхождения (Трубачев 1966: 168).⁴ Отнесение к «древнейшим терминам славянского бондарного дела» таких «праславянских новообразований», как *obgrǫčь, *obvodъ, *klepati (там же: 167), также не убеждает, ибо (пользуясь терминологией самого О. Н. Трубачева) ни один из этих терминов не является «генуинным»; ср. др.-рус. *обручь* = лит. arūpankis ‘браслет’, лтш. arguocis ‘манжета’, рус. *обод* = лит. ārvadas ‘обод (колеса)’, ср. также рус. диал. *клепítь* ‘отбивать косу’ и лит. klėpuči ‘стучать’. Следовательно, речь здесь должна идти не об исконной славянской бондарной терминологии, а о сравнительно поздних переносных значениях слов, исходные значения которых восходят к эпохе более древней, чем праславянская.

Наконец, несколько слов об уровне культуры обработки дерева у славян и у балтов. А. Биленштейн в своем фундаментальном труде наглядно показал исключительную близость строительной техники и плотничьего ремесла у латышей (resp. литовцев) и славян (Bielenstein, 11). Азами плотничьего искусства славяне и балты овладели, разумеется, задолго до II тыс. н. э. А археологические памятники балтов и славян VII–IX вв. отражают настолько сходный уровень материальной культуры, что археологи сплошь и рядом не в состоянии отличить древностей балтов от древностей славян (Ляпушкин 1968: 89 и сл.). Более того, наряду с несомненными заимствованиями из славянских языков в балтийские мы встречаемся именно в области обработки дерева и строительного дела со значительным числом заимствований из балтийских языков в славянские (главным образом в польский, белорусский и русский). Сюда можно отнести названия таких орудий труда, как *склют* ‘тесло’ (рус., блр., укр., пол.), *кúшпель* ‘короткий нож’ (блр., пол.), пол.

⁴Ср. в то же время исконные лтш. stīpa ‘обруч’, stīpnazis ‘скобель’ (= slīmēsts — Reķēna 1975: 70), stīpnieks ‘бондарь’ и др.

skartuk ‘нож для изготовления ложек’ и др. Названия построек и их частей: *arúd* ‘закром’ (рус., блр., пол.), *svýron* ‘амбар’ (рус., блр., укр., пол.), *púня* ‘сарай’ (рус., блр., пол.), *prýmen* ‘сени’ (блр., укр., пол.), *шўло* ‘столб’ (рус., блр., укр., пол.), *атрама* ‘балка (в избе)’ (блр., пол.) и т. д. Названия деревянных сосудов: *ковш*, *яндová*, *жлўкта* (рус., блр., укр., пол.), *вондера* ‘бочка для зерна’ (блр., пол.) и др. Литовское название плотника *dailidė* было заимствовано в ст.-блр. *доилица*, блр. *дóйлід* (также в укр. и пол.), ср. еще *скултодоилица* ‘плотник’ и *ратодаица* ‘колесник’.⁵ Все это плохо вяжется с представлениями об отсталости балтов в области искусства обработки дерева и об односторонней направленности заимствований из славянских языков в балтийские.

Сто лет тому назад языковая ситуация в Литве в условиях царского самодержавия сложилась так, что литовский язык оказался близким к вымиранию. Выражения типа *rojezdas opozdavo* вместо *traukinys pavėlavo* стали все чаще встречаться в речи литовцев. Литовский язык все более и более утрачивал свои позиции. Психологически можно понять носителей литовского языка, которые в условиях все возрастающего проникновения славянской лексики в их родной язык стали всякие созвучные слова воспринимать как славизмы. И когда позднее наступил период господства гиперпуристических тенденций, большое число исконных литовских слов, имеющих близкие соответствия в славянских языках, было объявлено «славизмами», и многие литовские интеллигенты избегали их употребления. Против этой ошибочной тенденции решительно выступил К. Буга, писавший, что *grašyti* — такое же литовское слово, как *просить* — русское. Он перечислил большое количество исконных литовских слов, которые без всяких оснований изгонялись из письменного литовского языка (Būga 1959: II, 165).

Мне уже приходилось отмечать, что число предполагаемых славизмов и германизмов в балтийских языках и в наши дни сильно преувеличено (Откупщиков 1967: 212). Парадоксально, что, нередко давая балтийскую этимологию славянскому или германскому слову, исследователи считают, что соответствующие балтийские слова были заимствованы из германского (resp. славянского), хотя они естественно вписываются в рамки тех фонетических, словообразовательных и семантиче-

⁵Примеры даны по словарю (Лаучюте 1982). Орфография приводится в форме какого-либо одного славянского языка. См. также: Лаучюте 1975: 145–161. В последней работе — именно на основании анализа славянских балтизмов — делается убедительный вывод о «высоком уровне культуры обработки дерева у древних балтов» (там же: 157).

ских закономерностей, которые лежат в основе предложенной этимологии (см., напр., очерк на с. 178–184).

Все эти факты заставили меня обратиться к анализу мнимых славизмов в балтийских языках. Предпочтение при этом будет отдаваться рассмотрению тех слов, славянское происхождение которых практически признано всеми или многими исследователями.

1. Лит. *grāstas*, лтш. *prasts* ‘простой, плохой’

Большинство авторов считают балтийские слова славизмами (Brückner, 121; Skardžius 1931: 176; Фасмер, III, 380; Fraenkel, 646 и др.). Этимология славянских слов (рус. *простой* и др.) обычно объясняется, исходя из балтийского материала (Фасмер, III, 380). Ср. лит. *ar-stas* и *ar-stūs* ‘обильный’, *āt-stas* ‘отдаленный’, *piū-stas ‘удаленный’; ср. лтш. *piū-stan* ‘прочь’ и лит. *piū-stais* ‘бесполезно’. Сюда же следует добавить также *pā-stas* ‘последний’. Лит. *grā-stas* естественно входит в этот же словообразовательный ряд (приставка плюс глагольная основа **stā-/stə-* ‘стоять’). В славянских языках нет подобной словообразовательной модели, которая должна была бы дать **об(ъ)-стѣ*, **от(ъ)-стѣ*, *на-стѣ, *по-стѣ. Слово *про-стѣ* в этом отношении представляет собой (в отличие от балтийских языков) изолированный случай.

Исключительная продуктивность балтийской основы *grast-* в словосложениях и суффиксальных производных, отражающих весьма архаичные словообразовательные типы, также свидетельствует в пользу исконности балтийских слов. Обращает на себя внимание многозначность лит. *grāstas* и его производных, причем сумма этих значений отнюдь не совпадает со славянскими. Производные основы *grast-* широко представлены в специальной терминологии: *grastymaī* ‘особый вид выделки ткани’, *grastynà* ‘неунавоженное поле, на котором ничего не растет’, *grastinūs* ‘домашняя двунитная ткань’. Показательно, что в тех случаях, когда словообразовательное оформление совпадает в балтийском и славянском, четко проступают существенные семантические различия: лит. *grastynà* ‘неунавоженное поле’ — рус. диал. *простина* ‘простота’, лит. *grastuoti* ‘есть простую пищу’ — рус. *простать* ‘освобождать’. Это свидетельствует о самостоятельном развитии форм и значений в том и другом языке.⁶

⁶Исключение: лит. *grastinūs* ‘домашняя двунитная ткань’ и рус. диал. *простень* ‘веревка’.

В литовском языке весьма распространен древний индоевропейский тип образования прилагательных на *-ĭ-os (например, *svet-ĭ-as > svėčias ‘чужой’). Этот же тип засвидетельствован и у прилагательных на -stas: apstas = āpsčias, prāstas = prāsčias и др. Основа prasč- имеет довольно широкое распространение: prasčiūgas, prasčiōkas (= prastōkas) — с превосходной степенью prasčiokiāusias и др.

Весьма показательным является сопоставление лит. prastōkas ‘простоватый’ и рус. *простак* (также блр. и пол.). В русском языке имена, обозначающие поміпа agentis на -ак обычно или заимствования (*батрак, байбак, лайдак, казак*), или образованы не от прилагательных (*рыбак, чудака, ведьмак, дурак, бурсак, мастак*; ср. также: *гусак, рысак* и др.). Кажется, только *простак* и явное новообразование *левак* соотносимы с соответствующими прилагательными. В то же время практически любое литовское прилагательное на -as может иметь производное на -ōkas — с несколько ослабленным значением основного прилагательного (LKG, II, 564): baltōkas ‘беловатый’, mažōkas ‘маловатый’ и т. д. Образуют такие производные и литовские прилагательные на -stas: prāstas → prastōkas ‘простоватый’ = apstas ‘обильный’ → apstōkas ‘довольно обильный’ = ātstas ‘далекий’ → atstōkas ‘далековатый’ и т. п. В результате субстантивации прилагательное ‘простоватый’, естественно, приобретает значение ‘простак’ (лит. prastōkas).

Очень интересными представляются образования на -ata(s), входящие к прилагательному на -stas. Здесь в модели ātstas ‘от-, удаленный’ → atstatà ‘удаление’ → atstatyti ‘удалять’, в силу явно глагольного значения абстрактного производного на -atà, происходит переосмысление мотивации, и существительное atstatà начинает восприниматься как производное от atstatyti (особенно — во вторичных значениях). В то же время славянские образования типа рус. *краснота, кислота, немота, прямота* и т. п. говорят о том, что производящей основой этих существительных были соответствующие прилагательные. У производных типа apstatà ‘обилие’, а особенно — įstatas, įstatà ‘правило, установление’, priestatas ‘пристойка’, užstas ‘залог’ и др. — еще отчетливее выступает связь с индоевропейским глагольным корнем *stā-/*stə-, ибо лит. -statas = греч. στατός, лат. status, а также окончательно укрепилась мотивационная связь с глаголами на -statyti — уже в силу того, что не сохранились прилагательные *įstas, *priestas, *ųžstas. Лит. prastatà ‘плохое питание’ передает типичное для литов-

тено с навоём пряжи в две нити’ (Даль, III, 513). Эта важная балто-славянская изоглосса из области текстильной лексики, кажется, до сих пор не была отмечена в литературе.

ского языка конкретное значение — сравнительно с абстрактным рус. *простота* (ср. в этом плане также лит. *prastynà* ‘неунавоженное поле’ и рус. диал. *простинá* ‘простота’). Из неотмеченных в литературе балто-славянских изоглосс среди производных *prast-/–прост-* можно указать на лит. *prastūpas* ‘простой, необразованный человек’ и рус. диал. *простыня* (тверск. — Даль) ‘простак; смиренный или глуповатый’, укр. *простиня́* ‘простой, негордый человек’ — (Гринченко, III, 481). Заимствование в том или ином направлении здесь исключено по фонетическим причинам (в литовском заимствование дало бы *prastūinas, а в русском — *простун).

Итак, лит. *prāstas*, лтш. *prasts* убедительным образом этимологизируются на балтийской почве, они неразрывно связаны со сложной системой словообразовательных отношений, в то время как рус. *простой* и другие родственные славянские соответствия этимологически оказываются совершенно изолированными. Однако из этого не следует делать вывод о том, что перед нами — заимствование из балтийского в славянский, подобно тому, как наличие пары лит. *gėpkù* ‘собираю’ → *gąpkà* ‘рука’ и этимологически изолированное положение слова *рука* в русском и других славянских языках не может служить достаточным основанием для того, чтобы считать слово *рука* балтизмом, как, считали, например, Я. Розвадовский (Rozwadowski 1912: 25) и Н. И. Толстой (1969: 47).

Наконец, в словаре К. Мюленбаха — Я. Эндзеллина в статье *prasts* приводятся возражения против не очень удачной этимологии К. Буги. В этой связи, в очень осторожной форме («wohl eher») высказывается предположение о возможном заимствовании балтийских слов из славянского (Mühlenbach, III, 378). М. Фасмер (III, 380), ссылаясь именно на это место латышского словаря, уже в категорической форме пишет о заимствовании. К сожалению, подобная практика обычна даже в солидных этимологических словарях.

**2. Лит. *kuodėlis* ‘кудель, прядево;
хохол, завиток’,
лтш. *kuðdelis* ‘кудель; прялка, веретено’**

Славянское происхождение балтийских слов по существу общепризнано (см. (Фасмер, II, 399) и (Fraenkel, 311) — со ссылками на литературу). Однако убедительных аргументов в пользу заимствования из славянского в балтийский никем приведено не было. В основном

дело сводилось к попыткам объяснить некоторые затруднения, возникающие при допущении славянского источника балтийских слов. Но в этом случае возникает еще больше затруднений, на которые обычно просто не обращали внимания.

Прежде всего в литовских славизмах русское (resp. блр., пол.) *у*, восходящее как к *оу*, так и к **Ж**, последовательно передается посредством *ū*, реже — *и*, но не *uo*: *дума* — *dūmā*, *капу́ста* — *kapūstai*, *кумъ* — *kūmas*, *умъ* — *ūmas*, *худъ* — *kūdas*, *куколь* — *kūkālis*, *судъ* — *sūdas* и др. (ср. также *рубѣжь* — *rubėžius*). В плане четко выраженной фонетической субституции пара *кудель* — *kuodėlis* явно выпадает из приведенного ряда. Во всей книге П. Скарджюса (Skardžius 1931) имеется только один пример передачи славянского (блр. или рус.) *у* посредством литовского *uo* — это *kuodėlis*.

Особую трудность при обосновании гипотезы о заимствовании балтийских названий *кудели* из славянского представляет наличие простых непроемных образований (лит. *kuōdas* ‘чуб, хохол’, лтш. *kuoda* ‘кудель’), которых нет ни в одном славянском языке. Выход был найден в предположении, что лит. *kuōdas* — вторичное образование от «мнимо» уменьшительного *kuodėlis* (Mühlenbach, 340 — под знаком вопроса, Fraenkel, 311 — уже без колебаний). Подобного рода регрессивная деривация, в принципе, возможна (христоматийный пример: голл. *zondek* ‘прикрытие от солнца’ → рус. *зонтикъ* → *зонть*). Однако подобные случаи составляют весьма незначительный процент сравнительно со случаями прямой деривации, и предположенное объяснение отличается скорее своим остроумием, нежели убедительностью.

Показательно, что простая основа *kuod-* очень продуктивна в литовском языке (в латышском она совпала с омонимичной основой *kuod-* ‘кусать; моль’). В русском языке нет глаголов, образованных от простой основы *куд-*, а только от производной основы *кудел-*: *кудельить(ся)*, *кудельничать*. В литовском языке подобные глаголы есть, причем они отличаются своей многозначностью: *kuōdyti(s)* ‘драть(ся)’, ‘быстро есть’, *kuōduoti* ‘бить, таскать за волосы; гордиться’ и др. (всего 8 значений). Если русское слово *кудель* было в качестве специального термина заимствовано в литовский и латышские языки, затем в каждом из них в отдельности — в результате ошибочной регрессивной деривации — возникли образования с простой основой *kuod-*, то почему лит. *kuōdas* ‘чуб, хохол’ не сохранило никаких следов своего терминологического значения? Более того, лит. *kuodūs* ‘хохлатый жаворонок’ и *kuōdėpa* ‘хохлатка (утка)’, ‘растрѣпа’ свидетельствуют о

глубокой древности значения ‘чуб, хохол’. Чрезвычайно важным здесь является слово *kuõðena* ‘хохлатка’. П. Скарджюс особо подчеркивает исключительную древность, редкость и очень раннюю утрату продуктивности литовских образований на *-ena* (Skardžius 1943: 228–229). Это полностью исключает возможность вторичного образования *kuõðas* из *kuodēlis*, сравнительно поздно заимствованного из русского или белорусского языка. У рус. *кудель* до сих пор нет удовлетворительной этимологии. Ссылка на лит. *kedėnti* ‘терebить, трепaть’ (Mühlenbach, II, 359 — вслед за Э. Бернекером) была справедливо отвергнута Э. Френкелем (Fraenkel, 233) и О. Н. Трубачевым (1960в: 140–141). Последний предлагает новую этимологию: *кудель* и *кудло* он делит на префикс **kr-* плюс корень *děl-, del-, dyl-*, и сопоставляет их с *кудeрь, кудри* и т. д., которые также рассматриваются как образования с тем же префиксом плюс корень *deг-, dьг-, dr-*. Слово *кучерявый*, как полагает О. Н. Трубачев, «не имеет сюда никакого отношения», а *кужель* = *кудель* вообще не рассматривается (там же). В другом месте тот же автор, вслед за Микколой, принимает реконструкцию *кужель* < **kgr̥zel* (Трубачев 1966: 98) — под влиянием слова *кудель*. К сожалению, во всех этих построениях и предположениях многое не убеждает. Прежде всего выделение «префикса» *ку-* в словах *кудель* и *кудeрь* предлагается ad hoc. Автор не приводит ни одного славянского примера с этим префиксом. Затем, если *кудель* ‘кудель, пучок пряжи’ и *кудель* ‘завиток волос’ вполне сопоставимы, то почему следует резко разграничивать *кудель*, мн. число *кúд(е)ри* и *кúчери*,⁷ хотя они обладают одним и тем же значением? Обращает на себя внимание тот факт, что из 8 значений, приведенных для слова *кужель* в СРНГ, 7 значений совпадает со словом *кудель* (*куделя*). А восьмое значение — ‘часть прялки’ — очень близко к значению ‘прялка’, засвидетельствованному для соответствий рус. *кудель* в целом ряде славянских языков. Формы *кудель, кужель, кудeрь* и *кучeрь* (из мн. ч. *кучeри*) объединяет не только близость или даже идентичность значений, но и общность их производных, также обладающих одинаковыми значениями (например, *кужелеватый* = *кудреватый, кужлявый* = *кудрявый* = *кучерявый* и др.). При сопоставлении слов *кудель* и *кудeрь* речь, очевидно, должна идти о мене суф. *-л-* и *-р-*. То же самое относится к случаям типа *куже-л-ь* = *куже-н-ь* (ср. рус. диал. *буче-л* = *буче-н-ь* ‘выпь’). Сложнее обстоит дело с расхождением между *д* (*кудель, кудeрь*), *г* > *ж* (*кужель*) и

⁷Здесь и ниже примеры из русских диалектов (там, где нет ссылок на В. Даля) даны по СРНГ. Балтийский материал всюду приводится по словарям Mühlenbach’a и LKŽ.

к > ч (кучери). В принципе, можно было бы считать, что форма с *ž* представляет собой праславянский диалектизм, получивший широкое распространение (ср. рус. *кудель*, пол. *kaździel*, н.-луж. *kužel*). Однако распространенные в балто-славянском ареале суффиксальные чередования типа лтш. *skabaŕ-d-a = skabaŕ-g-a* ‘щепка’ (Specht 1944: 219), лит. *stan-d-ùs* ‘тугой’ — *stan-g-ùs* ‘упругий’ (Fraenkel, 895 предполагают здесь наличие суффиксальных вариантов) позволяют подойти к вопросу о соотношении *кудель* и *кужель* иначе.⁸ И здесь вновь придется обратиться к балтийскому материалу.

Наряду с *kuõdas* ‘чуб, хохол’, в литовском языке значительное распространение имеют названия снопа или небольшой копны сена: *kúodis*, (*kuõdis*), *kuõdė*. В словообразовательном отношении приведенные слова различаются не более, чем лит. *kaĩdas = kándis* (*kandis*) = *kándė* (*kandė*) ‘моль’. Причем показательно, что *kuõdis* имеет параллельную форму *kuõgis*, а *kuõdė* — *kuõgė* и *kúogė* (LKŽ, VI, 904–906). Связь между значениями ‘сноп, копна’ и ‘чуб, хохол’ отчетливо выступает у лит. *kuõgė* ‘голова с растрепанными волосами’ (ср. типологически: рус. *копна волос*). Следовательно, соотношение между лит. *kuõdė = kúogė* полностью совпадает с соотношением рус. *ку-д-ель = ку-ж-ель*.

Лит. *kuõdas* ‘чуб, хохол’ этимологически можно сопоставить с *kúokštas* ‘пук, пучок, клоч’. Поскольку литовский суф. *-št-* (после *g* и *k*: *-št-*) часто «наслаивается» на слово, не меняя его значения (например, *baĩgas = bang-št-as* ‘буря’, *darbùs = darb-št-ùs* ‘работающий’ и т. д.), мы можем по этой модели реконструировать лит. **kuokas (= kúok-št-as)*. Косвенно надежность этой реконструкции подтверждается наличием лтш. *kauka* ‘чуб’ — слова, которое еще Р. Траутман сопоставил с рус. *кучери* (Trautmann, 121). Для соотношения *ио* и *аи* ср. лит. *gúožtis = gaũžtis* ‘съеживаться’, *kúogė = káugė* ‘сноп’ и мн. др.

Таким образом, в балтийском можно выделить не только основы *kuod-* и *kuog-*, но также и *kuok-*, в полном соответствии с рус. *ку-д-*

⁸Подробнее о балто-славянском чередовании суффиксальных *d/g* см. в кн.: (Откупщиков 1967: 156 слл.). Там же приведены и другие — как балтийские, так и славянские — примеры. Здесь не место подробно останавливаться на вопросе о происхождении этих чередований. Как показывает указанное в предыдущей ссылке фундаментальное исследование Ф. Шпехта, в индоевропейских языках суффиксальные чередования имели очень широкое распространение. Если же эти чередования в балто-славянском вторичны по своему происхождению и в их основе лежат фонетические изменения (точка зрения О. Н. Трубачева, см. ЭССЯ, 5, 127 — применительно только к слову *дрозд*), то обращает на себя внимание полное совпадение в направленности этих фонетических изменений в балтийских и славянских языках — в отличие от всех других индоевропейских языков.

ель, ку-ж-ель и ку-ч-ери. Тем самым балтийский языковой материал не только доказывает исконность лит. *kuodėlis* и лтш. *kuðdelis*, но и проливает свет на соотношение славянских родственных слов, которые не обладают столь обширной суммой словообразовательных связей, как это имеет место в балтийских языках.

3. Лит. *bėdókas* ‘бедняга’

Принято считать, что это литовское слово было заимствовано из пол. *biedak idem* (LKŽ, I, 710). Однако это предположение трудно считать убедительным. Прежде всего этому противоречит фонетика. Славянское *bėd-* при заимствовании в литовский весьма последовательно дает *bied-* (например, *biėdnas, biednėti*), а форма корня *bėd-* — характерная особенность исконно литовских слов (Fraenkel, 38). Как и во многих других случаях, исключительная близость балтийской и славянской словообразовательных систем привела к тому, что среди производных корня *bėd-/bėd-* имеется большое количество изоглосс: лит. *bėdà*, лтш. *bėda* = ст.-сл. **БѢДА** (и другие славянские соответствия), лит. *bėdinas* = др.-рус. *бѣдныи*, лит. *bėdyti* = др.-рус. *бѣдити* ‘мучить’, лит. *bėdingas* ‘несчастный’ = рус. диал. *бѣдыга* (Даль), укр. *бідяга*, лит. *bėdningas idem* = рус. *бедняга*, лтш. *bėdnieks* = др.-рус. *бѣдникъ*, укр. *бідник*, чеш. *biėdník*, с.-хрв., *бѣднѣк*,⁹ лит. *bėdùs* ‘тяжелый’, *bėdù* ‘тяжело’ = рус. диал. *бедкий ‘тяжелый’, *бедко* ‘тяжело’.¹⁰ К этому же списку изоглосс следует отнести и лит. *bėdókas* — пол. *biedak*, чеш. *biėák*, укр. *бїдак*. В сербохорватском языке слово *бѣдак* имеет несколько отличное (явно вторичное) значение: ‘дурак, глупец’. В русском языке слово фактически отсутствует. Единственная фиксация рус. диал. *бѣдák* (знач.?), в связи с ареалом (новг.), заставляет предполагать заимствование из польского или, скорее, из литовского (место ударения!), нежели видеть здесь реликтовое слово. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в литовском языке *bėdóti* →

⁹Если лтш. *-ieks* восходит к прибалтийскому **-enkas*, а не **-ei-kas* (см.: Endzelin 1922: 265), то лтш. *bėdnieks* в словообразовательном плане следует сопоставить с рус. *бедняк*, а не с укр. *бідник*.

¹⁰Соотношение между *bėdùs* и *бедкий (из *бедко*) аналогично весьма многочисленным случаям (около 100 примеров), когда литовские прилагательные на *-ùs* имеют точные славянские соответствия на *-ѣк-*: лит. *saldùs* — ст.-сл. **СЛАДЪКЪ**, *glodùs* — **ГЛАДЪКЪ**, *gramžùs* — рус. диал. *грузкий*, *lavùs* — рус. *ловкий* и др. См. в связи с этим: (Откупщиков 1983а: 23–39).

bédókas входит в весьма распространенную словообразовательную модель: klajóti → klajókas 'скиталец', maróti → marókas 'обжора' и т. д. (Skardžius 1943: 132). В русском языке нет глагола *бедать, к тому же указанная модель дает в русском языке не поміна agentis, а поміна instrumenti: тесать → тесак, черпать → черпак и т. д. В то же время в западнославянских языках имеются девербативные поміна agentis на -ак-: чеш. zpívati 'петь' → zpěvák 'певец', pásati 'пасти' → pasák 'пастух' (Бернштейн 1974: 279), пол. biadać 'страдать' → biedak 'бедняга' (в плане огласовки корня ср. пол. biada = bieda).

Приведенные факты убедительно говорят о том, что перед нами — изоглосса, охватывающая лишь часть славянского и часть балтийского ареала (среди балто-славянских лексических соответствий количество такого рода изоглосс особенно велико). И у нас нет никаких оснований считать лит. bédókas заимствованием из польского языка.

4. Лит. latākas, лтш. lataka 'желоб'

Почти все исследователи считают эти балтийские слова славянскими заимствованиями (Brückner, 102; Skardžius 1931: 118; Фасмер, II, 523; Fraenkel, 342 и др.). Между тем детального анализа балтийского материала до сих пор никто не проводил. А такой анализ с неизбежностью приводит к выводу об исконности балтийских слов, о чем свидетельствуют следующие аргументы.

1) И лит. latākas, и рус. (диал.) лоток — многозначные слова. Причем, сумма значений — как совпадающих, так и расходящихся — очень велика. Совпадают, например, такие значения, как 'желоб', 'водосток', а также лит. latākas 'канавка для стока воды на ржаном поле' — рус. диал. лоток 'борозда для стока воды на поле с озимыми'. В то же время значения 'струя', 'сосулька', 'лужа', 'полоса земли' отсутствуют у русского слова, а значения 'деревянная посуда, корыто', 'лодка-плоскодонка', 'совок' не засвидетельствованы у балтийских слов. Все это говорит скорее об исконном родстве с последующим самостоятельным развитием значений, нежели о заимствовании.

2) Ареал: слово засвидетельствовано в обоих балтийских языках, с одной стороны, и только в восточнославянском и польском — с другой. Подобное ареальное распределение является типичным для славянских балтизмов (Лаучюте, 9–26), а не для балтийских славизмов, хотя оно нередко встречается и в случаях исконного родства.

3) Словообразовательная изолированность славянского слова — в отличие от большого количества типично балтийских словообразовательных вариантов, особенно — в литовском языке:

а) прежде всего следует отметить известное и.-е. чередование **e/*o* в составе суффикса; для суффиксального *-t-*, например, это чередование можно отметить в лит. *válketa = vālkata* ‘бродяга’, а также в рус. *лепета = лепота* и др.; для суф. *-k-*: лтш. *līdēka = līdaka* ‘щука’. Это же чередование (отсутствующее в данном случае в славянском) засвидетельствовано у анализируемых слов в обоих балтийских языках: лтш. *lētēka = lataka* ‘желоб’, лит. *latēkas = latākas* ‘поток, струя’;

б) то же чередование **e/*o* одновременно в корне и суффиксе: лит. *lētēka = latākas* ‘желобок или трубочка для стекания березового или кленового сока’, лтш. *lētēka = lataka* ‘сосулька’, ср. лит. *letēkas* — с тем же значением; древность подобного чередования, давно утратившего свою продуктивность, косвенно подтверждается наличием подобного же реликтового чередования в славянском; ср. рус. *лепет(ать)* и *лопот(ать)*.¹¹

4) Как отметил К. Буга (*Būga*, I, 457), обе балтийские аблаутные формы (лит. *latākas* и *letēkas*) нашли совершенно адекватное отражение в финских заимствованиях: *lotakko* и *lätäkko* ‘лужа, лужица’. Поскольку балтийские заимствования в прибалтийско-финские языки древнее германских и намного древнее славянских заимствований,¹² ставить вопрос о заимствовании лит. *latākas* и лтш. *lataka* из славянского (причем, в сравнительно позднюю эпоху) — просто некорректно.

5) Что касается этимологии рассматриваемых слов, то уже К. Буга сопоставил их (в древних значениях ‘поток, струя; лужа’) с лат. *latic* ‘влага, жидкость, сок’ (*Būga*, I, 457). Основа латинского слова *latek-* полностью совпадает с лит. *latek-as*. К. Буга приводит также ряд литовских гидронимов с основой *Lat-*. Правда, К. Буге остались, видимо, неизвестными географические названия, которые совпадают с интересующими нас словами не только в корне (*Lat-*), но и в суффиксальной части. Это, в первую очередь, названия рек *Latakā* и *Latekšņa* (*Vanagas*, 1981, 182), причем древность последнего гидронима подтверждается полным совпадением его основы с основой лат. *la-*

¹¹Лит. *ledtēkas* и лтш. *lėd(s)tēka* ‘сосулька’ — типичный пример народной этимологии, ибо из значения ‘сосулька’ едва ли можно вывести остальные значения балтийских слов, а из значения ‘водосток’ значение ‘сосулька’ выводится естественно (по месту образования).

¹²Обычно балтийские заимствования в прибалтийско-финские языки датируются II тыс. до н. э.; см. (Основы финно-угорского языкознания 1975: 116 и 119).

tex 'жидкость'. Поскольку в литовском языке имеется четкий деривационный тип *gùkti* 'морщиться' → *gukšpà* 'угрюмец' (= 'тот, кто морщится'), *veĩkti* 'плакать' → *vėrkšpa* 'плакса', *vilgti* 'сыреть' → *vilgšpas* 'влажный' — тип, отличающийся большой древностью (Skardžius 1943: 219), — гидроним *Latekšna* (ùpė) 'текучая (река)' можно возвести к глаголу **latekti* 'течь'; ср. типологически *Tėkančioji* (ùpė) 'текучая (река)' — к *tekėti* 'течь'. Конечно, заманчиво было бы вторую часть реконструированного таким образом глагола сопоставить с **tekti* > рус. *течь* и с лит. *tekėti* 'течь', но начальное *la-* в этом случае остается неясным. Поэтому логичнее будет, вслед за К. Бугой, выделить корень **let-/ *lot-* 'течь' (с суффиксальным **-ek-/ *-ok-*), причем, быть может, к нему следует отнести рус. диал. *лететь* 'течь (о ручье, крови, дожде)', см. СРНГ XVII, 16. Наконец, К. Бугой не отмечен важный топоним в юго-восточной Литве *Latākiškiai* (в польской передаче — *Łotakiszki*) (Sł. GKP, V, 740) — с широко распространенным в литовской топонимике суф. *-išk-*, ср., например, *kálnas* → *Kálniškiai* и *latākas* → *Latākiškiai*. В пользу изложенной этимологии К. Буги говорит также типологическая общность гидронимов *Tekurys* (к *tekėti* 'течь' и *ùpė* 'река') и *Laturys* (к **let-/ *lat-* 'течь' и *ùpė* 'река') (Vanagas 1970: 102, 252). Широкое распространение гидронимических основ *Lat-*, *Latak-* и *Latek-* в литовской топонимике — еще одно свидетельство в пользу как древности, так и исконности рассмотренных выше балтийских слов.

* *
*

Настоящие очерки в известной мере являются продолжением поисков исконной балтийской лексики среди литовских и латышских слов, традиционно или отдельными исследователями относимых к германизмам и славизмам. Ранее автор выдвигал аргументы в пользу исконного, а не заимствованного характера таких слов, как лит. *keĩstas* = *kaĩstas* 'гроб', лтш. *škirsts* 'ящик, сундук, гроб', лтш. *škindala*, *šķendala* 'шепка', лит. *staidas*, *stainas* 'стойло, конюшня' (все примеры из кн.: Откупщиков 1967: 182, 211–212), лит. *klėpas*, лтш. *klāips* 'хлеб' (Откупщиков 1973: 86), лит. *kaũšas*, лтш. *kaũss* 'ковш' (Откупщиков 1970: 185–192; 1973: 10–18), лит. *remėsis*, лтш. *remesis* 'плотник', лит. *remėslas* и *remėstas* 'ремесло' (Откупщиков 1971: 123–128), лит. *guĩbas* 'корзина' (Откупщиков 1976: 65–72). Приведенные в статье примеры являются лишь выборочными. Они будут продолжены в серии последующих публикаций.

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ РЕМЕСЛЕННАЯ ЛЕКСИКА (названия металлов, металлургия, кузнечное дело)*

Уже давно и надежно установлена исключительная близость лексики балтийских и славянских языков. Очень важно отметить качественное отличие балто-славянских от большинства других индоевропейских лексических изоглосс. Здесь обычно мы имеем дело с цельнолексемными, а не с корневыми соответствиями, причем совпадают во многих случаях не отдельные формы слов, а целые «пучки» словообразовательных и словоизменительных форм. Так, изоглосса ст.-сл. **НЄСТИ** — др.-гр. ἐνεϋχεῖν 'нести', конечно же, не может быть поставлена в один ряд с соответствиями типа **НЄСТИ** — лит. nèšti, не говоря уже о большом количестве достаточно сложных производных, например: лит. peš-a-m-a-ja = рус. нес-о-м-у-ю (вин. п. ед. ч. причастия ж. р.).

Многие десятки изоглосс объединяют ремесленную лексику балтов и славян. Поскольку при решении спорных вопросов балтийского и славянского этно- и глоттогенеза важную роль должно сыграть объединение усилий археологов и лингвистов, имеет смысл при ограничении анализируемого лексического материала выбрать такую группу слов, которая отражает реалии, более доступные археологическим наблюдениям и датировке. Именно такую группу лексики составляют слова, связанные с добычей, выплавкой и обработкой металлов, с кузнечным делом.

Хорошо известно, что выплавка и обработка металлов по сравнению с плетением, ткачеством, обработкой дерева и гончарным делом датируется более поздней эпохой. Поскольку начало выплавки железа относится не ранее, чем к концу II тыс. до н. э., формирование значительной части лексики, связанной с древнейшей металлургией и кузнечным делом, получает достаточно четкие хронологические границы: между концом неолита и началом железного века (с учетом ареальных расхождений при более точной датировке). Отсутствие общеиндоевропейских названий металлов и связанной с ними лексики говорит о начавшемся или о происшедшем уже распаде индоевропейского языкового единства. А наличие отдельных изоглосс может свидетельствовать о параллельном использовании общего индоевропейского наследия в

---

* Статья под таким названием была опубликована в сборнике: Славяне: Этногенез и этническая история / Под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. Л., 1989. С. 44–52.

процессе формирования новой ремесленной лексики или об общности культуры соответствующих индоевропейских ареалов.¹ Для последнего случая типичны также совместные заимствования из общего источника.

Пестрота индоевропейских названий металлов ясно вырисовывается из следующей таблицы:

Лат.	Др.-гр.	Др.-инд.	Др.-в.-н.	Др.-рус.
aurum	χρυσός	hiranya	gold	золото
argentum	ἄργυρος	rajata-	silabar	серебро
aes, aeris	χαλκός	loha-	kupfar	мьдь
stannum	κασσίτερος	trapu-	zin	олово
plumbum	μόλυβδος	sisa-	blio	свинць
ferrum	σίδηρος	ayas-	īsarn	жельзо

Названия золота и серебра имеют свои особенности. Золото, находящее в слитках, безусловно, должно было быть известно древним индоевропейцам. Возможно, что реликтами наиболее архаичного индоевропейского названия золота являются лат. aurum, сабин. ausom, др.-прус. ausis, лит. áuksas (с вторичным вставным k² — Fraenkel, I, 25) и ausas (LKŽ, I, 500) — с недостаточно ясной этимологией. Более поздние и этимологически «прозрачные» названия золота по цвету (и.-е. *ǵhel ‘желтый’) при сравнении германо-балто-славянского и индоиранского ареала не дают цельнолексемных изоглосс, свидетельствуя лишь об общности номинации по цветовому признаку и от общего корня. В значительной мере, это относится и к названиям серебра; ср. лат. argentum, др.-гр. ἄργυρος и хет. ḫarki, где совпадает только общий корень с цветовым значением ‘белый’. Греческие названия металлов, кроме ἄργυρος и, по-видимому, χαλκός,³ представляют собой заимствования и мало что дают для истории индоевропейских на-

¹ Именно так объясняет А. Мейе наличие общего кельто-германского и балто-славянского названия железа (Мейе 1938: 404).

² Ср. лит. диал. tuksu = tusu и др. (Endzelin 1922: 173), gukste = gürste = др.-рус. *гърсть*. Менее правдоподобной представляется реконструкция áuksas < *auskas (Гамкрелидзе, Иванов 1984: II, 713), ибо авторы не приводят ни одного примера метатезы sk > ks в балтийских языках.

³ Наличие у др.-гр. χαλκη и метатезной формы κάλχη значений ‘пурпур’, ‘вид цветка’, а также др.-гр. χαλκηδών ‘халцедон’ (камень преимущественно красного цвета) говорит в пользу цветового происхождения греческого названия меди χαλκός (ср. Kretschmer 1896: 167–168; 1953: 3 и сл.) и против сопоставления этого слова с этнонимом Χαλιβες ‘халибы’ (Иванов 1983: 68). Последний связан лишь с греческим названием стали χαλιψ, -υβος (= χαλιβικός σίδηρος ‘халибское железо’).

званий металлов. Заимствованиями являются также лат. *plumbum*, др.-в.-н. *kurfar* и др.

В отличие от этой пестроты и многочисленных расхождений, в балто-славянском ареале названия металлов представляют собой достаточно компактную единую группу. Здесь надежные изоглоссы охватывают пять из шести приведенных выше названий. Причем, названия золота и серебра объединяют балто-славянский ареал с германским: лтш. *zēlts* — ст.-сл. **ЗЛАТО** — др.-в.-н. *gold*; лит. *sidābras*, др.-прус. *širablan* (вин. п. ед. ч.), лтш. *sidrabs* — ст.-сл. **СРБРЕ** — др.-в.-н. *silabar*, готск. *silubg*. Название золота в указанных языках объединяет, помимо корня, также и общность дентального суффикса. Но латышское слово отличается по огласовке корня и является изолированным в балтийских языках (ср. лит. *auksas*, др.-прус. *ausis*). Многочисленные формы названий серебра, даже при учете разного рода позднейших ассимилятивно-диссимилятивных изменений, связанных с наличием в слове двух плавных, едва ли возможно возвести к единой праформе. Если к этому добавить отсутствие какой-либо правдоподобной этимологии слова, то следует согласиться, что перед нами — совместное заимствование из какого-то общего источника (Фасмер, III, 606). Очевидно, что это заимствование имело место еще до утраты тесных контактов между германским и балто-славянским.

Остальные названия металлов (кроме меди) тесно связывают между собой балтийский и славянский ареалы. Так, изоглосса др.-рус. *желъзо* — лит. *gel(e)žis*, лтш. *dzēlzs*, др.-прус. *gelso* не имеет надежных соответствий за пределами балто-славянского ареала. Обычно приводимое в словарях сопоставление с др.-гр. *χαλκός* ‘медь, бронза’ затруднительно в фонетическом отношении, мысль о заимствовании в III тыс. до н. э. греческого названия меди и балто-славянского названия железа из хаттского (Иванов 1983: 69) также трудно признать убедительной. Попытки этимологизировать др.-рус. *желъзо* и родственные балтийские и славянские слова (Трубачев 1957; Leeming 1978 и др.) успеха не имели. Вяч. Вс. Иванов вообще не допускает возможности собственно балто-славянской этимологии (Иванов 1983: 102). Весьма сомнительной является попытка видеть в др.-рус. *желъзо* сочетание славянского *жел-* ‘желтый’ и **ъз-*, заимствованного из готск. *aiz* ‘медь’ (Leeming 1978; против — с убедительной аргументацией — Hedden 1989). Не касаясь непосредственно вопроса об этимологии слова *железо*, отметим только, что в пользу его исконности косвенно свидетельствует пол. *żeliwo* ‘чугун’ (Трубачев 1957: 33). Тесная связь балтий-

ского со славянским проявляется в общности целого ряда производных (лит. *geležinis* = др.-рус. *жельзьныи*, лит. *gelžėti* = рус. диал. *железеть* 'превращаться в железо, становиться твердым как железо' и др.).

О. Н. Трубачев справедливо отметил, что «отношения между *желёзо* и *железá* — нечто большее, чем созвучие» (Трубачев 1957: 34). И действительно, лит. *geležiuoti, geležavo* 'покрывать железом' имеет полное формальное соответствие в рус. диал. *железовáть* 'болеть опухолью желез в горле (о лошадях)'. Лит. *gēležuopys* (мн. ч.) 'мыт (болезнь лошадей: воспаление слизистой в горле)' образовано, безусловно, от литовского глагола, но семантически объяснимо лишь из его русского соответствия. От того же самого (русского) глагола образовано и рус. диал. *железовáнье* 'опухоль желез в горле (у жеребят)', см. СРНГ, IX, 107. Перед нами не просто комплекс сложных по своей структуре цельнолексемных изоглосс, но явная совместная балто-славянская инновация. Название болезни лошадей дано, видимо, по отвердению воспаленных желез в горле. Здесь, по всей вероятности, следует искать как ключ к пониманию взаимосвязи между словами *железо* и *железá*, так и этимологические истоки слова *железо*.⁴

Связь названий олова (др.-рус. *оловъ* 'свинец, олово', рус. *олово*, укр. *олово* 'свинец' — лит. *álvas*, лтш. *álvs* 'олово', др.-прусс. *alwis* 'свинец') со значением 'белый' (лат. *albus* и др.) является общепризнанной. Однако здесь, к сожалению, не все так просто. Необъяснимым остается славянское и балтийское *v* на месте *b* (и.-е. *bh, ср. др.-гр. *ἄλφος* 'белый лишай'). Олово, как известно, — очень редкий металл. И в эпоху бронзового века торговые пути, по которым оно доставлялось к местам выплавки бронзы, простирались на огромные расстояния. Привозным, по всей видимости, было олово также у балтов и у славян. Если это так, то можно высказать предположение о том, что балто-славянское название олова явилось результатом внутрииндоевропейского заимствования, в процессе которого имела место фонетическая субституция *b* → *v*.

В пользу заимствованного характера славянского названия олова говорит также отсутствие обычной славянской метатезы типа лит. *álpnė* — рус. *лань*, лит. *aldijá* — рус. *ладья, лодья*, лит. *alkúnė* — ст.-сл. **ЛАКЪТЬ**, рус. *локоть* и др. Применительно к основе **alb-* 'белый'

⁴Этимомом здесь мог служить корень со значением 'твердый' (ср. рус. *желвак*). В словообразовательном плане показательны производные с параллельными суффиксами: рус. *железо* — пол. *żeliwo* 'чугун' и рус. *железá* = рус. диал. *желёзо* = рус. диал. *желва*.

можно привести др.-в.-н. *albiz* — пол. *łabędź* ‘лебедь’ и гидроним *Лабба* ‘Белая (река)’. В отличие от последних двух примеров у слова *олово* нет метатезы и вместо ожидаемого *б* стоит *в*.

Др.-рус. *свиньць* — лит. *švīnas*, лтш. *svīns* не имеют соответствий на уровне изоглосс за пределами балто-славянского ареала. Сопоставление с др.-гр. *χάλκος* ‘сталь’, *κυανός* ‘темно-синий’ и др. недостоверны (Фасмер, III, 577). Из существующих этимологий наиболее правдоподобной представляется та, которая связывает балто-славянское название свинца с и.-е. **k̑ei-* ‘светить(ся)’, ‘блестеть’ (Persson 1912: 745; Būga 1959: II, 259). Во-первых, эта этимология отражает хорошо известную универсалию: название металлов по их цвету или блеску. Типологической аналогией может служить др.-в.-н. *blīo* (нем. *Blei*) — к и.-е. **bhlei-* ‘блестеть’. Чередование гласных **k̑ei-* *п-* (*свиньць*): **k̑i-* *п-* (*švīnas*) целиком соответствует чередованиям **k̑ei-* *т-* (ст.-сл. **СВИТАТИ**, лит. *šviēsti*): **k̑i-* *т-* (др.-рус. *свьтъти* = лит. *švitėti* ‘светить, сиять’). Образования с суффиксальными *-п-* и *-т-* соотносятся между собой так же, как в случаях др.-рус. *да-н-ь*: *да-т-ь* (рус. *по-дать*), *пть-н-ик*: *пть-т-ик*, лат. *plē-п-us*: *im-plē-т-us*, лит. *pil-п-as*: *j-pil-т-as* и т. п. (Подробнее см.: Откупщиков 1967, 18 сл., 111; 1984а, 87 сл.) Точно такое же чередование суффиксальных *-п-* и *-т-* мы находим в случае с лит. *švi-п-as* ‘свинец’: *švi-т-as* ‘фосфор’, а также (с полной степенью огласовки корня) у др.-инд. *ṣve-т-āḥ* ‘светлый, блестящий’ — с формой ж. р. *ṣve-п-ī* (последний пример — уже у П. Перссона (Persson 1912: loc. cit.)). Наконец, чередующаяся со *švīn-(as)* основа *švit-* встречается также у литовского названия латуни *švitvaris* (= ‘светлая медь’).

Единственное расхождение между балтийскими и славянскими названиями металлов представляет собой название меди: лит. *vāgis* — др.-рус. *мѣдь*. Однако нужно отметить, что это — чисто внутреннее расхождение, не выходящее за пределы балто-славянского ареала, в отличие, например, от лит. *vūgas* — ст.-слав. **МЪЖЪ**, где первое слово объединяет балтийский с итальянским (лат. *vir*), а второе — славянский с индоиранским и германским (др.-инд. *mānuṣ*, готск. *mappa*). В случае с названием меди ни балтийский, ни славянский не имеют никаких надежных соответствий в иных индоевропейских языках. Более того, ближайшие этимологические соответствия балтийскому названию меди, по-видимому, находятся в славянских языках.

Касаясь этимологии лит. *vāgis*, *vāgias*, лтш. *vaḡš*, др.-прусс. *wargien* ‘медь’, Э. Френкель приходит к неутешительному выводу: «*Etymologie unklar*» (Fraenkel 1955, 1200). Среди попыток этимологизации бал-

тийских названий меди следует, прежде всего, отметить сопоставление с балто-славянской основой *цаг- ‘варить, кипеть’ (рус. *варить*, лтш. *vārīt*, лит. *vir̃ti*), а в семантическом плане — с хет. цаг ‘гореть’, арм. *vaḡem* ‘зажигаю’. Эти сопоставления предполагают цветовое обозначение (‘красный’), связанное с процессом горения (Иванов 1983: 105 сл.). Сильной стороной этой этимологии является ее фонетическая безупречность и семантическая правдоподобность, названия металлов по цвету — известная семантическая универсалия (ср., в частности, др.-гр. *χάλλη* ‘пурпур’ и *χαλκός* ‘медь’). Однако наличие того или иного изосемантического ряда обычно делает соотнесенную с ним этимологию правдоподобной, но отнюдь не делает ее бесспорной и не исключает иных этимологических решений. Слабой стороной изложенной «цветовой» этимологии лит. *vāgis* ‘медь’ является полное отсутствие у производных балтийской основы *цаг- каких-либо следов не только цветового значения, но также и значения ‘гореть, зажигать’. Эта основа, как известно, связана не с огнем, а с водой: с кипением жидкости, с варкой. Характерно, что в славянских языках производные основы *цаг- / цог- широко употребляются в металлургии: рус. *варить медь, железо*, рус. диал. *вар* ‘раскаленное добела железо’ (Даль, I, 165), болг. диал. *вар* ‘железный шлак’ и др. В балтийских языках следы этого значения для той же основы сохранились у др.-прус. *auwegus* ‘металлический шлак’ — к лит. *vir̃ti* ‘варить’ (Fraenkel 1955: 1263).

В литовском языке наблюдаются четкие словообразовательные связи, которые объединяют прилагательные на -us с существительными на -is: *kandūs* ‘куский’ — *kañdis* ‘кусок’ (ср. также *kandis* ‘моль’), *saḡgūs* ‘сторожкий’ — *saḡgis* ‘сторожевая собака’, *gēgūs* ‘пригодный для питья’ — *gēgis* ‘напиток’, *kibūs* ‘липкий’ — *kibis* ‘репейник’ и др. С учетом «металлургического» значения рус. *варить* и других родственных славянских слов, к этой же словообразовательно-семантической модели можно отнести также лит. *vaḡūs* ‘варкий’ — *vāgis* ‘медь’. Семантическое обоснование подобной этимологии балтийского слова подкрепляется прямо противоположным качеством другого металла: «железо не варко, . . . плохо варится» (Даль, I, 166⁵). Показательно, что лит. *vaḡūs* ‘варкий (о мясе, горохе)’ имеет в качестве соответствия русское слово *варкий*,⁶ употребляемое применительно к обработке металлов. Таким

⁵Здесь, правда, речь идет о сварке железа. О трудностях, связанных с его варкой, ср.: «Лучше бы ми желъзо варити, нежели со злою женою быти» (Сл. Дан. Зат., 69).

⁶В диалектах литовского языка насчитывается около ста (!) прилагательных на -us, имеющих соответствия в славянских языках в виде прилагательных на *-ŭkŭ: *vaḡūs-*

образом, этимология лит. *vāris*, лтш. *varģis*, несмотря на отсутствие полных цельнолексемных изоглосс, тесно связывает балтийский ареал со славянским. Наконец, др.-прус. *wargien* 'медь' также можно сопоставить с рус. диал. *варганить* 'варить' (СРНГ, IV 46).

Изолированным является славянское название меди (ст.-сл. **МЪДЪ**, др.-рус. *мѣдь* и др.), не имеющее надежной этимологии. Из предложенных решений наиболее правдоподобными представляются сопоставления со ст.-сл. **СМЪДЪ** 'темный' (Berneker, II, 46) и с др.-в.-н. *smīda* 'металл' (Falk, Topf, II, 1078). Более привлекательной из них будет первая этимология, предлагающая цветовое обозначение меди. Тем более, что в процессе выплавки бронзы название меди как «темного» металла составляло пару к названию олова как металла «светлого».⁷

Очень важной изоглоссой является балто-славянское название руды: лит. *gūda*, лтш. *gūda* — др.-рус. *роуда* (ср. также др.-в.-н. *aguzzi* 'руда'). С легкой руки А. Брюкнера, почти общепризнанным стало мнение о заимствовании балтийских слов из славянского (Bückner 1877: 128; Skardžius 1931: 192; Fraenkel 745; Senn 1970: 492 и др.). Перед нами один из наиболее устоявшихся мнимых славизмов в балтийских языках. Какие аргументы, помимо пресловутой культурной «отсталости» балтов (А. Брюкнер), можно привести в пользу гипотезы о заимствовании? Только отсутствие в случае лит. *gūda* — др.-рус. *роуда* полного фонетического соответствия. Поскольку лит. *saūsas* = др.-рус. *соухъ*, а лит. *dūmas* = др.-рус. *дымъ*, при исконном родстве приведенных выше слов мы ожидали бы лит. **gaudā* или др.-рус. **рыда*. Однако при этом совершенно не учитывается распространенное в балтийских и славянских языках чередование *ou (au) : *u : *ū. Соотношение огласовки корня др.-рус. *роуда* и лит. *gūda* полностью совпадает с такими примерами, как лит. *baūbti* = *būbti* 'кричать', *laužti* = *lūžti* 'ломать(ся)', лтш. *viršauņe* = *viršūne* 'вершина', рус. *студ* = *стыд*, рус. диал. *глыдка* = *глыдка* 'комочек земли'. Закономерное соотношение между балт. *ū* и слав. (русским) *у* (*оу*) можно найти как в корневой, так и в суффиксальной части слова: лит. *dūlėti* = рус. диал. *дулеть* 'тлеть', лит. *begūnas* = рус. *бегун* и мн. др.⁸

варкий, *édūs* — *ндкій*, *lavūs* — *ловкий*, с.-хрв. *bōdak* — лит. *badūs* и мн. др. Подробнее об этих балто-славянских образованиях см.: Откупщиков 1983.

⁷О неприемлемости этимологии В. И. Абаева, связывавшего ст.-сл. **МЪДЪ** с названием страны *Мидия* (др.-перс. *Māda*) см.: Откупщиков 1973: 109 сл.

⁸См. Skardžius 1943: 277 сл. Ср. также чередование *au/ū* в суффиксальной части слова: лит. *gėležauņēs* = *gėležūnēs* (мн. ч.) 'воспаление желез горла (у лошадей)'.

То же самое чередование, отличающееся глубокой древностью, обнаруживается и у производных и.-е. корня *goud(h)-/*rud(h)-/*rūd(h) 'красный, бурый': лит. gāidas, лтш. gāids = др.-рус. *roudъ* = готск. *gaufs* и др., лит. gaudėti = рус. диал. *рудъть* 'краснеть' (*ou); лит. rudėti = др.-рус. *рѣдѣти*, ср. лат. gubere 'краснеть' (*u); лтш. rūdēt — рус. *рыжеть* (ср. др.-рус. *рыжд-ыи* < *rūd-ǰ-, лат. rūfus — с итальянским f < *dh) и др. (*ū). В балтийских языках синонимичность форм корня gaud- и rūd- подтверждается примерами типа: лит. gaudā = gūdas 'зарница', лит. gaudā = лтш. rūdulis 'плотва' (ср. у того же корня: лат. gaudus 'медяк', мн. ч. gūdera).

Как известно, начало металлургии бронзы в Прибалтике датируется началом II тыс. до н. э. В поселениях середины II тыс. на территории Латвии были обнаружены глиняные сосуды для плавки металлов, литейные формы и другие предметы, свидетельствующие о наличии местной металлургии (Gimbutienė 1985: 60–61). Уже в I тыс. до н. э. можно говорить об особом балтском стиле металлических изделий (Ibid.: 89). Металлургия железа, добываемого из болотной руды, особенно бурно развивается у балтов в первой половине I тыс. н. э. (Ibid.: 99–100 — со ссылками на литературу). В этих условиях для обоснования предположения о том, что лит. gūda, лтш. gūda были заимствованы из белорусского или польского языка (sic!), т. е. где-то в середине II тыс. н. э., нужно найти какие-то следы исконно балтийского названия руды, чего никем до сих пор сделано не было.

Связь как балтийского, так и славянского названия руды с добычей железа из руды болотной проявляется в таких изоглоссах из области болотной терминологии, как укр. *руда* 'ржавое болото' (Грінченко, IV, 85), лтш. gūda 'ржавая вода', лит. gūda 'болотистая земля', ср. также rūdpekė = rūdvietė 'ржавое болото' и т. п. (другие примеры см.: Невская 1977: 109). В литовской гидронимии широко распространены образования типа Rūdupis (Vanagas, 281 сл.). Интересно отметить, что слова из литовской народной песни Vėga kraujėliai kaip rūdinėlis 'Бежит кровушка словно (бурая) болотная водичка' (LKŽ, XI, 870), видимо, проливает свет на семантическую историю рус. диал. *руда* 'кровь', что делает излишними ссылки на табу (Фасмер, III, 513). Наконец, два значения лит. gaud-/rūd- 'руда' и 'зарница' (см. выше) повторяются у лтш. gūsa = gūsis 'кусочек ржавого железа' и 'зарница' (Müheubach, III, 572 сл.). В последнем случае ни о каком славянском заимствовании не может быть и речи, а в качестве tertium comparationis явно выступает значение 'красный, бурый'.

Представляется крайне сомнительной недавно вновь высказанная гипотеза о заимствовании и.-е. *roudh-/*gūdh- ‘красный, руда’ из шумерского ugdu- ‘медь’ (Гамкрелидзе, Иванов 1984: II, 712). Общеиндоевропейский ареал слов со значением ‘красный, бурый’ при единичных примерах значения ‘медь’ (древнеиндийский, латинский⁹) заставляет видеть в названиях руды и меди (а также ржавого болота, зарницы, крови и т. д.) обычную номинацию по цвету. Вот почему, если только перед нами не случайное созвучие, скорее можно допустить заимствование из какого-то индоевропейского языка в шумерский, нежели наоборот (см. Scherer 1947: 16).

Итак, надежные изоглоссы и этимологические соответствия неразрывно объединяют балтийский и славянский ареалы в области названий металлов и руды. Лит. geležis, švinas, álvas, vāgis — рус. *железо, свинец, олово, варить* (металл), эти соответствия не выходят за пределы балто-славянского ареала. Лтш. sidrabs, zelts, rūda — рус. *серебро, золото, руда* имеют надежные изоглоссные соответствия только в германском. Ни один другой индоевропейский ареал (включая индоиранский) не дает такого тесного единства при обозначении названий металлов и руды, как ареал балто-славянский.

* *
*

Важную роль при определении степени генетического родства между языками играет сопоставление глаголов, обозначающих трудовые процессы. Балто-славянские изоглоссы в области металлургии и кузнечного дела здесь также весьма показательны: лит. liėti = рус. *лить* (металл) — с многочисленными производными (liėtas = *литой*, lietinis = др.-рус. *литьныи*, liejikas = чеш. lijec ‘литейщик’); лит. arkauti, лтш. ар-kaūt (устар.) = укр. *о-кути*, чеш. o-kout ‘оковать’; лит. káustyti, лтш. kaústīt ‘подковывать’ относится к чеш. kouti ‘ковать’ так же, как, например, лит. piáustyti к piáuти ‘резать’, výstyti — к výti ‘свивать’ и т. п.; лит. garėti = др.-рус. *горьти*; лит. dūlėti = рус. диал. *дулеть* ‘тлеть’, лит. dūmti = др.-рус. *дути*; лит. dūmėti = рус. диал. *дыметь*, лит. dūmyti = рус. *дымить* (для краткости здесь и ниже даются примеры только из одного балтийского и славянского языка).

Из изоглосс, связанных с кузнечным делом, отметим: лит. anglis —

⁹Лат. gaudus ‘медяк’ — заимствование из какого-то, видимо, индоевропейского языка. Исконно латинским является giber ‘красный’, итальяским заимствованием — gūfus ‘рыжий’.

рус. *уголь* (так же и в германском); лит. *súodžiai* (мн. ч.) — рус. *сажа* (так же в германском и в кельтском); др.-прус. *wutris* — др.-рус. *вѣтръ* ‘кузнец’; лтш. *kuřikis* ‘истопник, кочегар’ — *кѣръць → др.-рус. *кѣрчиш* (реконструкция М. Фасмера, II, 341); лтш. *kręms* — ст.-сл. **КРЕМЫ** ‘кремень’; лит. *maišas* = др.-рус. *мѣхъ* ‘кузнечный мех’; лит. *kūjis* = др.-рус. *кѣш* ‘молот’ (ср. также лит. *kūjūkas* и рус. диал. *киѣк* ‘молоток’).

Этимологически на корневом и семантическом уровне сопоставимы укр. *дуло* и лит. *dùplėš* (мн. ч.) ‘кузнечный мех’, с.-хрв. *сјѣчѣво* и лит. *pa-sėk-elis* ‘молот’,¹⁰ лтш. *kaľdīt* ‘ковать’ и рус. церк.-слав. *кладиво* ‘молот’.

Можно указать также на ряд балто-славянских изоглосс, относящихся к продукции кузнечного ремесла: лтш. *šęks* ‘серп’ — др.-рус. *сѣчь* ‘меч’; лтш. *teslis* — рус. *тесло* (также и в германском),¹¹ др.-прус. *dalptan* ‘пробойник’ — рус. *долото*; лит. *keřslas* ‘долото, резец’ — рус. диал. *чересло* ‘плужный нож, резец’.

Даже этот краткий перечень изоглосс из области литейного дела и кузнечного ремесла показывает, что почти полное совпадение названий металлов в балтийском и славянском ареале не является случайным. Оно свидетельствует об общности материальной культуры у балтов и славян, во всяком случае начиная с конца бронзового и на протяжении железного века, а также, по-видимому, и в более позднее время.

¹⁰ Ф. Шпехт сопоставил в словообразовательно-этимологическом плане слав. *sěčivo* ‘топор; молот’ с лат. *secivum* ‘кусочек жертвенного пирога’ (Specht 1944: 150). О. Н. Трубачев почему-то хочет видеть здесь ремесленную терминологическую изоглоссу (Трубачев 1966: 151, 363: 392).

¹¹ В стороне остаются лат. *tēlum* ‘копье, дротик’ и *tēla* ‘ткань’, которые О. Н. Трубачев также относит к числу славяно-латинских терминологических изоглосс, причем из области ремесленной лексики, относящейся к обработке дерева (там же: 152, 392).

БАЛТИЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ ОВЦЫ И БАРАНА*

В работах, посвященных анализу балтийской и славянской лексики, до сих пор пользуется популярностью тезис об односторонней направленности заимствований из славянского в балтийский — при почти

*Статья под таким названием была опубликована в журнале: *Lietuvių kalbotyros klausimai*. 1993. T. XXX. P. 63–68.

полном отсутствии противоположного движения (тезис А. Брюкнера и О. Н. Трубочева). В области животноводческой лексики эта концепция нашла свое отражение, в частности, в одной из кандидатских диссертаций (Проценко 1985). Славянские балтизмы (довольно многочисленные в анализируемой этим автором лексике) или вообще обходятся молчанием, или не отмечаются как балтизмы. Например, блр. диал. *бонда* (также укр. диал. *бонда* 'корова'), балтийское происхождение которого было убедительно обосновано А. П. Непокупным и другими авторами (см. Лаучюте, 9–10; там же — ссылки на литературу), не отмечаются как балтизм. То же относится к блр. диал. *марга* 'корова', *маргель* 'бык' (ср. также *маргис* и польские соответствия) — из лит. *margà* 'пестрая', *mārgis*, *margēlis* 'бык пестрой масти' и др. В диалектах польского языка лит. *margōji* 'пеструха' было преобразовано с помощью славянского суффикса *-к-*: *margojka idem*. Ср. *žaļojka* — из лит. *žalōji* (*kārvė*) 'буренка', *baļņojka* из лит. *balņōji* 'корова' с белой спиной', *žebrojka* — из лит. *žebrojki* 'пеструха', *szemojka* — из лит. *šėmōji* 'корова' пепельной масти', *jodis* — из лит. *jūodis* 'бык черной масти' и т. д. (примеры — из указанного словаря Ю. Лаучюте). Ср. также лит. *paŕšiūkās* 'поросенок' — слово, заимствованное во многие диалекты польского, белорусского, украинского и русского языков. Подобные факты свидетельствуют о сложном взаимовлиянии лексики балтийских и славянских языков, а не об односторонней направленности заимствований.

Не менее сомнительным является далеко идущий вывод Б. Н. Проценко о «более развитой овцеводческой терминологии» славян сравнительно с балтами (Проценко 1985: 8). Этот вывод опирается на три предполагаемых «проникновения» из славянских языков в балтийские: лит. *ba/ogōnas*, лтш. *avīns*, др.-прус. *camstian*. Однако исконность двух последних балтийских слов до сих пор никто, кажется, не подвергал сомнению (Fraenkel, 28; Sabaliauskas 1966: 16; Топоров 1980: 197–200). Более того, лит. *āvinas*, лтш. *avīns*, др.-прус. *awīns* — общебалтийское название барана, очень рано заимствованное в финно-угорские языки: фин. *oīnas* и др. (Thomsen 1890: 160; Kalima 1936: 6–7). Как известно, балтийские заимствования в финно-угорских языках древнее германских и намного древнее славянских заимствований (Хакулинен 1955: 39–49). Построено лит. *āvinas* по продуктивной балтийской словообразовательной модели: *lāpė* 'лиса' → *lāpīnas* 'лис', *avė*, *avis* 'овца' → *āvinas* 'баран', *būrė* 'овца' → *būrīnas* 'баран', *bāsė* 'овца' → *bāsinas* 'баран' (и *basinēlis* 'барашек'); ср. также родовое понятие: *patė* (*patėlė*)

‘самка’ → *rātinās* ‘самец’.¹ В отличие от балтийского, на славянской почве словообразовательная модель *овь(ца)* → *овьнъ* — уникальна, и если уж предполагать здесь «проникновение», то скорее — в обратном направлении.² Узкий диалектизм *baḡōpas*, воспринимаемый носителями литовского языка как варваризм, относится к поздней эпохе и говорит о степени развития овцеводческой терминологии не более, чем, например, польский диалектизм *baziūtka* ‘овечка’ (из лит. *baziūtė*).

Помимо рассмотренных названий овцы и барана, в русских и литовских народных говорах имеется довольно большое количество подзывов этих животных. Подзывы эти очень часто неразрывно связаны с диалектными названиями овец, баранов или ягнят. Ср. подзыв *баль-баль* и *бáлька* ‘овца’, *быр-быр* или *бырь-бырь* и *бырка* ‘овца’ (курск., воронежск.) или ‘ягненок’ (брянск., орловск.), *бяш-бяш* или *б́яша-б́яша* и *б́яша* ‘баран’ (олонецк., тульск.), *б́яшка* ‘баран, овца’, *б́яшутка* ‘овца’ (псков.). Примерно такая же картина наблюдается и в диалектах литовского языка.

Особый интерес представляют подзывы и названия овцы и барана — общие для литовских и русских говоров. Так, лит. *bas’-bas’* и *basīā-basīā* совпадают с русскими диалектными подзывами овец: *бась-бась* (сибирск.) и *бáся-бáся* (тверск.) Литовское название овцы *bāsė*, видимо, можно считать достаточно древним. Косвенно об этом свидетельствует рус. диал. *б́яша* ‘овца’ — форма, восходящая, как и лит. *bāsė*, к *basja. Ср. лит. *saūšė* = рус. и болг. *суша* ‘сушь; засуха’, лит. *sēsė* = с.-хрв. *sěša* ‘сестра’ и др. В отличие от слова *баша* (и *башка*), охватывающего значительную часть русских говоров, другое название овцы — *бася* — ограниченное новгородским и северодвинским ареалом, возможно, следует рассматривать как балтизм.

Фонетически близкий подзыв овец — лит. *bazė-bazė* и *bazi-bazi* можно найти лишь в русских говорах Литвы (*базя-базя* и *базь-базь*). Названия овец, связанные с этим подзывом, засвидетельствованы только в литовском языке: *baziūtė* ‘овечка’ (ср. польское заимствование: *baziūtka*), *baziūkas*, *baziūlis* ‘ягненок’.

¹Здесь и далее литовский материал дается по Академическому словарю литовского языка (LKŽ), русский диалектный материал — по словарю русских народных говоров (СРНГ).

²Говоря о древнем и.-е. названии овцы, нельзя не отметить, что лит. *avis* имеет соответствие в др.-инд. *áviḥ*, др.-гр. *ὄ(φ)ς*, лат. *ovis*, др.-ирл. *oí*, в то время как в славянских языках форма с простой основой не сохранилась (ср. ст.-слав. **ОВЬЦА**, др.-инд. *avikā*, лит. *avikė*, а также лит. *avikiėna* = чеш. *ovčína* ‘баранина’, но др.-рус. *овьчина* ‘овечья шкура’).

Другая большая группа названий овцы и барана связана с подзывами *barė-barė* = *birė - birė* в литовских и *бáря-бáря* = *бóря-бóря* в русских говорах. Рус. диал. *бáря* 'баран' (архангельск.) и лит. *birė* 'овца' (Кгážiai), а также производные *барька*, *баринька* 'овечка', *борей*, *борька*, *бараш* 'баран' (также слово, которым подзывают барана), лит. *bariukas* = *birukas* 'барашек', *birulis*, *birinas* 'баран', *birikė* 'овечка' и др. — все эти слова свидетельствуют о том, что и в диалектной лексике как русского, так и литовского языка широко представлены названия овец, баранов и ягнят, этимологически связанные с подзывами *баря*, *боря* (из **б̆́ря*), *barė*, *birė*.

Некоторые из русских диалектных названий овцы и барана, связанные с подзывами *баря* и *боря*, не могут быть убедительным образом объяснены на славянской почве из-за отсутствия соответствующих словообразовательных моделей. И здесь на помощь может быть привлечен материал литовского языка и его диалектов. Так, рус. диал. *борей* 'баран' (новгородск.) можно объяснить по модели лит. -ė (ж. р.) → -ėjas (м. р., т. е. *birė* 'овца' → *birėjas (или *birėjus) 'баран' = рус. *борей*). В современном литовском языке суффикс -ėj- образует многочисленные *pomina agentis*. Однако, как отмечает П. Скарджюс, это не было древним значением суффикса. О более широком значении суффикса -ėj- свидетельствует, в частности, известная своим «консерватизмом» топонимика: *Dėglė* — *Dėglėjus* 'название леса' (Vanagas 1970: 111).³

Рус. диал. *бóрша* 'овца' (олѣнецк.) было образовано как лит. *bóba* 'баба' → *bōbšė*, *kumėlė* 'кобыла' → *kumėšė* 'кляча' (Skardžius 1943: 316), ср. лит. *birė* 'овца' → *birėšė (= рус. *бóрша*). В качестве заимствования из лит. *birėšė следует, по-видимому, рассматривать рус. диал. *бúршá* 'овца' (новгородск., коми-пермяцк.), ср. также *бúрши* 'ягнята'.

Приведенные выше примеры позволяют предложить новую этимологию русского слова *баран* и его славянских соответствий. Имеющиеся этимологии этого слова трудно признать удовлетворительными. Они обычно построены лишь на созвучии, изолированы от других диалектных названий барана и овцы, не объясняют, как именно было построено слово. Предполагаемая связь с и.-е. **bher-* 'резать', допуска-

³«Таким образом, суффикс изначально не мог употребляться специально для *pomina agentis*. . . он тогда, без сомнения, употреблялся значительно свободнее и шире» (Skardžius 1943: 84). Пользуясь терминологией О. Н. Трубачева, «слишком торопливы и этимологически неосновательны» его возражения против реконструкции лит. *birėjas (Трубачев 1991: 221).

ющая, как и в случае со словом *боров*, исходное значение 'кладеный' (ЭСРЯ, I, 39), представляет собой типичную «корнеотсылочную» этимологию.

Ссылка на близко звучащие и.-е. слова и на альпийское происхождение слова, восходящего к позывному междометию *ber-* в этом отдаленном ареале (см. Фасмер, I, 123), справедливо были отвергнуты О. Н. Трубачевым (ЭССЯ, I, 157). Однако еще менее правдоподобно предположение о тюркском заимствовании (Трубачев 1960: 74–76) или тюркском посредничестве при заимствовании из иранского (ЭССЯ I, 158). Наличие слова в чешском, словацком и польском языках при его, по сути дела, полном отсутствии в южнославянских языках,⁴ — слишком необычный ареал для предполагаемого тюркизма. Тюркские названия барана, на которые можно было бы здесь опереться, в действительности, сами были заимствованы из русского языка (Фасмер, I, 124).

В. В. Мартынов, видящий в слове *баран* «италийское проникновение», ссылается на лат. *perō, perōnis* 'сапог из сыромятной кожи' — этимологически темное слово, совершенно изолированное в латинском языке. Предположение о том, что это был сапог из бараньей кожи (Мартынов 1978: 32–33), — совершенно произвольно и ничем не аргументировано. Не оправдано это сопоставление и фонетически: *p-* → *b-* (?), *e* → *a* (?).

Обратимся, однако, к балто-славянскому ареалу. Подзыв гусей *gāgi-gāgi* (или звукоподражательное *ga-ga*) дает производное *gāgan* 'гусак' (самарск.) — подобно тому, как лит. диал. *gāgas* 'гусь' → *gagōnas* (Skardžius 1943: 274). Точно так же подзыв *бару-бару* (или *бар-бар*) дает производное *баран*. В литовском языке — по той же самой модели — *barė-barė* (ср. *biūrė* 'овца') могло дать *barōnas. Хотя лит. *barōnas* 'баран', по общему признанию, является славизмом, слово это вполне естественно вписывается в лексику литовского языка. Словообразовательная модель, по которой образуются производные на *-onas*, надежно засвидетельствована в литовском языке — как в апеллятивной (*dirvā* → *dirvōnas*), так и в ономастической (*Dubrā* → *Dubrōnas*) лексике (Skardžius 1943: 273–274).

⁴«В южнославянском слово отсутствует» (Sadnik, Aitzetmüller 1968: 240). Сербохорватские диалектные образования типа *бара, барица, баран, бараст, барзан* обозначают различных животных: козу, овцу, свинью черно-белой масти (преимущественно козла и козу). Этимологически Л. Садник и Р. Айцетмюллер эти слова убедительно связывают с *бараст* 'черно-белый (о масти)'. Возражения О. Н. Трубачева (ЭССЯ, I, 157) не представляются убедительными.

Диалектная форма *барáш* ‘баран’ (вятск.) относится к рассмотренным выше названиям барана с междометной подзывной основой *бар-* так же, как форма *крякáш* ‘утка кряква’ — к *кряка* ‘то же’ и к звукоподражательной междометной основе *кряк-*. И здесь опять далеко не очевидная на славянской почве словообразовательная связь между формами *баран* и *бараш* проясняется сквозь призму архаичного литовского словообразования, отраженного в гидронимии: *барáн* (*barõnas): *барáш* (*barõšius) = река *Ramõnas*: озеро *Ramõšius* (*Vanagas*, 272).

Мнение о заимствованном характере рус. *баран*, высказывавшееся в литературе, представляется маловероятным — в связи с рассмотренным выше материалом. Ссылка на расхождения в корневом вокализме *bar-/bor-/ber-* (*Sadnik, Aitzetmüller* 1968: 240) не убеждают в иноязычном происхождении рус. *баран* / *боран* / чеш. *beřan* ‘баран’. Все три типа огласовки отражены в русских диалектных формах *бáрька* ‘овечка’ / *бóрька* ‘баран’ (ср. лит. *buřikė* ‘овечка’) / *берька* ‘поддельная мерлушка на зимней шапке’ ← *‘овца’ (вологодск.).⁵ И во всех трех случаях засвидетельствованы подзывы с той же огласовкой: *баря*, *барь* (лит. *barė, barì*), *бóря* (лит. *buřė*) и *берь* (пензенск.). Попытка О. Н. Трубачева объяснить огласовку др.-рус. *боранъ* и чеш. *beřan* действием диссимиляции (*ЭССЯ*, I, 137) никак не может быть признана удачной. Во-первых, если взять действительный (а не мнимый) тюркизм — *кабан*, то от него почему-то не засвидетельствовано ни одной формы с подобного рода диссимиляцией. Во-вторых, ни у подзыва *барь*, ни у слова *бáрька* не было никаких условий для диссимиляции. Между тем, все три типа огласовки полностью совпадают у подзывов и у слов *баран*, *боран*, *beřan*. Поэтому излишне категоричный вывод О. Н. Трубачева: «вне всяких сомнений слово *baraγъ заимствовано слав. языками» из тюркского (*ЭССЯ*, I, 137–138) — следует столь же категорично отвергнуть.

Из других названий овцы, имеющих близкие образования в диалектах литовского и русского языков, можно отметить лит. *kùsė* ‘овца’ (в языке детей), *kisà* ‘подзыв овец’ и рус. *кыча* ‘овца’ (вологодск., архангельск.), *кытя* ‘то же’ (в разговоре с детьми — курск., тульск.), *кыть-кыть* ‘подзыв овец’. Здесь русские и литовские формы различаются

⁵ Семантически ср. рус. диал. *бырка* 1) ‘овца’, 2) ‘овечья шкура’, 3) ‘мерлушка’, 4) ‘шапка с околышем из шкуры ягненка’ (*СРНГ*, s. v.). Ср., также др.-инд. *peṣāḥ* ‘баран’ и ст.-слав. **МЪХЪ**.

лишь количеством гласного *u*: *kutja > лит. kùcė (с детской артикуляцией), *kūtja > *кыча* (как *svētja > *свѣча*).

Наконец, особый интерес представляет балто-южнославянская изоглосса: лтш. gaḡapa ‘рогатая овца’ (Mühlenbach, III, 464) — с.-хрв. ḡoḡoŋa ‘баран с длинными рогами’ (подробнее см. Откупщиков 1977: 274–275). Выходя за рамки поздних пограничных балто-славянских контактов, эта изоглосса свидетельствует о тесных связях между двумя семьями индоевропейских языков в области животноводческой (в частности, овцеводческой) терминологии.

В целом, балто-славянские отношения в области лексики, связанной с названиями овцы и барана, отражают разные хронологические слои: 1) лит. āvinas — др.-рус. *овьнѣ*, лит. vilpa — рус. *во́лна* имеют соответствия в родственных индоевропейских языках; 2) лит. égas, лтш. jēgs — рус. *ярка*, лтш. gaḡape — с.-хрв. ḡoḡoŋa представляют собой балто-славянские образования; 3) рассмотренные в начале статьи диалектные названия овцы и барана, по-видимому, связаны с более поздними ареально ограниченными балто-славянскими контактами. Здесь среди общей диалектной лексики русского и литовского языков зачастую трудно провести четкую грань между исконно родственными словами и заимствованиями, имевшими место в условиях тесных этноязыковых контактов. Во всяком случае, у нас нет никаких оснований говорить об одностороннем влиянии славянской овцеводческой терминологии на балтийскую. Более того, словообразовательный анализ русских, польских и литовских диалектных названий и подзвонков овцы и барана свидетельствует скорее о их более балтийском, нежели славянском характере (не говоря уже о прямых заимствованиях типа лит. baziūtė → пол. baziutka ‘овечка’).

Что же касается более ранней эпохи, то наличие древнейших заимствований из балтийских языков в финно-угорские (āvinas, égas, vilpa и др.) убедительно говорит о независимом характере балтийской овцеводческой терминологии, сформировавшейся в столь отдаленную эпоху, когда ни о каких славянских «проникновениях» не могло быть и речи.

Прилагательное *agnūs* (*āgnus*) имеет в литовском языке значения 'подвижный, быстрый, проворный, верткий, ловкий, бодрый, живой, энергичный, сильный' и др. Это слово засвидетельствовано с конца XVIII в. и широко распространено в северо-западных диалектах литовского языка (LKŽ, II, 22). Более или менее удовлетворительной этимологии лит. *agnūs* не имеет.

К. Буга пытался сопоставить лит. *agnūs* с *ogūs*, жемайт. *vogūs*, *agūs* 'горький, терпкий' (Būga 1908: 172; 1922: 274), однако позднее он отказался от этого сопоставления (Būga, 17). Я. Эндзелин в очень осторожной форме сопоставляет лит. *agnūs*, лтш. *agns* и лтш. диал. *pagns* 'горячий, пылкий, усердный, энергичный' с лтш. *pagš* и лит. *pāgas* 'ноготь' (Mühlenbach, I, 11).

Отсутствие достаточно убедительной аргументации в пользу приведенных сопоставлений заставило большинство исследователей примкнуть к традиционной этимологии лит. *agnūs* и лтш. *agns*. Эта этимология основана на сопоставлении данных слов с др.-инд. *agnīḥ*, др.-рус. *огнь*, лат. *ignis* 'огонь' (Petersson 1921: 261; Fraenkel, 2).

Однако ни в смысловом, ни особенно в фонетическом отношении подобное сопоставление нельзя признать убедительным. Основное возражение против такого этимологического истолкования заключается в том, что соответствием к др.-инд. *agnīḥ*, др.-рус. *огнь* и лат. *ignis* будет лит. *ignis* и лтш. *igins* 'огонь'. Видимо, именно это обстоятельство заставило некоторых исследователей искать какие-то иные пути в решении данного вопроса (сопоставления с лтш. *pagš*, лит. *pāgas* 'ноготь' и др.). Отсутствие единства в вопросе об этимологии лит. *agnūs* убедительнее всего говорит о том, что вопрос этот до сих пор остается открытым.

При рассмотрении лит. *agnūs* прежде всего бросается в глаза архаическая форма этого слова, широко распространенного в наиболее архаических жемайтских диалектах литовского языка. Еще А. Шлейхер отмечал древность литовских суффиксальных образований на *-nūs* (*sū-nūs*, *gad-nūs*, *drung-nūs*) (Schleicher 1856: 120), близких по своему значению и по своей форме к древним отглагольным прилагательным на *-pas*.

---

* Статья под названием «К этимологии литовского *agnūs*» была опубликована в: Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1961. Сер. филол. наук. Вып. 60, № 301. С. 161–164.

О близости литовских форм на *-nūs* к глаголу свидетельствуют следующие примеры:

glodnūs, = *glōdnas* ‘гладкий’ — *glōsti* ‘шлифовать, полировать’,

drungnūs, = *druīgnas* ‘теплый’ — *druīgti* ‘теплеть’,

lėpnūs, = *lėpnas* — *lėpti* ‘изнеживать’ и мн. др. (Leskien 1891: 355–357; Агумаа 1951: 46–53).

Будем ли мы рассматривать литовские формы на *-nūs* как *participia praeteriti passivi* или нет, одно остается несомненным: перед нами древняя индоевропейская форма (ср. древнегреческие образования на *-νός* и индоиранские на *-ni-*). К древним отглагольным прилагательным восходят также латышские формы на *-ns*, которые в современном латышском языке уже не являются продуктивными (Endzelin 1922: 210). Эти латышские образования на *-ns* целиком соответствуют литовским формам на *-nūs* (Ibid.: 211).

Таким образом, у нас есть все основания предполагать, что лит. *agnūs* и лтш. *agns* являются древними отглагольными прилагательными. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что суффикс *-ni-* в лит. *agnūs* чередуется с суффиксом *-lu-* (*aglūs* ‘горький, суровый’) (Агумаа 1951: 47). Приведенные факты являются также серьезным возражением против традиционной этимологии лит. *agnūs* и лтш. *agns*.

Следовательно, можно считать вполне допустимым, что корнем в лит. *agnūs* является *ag-* (индоевр. **ag-*). Этот корень в индоевропейском языке имел значение ‘гнать, приводить в движение’ (лат. *agō*, др.-гр. ἄγω, др.-инд. *ájati* и др.), а ряд образованных от него форм означал ‘подвижный, быстрый’, например: ирл. *án* ‘быстрый’ (< *agnos) (Strachan 1894: 7; Stokes 1903: 51). О том, что перед нами фонетически закономерное изменение, свидетельствуют следующие примеры: ирл. *stán* ‘олово’ — лат. *stagnum* (ср. итал. *stagno*, исп. *estaño*), ирл. *sén* ‘благословение’ из лат. *signum* или независимо от лат. из *seknom; ирл. *gén* ‘пядь’ < *regnom, а также **-ogn* > *-ón*, **-ign* > *-én* (Ibid.: 10–15). Сюда же следует отнести и такие общепризнанные этимологии, как др.-ирл. *fén* ‘повозка’ < **ueghno-* (ср. рус. *вез-* / *воз-*, лат. *vehō* ‘везу’, др.-инд. *vahanáh* ‘едуший’, др.-в.-н. *wagan* ‘повозка’ и др.), ирл. *brón* ‘горе’, ‘забота’ < *brugnos (см., напр., (Brugmann, Delbrück 1897: 693; Porzig 1954: 120; Walde; Pokorny) и др. Кельтская патронимика и топонимика дает много примеров с аналогичными фонетическими изменениями: ирл. *Artán* < *Artagnos*, *Broccán* < *Braccagnos*, *Corcán* < *Curcagnos* и мн. др. (Holder 1896–1907: 1–111), причем это изменение

частично засвидетельствовано в письменных памятниках.

Таким образом, на основании ирл. *áp* восстанавливается кельтская форма **agnos* 'быстрый', совпадающая с лит. *agnūs* как в фонетическом и морфологическом, так и в смысловом отношении.

Подобное сопоставление, как бы убедительно оно ни выглядело, не могло бы быть в достаточной мере доказательным, если бы оно было ограничено рамками только двух индоевропейских языков. Однако образование от корня **-ag-* прилагательных со значением 'подвижный, быстрый' засвидетельствовано и в других языках. Так, в древнеиндийском имеется прилагательное с тем же значением *ajiráḥ*. Наличие в данной форме суффикса **-го-* (наряду с **-по-*) не является существенным возражением против ее сопоставления с лит. *agnūs*, ибо, как убедительно показал Э. Бенвенист, в индоевропейском языке было широко распространено чередование г/п (Бенвенист 1955: гл. I, II, VI).¹ Именно подобное чередование мы можем отметить для и.-е. корня **ag-*, если сопоставим др.-инд. *ajiráḥ* с латинскими примерами.²

В латинском языке имелся глагол *aginō* 'суматошусь, спешу' (Petron., 61, 9) и существительное **agina* 'поспешность'.³ Самое слово **agina* относится к *agere* как *guīna* к *guere* или *pāgina* к корню *pag-*, а по значению его можно сопоставить с лат. *agitātiō* (Diez, 10). О наличии в вульгарной латыни существительного **agina* свидетельствует итал. *agina* (*aīna*) 'поспешность' (Battisti, Alessio, 89), ст.-исп. *ahina* 'быстро' и др. (Meyer-Lübke, 1Q). Более поздней формой принято считать лат. *agilis* 'подвижный, быстрый, проворный, деятельный' (ср. рум. *ager* с тем же значением, франц. *agile* 'ловкий, проворный'). Однако и здесь мы имеем прилагательное с интересующим нас значением, причем различные случаи употребления лат. *agilis* совпадают со случаями употребления лит. *agnūs*.

---

¹ Ср., напр., др.-гр. *δῶρον*, др.-рус. *даръ*, с одной стороны, лат. *dōnum*, др.-инд. *dānam* — с другой, или лит. *vasarà* и др.-рус. *весна*.

² Б. В. Горнунг в примечаниях к книге Э. Бенвениста (1955: 246) пишет, что «у нас нет никаких оснований предполагать когда-то чередования г/п» для ряда образований, в частности для др.-гр. *ἀγρός*. Однако против этого утверждения говорят как приведенные ниже примеры, в которых корень *ag-* выступает в ином значении, так и засвидетельствованные наряду с др.-гр. *ἀγρός* и лат. *agros* 'земля', 'поле' (< 'выгон') латинские и др.-ирл. формы с суффиксом **-по-*: лат. *agnua* (аспуа) 'земельный участок', др.-инд. *ajāpi* 'дорога', др.-инд. *ajāpāḥ* 'погоняющий, двигающий'.

³ Ф. Муллер считает, что *i* в *agina* было кратким (Muller, 10), другие авторы признают его долгим (Meyer-Lübke, 19). В вульгарной латыни, как об этом свидетельствуют данные романских языков, слово *agina* имело долгое *i*.

Несколько дальше, чем приведенные примеры из кельтского, древнеиндийского и латинского языков, отстоит от лит. *agnūs* др.-гр. ἄχταινω ‘быстро двигать(ся)’. Но если учесть, что греческие глаголы на -αίνω восходят к древнейшим наречиям на *-n̥ (λιπα < *lipn̥): λιπαίνω, σίγα < *sign̥; σιγαίνω и т. п., а этим наречиям соответствовали прилагательные на *-по- (πύχα: πυχνός и т. п.) (подробнее см. (Бенвенист 1955: 122–124)), то др.-гр. ἄχταινω также окажется возможным сблизить с лит. *agnūs*. Корень в обоих случаях один и тот же (ag-), в том и другом случае мы имеем формы суффикса, близкие древнеиндоевропейскому суффиксу отглагольных прилагательных *-по-. Только в греческой форме этот суффикс присоединяется не непосредственно к корню ag-, а к основе образованного от того же корня отглагольного прилагательного.

Приведенный выше материал кельтского, древнеиндийского, латинского и древнегреческого языков позволяет считать, что лит. *agnūs* восходит к отглагольному прилагательному, образованному от др.-и.-е. корня *ag- ‘гнать, приводить в движение’. Таким образом, наиболее древним значением этого прилагательного следует считать значение ‘подвижный, быстрый’, а значения ‘бодрый, живой, энергичный, сильный’ и др. рассматривать как значения производные.⁴

⁴ Такое же объяснение этимологии лит. *agnūs* принял недавно В. Мажюлис (Mažiulis, I, 50).

Лит. GUĖBAS*

У слова *guības* Академический словарь литовского языка (LKŽ, III, 741–742) отмечает 12 значений, среди которых в качестве основных можно выделить следующие: 1) ‘корзина, плетенка’, 2) ‘сплетенный из прутьев верх повозки’, 3) ‘ясли для скота’, 4) ‘постоянное или временное помещение (или часть его) для домашних животных и птицы’, т. е. ‘гнездо’, ‘клетка’, ‘конура’, ‘хлев’, ‘загон’, ‘часть хлева для мелкого скота’ и др., 5) ‘особого рода пчелиный улей, покрытый соломой’, 6) ‘мотовило (рогатка) для наматывания ниток’.

Вопрос об этимологии этого слова до сих пор нельзя считать решенным окончательно. К. Буга пытался связать происхождение лит. *guības*

* Статья под таким названием была опубликована в журнале: *Baltistica*. 1976. Т. XII (1). Р. 65–72.

‘хлев’ со словен. *gřb* ‘бугорок, горб, морщина’ (*Būga*, II, 526), но семантически это сопоставление почти ничего не дает для значения ‘хлев’ и совершенно не подходит для большинства из остальных перечисленных выше значений.

К. Альминаускис высказался в пользу немецкого происхождения лит. *guřbas* (← лит. *kuřbas*, *kařbas* ← нем. *Korb* ‘корзина’) (*Alminauskis* 1934: 55). Фонетически наличие вариантов *guřbas* — *kuřbas*, казалось бы, выглядит на литовской (балтийской) почве вполне правдоподобным. В работах К. Буги (*Būga*), Я. Эндзелина (*Endzelin* 1922: 180–183; 1951: 250 сл.), В. Махека (*Machek* 1943: 5ff), Ф. Шпехта (*Specht* 1944 (1947): 42–43, 315 и др.), Я. Отрембского (*Otrębski* 1955: 25f), В. Кипарского (*Kiparsky* 1968: 73–97) и др. можно найти немало примеров типа лит. *gardis* ~ *kardis* ‘грядка’, лтш. *guba* ~ *kupa* ‘копна’, лит. *gaũgaras* ~ *kaũkaras* ‘вершина, гребень горы’ и т. п.¹ Однако данное фонетическое явление намного древнее той эпохи, когда были установлены первые контакты литовцев с немцами. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи мены глухой ~ звонкий за пределами литовского и даже балтийского ареала: лит. *virpà* ‘рот’ ~ лтш. *riņpa* ‘морда, рыло’, др.-прусс. *girmis* ~ лит. *kirmis*, лит. *grõžis* ~ рус. *краса*, рус. *грудь* ~ лит. *kgũtinė*, рус. *брызгать* ~ *прыскать* и др.² Независимо от того, как мы будем объяснять данный феномен, корни его, безусловно, уходят по крайней мере в балто-славянскую эпоху. Кроме того, при наличии в слове двух звонких или глухих смычных мена обычно происходит в обоих случаях, особенно, если второй смычный — губной: лит. *gãbana* ‘охапка’ — лтш. *карапа* ‘копна’, жемайт. *guľbis* ~ слав. *kъľpъ → в.-луж. *коľр*, рус. *колкица* ‘лебедь’ (ср. также русский топоним *Колпино*), рус. *дробить* — лит. *trapùs* ‘хрупкий, ломкий’, лит. *drebėti* ‘дрожать, трястись’ — рус. *трепет(ать)* и др. Случай с лит. *guřbas* ~ *kuřbas*, где второе слово, по-видимому, возникло под влиянием немецкого языка, ни хронологически, ни фонетически не совпадает с рассмотренными примерами. Скорее можно думать, что форма *kuřbas* явилась следствием контаминации исконного литовского *guřbas* и заимствованного *kařbas* (← нем. *Korb*). Этой контаминации в какой-то мере содействовало наличие в литовском языке более древних (сравнительно с *kařbas*) слов с меной *g* ~ *k*.

¹ Особенно много примеров на менах глухой ~ звонкий в балтийских и славянских языках приводит В. Кипарский. См. также *Sabaliauskas* 1970: 33–35, где фонетическая сторона аргументации К. Альминаускиса признается убедительной.

² Все примеры на менах *глухой* ~ *звонкий* (здесь и ниже) даны из упомянутых выше работ.

Не удовлетворяет гипотеза К. Альминаускиса также и в семантическом плане. Трудно предположить, чтобы слово, заимствованное со значением 'корзина, плетенка' и, допустим, с рядом близких к нему иных значений (№ 2, 3, 4, 10 по LKŽ), могло бы самостоятельно развить значение 'мотовило' ('reketys siūlams lenkti, vyti').

Э. Френкель в своем этимологическом словаре (Fraenkel, 178) решительно возражает К. Альминаускису и относит лит. *guības* и лтш. *guība*, *guībs* к числу исконных балтийских образований, восходящих к и.-е. корню **geg-* 'плести, вить'. В качестве соответствий Э. Френкель приводит др.-гр. γέρον 'плетеная (торговая) будка на афинском рынке', 'плетеный кузов повозки', 'плетеный щит', γύρωδος 'плетеная корзина', а также ряд германских слов, представляющих собой производные того же индоевропейского корня (см. также: Frisk, I, 300, 335).³ А. Сабаляускас, считая доводы той и другой стороны достаточно убедительными, пытался объединить обе этимологии (Sabaliauskas 1970: 33–35; Сабаляускас 1974: 43). Он полагает, что лит. *guības* в значении 'хлев' и близких ему значениях является исконным балтийским словом. В значениях же 'корзина', 'плетеный верх повозки' и других (автор не уточняет, в каких именно) слово *guības* было заимствовано из немецкого языка. Наконец, латышские слова, возможно, в свою очередь, были заимствованы из литовского. Аргументы А. Сабаляускаса, в основном, сводятся к следующему.

1. «У слова *guības* в литовском языке имеются два совершенно не связанных между собой очага: один — на крайнем северо-востоке Литвы, где слово *guības* употребляется в значении 'помещение для содержания скота'; другой — в юго-западной части Литвы, где это слово чаще всего употребляется в значении 'корзина, плетенка'».

2. Лит. *guības* так же, как заимствованное слово *kuības* (нем. *Korb*), означает 'пчелиный улей' (в немецком языке — 'плетеный улей для содержания пчел'). В связи с этим А. Сабаляускас пишет: «Трудно представить, что без немецкого языка у лит. *guības* появилось бы значение особого пчелиного улья, покрытого соломой» (Sabaliauskas 1970: 34).

3. «Значение лит. *guības* 'плетеный из прутьев верх повозки' ... очень напоминает значение нем. *Korb* 'внутренняя плетеная часть телеги или повозки'» (Ibid.).

О первом из этих аргументов можно сказать, что разграничение значений одного и того же слова по разным диалектным зонам —

³Связь лит. *guības* со всей группой слов, относящихся к и.-е. **geg-* 'плести', отмечалась в одной из ранних работ К. Буги (Būga 1908: 176).

обычное явление в любом языке. Диалектные карты отмечают огромное количество слов бесспорно общего происхождения, которые имеют разные значения на достаточно четко противопоставленных ареалах. К тому же в рассматриваемом случае едва ли можно столь категорически говорить о «двух совершенно не связанных между собою очагах», ибо лит. *guĩbas* в значении ‘хлев’, по данным LKŽ, III, 742, встречается не только в северной и восточной, но также в центральной, юго-восточной и южной Литве, т. е. всюду, кроме западных ее районов. Во многих случаях ареалы значений ‘хлев’ и ‘корзина’ совпадают, в частности в южной Литве (Капсукас, Алитус — Аукштдварис). Если же из 12 значений слова *guĩbas* мы будем анализировать не только значения ‘хлев’ и ‘корзина’, но и близкие к ним, то от указанного А. Сабаляускасом ареального противопоставления придется, по-видимому, вообще отказаться.

Второй и третий аргументы А. Сабаляускаса сводятся к тому, что нем. *Korb* и лит. *guĩbas* имеют три общих значения (‘корзина’, ‘кузов’ и ‘улей’), которые не могли развиваться в каждом из этих языков независимо. Однако все три значения литовского слова легко объясняются из глагольного корня **ger-* ‘плести’ (→ ‘плетенка’, этимология, принятая в словаре Э. Френкеля). А насколько естественным является объединение в одном слове указанных трех значений, свидетельствует, например, рус. диал. *кузов*: 1) ‘корзина’, 2) ‘плетеный короб кареты или телеги’ и 3) ‘плетеный улей’ (ср. Даль, II, 213). Разумеется, в последнем случае ни о каком немецком влиянии не может быть и речи.

Если допустить, что лит. *guĩbas* является исконным словом только в значении ‘хлев’, а остальные его значения относятся к другому — заимствованному из немецкого языка — слову, то нам придется признать, что последнее было заимствовано с большим количеством значений, чем действительное заимствование — лит. *kaĩbas* (→ *kuĩbas*). С таким большим числом разнообразных значений слова обычно из одного языка в другой не заимствуются. Если же предположить, что заимствовано слово *guĩbas* было только в одном или двух-трех значениях (напр., ‘корзина’, ‘кузов’ и ‘улей’), то остается неясным, как из этих значений уже на литовской почве — без всякой поддержки со стороны этимологической связи с производящим глаголом ‘плести, вить’ — могла развиваться вся та сложная сумма значений, которая характерна для анализируемого слова.

Этимология, связывающая лит. *guĩbas* с корнем **ger-* ‘плести, вить’, убедительно объясняет все без исключения значения этого слова.

Во-первых, 'плести' → 'плетенка': 'плетеная корзина', 'кузов', 'гнездо', 'улей' (или вторично — из значения 'корзина'). Затем на базе значения 'корзина' или 'гнездо' развиваются новые значения: 'конура', 'клетка', 'ясли'. Детали здесь, разумеется, могли быть и несколько иными, но не в них суть дела.

Одним из наиболее естественных и широко распространенных изо-семантических рядов является ряд 'плести' → 'плетень, ограда'.⁴ В свою очередь, название 'ограда' очень часто переходит с того, чем огораживают, на то, что огораживают: лит. *gaĩdas* 'загородка' и 'загон, стойло', рус. *ограда*, но *огород*, алб. *garth* 'забор', но гот. *gards* 'дом' и др. Значение 'плетень, ограда, перегородка' в литовском языке у слова *guĩbas* не засвидетельствовано. Но такие значения, как 'отдельная часть хлева' или 'отгороженная часть погреба' (ЛКЖ, III, 741) могли быть производными именно от него. И здесь невольно вспоминается, что утраченное семантическое звено мы находим в латышском языке, где слово *guĩba*, наряду с иными, имеет значения 'изгородь' и 'досчатая перегородка в хлеве' (Mühlebbach, I, 683).

А. Сабальяускас пишет, что «все значения лтш. *guĩba*, *gurbs* являются как бы переходными между значениями 'корзина, плетенка' и 'помещение для содержания скота'» (Sabaliauskas 1970: 35). Это, видимо, не совсем так, если подходить к анализируемым словам с позиций диахронии, а не синхронии. Дело в том, что здесь значение 'корзина' не изменялось в значении 'ограда, плетень', а было образовано наряду с последним (ср. рус. *плетенка* и *плетень*). Следовательно, латышские слова, обозначающие 'изгородь', являются переходными не от 'корзина' к 'хлев', а от древнего значения 'плести' глагольного корня **geg-* к значению 'загон', 'стойло', 'хлев' ('плести' → 'плетень, ограда' → 'огороженное место, загон' → 'стойло, хлев'). Вот почему предположение А. Сабальяускаса о заимствовании лтш. *guĩba*, *gurbs* из литовского языка, на мой взгляд, нуждается в дополнительной аргументации.

Наконец, очень важным для этимологии лит. *guĩbas* является значение 'мотовило', обычно почему-то оставляемое в стороне этимологами, несмотря на его несомненную древность. Между тем, глагольный корень **geg-* 'плести, вить' объясняет и это значение литовского слова (ср. рус. *вить* и *вьюшка* 'снаряд для наматывания пряжи').

Закономерность изложенных выше семантических связей подтверждается, помимо уже приведенных примеров (*кузов, плетень, вьюш-*

⁴Ср. нем. *winden* → *Wand*, лит. *sieti* → *siena*, *pinti* → *pinũčiai*, монг. *хэрэх* → *хэрэм*, рус. *плету* → *плетень* и др.

ка, *gaīdas* и др.) наличием большого количества изосемантических рядов, отражающих отдельные семантические звенья реконструируемых изменений.

Так, для лит. *guības* а) 'корзина', б) 'улей, покрытый соломой', в) 'загон' можно указать на параллель в случае: а) болг. *кош*, др.-рус. *кошь* 'корзина', б) с.-хрв. *kōš* 'соломенный улей', в) рус. диал. *кош* 'загон' (Трубачев 1966: 163–164). Значения 'клетка' и 'улей' имеет лит. *paīvas*. Значения 'корзина' и 'снаряд для разматывания пряжи' имеют производные глаголы *вить* — рус. диал. *вѣтина* и *вѣтушка* (Даль, I, 208), значения 'корзина' и '(плетеный) пчелиный улей' — лтш. *kuozuls* (Mühlenbach, II, 350) и т. д.

Особо следует сказать о лит. *guības* в значении 'пчелиный улей'. Как известно, бортничество было издревле развито у балтийских и славянских племен.⁵ Об этом, в частности, свидетельствуют такие балто-славянские лексические изоглоссы, как лит. *vāškas* — рус. *воск*, лит. *bitė* — ст.-сл. **БЪЧЕЛА**, лит. *medūs* — ст.-сл. **МЕДЪ** и др. Распространенным и достаточно древним видом бортничества является так называемое кузовное пчеловодство, когда на деревья подвешиваются плетеные или долбленые улья (рус. диал. *кузов*, *наузенъ*), а не выдалбливаются борти в деревьях. Именно такие плетеные из соломы или прутьев ульи и получили название *guības*.⁶ Можно полагать, что кузовное пчеловодство (как часть лесного) оставило свои следы и в литовской топонимике: *Gūrbai*, *Guībmiškių*, *Guībšilis*, *Gurbšilėlis*, *Gurbū miškas* — все эти топонимы, как справедливо указывает А. Сабаляускас (*Sabalaiuskas* 1970: 35),⁷ плохо вяжутся со значениями лит. *guības* 'хлев' или 'корзина'. В то же время бортническое значение слова как нельзя лучше подходит и для топонимов *Gūrbai* (ср. *Aviliai*), и для названий леса и его частей. Характерно, что «лтш. *guība* не оставило никаких следов в топонимике» (*Ibid.*).⁸ Это и не удивительно, ибо латышское слово не име-

⁵Сведения о пчеловодстве и о торговле медом на Руси содержат древнейшие русские летописи. О древности пчеловодства у балтов см. (Połujański 1854: 97–98, 149–150; Klinge 1901: 5–7; Bielenstein 1907–1918: 190). Однако наибольшую древность отражают в этом отношении данные языка.

⁶Описание «технологии» кузовного пчеловодства у литовцев см. (Połujański 1854: II, 264). О связи улья с плетением см. также (Топоров 1975: 6, прим. 5).

⁷Кроме приведенных А. Сабаляускасом, ряд литовских топонимов с основой *Gurb-* можно найти в словаре *St. GKP*, II, 907 и 912.

⁸Подвесные ульи, употреблявшиеся в древности для содержания, а позднее — только для отлова пчел, у латышей назывались *aulis* и *kuozuls* (Bielenstein, 219; Mühlenbach, I, 223; II, 350). Отсутствие слова и даже понятия *aulis* в латышских народных песнях привело А. Биленштейна к выводу о позднем — сравнительно с бортневым (ср. лтш. *drawa*)

ло значения ‘улей’, а ‘перегородка в хлеве’ или ‘помещение, где содержат птиц’ (‘Vogelstall’)— значения, не очень подходящие для лесных топонимов.⁹ Предположение А. Сабаляускаса о связи основы *guġb-* этих топонимов с *garbis* ‘гора’ вызывает некоторые сомнения. Прежде всего, балтийские топонимические композиты обычно содержат основу *garb-* (или *kaġ-*) во второй своей половине: др.-прус. *Larregarbe* (= лит. *Lāpkalnis*), *Laumygarbis*, *Swentegarben*, лит. *Daubkalniai* (но нем. *Bergenthal*) и т. д. (*Gerullis* 1922: 83, 85, 178, 227). Затем, среди прусских топонимов, начинающихся на *Garb-*, отсутствуют композиты, все они — суффиксальные образования (*Gerullis* 1922: 36). Наконец, если топонимы *Guġbmiškis*, *Guġbšilis* и др. рассматривать как своего рода прусско-литовские «гибриды», то им должна была соответствовать литовская модель типа **Kal(na)miškis*, **Kal(na)šilis* (ср.: др.-прус. *Larregarbe* — лит. *Lāpkalnis*), неизвестная, однако, литовской топонимике.¹⁰

Изложенный материал позволяет поставить вопрос о пересмотре еще одной литовской этимологии. Поскольку и.-е. корень **ger-/gog-/gġ-* (балт. *ger-/gag-/gug-*) в форме *guġbas* отражает нулевую ступень своей огласовки, к его основам в формах *gerb-* и *garb-*, быть может, следует отнести такие слова, как *garbaĩ*, *gárbanos*, *gerbenai*, *garbapĩai* ‘кудри, локоны’, которые обычно сопоставляются с др.-прус. *garbis* ‘гора’, др.-прус. *gъrbъ*, рус. *горб*, исл. когра ‘морщина, складка’ и др. (*Liden* 1906: 36; *Būga* II, 128; *Fraenkel* 135). Существенным недостатком последнего сопоставления является его сугубо умозрительный характер, отсутствие опоры на семантические закономерности. Только в кабинетной обстановке современного этимолога может возникнуть идея объединить значения ‘локон’ и ‘гора’ посредством общего понятия ‘нечто изогнутое, кривое’.¹¹

Между тем, семантическая связь между балтийским глагольным корнем **ger-/gog-/gug-* ‘плести, вить’ и значением ‘локон’ может характере кузовного пчеловодства у латышей. Однако закрепление за подвесным ульем такого древнего названия, как *aulis* (ср. лит. *aviū̃s*, рус. *улей* и др.), говорит, видимо, о гораздо более глубокой древности, чем та, которую отражают самые старые народные песни.

⁹Наличие топонимов типа *Guġbmiškis* и отсутствие подобных образований на *Kurb-* и *Karb-* (во всяком случае, в рамках материала, отраженного в «*Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas*», Vilnius, 1959) делает гипотезу о заимствовании лит. *guġbas* в значениях ‘улей’ и др. из немецкого языка крайне маловероятной.

¹⁰В то же время есть засвидетельствованный с XVI в. топоним *Šilakalnas* (Шилакальнас) — см. (*Спрогис* 1888: 332).

¹¹Что фактически делает, например, Э. Лиден (*Liden* 1906: 37; 1897: 7f.).

быть подтверждена большим количеством примеров с достаточно очевидной этимологией: др.-гр. πλέχω 'плету' → πλόχος 'прядь', 'локон'; рус. (за)вить → завиток, в диалектах также — завой; плести → диал. плетёнъ, плетеніца 'девичья коса' (Даль, III, 125), лит. pinti 'плести' → pinka 'клок спутанных волос' (LKŽ, IX, 1047) и др.

Если взять такие разные значения лит. guības и лтш. guība (в сопоставлении с garbāi 'локоны'), как 'корзина', 'плетень, изгородь', 'мотовило', то связь между этими значениями может быть соотнесена со следующими семантическими аналогиями: др.-гр. πλέχος 'корзина' — πλόχος 'прядь, локон'; рус. диал. плетёнъ 'изгородь' — плетёнъ 'девичья коса'; рус. диал. вѣтина 'корзина' — витѣшка 'снаряд для наматывания пряжи' — завиток (завитѣшка) 'локон' (Даль, III, 125; I, 208, 559); лит. pinaī, pīnūčiai 'плетень, изгородь' — rūpė 'корзина' — rūpė 'девичья коса', pinka 'клок спутанных волос' (все — к pinti 'плести' примеры взяты из LKŽ, IX).

В этот же изосемантический ряд, естественно, входит и случай с лит. guības 'корзина', 'мотовило', лтш. guība 'изгородь' — лит. garbāi (→ gárbanos)¹² 'локоны' (все — к корню *geg- 'плести').

¹² Ср. úkas → úkanas, vařgas → vařganas и т. п. См.: Skardžius 1943: 226–228.

Лит. KAŪŠAS, лтш. KAÛSS*

Еще А. Лескин высказал предположение о славянском происхождении приведенных в заглавии балтийских слов (Leskien 1891: 194). Однако, поскольку рус., укр. ковш, блр. коўш и пол. kousz на славянской почве не этимологизируются, их этимологические истоки стали искать в восточных странах. Приводились многочисленные названия разного рода сосудов в тюркских, иранских и других восточных языках — названия, которые хотя бы отдаленно напоминали по звучанию рус. ковш и другие славянские и балтийские слова.¹

В настоящее время большинство исследователей решительно отвергают гипотезу о восточном происхождении анализируемых слов. О неприемлемости этой гипотезы уверенно пишет М. Фасмер (II, 273), а в словаре Э. Френкеля приводится балтийская этимология лит. káušas

* Статья под названием «К этимологии лит. káušas, лтш. kaùss 'череп; ковш'» была опубликована в журнале: Baltistica. 1970. Т. VI(2). P. 185–192.

¹ Перечень их можно найти в кн.: Абаев, 642.

и лтш. *kaüss* (Fraenkel, 231–232). Однако время от времени это положение о балтийском происхождении рассматриваемых слов подвергается прямой или косвенной критике. Так, П. Я. Черных в «Очерке русской исторической лексикологии» предлагает славянскую этимологию слова *ковш* (к *ковать*) (Черных 1956: 96). О. Н. Трубачев в рецензии на эту книгу справедливо отметил, что слово *ковш*, видимо, было заимствовано из литовского (Трубачев 1958: 101). Однако впоследствии сам рецензент отказался от своей прежней точки зрения и вернулся к отвергнутой в настоящее время гипотезе о восточном происхождении рус. *ковш* и о последующем заимствовании из славянского в балтийский (Трубачев 1966: 302–303). Поскольку автор лишь бегло касается данного вопроса, ограничиваясь, в основном, приведением материала из словаря В. И. Абаева, имеет смысл остановиться подробнее на основных *pro et contra*.

Осет. *k'ūs/k'os* 'миска, чашка', алт. *köš*, якут. *küös* 'горшок, чашка', груз. *k'ovzi* 'ложка', перс. *kūza* 'кружка, горшок', арм. *kuž* 'горшок' представляют собой достаточно пеструю семантическую картину, не совпадающую с проходящим красной нитью по всему балто-славянскому ареалу значением 'ковш'. Фонетически трудно себе представить, чтобы какое-либо из перечисленных слов могло послужить источником славянского *ковш*. Учитывая особенности фонетической субституции и возможной славянизации слова, мы вправе допустить значительные отклонения в звучании двух слов (в языке-источнике и в заимствующем языке). Но все дело в том, что рус. *ковш* фонетически совсем не выглядит славянским словом, что заставляет предполагать предельно близкую передачу фонетического «облика» слова языка-источника.

Обратимся теперь к балто-славянскому ареалу. Кто у кого заимствовал слово — балты у славян или славяне у балтов?² Начнем с рассмотрения фонетических данных. Сочетание *auš-*, как известно, в литовском языке является обычным³ (*áušti*, *aušrà* и др.) — в отличие от русского сочетания *овш-*. После глухих смычных *p*, *t*, *k* литовский язык также допускает сочетание *-auš-* (*pauškėti*, *tauškūs*, *kaušti*), которому после звонких смычных *b*, *d*, *g* будет соответствовать сочетание *-auž-* (*baūžas*, *daužėti*, *gaūžtis*). Русскому языку чужды корневые слова, начинающиеся на *овш-*, *повш-*, *товш-*, *ковш-*, *бовш-* или *бовж-* и т. д. Характерно, что единственное (наряду с *ковш*) русское слово подобно-

² Независимо от возможности или невозможности восточного происхождения слова.

³ Для краткости ниже приводятся данные только русского и литовского языков.

го типа — *ловжа* — представляет собой заимствование из литовского *láužas* ‘куча обломанных веток’.

Из других фонетических особенностей следует отметить наличие аблаутных форм в литовском языке: *káušas* и *kiáušas*, *kiáušė* ‘череп’, а также колебания в передаче гуттурального **k̄*: *kau-š-ėlis* ‘ковшик’ и *kau-k-ėlė* ‘небольшое деревянное блюдо; ковш, которым вычерпывают воду из лодки’ (Vūga, II, 364), *káu-š-as* и *káu-k-olė* ‘череп’ (ср.: *piřšti*: *piřkti* и другие примеры подобного рода) (Vūga, II, 221). Наиболее подробный список с примерами «непоследовательной сатемности» в идоевропейских языках (более 100 случаев) приводит А. Пахарес (Rajares 1971: 96–101), балто-славянский материал детально обследовал В. Н. Чекман (1974). Перечень обширной литературы по этому вопросу см. (Откупщиков 1989: 64 сл.).

В словообразовательном отношении рус. *ковш* и другие славянские слова оказываются полностью изолированными на славянской почве. В литовском языке можно отметить такие, несомненно, связанные с *káušas* слова, как *kaūšti* ‘пьянеть’, *ra^kkáušis* (= лтш. *ra^kausis*) ‘затылок’ и др., не говоря уже о тех связях, речь о которых пойдет ниже — при рассмотрении этимологии анализируемых слов.

В славянских языках засвидетельствовано только одно значение слова *ковш*. В литовском и латышском, кроме значения ‘ковш’, мы сталкиваемся у слов *káušas* и *kaūss* с несомненно древним значением ‘череп’. Древность этого значения подтверждается наличием производных *ra^kkáušis* и *ra^kausis* ‘затылок’, а также аблаутной формой *kiáušas* ‘череп’ и образованием с гуттуральным *k — *káu^kolė* ‘череп’. Хорошо известно, что значения ‘череп’ и ‘сосуд’ часто сосуществуют в рамках этимологически единого слова или двух близкородственных слов. Так, значения ‘череп’ и ‘сосуд’ могут быть отмечены у др.-гр. *σχιφίον* — слова, представляющего собой диминутив к *σχιφος* ‘чашка, кружка’. Ср. также рус. *чаш(к)а* и пол. *czasz(k)a* ‘череп’, англ. *scale* ‘чаша’ и *scull* ‘череп’, лат. *calvāria* ‘череп’ и ‘кубок’, др.-исл. *hauss* ‘сосуд для питья’ и ‘череп’⁴ = лтш. *kaūss* с теми же двумя значениями.

Ни одно из восточных слов, приводимых в качестве предполагаемого источника для рус. *ковш*, не имеет значения ‘череп’. Следовательно, сторонникам «восточной гипотезы» приходится допустить, что сравнительно позднее заимствование с Востока (слово *ковш* известно лишь восточнославянским языкам и польскому) проникло из славянских языков в балтийские, приобрело там новое значение ‘череп’,

⁴Другие примеры подобного рода см. в статье: Scheffelowitz 1904: 143 ff.

на базе которого были образованы в литовском и латышском языках слова со значением 'затылок'. Кроме того, на балтийской почве были вновь образованы аблаутные формы *kiáušas* и *kiáušè* (и это в эпоху, когда аблаут уже давно утратил свою продуктивность!),⁵ а лит. *káušas*, заимствованное из слав. *ковшъ*, утратило признак мужского рода *-s*, проникло в форме **kauša* в фин. *kauha*, а затем вновь перешло в мужской род (→ *káušas*). Разумеется, всё это — крайне маловероятно.

О. Н. Трубачев сомневается в том, что фин. *kauha* было заимствовано из древнебалтийского, ибо **kaušas* должно было бы дать фин. **kauhas*, а не *kauha*. При этом он ссылается на лит. *āvinas* — фин. *oipas* (Трубачев 1966: 301). Однако пример, приведенный О. Н. Трубачевым, трудно признать удачным. Название барана отражает биологическую принадлежность к мужскому роду, поэтому едва ли даже в древнебалтийском слово *āvinas* могло быть женского или среднего рода. Иное дело — название ковша или черепа. Именно фин. *kauha* позволяет реконструировать др.-балт. **kauša*, что находит себе подтверждение в индоевропейских соответствиях среднего рода: лат. *saucum* 'кубок', др.-гр. *χαχίον* 'чаша' (Fraenkel, 232; Иллич-Свитыч 1963: 82). Кстати, лит. *tiltas* — фин. *silta*, лит. *šiėnas* — фин. *heinä* и т. п. (Thomsen 1890: 79, 98; 112–113) также подтверждают правильность приведенной выше реконструкции. Характерно, что, например, лит. *žaišbas* '*зуб', 'острый угол' — при индоевропейских соответствиях мужского рода (ст.-сл. **ЗЖБЪ**, др.-инд. *jāmbhañ* 'зуб', др.-гр. *γύμφος* 'гвоздь') проникло в финский с конечным *-s*: *hammas* 'зуб, шип' (Ibid.: 80), а лит. *šiėnas* (ср. рус. *сено* — среднего рода) — без конечного *-s*: *heinä*.⁶ Таким образом, всякие сомнения в балтийском происхождении фин. *kauha* оказываются совершенно необоснованными.

Балтийский и славянский ареалы рассматриваемых слов также говорят отнюдь не в пользу их славянского (или восточного) происхождения. Польский, белорусский, русский и (в меньшей степени) украинский — это обычный ареал славянских балтизмов. Именно в этом ареале мы встречаемся со словом *ковш*, которое неизвестно всем остальным славянским языкам. Среди памятников древней белорусской, русской и польской письменности слово *ковш* особенно часто встречается

⁵ Древность приведенных аблаутных форм была отмечена К. Бугой (Būga, I, 363).

⁶ В качестве причины, приведшей к расхождению между балт. *-as* и фин. *-a* В. Томсен ссылается на аккузатив как источник заимствований (Thomsen 1890: 112). Там же приведен список подобных заимствований, содержащий около 20 примеров (в том числе *káušas* — *kauha*).

в документах так называемого Литовско-русского государства (Jablonskis 1941: 106–107). В том же, в основном, славянском ареале, что и слово *ковш*, распространены и такие балтизмы, как *жлукто*, *яндова*, *дойлид(а)*, *шуло*, *шклюд(склют)* и др. Происхождение всех этих слов неразрывно связано с процессом обработки дерева, а *ковш*, *жлукто*, *яндова* относят к одной и той же семантической группе названия сосудов.

Наконец, исконно балтийское происхождение лит. *káušas*, лтш. *kaūss* подтверждается наличием индоевропейских соответствий, в первую очередь — др.-инд. *kōṣaḥ* (с *ō* из *au) ‘сосуд, чан’, др.-гр. *χαυχίον* ‘чаша’, лат. *saucum* ‘кубок’. Эти слова фонетически соответствуют балтийским, но не могут рассматриваться в качестве соответствий славянским названиям ковша, которые находят свое место в приведенном ряду лишь как заимствования из балтийского.⁷

Теперь, когда выяснилась полная неосновательность сомнений в исконно балтийском происхождении лит. *káušas*, лтш. *kaūss*, можно обратиться к вопросу об этимологии этих слов. К. Буга (*Būga*, I, 364) возводил их к корню *(s)kau- ‘покрывать’, объединяя с лит. *skiaūtė* ‘отрывок, отрезок ткани’ и другими связанными с ним словами. Однако гипотетический корень *(s)kau- ‘покрывать’ вычленялся К. Бугой из приводимых им примеров, а примеры эти, по-видимому, имеют иную — более убедительную — этимологию: лит. *skvētas*, *skiaūtė*, *skūtas* (ср. также ст.-сл. **СКОУТЬ**), *skūtas* ‘кусок ткани, лоскут’ — к *skūsti* ‘резать’ (→ ‘брить’); см. (Fraenkel 804, 824–825).

В отличие от К. Буги, Э. Френкель (Fraenkel, 232) возводит лит. *káušas* к и.-е. корню **keu-*, **kou-*, **ku-* со значением ‘делать свод, быть выпуклым’ (‘wölben’). Эта этимология — яркий образчик переноса нашего сегодняшнего абстрактного мышления в древнюю индоевропейскую эпоху. Ибо речь в данном случае, видимо, идет не о литовской и не о балтийской, а об индоевропейской этимологии слова, засвидетельствованного за пределами балтийских языков в древнеиндийском, латинском, древнегреческом и древнеисландском языке (*hauss* ‘череп’ и ‘сосуд для питья’). По существу, мы берем несколько предметов, обозначаемых одним словом или группой родственных слов: череп, чаша, ковш, маска, скорлупа и т. д. Затем выясняем, что, с нашей точки зрения, общего в этих предметах. Делаем вывод, что «выпуклость» или «округлость». Так появляется современная абстрактная этимология.

⁷Исконно славянское соответствие приведенным словам должно было бы иметь форму *коусъ, рус. *кус.

Но так не возникали слова в древнюю эпоху.

Для нас понятие 'раз' ('единица') — это нечто, противостоящее множеству. Для древнего же человека — это 'удар' (ср. рус. *раз* и *разить*, лит. *kaĩtas* 'раз' и *kiĩsti* 'рубить, ударять'). Мы воспринимаем понятие 'короткий' как антипод 'длинного'. В древности абстрактному понятию 'короткий' предшествовало понятие 'укороченный', в свою очередь восходящее к более конкретному — 'обрезанный, обрубленный' (ср.: ст.-сл. **КРАТЬКЪ** и **ЧРЪСТИ** 'резать', англ. *short* 'короткий' и *shear* 'резать' и др.). Примеры подобного рода можно приводить без конца. Все они свидетельствуют о том, что мышление древнего индоевропейца, протобалта или праславянина было конкретным.

Обращаясь к этимологии лит. *kaušas*, лтш. *kaũss*, следует прежде всего хотя бы предположительно выяснить, с каким сосудом мы имеем дело: с деревянным, глиняным или металлическим. Наличие изоглоссы, охватывающей столь обширный ареал весьма далеких друг от друга индоевропейских языков, свидетельствует об исключительной древности данного названия сосуда. Даже если это слово и не было общеиндоевропейским, оно, несомненно, возникло еще в индоевропейскую эпоху. Поэтому любая этимология, связанная с названием исконно металлического сосуда,⁸ в данном случае отпадает по хронологическим причинам. Едва ли следует здесь ориентироваться и на названия глиняных сосудов, ибо ни одно подобного рода исконное название, встречающееся в балтийских языках, не имеет столь широкого индоевропейского ареала, как название ковша.

Хорошо известно, что из разного рода сосудов наибольшей древностью отличаются сосуды деревянные. Из числа индоевропейских племен широкое использование деревянных сосудов для приготовления горячей пищи особенно, пожалуй, долго сохранялось у балтов. Так, средневековые источники сообщают о том, что латыши готовили себе пищу в деревянных сосудах, опуская в них раскаленные на огне камни (Bielenstien 1907–1918: I–II, 272–273). Этот древнейший способ варки в более позднюю эпоху был отмечен, например, у алеутов и других жителей северных островов Тихого океана (Ibid.: 273). Все большие сосуды у древних славян также обычно изготавливались из дерева, в первую очередь, выдалбливались (Нидерле 1956: 343).

Уже давно было отмечено, что названия деревянных сосудов очень часто этимологически бывают связаны с глаголами 'резать', 'рубить', 'вырубать', 'выдалбливать' и т. п. (Petersson 1909: 395). Примеры тако-

⁸Например, П. Я. Черных возводил рус. *ковш* к глаголу *ковать* (Черных 1956: 96).

го рода многочисленны, ибо перед нами — одна из наиболее устойчивых и распространенных изосемантических моделей. Остановимся лишь на некоторых примсрах.

1. Ср.-н.-н. *scherve* 'чашка', лит. *prā-kartas* 'ясли', рус. *корыто* — к и.-е. *(s)ker- 'резать' (Pokorny, 942–44); сюда же следует отнести лит. *kařstas*, лтш. *řkřřsts* 'гроб' (ср. лит. *skęřsti* 'резать', *keřslas* 'доло-то', *křřsti* 'рубить, вырубать' (Откупщиков 1967: 211–212).

2. Др.-в.-н. *scif* 'сосуд', а также готск., др.-исл., др.-англ. *skip* 'судно, лодка' — к и.-е. *(s)kei- 'резать' (←*'вырезанная, выдолбленная однодревка' (Pokorny, 922)).

3. Рус. *колода* (в диалектах) '(выдолбленные) корыто, улей, гроб, лодка' — ср. лит. *kālti* 'выдалбливать' (там же: 122–123 и др.).

4. Др.-гр. *σχαφή* 'корыто, таз' (а также 'челн, лодка') в семантическом плане следует сопоставлять не столько с др.-гр. *σχαπτω* 'копаю, выкапываю', сколько с такими индоевропейскими соответствиями, как лит. *skōbti* 'выдалбливать, вырезать', *skabūs* 'острый', *skābtas* 'кривой нож для вырезания в дереве', *skartūoti* 'вырезать (в дереве)' и др.

5. Др.-в.-н. *scala* 'сосуд для питья' — к др.-исл. *skalm* 'меч, нож', лит. *skėlti* и др.

6. Рус. *чаша*, др.-прус. *kiosi* 'кубок' — к и.-е. *kes-/*kos- 'резать, рубить' (Якобссон 1958: 306).

7. Лат. *dōlium* 'бочка' (в том числе — деревянная:⁹ Plin., Hist. Nat., VIII, 16) — к *dolāre* 'обтесывать' (Hubschmid 1955: 156); ср. также *dolābga* 'мотыга, кирка; орудие для пробивания стен', *dolātus* 'тесание, рубка' и др.

Родственное слово (с иной огласовкой) ст.-сл. **ДЕЛЪВА**, др.-рус. *делва* 'бочка', подобно латинскому слову, этимологизируется на основе сопоставления с макед. *дела* 'тесать, строгать' (ср. также макед. *деланка* 'щепка').¹⁰

8. Наконец, можно указать также этимологически совершенно прозрачные более поздние образования: рус. диал. *долбўша*, *долблєнка* 'долбленая чашка, корытце', 'долбленный улей' (Даль, I, 460); с.-хрв. *дўбило* 'корыто' и т. п.

Подобного рода примеры широко известны в самых различных языках, начиная от древнейших эпох и кончая сравнительно поздним вре-

⁹ Утверждение О. Н. Трубачева (1966: 243) о том, что лат. *dōlium* «обозначает исключительно глиняные сосуды», ошибочно.

¹⁰ «Еще же извлекоша сосудъ деревянь, делву», — читаем в Повести об Антонии Римлянине (XVI в.). См.: Ржигя 1929: 27.

менем. Данная семантическая модель вполне естественна, ибо она отражает в процессе номинации предмета самое трудоемкое действие, связанное с его изготовлением.

Все это позволяет связать этимологически лит. *káušas* и лтш. *kaūss* с лит. *káuči*, лтш. *kaūt* 'рубить', а также с лит. *kaūšti* и лтш. *kaūst* 'выдалбливать'. Сопоставляя эти слова, необходимо иметь в виду две семантико-словообразовательные модели, характерные для индоевропейских языков.

1. Лит. *klob-(ti)* 'стлать, укладывать' (простой глагол) → лит. *klobas* 'слой, пласт', ср. рус. *кладъ* (отглагольное имя) → рус. *клад-у, класть* (отыменной глагол).

2. И.-е. **keg-* 'рубить, колоть, резать' (простой глагол) → ст.-сл. **ЧРЪПЪ** (< **keg-p-*) 'осколок, черепок' (отглагольное имя) → **ЧРЪПАТИ** 'черпать, наливать' (собственно: 'действовать с помощью черепка', — отыменной глагол).

В первом случае значение вторичного (отыменного) глагола почти или совсем не отличается от значения простейшего исходного глагола.¹¹ Во втором примере все попытки реконструировать «семантическое изменение» типа 'рубить, колоть' → 'наливать' останутся безуспешными, если не принимать во внимание всего сложного комплекса единой семантико-словообразовательной модели. И ключевым для понимания здесь оказывается формирование семантики отглагольного имени, которая далее естественно развивается в новом направлении.

Обе приведенные модели засвидетельствованы для случая с лит. *káušas*: *káuči* 'рубить, вырубать' (простой глагол) → *káušas* 'вырубленный из дерева, выдолбленный сосуд' (отглагольное имя) → а) *kaūšti* 'выдалбливать' (отыменной глагол с сохранением основного значения простейшего глагола); б) *kaūšti* 'пьянеть, хмелеть' (отыменной глагол, утративший связь с простейшим глаголом, но более тесно связанный семантически с именем — по модели: нем. *Becher* — *bechern*).

Семантико-словообразовательная связь между *káušas* 'выдолбленный (сосуд), ковш' и *kaūšti* 'выдалбливать' аналогична связи между лит. *kaišà* 'оскрёбки, (нечто) соскобленное' и глаголом *káišti* 'скоблить'. Интересно отметить, что в обоих случаях имеются изоглоссы, связывающие литовские слова с древнеиндийскими: а) *káušas* и *kōśaḥ* (*ō* < *au*) 'сосуд', б) *kaišà* 'оскрёбки' и *kéśaḥ* (*ē* < *ai*) 'волосы' (из значения 'скрести, чесать', ср. рус. *коса* и *чесать*).

¹¹ Аналогичное явление в плане не лексического, а грамматического значения мы имеем в случаях типа лат. *canere* → *cantus* → *cantāre* (франц. → *chanter*) 'петь'.

Связь восточнославянского слова *кувшин* (< *ковшин — аналогично *кувалда* < *ковалда, ср. *ковать*) с *ковш* обычно ни у кого не вызывает сомнений. И здесь опять эта связь может стать ясной лишь в том случае, если слово *кувшин* рассматривать как балтийское заимствование. Словообразовательная модель *kāušas* — *kaušinas (как *raišas* — *raišinas*, *vaikas* — *vaikinas* и т. п.) хорошо известна в литовском языке, где с помощью суффикса *-in(as)* формируются, в частности, аугментативные и диминутивные образования (Skardžius 1943: 242–243). Кстати, близкую словообразовательную модель представляют собой и латышские диминутивы на *-inš* (< *-injas*). У А. Биленштейна среди деревянных сосудов латышей упоминаются *kausi* или *kausiņi* (Bielenstein 1907: I, 315). В современном литературном латышском языке слово *kausiņš*, — это обычный диминутив к *kaüss*. Все это говорит о том, что реконструкция лит. *kaušinas, послужившего источником заимствования восточнославянского слова *кувшин*, базируется на реальной основе.

Лит., лтш. RAGANA*

Еще двести лет тому назад автор одного латышско-немецкого словаря И. Ланге писал, что лтш. *gag(g)ana* — это ‘рогатая ведьма’ (Lange, 245, 316). Можно указать целый ряд подобного рода старых и новых толкований также применительно к лит. *gāgana* (= *ragūota*).

В конце XIX в. А. Лескин, сначала под вопросом (Leskien 1884: 365), а затем более уверенно, сопоставил лит. и лтш. *gagana* с лит. *gegėli*, лтш. *redzēt*, (корень *geg-* ‘видеть’) (Leskien 1891: 387). Эта этимология была принята и отчасти аргументирована в работах Й. Микколы (Mikkola 1895: 220–221), Х. Петерссона (Petersson 1922: 48), К. Буги (Būga, II, 257–258), Я. Эндзелина (Mühlenbach III, 464, с примечаниями Я. Эндзелина). Из современных авторов данное этимологическое истолкование принимают, например, Б. Егерс (Jegers 1966: 144), А. Сабалиускас (Sabaliauskas 1966: 40), М. Гимбутас (Gimbutas 1974: 89).

Предполагаемая связь между словами *gegėli* и *gāgana* имеет надежные семантические аналогии: др.-рус. *въдѣма* и *въдѣти* ‘знать’; русский пример *знахарь* — *знать* семантически можно сопоставить с лит.

* Статья под названием «О происхождении лит., лтш. *gagana* ‘ведьма’» была опубликована в журнале: *Baltistica*. 1977. Т. XIII (1). Р. 271–275.

žynys 'колдун' — žinoti 'знать'. Видимо, сюда же следует присоединить англ. witch 'ведьма' (ср. нем. wissen 'знать'). Касаясь конкретно корня geg- 'видеть', необходимо подчеркнуть, что латышское слово ragedis 'прорицатель, колдун' этимологически может быть объяснено только из значения глагола paredzēt 'предвидеть'.

И все же эта — практически общепризнанная в настоящее время — этимология (gāgapa — к gegēti), на мой взгляд, ошибочна. Семантическая модель 'знать, видеть' → 'колдун', 'ведьма' еще не говорит о том, что все без исключения слова со значением 'ведьма' обязательно должны иметь точно такую же этимологию. Ср., например, рус. *чародейка*, нем. *Hexe*, лит. *laūpė* и другие слова, имеющие этимологические связи иного типа.

Словообразовательная модель *tālka* 'полено' → *talkanas* 'деревянный', *vaīgas* 'беда' → *vaīganas* 'бедственный', 'бедный', *gūkas* 'туман' → *gūkanas* 'туманный' и др. (Skardžius 1943: 266) позволяет отнести сюда же лит. *gāgas* 'рог' → *gāganas 'рогатый' (ср. лтш. *gaganas* 'колдун'). Подобное словообразовательно-семантическое истолкование можно обосновать примерами из диалектов латышского и литовского языков: лтш. *gagapa* 'рогатая овца', 'жук с длинными рогами', лит. *gaganos* 'дровосеки' (нем. *Bockkäfer*) *gagānė* 'рогатая овечка, коза',¹ лтш. *gaganu gaganais* 'der Gehörnteste', 'рогачейший' (т. е. 'дьявол') (Mühlenbach III, 464).² Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что лтш. и лит. *gagan(a)s* этимологически означает 'рогатый', а *gagapa* 'рогатая'.³

Проф. М. Гимбутас полагает, что от *gegēti* было образовано не только слово *gāgapa*, но и *gāgius* 'черт'. *Rāgius* и *gāgapa* — это «два сапога пара», а поэтому оба слова, по мнению М. Гимбутас, означают (этимологически) 'прорицатель' и 'прорицательница' (Gimbutas 1974: 89). Однако против подобного предположения свидетельствуют некоторые важные особенности литовского и латышского словообразования.

---

¹ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить В. Маникайте, сообщившую мне последние два примера из картотеки Академического словаря литовского языка (LKŽ).

² Пример взят из латышской народной сказки.

³ Ожидаемое в литовском языке противопоставление места тона у прилагательных мужского и женского рода, видимо, не распространялось на слова, подвергшиеся ранней субстантивации. Ср.: *liėkana* 'остаток' (к *liėkas* 'лишний'), *gūkana* 'туманистая погода' (к *gūkas*), *snėgana* 'тихий снегопад' (к *snėgas*), *kārapa* 'падеж, околдование' (к *kāras*) и др. См.: Skardžius 1943: 227–228.

Литовский язык

barzdà 'борода'

↓

baĩzdž-ius 'бородач'

kuprà 'горб'

↓

kùpr-ius 'горбун'

galvà 'голова'

↓

galv-ius 'der Kopfge'

rāgas 'рог'

↓

rāg-ius 'черт' (букв.: 'рогач')

Латышский язык

bārda 'борода'

↓

bārd-aīnis 'бородач'

bārd-aīns 'бородатый'

kuprs 'горб'

↓

kùpr-aīnis 'горбун'

kùpr-aīns 'горбатый'

gaīva 'голова'

↓

gaīv-aīnis 'der Kōpfge'

gaīv-aīns 'kōpfge'

rags 'рог'

↓

rag-aīnis 'рогач'

rag-aīns 'рогатый'

Отчетливость словообразовательных связей в приведенных примерах не позволяет думать, что отношения между *rāgas* и *rāgius* могли бы быть вторичными — результатом действия народной этимологии. Это ясно уже потому, что одна и та же латышская словообразовательная модель во всех четырех случаях соответствует литовским образованиям на *-ius*. Таким образом, судя по словообразовательным данным, лит. *rāgius* 'черт', лтш. *ragans* 'черт' (ср. *ragani* *raganais* латышской народной сказки) и лтш. *ragans* 'колдун' имеют этимологическое значение 'рогатый', а *ragana* 'ведьма' — 'рогатая'.

Но кто и где слышал когда-нибудь о ведьмах с рогами?

Сравнительная индоевропейская мифология свидетельствует о том, что ведьма — это позднейшая модификация древнего языческого зооморфного божества, почитаемого в образе козы (герс. козла) или коровы (быка). Следы подобного почитания мы находим повсюду, везде у индоевропейских (да и не только у индоевропейских) народов живут божества с рогами и копытами: в Греции (Пан, Дионис, Сатиры, Силен), в Риме (Фавн и Фавна, Сильван и Сильвана), в России (леший и лешиха, лисун и лисунка) и т. д.

Если бы связи между словами *rāgas* и *rāgana* в балтийских языках были случайными или вторичными, мы не обнаружили бы примеров такого же рода связей в славянских и германских языках, в славянском и германском устном народном творчестве. Между тем, например, в

русских и немецких сказках ведьмы постоянно обращаются в коров и коз, часто имеют рога и всегда — хвост. По немецким поверьям, после Вальпургиевой ночи там, где плясали ведьмы, утром можно было видеть многочисленные коровьи и козлиные следы (Grimm 1835: 1025). В одной немецкой сказке девочка, войдя в запретную комнату, увидела там свою хозяйку — ведьму — с длинными рогами на лбу (Vordemfelde 1924: 564). Сходный пример приводит Д. К. Зеленин из одной архаичной русской народной сказки. См. в связи с этим: (Пропп 1946: 57). Интересна в этом плане одна из русских загадок: «Стоит яга, во лбу рога» (Даль, IV, 672). Перед нами — косвенное доказательство того, что и русские (точнее: славянские) ведьмы когда-то имели рога. Такого же рода косвенные свидетельства можно обнаружить и в материале, относящемся к немецким ведьмам. Интересна в этом плане улитка *Modulus trochiformis*. Как и у всех улиток, у нее щупальца, которые у данного вида улиток очень напоминают козьи рога. По-немецки эта улитка называется . . . Нехе 'ведьма'. Совершенно очевидно, что это свое название улитка получила отнюдь не из-за способности предсказывать будущее. Наиболее ярким внешним признаком этой улитки, являются ее «рога» — рога ведьмы . . .

Следует подчеркнуть, что нем. Нехе — это не только 'ведьма' и 'рогатая улитка', но также 'рогатый жук'. Последние два значения нем. Нехе показывают, что именно рога явились тем общим признаком, по которому получили свое название и жук, и улитка. Напомню, что в диалектах литовского и латышского языков слово *gaġapa* наряду со значением 'ведьма', также имеет значение 'рогатый жук'.

Таким образом, и словообразовательные, и семантические данные более подходят для этимологии *gāgas* → *gāġapa* 'рогатая', нежели *gegēti* → *gāġapa* 'прорицательница'. Но это еще не все. Нам осталось рассмотреть последний по порядку, но, должно быть, самый важный аргумент.

Еще никто, насколько мне известно, исследуя этимологию слова *gaġapa* 'ведьма', не находил никаких близких соответствий этому слову за пределами балтийских языков. А такие соответствия имеются — и совсем недалеко: в южнославянских языках. С.-хрв. *róga* 'рогатая овца' и *бaбapóġa* 'ведьма' (рус. *баба-яга*) можно сопоставить с лтш. *gaġapa* 'рогатая овца' и 'ведьма'. Следовательно, и лтш. *gaġapa*, с.-хрв. *róga* образованы от одного и того же корня *ġag-/rog-* и имеют два одинаковых значения: 1) 'рогатая овца' и 2) 'ведьма'. Но при этом сопоставлении совпадают только корень и два значения (хотя и это, разумеется, весьма показательно). Полное — не только фонетическое и семанти-

ческое, но также и словообразовательное — соответствие мы находим в случае лтш. *gagape* = *gagapa* = лит. *gāgapa* — с.-хрв. *ро́гоња* (*rogoña*) со значениями: 1) ‘бык или баран с длинными рогами’; 2) ‘черт’ (эвфемизм; букв. ‘рогатый’, ср. лит. *gāgius* ‘черт’ и лтш. *gagapu* *gagapais* ‘дьявол’); 3) ‘рогатый человек’. Здесь перед нами — совпадение не только в корне, но и в словообразовательной модели (суффикс -п-). Таким образом, в балтийском и южнославянском ареале полностью совпали основы *gagap-* и *рогон-*. Это совпадение опять-таки не может быть случайным, ибо в данном случае мы имеем дело также и с семантическими совпадениями. Так, с.-хрв. *rogoña* в значении ‘баран с длинными рогами’ можно сопоставить с лтш. *gagapa* ‘рогатая овца’. Значения ‘рогатый баран’ и ‘рогатая овца’ различаются только по своему роду. К тому же следует подчеркнуть, что славянское слово, хотя оно и мужского рода, склоняется по парадигме женского рода (как рус. *тихоня*, *разиня* и др.). С.-хрв. *rogoņe* ‘рогатый жук’ (нем. *Wockkäfer*) совпадает с таким же значением литовского и латышского слова. Кроме того, интересны сербохорватские слова, образованные от корня *рог-* с иными суффиксами. Так, *ро́гоша* (*rogoša*) означает: 1) ‘рогатая коза или овца’ и 2) ‘ведьма (рогатая)’; *ро́гуља* имеет значения: 1) ‘корова с длинными рогами’ и 2) ‘ведьма’ (эвфемизм) (*Rječnik hrvat.*, s. v.; Толстой s. v.).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что и в балтийском, и в славянском ареале производные с корнем *gag-/рог-* обладают значениями ‘рогатое животное (овца, коза, корова)’, ‘рогатый жук’ и ‘(рогатая) ведьма’. В ряде случаев балтийские и славянские слова были образованы с помощью разных суффиксов, в случае же с балтийской основой *gagap-* и славянской *рогон-* мы сталкиваемся с важной семантико-словообразовательной изоглоссой.

Изоглосса балт. *gagapa* — южнослав. (с.-хрв.) *rogoña*⁴ является

⁴Строго говоря, данная изоглосса выходит за пределы южнославянских языков. Если же брать не только с.-хрв. *ро́гоња*, но также *ро́гоша* и *ро́гуља*, то соответствия этим лексемам можно найти в болгарских, македонских, украинских и западнославянских говорах (Клепикова 1975: 182).

Странными, в связи с этим, выглядят выраженные менторским и не всегда академическим тоном возражения О. Н. Трубачева: «Он (Откупщикова. — Ю. О.) спешит назвать соответствия для лит. *gagāpė* ‘рогатая овца’ исключительно южнославянскими» (Трубачев 1991: 221). См., однако, самое начало настоящего примечания, где утверждается прямо противоположное. Попытка «поправить и дополнить» рассмотренный выше материал ссылкой на прозвище *Роганок* (псков. диал.), высказанное мне еще в устной форме в 1984 г., наглядно показывает разницу в подходе к этимологии и к лексическим изоглоссам у меня и у О. Н. Трубачева. Фонетически лит. *gagāpė* и с.-хрв. *ро́гоња* идентичны: балтийскому *a* здесь соответствует слав. *o*. Основе же *Роган-*(*ок*) в балтийском долж-

весьма важной и сама по себе — независимо от каких бы то ни было этимологических вопросов, поскольку нам известно, в общем, довольно незначительное количество балто-южнославянских лексических изоглосс (не говоря уже об изоглоссах словообразовательных). Данная изоглосса, быть может, даст новый материал и для сравнительной балто-славянской мифологии. Говоря же об этимологии балтийского слова *gaḡapa*, необходимо отметить, что указанная изоглосса позволяет понять сложные семантические отношения в балтийском ареале, где эти отношения были совсем неясными.

Если в балтийских языках связь между словами *gāgas* и *gāgapa* была отвергнута как народноэтимологическое искажение, совершенно бесспорные славянские примеры указывают наличие именно такой связи, причем в словах, имеющих одинаковые значения, один и тот же корень, один и тот же суффикс и в балтийских, и в славянских языках.

Изложенная этимология еще раз подтверждает, как много неиспользованных возможностей все еще скрывается в сравнении материала балтийских и славянских языков.

но было соответствовать **gaḡon-*. В словообразовательном плане здесь явное смешение двух разных суффиксов: *-an-* и *-on-* (resp. *-on-* и *-an-*). Наконец, семантика. О значении слова *Роганок* О. Н. Трубачев нигде не пишет. И это естественно, ибо это — имя собственное от несохранившейся основы **роган-*. Если О. Н. Трубачев видит в слове *Роганок* или в основе **роган-* «изоглоссу» к лит. *gāgapa*, *gaḡāpė*, то где следы значений 'рогатая овца', 'ведьма' и др. в восточнославянских языках? Правда, подобные вопросы обычно О. Н. Трубачева не смущают, и он такие пары, как рус. *костра* и лат. *castra* 'военный лагерь' (мн. ч. ср. р.!), ст.-сл. **СЪЧИВО** 'топор' и лат. *secivum* 'кусоч жертвенного пирога', др.-рус. *гърньчаръ* 'горшечник' и лат. *forpicarius* 'распутник' (Трубачев 1966: 392) уверенно относит к славяно-латинским «изоглоссам» в области ремесленной (?!) терминологии.

Часть III

ЛАТИНСКИЕ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Лат. ARMENTUM*

Этимология лат. *armentum* (*armenta*) (употребляется обычно во мн. ч.) 'крупный (рабочий) скот' имеет весьма длительную историю. Уже в древности было предложено два различных объяснения, относящихся к происхождению этого слова. Согласно одному из толкований, лат. *armenta* связано с глаголом *agāre* 'пахать'. Так объяснял этимологию рассматриваемого слова еще Варрон: «... *boves armenta vocari voluit... quod eorum praecipue opera in arandis agris utamur*» (Varro, LL., 4, 19) ('быки называются *armenta*... так как при вспашке полей мы пользуемся преимущественно их помощью'). Аналогичное объяснение мы находим также у Колумеллы (Colum., 6, praef., 3) и Исидора Севильского (Isid. Orig., 12, 1, 8). Уже у древних авторов встречаются попытки устранить возникающие при подобном истолковании затруднения фонетического и словообразовательного характера. Так, Варрон считал, что форма *armenta* возникла из *aramenta в результате синкопы: «... *armenta... quasi aramenta, tertia littera sublata*» («*armenta*... как бы *aramenta* с устранением третьей буквы») (LL., 4, 19; ср. также: LL., 5, 96).

Вторая этимология, также восходящая к античности, основана на предполагаемой связи между лат. *armenta* и *arma* 'оружие, доспехи'. Наиболее подробно эта этимология была изложена в комментариях Сервия к «Энеиде» и к «Георгикам» Вергилия: «... *armenta dicta sunt quasi apta armis: nam et equi intersunt proeliis, boves arma dant ex coriis*» (Serv. ad Verg. Aen., III, 543) ('*armenta* названы как бы приспособленные к оружию (*armis*): ибо кони участвуют в сражениях, а быки доставляют доспехи, [изготовленные] из шкур'); «... *scribunt armentum pro-*

---

*Статья под названием «К этимологии латинского *armentum*» была опубликована в журнале: *Іноземна філологія*. Вип. 45: *Питання класичної філології*. 1977. № 14.

prie id genus pecoris dici, quod est idoneum ad opus armorum, ut sunt equi et boves. Nam equis im bellum curritur, clypei vero boum corio armantur» (Serv. ad Verg. Georg., III, 49) ('... пишут, что [словом] *argentum* в подлинном значении называется тот вид скота, который пригоден для военного дела, как кони и быки. Ибо на конях направляются на войну, а щиты укрепляются кожей быков').

Этимологи нового времени, как правило, придерживались одной из двух изложенных гипотез; их главные усилия были направлены на фонетическое обоснование первой этимологии или же подыскание более убедительных аргументов семантического характера, которые сделали бы более правдоподобной вторую этимологию.

В ThLL, II, 611–612 мы находим колебания между двумя указанными возможностями решения этимологической задачи. Ф. Скуч пытался дать фонетическое обоснование древней этимологии, предложенной Варроном (Skutsch 1909: 348). Он также исходил из болес древней формы *arāmenta, которая сначала якобы подверглась ямбическому сокращению, а затем синкопе. Против этого объяснения категорически возражал К. Бругман, отметивший, что предполагаемое Ф. Скучем ямбическое сокращение (с последующей синкопой) не могло произойти в столь древнее время (Brugmann 1909: 163).¹ В настоящее время этимология лат. *argentum* = 'Pflugtier' решительно отвергается большинством исследователей (Walde³, I, 68; Ernout, Meillet, I, 47), хотя предлагаемые вместо нее иные объяснения едва ли можно признать убедительными.

После критики гипотезы Ф. Скуча со стороны К. Бругмана и Г. Рейхельта (Reichelt 1912: 316–317) наибольшее распространение получила этимология, в основном продолжающая вторую из изложенных выше античных этимологий лат. *argentum*. Разумеется, при этом были оставлены те наивные семантические объяснения, слишком прямолинейно сближающие лат. *argenta* и *арга*, которые сохранились в сочинениях Сервия. Кроме того, был значительно расширен круг латинских и родственных индоевропейских слов, с которыми сопоставлялось лат. *argenta*. Так, Г. Рейхельт относил сюда лат. *арга* 'оружие', *artus* 'сустав', *аргус* 'плечо', *арс* 'искусство', др.-гр. ἄρμα '(боевая) колесница, повозка' и ряд других слов (Ibid.). Общим у всех этих образований при подобном объяснении оказывается корень **ar-* 'связывать, прилаживать' (ср. др.-гр. ἀρρῖσχω), а слово *argentum* приобретает буквальное значение 'толпа, стадо' (Ibid.; Walde³, I, 68). Наиболее слабой у данной

¹ Слово *argentum* засвидетельствовано начиная с V в. до н. э.

этимологии является ее семантическая сторона. Во-первых, предполагаемое семантическое преобразование ‘связывать, прилаживать’ → ‘рабочий скот’ по существу, придумано *ad hoc*, оно не входит в какой-либо надежно засвидетельствованный изосемантический ряд. Ссылки Г. Рейхельта на ст.-сл. **ЧРЪДА** ‘стадо’ и **ЧРЪДА** ‘ряд, порядок (дней)’, а также на др.-инд. *ṣardhaṅ* ‘стадо’ и авест. *saṛəda* ‘род, способ’ (Reischelt 1912: 317) не могут быть признаны убедительными, так как в обоих случаях отсутствуют какие бы то ни было следы глаголов со значением ‘связывать, прилаживать’. Этимология приведенных старославянских и индоиранских слов до сих пор остается неясной, а поэтому едва ли ссылки на эти слова могут прояснить вопрос о происхождении лат. *argenta*. Во-вторых, если принять этимологию *аг- ‘связывать, прилаживать’ → *argenta* ‘стадо’, ‘толпа’, то остается непонятным, почему это слово указывает не на любое стадо домашних животных, а преимущественно на рабочий скот. Наконец, если принять несколько иной вариант той же этимологии и признать, что *аг- в лат. *argenta* близко по своему значению к глаголу ‘прилаживать’ → ‘запрягать’ (ср. др.-гр. ἄρμα), то неясным становится противопоставление *argenta* и *equi*, засвидетельствованное, например, у Овидия (Ovid. Met., VIII, 555), а также разграничение между *argenta* и *iumenta*, проводимое Колумеллой (Colum., 2, 14, 4). Последнее не могло явиться результатом неправильно понятой этимологии слова *argenta* (связь с *agāre*),² ибо отмеченное Колумеллой различие сохранилось и в романских языках, где *argenta* — это, в основном, ‘быки’, а *iumenta* — ‘лошади’ (Perrot 1961: 169).³ Между тем все эти факты хорошо согласуются с Варроновой этимологией лат. *argenta*, ибо известно, что быки преимущественно использовались на пашне, а лошади (ослы и мулы) — в упряжи: *οὐ ἄρμασιν ἵππος, ἐν δ’ ἄροτροῦ βούς* (Pind., fr. 234).

Еще менее правдоподобным представляется вариант той же этимологии, предложенной В. Порцигом. Он пытался слишком прямолинейно вывести лат. *argentum* непосредственно из др.-гр. ἄρμα (точнее: из лат. *агма) ‘повозка’. Согласно В. Порцигу, лат. *argentum* означало ‘животное при телеге’ (Porzig 1924: 231). Подобное объяснение превращает рассматриваемое слово в отыменное образование, что в корне противоречит общепризнанному отглагольному характеру древнейших

² Это предположение было высказано в этимологическом словаре А. Эрну и А. Мейе (Ernout, Meillet, I, 47).

³ Ср. также свидетельство Варрона, согласно которому слово *argentum* «*proprie dicitur de grege equorum et boum. . . et quidem frequentius de grege boum*» (Varro, LL., 4, 19) ‘собственно говорится о стаде коней и быков . . . и чаще — о стаде быков’.

латинских дериватов на *-mentum*. Хорошо известно, что в словообразовательном плане латинские формы на *-mentum* нельзя рассматривать как производные от слов на *-men*. Оба типа суффиксальных образований существуют в латинском языке параллельно, имея одну и ту же общую семантику (*segmen* = *segmentum*, *tegmen* = *tegmentum* и т. д.). Лат. *armentum* 'рабочий скот' такое же отглагольное образование, как и *iumentum* 'упряжное или вьючное животное' (< *iouhmentum*, ср. СІЛ, 1², 1) — к *iungere* 'запрягать'. Таким образом, факты латинского словообразования решительным образом говорят против изложенной этимологии В. Порцига.

Наконец, Р. Годель предложил иное этимологическое истолкование лат. *armentum*, возведя это слово к форме *armentum (связь с *arcege* 'удерживать' в значении 'удерживать скот вдали от стойла' (Godel 1962: 93—99). Вряд ли подобную этимологию можно признать хоть в какой-то степени правдоподобной. Ее появление в значительной мере объясняется недостаточной убедительностью или даже полной неудовлетворительностью тех толкований, которые содержатся в соответствующих этимологических словарях. Все это говорит о том, что вопрос об этимологии лат. *armentum* до сих пор нельзя считать окончательно решенным.

Из двух древних этимологий рассматриваемого слова первая (*armentum* — *arāge*) представляется более правдоподобной в семантическом отношении, но она до сих пор не была надежно обоснована фонетически. Попытка Ф. Скуча сослаться на ямбическое сокращение и синкопу, как уже говорилось выше, не имела успеха. Вторая этимология (*armentum* — *arā*), будучи вполне приемлемой в фонетическом отношении, является менее правдоподобной в словообразовательном и семантическом плане. При обосновании обеих этимологий, как правило, совершенно недостаточное внимание уделялось вопросам, связанным со словообразованием, которое должно послужить ключом к решению данной этимологической задачи. При этом факты индоевропейского и латинского словообразования говорят в пользу этимологии, предложенной Варроном (*armentum* ← *arāge*).

Против сопоставления лат. *armentum* с *arāge* выдвигались главным образом возражения фонетического порядка: дериват от *arāge* должен был иметь форму *arāmentum, которая не могла перейти в *armentum*. Однако в этом рассуждении заключена серьезная ошибка словообразовательно-хронологического характера. Во времена Варрона дериват на *-mentum* от *arāge* действительно должен был иметь форму **arāmen-*

tum. Но хорошо известно, что слово *agumentum*, засвидетельствованное, начиная с законов XII таблиц, относится к древнейшим образованиям с суффиксом *-men(tum)*. Оно возникло, видимо, еще задолго до появления первых памятников латинской письменности, т. е. в тот период, когда образования на *-āmen(tum)* еще не были продуктивны в латинском языке.⁴ Подобным же образованием древнего типа от глагола на *-āge* является, например, лат. *segmentum* в отличие от более позднего по времени фиксации и по словообразовательной структуре *secamentum*. Значительная древность атематических производных с суффиксом **-men-* от глагола со значением 'пахать' подтверждается такими надежными соответствиями, как лит. *агмӣб* (род. п. *агме̄нс*) 'пашня' (к *ár̃ti* 'пахать') и рус. диал. *рамень* (< **ar̃men*) 'лес возле пашни' (ср. также рус. диал. *рама* 'пашня у леса') — к др.-рус. *(о)рати* (< **arti*) 'пахать' (см. с. 144—152 настоящей книги). И в самом латинском языке глагол *agāge* имеет древний дериват *agum̃*, в котором также отсутствует *ā*. Все эти факты говорят о том, что этимология, опирающаяся на сближение лат. *agumentum* с *agāge*, вполне обоснована как в словообразовательном, так и в фонетическом отношении. Более того, она, в отличие от всех других этимологий рассматриваемого слова, позволяет установить надежные индоевропейские соответствия, полностью совпадающие в фонетическом, словообразовательном и, как будет показано ниже, семантическом отношениях: лат. *agumentum* ← *agāge*, лит. *агмӣб* ← *ár̃ti*, рус. диал. *рамень* ← *(о)рать*.⁵

Обычно словообразовательный анализ в этимологическом исследовании сводится к вычленению соответствующих морфем и к отнесению анализируемого слова к тому или иному словообразовательному ряду. В то же время некоторые специфические особенности, характерные для индоевропейского словообразования, почти совсем не принимаются во внимание при этимологическом исследовании. Одной из таких особенностей является широко распространенное в индоевропейских языках чередование суффиксов, в частности чередование **-men-/* **-ц-*, наиболее детально исследованное Ф. Шпехтом (Spercht 1944 (1947): 179—183). Наглядное представление об этом чередовании могут дать следующие примеры: лит. *kĩg-мӣб* 'червь' — ст.-сл. **ЧРЬ-В-Ъ**, др.-прус. *kēg-men-s* 'чрево' — ст.-сл. **ЧРЬ-В-О**, др.-англ. — *fil-*

⁴О резком увеличении продуктивности латинских образований на *-āmen(tum)* сравнительно с образованиями на *-men(tum)* на протяжении письменно засвидетельствованной истории латинского языка см.: (Perrot 1961: 175—177).

⁵Ср. также более позднее по своей структуре образование: др.-гр. ἄρωμα 'пашня' ← ἄρω 'пашу'.

men 'кожица' — рус. *пле-в-а*, лит. *stuo-miō* 'стан, фигура' — лтш. *stā-v-s*, лат. *cul-men* 'вершина' — лит. *kal-v-à* 'холм', дор. *στ̄-μων* 'ткацкая основа' — рус. диал. *ста-в* 'ткацкий станок', лит. *ag-miō* 'пашня' — лат. *ag-v-um*.⁶ Из двух чередующихся образований со значением 'пашня' в латинском языке сохранилась форма с суффиксом *-ц-, а соответствующий дериват с суффиксальным *-теп- закрепился здесь за словом, обозначающим используемый на пашне рабочий скот (*argentum*).

Семантическая связь между значениями 'пахать' и 'рабочий скот' надежно подтверждается приведенным в статье Ф. Скуча примером из литовского языка: *arti* 'пахать' → *arklys* 'лошадь' (*Skutsch* 1909: 348). Еще нагляднее эта связь выступает в германских языках, где имеет место не только семантическое, но и полное словообразовательное совпадение с соответствующими латинскими примерами.

Еще Г. Рейхельт сопоставлял лат. *argentum* с др.-исл. *jǫgmune* 'крупный рогатый скот', 'лошадь' (*Reichelt* 1912: 317). Это сопоставление было принято В. Порцигом (*Porzig* 1924: 231), а также авторами этимологических словарей латинского языка (*Walde*³, I, 68; *Ernout, Meillet*, I, 47). Действительно, семантика обоих слов совпадает, оба они являются образованиями с одним и тем же и.-е. суффиксом *-теп-, различаясь между собой только огласовкой корня (*аг- и *ег-). Слова, относящиеся к группе лат. *agma* 'оружие', др.-гр. *ἄρμα* 'колесница', *ἄρραρῖσχεῖν* 'прилаживать' и т. д., не знают иной огласовки корня, кроме огласовки *a*. Это обстоятельство представляет собой еще один аргумент словообразовательного характера, подтверждающий Варронову этимологию лат. *argentum*, ибо ряд производных и.-е. корня *аг- 'пахать' выступает в кельтских и германских языках с огласовкой *е: кимр. *egw* 'пашня, поле' (ср. лат. *agrum*), др.-корн. *egw* 'борозда' (ср. *agadar* 'плуг'), др.-брет. *ego* 'борозда', др.-в.-н. *egd* 'земля', др.-исл. *jǫgfe* 'песчаное поле'. Последние два слова, как показывают кельтские соответствия, утратили непосредственную связь с глаголом 'пахать'. Тем не менее эта связь несомненна, и она получила признание в этимологической литературе (*Walde*³, I, 71; *Ernout, Meillet*, I, 50). Таким образом, в результате сопоставления латинского, кельтского и германского материала оказывается, что в отношении между др.-исл. *jǫg-fe* (= кимр. *eg-w* 'пашня', 'поле') и *jǫg-mune* 'крупный рогатый скот', 'лошадь' отражается то же самое широко распространенное чередование суффиксов *-ц-/*-теп-, которое имело место в случае с лат. *ag-v-um* 'пашня, по-

⁶Подробнее об этом чередовании см.: Откупщиков 1967: 263–264.

ле', аг-мен-тум 'рабочий скот' (*ег-ц- : *ег-мен- = *аг-ц- : *аг-мен-).

Полное фонетическое (с учетом различия в огласовке корня), словообразовательное и семантическое совпадение между приведенными древнеисландскими и латинскими словами, безусловно, не может быть случайным. Тем более, что то же самое суффиксальное чередование *-ц-/*-мен- засвидетельствовано и в древнегреческом языке: гомер. ἄρουρα (< *αρ-ο-F-ρα) (Benveniste 1935: 112–113; Frisk, I, 147) 'пахотная земля' / ἄρωμα 'пашня'. Э. Бенвенист (со ссылкой на Х. Педерсена) сопоставляет гомер. ἄρουρα со ср.-ирл. агаб (< *аг-ц-г) 'хлеб на корню', которое «должно, собственно, означать продукт пахоты» (Benveniste 1935: 112–113). Подобное семантическое истолкование позволяет возвести к корню *аг- 'пахать' также и такие темные в этимологическом отношении образования, как др.-гр. ἄρτος 'хлеб' и ἄρμα 'еда, пища'.⁷ В этом случае ср.-ирл. агаб 'хлеб (на корню)' и др.-гр. ἄρμα 'еда, пища' будут отражать все то же древнее чередование суффиксов *-ц-/*-мен-.

Изосемантический ряд 'пахать' → 'рабочий скот', представленный такими примерами, как лит. árti — arklūs, герм. *аг- (ср.: готск. ага-јап 'пахать') — др.-исл. jǫgmipe, лат. агāге — агментум, может быть дополнен еще одним германским примером: др.-исл. агг 'бык', др.-англ. уге, оф 'скот' (к *аг- 'пахать').⁸ И здесь опять — уже в который раз! — выступает все то же суффиксальное чередование *-ц-/*-мен-: др.-исл. аг-ф-г 'бык' (< *аг-ц-) / лат. аг-мен-тум.

Итак, детальный анализ словообразовательных отношений дал возможность подкрепить надежными аргументами отвергнутую в настоящее время этимологию лат. агментум, восходящую еще к античной традиции. Эта этимология, надежная как в фонетическом, так и в словообразовательном отношении, устраняет все те семантические недоразумения, которые возникали при попытках иного этимологического истолкования рассматриваемого слова. Становятся ясными отмеченные выше особенности латинского словоупотребления: а) закрепление за агментум значения 'крупный (рабочий) скот' (в отличие от коз, овец и т. п.); б) преимущественное обозначение словом агмента 'стада бы-

⁷Подробнее об этом см.: Откупщиков 1967: 219–224. — Там же рассматривается сложный вопрос о возможной связи всех этих слов с арм. art 'поле' и хет. аг-џа-аš 'поле'. То, что арм. art не имеет ничего общего с др.-гр. ἄρτος, лат. ager 'поле' и т. д., убедительно показал В. Беларди (Belardi 1951: 199–200).

⁸Эта этимология германских слов была предложена Р. Мерингером (Meringer 1904–1905: 128ff).

ков', подтвержденное свидетельствами ряда античных авторов. Наконец, изложенная этимология позволяет поставить лат. *armenta* (к *arāre* 'пахать') 'скот, используемый на пашне', в один ряд с таким образованием, как *iumenta* (к *iungere* 'запрягать') 'скот, используемый в упряжи'.

Лат. *DĪVUS* и *DEUS**

Латинские слова *dīvus* (архаич. *deivos*) и *deus* (более поздняя форма) имеют надежные соответствия в родственных индоевропейских языках и достаточно ясную этимологию. Архаич. лат. *deivos*, др.-пруск. *deiwas*, др.-инд. *dēvāh* 'бог' и другие соответствия всеми исследователями рассматриваются как производные с суффиксом *-u-*, образованные от и.-е. корня **dei-/*di-* 'светить, блестеть'. Эти производные семантически могут быть разделены на три основные группы: 1) 'день', 2) 'небо', 3) 'бог'. Ср. др.-инд. *divāh* 'небо' и 'день' (а также: 'излучение'), лтш. *dievs* 'небо' и 'бог',¹ кимр. *dyw*, арм. *tiv* 'день' и др.

О глубокой древности и.-е. названия бога свидетельствует тот факт, что на его примере можно наглядно проиллюстрировать известную теорию Э. Бенвениста о двух состояниях и.-е. корня (Бенвенист 1955: 181–201). Согласно этой теории, при полной ступени огласовки и.-е. корня суффикс имеет нулевую огласовку, и Э. Бенвенист называет его в этом случае «расширителем» (*élargissement*) корня, а при полной ступени огласовки суффикса — нулевая огласовка будет у корня. Применительно к и.-е. названию бога картина выглядит достаточно убедительной:

1) **dei-u-os* (корень *dei-* + расширитель *-u-*) → архаич. лат. *dcivos*, др.-пруск. *deiwas* и др.

2) **di-eu-s* (корень *di-* > *dj-* + суффикс *-eu-*) → др.-гр. *Zeús*, др.-инд. *dyāuḥ* 'бог неба' и 'день' (Там же: 86, 197 и др.). Ср. также **di-eu-es* (Gen. S.) → лат. *Iov-is*.

Второе состояние корня **dei-/*di-* имеет ряд производных с теми же основными значениями, что и производные первого состояния:

---

* Статья под таким названием была опубликована в сборнике «ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ» (сер. *Philologia classica*. Вып. 5). СПб., 1997.

¹ Характерно, что в самом древнем слое балтийских заимствований в финском языке (они древнее германских и намного древнее славянских заимствований) мы находим слово *taivas* в значении 'небо', а не 'бог' (см.: (Thomsen 1890: 166)).

др.-инд. *dyú* ‘небо’, ‘день’ и ‘блеск’, *dyu-patiḥ* ‘бог’ (букв. ‘повелитель неба’),² лат. *diū* ‘днем’ и др.

В процессе словоизменения закономерность, согласно которой корень или суффикс должен иметь полную ступень огласовки, нарушается. Здесь оба компонента могут иметь нулевую огласовку: Nom. Ζεῦς — с полной огласовкой суффикса (**di-eu-*), но далее Δι-(F)-ός, Δι(F)-ί, Δι(F)-ει. Древность этой особенности и.-е. словоизменения подтверждается отмеченным у Э. Бенвениста полным совпадением приведенных древнегреческих форм с ведическими: *dyáuh* (**di-ēu-*), с одной стороны, и *di-v-áh*, *di-v-i*, *di-v-é* — с другой (Бенвенист 1955: 86).

А. Мейе почти 100 лет тому назад отметил, что у и.-е. корня **di-* ‘светить’ имеются производные со значением ‘дснь’, образованные посредством суффиксальных -п- и -ц- (Meillet 1902–1905: 431), см. также (Vrignault, Delbrück 1987: II, 264). Позднее, особенно в работах Э. Бенвениста и Ф. Шпехта, подобное явление получило название «чередование суффиксов». Применительно к производным с корнем **dei-*/**di-* наиболее показательными примерами параллельных образований с суффиксами -п- и -ц- могут служить др.-инд. *dī-p-am* = *di-v-ám* ‘день’ или ст.-сл. **ДЪ-Н-Ъ** и кимр. *dyw*.³

Эта своеобразная «взаимозаменяемость» суффиксов -п- и -ц- не является какой-то исключительной особенностью анализируемой группы слов. К сожалению, проблема чередования суффиксов в и.-е. языках не стала объектом специального обобщающего исследования, хотя отдельные суффиксальные чередования подвергались детальному анализу. В частности, в книге Э. Бенвениста (1955) две главы (I и VI) посвящены и.-е. чередованиям -г-/ -п- типа др.-гр. *δῶ-ρ-ον*, ст.-сл. **ДА-Р-Ъ**; лат. *dō-p-um*, ст.-сл. **ДА-Н-Ъ**.

Некоторое представление о суффиксальных чередованиях -п-/ -ц- типа др.-инд. *dīpat* : *divám* ‘день’ могут дать следующие выборочные примеры:

Суффикс -п-		Суффикс -ц-
рус. <i>кле-н-ъ</i>	=	лит. <i>klē-v-as idem</i> ,
рус. <i>ста-н-ъ</i>	=	лтш. <i>stā-v-s</i> ‘фигура, стан’, ‘ткацкий стан’ и другие значения,
рус. диал., укр. и др. <i>клю-н-ъ</i>	=	рус. <i>клю-в-ъ</i> ,
чеш. <i>žlu-p-a</i>	=	чеш. диал. <i>žlu-v-a</i> ‘дятел’,

²Ср. также сходные композиты: др.-гр. *Voc. Ζεῦ πάτερ* и лат. *Iuppiter* (архаич. лат. *Dies-pater*).

³Ср. также лит. *dienà* ‘день’, готск. *sin-teins* ‘ежедневно’, лат. *pūn-dīnae* ‘базарные дни восьмидневной недели’ (8 + предыдущий базарный день; *pūn-* < **povent-* ‘девять’), а также арм. *tiv* ‘день’.

лит. srau-p-ùs	=	лит. sgu-v-ùs 'быстро текущий',
лит. kál-p-as 'гора'	-	лит. kal-v-à 'холм',
лит. plè-p-ē	=	лит. plè-v-ē 'перепонка', ⁴
др.-рус. сьр-н-а 'серна'	-	лат. ser-v-a 'лань',
лтш. sir-p-a 'серна'	-	др.-прус. sir-v-is 'олень' ⁵ ,
др.-гр. γέρρα-ν-ος	=	болг. жѣра-в 'журавль', ⁶
др.-инд. tī-ṅ-aḥ 'текущий'	-	лат. tī-v-us 'ручей, поток'. ⁷

Этот список можно продолжать и далее. В него, естественно, входят производные корня *dei-/*di- с суффиксами -п- и -ц- (например, др.-инд. dī-p-am = dī-v-ám 'день'). Распределение основных значений у производных с суффиксами -п- и -ц- в разных индоевропейских языках неодинаково. Однако в большинстве случаев за образованиями с суффиксом -ц- закрепилось значение 'бог' (архаич. лат. deivos, лит. diēvas, др.-инд. dēvāḥ и др.; но: лтш. diēvs 'бог' и 'небо', кимр. dyw и арм. tiv 'день', др.-инд. divám 'день' и 'небо'). Гораздо более последовательно производные с суффиксом -п- связаны со значением 'день' (балтийский, славянский, германский, кельтский, италийский и другие индоевропейские языки). Однако и здесь, кажется, просматриваются следы также и значения 'бог'. Так, В. Георгиев интерпретировал название македонского топонима Διν-δρύμη как 'роща Зевса', считая это название фракийским или македонским (Георгиев 1958: 120, 128, 133; Georgiev 1981: 117, 170 (со ссылкой на В. Бранденштейна)). Загадочная парадигма спряжения Ζήν 'Зевс', Ζηνός, Ζηνί, Ζήνα (а также Ζάν, Ζανός, Ζανί) едва ли может быть достаточно убедительным образом объяснена из формы вин. п. (см., напр., Шантрен 1953: 81). Скорее можно предположить, что две парадигмы склонения имени Зевса отражают формы с суффиксальными -ц- и -п- (последнее, кстати, вычленяется у хет. šiu-p-a- 'бог' (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 227)).

Поскольку чередования сонантных суффиксов неразрывно связаны с древней гетероклизой,⁸ установленное А. Мейе чередование -ц-

⁴Ср. рус. *пелена* и *плева* (Фасмер, III, 277).

⁵Последние две пары представляют собой производные, имеющие этимологическое значение 'рогатый'. То же чередование п/ц наблюдается и в названиях рога: готск. haūg-п, лат. cog-п-и, но и др.-гр. κερ-α(F)ός 'рогатый'. Подробнее об этой группе слов см.: Топоров, I, 238–243.

⁶Сюда же следует отнести лит. gaḡ-p-ūs 'анст, цапля' и gėg-v-ė 'журавль'.

⁷Простой корень *gei- 'течь' выступает в др.-инд. gau-aḥ 'поток'. Образованиями с суффиксальным -п- являются также ср.-ирл. gāp 'река, путь', галл. Rēnos (→ лат. Rhēnus) 'Рейн'.

⁸Ср., например, лат. femoralia = femīnalia 'вид коротких брюк' — чередование суффиксов; Nom. S. femur — Gen. S. femīnis 'бедро' — гетероклиза.

: -п- для и.-е. корня *dei-/*di- позволило А. Нерингу реконструировать достаточно правдоподобную древнюю гетероклитическую парадигму *dei-ц- : *di-п-ċs (Nehring 1940: 1-11; ср. также: Топоров, I, 319; Гамкрелидзе, Иванов 1984: I, 227).

Все это позволяет высказать в качестве рабочей гипотезы предположение о том, что лат. (res) deīna (букв. 'божественное дело') и (rei) dīnai (Dat. sing.)⁹ — представляют собой отражение того же самого суффиксального чередования -п- : -ц-, которое характерно для производных и.-е. корня *dei-/*di-.

В настоящее время общепризнанным является, казалось бы, очевидная реконструкция: dīvīnus > dīnus (см., напр.: Тронский 1960: 103). Однако здесь не все столь просто и очевидно. Выпадение *v* между гласными одинакового качества происходило при неопределенных условиях (unter unklaren Bedingungen) (Leumann 1977: 136). При этом важную роль играло место ударения. М. Нидерман, в частности, отмечает, что *v* не выпало между одинаковыми гласными, «когда второй из этих гласных нес на себе ударение» (Нидерман 1949: 109). Ср. *oblīvītus > oblītus, но oblīvīscor, lavātrīna > lātrīna, но lavātio. «По той же причине *v* сохранилось в avāgus, sevēgus и ... dīvīnus (!)» (там же: 110).¹⁰

Еще сложнее объяснить выпадением *v* формы deīna. А. Эрну возводит ее к *deiṽna (Эрну 1950: 283). Однако в этом случае *v* также оказывается перед ударным гласным. Кроме того, после выпадения *v* должна была образоваться форма *deī̄na, у которой было бы трудно объяснить сокращение долгого ударного *ī*. Ссылки А. Эрну и И. М. Тронского на sī vīs > sīs не убеждают, ибо в последнем случае речь идет о фонетическом изменении на границе слов в форме аллегро-речи. Едва ли кто-нибудь, например, изменением magis volō > mālō решится объяснять фонетические изменения внутри простого слова.

Можно было бы попытаться объяснить лат. *dīnus выпадением *v* между гласными одинакового качества, но тогда за исходную следовало бы принять форму не dīvīnus (= лит. dievūnas 'сын бога'), а *dīṽnus (= лит. diēvīnas 'божеский, божественный'), ср. также др.-рус. *дивь-*

⁹ CIL I², 366, а также XI, 4766. — Долгота *ī* у прилагательного dīnus подтверждается размером одного из стихов Плавта (Mil. Glor. 675). Написание одного и того же гласного то как *ei*, то как *i* не является чем-то необычным. Так, в рамках одной и той же надписи (CIL XIV, 2090) в двух соседних словах флексия Dat. sing. III склонения передана теми же двумя способами: Seispit-ei Matr-i.

¹⁰ *Нарах* oblīscor (Акций) более не встречается во всей последующей истории латинского языка.

ныи и другие славянские соответствия.¹¹ Однако никаких следов слова *dīvīnus в латинском языке не сохранилось. К тому же, при объяснении более архаичной формы *deīnus* по-прежнему остаются проблемы. В то же время при допущении чередования -ц- : -п-, которое, как это доказал А. Мейе, бесспорно имеет место у производных и.-е. корня

¹¹ Встречающееся в ряде работ предположение о том, что ст.-сл. **ДИВЪ** 'чудовище', болг. *див* 'злой дух', пол. *dīv* 'демон', др.-рус. *диво* 'чудо, диво' и другие славянские соответствия могут представлять собой заимствование через тюркское посредство из персидского, а не являться исконными словами, восходящими к и.-е. **dei-*ц-, трудно признать правдоподобным (Фасмер, I, 512; ЭССЯ, V, 35). Единственным аргументом против сближения славянских слов с др.-инд. *dēváḥ*, лат. *dīvus*, лит. *dīėvas* и др. ('бог') О. Н. Трубачев считает, что «между этими словами и праслав. *dīvъ* в сущности нет ничего общего со стороны значения» (там же). Так ли это? Прежде всего, семантическое развитие 'бог' → 'злой дух' представляет собой определенную универсалию. Так, в Авесте не только и.-е. *deīcos 'бог' дает *daēva-* 'демон, дьявол, чудовище, идол', но и ряд ведических божеств выступают как злые духи (Барроу 1976: 10). Считая этот семантический сдвиг глубоко иранским явлением, некоторые исследователи ст.-сл. **ДИВЪ** 'чудовище', болг. *див* 'злой дух' и др. стали считать иранизмами в славянских языках. Между тем, в литовском языке, где *dīėvas* означает 'бог', производное этого слова *deivīškas* имеет значение 'адский' и '*raganiškas*' (от *gāpāna* 'ведьма'). Лит. *dīėvas* — это не только 'бог', но также 'идол, истукан'. То же значение имеют производные *dievainis* и *dievāitis*.

Следы исконно славянского **dei-*ц- > *ди-в-* 'бог' прослеживаются в сочетаниях типа др.-рус. *звери дивши* 'дикие звери', букв. 'звери бога, божьи звери', что находит полное семантическое соответствие в лтш. *dieva zuosis* 'дикие гуси' (букв. 'гуси бога') и др. См. об этом: (Mühlenbach, I, 486), а также (Гамкрелидзе, Иванов 1984: II, 488).

Значения славянских слов, родственных рус. *диво* 'чудо', *дивный* 'чудесный, великолепный', могут быть связаны непосредственно с и.-е. **dei-*ц- 'бог' (ср. рус. *божественный*, лтш. *dievīgs* 'чудесный, великолепный'). Но поскольку в славянских языках индоевропейское название бога приобрело явно негативный смысл, вероятно, связь значений 'бог' и 'дивный, чудесный' была в славянском ареале опосредствованной. В качестве *tertium comparationis* мы можем рассматривать здесь древнейшее значение и.-е. корня **dei-* 'светить, блестеть'. Ср. рус. *дивный*, с.-хрв. *dīvan* и древнеиндийское этимологически «прозрачное» *dēvapāt* 'блеск, сияние'.

При сравнении лат. *dīvīnus* 'божеский' и рус. *див(ь)ный* 'великолепный, прекрасный' расхождение значений очевидно. Но лит. *dīėvinas* имеет оба этих значения (см.: (LKŽ, II, 520)), объединяя все три слова как производные и.-е. корня **dei-* 'светить, блестеть'.

Вообще, наличие для др.-рус. *дивъ*, *диво*, *дивьныи* надежных соответствий в украинском, чешском, польском, верхне- и нижнелужицком, болгарском и сербохорватском языках — с большим количеством производных — делает предположение об иранском происхождении этих слов крайне маловероятным. Против идеи о персидском источнике слова *дивъ* высказывались еще Ф. Е. Корш (1886: 497) и П. М. Мелноранский (1902: 287). Еще больше противников у этой гипотезы в наши дни. А Т. Барроу, например, вообще скептически относится к вопросу о славянских иранизмах: «Все попытки подыскать примеры иранских заимствований в славянских языках были исключительно неудачны» (Барроу 1976: 26). Не берусь судить о всех гипотетических иранизмах, но в случае со словами *дивъ*, *дивьныи* и др. можно с достаточной уверенностью утверждать, что они относятся к исконной славянской лексике и иранизмами не являются.

*dei-/ *di-, картина предстанет достаточно последовательной: др.-инд. di-v-ám : dí-n-am 'день' = арм. ti-v 'день' : др.-рус. *дѣ-н-ѡ* = лат. dei-v-os : dei-n-us 'божеский, божественный' = лат. *dī-v-us : dī-n-us *idem*.¹²

Сюда же можно отнести также *dī-eu- : *dī-en-, где di- перед гласным дает dī- с последующей палатализацией, а в форме номинатива e удлиняется (ср. др.-гр. φρήν — φρεν-ός 'ум' и др.). В случае с *dī-ēu-s в позиции перед неслогообразующим *ц*+ *согласный* ē сократилось, после чего возникла форма Ζεύς (Шантрен 1953: 81). Форма же *dī-ēn закономерно дала Ζήν с парадигмой: Ζηνός, Ζηνί, Ζήνα . . . , т. е. — как σφήν, σφήνός 'клин', а не как φρήν, φρενός.

Одним из наиболее интересных вопросов, связанных с историей анализируемых слов, является вопрос о соотношении форм dīvus и deus. Вторичность формы deus едва ли может вызвать у кого-нибудь сомнение. Среди исследователей существует полное единодушие по поводу того, что форма deus была образована от архаич. лат. deivos в результате выпадения интервокального v. Правда, в деталях авторы разных работ расходятся между собой.

И.-е. *deivos вплоть до первых памятников латинской письменности не претерпело фактически никаких изменений. Уже в историческую эпоху произошла монофтонгизация дифтонга в составе корня: ei > ē > ī, т. е. deivos > *dēvos > dīvus. На каком из этапов фонетического развития произошло предполагаемое выпадение интервокального v? А. Эрну считает, что v выпало после корневого гласного, бывшего еще на стадии дифтонга: deivos > *deios > deus (Эрну 1950: 48–49; Ernout, Meillet, I, 170; Линдсей 1948: 137).¹³ Другие исследователи полагают, что v выпало после долгого закрытого ē: deivos > *dēvos > dēos > *deos > deus > (Stolz, Schmalz 1928: 77; Otrębski, Safarewicz 1937: 47; Нидерман 1949: 108; Тронский 1960: 76, 95, 103). Трудности в объяснении выпадения интервокального v даже между гласными одинакового качества («zwischen quantitativ gleichen Vokalen») отмечались М. Лойманом (Leumann 1977: 136)¹⁴ и другими учеными. Едва ли мож-

¹²Интересно отметить, что значения 'день' и 'бог', 'божеский' могут совпадать у образованных с каждым из чередующихся суффиксов в рамках как одного языка, так и в разных и.-е. языках. Ср. др.-инд. di-v-ám 'день' и di-v-y-am 'божественность', лит. die-n-à 'день' и лат. dei-n-a 'божеская, божественная'.

¹³Последний автор предлагает странную реконструкцию: *deivus > *deius > deus. Это — явный анахронизм, предполагающий, что изменение -os > -us произошло до выпадения v и i, а также до монофтонгизации дифтонга ei.

¹⁴Ссылки на поздние примеры выпадения интервокального v (между гласными даже

но признать убедительным предположение о том, что интервокальное *v* выпадало в позиции перед *ǫ* (Нидерман 1949: 108; Тронский 1960: 103). Несколько изолированных аналогий, переходящих из учебника в учебник, ничего не доказывают, а в ряде случаев могут быть объяснены иначе. Так, одним из «дежурных» примеров подобного рода обычно служит выпадение *v* в *dēvǫrsum* > *deorsum* ‘вниз’. Ср., однако, *dēvǫlō* ‘слетаю’, *dēvǫmō* ‘изрыгаю’, *dēvǫgō* ‘пожираю’, а также *lēvǫg* ‘гладкость’, *līvǫg* ‘синяк’ и др., где *v* не выпадало в аналогичной фонетической позиции. Более того, у образований с той же приставкой и с тем же корнем, что и у слова *deorsum*, *v* в позиции после *ē* и перед *ǫ* также не выпадает: *dēvǫrto* ‘заворачиваю’ (Плавт, Теренций), *dēvǫrsorius* (Плавт) ‘заезжий, постоянный (т. е. двор)’. Наконец, у наречия от того же корня *vort-*, но с другой приставкой происходит синкопа, а не выпадение *v*: *revǫrsum* > **geursum* > **goursum* > *gūrsum* ‘назад’. Подобные процессы, при которых *v*, оказавшееся после синкопы следующего гласного (и не только *ǫ*) не в интервокальном положении, переходит в *u*, имеют достаточно широкое распространение: *iovēs*tos (CIL, I², 1) > *iūstus*, *iovēs*at (CIL, I², 4) > *iūrat*, *novem* ‘девять’ → **novēnos* > *nūnus* (в *nūn-dinae*); ср. также *pounas* (CIL, X, 2381).¹⁵

Приведенные примеры позволяют высказать предположение о том, что при изменении **dēvǫs* в *deus* имело место не выпадение *v* между гласными разного качества, а синкопа *ǫ* — обычная для флексии *-ǫs*. Эта синкопа часто имела место после *g*, а также (нерегулярно) после *l* и *v*: **agros* (др.-гр. ἄγρος) → **agrs* > *ager*, *famulos* > *famul*, **reuos* (ср. др.-инд. *gavaḥ* ‘пространство’) > **rouos* (как *duenos* > *duonos*) > **rouis* > *rūs*, **jeuos* > *jouos* (ср. *ioves-t-ǫd* — CIL, I², 1) > *ious* > *iūs* (Leumann 1977: 378, со ссылкой на Э. Бенвениста). Обращает на себя внимание, что гипотеза о выпадении (в слове *deivos*) *v* перед *ǫ* предполагает переходную форму **deos* или **deios*. Однако, хотя конечное *-os* вытеснялось флексией *-us* на протяжении достаточно длительного времени, эти формы ни разу не засвидетельствованы, несмотря на высокую частотность слова *deus*. Предлагаемая реконструкция **dēvǫs* > *deus* объ-

разного качества) в системе глагола (*amaī*, *santai*) хронологически относятся к иной эпохе (ср. восходящее к ним романские формы). То же относится к романск. *gio* (< лат. *gīvus* ‘ручей’).

¹⁵Ср. также *au-seps*, *au-speh* (к *avi-s*) ‘птица’, *audeo* (но *avidus*), *cautum*, *gaudeo*, *claudio* и др.) (Leumann 1977: s. 97). Для разговорного языка характерной была синкопа в глагольных формах типа *amaut*, *santaut*, где также, после синкопы *i*, *v* изменилось в *u*. Причем, это изменение засвидетельствовано уже в I в. н. э.: *pedicaud* (CIL, IV, 2048, Помпей).

ясняет эту странную особенность, ибо вообще не оставляет места для формы *deos, которая могла бы возникнуть в латинском языке только как своего рода «гиперархаизм».

В латинских словах, близких по своей структуре к слову *deivos*, *dīvus* нигде не происходило выпадения *v* перед *-ōs*: *preivos* > *pŕivus* 'отдельный', но нет слова *preus; *geivos > *gīvus* 'ручей', но нет *geus; *kloivōs > *cleivos > *clīvus* 'склон',¹⁶ но нет *cleus. Эти примеры резко противоречат гипотезе о выпадении *v* перед *-ōs*. Фонетические изменения, как известно, протекают одинаково в одних и тех же фонетических условиях. В этом отношении синкопа представляет собой исключение, ибо это — нерегулярное явление в латинском языке, быть может, — даже связанное с иноязычным влиянием.¹⁷ Наличие параллельных синкопированных и несинкопированных форм одного и того же латинского слова (*infer* и *inferus*, *socet* и *socetus* и мн. др.) — давно и хорошо известный факт. Подобными же параллельными формами являются также *deus* и *dīvus*. Эта пара слов естественно вписывается в следующую небольшую таблицу:¹⁸

*seivĕ > *sĕvĕ	—	→ 1) sīve
		→ 2) seu
*neivĕ > nĕvĕ	—	→ 1) nīve
		→ 2) neu
ceivis > *cĕvis	—	→ 1) cīvis
		→ 2) оск. ceus
deivos > *dĕvos	—	→ 1) dīvus
		→ 2) deus. ¹⁹

¹⁶Ср. лит. *šlīē-ti* 'наклонять' → *šlāī-t-as* 'склон', *šlēi-v-as* 'кривой' (обычно о ногах).

¹⁷«В латинском языке есть синкопированные слова, но нет законов синкопы» (Тронский 1953: 173). О том, что синкопа в латинском языке в отдельных случаях могла быть связана с иноязычным влиянием см.: Тронский 1960: 89.

¹⁸*Ceivis* и *deivos* засвидетельствованы в надписях; *dĕvos соответствует форме *Dat. Pl.* женского рода *devas* (CIL, I², 975).

¹⁹Нужно думать, что и в слове греческого происхождения *oleum* также не было выпадения *v* перед *ō*. Гораздо естественнее видеть в соотношении *olīva*: *oleum* такую же пару, как *dīvus* и *deus* (и другие примеры из таблицы), причем *olĕva > *olīva* (без синкопы), а *olĕvom — после выпадения *ō* — дало *oleum*.

Перед нами — явный параллелизм в образовании несинкопированных и синкопированных (resp.: апокопированных) форм, которые невозможно объяснить выпадением интервокального *v*. В то же время несостоятельной была бы попытка выделить из приведенного ряда идентичных явлений последний пример и объяснить его иначе, чем остальные.

Интересным представляется сравнение оскского *seus* и латинского *cīvis*, отражающее обычное соотношение оскских синкопированных и латинских несинкопированных форм. Последнее может быть сопоставлено с соотношением подобного же типа, четко проявляющееся при сравнении латышских и литовских слов типа лтш. *vīgs* и лит. *vūgas* ‘муж’. В латинском языке, как известно, так же, как и в латышском, имела место (в данном слове) синкопа: **ci̇gos* > **ci̇gs* > **ci̇gg* > *vi̇g*. Исходная форма здесь совпадает с литовской (кроме количества корневого гласного), а вторая — с латышской, которая, однако, сравнительно с лат. *vi̇g*, сохранила более архаичную структуру (без ассимиляции *gs* > *g* с последующим упрощением двойного согласного). То же самое соотношение мы находим в случае с лит. *diēvas* (ср. лат. *dīvus*) и лтш. *dievs* (ср. лат. *deus*). Но особенно важен материал древнепрусского языка. Здесь, как и в латинском языке, параллельно встречаются несинкопированная и синкопированная формы того же самого слова ‘бог’: *deiwas* = *deiws*. В первом из этих слов, в отличие от латинского *dīvus*, в корне сохранился древний дифтонг *ei* (как в архаич. лат. *deivos*). И.-е. флексия *-*os* дала в др.-прус. -*as*, а в лат. -*us*. Синкопированная древнепруская форма *deiws* также архаичнее латинской синкопированной формы *deus*, ибо она сохранила дифтонг *ei* и неслогообразующее *ц*, которое в латинском слове дало *и*.

Балтийский материал, который, кажется, никем не привлекался для освещения вопроса о соотношении форм *dīvus* и *deus*, надежно подтверждает предложенную в настоящей статье интерпретацию. Таким образом, и внутренняя реконструкция (*dīvus*: *deus* = *sīve*: *seu* и др.) подкрепляется данными сравнительно-исторического сопоставления (лат. *dīvus*: *deus* = др.-прус. *deiwas*: *deiws*). Следовательно, в историческую фонетику (а отчасти — и морфологию) латинского языка должны быть внесены существенные коррективы.²⁰

---

²⁰Кстати, балтийский материал проливает новый свет также и на вопрос о происхождении флексии Gen. S. (*e/o*-основ) -*osio* в латинском и в других и.-е. языках. См.: Откупщиков 1987: 120–126.

Лат. DOMINUS*

Еще в XIX в. была высказана мысль о том, что лат. *dominus* ‘господин’ этимологически связано с глаголом *domāre* ‘укрощать’ (*domipus* ‘укротитель’) (Curtius 1879: 232; Vaniček, 117). Однако авторы современных этимологических словарей отказались от этого объяснения, предпочтя ему этимологию, основанную на сопоставлении с *domus* ‘дом’ (*dominus* как ‘*pater familias*’) (Walde, Pokorný, I, 787; Walde³, I, 367; Ernout, Meillet, s. v.).¹ И все же несмотря на то, что отвергнутая в наши дни этимология слова *domipus* не получила в свое время достаточного словообразовательного обоснования, именно словообразовательные аргументы должны заставить нас отказаться от новой этимологии лат. *domipus* в пользу старого объяснения.²

Как известно, в парадигме склонения лат. *domus* смешаны формы *u*-основ и *e/o*-основ. За пределами латинского языка мы также не находим единства, в одних случаях встречаясь с *u*-основой (славянский), а в других — с *e/o*-основой (греческий). Естественно, что производное с суффиксальным *-p-* от формы с *u*-основой дало бы в латинском языке не *domipus*, а **domipus* (ср. др.-инд. *dāmūnaḥ*: 1) ‘относящийся к дому’, 2) ‘друг дома’)³ — подобно *tribūnus* или *Portūnus*. Если же допустить, что *domipus* образовано от основы **domo-*, то мы скорее ожидали бы производных типа **domipus* (как *agnus* ‘ягненок’ — *agnipus*, *servus* ‘олень’ — *servipus* и др.), **domānus* (как *ulmus* ‘вяз’ — *ulmānus*) или даже **domōnus* (как *bellum* ‘война’ — *Bellōna*).⁴

В. Мейд отмечает регулярное удлинение гласной основы в деноминативных образованиях с суффиксальным *-p-*, а также с другими суффиксами (*bello-m* : *Bellō-na*, *tribu-s* : *tribū-nus*, *Tiberi-s* : *Tiberī-nus*,

---

* Статья под названием «Словообразование — семантика — этимология (О происхождении лат. *domipus*)» была опубликована в сборнике: Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 176–178.

¹ Специально вопросу происхождения и последующей истории лат. *domipus* посвящено обстоятельное исследование (Leone 1969: 332–411).

² Несколько странную контаминацию двух разных точек зрения мы находим в одной из работ 70-х годов. С одной стороны, лат. **domo-*по- как отыменное образование возводится автором этой работы к числу «*les adjectifs secondaires possessifs*» (как «*chef de domus*»), а с другой — *domipus* становится в один ряд с явно отглагольным образованием **louks-*по- (лат. *lūpa*, авест. *gaox-špa-*). (См.: Haudry 1979: 52.)

³ Здесь и ниже все древнеиндийские примеры даны по словарю (Böhtlingk, I–IV).

⁴ Сопоставление *domipus* с *fāginus* (см., например: Anttila 1972: 94) едва ли может быть признано убедительным ввиду его изолированности (ср. *quercipus*, *ulmānus* и др.) и вероятности греческого влияния (φύγιμος).

cīvi-s : cīvī-lis, др.-гр. πόλι-ς : πολί-της, ст.-сл. **ЛЪЖЬ** : **ЛЪЖИ-ВЪ**, лит. akī-s : akū-vas и др.) (Meid 1956: 260–261). Случай с dominus В. Мейд выделяет как единственное исключение (Ibid.: 260).⁵

Однако слово dominus перестает быть исключением, если его считать не отыменным, а отглагольным образованием. В этом случае domo — dominus встает в один ряд с ago — agina, angō — angina, rango — rangina, gupco — gupcina, sarcio — sarcina и, в известной мере, facio — facinus (п.). Во всех этих случаях мы обычно имеем дело с достаточно ясной этимологией и с кратким i.⁶ Подобного рода образований в латинском языке немного (Stolz, Schmalz 1928), что вполне естественно, ибо из двух древних суффиксов отглагольных образований (-n- и -t-), вошедших в систему причастий ряда индоевропейских языков (германский, славянский, индоиранский), латинский язык использовал только один (-t-). Поэтому отглагольные образования с суффиксом -n- сохранились в латинском языке лишь в виде сравнительно немногочисленных реликтов (подробно см.: Откупщиков 1967: 16–21). К числу таких примеров, как pleo ‘наполняю’ — plēnus ‘полный’ — (com)plētus ‘наполненный’⁷ или seco ‘рублю’ — signum (< *sek-n-om) ‘знак’ (← ‘зарубка’) — (in)sectum ‘насекомое’, можно добавить также domo ‘укрошаю’ — dominus ‘господин’ — domitus ‘укрошенный’. В последнем случае формы с разными суффиксами были использованы в целях залогового противопоставления. В этом нет ничего необычного, ибо древние индоевропейские отглагольные прилагательные были индифферентны к залогу (ср. др.-гр. στεγνός ‘покрывающий’ и ‘покрытый’, рус. *хмельное вино* и *хмельной человек* или — применительно к нашему случаю — др.-инд. основа прилагательного damin- со значениями ‘укрошающий’ и ‘укрошенный’).⁸

⁵ Правда, здесь можно было бы привести несколько не совсем ясных случаев (типа ricinus — к rīx ‘смола’, faecinus — к faex ‘осадок’), но они не меняют общей картины и не относятся к производным основ на гласный.

⁶ Ср., однако, также gno — gūna, соquo — соquīna и др. Да и в приведенных примерах долгота i у agīna и angīna является спорной. Возможно, что речь должна идти о двух отглагольных моделях с суффиксальным -n-.

⁷ Ср. лит. pilnas ‘полный’ — (j)piltas ‘наполненный’, др.-гр. σπανός ‘редкий’ — σπατός ‘посеянный’, др.-инд. bhinnāḥ = bhittāḥ ‘разбитый’, ст.-сл. **ПЪНИЕ** = **ПЪТИЕ**, свидетельствующие об исключительно глубокой древности данного явления. «Во многих отношениях, формальных и семантических, образования с суффиксами -to- и -lo- идут параллельно», — писал об этом еще К. Бругман (Brugman, Delbrück 1897 f.: II, 394).

⁸ Авторы цитированного выше древнеиндийского словаря пытаются объяснить пассивное значение из активного (seine Leidenschaften beherrschend), но это совершенно излишне.

Наконец, в пользу изложенной выше этимологии говорит также удивительно полный параллелизм генетически общих образований:

латинский		древнеиндийский
domat < *domajet(i)	—	damāyāti 'укрошает'
domitor	—	damitār 'укротитель'
domitus	—	damitaḥ 'укрошенный' ⁹
dominus 'господин'	—	damaṇaḥ 'укрошающий' ¹⁰

В заключение несколько слов о древнегреческих образованиях δαμάω 'укрошаю', δόμος 'дом' и δάμαρ 'супруга'. Как показывает различная огласовка этих слов, понимание лат. domo 'укрошаю' как производного от domus в смысле «одомашнивания» животных является не только излишне прямолинейным и откровенно модернизированным толкованием, но не удовлетворяет также и с фонетической и словообразовательной точки зрения. Я. Фриск (Frisk s. v. δάμνημι) осторожно высказывается о возможном генетическом родстве слов со значениями 'укрошать' и 'дом' (Frisk, s. v.). Если перед нами действительно не исконная омонимия, а генетическое родство, то наиболее правдоподобным представляется видеть в основе лат. domāre значение 'связывать' (нем. binden, in Bande legen), первоначально о животных (Grienerberger 1900: 94). В этом случае в индоевропейском языке слово *domos (*domus) 'дом' этимологически могло представлять собой плетеный шалаш и являться близкой параллелью к известной изосемантической модели 'связывать, сплести' → 'стена', ср. лит. siēti 'связывать' → siena 'стена', др.-рус. *плету* → *оплотъ* и др. (подробнее см.: (Meringer 1904–1905: 139–142), а также (Откупщиков 1967: 233)).

Если исходить из первичного значения 'связывать' (ср. др.-гр. δέω 'связываю' и δέω 'строю' с более общим и с более поздним значением), то и древнегреческое название 'супруги' (δάμαρ) (Frisk, s. v.: «нет надежного объяснения») следует, видимо, объяснять не из значения 'дом' или 'укрошать', а из лежащего в основе всех трех образований значения 'связывать, соединять' (ср. лат. iungo 'соединяю' и coniunx 'супруг, супруга').¹¹

⁹Ср. также готск. tami-da- = др.-инд. dami-ta- (что свидетельствует о глубокой древности сопоставляемых образований).

¹⁰Как существительное мужского рода означает также 'укротитель коней, возница'. Ср. еще damiṇaḥ 'укрошенный' и 'укрошающий' (в kamadamini).

¹¹Др.-гр. δάμαρ как 'Genosin' сопоставлял с готск. gajuko (тот же корень, что и в лат. coniunx) Т. Гриненбергер (Grienerberger 1900: 94).

Лат. FREMENTUM*

Это слово темного происхождения встречается в Итале (Lev., 14.54 cod. Lugd.), где оно соответствует др.-гр. φραῦσμα 'струп, короста' и лат. percussūra Вульгаты. ThLL (VI, I, col. 1278) предлагает конъектуру: fermentum в значении 'воспаление' — вместо frementum. Эту конъектуру приняли А. Эрну и А. Мейе в первом издании их этимологического словаря (Ernout, Meillet 1932, 371). Но такая конъектура плохо согласуется как с др.-гр. φραῦσμα, так и с percussūra Вульгаты. Кроме того, слово frementum было обнаружено в папирусе III — IV вв. н. э. (CPL, 126, par 48, 6) — обстоятельство, заставляющее отказаться от приведенной конъектуры. М. Лойман попытался вывести слово frementum из *fragimentum — по аналогии с фонетической эволюцией vīginti > vinti (Leumann 1937: 32). Эта гипотеза (в очень осторожной форме) была принята в третьем и четвертом изданиях словаря А. Эрну и А. Мейе (Ernout, Meillet, I, 252, изд. 4).

Гипотеза, предложенная М. Лойманом, неубедительна, прежде всего, из-за своей фонетической несостоятельности. Изменение vīginti > vinti имело место в фонетических условиях, отличных от предполагаемого изменения *fragimentum > frementum. Только в первом случае g находится в положении между двумя гласными одинакового качества, первый из которых является долгим. Что же касается предполагаемой формы *fragimentum, то это слово не могло измениться в frementum. И лучшим доказательством этого является следующее: наиболее близкие по своему типу слова (в фонетическом и словообразовательном отношении) — regimentum и tegimentum — не претерпели изменения, которое предполагается для *fragimentum (> frementum). Фактически М. Лойман исходил из допущения, что frementum — это калька с др.-гр. φραῦσμα, и его гипотеза базируется на слабых доказательствах как фонетического, так и семантического характера. Таким образом, происхождение лат. frementum до сих пор не получило удовлетворительного объяснения, и вопрос об этимологии этого слова остается открытым.

Попытаемся подойти к анализу лат. frementum с чисто формальной точки зрения. Морфологическая структура этого слова предельно ясна: fre- связано с глагольным корнем, а ment-(um) — это суффиксальная часть слова. Первый вопрос этимологической проблемы,

* Статья под названием «The Etymology of Late Latin *frementum*» была опубликована в: Istituto orientale di Napoli. Annali Sezione linguistica. 1965. Vol. VI. P. 137–144.

естественно, касается глагольного корня. И здесь возможны два случая: 1) глагол с корнем (или частью его) *fre-* не сохранился в латинском языке и поэтому а) этимология слова не может быть установлена; б) этимология может быть установлена с помощью родственных индоевропейских языков — что зачастую не столь убедительно как «внутренняя» этимология — без выхода за пределы анализируемого языка; 2) глагольный корень, связанный с начальным *fre-* сохранился в латинском языке.

Попробуем подойти к вопросу об этимологии лат. *frementum* с оптимистической точки зрения, т. е. попытаемся найти искомый корень среди латинских глаголов.

Прежде всего, все латинские производные с суффиксами *-men* и *men-t(um)* делятся на следующие группы: 1) *frag-mentum*, 2) *teg-ĭ-mentum* и *teg-ŭ-mentum*, 3) *orn-ā-mentum*, *mol-ī-mentum*, *arg-ū-mentum*, 4) *sē-mentum*, 5) *gā-mentum* (< *rād-s-mntom). Совершенно ясно, что лат. *fre-mentum* не имеет ничего общего с первыми тремя типами. То же самое следует сказать и о четвертом типе, ибо в латинском языке нет глагола *freō (как, например, *pleō* или *fleō*). Отсюда может быть сделан только один вывод: у лат. *frementum* (как у *gāmentum*) имело место выпадение группы «смычный + s» перед звонким согласным (в данном случае — перед *m*; ср., например, лат. *lūmen* < *louk-s-mŋ). Выпадение группы «смычный + s» перед звонким согласным всегда сопровождается в латинском языке удлинением предшествующего краткого гласного («*kompensatorische Dehnung*»): *sĕksnoī > *sēnī*, *āpsmittō > *āmittō* и др. А отсюда, естественно, следует еще один вывод: гласный перед суффиксом должен быть долгим у слова *frēmentum*. Именно так в дальнейшем он и будет обозначаться.

Теперь неизбежно возникает вопрос: какой именно смычный исчез в отыскиваемом нами корне. Пересмотрев все без исключения возможности, легко убедиться в том, что ответ здесь может быть только один: лат. *frēmentum* представляет собой производное корня *fred-* глагола *fredere* ‘раздроблять, растирать’ (а также ‘скрежетать зубами’).

Изменение *fred-s-mntom > *frēmentum* не является чем-то единичным и исключительным, оно не принимается здесь *ad hoc*, а образует часть фонетико-словообразовательного ряда, который может быть проиллюстрирован следующими (выборочными) примерами:

<i>iouxmenta</i> (CIL, I ² , 1)	>	<i>iūmenta</i>
* <i>louk-s-mŋ</i>	>	<i>lūmen</i>

*(kon)tag-s-mŋ	>	(con)tāmen
*flūgu-s-mŋ	>	flūmen
*(in)strugu-s-mŋtom	>	(in)strūmentum
*sūg-s-mŋ	>	sūmen
*rād-s-mŋtom	>	rāmentum
*kaid-s-mŋtom	>	caementum

Приведенный ряд свидетельствует о том, что слово *frēmentum* — дс-вольно древнее образование, ибо фонетические и словообразовательные явления типа *iouxmenta* > *iūmenta* датируются V–III вв. до н. э.¹ Отсутствие слова *frēmentum* в письменном языке до III—IV вв. н. э. не более странно, чем, например, отсутствие такого древнего религиозного термина, как *ablegmīna*,² в письменных источниках примерно до того же периода. Случаи поздней фиксации древнего по своей структуре слова — вполне обычны в истории любого языка.

Итак, первый вопрос нашего исследования решен. Однако определение фонетической и словообразовательной структуры слова и его отнесение к какому-либо корню отнюдь не исчерпывают задачи этимологического исследования. Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть, относится к области семантической.

К сожалению, анализ семантической части этимологии сталкивается с большими трудностями в связи с ограниченностью располагаемого нами материала. Папирусный фрагмент, содержащий слово *frēmentum*, не проливает света на его возможное значение. Таким образом, приведенный выше отрывок из Италы остается единственным источником для понимания слова *frēmentum*.

В греческом тексте, как и в латинском переводе соответствующего места, речь идет о законе, который запрещает прикасаться как к прокаженному, так и к какой-либо части его тела, к одежде и т. д. Слова *haec lex adversus omnem tactum leprae et frementi* (Италы) соответствуют греческому οὗτος ὁ νόμος κατὰ πᾶσαν ἀφῆν λέπρας καὶ φραύσματος, где струп (короста) на язве прокаженного передается словом φραύσμα.

В семантическом и словообразовательном плане лат. *frēmentum* было связано с *frēnusculī* ‘явочки’ — словом, также восходящем к глагольному корню *fred-*. Касаясь этого последнего слова, Исидор Севильский (Isid. Orig., IV, 8, 18) писал: *frenusculi* — *ulcera circum rictum oris similia eis, quae fiunt iumentis asperitate frenorum* (‘*frenusculi* — это

¹Надпись, которая содержит слово *iouxmenta*, относится к первой половине V в.; изменение *ou* > *ū* завершилось в III в. до н. э.

²«Древнее слово на -men, сохранившееся в религиозном языке» (Ernout, Meillet, I, 3, 4-ème éd.).

язвы вокруг рта, подобные тем, которые образуются у лошадей из-за шероховатости удил'). Из этого свидетельства Исидора можно сделать следующие выводы: 1) Исидор пытается этимологически связать слова *frēnī* 'удила' и *frēnuscūlī* 'язвочки'; 2) язвы, которые образуются у лошадей вследствие шероховатости удил, не назывались *frēnuscūlī*, они были лишь сходны (*similia sunt*) с ними. Следовательно: 3) слово *frēnuscūlī* едва ли может быть производным от *frēnī* 'удила'.³ Против этого предположения, помимо приведенных слов Исидора, свидетельствуют также факты словообразовательного и семантического характера.

Если бы слово *frēnuscūlī* было образовано от *frēnī* 'удила', то это слово означало бы 'маленькие удила, удильца'; ср. *gamus* — *gamuscūlus*, *lepus* — *lepusculus*, *ulcus* — *ulcuscūlum* и мн. др. Предполагаемое изменение значения *frēnī* 'удила' → *frēnuscūlī* 'язвочки' было бы единственным исключением из известного семантико-словообразовательного ряда, где все производные на *-(s)cūlus* приобретают уменьшительное значение — без утраты их семантической связи с производящей основой. Отсюда следует, что слово *frēnuscūlī* 'язвочки', будучи диминутивом, было образовано не от *frēnī* 'удила', а от незасвидетельствованного слова **frēnus* 'язва'. В свою очередь, то, что последнее слово является производным глагола *frēdere* 'скрежетать, растирать (зубами), раздроблять', представляется достаточно ясным: **frēd-s-n-os* > **frēnus* (→ *frēnuscūlus*). Таким образом, слово *frēnuscūlus* означает язвочку, которая образуется как результат укуса или раздражения зубами кожи вокруг внутренней части рта. Подобная же связь может быть установлена для русских слов *есть* и *заеды* 'язвинки по углам рта' (Даль, I, 669).

Интересно отметить, что во многих языках глаголы со значениями 'жевать, растирать зубами, кусать' образуют две группы производных: 1) со значением 'удила' (иногда также с явно вторичным значением 'узда') и 2) со значением 'язва, рана'. Эта семантическая универсалия может быть проиллюстрирована примерами:

a) лат. <i>frēdere</i>	—	1) <i>frēnī</i> 'удила'
		2) <i>frēnus(cūlus)</i> 'язв(очк)а'
b) с.-хрв. <i>жвѣтати</i> 'жевать'	—	1) <i>жвѣле</i> 'удила'
		2) <i>жвѣле</i> 'заеды'

³Хотя эта этимология была принята, например, в словаре А. Эрну и А. Мейе (Ernout, Meillet⁴, I, s. v.)

с) итал. <i>mordere</i> 'кусать'	—	1) <i>morso</i> 'удила'	
		2) <i>morso</i> 'рана (от укуса)'	
д) франц. <i>mordre</i> 'кусать'	—	1) <i>mors</i> 'удила'	
		2) <i>morsure</i> 'рана (от укуса)'	
е) англ. <i>to bite</i> 'кусать'	—	1) <i>bit</i> 'удила'	
		2) <i>bite</i> 'рана (от укуса)'	
ф) монг. <i>хазах</i> 'кусать'	—	1) <i>хазаар</i> 'удила'	
		2) <i>хазах</i> 'рана (от укуса)' ⁴	

Совершенно очевидно, что во всех этих случаях значение 'удила' не давало в качестве производного значение 'рана (от укуса)' (как это считал Исидор применительно к лат. *frēpusculī*), а перед нами — типичный случай с *tertium comparationis*. Иначе говоря, оба сравниваемых значения не изменяются одно в другое, а восходят к единому третьему источнику, в данном случае — к глаголу, значение которого и объясняет семантику сопоставляемых слов.

Приведенный изосемантический ряд совершенно очевидно доказывает, что возведение лат. *frēpusculī* к глаголу *frēdere* представляет собой не изолированную реконструкцию, а отражает распространенную семантическую универсалию.

Таким образом, нужно полагать, что как *frēnus(culus)* 'язва', так и *frēmentum* 'струп на язве (прокаженного)' представляют собой слова, восходящие к одному и тому же глагольному корню *fred-*: **fred-s-n-os* > *frēnus(culus)*, **fred-s-mṅ-t-om* > *frēmentum*. Различие в значении этих двух слов определяется не корнем, а суффиксами **-mṅ(t-om)* и **-po-/-pā*, словообразовательная и семантическая близость которых хорошо известна:

<i>frēdere</i>	—	<i>frēmentum</i>	—	<i>frēnus(culī)</i>
<i>legere</i>	—	(ab) <i>legmina</i>	—	<i>lignum</i>
<i>lūcēre</i>	—	<i>lūmen</i>	—	<i>lūna</i>
(com) <i>plēre</i>	—	(com) <i>plēmentum</i>	—	<i>plēnus</i>
<i>secāre</i>	—	<i>segmentum</i>	—	<i>signum</i>
<i>tegere</i>	—	<i>tegmen(tum)</i>	—	<i>tignum</i>

Принимая во внимание эти примеры, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, когда образования с суффиксом **-n-* имеют после корня формант *-s-*, такой же формант обычно имеется и у образований с суффиксом **-mṅ(t)-*: **louk-s-n-ā* и **louk-s-mṅ*, **fred-s-n-os* и **fred-s-mṅ-t-om*. Напротив, отсутствие форманта *-s-* у образований первого

⁴Ср. также исп. *bocado*: 1) 'удила' и 2) 'рана (от укуса)'.

типа, как правило, означает его отсутствие также и в случаях с другим суффиксом: *teg-n-om и *teg-mŋ, *sek-n-om и *sek-mŋ (tom). Вторых, как известно, латинские атематические образования с суффиксом *-n- — это реликты древних индоевропейских отглагольных прилагательных. Эти образования исключительно редки в латинском языке (имеется всего 10 или 11 примеров). Число латинских атематических образований с суффиксом *-mŋ-(t)- также сравнительно невелико. Отсюда следует очевидный вывод, что тесные связи между производными с суффиксами *-n- и *-mŋ- не могут быть случайными. К тому же эти связи характерны не только для латинского языка, но также и для других индоевропейских языков. Например:

др.-инд. áç-тап	—	áç-па- 'камень'
ст.-сл. ТИ-МѢН-ИЮ	—	ТИ-НА 'тина'
лит. sraũ-men-j (Acc. S.)	—	srau-nà 'поток'
лит. stuõ-men-j (Acc. S.)	—	рус. <i>ста-н</i> (ѣ) 'фигура, стан'
авест. раē-тап- 'женское молоко'	—	лит. rìe-pas 'молоко'

Этот список можно было бы увеличить в несколько раз. Значения сопоставляемых образований не всегда идентичны (ср. приведенные выше латинские примеры). В частности, расхождения в значениях особенно часто встречаются при сопоставлении материала из разных индоевропейских языков. Так, лат. strā-men означает 'подстилка' (лат. sternere, Perf. strā-vī 'расстилать, распростираť'), а ст.-сл. **СТРА-НА** 'сторона, страна'; лат. ag-men 'движение'⁵ (к agere 'двигать, гнать, действовать' и др.), а лит. ag-pūs 'подвижный, быстрый'.⁶

Все перечисленные факты — как латинские, так и индоевропейские — указывают на то, что производство слов frēnus(culī) и frēmentum от одного и того же глагольного корня fred- можно считать не только возможным, но и достаточно надежно установленным. Что же касается возведения лат. frēmentum 'струп на язве (прокаженного)' к глаголу frēdere, то оно может быть подкреплено еще одним важным аргументом.

Как известно, латинский глагол frēdere восходит к и.-е. корню *ghred-. Этот корень имеет широкое распространение в германских языках. Так, др.-англ. grindan (совр. англ. grind), с одной стороны, продолжает тот же самый и.-е. корень *ghred-, с другой — имеет пример-

⁵Из многочисленных значений этого латинского слова именно значение 'движение' является одним из наиболее древних. Ср., например, у Энния (Enn., Ann., 173): leni fluit agmine flumen.

⁶Об этимологии лит. ag-pūs см. выше: с. 216–219.

но ту же сумму значений, что и лат. *frēdere*. Точно так же, как и в латинском языке, и.-е. корень *ghred- образует в германском слова со значением 'струп, короста'. Лат. *frēmentum* как по происхождению, так и по значению идентично др.-в.-н. *grint* 'струп' (ср. совр. нем. *Grind* 'струп, лишай'). В ср.-в.-н. слово *grint* (*crint*) имеет значения 'гнойник, прыщ, чесотка, струп на ране'. Братья Я. и В. Гримм писали в этой связи следующее: «... в более древнем языке слово охватывает самые разные кожные болезни человека» (Grimm J. und W., IV, 369). В словаре XVII в. мы читаем, что *grinder* ... *chirurgi appellant duros quosdam cortices, quibus vulnera ulcerave obducuntur* («хирурги называют *grinder* некие твердые корки, которыми покрыты раны и язвы») (Ibid.). Наконец, особый интерес представляет одно место из Лютера (12, 664 Weim.): *Judei omnem grind, schebicht, gnetzig dixerunt lepram* («Евреи все виды струпов, чесотки называют проказой») (Ibid., 370).

Таким образом, глаголы, возводимые к общему индоевропейскому корню, образуют как в латинском, так и в германском, отглагольные имена со значением 'струп'. Весьма знаменательно, что и лат. *frēmentum* в Италe, и нем. *grind* у Лютера связаны с проказой. Регулярность семантического развития 'раздроблять, грызть' → 'струп' может быть подтверждена и другими примерами. Так, др.-англ. *sceorfan* 'грызть' → *sceorf* (совр. нем. *Schorf*, датск. *skórpe* и др.) 'струп'.

Лат. FRĒNUM*

Античная традиция, восходящая к Варрону, связывала лат. *frēnum*¹ 'удила, узда, поводья' с глаголом *frēndō* 'растирать, скрежетать (зубами)': *frēdere* ... *Varro frenos hinc putat ductos* (Serv. In Verg. Aen., 8, 230);² *frēna dicta* ... *quod haec equi frēndant, id est imprimant dentibus et obmordeant* (Isid. Orig., XX, 16, 1).³ О правдоподобности такого объяснения говорит, например, следующее место из Овидия: «*Frenaque magnanimi dente teruntur equi*».⁴

* Статья под названием «Об этимологии латинского *frēnum*» была опубликована в журнале: Вестник Ленингр. ун-та. 1961. № 20. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 4. С. 138–142.

¹ Обычно употребляется во множественном числе: *frēnī*, -ōrum, т. или *frēna*, -ōrum, п.

² *Растирать (зубами)* ... Варрон считает, что отсюда происходит (слово) *удила*.

³ *Удила* (так) названы, ибо кони их растирают, т. е. сжимают и обкусывают зубами.

⁴ И *удила* стираются зубами благородного коня (Ovid. Ars amat., I, 20). Ср. также ... *frena ferox sprumantia mandit* 'яростный грызет пенящийся удила' (Verg. Aen., IV, 135).

С фонетической и морфологической точки зрения этимология лат. *fr̥ēnum*, предложенная Варроном, является вполне убедительной. *Fr̥ēnum* можно рассматривать как отглагольное прилагательное с и.-е. суффиксом *-no-, или, вернее, *-sno-. Подобные образования широко распространены как в латинском, так и в других индоевропейских языках: лат. *lignum* (< *leg-no-m, cf. *legere*), *tignum* (< *teg-no-m, cf. *tegere*), *signum* (< *sec-no-m, cf. *secāre*), *dignus* (< *dec-no-s, cf. *decet*), *somnus* (< *sop-no-s, cf. *sopire*), *lūna* (< *louksna), ст.-сл. **ЛОУНА** (< *louksna), ст.-сл. **СТРОУНА** (< *strougsna), **БРАНА** (< *bhorgsna), ирл. *brán* (< *bhragno (Откупщиков 1961: 143–147)) и мн. др. Правда, отглагольные прилагательные *frednom или *frend(s)nom (формы, приводимые в словаре Вальде–Гофмана (Walde³, s. v.)) закономерно должны были бы дать *frennum, а не *fr̥ēnum* (лат. *manāre* < *mādnāre — единственный и недостаточно убедительный пример перехода -dn- > -n- в латинском языке). Но индоевропейские отглагольные прилагательные с суффиксами *-to-, *-no- или *-sno- обычно не имели носового инфикса в глагольном корне (а там, где он появился, это было следствием аналогического воздействия форм настоящего времени). Поэтому более точным, на наш взгляд, будет возведение лат. *fr̥ēnum* не к *frednom или *frend(s)nom, а к *fredsnom. Исчезновение группы «смычный + s» перед звонким согласным (и, в частности, перед носовым) — обычное явление в латинском языке: *sēdecim* < *seksdekem, *ēnuntio* < *eksnnuntio, *lūna* < *louksna и др.

Однако, несмотря на то, что предложенная Варроном этимология лат. *fr̥ēnum* выглядит довольно убедительной, в настоящее время большинство исследователей отказалось от нее.⁵ Два других объяснения, основанных на сопоставлении лат. *fr̥ēnum* с др.-гр. ῥίς, ῥίνας 'нос' (< *sr̥ip, в то время, как лат. *fr̥ēnum* < *sr̥ē(i)-num) (Schradet 1929: 680) и со ст.-сл. **БРЪЗДА** (Petř. 1896: 211) также не имели успеха и были отвергнуты.⁶ В результате наибольшее распространение получило этимологическое толкование, выдвинутое Г. Курциусом и основанное на сопоставлении лат. *fr̥ēnum*, с ῥήσασθαи 'сидеться', ῥῶνος, ῥρόνος 'сиденье, кресло, трон'; др.-инд. dhārami 'держат, поддерживать, нести', dhartāg 'тот, кто несет, поддерживает', dhur (часть ярма), dhūrgah 'вьючное животное' (Curtius 1879: 257). Таким обра-

⁵Лишь А. Эрну и А. Мейе (Ernout, Meillet¹) принимают этимологию Варрона.

⁶Была также предпринята попытка сопоставить ирл. *srón* (= лат. *fr̥ēnum*) и др.-гр. ῥίς (см. Např 1960: 209–211). Однако в этой статье затрагивается только фонетическая сторона сложного вопроса, который автором статьи представлен в чрезмерно упрощенном виде.

зом, лат. *frēnum* возводится к и.-е. корню **dher-*, **dherə-* ‘держать’, к которому относятся также лат. *frētus* и *firmus*.⁷ Иначе говоря, лат. *frēnum* означает то, посредством чего останавливают или удерживают лошадь (Persson 1912: 641). Сопоставление, выдвинутое Г. Курциусом, было принято почти всеми исследователями (Vaniček 77; Brugmann, Delbrück² 1897ff: II, 259; Muller, 512; Walde³, I, 545–546; Pokorny, III, 253). Ф. Муллер и А. Вальде — И. Гофман как в морфологическом, так и в семантическом отношении сопоставляют между собой лат. *frēnum* и *habēna*. В словаре Вальде—Гофмана сравнивается образование *frēnum*: **dherə-* с нем. *Zaun* : *ziehen*, а также с др.-гр. *χαλῖνός*, где значение ‘удила’ рассматривается как восходящее к значению ‘узда’ (Walde³, I, 546; Muller, 512).

С фонетической точки зрения этимологическое толкование, наиболее четко сформулированное в словарях Муллера и Вальде—Гофмана, не вызывает никаких возражений. Что же касается семантической стороны вопроса, то здесь сопоставление лат. *frēnum* с и.-е. корнем **dher-*, **dherə-* нам представляется весьма спорным. Если предположить, что в латинском языке *frēnum* по типу образования и по своему значению первоначально было почти равнозначно слову *habēna*, то окажется, что слово с первоначальным значением ‘удила’ вообще не засвидетельствовано в многочисленных памятниках латинского языка. Факт, вообще говоря, возможный, но маловероятный. Категорическое утверждение Муллера и Вальде—Гофмана о том, что в лат. *frēnum* значение ‘узда’ (*Zaun*) было первичным, а ‘удила’ (*Gebiß*) — вторичным, не подкреплено достаточно вескими аргументами. Ссылка на нем. *Zaun* — *ziehen* неубедительна, так как нем. *Zaun* не имеет значения ‘удила’. Столь же неубедителен и пример с др.-гр. *χαλῖνός*, где утверждение о развитии значения этого слова от ‘узда’ к ‘удила’ остается бездоказательным. Уже в «Илиаде» Гомера слово *χαλῖνός* засвидетельствовано только со значением ‘удила’ (XIX, 393), в то же время в новогреческом языке оно означает ‘узда, уздечка’. Таким образом, в истории греческого языка развитие значения слова *χαλῖνός* шло в направлении, прямо противоположном тому, которое предполагают Муллер и Вальде—Гофман. Априорное утверждение относительно того, что др.-гр. *χαλῖνός* должно было первоначально обязательно иметь только значение ‘узда’, а не ‘удила’, — слишком субъективно и спорно, чтобы на нем строить се-

⁷Некоторые авторы (например, А. Ваничек) сюда же относят лат. *fortis*, *forum*, *forma*, *fortis*, *firma* и др. Однако большинство этих сопоставлений малоубедительны.

рьезные выводы.⁸

Таким образом, мы не находим достаточно убедительных доводов ни против связи лат. *frēnum* с *frēdere*, ни в пользу сопоставления этого слова с и.-е. корнем **dher-*, *dherə-*. Какое же из двух объяснений является более приемлемым? По-существу, все сводится к одному вопросу: какое значение лат. *frēnum* является первичным — ‘удила’ или ‘узда’? В имеющихся памятниках латинского языка употребительны слова с тем и другим значением, причем следы вытеснения одного значения другим обнаружить, видимо, невозможно. В приведенном выше месте из Овидия («*Frēnaque magnanimi dente teruntur equi*»), а также, например, у Тибулла («*frēnos ore momordit equus*»)⁹ слово *frēna* (*frēni*) явно означает ‘удила’. В других (более многочисленных) случаях это слово имеет значение ‘узда, поводья’. Следовательно, словоупотребление не проливает достаточно ясного света на этимологию лат. *frēnum*. Производные от *frēnum* — *frēpō* и *frēpātor* также не дают ничего существенно нового. Так, глагол *frēpāge* означает и ‘взнуздать’ (т. е. вложить удила в рот лошади), и ‘надеть недоуздок’. Слово *frēpātor* ‘укротитель’ также может быть объяснено любым из двух основных значений лат. *frēnum*.

Если исходить из общих соображений, то следует сказать, что изменение значения слова *frēnum* ‘удила’ > ‘узда’ является более вероятным, чем обратное изменение. Хорошо известно, что метонимическое изменение значения слова обычно бывает основано на употреблении *pars pro toto*, а случай обратного употребления является более редким (см., напр., Булаховский 1953: 66). Однако подобное рассуждение общего характера еще не может служить доказательством того, что в лат. *frēnum* значение ‘удила’ было первичным, а ‘узда’ — вторичным.

Серьезным, на наш взгляд, доказательством в пользу того, что более древним значением лат. *frēnum* было значение ‘удила’, являются латинские слова *frēnusculī* и *lupāti* (*lupāta*). *Frēnusculī* это — *ulcera circa rictum oris similia eis quae fiunt asperitate frenorum*.¹⁰ Следовательно, *frēnusculī* — производное от *frēnum* со значением ‘удила’. (Позднее автор отказался от этого аргумента (см. предыдущий очерк).) Подобного типа производных от *frēnum* со значением ‘узда’ в латинском языке не имеется. *Lupāti* (*lupāta*) — это удила особого вида (усеянные зубьями):

⁸ Сам же Гофман в своем этимологическом словаре греческого языка пишет по поводу *χαλινός*: «происхождение неясно» (Hofmann, 411).

⁹ «Конь закусил удила» (Tibull. I, 3, 42). Здесь дается буквальный перевод. О значении данного выражения у Тибулла см.: Pierleoni 1929: 305.

¹⁰ «Язвы вокруг полости рта — подобные тем, которые образуются у лошадей из-за грубой поверхности удил» (Isid. Orig., IV, 8, 18).

dicta autem lupāta a lupinis dentibus qui inaequales sunt;¹¹ lupāta autem frena sunt aspera;¹² lupātī sunt freni asperrimi.¹³ Вряд ли можно сомневаться в том, что первоначально слово *lupātī* являлось определением к *frēnī*. В такой функции это слово засвидетельствовано, например, у Горация: *Cur . . . Gallica nec lupatis Temperet ora frenis?*¹⁴ Употребление лат. *lupātī* (*lupāta*) в функции существительного — явление, несомненно, позднейшее, но ставшее уже обычным в классической латыни. Причем, существительное *lupātī* нередко само имеет при себе определение: *duris, parere lupatis*;¹⁵ *Asper equus duris contunditur ora lupatis*;¹⁶ *Mordent aurea . . . — lupata cervi*.¹⁷ Если уже у Вергилия и Овидия слово *lupātī* имеет при себе определение, значит к концу I в. до н. э. оно довольно прочно обосновалось в категории существительных. Следовательно, сочетание *frēna lupāta* (в котором первое слово означает 'удила', а не 'узда') относится, видимо, к достаточно древнему (возможно, даже к долитературному) периоду. Это также говорит против предположения о том, что значение 'удила' у лат. *frēnum* является позднейшим по сравнению со значением 'узда, поводья'.

Обратимся теперь к некоторым сопоставлениям типологического характера. В современных индоевропейских языках слова со значениями 'удила' и 'узда' обычно четко разграничиваются между собой, причем этимология слова 'удила' по большей части является весьма прозрачной и чрезвычайно похожей на этимологию лат. *frēnum* в трактовке Варрона. В германских языках мы имеем нем. *Gebiß* (*beissen* 'кусать'), англ. *bite* (*to bite* 'кусать'), датск. *bidsel* (*bide* 'кусать'), швед. *betsel* (*bita* 'кусать'). В романских языках — итал. *mors* (*mordere* 'кусать'), франц. *mors* (*mordre* 'кусать'), исп. *bocado* 'укус, прикус зубами, что-либо откусываемое (прикусываемое) зубами; удила, узда'. Та же самая картина — в славянских языках: н.-луж. *gryzadło* 'узда, мундштук', *gryzda* 'лошадиная узда, удило' — при *gryzaś* 'грызть, глодать, точить' (Мук, 338–339). Тот же корень засвидетельствован в словен. *grizalo* 'удила' — слове, восходящем к общеславянскому *gryzadło (Machek 1926:

¹¹ «(Они) названы *lupāta* по волчьим зубам, которые являются неровными» (Serv. ad Verg. Geor. 3, 208).

¹² «*Lupāta* — удила с грубой поверхностью» (Porph. In Horat. Carm. 1, 8, 7).

¹³ «*Lupātī* — удила с чрезвычайно грубой поверхностью» (Isid. Orig., XX, 16, 2).

¹⁴ «Почему . . . он не смиряет (пасть) галльских (коней) посредством *frena lupāta*?» (Horat. Carm. 1, 8, 5–7).

¹⁵ «Повиноваться жестким *lupātis*» (Verg. Geor. 3, 208).

¹⁶ «Дикий: конь укрощается жесткими *lupātis*» (Ovid. Amor., 1, 2, 15).

¹⁷ «. . . олени кусают золотые *lupata*» (Mart., I, 105, 4).

414). Словен. *zobalo* и словац. *zubadlo* ‘удила’ — образования подобного же типа, независимо от того, будем ли мы эти слова возводить к общеславянскому *zobadlo (Ibid.: 141–415), и связывать, например, с.-хрв. *зубати* ‘жевать’ или же возведем их к *zobalo и свяжем со ст.-сл. **ЗОБАТИ** (др.-чеш. *zobati*) ‘есть, кушать’ (Åsbóth 1903: 575–576). В сербохорватском подобным же образованием является; *жвѣле* ‘удила’: *жвѣтати* ‘жевать’. Примеры такого рода можно было бы и увеличить. Они имеются не только в индоевропейских, но и в других языках. Так, монг. *хазаар* ‘удила, узда’ этимологически восходит к глаголу *казах* ‘кусать’, монг. *зуузай* ‘кольца удил’ — к *зуух* ‘держат в зубах, хватать зубами, кусать’. Связь между лат. *frēnum* и *frēdere* после приведенных примеров напрашивается сама собой, тем более, что лат. *frēdere* наряду с указанными выше значениями могло иметь когда-то также значение ‘кусать’, о чем свидетельствует лат. *refrēdes* ‘еще не умеющие кусать, жевать’ (Varro R. R II, 7, 17). В ряде случаев приведенные выше слова, образованные от глаголов ‘кусать’ и т. п., кроме значения ‘удила’ имеют также значение ‘узды, поводья’: исп. *bocado*, швед. *betsel*, англ. *bit* (ср. *to draw bit* ‘натянуть поводья, остановить лошадь’), н.-луж. *gryzadło*, монг. *хазаар*. Вряд ли во всех этих случаях может возникнуть сомнение в том, что значение ‘узды, поводья’ возникло здесь из более древнего значения ‘удила’.¹⁸ Подобное изменение значения слова вполне естественно. Например, англ. *to draw bit* означало первоначально ‘натянуть удила’. Но удила натягивались во рту лошади с помощью поводьев или вожжей. Для того чтобы натянуть удила, следовало натянуть поводья или вожжи. Отсюда *to draw bit* по значению фактически совпало с *to draw bridle* или *to draw rein*. То же самое, видимо, имело место и в латинском языке: *frēnōs adhibēre* или *frēnōs remittere* ‘натянуть (опустить) удила’ совпало по значению с *habēnās adhibēre* или *habēnās remittere* ‘натянуть (опустить) поводья (вожжи)’ а самое слово *frēnī* стало означать не только ‘удила’, но и ‘узды, поводья, вожжи’.

Подобное же изменение значения имело место и в случае с русским словом *бразды*. Несмотря на расхождения исследователей относительно этимологии этого слова, все они признают, что первоначально оно значило ‘удила’ (Walde 1897: 506). Именно это значение является преобладающим в памятниках древнерусского языка: *Въ бръздах бо рече и въ оуздѣ челюсти ихъ сътъгнешши* (Изб. Свят. 1073, 63);

¹⁸ «Собственно, лишь “удила”, но впоследствии также и вся “узды”, — говорится по поводу датск. *bidset* и других соответствующих скандинавских слов в (Falk, Torp, I, 72).

так *браздыми и оуздою шдержи бѣ* (Жит. Стеф., Перм., 715) (цит. по: Срезневский, I, 182); *бразды в уста вложеше* (Пролог Погодина, XIV в.) (цит. по: Соболевский 1907: 81). САР (стлб. 316) слово *бразда* определяет следующим образом: «удило, прибор, употребляемый для взнуздания коней». То же самое определение дает и СРЯ ИАН (I, 83). В обоих случаях слово *бразда* имеет только одно значение: ‘удила’. В полном соответствии с этим слово *бразды* обычно употребляется и в русской поэзии начала XIX в.: «Слышишь? Конь грызет бразды» (В. А. Жуковский. Людмила, 1808); «Конь ретивой ... бразды стальные закусил» (А. С. Пушкин. Руслан и Людмила, 1817–1802).

СРЯ ИАН (I, 256) дает уже два значения слова *бразды*: ‘удила, вожжи’. Ср.: «... руки неспособны держать бразды» (А. К. Толстой. Смерть Иоанна Грозного, 1866).¹⁹ А в словаре Ушакова (I, 180) сохранилось (как устаревшее, книжное) лишь второе значение слова *бразды* (в выражении «бразды правления»). Разговорный народный язык, видимо, гораздо прочнее держался за первоначальное значение слова *бразды*. Так, у Даля (I, 122) слово *бразды* имеет только свое основное значение ‘удила’.²⁰

Этот небольшой экскурс позволяет предположить, что и при изменении значения лат. *frēnum* ‘удила’ → ‘узда, поводья, вожжи’ народный разговорный язык продолжал сохранять основное значение данного слова. Такое предположение полностью подтверждается данными романских языков. Итал. *godere (mordere) il freno*, исп. *tasca el freno*, франц. *gonger son frein* ‘грызть удила’, португ. *tomar o freio nos dentes* ‘закусить удила’ достаточно ясно говорят о том, что основным значением перечисленных романских слов, восходящих к лат. *frēnum*, было значение ‘удила’, а не ‘узда, поводья, вожжи’. Об этом говорят и самые различные словари итальянского, испанского и французского языков (Palazzi, 474; Battisti, Alessio, III, 572; Bénac, 408; Casares, 156, 510).²¹

Итак, отвергнутая почти всеми исследователями этимология Варрона оказывается вполне приемлемой не только в фонетическом и морфологическом, но также и в семантическом отношении. Лат. *frēnuscūlī*,

¹⁹Возможно, что переход от первого значения ко второму отразился уже в стихах К. Н. Батюшкова:

Правит сильная десница
Коней серебряной браздой.

²⁰Ср.: D. Daničić (Rječnik hrvat I, 695): «*brzda* — *frenum*, удила на узде; только XIII и XIV вв.».

²¹В румынском языке для слова *frin* значение ‘удила’ не засвидетельствовано. В этом значении здесь утвердилось славянское заимствование *zábala*.

lupāta и nefrendes, многочисленные факты типологического характера, а также данные романских языков — все это является гораздо более убедительным, чем простое сопоставление лат. fr̄epum с и.-е. корнем *-dher-, dherə-.

Лат. AQUIL(O) IMPOTENS*

Значение эпитета Аквилона *impotens* ‘неукротимый, яростный’, засвидетельствованного в самом начале «Памятника» Горация, обычно не вызывает каких-либо сомнений. Попытки видеть здесь значение ‘бессильный, слабый’, которые изредка встречаются в практике преподавания латинского языка, связаны с явлением, называемым «ложные друзья переводчика», и свидетельствуют о полном непонимании текста. В словах *Exegi monument(um) ... quod non imber edax, non Aquil(o) impotens possit diruer(e)* оба эпитета у подчеркнутых словосочетаний — одного общесемантического ряда: *edax* ‘разрушительный, истребляющий’, *impotens* ‘неукротимый, яростный’. Эпитет ‘бессильный, слабый’ не только расходится с эпитетом *edax*, но и вообще не подходит к могучему Аквилону. А смысл ‘бессильный разрушить’ невозможно извлечь из латинского текста, где *diruere* зависит, конечно же, не от *impotens*, а от *(non) possit*, относясь в равной мере к обоим словосочетаниям: *imber edax non possit diruere* и *Aquilo impotens non possit diruere*. В последнем случае, допуская, что *impotens* = *qui non possit (non potest)*, мы вообще приходим к полной бессмыслице.

Значение ‘неукротимый, яростный’ у лат. *impotens* достаточно широко представлено в произведениях римской литературы (*Cic. Phil.*, V, 24; *Catul.*, 35, 12; *Liv.*, XXXIV, 2, 13; *Sen. Con.*, IX, 5; *Tac. Ann.*, V, 1; *Suet. Nero*, 28, и др.), в том числе — у Горация: *Sarm.*, I, 37, 10; *Erod.*, XVI, 62 (*impotentia*). Таким образом, эпитет Аквилона в «Памятнике» Горация выступает с надежно засвидетельствованным значением, кстати, совпадающим со значением др.-гр. ζαχρηής ‘неистовый’ у Гомера (применительно к Борею; см.: II., V, 424–425).

Известно, что два разных значения слова *impotens* явились результатом семантического развития: ‘бессильный’ → ‘не могущий сдерживать себя’ (*sui impotens*) → ‘неукротимый’; ср., например: нем. *unbezähmbar* ‘неукротимый’ = ‘не могущий сдерживать (обуздать) себя’

* Статья под названием «*Aquil(o) impotens* у Горация» была опубликована в сб.: *Notatiana*. СПб., 1992 (в серии *Philologica classica*. Вып. 4). С. 89–93.

(sich bezähmen). В качестве аналогии обычно приводится ссылка на др.-гр. ἀχράτης — с близкой суммой значений: ‘бессильный’ и ‘несдержанный, необузданный’.

Против этого объяснения выступил выдающийся итальянский лингвист В. Пизани (Pisani 1973: 766–767). Он считает, что этимологические словари не приводят никаких аргументов в пользу предполагаемого семантического изменения, а краткая ссылка на др.-гр. ἀχράτης, по его мнению, ничего не доказывает. В. Пизани подчеркивает, что др.-гр. ἀχράτης употреблялось с родительным падежом внешнего объекта, и только позднее это слово приобрело значение ‘необузданный’. Однако и при реконструкции семантического изменения лат. *impotens* также предполагается более позднее появление значения ‘неукротимый, яростный’. Более того, противопоставляя др.-гр. ἀχράτης и лат. *impotens*, В. Пизани для последнего слова отмечает только два значения (‘бессильный’ и ‘неукротимый, яростный’), полностью игнорируя то общее обоим словам промежуточное значение, которое представляет собой ключ к объяснению семантического изменения ‘бессильный’ → ‘неукротимый’. Это общее значение проявляется в семантико-синтаксических конструкциях с родительным падежом, отличающихся не только полным параллелизмом, но и наличием синонимических словосочетаний. Так, др.-гр. ἀχράτης ὀργῆς (Thuc., III, 84) полностью совпадает с лат. *cuius (i. e. irae) impotens* (Liv., V, 37, 4). Именно сочетания типа *sui impotens* (= др.-гр. ἐαυτοῦ ἀχράτης) и *animi impotens* (ср. др.-гр. ἀχράτης θυμοῦ — Plat., Leg., IX, 869c) могли эллиптически в том и другом случае из значения ‘non potens’ дать энантиосемическое значение ‘valde potens’ (ThLL, VII, 670–671).

Рассмотренное изменение значения, совпадающее у др.-гр. ἀχράτης и лат. *impotens*, отнюдь не ограничивается рамками двух языков, представляя собой определенную семантическую универсалию. Более того, для лат. *impotens* в диалектах русского языка можно найти аналогии, в ряде отношений более близкие, чем др.-гр. ἀχράτης. В самом деле, лат. *impotens* оформлено как причастие глагола *posse* ‘мочь’ (ср. *pot-est*) с *im-privativum*. Др.-гр. ἀχράτης — это прилагательное, образованное от существительного τὸ κράτος ‘сила’ с *α-privativum*. И хотя семантическое изменение в обоих случаях по существу совпадает, структура сопоставляемых слов существенно различается в том и другом языке. Иное дело — производные причастного происхождения русского глагола *могу, мочь*. Так, наряду с рус. диал. *нѣможный* ‘слабый, немощный’, в говорах русского язы-

ка засвидетельствовано также слово *невозмо́жный* в значении ‘сильный’: *холод невозмо́жный* ‘сильный холод’. Близкие два значения имеют также слова *немогу́тный* ‘немошный’ и *немогу́чий* ‘сильный’ (СРНГ, XXI, 83). Правда, здесь семантическое развитие при формировании энантиосемии шло несколько иным путем — сравнительно с лат. *impotens* и др.-гр. *ἀχράτης*. *Холод невозмо́жный* или *жара немогу́чая* — это (этимологически) холод или жара, которые человек не может вынести, т.е. невыносимые холодили жара. Подобное семантическое развитие встречается также и в латинском языке: лат. *impotens* в значении ‘поп ferendus’ (ThLL, VII, 671).

Таким образом, в семантическом плане возражения В. Пизани против традиционной интерпретации развития значений лат. *impotens* от ‘слабый, бессильный’ к ‘неукротимый, яростный’ представляются совершенно неубедительными.

Что же взамен приведенного выше объяснения предлагает сам В. Пизани? Прежде всего, он считает, что *impotens* ‘слабый’ и *impotens* ‘неукротимый’ — это два слова, имеющие совершенно различное происхождение. И если первое из них связано с корнем *pot-* ‘мочь’, то второе слово не имеет к этому корню никакого отношения. Кроме того, у слова *impotens* ‘неукротимый, яростный’ он в качестве первого компонента выделяет не *im-*privativum, а приставку, выражающую направление или усиление. В целом же это слово В. Пизани рассматривает как причастие глагола *impeto* ‘нападаю, поражаю’. Возникающие при этом весьма существенные фонетические трудности он пытается устранить, допуская синкопу (в корне!): *impetens* > **imp'tens* — с последующим изменением в *impotens* — в результате вторичного соотношения этого слова с *posse*. Все это выглядит крайне маловероятным. В. Пизани не приводит ни одного примера с такого рода синкопой в латинском языке. Но главный недостаток этимологии, предложенной В. Пизани, заключается в атомарном подходе к анализу слова — в подходе, который не учитывает того обстоятельства, что лат. *impotens* в обоих его значениях имеет надежные словообразовательные связи в рамках латинского языка. Вне этих связей, изолированно от них обращаться к вопросу об этимологии лат. *impotens* вообще едва ли имеет смысл.

Прежде всего, В. Пизани оставляет в стороне известный вариант лат. *impotens* — прилагательное *impos, -otis*. Между тем это слово обладает тем самым ключевым значением, которое объясняет семантическое изменение ‘слабый, бессильный’ → ‘неукротимый, яростный’.

Причем, *impos* и *impotens* употребляются синонимично подчас в одних и тех же словосочетаниях. Например, *impos sui* (Sen. Ep., 83, 10) = *impotens sui* (см. выше), *impos animi* (Pl. Cas., 629; Pl. Men., 110, и др.) = *impotens animi* (см. выше). Значение и этимология слова *impos* были хорошо известны уже в древности: *impos est qui animi sui potens non est, qui animum suum in potestate non habet* (Paul. — Fest. P. 109). Из значения ‘не владеющий собой’ естественно развивается значение ‘неукротимый, яростный’. И совершенно ясно, что лат. *impeto* здесь (как и в случае с *impotens*) ни при чем.

Другой важный момент, не учтенный В. Пизани, — это наличие параллельной пары к *impos* и *impotens* — пары, образованной от того же корня *pot-* с помощью приставки *com-*: лат. *compos*, *-otis* и *compotens* (CIL, XI, 3198). Причем, *impos* и *compos*, несомненно, связаны с корнем *pot-* ‘мочь’, выступая нередко в параллельных конструкциях с противоположными значениями: *compos (impos) sui, animi, mentis* и др. ‘владеть, не владеть’ (например, собой), ‘быть причастным, не быть причастным’ и т. д. Лат. *compotens* представляет собой *hарах*, но связь этого слова с *compos* и *impotens* не вызывает сомнений (OLD, 381). Итак, и словообразовательный, и семантический анализ лат. *impotens* ‘неукротимый, яростный’ заставляет отказаться от новой этимологии этого слова, предложенной В. Пизани. К тому же и фонетическая сторона его аргументации никак не может быть признана убедительной.

Лат. PULC(H)ER*

Вопрос о происхождении и об этимологических связях лат. *pulcher* (*pulcer*) до сих пор остается открытым. Попытки как-то увязать латинское слово с др.-гр. πολύχρους ‘многоцветный’, πολλαχρόν *χαλόν* (Hesych.), περχνός ‘черный’, с лат. *pollēre* ‘иметь силу’ и т. п. представляют собой типичные случаи сопоставлений «по сходству звона» (выражение В. К. Третьяковского) и справедливо отвергаются авторами этимологических словарей. Ориентация некоторых этимологов на древнегреческий язык (πολύχρους, πολλαχρόν) объясняется наличием придыхательного *ch* в латинском слове. Однако Цицерон (*Orat.*, 160) прямо свидетельствует, что древние говорили *pulcrus*. Короче говоря,

* Статья под названием «К этимологии латинского *pulc(h)er* ‘красивый’» была опубликована в сборнике: МОУΣΕΙΟΝ: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия. СПб., 1997. С. 204–209.

не только этимология, но и основное значение лат. *pulcher* остается невыясненным.¹

Автор недавно защищенной кандидатской диссертации А. И. Солопов, построив свою схему предполагаемых семантических изменений лат. *pulcher*, предложил в качестве исходного при определении его этимологии значение 'отборный' (Солопов 1994: 16—17). Однако никакой этимологии этого слова он не выдвигает и не приводит ни одного родственного слова с подобным или близким значением ни из латинского, ни из других индоевропейских языков. А без установления этимологии лат. *pulcher* любые семантические реконструкции и попытки установления исходного значения слова остаются не более, чем недоказанной рабочей гипотезой.

К сожалению, авторам латинских этимологических словарей осталось неизвестным оригинальное сопоставление лат. *pulcher* с балто-славянской лексикой, предложенное В. Махеком. Чеш. *řečnŭ* 'красивый' (= пол. *piękny*) он сопоставил с пол. **pięknŭ* — словом, легко восстанавливаемым по целому ряду производных, засвидетельствованных в XVII—XVIII вв. (см.: *Grückner*, 412). Оба западнославянских слова реконструируются как **roik-n-os* и **roik-g-os*; ср. также лит. *puikùs* 'красивый' (*puik-* < **roik-*) — без суффикса. В. Махек и А. Брюкнер считают, что форма с суффиксом *-g-* более древняя, а прилагательные на *-nŭ* (*ny*) явились результатом аналогического влияния со стороны многочисленных чешских и польских прилагательных с суффиксальным *-n-* (*Grückner*, 412; *Machek*, 360). Лат. *pulgros* также, по мнению В. Махека, восходит к праформе **roik-g-os*, причем изменение *i* в *l* явилось результатом частичной ассимиляции (под влиянием плавного *g* следующего слога) (*Machek*, 360—361).²

Нужно полагать, что этимологическое сопоставление лат. *pulcher* с приведенными балто-славянскими словами выглядит более правдоподобным, чем упомянутые выше этимологические гипотезы. Однако многое в рассуждениях В. Махека требует корректировки и не все выглядит в достаточной мере убедительно.

Прежде всего, вызывает сомнение тезис о большей древности формы **roikros* сравнительно с **roiknos*. В работах Э. Бенвениста и Ф. Шпехта были детально проанализированы индоевропейские суф-

¹ «Et(ymologie) unsicher, auch die G(rund)b(ed)eutung) ist nicht sicher zu ermitteln» (Walde, II, 384). Ср. также: «Sans étymologie» (Ernout, Meillet, 4ème ed. II, 544).

² Об этом ранее В. Махек писал в статье (*Machek* 1942: 26ff). Против сопоставления балто-славянских слов с лат. *pulcher* возражал Э. Френкель (*Fraenkel*, 662).

фиксальные чередования г/п, по всей видимости, восходящие еще к древней гетероклизе. В частности, этим чередованиям целиком посвящены две главы известной монографии Э. Бенвениста (1955: гл. I и VI). Хрестоматийными примерами чередования г/п являются др.-гр. δῶ-ρ-ου и лат. dō-p-um (ср. ст.-сл. **ДА-Р-Ъ** и **ДА-Н-Ъ**), лат. mī-g-us (< *mōi-g-os) и мое-п-ia и др. Жаль, что в книге Э. Бенвениста не нашел своего отражения богатейший балто-славянский материал. Между тем, именно здесь суффиксальные чередования г/п имеют особенно широкое распространение у прилагательных типа чеш. рѣkný. Ср. лит. bud-g-ùs 'бодрый' (= ст.-сл. **БЪД-Р-Ъ**) и bud-p-ùs *idem* — с одной стороны, с.-хрв. бѣдар 'бодрый' и бѣдан 'бодрствующий' — с другой.³ Важно отметить, что рядом с чередующимися -г/п-образованиями часто встречаются прилагательные без этих суффиксов. Так, производными от лит. plėšti 'рвать, драть; грабить' являются прилагательные plėš-ùs, plėš-g-ùs и plėš-p-ùs. То же соотношение мы имеем в лит. mut-ùs = mut-p-ùs 'густой' и mut-g-ė 'густая каша' (субстантивация), а также в лит. dab-ùs = dab-p-ùs 'нарядный, пышный' и ст.-сл. **ДОБ-Р-Ъ** (Fraenkel, 79). Нетрудно заметить, что все эти примеры (количество которых можно значительно увеличить) полностью совпадают с соотношением между лит. ruik-ùs (< *roik-) и зап.-слав. *roik-g-os — *roik-p-os.⁴ Следовательно, перед нами — не вытеснение одного суффиксального образования другим, а древнеиндоевропейское чередование суффиксов, широко распространенное у прилагательных балто-славянского ареала. Кроме того, приведенный материал убедительно показывает, что сопоставление чеш. рѣkný с пол. рі́кг- и лит. ruikùs, сделанное В. Махеком, — это не случайный изолированный факт, а закономерный элемент балто-славянского (resp. индоевропейского) словообразования.

Недостаточно убедительной является также гипотеза В. Махека в плане сопоставления праслав. *rěkgъ с лат. pulcher (*roik-g-os > *roik-p-os > pulcros > pulcher). Для предполагаемой частичной ассимиляции i — г > l — г В. Махек не приводит ни одного аналогичного примера из латинского языка, который подтверждал бы его реконструкцию. Лат. *aigros (> aeger), например, не изменилось в *alger, хотя мы здесь также встречаем i и г в соседних слогах. Вообще в латинских сло-

³ В плане огласовки корня ср.: ст.-слав. **БЪДЪТИ** (= лит. budėti) и **БОУДИТИ**.

⁴ Реконструкция флексии -os здесь и выше условна. Лит. ruik-as = ruik-ùs свидетельствует о том, что и на славянской почве приведенные прилагательные могли иметь как -o-, так и -u-основу.

вах, кажется, нет случаев перехода *i* в *l* в любой фонетической позиции. Имеется лишь один сомнительный случай обратного изменения: 2-е лицо ед. ч. от *volo* некоторыми исследователями реконструируется как **vois* > *vois* > **veis* > *vīs* (одно из объяснений последней формы). Поэтому, если мы хотим установить этимологию лат. *pulcher*, исходя из сопоставления этого слова с приведенными балто-славянскими формами, то объяснять расхождение между **roikg-* и **rolkg-* следует не латинской ассимиляцией, а более глубокими явлениями. О большой древности фактов, связанных с анализируемой группой слов, свидетельствует, в частности, то, что Э. Бенвенист суффиксальные чередования г/п типа др.-гр. *δῶ-ρ-ον* — лат. *dō-n-um* рассматривает вместе с гетероклитическим чередованием г/п типа лат. *femur* — *feminis*, отражающим древнейшую эпоху дофлективного склонения (Бенвенист 1955: гл. I).

Столь же древней является также вариативность сонантов в тавтосиллабической позиции, характерная для индоевропейских языков.⁵ Применительно к вариантам с *i* и *l* ср., например: **skei-t-os* (> др.-рус. *щит-т-ъ*) и **skel-t-os* (> др.-англ. *scel-d* 'щит'), **skei-d-a* (> лит. *skie-d-à* 'щепка') и **skel-d-a* (> лтш. *škel-d-a idem*) **ei-dh-* (ст.-сл. **И-Д-Ж** и **el-dh-* (→ др.-гр. *ἔλ-θ-εῖν*) — при простом корне в др.-гр. *εῖ-μ*). Сюда же естественно вписывается случай с **roik-g-os* и **rolk-g-os*. И опять перед нами — не изолированное сопоставление балто-славянского и латинского слова со значением 'красивый',⁶ а соответствие, отражающее глубинные закономерности «поведения» сонантов в древнейшей структуре индоевропейского корня.

Итак, можно с достаточной долей вероятности утверждать, что у лат. *pulcher* имеются соответствия в балто-славянском ареале, соответствия, не отмеченные ни в одном этимологическом словаре латинского языка. Однако наличие соответствий в родственных языках само по себе еще не отвечает на вопрос об этимологии анализируемого слова. Тем более, что балтийские и славянские слова, как и лат. *pulcher*, фактически тоже не имеют этимологии. Лит. *puikùs* 'красивый' Э. Френкель сопоставляет с *paikas* 'глупый' и с *piktas* 'злой' (?) (Фгаепкел, 662). А Брюкнер для пол. *piekny* предлагает типичную «корнеотсылочную» этимологию: «от **piek-* 'стараться'», ничего при этом

⁵ Подробно этот вопрос излагается в кн.: Откупщиков 1967: 164–190.

⁶ Индоевропейская древность значения 'красивый', засвидетельствованная в латинском, балтийском и славянском, говорит против предположения А. И. Солопова о вторичном характере этого значения у лат. *pulcher*, не говоря уже о гипотезе, согласно которой этим древнейшим значением было значение 'отборный'.

не объясняя и не приводя никаких аргументов (Brückner, 412). Об отсутствии этимологии у лат. *pulcher* выше уже говорилось. Таким образом, несмотря на наличие соответствий в балтийском и славянском, лат. *pulcher* по-прежнему остается словом «без этимологии».

Практика этимологических исследований показывает, что наиболее убедительной часто оказывается этимология, устанавливаемая в рамках анализируемого языка — без привлечения индоевропейских «варягов». Если с помощью внутренней реконструкции, не нарушая фонетических закономерностей данного языка, удастся показать, как именно по его деривационным нормам было сформировано слово, то такая реконструкция может успешно решить этимологическую задачу, особенно если установленная подобным образом этимология естественно входит в тот или иной изосемантический ряд (см.: Старинин 1955: 99–111; Откупщиков 1967: 198–202).

Сто лет тому назад Ф. Штольц сопоставил лат. *pulcher* с глаголом *polīre* ‘шлифовать, полировать’. Всё сопоставление занимает у Ф. Штольца 1¹/₂ строки — без какой-либо аргументации (Stolz 1894–1895: I, 89). Это, конечно, еще не этимология, а всего лишь абстрактная идея. Но и она в категорической форме была отвергнута в словаре А. Вальде — Й. Б. Гофмана: «Sicher nicht aus *poli-cro-s zu polīre» (Walde³, 384).⁷ Между тем, в пользу идеи Ф. Штольца можно привести аргументы фонетического, словообразовательного и семантического характера. В самом деле, по своей словообразовательной структуре лат. *pul-c(h)g-os* может быть возведено к *polio* так же, как **sepul-c(h)g-os* (субстантивация: → *sepulc(h)gum*) — к *sepelio*. То, что в закрытом слоге перед твердым *l* гласные *e* и *o* дают *u*, хорошо известно (ср. *colo* — *cultus*, *pello* — *pulsus*). В пользу сближения *pulchrum* и *sepulchrum* говорит и то, что оба производящих глагола имеют причастия *polītus* и *sepelītus* (Катон, надписи), а также одинаковые производные *pulchrālis* и *sepulchrālis*. Таким образом, с фонетикой и словообразованием здесь все в порядке. А такие производные, как *polīte* ‘красиво, изящно’, *polītus* ‘изящный’, *polītem* ‘украшение’, надежно подтверждают предлагаемую этимологию также и семантически. Важно отметить, что, по наблюдению А. И. Солопова, древнейшей сферой употребления прилагательного *pulcher* явилась обиходно-бытовая область, и преимущественно это слово относилось к предметам, сделанным человеком (Солопов 1994: 14). Это — еще один аргумент в пользу

⁷ Этот безапелляционный «приговор» дается без малейшего намека на какие-либо доказательства.

преимущественно это слово относилось к предметам, сделанным человеком (Солопов 1994: 14). Это — еще один аргумент в пользу излагаемой этимологии лат. *pulcher*. Наконец, перед нами — не какое-то изолированное семантическое явление, а определенная семантическая универсалия. Ср., например, лат. *lĕvo*, *-āge* ‘делать гладким, полировать’ — *lĕvis* ‘гладкий’ и ‘изящный’, где между собой связаны те же два значения (хотя и с обратной направленностью деривации). В современном русском языке такие слова, как *лощенный*, *отшлифованный* (и, напротив, *неотесанный*), приобретая переносное значение, претерпевают семантический сдвиг, близкий к изложенной этимологии лат. *pulcher*.

Итак, с одной стороны, лат. *pulcher* имеет соответствие в балто-славянском ареале, где соответствующие слова не имеют маломальски правдоподобной этимологии. С другой стороны, внутренняя реконструкция позволяет установить этимологию лат. *pulcher* — в достаточной мере непротиворечивую как в фонетическом и словообразовательном, так и в семантическом плане. Казалось бы, эти два аспекта этимологии лат. *pulcher* несовместимы между собой. В качестве гипотезы можно предположить следующую попытку объединения двух этимологических интерпретаций. Варианты **roik-* и **roik-* отражают явления индоевропейской эпохи. Древнейшие этимологические связи латинского и балто-славянских слов, образованных на этих основах, были давно утрачены. Но лат. *pulcher* было этимологически переосмыслено⁸ и удачно вписалось в словообразовательные и семантические связи латинского языка: *pulchros* = *politus* ‘красивый, изящный’ — как *sepulchrum* ‘покойник’ (у Плавта) — *sepelitus* (Катон). Балто-славянские соответствия так и остались изолированными, утратив древние этимологические связи и не «вписавшись» в новые.

Если не принять подобного объяснения, то придется делать выбор из двух рассмотренных выше возможностей, каждая из которых надежнее, чем все то, что изложено (и справедливо отвергнуто) в этимологических словарях латинского языка.

---

⁸Ср. рус. *свидетель*, связанное в современном языке с глаголом *видеть*, тогда как в древности это слово восходило к глаголу *вѣдѣти* и писалась через *ѣ*, а не через *и*.

Вопрос о происхождении названных в заглавии слов не является частным этимологическим вопросом. Он неразрывно связан с более общими вопросами языковой принадлежности догреческого субстрата, этногенеза греков, прародины индоевропейцев, а также, как мы увидим ниже, с общими принципами и методикой этимологического анализа.

Существуют две основные точки зрения относительно происхождения рассматриваемых слов. Еще в XIX в. была выдвинута этимология, согласно которой лат. *vīnum* и др.-гр. (F) *οἶνος* являются производными и.-е. корня **u̯ei-* ‘вить(ся), извивать(ся), плести’. Этот корень мы находим в ряде индоевропейских языков: ст.-сл. **ВИТИ**, лит. *vūti*, лат. *viēge* ‘вить’, др.-инд. *vāyati* ‘плетет, ткет’ и др. Отглагольные прилагательные и причастия от этих глаголов представляют собой производные с суфф. -t-: ст.-сл. **ВИТЬ**, рус. *витой*, лит. *vūtas*, др.-инд. *vītaḥ* ‘витой’. Лат. *vīnum* и др.-гр. (F) *οἶνος* отличаются от этих образований только суффиксальным -п- (на месте -t-). В качестве словообразовательного близких к ним форм обычно приводились ст.-сл. **ВЪНЬЦЬ**, лит. *vainikas* < **u̯oin-*, ср. др.-гр. (F) *οἶν-ος*¹ и некоторые другие индоевропейские соответствия. В самом латинском и древнегреческом языке как образования от того же корня **u̯ei-* приводились лат. *vītis* ‘виноградная лоза’ и др.-гр. (F) *ἴτέα* ‘ива’ и ‘плетеный ивовый щит’. Семантически все эти слова объяснялись как ‘вьющееся растение’ (виноград) или ‘растение, используемое при плетении’ (ива). Что же касается лат. *vīnum* и др.-гр. (F) *οἶνος*, то здесь предполагалось семантическое развитие: ‘вьющееся растение’ (виноград) → ‘плоды этого растения’ (виноград) → ‘продукт, изготавливаемый из винограда’ (вино).

По существу перед нами одна из наиболее убедительных и детально обоснованных и.-е. этимологий. Ее придерживались Р. фон Планта (Planta 1892: I, 279), К. Бругман (Brugmann, Delbrück 1897: I, 186) и многие специалисты по италийским, древнегреческому и другим индоевропейским языкам. Однако А. Мейе (Meillet 1921: 301 и сл.; он же,

* Статья под названием «Об индоевропейском происхождении лат. *vīnum*, др.-греч. (F) *οἶνος* ‘вино’» была опубликована в журнале: Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 95–103.

¹ Ср. также *вѣнь* ‘венки’ в русских народных песнях — слово, в фонетическом и словообразовательном отношении полностью соответствующее др.-гр. (F) *οἶνος*. Русские примеры с корнем *вѣн-* здесь и далее даны в старой орфографии, так как *ѣ* в этих примерах отражает древний дифтонг *oi*.

1908–1909: 163), А. Неринг (Schrader, Nehrig 1929: II, 644) и ряд других ученых высказались против этой этимологии. Приводимые ими аргументы были, в основном, экстралингвистического характера, традиционная этимология в работах указанных ученых не опровергалась, а просто отбрасывалась.

Аргументы противников изложенной этимологии вкратце таковы. Индоиранский не знает названия вина, общего с лат. *vīnum* и др.-гр. (F)οἶνος. Кельтские, германские, славянские и балтийские слова (ирл. *fín*, др.-в.-н. *wīn*, ст.-сл. **ВИНО**, лит. *vūnas* и др.) так или иначе в конечном счете восходят к лат. *vīnum*. Следовательно, значительная часть индоевропейских языков не имеет исконных слов, которые полностью соответствовали бы (в том числе — и по своему значению) лат. *vīnum* и др.-гр. (F)οἶνος. Иначе говоря, эти слова не являются наследием индоевропейского языка-основы.

Кроме того, греки и итальянцы явились пришельцами в области Средиземноморья. Значительная часть названий средиземноморских растений в древнегреческом языке относится к догреческому субстрату. Все этимологически неясные названия растений в латинском и древнегреческом языках А. Мейе относил к древнему средиземноморскому неиндоевропейскому субстрату. Сюда же он отнес лат. *vīnum*, др.-гр. (F)οἶνος, хет. *wiyana-*, арм. *gini*. Их этого же общего неиндоевропейского источника, согласно А. Мейе, были заимствованы западносемитские названия вина (араб.-эфиоп. *wain*, др.-евр. *jajin*) и груз. *γvino*.

Хотя аргументация А. Мейе не поколебала ни фонетических, ни словообразовательных, ни семантических основ традиционной и.-е. этимологии лат. *vīnum*, др.-греч. (F)οἶνος, его общие соображения плюс исключительный авторитет этого ученого привели к тому, что постепенно старая этимология стала уступать место новой гипотезе о неиндоевропейском происхождении рассматриваемых слов. Характерно, например, что во втором издании «Этимологического словаря латинского языка» А. Вальде (Walde³, s.v.) была принята и.-е. этимология лат. *vīnum*, а в третьем (под ред. Й. Гофмана) — «средиземноморская» (Walde², s.v.). В «Сравнительном словаре индогерманских языков» А. Вальде под редакцией Ю. Покорного (Walde, Pokorný, I, 226) мы находим традиционное объяснение и.-е. названия вина, а в более позднем «Индогерманском этимологическом словаре» Ю. Покорного читаем: «*kaum idg., eher vorderasiatisch*» (Pokorný, I, 1).

Против общей теории А. Мейе о средиземноморском субстрате и в защиту традиционной этимологии лат. *vīnum* и др.-гр. (F)οἶνος, неод-

нократно выступал В. И. Георгиев (1958: 17, 62–63, 265, 267; Georgiev 1966: 375 и сл.; 1981: 337 и сл.). Среди его аргументов можно выделить: 1) очень интересный и убедительный фактический материал, подкрепляющий и.-е. этимологию анализируемых слов, и 2) спорные или, во всяком случае, недоказанные общие положения. Поскольку сторонники средиземноморской гипотезы, в основном, опираются на общие положения, слабость аргументации В. И. Георгиева во втором пункте делает его позицию в значительной мере уязвимой. Вместо концепции, согласно которой прародина индоевропейцев находилась в северной Европе (здесь виноградарство не было известно), В. И. Георгиев развивает и обосновывает идею об индоевропейской прародине, которая включает бассейн среднего и нижнего Дуная, где виноград культивировался с древнейших времен. Однако любая гипотеза, касающаяся спорного вопроса о прародине индоевропейцев, — это, как известно, отнюдь не аксиома, и одной точке зрения здесь всегда можно противопоставить другую. Наконец, В. И. Георгиев категорически отрицает наличие какого бы то ни было догреческого неиндоевропейского субстрата на Балканах. Эта несколько странная позиция также не усиливает аргументации болгарского ученого. И все же несмотря на спорность изложенных общих соображений конкретные аргументы В. И. Георгиева представляют несомненный интерес, и некоторые из приводимых им примеров будут использованы в настоящем очерке при дальнейшем рассмотрении вопроса.

Две взаимоисключающие точки зрения по поводу происхождения лат. *vīnum* и др.-гр. (F)οἶνος нашли свое отражение и в последних этимологических словарях различных индоевропейских языков. Так, в этимологических словарях латинского языка А. Эрну и А. Мейе (Ernout, Meillet, I, s.v.) и А. Вальде под редакцией Й. Гофмана (Walde³, s.v.) принимается средиземноморская гипотеза, Я. Фриск в своем «Этимологическом словаре греческого языка» склонен принять индоевропейскую гипотезу (Frisk, s.v.), а М. Фасмер пишет: «Обычно считается древним средиземноморским термином», но затем добавляет: «Формально существует возможность и индоевропейской этимологии» (Фасмер, I, 316). Следовательно, вопрос о происхождении лат. *vīnum*, др.-гр. (F)οἶνος и других индоевропейских слов, означающих 'вино', фактически до сих пор остается открытым. Более того, в последнее время все чаще высказываются идеи о неиндоевропейском источнике этих слов (см., например: Bonfante 1974).

При сравнении двух изложенных точек зрения обращает на себя

внимание тот факт, что средиземноморская гипотеза, в отличие от гипотезы индоевропейской, опирается, в основном, на негативные аргументы, вообще не давая при этом никакой этимологии. Наличие слов со значением ‘вино’ со сходным или даже идентичным звучанием в ряде родственных и неродственных языков совсем не означает, что все они были заимствованы (параллельно или последовательно) из одного общего средиземноморского источника — языка доиндоевропейского субстрата. Подобную точку зрения можно высказать, но ее невозможно доказать, ибо мы ничего не знаем об этом гипотетическом языке, а поэтому вообще не можем дать средиземноморской этимологии анализируемых слов. Между тем нужно считаться с возможностью не внешних, а внутренних заимствований в том ареале, где распространены индоевропейские и неиндоевропейские названия вина. Решающим при определении путей и направленности заимствований должен быть вопрос о наличии или отсутствии этимологии у соответствующего слова в том или ином языке. И этимологию эту нужно устанавливать не на основании каких-то изолированных сопоставлений, а на базе комплексного, многопланового исследования, учитывающего все основные аспекты этимологического анализа слова. Настоящий очерк имеет своей целью обосновать индоевропейское происхождение лат. *vīnum* и др.-гр. (F)οἶνος, исходя именно из такого объективного и, по возможности, всестороннего анализа относящегося к данному вопросу конкретного языкового материала. В процессе последующего изложения будут отдельно рассмотрены ареальные, фонетические, словообразовательные и семантические аргументы, что и послужит основанием для сформулированных в конце работы выводов.

Ареальные данные. Если исходить из предположения об и.-е. этимологии лат. *vīnum*, др.-гр. (F)οἶνος, то отсутствие соответствующего этим словам названия вина в индоиранском и, возможно, заимствованный характер кельтских, германских, славянских и балтийских его названий заставляют отказаться от возведения исследуемых слов к индоевропейской эпохе.² Не касаясь вопроса о возможности более ранних внутрииндоевропейских заимствований (например, из армянского или

---

²В этом излагаемая ниже точка зрения расходится с точкой зрения В. И. Георгиева. В то же время локализация индоевропейской прародины на Балканах представляется мне наиболее убедительной из всех предложенных гипотез. Отчасти поэтому у меня нет полной уверенности, например, в том, что славянские слова, обозначающие вино, непременно являются заимствованными. Ср. такие примеры, как с.-хрв. *vinòber* ‘сбор винограда’, *винов* ‘виноградный’ и др., отражающие более древнее значение ‘виноград’, а не более позднее — ‘вино’.

одного из балканских и.-е. языков в хеттский), отметим, что лат. *vīpūt* и др.-гр. (F)οῖνος появились после распада индоевропейской языковой общности — независимо от решения вопроса об исконном или заимствованном характере этих слов.

Для проверки потенциальных соответствий в родственных и.-е. языках наиболее важное значение имеет сопоставление др.-гр. (F)οῖνος с лит. *vainikas*, ст.-сл. **ВЪНЬЦЬ** и рус. диал. *вѣнѣ = вѣнокѣ*. На первый взгляд может показаться, что семантические различия делают сопоставление этих слов затруднительным, несмотря на то что в фонетическом и словообразовательном плане они абсолютно идентичны. Но при сопоставлении родственных и.-е. слов следует различать лексические изоглоссы, объединяющие сравниваемые языки, и изоглоссы, которые можно было бы назвать «разъединяющими» и которые, строго говоря, изоглоссами не являются. Так, ст.-сл. **МАСО**, др.-прус. *mensā*, готск. *mīms*, др.-инд. *māṁsām* 'мясо' и др. — это пример объединяющей изоглоссы, свидетельствующий о том, что все приведенные слова являются наследием и.-е. языкового состояния. Иное дело, если мы сопоставим ст.-сл. **ВРЪМЯ** и др.-инд. *vārtman* 'колея, рытвина'. Оба слова восходят к одинаковой форме *uert-mn, образованной от и.-е. корня **uert-* 'вращать'. Но это сопоставление представляет собой «разъединяющую» изоглоссу, свидетельствующую о том, что оба слова возникли независимо в славянском и индоиранском ареалах.³ Примеры последнего типа менее ценны при выявлении лексических изоглосс, они имеют сравнительно второстепенное значение при реконструкции и.-е. языкового состояния. Но у них нередко бывает одно важное преимущество перед примерами первого типа: и ст.-сл. **ВРЪМЯ** и др.-инд. *vārtman* 'колея, рытвина' этимологически прозрачны, а их исконное и.-е. происхождение ни у кого не вызывает сомнений. В то же время ст.-сл. **МАСО** и его соответствия, хотя и возводятся без особого труда к и.-е. языку-основе, в принципе могут оказаться очень древним заимствованием индоевропейской эпохи.⁴

Что касается основы **uoi-* с ее столь различными в семантическом плане производными, как др.-гр. (F)οῖνος 'вино', рус. диал.

³Теоретически возможно еще предположить древнюю полисемию с утратой одного из значений слова в старославянском и другого — в древнеиндийском. Но в общем такая возможность маловероятна и в данном случае не может быть доказана. Об объединяющих и разъединяющих изоглоссах см.: Откупщиков 1972: 122–124.

⁴Для доказательства исконного индоевропейского происхождения ст.-сл. **МАСО** и других родственных слов необходимо найти для них убедительную индоевропейскую этимологию, чего до сих пор пока сделано не было.

вѣнъ и лит. *vain-ikas* ‘венок’, др.-инд. *véṇuḥ*, *veṇúḥ* ‘тростник (особенно бамбуковый)’⁵ и *veṇī*, *veṇi* ‘заплетенные в одну косу волосы женщины’ (< *uoi-*pi*-с *u*-основой и *uoi-*pi*-с *i*-основой), то многозначность этой основы легко объясняется исходным значением и.-е. корня *uei- / *uoi- ‘вить(ся) плести’. В плане реалий различие между др.-гр. (F)οῖνος ‘вино’, (F)οῖνη ‘виноградная лоза’ и рус. *вѣн(ок)ъ*, разумеется, столь же существенно, как, например, между рус. *вѣнникъ* и др.-инд. *veṇikaḥ* ‘сплетенная лента’. Но этимологически все эти слова легко объединяются в общую группу.

Большая часть рассмотренных здесь и.-е. соответствий уже приводилась в работах, затрагивающих вопрос об этимологии лат. *vīnum* и др.-гр. (F)οῖνος. Они делают предположение об исконном, а не заимствованном происхождении латинского и древнегреческого названия вина весьма правдоподобным, но не исключают полностью и возможности случайного совпадения: заимствованное из средиземноморских языков слово могло удачно «вписаться» в лексику латинского и древнегреческого языков, совпасть по форме с семантически близкими производными других и.-е. языков, которые, бесспорно, были образованы от и.-е. корня *uei- ‘вить(ся)’. Хотя вероятность такого случайного совпадения ничтожно мала, она тем не менее не исключается полностью приведенными выше сопоставлениями.

Фонетические данные. Когда два индоевропейских языка (или более) заимствуют одно и то же слово из третьего общего источника (при любой последовательности заимствования), то при сравнении этих слов мы, как правило, замечаем, что они не отражают обычных фонетических соответствий, типичных для исконной лексики этих языков. Примеры такого рода весьма многочисленны: ст.-сл. **СЪРЪБРО** ~ лит. *sidābras* ~ готск. *silubr*; др.-гр. Φοῖνιχος (род. п. ед. ч.) ~ лат. *Pūnicus* ‘финикийский, пунийский’. В последнем случае, в частности, древнегреческому *φ*- в исконных и.-е. словах будет соответствовать латинское *f*-, а латинскому *p*- — др.-гр. *π*-. В словах заимствованных эта закономерность нарушается, что наглядно проявилось в балто-славяно-германском названии серебра и в греческо-латинском имени финикийцев.

В случае с латинским и древнегреческим названием вина мы наблюдаем картину, типичную для слов, исконное индоевропейское происхождение которых не вызывает ни малейших сомнений:

⁵Широко используется как материал для разного рода плетеных изделий.

Латинский язык		Древнегреческий язык
vīnum	—	(F)οἶνος
vīdī	—	(F)οἶδα
vīcus	—	(F)οἶκος

Здесь важно не только фонетически безупречное сопоставление с абсолютно надежными латинско-древнегреческими примерами индоевропейского происхождения. Важнее другое: латинское и древнегреческое названия вина отражают обычное индоевропейское чередование *e/*o,⁶ которое едва ли могло возникнуть случайно — при независимом или последовательном заимствовании из третьего источника. Можно, конечно, предположить, что, будучи заимствованы из каких-то разных средиземноморских языков или диалектов, латинское и древнегреческое слова — опять-таки случайно! — отразили обычное индоевропейское чередование. Но с каждым новым вмешательством подобного рода «случайностей» средиземноморская гипотеза начинает выглядеть все менее правдоподобной.

Словообразовательные данные. И.-е. этимология * $\check{c}ei$ -no-m > лат. vīnum, * $\check{c}oi$ -no-s > др.-гр. (F)οἶνος предполагает, что перед нами — обычные отглагольные прилагательные с суффиксальным *-по- типа др.-гр. δεινός, στεγνός или лат. plēnus, dignus (< *deknos — к de-set). Однако суф. *-по- не был единым суффиксом и.-е. отглагольных прилагательных. В частности, при формировании системы причастий в отдельных и.-е. языках основным «конкурентом» суф. *-по- явился суф. *-to-.⁷ В славянском, германском, индоиранском в систему причастий вошли оба суффикса (ср. рус. *сдела-н*, но *уби-т*), отглагольные прилагательные на -vos и -tos известны в древнегреческом языке. Латинский язык в качестве единого суффикса причастий претерита всюду проводит суф. *-to-, а образования с суф. *-по- здесь сохранились лишь в незначительном количестве (Откупщиков 1967: 17).

Следовательно, если и.-е. этимология анализируемых слов правильна, мы должны ожидать в древнегреческом, латинском и других индоевропейских языках близких по значению образований с основой * $\check{c}ei$ - или * $\check{c}oi$ -. И, действительно, такие образования мы здесь находим. В первую очередь, это лат. vītis 'виноградная лоза, дикий виноград' (метонимически) 'вино'. Отношение между суффиксами в словах vī-

⁶Ср. за пределами латинско-древнегреческого ареала фонетически близкие ст.-сл. **ВИНА** (< * $\check{c}einā$) и лтш. vaina 'вина' (< * $\check{c}oinā$).

⁷«In vielen Beziehungen, formal und semantisch, gehen mit den no-Stämmen die to-Stämme parallel» (Brugmann, Delbrück 1897: II, 394–396), см. также: Stati 1959 и прим. 7. С. 178.

n-um и vī-t-is принципиально ничем не отличается от plē-n-us — com-plē-t-us или sig-n-um (< *sek-no-m) ‘знак’ (букв. ‘засечка, зарубка’) — sec-t-iō ‘рассечение’ и т. п. Ср. также ст.-сл. **ПЪ-Н-ИЮ** — **ПЪ-Т-ИЮ**, нем. диал. ge-wob-en — ge-web-t, др.-инд. bhinnāḥ — bhittāḥ и мн. др. Но особенно, пожалуй, важным является подобное же распределение суффиксальных *-n- и *-t- в древнеиндийских словах, обозначающих тростник (преимущественно бамбуковый): veṇūḥ (< *ṷoi-ni-s) и vetasāḥ (< *ṷoi-to-so-s).⁸ Здесь, как и в лат. vī-n-um/vī-t-is, одно и то же растение имеет два названия, различающихся между собой первичными суффиксами *-n- и *-t- (и это — у производных того же самого и.-е. глагольного корня *ṷei-, что и в лат. vī-n-um/vī-t-is).

В литовском языке соответствием лат. vītis будет слово vytis ‘гибкий (ивовый) прут, лоза’. Сложное слово (с кратким i) žilvitis буквально означает ‘седая ива’ (лит. žilas ‘седой, серый’), а по ботанической классификации это — Salix viminalis или Salix alba. В ряде других индоевропейских языков слова с основой *ṷei-t / *ṷī-t- также имеют значение ‘ива’: др.-в.-н. wīda (совр. нем. Weide), авест. vaēⁱtī-, пол. witwa, др.-прус. wītwan. Здесь опять латинский язык, как и в vīnum, расходится в плане семантики с балтийскими, славянскими и некоторыми другими и.-е. языками. Но на сей раз он расходится и с древнегреческим: ἵτέα, οἰσύα ‘ива’, οἶσος, οἰσός, οἶσαξ, -αχος ‘род ивы’.⁹ Таким образом, сопоставление латинских слов vī-n-um и vī-t-is с родственными и.-е. соответствиями показывает, что и здесь перед нами выступают специфические именно для и.-е. языков словообразовательные особенности.

В и.-е. языках весьма широкое распространение имело чередование суффиксов *-n-/*-men- (ср.: Schmidt 1895: 101–102; Откупщиков 1967: гл. II):

др.-инд.	ác-n-aḥ	— ác-maṇ	‘камень’
лит.	sraui-p-à	— sraui-men-s	(род. п. ед. ч.) ‘поток’
ст.-сл.	ТИ-Н-А	— ТИ-МЕН-ИЮ	‘грязь, глина’
др.-гр.	τέχ-ν-ον	— др.-инд. ták-maṇ	‘отпрыск, дитя’
лит.	piē-p-as ‘молоко’	— авест. paē-maṇ	‘женское молоко’ и мн. др.

Оба суффикса отглагольных прилагательных позднее вошли в систему причастий ряда и.-е. языков. Латинский язык не знает причастий

⁸В. И. Георгиев (1958: 266) приводит, видимо, ошибочную форму vetaḥ (мне обнаружить ее в словарях не удалось).

⁹Др.-гр. ἵτέα < *Fεit-εα, ср. название аттического лема Εἰτέα (Frisk 1896: 271); οἰσύα < *ṷoi-tu-a, οἶσος < *ṷoi-tu-os (Chantraine 1933: 103; Schwyzer 1939: 472, 506; Frisk, II, 368). Об изменении τύ > σύ в древнегреческом см. (Schwyzer 1939: 272). Ср. также ст.-сл. **ВЪТВЬ** < *ṷoi-tu-is (Frisk, II, 368).

ни с одним из этих суффиксов. Более того, количество древнейших реликтовых образований с суффиксальным *-п- (если брать примеры с относительно надежной этимологией) составит в латинском языке едва ли более 10–15 примеров.¹⁰ И тем не менее в латинском языке мы также сталкиваемся с чередованием *-п-/*-men (tum):

lū-p-a 'луна'	— lū-men	'свет' (к lūcēre 'светить')
plē-n-us 'полный'	— com-plē-mentum	'дополнение' (к (com)-plēre 'наполнять')
sig-n-um 'знак'	— seg-men(tum)	'отрезок' (к secāre 'сечь, разрезать')
tig-n-um 'балка'	— teg-men(tum)	'покрывало, покров' (к tegere 'покрывать' (Откупщиков 1967: 23–24))
frē-n-us(culī) 'язвочки'	— frē-mentum	'струп' (к frendere 'растирать зубами' (см. очерк о лат. frēmentum на с. 260–266))
lig-n-a (мн. ч.) 'дрова', букв. 'собранный (хворост)' ¹¹	— ab-leg-min-a	'куски жертвенного мяса, приносимые богам' (к legere 'собирать' (Ernout, Meillet, I, 3))

В этот же самый словообразовательный ряд (достаточно древний по своему происхождению) естественно вписываются латинские слова: vī-p-um 'виноград, вино' — vī-men 'гибкий (ивовый) прут, лоза, ива', vī-mentum 'плетение, плетеный щит' (к корню *cei-, ср. лат. vīēre 'вить, плести').

Здесь мы вновь сталкиваемся с обозначением с помощью одного корня (*cei-/*ci-), близкой словообразовательной модели (суффиксы *-п- и *-men-) и одной и той же семантической мотивации (связь со значением 'вить') названий винограда и ивы (ср. лат. vītis 'виноград' и лит. vytis 'ива', а также другие приведенные выше примеры). Оба слова (vīpum и vīmen) имеют немало общего также в образовании производных: vīneus и vīmineus, vīnārius и vīminārius, но особенно vīnētum 'виноградные кусты, виноградник' и vīminētum 'ивовые кусты, ивняк'.

Таким образом, лат. vīpum, как и др.-гр. (F)οῖνος, занимает свое естественное место в сложной системе словообразовательных отношений — как в самом латинском языке, так и за его пределами. Словообразовательные данные, так же как ареальные и фонетические, позво-

¹⁰Несколько больше (25) насчитывает их В. П. Казанскене (1980: 15).

¹¹Этимология Варрона, принятая в современных этимологических словарях (Ernout, Meillet, I, 358; Pokorny). См. также: Juret 1937: 48.

ляют уверенно говорить об исконном и.-е. происхождении лат. *vīnum* и др.-гр. (F)οἶνος.

Семантические данные. Прежде всего, следует отметить, что название винограда как 'вьющегося растения' — это своего рода семантический «штамп». Типологические примеры типа и.-е. **uei-* 'вить(ся)' → др.-в.-н. *gēba* (совр. нем. *Rebe*) 'виноградная лоза', ср. также рус. *верба* — весьма многочисленны. Утверждение о том, что лат. *vīnum*, как и др.-гр. (F)οἶνος, имело название алкогольного напитка, а не растения (это всячески подчеркивает, например, Дж. Бонфанте (*Bonfante* 1974: 86–87), представляется совершенно несостоятельным. Развитие значений 'алкогольный напиток' → 'виноград' неправдоподобно. Во всяком случае, Дж. Бонфанте таких примеров не приводит. В то же время древнегреческий топоним Οἰνοῦσσα (название ряда островов) и догреческий Οἰνόανδα (Писидия) определенно отражают не название вина, а название винограда.

У сотен древнегреческих (гесп. догреческих) топонимов и антропонимов в основе их номинации лежат названия растений (например, топонимы Ἀκανθός = ἄκανθος 'акант', Ἀψίνθος 'полынь', Κυπάρισσος 'кипарис', Αἴγειρος 'черный тополь' и мн. др.). Целый ряд топонимов в Македонии, на Самосе, на Крите и в других местах носит название Ἀμπέλος 'виноградная лоза, виноград'. Город в Сицилии Ἐλινόϊ представляет собой форму мн. ч. от др.-греч. ἔλινός 'виноградная лоза'. В семантическом отношении и.-е. **uei-* 'вить(ся)' → (F)οἶνος точно так же, как и.-е. **uei-* 'вить(ся)' → (F)ἔλινός, ср. εἴλωμαι 'извиваться' (< **uei*λωμαι).¹² Город на Кипре Ἀμαμασσός < *Ἀμαμακ-ἰός, ср. ἀμάμυξ 'виноградная лоза' (засвидетельствована также основа ἀμαμακ-). Причем это — не единичная реконструкция ad hoc, а широко представленная в догреческой топонимике словообразовательно-семантическая модель (Откупщиков 1983в: 62–66; 1988а: 153–164, особенно 156). Приведенные факты убедительно говорят о том, что и Οἰνόανδα и Οἰνοῦσσα были образованы не от названия «алкогольного напитка», а от названия растения. Помимо приведенных аргументов в пользу этого, с одной стороны (применительно к топониму Οἰνόανδα), свидетельствуют такие географические названия, как Θρύανδα (Ликия, ср. θρύον 'тростник, камыш') или Καρύανδα и Καρυασσός (Кария, ср. καρύα 'орешник'). С другой стороны, многочисленные

¹²В. И. Георгиев (1958: 265) ссылается на другое производное того же корня: др.-гр. εἶλεός 'вид виноградной лозы'. Этимологическое сопоставление последнего слова с др.-гр. εἶλέω 'вращать, катить' дает Я. Фриск (*Frisk*, I, 456).

древнегреческие топонимы типа Κισσοῦσα (Беотия, ср. κισσός ‘плющ’), Μαρράθουσσα (Крит и др., ср., μάρραθον ‘укроп’), Σιδουσσα (Лидия, ср. σίδη ‘гранатовое дерево’) и т. п. (Откупщиков 1975: 274–277) говорят в пользу того, что и топоним Οἰνοῦσσα был образован от названия растения. Тем более, что в древнегреческом языке засвидетельствовано слово с нужным значением: οἴνη (<*uoinā) ‘виноградная лоза’.

Важно отметить, что даже сторонники средиземноморского происхождения лат. *vīnum* и др.-гр. (F)οἶνος вынуждены признать, что лат. *vītis* ‘виноградная лоза’ — производное корня **uei-* и связано этимологически с глаголом *viēre* ‘вить, плести’. Если придерживаться средиземноморской гипотезы, то придется считать, что лат. *vīnum* — это заимствование из какого-то неиндоевропейского языка, которое совпало фонетически с обычными соответствиями между латинским и древнегреческим языками, случайно отразило и.-е. чередование **e/*o*, вошло в сложный комплекс и.-е. суффиксальных чередований, стало означать то же самое растение, что и исконное слово *vītis*, причем одинаковая семантическая мотивация (с точки зрения индоевропейской или латинской) оказалась у двух случайно совпавших корней различного происхождения. Разумеется, после таких допущений вероятность средиземноморского происхождения лат. *vīnum* и др.-гр. (F)οἶνος практически становится равной нулю. Во всяком случае, если не выходить за рамки языковых фактов, такое допущение выглядит не менее странным, чем, например, выглядело бы предположение о доиндоевропейском субстратном происхождении ст.-сл. **ПЪ-Н-ИЮ** при одновременном признании и.-е. этимологии слова **ПЪ-Т-ИЮ** (ср. Georgiev 1966b: 375–377; 1974: 5).

Наконец, мне хотелось бы обратить внимание на сравнение лат. *vīnea* ‘виноградная лоза, виноградник’ и *vīnea* ‘осадный навес’. Должны ли мы видеть здесь еще одно «случайное» совпадение? По-видимому, нет. Совершенно очевидно, что мы не можем вывести названия винограда или вина из названия осадного навеса (или наоборот). Древние винои сплетались, насколько нам известно, не из виноградной лозы, а из ивовых прутьев (*contextae viminibus vineae* — Caes., B. C., II, 2, 1). Тем самым исключается возможность образования лат. *vīnea* ‘осадный навес’ на основе заимствованного слова *vīnum*. Единственной разумной основой для сближения слов *vīnea* ‘виноградная лоза’ и *vīnea* ‘осадный навес’ является возведение их производящей основы *vīn-* к и.-е. глагольному корню **uei-* ‘вить(ся), плести’. Эта семантическая реконструкция надежно подкрепляется в данном случае наличием от-

меченного выше суффиксального чередования *-n-/*-men-: vī-n-ea ≈ vī-mīn-ea ‘сплетенная из ивовых прутьев’. Наконец, отношение между vīnea ‘виноградная лоза’ и vīnea ‘осадный навес’ почти полностью совпадает с отношением между теми же двумя значениями лат. vītis (ср. vītīlia ‘плетеные корзины’). Поскольку лат. vīnea в значении ‘виноградник’ представляет собой субстантивацию прилагательного в сочетании типа plantātiō vīnea ‘виноградное насаждение’, обращает на себя внимание также полное совпадение прилагательного vīnea (в составе этой реконструкции) с прилагательным vītea ‘виноградная’.

Таким образом, опять средиземноморская гипотеза должна опираться на предположение о случайном совпадении, а и.-е. этимология лат. vīnum и др.-гр. (F)οῖνος позволяет дать весьма правдоподобное семантическое объяснение древней полисемии: лат. vīnea ‘виноградная лоза’ — vītea ‘осадный навес’.

Семантическое распределение производных и.-е. корня *ucei- ‘вить(ся), плести’ с наиболее распространенными суффиксами -n-, -t- и -men- в латинском и древнегреческом языках можно суммировать в следующем виде (В — ‘вино’, ВЛ — ‘виноградная лоза’, И — ‘ива’, ИЛ — ‘ивовая лоза’, Щ — ‘щит, навес’; примеры были даны выше):

Суффиксы	Латинский язык	Древнегреческий язык
-n-	ВЛ В Щ	ВЛ В
-t-	ВЛ В Щ	И Щ
-men-	ИЛ И Щ	—

Таким образом, в древнегреческом языке довольно четко противопоставлены в словообразовательном плане: а) вьющееся растение (виноград) и его продукт, б) растение, используемое для плетения (ива) и плетеный щит (ἵτέα). В латинском языке картина более сложная. Названия виноградной лозы и вина распределены здесь между суф. -n- и -t- (с преимущественным обозначением в первом случае вина, а во втором — растения). Ива и ивовая лоза обозначаются производными с суф. -men- (*-mē-), а названия плетеного навеса образуются с помощью всех трех суффиксов.

Итак, лат. vīnum и др.-гр. (F)οῖνος не представляют собой заимствований из неиндоевропейского средиземноморского субстрата, а являются словами и.-е. происхождения, возникшими в части и.-е. ареала после распада общиндоевропейского языка-основы. Что касается древнегреческого языка, то здесь слово (F)οῖνος могло явиться заимствованием из догреческого, но индоевропейского субстрата. О

такой возможности свидетельствует, быть может, догреческий топоним и.-е. типа Οινόανδα (юго-западная Малая Азия).

Существенный интерес представляет приводимое В. И. Георгиевым крито-микенское слово *we-je-we*, которое он трактует как $\text{F}\epsilon\iota\eta\text{F}\epsilon\varsigma$ — мн. ч. от $\text{F}\epsilon\epsilon\upsilon\varsigma$ ‘виноградная лоза’. В пользу этого толкования В. И. Георгиев приводит глоссу Гезихия $\upsilon\acute{\iota}\eta\nu$: ἄμπελον, интерпретируемую им как $\text{F}\iota\eta\nu$ (аркадо-кипрская форма вин. п. (Георгиев 1958: 62 и 265)). Если это так, то перед нами, во-первых, еще одно производное и.-е. корня * uei- ‘вить(ся), плести’ со значением ‘виноградная лоза’, а во-вторых, аргумент в пользу возможного заимствования греками названия винограда у догреческого индоевропейского населения (образования на $-\epsilon\upsilon\varsigma$ обычно считаются догреческими, но индоевропейскими). Показательно также, что глосса Гезихия $\upsilon\acute{\iota}\eta\nu$ по своей структуре совпадает с такими фригийскими словами, как $\acute{\alpha}\zeta\eta\nu$, $\alpha\tau\mu\eta\nu$ и др. (Naas 1966: 163; Откупщиков 1988: 110).

Не исключена также возможность, что лат. *visūla* (ī или ĭ?) ‘род виноградской лозы’ (Colum. III, 2, 21) также представляет собой деминутив от основы * uei-s- или * ui-s- . Но все это — уже детали.

Вопрос о самостоятельном или заимствованном характере¹³ арм. *gipi*, хетт. *wiṽana-*, а, возможно, и ст.-сл. **ВИНО** требует особого исследования. Неиндоевропейские названия вина (финский, грузинский, семитские и др.)¹⁴ были заимствованы у индоевропейских народов. Но каждый отдельный случай здесь требует особого рассмотрения. В целом пример с происхождением лат. *vīnum* и др.-гр. (F)οῖνος наглядно показывает, сколь ошибочны бывают этимологии, базирующиеся на общих концепциях, а не на анализе конкретного языкового материала.

¹³ Речь в данном случае идет о внутрииндоевропейских заимствованиях.

¹⁴ О том, что груз. *γvino* ‘вино’ заимствовано из индоевропейского, см.: Климов 203–204).

ἌΠΟΛΛΩΝ (Мифолого-этимологический этюд)*

Попытки этимологизировать теоним Ἄπολλων предпринимались еще в античности. Так, Платон в диалоге «Кратил» предложил сразу несколько возможных объяснений этого имени: κ ἀπολοῶ ‘омывать’, κ

* Статья под таким названием вышла в сборнике: Античный мир: К 65-летию проф. Э. Д. Фролова. СПб., 1998. С. 35–42.

ἀπολύω ‘освободить’, к ἀπλοῦς ‘простой, истинный’ (ср. фессалийскую форму имени — Ἀπλοῦν), к ἀεὶ βάλλων ‘всегда мечущий’ и т. п. (Plat., Crat., 405a-e). По такому же пути поисков внешних созвучий шли также и авторы Нового времени (к πέλλα ‘скала’, к ἀπόλλομι ‘губить’, к ἀπέλλα: σῆχοι (Hesych.), к κελιός ‘синий’, к лат. pello ‘толкать’ и даже к нем. Apfel ‘яблоко’. Нет необходимости разбирать все эти попытки этимологизации имени Ἀπόλλων. Достаточно сослаться на наиболее авторитетных авторов современных этимологических словарей, которые о происхождении теонима Ἀπόλλων категорически заявляют: «Etymologie unbekannt» (Frisk, I, 124), «étymologie inconnue» (Chantraine, I, 98). Таким образом, вопрос об этимологии имени Ἀπόλλων до сих пор остается открытым.

Откуда проник в Грецию культ Аполлона и каковы были древнейшие функции этого бога — здесь также нет единого мнения среди исследователей. Античные источники однозначно связывают культ Аполлона с гиперборейями, т. е. с севером, хотя даже примерной локализации гиперборейской области они не дают. Назывались при этом Рипейские горы (Урал?) и Македония, Фула и Фессалия. У. фон Вилламовиц-Мёллендорф высказался в пользу малоазийского происхождения культа Аполлона, хотя и не очень уверенно (Wilamowitz-Moellendorff 1903: 585).¹ Но авторитет выдающегося ученого привел к широкому распространению малоазийской гипотезы. И хотя многочисленные попытки подтвердить эту гипотезу анализом конкретного материала ни к чему не привели, из одной работы в другую стали переходить утверждения о том, что Аполлон — «zweifellos aus Kleinasien stammt». Правда, Я. Фриск, которому принадлежат эти слова, к малоазийским сопоставлениям относится очень осторожно (Frisk, I, 124).² Дань этой традиции отдал и А. Ф. Лосев, который о культе Аполлона писал: «Современная мифологическая наука с полной достоверностью относит это к Малой Азии», причем приоритет «необходимо отдать хеттам» (Лосев 1957: 270). Не говоря уже о хеттах, гипотеза о малоазийском происхождении Аполлона разделяется далеко не всеми исследователями.³

¹ Автор этой статьи пишет, «что он ничего определенного не может сказать ни о народе, ни о месте, с которыми был связан Аполлон» (Wilamowitz-Moellendorff 1903: 585).

² «Азиатским богом» (un dieu asiatique) считает Аполлона и П. Шантрэн. Но и он попытки отыскать этимологию имени бога в Малой Азии считает сомнительными (Chantraine, I, 98).

³ Против малоазийских корней Аполлона см., например, в работах: (Bethe 1923: 14–21; Cook 1925: II, 452sqq.; Burkert 1975: 1–21; Гоцева 1982; Jordanov 1984: 104–105 и др.).

Ссылка на фригийского царя по имени Ἀπόλλων отнюдь не подтверждает происхождения культа бога Аполлона из Малой Азии, как это считает, например, А. Ф. Лосев (1957: 538). Дело в том, что фригийцы сравнительно поздно переселились из областей Фракии и Македонии в Анатолию, с одной стороны, в южную Грецию — с другой. Поскольку в историческую эпоху фригийцы жили в Малой Азии, все следы фригийских (или фрако-фригийских) культов и ономастики греки (а вслед за ними — многие современные исследователи) воспринимали как следы малоазийского влияния. Между тем, из двух волн фригийской миграции (одна — на юго-восток в Анатолию, а другая — на юг) именно последняя оставила свои следы в греческих культах, мифологии и в ономастике. Страбон сообщает, что фригийский царь Пелопс привел свои народы в будущий Пелопоннес не с востока, а с севера — из Фракии (Strab., VI, 312). Об этом неоднократно писал П. Кречмер (Kretschmer 1950a: 187; 1950b: 39). Тот же Страбон, отмечая, что οἱ Φρύγες Θρακῶν ἀποχοῖ εἰσιν, считал, что фригийские культы и обряды были принесены в Элладу из Фракии (Strab., X, 471) (Откупщиков 1988a: 40–48).

Надежно засвидетельствованный эпитет Аполлона Ὑπερβόρειος заставляет искать истоки его культа на севере, а не на востоке. Именно выходцы с севера — гиперборей — основали дельфийское святилище Аполлона (Paus., X, 5, 7). Диодор пишет о большой близости гипербореев и эллинов и даже об их близком родстве с делосцами (D. Sic., II, 47). Это свидетельство заставляет отказаться от локализации гипербореев где-то в области Фулы или Уральских гор. Если учесть, что даже Додона, расположенная между островом Коркира и северной Фессалией, снабжается у Гомера эпитетом δυσχεῖμερος ‘холодная, суровая’ (II., XVI, 234), а в склонах к этому месту область Додоны называется Ὑπερβόρειον χωρίον, то ясно, что еще более северной представлялась грекам фрако-македонская область, откуда около 1200 г. до н. э. переправилась в Малую Азию часть фригийцев.

Большая близость гипербореев и эллинов (согласно Диодору) может быть объяснена лишь в том случае, если признать гипербореев пришельцами из Фракии. В самом деле, у фракийцев, фригийцев и греков были общие боги и общие их имена. Более того, по Гомеру, Аполлон во время Троянской войны был на стороне фрако-фригийских защитников Трои, а не на стороне греков. Фракийский, фригийский и греческий языки имеют между собой много общего, входя в состав общей группы палеобалканских языков.⁴ Так, В. Георгиев, подчеркивая ис-

⁴Наряду с работами автора настоящей статьи см.: Широков 1986: 148.

ключительную близость фракийского и греческого языков, писал, что в определенных случаях бывает трудно установить, что перед нами фракийский язык или греческий (Georgiev 1966a: 23).

О гипербореях и их священных дарах, присылаемых на Делос, имеется обширная литература. Традиция, согласно которой эти дары совершают путь чуть ли не с самых окраин Ойкумены, выглядит крайне неправдоподобной. Но одна частная деталь, упоминаемая Геродотом, позволяет значительно сократить путь священных даров от гипербореев до Делоса. Эти дары завертывались в пшеничную солому (*ἐνδεδεμένα ἐν χαλᾶμῃ πυρῶν*). Но то же самое делают женщины Фракии и Пеонии, когда они приносят священные дары Артемиде (Hrdt., IV, 33). Едва ли подобного рода мелкая особенность обряда жертвоприношения могла случайно совпасть у фракийцев и у гипербореев, живущих где-то на краю света. Этот факт может служить косвенным доказательством в пользу предлагаемой здесь гипотезы о фракийском происхождении гипербореев.

Интересный материал дает анализ имен собственных, связанных с гипербореями, Аполлоном и его культом. Гиперборейский жрец Аполлона Ἄβραρις (-ιδος и -ιος) носил типично фракийское имя (Vlahov 1963: 133); ср. во фракийской ономастике: Magaris, Σάγαρις, Mucaris, Βασσαρις и др. Один из эпитетов Аполлона Σιτάλλας — распространенный фракийский антропоним (см., например, Hrdt., IV, 80; Thuc., II, 29; Agg. Ap., I, 28, 4). По свидетельству Элиана, жрецами Аполлона были сыновья Борея и Хионы (Ael., V. N., XI, I). Отцом Борея, жившего во Фракии и имевшего эпитет ὁ Θρήξις (Apol. Rhod., II, 429), был Астрей; ср. Ἄστροϊός — река в Македонии (Plut., Fl., 21, I). Другой эпитет Борея — Στρομόνιος — связан с именем большой реки во Фракии. Примеры подобного рода можно продолжить и далее. Все они говорят о тесной связи культа гиперборейского Аполлона с фракийской ономастикой.

Очень трудно говорить об исконной или исконных функциях Аполлона, поскольку в античных источниках говорится о нескольких (от четырех до шести) разных Аполлонах (Лосев 1957: 356). По одному из вариантов мифа, Аполлон, сын Силеня, был даже убит Пифоном и похоронен в Дельфах (Porph., Vita Pyth., 16). Поэтому очень противоречивы в этом плане характеристики Аполлона, подчас — даже в рамках одного исследования. Так, А. Ф. Лосев в одном месте своей «Античной мифологии» пишет: «... ясно, что солнечность Аполлона — это его исконная архаическая сторона» (Лосев 1957: 582). А в других местах той же книги утверждается прямо противоположное: «... солнечное зна-

чение Аполлона есть только позднейший продукт» (там же: 462–463; ср. также: 298).

Не останавливаясь на иных «ипостасях» Аполлона, рассмотрим несколько эпитетов, характеризующих этого бога как покровителя земледелия и животноводства. Сюда, прежде всего, относятся такие эпитеты, как Ἄροτριος (к ἄροτρον ‘плуг, соха’), Σιτάλλκας (-ης) ‘защитник посевов или зерна’ (к σῖτος ‘хлеб на корню’ и ‘зерно’ + ἀλλή ‘защита’), Καρπογένεθλος ‘рождающий плоды’. Особое место занимает эпитет Ἀριστάιος, ибо это также имя сына Аполлона — божества, связанного с сельскохозяйственными работами. Поскольку производное на -αῖος, образованное от превосходной степени прилагательного (ἄριστος), выглядит необычным, можно высказать предположение о том, что этимон этого имени следует сопоставить с лат. *arista* ‘колос’ — словом, не имеющим соответствий в греческом, но, быть может, сохранившимся в других палеобалканских языках. К тому же имена собственные на -αῖος широко распространены во фракийской ономастике (Vlahov 1963: 136–137, 354–355). Аполлону и Афине был посвящен праздник сбора плодов Πυανέφια, а Аполлону и Артемиде — праздник летней жатвы Θαργήλια.

Не менее тесно связан Аполлон с домашними животными (как его сестра Артемиде — с дикими зверями). В III Гомеровском гимне Гермес крадет у него большое стадо из 50 (!) коров. По известному мифу, Аполлон пас стада Адмета (Ароп., III, 10, 4). Функцию защитника стад отражают эпитеты Аполлона Νόμιος (также эпитет Пана, Гермеса, Диониса) и Ποίμνιος.⁵ Интересно, что последний эпитет (к ποιμνή ‘стадо мелкого скота’) находится в полном соответствии с такими эпитетами Аполлона, как Κάρνειος (к κάρνον πρόβατον), Μαλόεις (к дор. μάλον ‘овца’), Τράγιος (к τράγος ‘козел’).

В свете ряда эпитетов Аполлон выступает как бог-защитник, отвратитель (зла): Ἀπότρολος πημάτων (Eur., Her., 821), Ἀποτρόλαιος (Aristoph., Av., 61; Aristoph., Vesp., 161 и др.),⁶ Ἀλεξίκακος (Paus., I, 3, 4), Προστάτης (Soph., Trach., 209) и др.

Приведенный материал позволяет теперь обратиться к этимологии теонима Ἀπόλλων. Основным недостатком всех предложенных до сих пор этимологических толкований имени Аполлона — это сопоставления, основанные на созвучиях. Как правило, в стороне остается вопрос

⁵«Nec ego sum pastor . . . », — говорит Аполлон Дафне (Ovid., Met., I, 513). Перед нами, возможно, намек поэта на мифологическую традицию.

⁶Ср. синонимичный эпитет Афродиты Ἀποστροφία (Paus., IX, 16, 3).

о словообразовании. Как, например, от ἀπόλλυμι могло быть образовано имя Ἀπόλλων, а тем более — Ἀπέλλων? Между тем, именно последняя (дорийская) форма является, по общему признанию, древнейшей (Frisk, I, 124).

По нормам греческого (а также фракийского? палеобалканского?) словообразования глагол ἀπελάω (= ἀπελαύνω) ‘отгонять, отвращать’ дает причастие ἀπελῶν ‘отгоняющий, отвращающий’ (по модели τιμάω → τιμῶν). Двойное -λλ- в имени бога Я. Фриск убедительно объясняет воздействием суффиксального -j-. Форма *Ἀπελ-κ-ων дает, с одной стороны, кипр. Ἀπείλων (метатеза), а с другой — дор. Ἀπέλλων (Ibid.); ср. *ἄλ-κ-ος (лат. alius) > ἄλλος. Соотношение ἀπελῶν — *Ἀπελ-κ-ων — Ἀπέλλων полностью совпадает в основе с соотношением антропонимов Θεσσαλόος — Θεσσαλλί-ων — Θεσσαλλῶν. Что касается места ударения, то его перенос с конечного слога на предшествующие в именах собственных представляет собой древнюю индоевропейскую закономерность; ср. ἀπελῶν → Ἀπέλ(λ)ων и τιμῶν → Τιμῶν, а также ἀμπελών ‘виноградник’ → Ἀμπέλων, ἡγεμῶν → Ἡγέμων, νεβρός ‘молодой олень’ → Νέβρος и мн. др. Об индоевропейской древности этого явления свидетельствуют аналогичные примеры из литовского языка: burbulys ‘бормотун’ → Burbūlis, kauklīs ‘тот, кто воет’ → Kauklis и др.

Предлагаемая новая этимология, согласно которой имя Ἀπέλ(λ)ων представляет собой субстантивированное причастие ἀπελῶν ‘отгоняющий, отвращающий’ → ‘отвратитель (по существу, синоним другого эпитета Аполлона) — Ἀποτρόπαιος) позволяет прояснить связь имени Аполлона с такими его эпитетами, как Σμίνθιος (Σμινθεύς), Παρνόπιος, Λύκ(ε)ιος (Λύκαιος). Ἀπέλλων Σμίνθιος означает букв. ‘мышинный отвратитель’,⁷ Ἀπέλλων Παρνόπιος — ‘саранчовый отвратитель’. Именно так объяснял последний эпитет (но — не сочетание теонима с эпитетом!) еще Павсаний (Paus., I, 24, 8). Оба эпитета в сочетании с именем бога ярко отражают его ипостась как защитника урожая от мышей и саранчи. Ту же суть выражает еще один эпитет Аполлона: Σιτάλας ‘защитник хлеба’ (на корню или в зерне).

В этот же ряд, естественно, входит также сочетание Ἀπέλλων Λύκειος, в котором бог выступает как защитник стад от волков (‘волчий отвратитель’). Но уже в древности по поводу этимологии эпитета Λύκειος высказывались разные точки зрения.⁸ Та же картина наблюда-

⁷ Mausvernichter — обычная интерпретация эпитета Σμινθεύς в немецких работах (однако вне связи с этимологией имени самого Аполлона).

⁸ Перечень античных этимологий эпитета Λύκειος см.: Serv. ad Verg. Aen., IV, 377.

ется и в последние годы. Так, А. Ф. Лосев выступает против возведения Λύχειος к λύκος 'волк'. В связи с этим он пишет: «Нильсон замечает, что ни одно имя греческого божества не образовано от корня названия того или иного животного» (Лосев 1957: 283). Однако все дело в том, что Λύχειος — отнюдь не имя божества, а его эпитет (ἐπίκλησις, Beiname). Эпитеты же богов достаточно часто были образованы от названий животных; ср., например, Ποσειδῶν Ἴππιος или Ταύρειος. Иногда эпитет Аполлона Λύχειος связывают со страной Ликией, расположенной на юго-западе Малой Азии. В последнее время, следуя переводу Н. И. Гнедича, именно так трактует слово Λύχειος А. И. Зайцев в своих примечаниях к «Илиаде» Гомера (Зайцев 1990: 451).

Между тем, «географические» или «этнические» эпитеты богов обычно не имеют широкого распространения в Элладе; ср., например, почитание Зевса Карийского в Афинах (Hrdt., V, 66) или Аполлона Карийского в Мегарах (Paus., I, 44, 2). Культ Аполлона Ликийского распространен по всей материковой Греции: Аргос, Афины, Мегары, Сикион, Фивы, Локрида Озольская, Эпидавр, Иллирия — вот далеко не полный ареал этого культа. Маленькая Ликия, к тому же сравнительно поздно колонизированная греками, едва ли могла оказать столь мощное влияние на материковую Элладу. Павсаний не сомневается в связи эпитета Λύχειος с λύκος, хотя передаваемые им легенды, конечно же, являются обычным художественным вымыслом (см. Paus., II, 9, 7 и II, 19, 3).

Гораздо важнее отметить, что сочетание Ἀπέλλων Λύχειος 'отвращающий волков' почти синонимично другому эпитету Аполлона — Λυχοκτόνος 'убивающий волков' (Soph., El., 6) и полностью соответствует облику Аполлона — защитника стад. С λύκος 'волк' связывают эпитет Артемиды Λυχεῖα (Paus., II, 31, 4–5), что естественно для богини — владицицы зверей, а также эпитет Зевса и Пана Λύχαιος. Следовательно, Ἀπέλλων Λύχειος 'отвращающий волков' принципиально ничем не отличается от Ἀπέλλων Σμίνδιος (Παρνόπιος) 'отвращающий мышей (саранчу)'.

В заключение несколько слов о «солнечности» Аполлона и о ее связях с земледелием. Похоже, что у истоков божественных близнецов Аполлона и Артемиды лежит представление о божественной сущности Солнца и Луны. Связь этих богов с небесными светилами хорошо известна. Обычно считается, что Φοῖβος — это эпитет (Beiname) Аполлона. К подобному выводу подталкивает темная этимология имени Аполлона и полная этимологическая «прозрачность» его второго име-

ни (φοῖβος ‘светлый, ясный’). Рассмотренный выше материал позволяет сделать иной — несколько неожиданный — вывод. Известная индоевропейская этимология лат. *lūpa*, ст.-сл. **ЛОУНА** < *louk-s-nā ‘светлая’, → ‘светило’ (к лат. *lūcere* ‘светить’) позволяет видеть в паре Φοῖβος — Φοῖβη более древние названия близнецов, чем Аполлон и Артемида.⁹ В устойчивом сочетании Φοῖβος Ἀπόλλων обратный порядок имен встречается значительно реже. Быть может, это сочетание допустимо трактовать как ‘Феб отвращающий’. После этого ἐπίκλησις бога становится теонимом, параллельным более древнему названию бога; ср. *mutatis mutandis* имена Афродиты и Киприды. Этим можно было бы объяснить отсутствие у теонима Феб рассмотренных выше эпитетов. Из исконной солнечной сущности Феба-Аполлона естественно развиваются его «сельскохозяйственные» функции. В древнем календаре с Аполлоном связаны летние и осенние месяцы (сбор урожая). А с наступлением холодов он удаляется на север — к гиперборейям. В этом проявляется связанная с солнцем цикличность земледельческих работ (ср. подобного же рода цикличность в мифе о Деметре). В греческой мифологии два «солнечных» бога — Гелиос и Аполлон — как бы разграничили свои «полномочия»: Гелиос связан с цикличностью смены дня и ночи, Аполлон — лета и зимы.

Таким образом, предлагаемая этимология теонима Ἀπόλλων (ἄπελάω → ἄπελῶν → Ἀπέλ(λ)ων ‘отвращающий, отвратитель’ позволяет по-новому взглянуть на ряд вопросов, связанных с происхождением и древнейшей историей культа Аполлона.

⁹ Если только эти названия не были первоначально эпитетами Гелиоса и Селены, превратившимися путем субстантивации в самостоятельные теонимы.

BALTICO-THRACICA*

За последние 20 лет сделано немало по выявлению балто-фракийских ономастических соответствий. Особенно много в значительной мере нового материала содержится в работах И. Дуриданова (Duriđanov 1969) и В. Н. Топорова (1973; 1977). Этот материал нуждается еще в дополнительном углубленном анализе. Какая-то часть его, по-видимому, является результатом случайного созвучия. Отдельные гете-

* Статья под таким названием была опубликована в журнале Болгарской Академии наук: *Linguistique Balkanique*. 1988. Т. XXXI. P. 15–19.

рогенные сопоставления неизбежны в условиях, когда мы имеем весьма скудные сведения о фракийской апеллятивной лексике, а этимология балтийских имен далеко не всегда может быть установлена с достаточной степенью надежности. Не исключена также возможность таких случаев, когда совпадения явились результатом независимого заимствования из общего третьего источника. В дальнейшем, видимо, предстоит также отделить эксклюзивные балто-фракийские ономастические изоглоссы от изоглоссы, в которых участвуют также и другие индоевропейские языки (например, кельтские, германские или славянские).

Нельзя не отметить также, что значительная часть балто-фракийских сопоставлений — это сопоставления на уровне корня либо основы. Например, лит. *Nar-ùpis*: фрак. *Ναράχιον* (Jokl 1929: 295), лит. *Rākija*: фрак. *Ῥαχούλη* (Duridanov 1969: 58). Цельнолексемные сопоставления с полным совпадением корневой и суффиксальной части — сравнительно редки, ср. лит. *Kupš-ėl-iai* и фрак. *Κύψ-ελ-α* (Duridanov 1987a: 76). Приводимые в большом количестве производные сопоставляемых основ обычно дают в сумме картину, различную в балтийском и во фракийском ареале. В то же время при сопоставлении, например, фракийской и догреческой ономастики бросается в глаза полное соответствие именно словообразовательных типов. В качестве примера здесь можно сослаться на сопоставления В. Георгиева: *Κοσ-ιστ-ης* и *Αἰγ-ιστ-έας*, *Κοσ-ειλ-ας* и *Αἰγ-ιλ-ος*, *Κοσ-ινθ-ης* и *Αἰγ-ινθ-ος*, *Κβσ-μ-ος* и *Αἰγ-ίμ-ιος*, *Κοσ-ων* и *Αἰγ-ων* (Георгиев 1957: 62; 1958: 121). Независимо от того, означают основы *χοζ-* (*χοσ-*) и *αἰγ-* ‘козел, коза’ или нет (В. Георгиев считает образования на *Αἰγ-* греческими), перед нами несомненная общность словообразовательной системы, свидетельствующая о генетической близости сопоставляемых языков. Подобная близость не прослеживается в балто-фракийском ареале. Тем не менее, и здесь целый ряд сопоставлений, особенно цельнолексемных, выглядит весьма убедительно, что говорит о перспективности дальнейших исследований в этом направлении.

Отсутствие достаточных сведений о фракийской апеллятивной лексике и наличие определенных совпадений в балтийской и фракийской ономастике дает возможность в ряде случаев этимологизировать фракийские ономастические единицы путем привлечения материала балтийских языков. Например, фракийский гидроним *Στρῶμῶν*, как известно, имеет большое количество надежных соответствий в родственных индоевропейских языках (др.-исл. *straumr*, др.-ирл. *srúaim*, др.-рус. *струмень*, пол. *strumień*, др.-гр. *ῥέυμα* и др. ‘поток, течение,

ручей'). Однако в словообразовательном плане наиболее близким к фрак. Στρυ-μῶν будет лит. strau-tiūb (= srautiūb) 'сильное течение, стремнина', где фрак. -μῶν и лит. -тио восходят к и.-е. *-tōb. Производящей основе фракийского гидронима абсолютно точно соответствует лит. strū-ti (= grūti) 'течь', чего нельзя сказать ни о др.-инд. srāvati, ни о др.-гр. ῥέω.

Аналогичная картина наблюдается в случае с фракийским этнонимом Βέβρουχες. Название бобра, лежащее а в его основе, известно нескольким индоевропейским языкам. Но только литовское озеро Вебгюкас и апеллатив bebrūkas 'бобрёнок', благодаря их словообразовательному оформлению, делают этимологию этнонима Βέβρουχες в достаточной мере надёжной (ср. Топоров 1972в: 27).¹ Еще В. Томашеком другой фракийский этноним Γόνδραи был сопоставлен с лит. gaĩdgrai 'аисты' (Tomaschek 1894: 88). Ниже предлагается основанная на сопоставлении с балтийским материалом интерпретация трех фракийских собственных имен.

1. Διδυχαίμο

В одной из недавно найденных в Болгарии надписей впервые встретилось фракийское мужское имя Διδυχαίμος.² Г. Михайлов высказал предположение, что это имя следует поставить в один ряд с такими фракийскими именами, как Διτυ-βιστος, Διτυ-παβος, Ditugentus (Mihailov 1987: 15). В принципе такое сопоставление вполне допустимо, принимая во внимание известный факт колебаний между звонким и глухим (в частности, d и t) во фракийской и — шире — палеобалканской ономастике (ср. фрак. Σαδοχος = Σατοχος, Σαλδο- = Σαλτο-, макед. Горδυνία = Гортυνία и др.). Однако представляется возможным дать несколько иную интерпретацию имени Διδυχαίμος.

Первый компонент фракийского имени Διδυ- можно сопоставить с лит. didūs 'богатый, сильный, величественный, знаменитый' (LKŽ, II, 486) — к didis 'большой, великий', а второй компонент — с káiimas 'деревня, село'. Интересно, что отличающееся от последнего слова своей огласовкой лит. kiēimas 'двор; село' также, по-видимому, имеет соответствие во фракийской ономастике: Δεῖ Κιμιστηνω (Дакия), Δι Κιμιστηνω (Вифиния) (см. Duridanov 1987b: 42). В диалектной лексике современного литовского языка засвидетельствовано сложное сло-

¹ Ср., впрочем, др.-инд. babhrukāḥ 'коричневатый' — также с суффиксом -uk-.

² Подробный анализ надписей см. в работе: Mihailov 1987.

во, состоящее из тех же двух компонентов, что и имя $\Delta\iota\delta\upsilon\alpha\mu\omicron\varsigma$: $did\check{z}kaimis$ ‘большая деревня, село’ (LKŽ, II, 495). Типологически — в семантическом плане — образование антропонима от топонима (в значении ‘житель такого-то места’) может быть сопоставлено с синонимичным греческим примером: $\text{Μεγ}\alpha\lambda\omicron\chi\omega\mu\eta\tau\eta\varsigma$ — житель $\text{Μεγ}\acute{\alpha}\lambda\eta\ \chi\acute{\omega}\mu\eta$ в Сицилии (St. B.). Ср. также нем. Grossheim, лтш. Lielciems, блр. *Велікаселец*. Причем, первые компоненты приведенных сложных слов (со значением ‘большой’) — разного происхождения. А вторые (‘село, деревня’), кроме белорусского примера, восходят к одному и тому же и.-е. корню.

Еще Д. Дечев сопоставил фракийские имена с основой $\Delta\iota\delta-$, $Did-$ с лит. $didis$ ‘большой, великий’ (Detschew 1957: 131). В то же время имя $\Delta\iota\zeta\alpha\varsigma$, в соответствии с этимологией, восходящей еще к Й. Басанавичюсу, обычно сопоставляют с лит. $Di\check{z}as$, лтш. $di\check{z}\hat{a}t$ ‘топать, танцевать, быть беспокойным’ (Duridanov 1969: 77). Между тем, учитывая, что фрак. d в позиции перед i и j переходило в z (Георгиев 1957: 64), можно фрак. $\Delta\iota\zeta\alpha\varsigma$ возвести к $*\Delta\iota\delta-j-\alpha\varsigma$, ср. иллир. $Didius$ и лит. $Did\check{z}ius$ — также с палатализацией (Zinkevičius 1977: 135). В этом случае нельзя не обратить внимания на полный параллелизм палатализованных и непалатализованных форм в литовской и фракийской антропонимике: лит. $Didas$ (Zinkevičius 1977: 114) — фрак. $\Delta\iota\delta\alpha\varsigma$, лит. $Did\check{z}ius$ — фрак. $\Delta\iota\zeta\alpha\varsigma$. Этот параллелизм распространяется и на суффиксальные производные, что было отмечено В. Н. Топоровым: лит., лтш. $Didel-$ — фрак. $Didila$ (Топоров 1973: 48). Ср. также лит. $Did\acute{o}nis$ (Zinkevičius 1977: 135) — фриг. $\Delta\epsilon\iota\delta\omega\nu$, с параллелями во Фракии (Zgusta 1964: 147f.).

Вопрос о соотношении фракийских ономастических основ $\Delta\iota\delta(\upsilon)$ - и $\Delta\iota\tau(\upsilon)$ - во многом остается неясным. В. Н. Топоров разграничивает эти основы (Топоров 1973: 48), Г. Михайлов предполагает фонетическое изменение $t > d$ в результате ассимиляции (Mihailov 1987: 15). Но с таким же успехом можно предполагать здесь диссимиляцию с изменением $d > t$. Тем более, что последнее изменение совпадает с обычным фракийским передвижением согласных (Lautverschiebung) (см.: Дуриданов 1976: 102). Наконец, исходная форма $\Delta\iota\delta-$ дает хорошую этимологию, чего нельзя сказать об основе $\Delta\iota\tau-$.

2. Σαρατάραι

По свидетельству Страбона (Strab., XI, 531), фракийское племя $\Sigma\alpha\rho\alpha\tau\acute{\alpha}\rho\alpha\iota$ обитало в Малой Азии за пределами Армении, недалеко

от границ Мидии. Тот же Страбон писал, что *Σαραπάροι* означает *κεφαλότομοι* ‘головорезы’, и эта этимология, подтверждаемая перс. *saḡ* ‘голова’ и *paḡa* ‘отсечение’, получила как будто бы общее признание. Между тем, это объяснение очень напоминает типичное народноэтимологическое перетолкование типа рус. *самоеды* (ср. фин. *Suomi*, эст. *Soome*, саам. *Sāmtā* и др.). Можно думать, что в основе мидийского народноэтимологического восприятия фракийского этнонима лежит какое-то реальное фракийское самоназвание. Обращает на себя внимание, что перед явно флективным *-αι* у анализируемого этнонима находится широко распространенный во фракийской и догреческой ономастике суффикс *-αρ-*. Ср. фрак. личное имя *Κοζας* и писид. *Κοζαρας* (Zgusta 1964: 238), фрак. *Βειθυς* — *Βειθάριον*, *Σευθης* — *Σευθαριον* и др. (Mihailov 1986: 391). Сопоставление этнонима *Σαραπάροι* с личным именем *Σαραπία* (надписи), местное название *Σαρατανις* (м.-аз. имя, см.: Zgusta 1984: 541) позволяет реконструировать форму **Σαραπ-η*, к основе которой присоединялись суффиксы *-(α)ρ-*, *-(ι)ι-*, *(α)ν-*.

В свою очередь, у имени собственного **Σαραπη* (**Σαραπα* или **Σαραπος*) можно вычленить элемент *-ап-*, который должен рассматриваться или как суффикс (ср. фрак. *Διζας* — *Διζαπης*), или как второй компонент сложного имени. В последнем случае ближайшим соответствием этому компоненту может служить др.-прус. *ape* (= лит. *ùpė*) ‘река’. Для фракийской и палеобалканской (resp. догреческой) ономастики подобные композиты вполне обычны: *Νύμφαι Βουρδαπηναί* и местное название *Burdapa* В. Н. Топоров сопоставил с лит. *Burd-iškių kaimas*, реконструируя др.-прус. **Burdape* = фрак. *Βουρδ-απη* (Топоров 1973: 40–41); *Μεσσαπία* ‘Беотия’, этноним в Локриде *Μεσσαπιοι* и другие названия уже давно были истолкованы как образования типа др.-гр. *Μεσο-ποταμία* (Krahe 1937: 21 ff.); город Фригии *Σχορδαπία* (PWRE: s. v.) позволяет реконструировать гидроним **Σχορδ-απη* = лит. *Skaĩd-upis* — к лит. *skaĩdis* ‘обрыв’ (Vanagas 1981: 301). Число подобных примеров можно было бы увеличить.

По своей словообразовательной структуре этноним *Σαρ-ап-άρ-αι* полностью совпадает с киликийским антропонимом *Σανδ-ап-αρ-ις* (Zgusta 1964: 455). Обе основы *Σαρ-* и *Σανδ-* засвидетельствованы во фракийской ономастике, ср., например, фракийское личное имя *Σάρ-αх-ος* (Detschew 1957: 422) и реку у Олинфа *Σάνδ-αν-ος* (Detschew 1957: 420). Во фракийской и малоазийской ономастике совпадают также и суффиксальные производные этих основ: фрак. *Σάρ-αх-ος* и м.-аз. *Σάνδ-αх-ος*, м.-аз. *Σάρ-αλ-ος* (Ptol., 5, 4, 9) и *Σανδ-αλ-η* (Zgusta 1964:

455), фрак. $\Sigma\alpha\rho\text{-}\alpha\tau\text{-}\omicron\varsigma$ (Detschew 1957: 423) и м.-аз. $\Sigma\alpha\nu\delta\text{-}\alpha\tau\text{-}\iota\varsigma$ (Zgusta 1964: 455). Нельзя не отметить также вполне вероятную связь фракийского личного имени $\Sigma\acute{\alpha}\rho\alpha\chi\omicron\varsigma$ и этнонима $\Sigma\alpha\rho\alpha\chi\eta\lambda\alpha\nu\omicron\iota$ (ср.: Zgusta 1984: 539) с литовским гидронимом $S\grave{a}rakas$ (Vanagas 290). Понимается, здесь не исключено и случайное совпадение — как, впрочем, и во всех случаях сопоставлений типа иллир. $\Sigma\chi\alpha\rho\delta\acute{\omega}\nu\alpha$ (о-в) — лит. $Ska\ddot{a}d\text{-}upis$ (Krahe 1957: 110).

В целом этноним $\Sigma\alpha\rho\alpha\lambda\acute{\alpha}\rho\alpha\iota$ можно рассматривать как распространенный тип названия, данного по реке: * $\Sigma\alpha\rho\text{-}\alpha\pi\eta$, ср. лтш. $Sagupe$ — топоним явно гидронимического происхождения (Vanagas, 291).

В принципе можно было бы принять и иную словообразовательную структуру фракийского этнонима: $\Sigma\alpha\rho\alpha\text{-}\acute{\rho}\alpha\iota$ — к реконструированному В. Георгиевым фракийскому апеллятиву $\rho\alpha\gamma\alpha$ ‘ручей, река (?)’, см.: Georgiev 1981: 150 sq. Однако приведенные выше названия типа $\Sigma\alpha\rho\alpha\lambda\text{-}\acute{\iota}\alpha$, $\Sigma\alpha\rho\alpha\lambda\text{-}\alpha\nu\text{-}\acute{\iota}\varsigma$ говорят, скорее, в пользу вычленения суффикса $-(\alpha)\rho\text{-}$ у этнонима $\Sigma\alpha\rho\alpha\lambda\acute{\alpha}\rho\alpha\iota$, образованного от гидронима * $\Sigma\alpha\rho\text{-}\acute{\alpha}\pi\eta$. К тому же в списке В. Георгиева убедительны примеры типа $\text{Βεν}\delta\iota\text{-}\rho\alpha\rho\alpha$, $\text{Β}\eta\rho\acute{\iota}\text{-}\rho\alpha\rho\alpha$, $\Sigma\chi\alpha\pi\tau\omicron\text{-}\rho\alpha\rho\alpha$, $\Sigma\tau\rho\alpha\tau\omicron\text{-}\rho\alpha\rho\alpha$ (Georgiev 1981: 151). Но образования на $-(\alpha)\rho\alpha$ и $(\text{-}\omicron\upsilon)\rho\alpha$ допускают иную интерпретацию. Так, $Sauzupara$ можно рассматривать как производное с суффиксом $-(\alpha)\rho\text{-}$ от * $\Sigma\alpha\upsilon\sigma\text{-}(\omicron)\upsilon\pi\eta$ = лит. $Sa\ddot{u}s\text{-}upis$ — к лит. $sa\ddot{u}sas$ ‘сухой’ (Vanagas, 292), $\text{Γ}\epsilon\lambda\omicron\upsilon\pi\alpha\rho\alpha$ — от * $\text{Γ}\epsilon\lambda\text{-}\omicron\upsilon\pi\eta$, ср. лит. $G\acute{e}luva^3$ — к $pa\text{-}gel\acute{u}s$ ‘холодный’ (Ibid., 111), $\text{Τ}\rho\alpha\upsilon\pi\alpha\rho\alpha$ — от * $\text{Τ}\rho\alpha\nu\text{-}(\omicron)\upsilon\pi\eta$, ср. лтш. $\text{Tr\ddot{a}pava}$, видимо, к лит. $tr\grave{a}pas$ ‘трутень’ (Ibid., 347).⁴ Как бы то ни было, при любой словообразовательной и этимологической интерпретации фракийский этноним $\Sigma\alpha\rho\alpha\lambda\acute{\alpha}\rho\alpha\iota$ вполне объясним на фракийском материале.

3. Ispilibria

Этот топоним, обнаруженный в ассирийских надписях IX в. до н. э., Г. Б. Джаукян сопоставил с сообщением Страбона о фракийском племени $\Sigma\alpha\rho\alpha\lambda\acute{\alpha}\rho\alpha\iota$ между Арменией и Мидией. Наличие фракийского компонента $-\beta\rho\iota\alpha$ ‘город’ у этого топонима подтверждает свидетельство Страбона и позволяет считать, что уже в середине II тыс. до н. э. фракийцы проникли в самые глубины Малой Азии (Джаукян 1984: 11–12).

³Ср. $Aun\acute{u}pis$: $Aunuva$, $G\acute{a}rd\text{-}upis$: $Garduv\acute{a}$, $Kurt\text{-}upis$: $K\ddot{u}rtuv\acute{a}$ и др. (Vanagas 1970: 212).

⁴Иначе: Duridanov 1969: 70. Ср., однако, в плане семантики $\Delta\rho\delta\acute{\alpha}\tau\alpha\rho\alpha$ — к * $\Delta\rho\delta\text{-}\alpha\pi\eta$ и $\delta\acute{\alpha}\rho\delta\acute{\alpha}$ $\mu\acute{\epsilon}\lambda\iota\sigma\sigma\alpha$ (Hesych.).

Первый компонент сложного топонима Ispilibria может получить удовлетворительную этимологическую интерпретацию на базе балтийских языков. Производным от лит. *miēstas* ‘город’ является *iš-miestis* ‘пригород, предместье, место за пределами города’. Лит. *miēstas*, по-видимому, является славизмом. Но в литовском и латышском языках сохранилось более древнее название города: лит. *pilis* ‘крепость, замок; город’, лтш. *pils* ‘крепость, замок’, *pilsēta* ‘город’ (ср. др.-гр. πόλις). Образованное по той же древней словообразовательной модели, что и *išmiestis*, лит. **išpilis* должно было означать место за пределами города или крепости. Ср. рус. *посад* ‘оседлое поселение вне города либо крепости; слобода, слободка, предместье, форштадт’ (Даль, III, 328). Типологически и генетически (по крайней мере, в своей основе) лит. **išpilis* ‘пригород, посад’ можно сопоставить с др.-гр. Ἐξώ-πόλις (Pape, I, 362). В целом топоним Is-pili-bria мог иметь значение ‘посадский город’, ‘город с посадом’.

Поскольку раннее проникновение фракийских и фригийских племен с Балкан в Малую Азию — давно и надежно установленный факт, проблема «Baltico-Thracica» должна включать в себя также и сопоставительный анализ балтийской и малоазийской ономастики, включая самые отдаленные глубинные районы Малой Азии. Работа в этом направлении представляется весьма перспективной.

ἘΞΑΜΠΑΙΟΣ и ἸΓΔΑΜΠΑΙΝΣ*

В IV книге Геродота упоминается источник и местность в бассейне Южного Буга, которые по-скифски называются Ἐξαμπαίος, а по-гречески Ἰραὶ ὁδοὶ ‘священные пути’: οὕνομα δὲ τῆς κρήνης ... Σχυθιστὶ Ἐξαμπαίος, κατὰ δὲ τὴν Ἑλλήνων γλῶσσαν Ἰραὶ ὁδοὶ (Hrdt., IV, 52).

Попытки дать иранскую этимологию гидрониму Ἐξαμπαίος были безуспешными. Еще сто с лишним лет тому назад В. Ф. Миллер отмечал, что это название необъяснимо из иранского (Миллер 1887: 132). Сопоставление с осет. **afsand* ‘священный’ и др.-перс. *rahi-* ‘путь’ было подвергнуто критике М. Фасмером, который отмечал также слабость и других предложенных этимологий (Vasmer 1971: 116, 172ff, 186). Об этом же пишет А. А. Белецкий: «Трудно интерпретировать на иранской

* Статья под названием «Из ономастики Северного Причерноморья» была опубликована в: V Международный конгресс по фракологии. Serdicae, 1991. P. 143–147.

основе такие скифские изоглоссы, как *Ἐksamπαιος* — «Священные пути ... и *антакайос* ... — рыба из семейства осетровых» (Белецкий 1972: 77).

О. Н. Трубачев с полным, как мне кажется, основанием отказался видеть в др.-гр. Ἰραὶ ὄδοι кальку скифского Ἐξᾰμπαῖος. Опираясь на сообщения Геродота о том, что это был источник «горькой воды» (ὕδατος πικρῶν, IV, 81), О. Н. Трубачев предложил не лишённую остроумия индоарийскую этимологию: к др.-инд. a- ‘не’, ksamā- ‘пригодный’, rāua- ‘вода’ (Трубачев 1977: 19). Однако индоарийская гипотеза О. Н. Трубачева, развивающая идею П. Кречмера и его предшественников, вызвала серьёзную критику в свой адрес (М. Майрхофер, Х. Поль, В. Шмид и др.). Так, В. Шмид писал об индоарийских этимологиях О. Н. Трубачева: «... seinen Etymologien zum großen Teil sehr skeptisch gegenüber stehen muß» (Schmid 1979: 269). Можно согласиться с выводом о том, что «пока не указано ни одного явно индоарийского имени во всей припонтийской ономастике» (Грантовский, Раевский 1984: 62). Сама методика этимологизации имени собственного, основанная на произвольном вычленении составных его компонентов (метод «шарады»), также вызывает возражения (Откупщиков 1988b: 25–27). Древнеиндийское прилагательное akṣama не засвидетельствовано в значении ‘непригодный’, а только в значениях ‘неспособный’ и ‘недоброжелательный’. К тому же в композитах оно встречается только в качестве второго компонента (Böhntlingk, 4).

Приведённые факты свидетельствуют о том, что вопрос о происхождении гидронима Ἐξᾰμπαῖος до сих пор остаётся открытым. Поскольку в ономастике Северного Причерноморья, помимо иранских, имеется большое количество греческих, фракийских и малоазийских (Яйленко 1980b: 69–70) имен, можно предложить новую этимологию рассматриваемого названия, исходя из хорошо известных греческих (и — шире — палеобалканских¹) словообразовательных закономерностей.

Др.-гр. παῖω ‘бью, ударяю’ имеет многочисленные производные со вторым компонентом -παῖος ‘бьющий’, которому предшествуют приставки ἀνα-, ἀντι-, εἰς-, ἐκ-, ἐν-, παρ-, прос-, συν-, ὑπερ-. Засвидетельствованы также случаи с двумя приставками: δι-εκ- и ἐπ-εἰс-. Отглагольные приставочные прилагательные дают образования типа ἐμπαῖος или πρόс-παῖος ‘бьющий’. В качестве подобного же образования с

¹ Автор настоящей статьи считает, что так называемый догреческий субстрат представляет собой конгломерат близких греческому палеобалканских языков, к которым относятся фригийский, фракийский, македонский и карийский языки (см.: Откупщиков 1988).

двумя приставками можно рассматривать и гидроним Ἐξαιπλοῖος. Глаголы с двумя приставками ἐξ-ανα- (resp. ἐξ-αμ-) обычно означают движение из-под чего-то — снизу вверх: ἐξ-αμ-πρεῦω ‘вытаскиваю’, ἐξ-ανασπᾶω ‘выдергиваю’, ἐξ-αν-ἄγω ‘вывожу наверх (из подземного царства)’ и т. п. Глагол βρῦω ‘теку’ имеет производное с теми же двумя приставками: ἐξ-εμ-βρῦσαι ‘заставлять бить ключом’. Семантически близким к последнему случаю является Ἐξ-αμ-πλοῖος ‘бьющий из-под (земли)’, т. е. ‘источник’. Употребление апеллятива в значении имени собственного — обычное явление в ономастике. Известную семантическую универсалию представляет также связь глагольного значения ‘бить’ с ‘источником’ (ср., в частности, рус. *бить ключом*).

Предложенное объяснение, естественно, может вызвать, по крайней мере, два возражения. Во-первых, согласно Геродоту, Ἐξαιπλοῖος — это с к и ф с к о е название источника, которое противопоставлено его греческому названию Ἴραϊ ὄδοι. Во-вторых, в греческом языке нигде не засвидетельствован апеллятив *ἐξαιπλοῖος ‘источник’. Здесь, прежде всего, возникает вопрос: что означает противопоставление «по-скифски» — «по-гречески» в приведенном выше месте у Геродота? Что здесь противопоставляется — звучание гидронима или его з н а ч е н и е? Примером первого вида противопоставления может служить: «по-немецки *Дерпт* — по-эстонски *Тарту*». В случае же «по-русски *Царьградъ* — по-гречески *градъ Константина*» противопоставляются разные з н а ч е н и я, причем оба названия — русские, а последнее представляет собой кальку. Такой же калькой мог явиться гидроним Ἐξαιπλοῖος, отражающий не звучание, а лишь значение соответствующего скифского названия. Следовательно, Геродот отмечает, что источник по-скифски называется «Исподбьющий», а по-гречески ‘Священные пути’. И подобно тому, как в русском языке нет слова *испод-бьющий (но ср. *ис-под-воль*), хотя смысл его понятен любому носителю русского языка, так и др.-гр. Ἐξ-αμ-πλοῖος, будучи искусственной калькой, имело достаточно прозрачный смысл, хотя соответствующего апеллятива в греческом языке не было.

Вполне допустимо здесь и несколько иное объяснение. Еще до прихода скифов в бассейне Южного Буга, как известно, жили фракийские племена. Исключительная близость фракийского (и других палеобалканских языков) к греческому отмечалась рядом исследователей. Так, В. Георгиев в одной из своих работ писал в связи с этим: «Сходство было столь большим, что в определенных случаях трудно установить, что было греческим и что фракийским» (Georgiev 1966: 23). О. С. Широков

вообще относит греческий язык к палеобалканским языкам: «У нас нет оснований резко противопоставлять македонский, фракийский, фригийский языки греческому, не выявляется ни одной древней индоевропейской изоглоссы, размежевающей греческий и палеобалканские языки» (Широков 1986: 148). В этой ситуации гидроним Ἐξαπλάος вполне мог быть фракийским по своему происхождению. Будучи заимствован скифами у фракийцев, он стал известен грекам как «скифское» название.

В пользу фракийского (палеобалканского) происхождения гидронима Ἐξαπλάος косвенно свидетельствует личное имя из Ольвии (начало V в. до н. э.) Ἰγδαπλαίης.² По мнению В. И. Абаева, это — иранское имя, означающее ‘хранитель законов, обычаев’ — к αὔδα ‘закон, обычай’ и ра ‘охранять’ (Яйленко 1980а: 77). Ю. Г. Виноградов, не споря с этимологией В. И. Абаева, отмечает необходимость сопоставления антропонима Ἰγδαπλαίης с гидронимом Ἐξαπλάος (Виноградов 1981: 142). А это сопоставление, естественно, приводит к иной интерпретации.

У Гесихия засвидетельствовано слово Ἰγόν· ἄρσην ‘муж’ — без указания его языковой принадлежности. Учитывая широкое распространение фракийских имен в Северном Причерноморье, можно высказать предположение о фракийском (или палеобалканском) происхождении глоссы Ἰγόν ‘муж’. Об этом свидетельствует, прежде всего, словообразовательная структура слова: фриг. ἀτήν ‘раб’, ἐσσην ‘правитель’, ‘царь’, фрак. Κεβρήν — река в Троеде (ср. фракийский этноним Κεβρήνιοι — Strab., XIII, 590), многочисленные мифологические имена, восходящие к догреческому субстрату (Περρήν, Σειρήν, Τιτήν и др.). Кроме того, необычное для греческого языка, особенно же — для греческой ономастики, сочетание звонких согласных — γδ — типично для ономастики палеобалканской: фрак. этноним Μυγδόνες, личное имя Μάγδης, фригийский топоним Ἄγδος, карийское личное имя Λύγδαμης. Таким образом, и словообразовательный тип, и фонетический облик глоссы Ἰγόν ‘муж’ свидетельствуют о ее принадлежности к одному из палеобалканских языков, скорее всего — к фракийскому.

Словосложение Ἰγδα-πλαίης, второй компонент которого — тот же, что и у гидронима Ἐξαπλάος (к др.-гр. πάλω ‘бью, ударяю, поражаю’), означает ἄνδρα πάλων (‘поражающий мужа’). Перед нами — широко распространенная как в ономастике, так и в апеллятивной лексике семантическая универсалия, которую отражают имена Ἄνδρο-δάϊζα (ама-

²См. фотографию килика с четко начертанным именем в ст.: (Яйленко 1980а: 78).

зонка), ἄνδρ-μάχος, апеллятивы ἄνδρο-κτόνος, ἄνдр-ολέτειρα, ἄνδρο-φθόρος, ἄνδρο-φόνος и др. Ср. засвидетельствованное у Геродота (IV, 110) название амазонок Οἰόβρατα = др.-гр. ἄνδροκτόνοι 'мужеубийцы',³ а также др.-инд. पृ-हाण 'убивающий мужей'.

Таким образом, гидроним Ἐξαπλαῖος представляет собой приставочное отглагольное образование, а Ἰγδαπλαῖης — словосложение, но с общим последним компонентом. Отсутствие этих имен и соответствующих апеллятивов в древнегреческом языке говорит, по-видимому, об их палеобалканском (фракийском?) происхождении.

В связи с рассмотренными именами собственными особый интерес представляет также засвидетельствованное у Геродота (VI, 53, 3) название крупной рыбы без костей, которая водится в Борисфене: χήτεά τε μεγάλα ἀνάχανθα, τὰ ἀνταχάϊους χαλέουσι. Этимология слова ἀνταχάϊος до сих пор остается неясной. Выше было приведено высказывание А. А. Белецкого о трудностях, связанных с этимологизацией этого слова на иранской почве. Я. Фриск лаконичен в своем выводе: «*Etymologie unbekannt*» (Frisk I, 113). О. Н. Трубачев, пользуясь своей обычной методикой вычленяет в слове ἀνταχάϊος др.-инд. *ánta* 'конец' и *kāya* 'тело', оставляя в стороне вопрос о значении столь странного образования (Трубачев 1977: 19). Насколько легко можно составлять подобного рода этимологии, видно из того, что в слове ἀνταχάϊος с наименьшим основанием можно «вычленил», например, совершенно иное древнеиндийское слово — *antaka* 'смерть' (этимологически связанное с *ánta* 'конец'). С суффиксом -*ya-* от него легко образовать **antaka-ya-*ḥ (= ἀνταχάϊος 'смертельный, причиняющий смерть'. Если учесть, что, по сообщению Плиния Старшего (Hist. Nat., IX, 45), в Борисфене водится бескостная рыба *silūgus* (предположительно сом), а о сомах, достигающих 5 м длины и 300 кг веса, и в наши дни ходят слухи об их нападениях на человека, то семантическая сторона приведенной «этимологии» находит, вроде бы, себе полное оправдание.

Разумеется, приведенный этимологический пассаж не следует принимать всерьез, он приведен лишь как иллюстрация методики, применяемой О. Н. Трубачевым. К тому же принято считать, что название ἀνταχάϊος означает не сома, а рыбу семейства осетровых (Максимович 1901: 64).

---

³Иногда высказывается мнение о том, что имена собственные с двумя приставками не встречаются в греческом ономастиконе. Это неверно применительно к греческому языку, ср., например, личные имена Ἄν-ἑγ-κλήτος (СГГ, I, 1240), Συν-ἑχ-δημος (СГГ, II, 3665, 14) и др. Еще более рискованно устанавливать подобные ограничения для палеобалканской ономастики.

Обратимся, однако, к известной словообразовательной модели, нашедшей свое отражение в древнегреческом языке. Глагол φαίνω (φαν-) ‘свечу, являю’ дает производные φαν-ερός ‘видимый, явный’ и φαν-αῖος ‘светоносный’. По той же модели др.-гр. τήχω (ταχ-) ‘размягчаю’ в качестве производных дает ταχ-ερός ‘мягкий’ и *ταχ-αῖος. Учитывая параллелизм приставочных образований типа ἀνα-τείνω = ἀν-τείω ‘поднимаю’, ἀνα-τέλλω = ἀν-τέλλω ‘выращиваю, произвожу’, мы можем, наряду с ἀνα-τάχω (-τήχω ‘размягчаю’) реконструировать форму *ἀν-τάχω, а также производное *ἀν-ταχαῖος ‘мягкий’). Таким образом, ἀνταχαῖος (ἰχθύς) означает ‘мягкая (без костей) рыба’, что находится в полном соответствии как с особенностями осетровых, так и с характеристикой, данной Геродотом: κήτεά τε μεγάλα ἀνάχανθα. Топологически ср. рус. *мякоть* ‘мясо без костей’, рус. диал. *мягкая рыба* (из породы сигов) (СРНГ, XIX, 73).

Что представляет собой слово ἀνταχαῖος — греческий нарах, редкое диалектное слово или палеобалканское (фракийское) наследие — судить трудно. Для этого наши знания апеллятивной лексики палеобалканских языков явно недостаточны.

В заключение следует сказать, что приведенные выше этимологические интерпретации имен Ἐξαμπαῖος и Ἰνδαμπαῖης, а также апеллатива ἀνταχαῖος говорят против утверждения В. И. Абаева о том, что в ономастике Северного Причерноморья «все, что не объяснено из иранского, в большинстве вообще не поддается объяснению» (Абаев 1949: 37). Целый ряд бытующих и даже устоявшихся иранских этимологий (не говоря уже об индоарийских толкованиях) нуждается, как мне кажется, в пересмотре (Ἀνάχασις, Καμασαρύη, Παντικάλαιον и др.). Но это уже тема для отдельного исследования.

КАΥΚΑΣΟΣ*

Попытки установить происхождение и этимологию названия Кавказ (Καύχασος) предпринимались неоднократно. Обзор всех этих попыток занял бы слишком много места, поэтому представляется целесообразным остановиться лишь на некоторых примерах. Так А. ван Виндекенс сопоставил ороним Καύχασος с названиями горы и

* Статья под названием «Кавказ (этимологический этюд)» была опубликована в *Linguistique Balkanique*. 1989. Т. XXXII, № 3–4. Р. 159–164.

города в Бруттии Κόχωνδος, а также с «пеласгическим» κόχης λόφος. Все эти образования он возводил к и.-е. *gug-, лит. guga 'шишка', gaiḡagas 'вершина' (Windekens 1954: 32). Сопоставление с последним литовским словом приводит также А. Карнуа (Carrou 1960: 330). Все эти сравнения выглядят гораздо менее убедительными, чем старая этимология О. Шрадера и А. Неринга: к готск. hauhs 'высокий', лит. kaukaḡa 'холм, вершина' и др. (Schrader, I, 570). Однако, как справедливо отметил В. А. Никонов, эта этимология (которую приводит и М. Фасмер) лишена доказательств (Никонов, 166). Действительно, остается неясным, в каком из индоевропейских языков возникло название Κόχασος и с помощью каких словообразовательных средств оно было сформировано.

Трудности с этимологической интерпретацией оронима Κόχασος уже давно заставили исследователей обратиться к поздней форме, засвидетельствованной у Плиния: Croucasim (accus. sing.) = nive capdidum 'белоснежный' (Plin. Hist. Nat. VI, 50). Эта форма встречается также у Солина (Solin., 49, 6), но поскольку его источником здесь, несомненно, был Плиний, название Croucasis (nom. sing.) можно рассматривать как своего рода нарах.

Еще в первой половине XIX в. П. Болен пытался связать Croucasis (вернее: одно из рукописных чтений — Graucasus) с др.-инд. grāvaṇ 'камень, скала' и kāṣ- 'блестеть, сверкать' (Bohlen 1830: 11–12). Известный санскритолог Э. Бюрнуф, как отмечал А. Гумбольдт, указал на неприемлемость реконструкции *Grāvakāsa, 'glänzendes Felsgebirge', ибо в древнеиндийском следовало бы ожидать обратной последовательности компонентов: kāṣa grāvaṇ. А. Гумбольдт, ссылаясь на это возражение, считает его весьма убедительным, но не учитывает, что его собственное сопоставление Grau(casus) с др.-инд. giri 'гора' (Humboldt 1843: I, 109, п. I) неприемлемо по той же причине.

П. Кречмер, опираясь на более надежную форму Croucasis (она без вариантов засвидетельствована у Солина), сопоставляет первый компонент оронима с др.-гр. χρός 'лед', а второй — с др.-инд. kāṣ- 'блестеть', считая само название индийским, а его значение определяя как «Eisglänzend» (Kretschmer 1928: 100).

Таким образом, в попытках дать индоарийскую этимологию названию Croucasis нет единства, а поскольку это, согласно Плинию, «скифское» название, предпочтение было отдано иранской (скифской) этимологии: к др.-иран. *xrohu- 'лед', т. е. — *xrohu-kāsi- 'льдоблистаю-

ший' (Marquart 1922;¹ ср. также: Eilers, Mayrhofer 1960: 115–118). Семантически этимологии Й. Маркварта и П. Кречмера совпадают, что неудивительно, учитывая близость индийского и иранского.

К последнему (иранскому) объяснению присоединился О. Н. Трубачев в одной из своих ранних публикаций о синдах (Трубачев 1976: 47). Однако, по мере всё большей «экспансии» индоариев в его последующих работах, он отказывается от иранской этимологии в пользу индоарийской (Трубачев 1983: 101–107). Ссылаясь на П. К. Услара (1881: 492 сл.), О. Н. Трубачев предлагает своего рода контаминацию, объединяя старую этимологию П. Болена с идентификацией А. Гумбольдта *Grau-* (*Grou-*) = др.-инд. *gīgī* 'гора' и оставляя в стороне приведенное выше возражение Э. Бюрнуфа. Вряд ли от этого возражения можно «отмахнуться» простой ссылкой на «инверсию» (Трубачев 1983: 106) — без единого аналогичного примера из топонимии Индии.

Ненадежность формы *Scoucasia* (об этом — ниже), не говоря уже о ее вариантах, сомнительность как самой индоарийской гипотезы, так и предложенных О. Н. Трубачевым индоарийских «этимологий» (Schmid 1979: 269; Грантовский, Раевский 1984: 62; Откупщиков 1988б), полная неясность в вопросе об отношении форм *Καύχασος* и *Scoucasia* (Трубачев 1983: 106), существенные расхождения между предложенными интерпретациями — всё это свидетельствует о том, что вопрос о происхождении и об этимологии оронима *Кавказ* до сих пор остается открытым.²

Основной недостаток всех предлагавшихся до сих пор этимологических толкований названия *Καύχασος* (resp. *Scoucasia*) заключается в атомарном подходе к единичному топониму, полностью игнорирующем а реальный аспект проблемы, без учета словообразовательной системы, в которую входит анализируемое название. Все рассмотренные (как и не рассмотренные) объяснения — типично «корнеотсылочные», опирающиеся на реконструированные формы, не подкрепленные ни одним конкретным примером из иранской или индийской ономастики.

Обратимся сначала к реальному аспекту. *Καύχασος* между Черным и Каспийским морями — это совершенно изолированный во всех отношениях топоним. *Кавказ Индийский* (Гиндукуш), согласно Страбону

¹ Мало интересного в плане этимологии представляет другая работа Й. Маркварта «Откуда происходит название Кавказ?» (Marquart 1930).

² Ср.: «По существу до сих пор нет общепринятых и доказательных объяснений таким ... именам, как *Кавказ* ... » (Мурзаев 1974: 70).

(XI, 511; XV, 689), был назван так македонскими воинами, его вторичный характер не вызывает сомнений. По свидетельству того же Страбона (со ссылкой на Эратосфена), местные жители называли *Кавказ Каспием* (XI, 497), что косвенно говорит о чужеземном происхождении названия *Καύχασος*. Где же искать истоки этого названия? У античных авторов Кавказские горы называются *Καύχασος*, *Καυχάσιον ὄρος*, *Καύχασον ὄρος*, *Καυχάσια ὄρη*, *Caucasus*, *Caucasii montes* и др. При этом оказывается, что среди имен собственных, которые сохранила нам греческая письменная традиция, *Καύχασος* отнюдь не является таким изолированным названием, как это обычно представляется в работах, посвященных этимологии данного оронима. *Καυχάσιον ὄρος* — это не только ‘Кавказ’, но также и горы в Аркадии (D. Hal., 1, 61). *Καύχασος* — это река во Фракии (Porph., Vita Pyth., 27, 4), топоним на о-ве Кеос (IG XII, 5), имя ретора с о-ва Хиос (Apost., 10, 65).³ На том же Хиосе находится гавань *Καύχασα* (Hrdt., V, 33, 1). В расположенных напротив Хиоса Эритрах в древних надписях засвидетельствованы Аполлон *Καυχασεύς* и Атремида *Καυχασίς* (SIG² 600, 19). Среди дакофракийских племен мы находим этноним *Καυχοήσιοι* (Ptol., III, 8, 3) и личное имя *Καύχης* (Tomaschek 1980: II, 47).

Таким образом, перед нами четко вырисовывается балкано-эгейский ареал, типичный для догреческой ономастики.⁴ Показательны несомненные связи между Фракией и о-вом Хиос, где, по свидетельству Павсания, в древности жили фракийцы (Paus., VII, 4, 8–9). Важно отметить, что в догреческой ономастике Эгеиды названия с основой *Καυχασ-* засвидетельствованы не только в оронимии, но также в гидронимии, антропонимии и теонимии. Следовательно, в ареальном плане эпицентром названия *Καύχασος* следует признать Балканы и Эгеиду, а поэтому некорректно искать этимологические истоки этого названия в иранском, индоарийском или в местных кавказских языках. Очевидно, что название *Καύχασος* вместе с другими именами собственными было перенесено из Эгеиды в восточное Черноморье, подобно тому как в более позднюю эпоху воины Александра Македонского называли этим же именем Гиндукуш.

Во всех прежних работах ороним *Καύχασος* рассматривался изо-

³Плутарх считал, что *Кавказ* получил свое название по имени пастуха (Plut., Fl.). Следовательно, ему также было известно личное имя *Καύχασος*.

⁴Автор настоящей статьи считает, что догреческий субстрат был в своей основе палеобалканским. В него входили языки фракийский, македонский, фригийский и карийский. Многочисленные ономастические следы этого субстрата сохранились на Балканах, в Эгеиде и на западе Малой Азии (Откупщиков 1988а).

лированно не только в ареальном, но также и в словообразовательном плане. Между тем, образования на *-σος* и *-σσος* (с флексией *-ος*, *-ον*, *-α*, *-ις* и др.) широко распространены в догреческой палеобалканской (в том числе фракийской) ономастике, где они насчитываются многими сотнями. Личное имя без суффиксального *-σ-* засвидетельствовано на Хиосе — и только на нем: *Καύχας* (SIG, IV, 7097), нет этого суффикса и у дако-фракийского этнонима *Καυχοήνσιοι* (с латинским суффиксом *-ēns-*). Но наиболее показательным является тот факт, что имя *Καύχασος* естественно входит в систему четко прослеживаемых палеобалканских суффиксальных чередований. На о-ве Хиос засвидетельствовано личное имя *Καύχαλος* (Athen., XII, 412) и топоним *Καύχαρα* (Boardman 1967: 254), а на о-ве Сицилия — гавань *Καύχανα* (Ptol., III, 4, 7).⁵ Рассмотрим выборочно несколько типов суффиксальных чередований, подтверждающих принадлежность оронима *Καύχασος* к палеобалканской ономастике.

а) Чередование -σ- : -λ-

<i>Καύχασος</i> , <i>Καύχασα</i>	—	<i>Καύχαλος</i> ,
<i>Βάργασα</i> , город Кари	—	<i>Βάργαλα</i> , город Македонии,
<i>Πήδασα</i> , город Кари	—	<i>Πηδάλιον</i> , город Кари,
<i>Δρυήσος</i> , фракийское личное имя	—	<i>Δρύαλος</i> , мифологическое имя;

б) Чередование -σ- : -ρ-

<i>Καύχασα</i>	—	<i>Καύχαρα</i> ,
<i>Κάνδασα</i> , укрепление в Кари	—	<i>Κάνδαρα</i> , город в Пафлагонии,
<i>Πίνδασος</i> , гора у Эпидавра	—	<i>Πίνδαρος</i> , догреческое личное имя,
<i>Μέγασα</i> , город в Сев. Африке	—	<i>Μέγαρα</i> , город в Греции;

в — г) Чередование -σ- : -(α)ν-, -(ω)ν-

<i>Καύχασα</i>	—	<i>Κάυχανα</i> ,
<i>Πίδασα</i> , карийский топоним	—	<i>Πιδανος</i> , личное имя из Ольвин,
<i>Ίμβρασος</i> , река на Самосе	—	<i>Ίμβρανος</i> , ликийское личное имя,
<i>Μάργασος</i> , отец Алкея	—	<i>Μάργανα</i> , город в Элиде,
<i>Καύχασος</i> , <i>Καύχασα</i>	—	<i>Καύκωνες</i> , фракийский этноним,
<i>Παρνα(σ)σός</i> , гора в Фокиде	—	<i>Πάρωνος</i> (G. S.), гора в Лаконике,
<i>Κάνδασα</i> , укрепление в Кари	—	<i>Κάνδωνος</i> (G. S.), псидское личное имя,
<i>Μουχασος</i> , фракийское личное имя	—	<i>Μουχκωνος</i> (G. S.), фракийское личное имя.

⁵В связи с палеобалканской (resp. фракийской) ономастикой в Сицилии ср. *Ἰδράνη*, город во Фракии, и *Ἰδρανός*, город в Сицилии; *Σικελός*, царь Фракии (D. Sic., 5, 50), *Σικελία*, область во Фракии (Hesych.), — *Σικελία* 'Сицилия' и др.

Индоевропейский и догреческий характер приведенных суффиксальных чередований очевиден.⁶ Они отражены и в древнегреческой апеллятивной лексике. Образования Καύχα-ρ-α : Καύχα-ν-α : Καύχα-λ-ος отражают те же чередования, что и образованные от и.-е. корня *neǵ-/ *nouǵ- ‘новый’, др.-гр. νεα-ρ-ός : νεᾱ-ν-ος (Gen. S.) : νεα-λ-ής. Форма с суффиксальным -σ- (Καύχασος) — вторична. Основная масса догреческих образований с этим суффиксом явилась результатом палатализации суффиксального -х- в позиции перед вторичным суффиксом -ǵ-. Так, от μύλαξ ‘скала’ был образован топоним *Μύλαχ-ǵ-α > Μύλα(σ)σα, город Карики; от ἰέραξ ‘ястреб’ — *Ἰεραχ-ǵ-ος > Ἰερασος, река в Дакии, от Ναράχιον (Фракия) — *Ναραχ-ǵ-α > Ναρασα (Кария) и мн. др. (см. Откупщиков 1988а: 153–162). По этой же словообразовательной модели Καύχασος можно возвести к *Καυχαх-ǵ-ος, ср. Καύχαх-ις, город в Сев. Африке (Scyl., III).⁷ Основа καυχ-αх- (*χαυχαξ) относится к *καυχος (= готск. hauhs ‘высокий’) точно так же, как греческая основа νεF-αх- (νέαξ, ср. рус. *новакъ*) относится к νέος. Топоним Καύχαρα этимологически наиболее близок к лит. kaukaḡā ‘вершина’. Поскольку литовское слово, засвидетельствованное также в форме kiaukaḡā, отражает известное чередование *eu : *ou названия Καύχασος, Καύχαρα и др. не могут быть греческими, ибо, в противном случае, они имели бы в основе *Κουχ-, а не Καυх-. В то же время передача и.-е. *ou посредством au — обычна для готского, литовского и ф р а к и й с к о г о языков.

В семантическом плане перед нами — универсалия, не нуждающаяся в особых пояснениях. Ср., например, др.-гр.: хорύφη ‘вершина’ и Корύφη гора у Смирны (Paus., VII, 5, 9), Корύφη = Λιβύη ‘Ливия’ (St. B.), Κόρυφον, гора у Эпидавра и др.

Таким образом, форму Καύχασος следует признать не только древнейшей по фиксации и широко распространенной в балкано-эгейском ареале, но и вообще единственно надежной формой. Именно к ней, а не к форме Croucasis восходят ср.-перс. Кар-кōf, а также другие поздние названия *Кавказа*, причем, как справедливо отметил О. Н. Трубачев, здесь не обошлось, видимо, без влияния народной этимологии на иранской почве (Трубачев 1983: 103, прим. 5).

⁶Примеры даны лишь выборочно. Подробнее об этих чередованиях см.: Откупщиков 1988а: 143–153.

⁷Ср. личное имя Καύχαλος (Хиос) и Καυχαλοῦ χώμη в Сев. Африке (Scyl., 108), др.-гр. μέμβραξ ‘вид цикады’ → Μεμβραχ-ǵ-α > Μέμβρασα, город в Сев. Африке. Палеобалканская (догреческая) топонимика широко представлена в Сев. Африке, Сицилии, Италии и даже в Испании.

Как уже отмечалось выше, практически все «льдоблистающие» этимологии оронима Καύχασος исходят из поздней формы Croucasis (или ее менее надежных вариантов) у Плиния. Однако эта форма не имеет ни малейших следов во всей греческой традиции, где вообще нет ни одного топонима с основой *Κρούχ-. Попытка О. Н. Трубачева привлечь сюда фракийский этноним Γραυχένοι (Apol. Rhod. Arg., IV, 321; у О. Н. Трубачева: Γραυχηνοί) связана с более чем сомнительным предположением о том, что Аполлоний Родосский «произвольно перенес» гравкениев «с Кавказа на нижнее течение Истра (Дуная)» (Трубачев 1983: 105). Думается, что даже самые высокие задачи этимологического анализа не могут оправдать столь свободного обращения с античными источниками.

Итак, у нас нет ровно никаких оснований считать форму Croucasis более древней, чем Καύχασος. В то же время фонетически из формы Καύχασος (или Καυχασίς) невозможно получить Croucasis (и наоборот). Никто до сих пор не сумел объяснить, как связаны между собой эти формы. Поскольку нарах Croucasis известен лишь в сравнительно поздней латинской передаче (вторая половина I в. н. э.), ключ к объяснению этой формы следует искать на латинской почве.

Как известно, Плиний Старший погиб при извержении Везувия в 79 г. н. э., во время этого извержения под мощным слоем пепла были погребены Помпеи. Черновые наброски своих сочинений Плиний, естественно, делал курсивным письмом. Мог он пользоваться и выписками из разных латинских источников, также сделанными курсивным письмом. В синхронных Плинию помпейских надписях, сделанных этим письмом, буквы а и г очень часто совершенно или почти неразличимы по своей форме, близкой к греческой ламбде (λ). Причем, сходные формы этих букв могут встречаться не только в одной и той же надписи, но также в одном и том же слове — даже рядом одна с другой. Напри-

мер: (v λ λ T = curat, δ λ λ v (λ) = Drauca, δ || μ λ λ λ | ρ

= denario (Krenkel 1963: 46, 50). В этих условиях вполне естественно, что слово (λ v (λ) | M могло быть по ошибке прочитано не как

Saucasim, а как Croucasim. Передача же и посредством ou — обычна в латинских надписях.

Таким образом, непонятная форма Croucasim оказывается своего рода «подпоручиком Кижэ». Становится ясным, почему этот на-

рах засвидетельствован только в латинской, а не в греческой форме. Под стать этому имени и его «скифский» перевод, представляющий собой, по-видимому, всего лишь поэтический штамп в римской поэзии; ср.: *nive candidum Soracte* (Horat., Carm., I, 9, 1–2), *nive candidam Thracen* (Horat., Carm., III, 25, 10–11); (Schmid 1959; 292). Вероятно, этот стандартный поэтический эпитет был кем-то использован применительно к Кавказу, а Плиний или его источник интерпретировал этот эпитет как «перевод» ошибочно написанного «скифского» названия *Scoucasia*.

Тем самым, отпадают все «льдоблистающие» индийские и иранские этимологии оронима *Καύχασος*, и мы должны восстановить в своих правах старую этимологию О. Шрадера и А. Неринга: к готск. *hauhs* ‘высокий’, лит. *kaikaià* ‘вершина’. Ареальному и словообразовательному обоснованию этой этимологии и были посвящены настоящие заметки.

ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΟΝ*

В. И. Абаев высказал предположение, что топоним *Παντιχάπαιον* имеет иранское происхождение и восходит к иран. *panti-kara ‘рыбный путь’ (Абаев 1949: 170, 175, 193). Хотя это объяснение, одобренное большинством исследователей, получило широкое распространение,¹ многое в нем вызывает сомнения.

Прежде всего, В. И. Абаев в своих иранских этимологиях ономастики Северного Причерноморья исходит из весьма спорного положения: «Все, что не объяснено из иранского, в большинстве вообще не поддается объяснению» (там же: 37). Против этого тезиса справедливо возражал О. Н. Трубачев, охарактеризовавший его как проявление своеобразного «паниранизма» (Трубачев 1976: 39). К пересмотру иранских этимологий гидронимов Северного Причерноморья призвал Г. Шрамм, указавший, что многие из этих названий древнее скифского времени (Schramm 1973: 24–25). Он же высказал сомнения в правильности иранской этимологии топонима *Παντιχάπαιον* (Ibid.: 178–180).

*Статья под названием «Из палеобалканской ономастики Северного Причерноморья (Пантикап и Пантикапей)» была опубликована в сборнике: Проблемы балканистики / Отв. ред. А. В. Десницкая. СПб., 1992. С. 107–114.

¹Ср., например: «... название Пантикапея с его отличной иранской этимологией Абаева» (Тохтасьев 1984: 141).

В литературе неоднократно отмечалось, что Пантикапей, основанный, по-видимому, еще в VII в. (Ростовцев 1925: 185; Блаватский 1964: 15–16, 23), не имел в архаическую эпоху тесных связей с местным негреческим населением, а остатки оборонительной городской стены VI в. говорят об отнюдь не дружеских отношениях между греками и негреками (Νοοπαп 1973: 81).

Однако вопрос о времени появления скифов в Северном Причерноморье до сих пор остается спорным. То же следует сказать о соотношении скифской и доскифской (по мнению Г. Шрамма — «*alteuropäisch*») топонимии в данном регионе. Гораздо важнее этих общих соображений лингвистический аспект иранских этимологий В. И. Абаева. Главный их недостаток — неприемлемая методика этимологического анализа причерноморской ономастики. Суть этой методики заключается в том, что анализируемое имя произвольно членится на компоненты, для каждого из которых в иранских языках (чаще всего — в осетинском) отыскивается созвучное слово. Поскольку при этимологизации ономастического материала почти никаких семантических ограничений у автора обычно нет, какие-то близко звучащие слова в иранских (и только ли в иранских?) языках всегда находятся.² Методика В. И. Абаева отличается ярко выраженным атомарным подходом к этимологизации собственных имен. Каждое название интерпретируется с помощью материала, привлекаемого *ad hoc*. В случае с приведенной иранской этимологией топонима Παντικαίων возникает целый ряд недоуменных вопросов. Где другие примеры с компонентами *pani-* ‘путь’ или *кара-* ‘рыба’ в причерноморской или иранской ономастике? Где иранские сложные слова со вторым компонентом *-кара*, выступающим в функции определения или с первым элементом *pani-* в функции определяемого существительного? Без таких примеров сочетание **pani-кара* будет восприниматься не как ‘рыбный путь’, а как ‘путевая (т. е. взятая в дорогу) рыба’. В. И. Абаев не приводит ни одной типологической параллели с гидронимом, имеющим хотя бы в каком-нибудь языке значение ‘рыбный путь’. Таким образом, перед нами типичная «корневая» этимология, не имеющая семантических и словообразовательных аналогий ни в иранской, ни вообще в индоевропейской ономастике.

С таким же успехом мы могли бы, например, сопоставить названия Пантикапея с городом на Геллеспонте Κάτα (его житель Καταῖος — St. V.) или с Κάταος, река в Сицилии = ‘Садовая’, ср. χηλαῖος (до-

²Подробнее недостатки этой весьма распространенной методики рассмотрены в кн.: Откупщиков 1988: 78–118.

рич. хәл-) ‘садовый’. Таким образом, *Παντιχάταιος (ποταμός) могло бы означать ‘(река) вся в садах’ (ср. τῶ παντί ‘целиком, полностью’), а Παντι-χάταιον (ἄστυ) — ‘город в садах’. Подобная этимология имела бы ряд преимуществ перед иранской этимологией В. И. Абаева: 1) многие прибрежные города Северного Причерноморья имеют бесспорную греческую этимологию, но нет таких городов с надежной иранской этимологией (речь, разумеется, идет об архаической эпохе); 2) здесь перед нами — обычный порядок компонентов в словосложении (в отличие от странной инверсии у В. А. Абаева); 3) второй компонент анализируемого имени (Παντι-χάταιον), казалось бы, находит надежное соответствие в греческой гидронимии (река Κάταιος).

Однако и греческая этимология Пантикапея представляется неприемлемой: обычная для дорийской Сицилии форма гидронима Κάταιος едва ли подходит для Боспора, хотя отдельные дорийские формы там также встречаются. Но главное, эта этимология принципиально ничем существенным не отличается от иранской этимологии В. И. Абаева. По своему методическому уровню обе этимологии, пожалуй, равноценны. Там и здесь вычленяются два корня или две основы (в одном случае иранские, в другом — греческие), причем обе интерпретации очень напоминают типичную народную этимологию.³

Пользуясь той же методикой, О. Н. Трубачев вычленяет у топонима Παντιχάταιον основу хәл-, которую он сопоставляет с фрак. *кар- ‘холм’ (Трубачев 1977: 20). Самый факт обращения к фракийскому материалу не может вызывать каких-либо возражений. Наличие обширного слоя фракийской ономастики в Северном Причерноморье в настоящее время надежно установлено. Объяснялось это явление по-разному: 1) фракийским происхождением киммерийцев (Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 172; Блаватский 1985: 238);⁴ 2) переносом фракийских имен из Малой Азии в Северное Причерноморье в эпоху колонизации (Блаватская 1959: 34, 37); 3) фракийской «экспансией» (Нерознак 1977: 32). При любом решении этого вопроса обращение к фракийскому материалу представляется вполне оправданным. Фрак. *хәл- ‘холм’ И. Дуриданов реконструировал на основании сопоставления дакийского топонима Καπί-δαυα, Καπί-δαφα, Cari-dava с лит. Кар-ūrė и многочисленными балтийскими топонимами с основой

³Р. Катиич справедливо указывает на удивительное сходство многих современных этимологических объяснений в области ономастики с самыми рискованными народно-этимологическими толкованиями (Katičić 1976: 48).

⁴В первой из этих книг «Народы нашей страны в “Истории” Геродота» приведен перечень работ, в которых говорится о фракийской принадлежности киммерийцев.

Кар-, ср. лит. *kāras* ‘могила’ (← ‘холм’) и рус. *копать*. Следовательно, дак. *Καπίδαυα* (-δαυα, -δαβα ‘город’) этимологически интерпретируется как «Hügelstadt» (Duridanov 1969: 36). Однако выделение фрак. кар- ‘холм’ у топонима *Παντιχάπαιον* оставляет необъясненной его первую часть. О. Н. Трубачев почему-то относит *Пантикапей* к числу индоарийских (!) названий. На каком основании он это делает — остается загадкой. В то же время, если признать правильным вычленение фрак. -кар- у топонима *Пантикапей*, то первый компонент этого топонима можно было бы сопоставить с фракийским соответствием др.-гр. *πόντος* ‘море’. И.-е. *o и др.-гр. o во фракийском языке, как известно, закономерно соответствует α (Георгиев 1957: 64; Дуриданов 1976: 94–95; Duridanov 1985: 105). Следовательно, греческому *πόντος* ‘море’ должно соответствовать фрак. *pantas. По той же модели, по которой *karas (= лит. *kāras*) ‘холм’ дает *Καπί-δαυα*, фрак. *pantas ‘море’ могло образовать **Παντί-χαπα(ς)*, ср. *Παντιχάπη* = *Παντιχάπαιον* (St. B.). Значение топонима в этом случае: ‘морской холм’, ‘гора у моря’. Иначе говоря, город мог получить свое название по Митридатовой горе (типологически ср. немецкие города, имеющие в качестве второго компонента -berg ‘гора’).

Однако и эта, на первый взгляд, весьма заманчивая этимология вызывает серьезные сомнения. Прежде всего, среди фракийских, дакийских и иных топонимов, сохранившихся в греческих источниках, кажется, нет ни одного надежного примера словосложения со вторым компонентом -хап-. Иначе говоря, перед нами — изолированный пример, нарах, а это делает изложенную этимологию малоправдоподобной. Но главное — эта этимология совершенно неприемлема для гидронома *Παντιχάπης*, который невозможно рассматривать в отрыве от топонима *Παντιχάπαιον*. Местоположение реки *Пантикап* до сих пор не установлено (Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 285–286). По одним источникам, эта река — приток Борисфена (например, Hrdt., IV, 18, 2), по другим — она впадает в море (например, Plin., IV, 12, 26). Очевидно, что при этимологизации следует исходить не из явно вторичной формы *Παντιχάπαιον*, а из форм *Παντιχάπη* ‘Пантикапей’ (St. B.) и *Παντιχάπης* ‘Пантикап’.

Необходимо обратить внимание на отсутствие образований с исходом -хапа-, -хапη-, -хапης-, -хапος-, -хапία и т. п. в ономастике, дошедшей до нас в греческих передачах. В то же время, очень часто встречаются образования на -απα-, -απη(ς), -απια и т. д., имеющие, к тому же надежную индоевропейскую этимологию. Так, *Μεσσαπία* ‘Беотия’ и ‘Ка-

лабрия', Μεσσάπιος — горы во Фракии и в Беотии, Μεσσάπιος — река на Крите (ср. me-sa-ro в надписях линейного письма Б) и др. уже давно сопоставлялись с μέσ(σ)ος 'средний' и др.-прус. аре (= лит. ùpè) 'река' (Крахе 1937: 21ff);⁵ ср. догреч. Μεσσ-άλια и др.-гр. Μεσολοταμία. Фракийский топоним Burdara и ὕμφοι Βουρδαληνά (Георгиев 1957: 60; Detschew 1957: 81ff)⁶ — образования от гидронима Βουρδ-αλη — возможно, к фрак. Βουρδ- 'брод' (Георгиев 1957: 60). Фрак. Ζάλδ-αλα, видимо, следует сопоставить с лит. Sald-upis — к saldùs 'сладкий' (Vanagas, 288). Иную этимологию предлагал В. Георгиев: к Zald-/Sald- 'желтый' (Георгиев 1957: 61). Но второй компонент и в этом случае генетически связан с др.-прус. аре = лит. ùpè, ùpis 'река'. Город Фригии Σχορδαλία (PWRE, s. v.) явно образован от гидронима *Σχορδαλη = лит. Skaĩd-upis — к skaĩdis 'обрыв' (Vanagas, 301).⁷

Приведенные примеры заставляют отказаться от традиционного членения гидронима Παντι-χάλης в пользу Παντιχ-άλης. Фрак. *Παντιχα αλη → Παντιχαλη 'морская река', где фрак. *παντιχας = др.-гр. ποντικός 'морской'; ср. личное имя Παντίχια (Кипр — Athen., 13, 609b) = 'Mařina'. Форма мужского рода Παντιχάλης может быть объяснена эллинизацией (ср. ποταμός, а также название реки на Крите — Μεσσάπιος, при догреч. ара, аре = др.-прус. аре 'река'). Индоевропейский суффикс -ik- известен как в догреческой, так и во фракийской ономастике: Αϊζική — часть Фракии (St. B.), фрак. теоним Βενδης → личное имя Βενδικος, топоним Μαδική и др. Древность этого суффикса на догреческой (resp. фракийской) почве⁸ подтверждается наличием параллельных вариантов -ak-/-ik-: Σπарт-ακ-ος и Σπарт-ικ-ος, Μαν-ακ-ον и Μαν-ικ-ων; ср. рус. вен-ок и вен-ец (др.-рус. вѣн-ѣц-ь и лит. vain-ikas), игр-ок и игр-ец, тел-ок и тел-ец. Типологически фрак. *Παντιχα αλη → Παντιχάλη можно сопоставить с лит. Slavikà ùpè → Slavikupis (Vanagas, 307).

Сопоставление фрак. *παντιχας и др.-гр. ποντικός, приведенное выше, не является чем-то изолированным. Производные от основ Πανт-

⁵ Впрочем, древнепрусский вариант слова (аре) нашел свое отражение также и в литовской гидронимии: реки Dũb-ар-elis (наряду с Dũb-upis — к dubùs 'глубокий'), Sasn-apis (к др.-прус. sasnis 'заяц'), Vast-арà (видимо, к úostas 'устье'), источник Gald-арè, поле Sig-аре (см.: Vanagas, 93, 291, 367, 104, 299).

⁶ В. Н. Топоров на основе лит. Burd-išk-ių kaimas и др.-прус. Burd-en реконструирует др.-прус. *Burd-аре, фрак. Βουρδ-αλη (Топоров 1973: 40–41).

⁷ В отличие от фракийского и балтийского а (лит. Skārd-upis) фригийский отражает индоевропейское *o посредством о в случае со Σχορδ-αλία (см.: Haas 1966: 203).

⁸ О соотношении догреческой и составной ее части — фракийской — ономастики см.: Откупщиков 1988а.

и Понт- отличаются последовательным параллелизмом в догреческой и греческой ономастике (ЛИ — личное имя):

Παντεύς (ЛИ, Спарта)	— Ποντεύς (Od., VIII, 113),
Παντίχα (ЛИ, Кипр)	— Ποντιχή (ЛИ),
Παντίνας (ЛИ, Мантинейя)	} — Ποντίνος (река и гора в Арголиде),
Παντίνος (ЛИ, Тегея)	
Παντίας (ЛИ, Хиос)	— Ποντία (ЛИ, надписи),
Πάντις (ЛИ)	— Πόντις (ЛИ, Эпидамн),
Πάντιος (ЛИ)	— Πόντιος (эпитет Посейдона и ЛИ).

Важно отметить, что имена с основой Πανт- по словообразовательным причинам невозможно связать с др.-гр. πᾶς, πᾶσα, πᾶν. Перед нами — явная семантическая универсалия, личные имена, образованные от слов со значением ‘море’; ср. лат. *Marīna* (*mare*), лит. *Jūgātė* (*jūga* ‘море’), фракийское мифологическое имя Ἰβδηρα (ср. ἄβδηρα · θάλασσα — *Nesyuch.*), греческие имена с основами Θάλασσα-, Πελαγ-.

Предлагаемая этимология гидронима Παντικᾶπτη(ς) говорит, скорее, в пользу того, что река *Пантикап*, как это отмечено у Плиния, впадала в море. Возможно, что первоначально так был назван один из лиманов, которых так много в западной части северного побережья Черного моря. В этом случае, естественно, лиман рассматривался как река, образованная морем, как ‘морская река’.⁹ Впрочем, возможен и позднейший перенос названия на один из притоков Борисфена. Не менее подходящим представляется название Παντικᾶπτη ‘морская река’ также и применительно к нынешнему Керченскому проливу, по имени которого был назван находящийся близ него город.

В семантическом плане В. И. Абаев не смог привести ни из одного региона ни единого примера с рекой или проливом, носящими название ‘рыбный путь’. В то же время ‘морская река’ представляет собой надежно засвидетельствованную семантическую универсалию.¹⁰ Так, к лит. *jūga* ‘море’ восходят гидронимы *Jūg-upis* и *Jūrė* (из *Jūg-j-a ‘морская’). Здесь в основе гидронимов, быть может, лежит древнее название большого озера (*Vanagas*, 139); ср. типологически англ. *sea* ‘море’

⁹Ср. латинское название Дона у Плиния: *Sinus*. Первоначально оно, видимо, обозначало нынешний Таганрогский залив — лат. *sinus* ‘залив’.

¹⁰Здесь уместно будет вспомнить справедливые слова В. И. Абаева: «... в семантической стороне этимологических изысканий есть возможность выбраться из лабиринта субъективных предположений и догадок и поставить историю значений на такую же объективную основу, как и историю форм. Для этого надо устанавливаемую в одном языке филиацию значений подкреплять аналогичными примерами из других языков» (Абаев 1960: 74).

и нем. See ‘озеро’. Латышские гидронимы Māg-ure, Maras-ure, Mariņa ure также означают ‘морская река’; ср. лит. māgēs, māģios (мн. ч.), лат. mare ‘море’ и др. (Endzelīns 1961: 377, 379, 393; Vanagas, 204 — со ссылками на литературу). Греческое название реки Ποντικός (Арголида — Paus., II, 36, 3) также означает ‘морская’ (ср. догреческое личное имя Παντικός). В греческих источниках мы находим упоминание гидронима во Фракии Ποντικός Ἰστρος (Scymn. Perieg., 664—665). Главное же — полным соответствием догреческому *Παντικά αλη (→ Παντικήλη) может служить река в Малой Азии Ποντικός ποταμός (Eustath. Comm. ad Dionys. Perieg. 783). Соотношение между этими двумя названиями во всех деталях совпадает с соотношением между догреч. *Μεσσα αλια (→ Μεσσαλία) и др. -гр. Μεσο-ποταμία.

Приведенные здесь факты свидетельствуют против почти общепризнанной этимологии В. И. Абаева в пользу новой этимологической интерпретации гидронима Παντικήλης и топонима Παντικήλη = Παντικιάλιον.

ΠΑΡΝΑ/ΗΣ(Σ)ΟΣ*

Вопрос о происхождении топонима Παρνασ(σ)ός [Παρνησ(σ)ός] — это не только вопрос о его этимологии, но один из ключевых пунктов при решении проблемы догреческого субстрата, этногенеза греков, возникновения и формирования древнегреческой культуры, явившейся одним из важнейших источников всей позднейшей европейской цивилизации.

В источниках засвидетельствованы три горы Парнас: 1) в Фокиде, 2) в Каппадокии (там же — одноименный город) и 3) в Бактрии. Начиная с конца 1950-х годов широкое распространение получила старая этимология Э. Форрера: Παρνασσός — к хетто-лувийскому рагна- ‘дом’. Эта этимология особенно модной была у сторонников гипотезы о наличии древнего хетто-лувийского субстрата на Балканах и в Эгееде (идея Э. Форрера, которую развили дальше Л. Палмер, А. Хойбек, Э. Ларош (Forrer 1930: 217, 242; Palmer 1958: 75—100; Neubeck 1961; Laroche 1961: 57—98) и др. Сторонники этой гипотезы признали хетто-лувийскую этимологию топонима Παρνασσός «бес-

*Статья под названием «Догреческий топоним Παρνασ(σ)ός и индоевропейское словообразование» была опубликована в сборнике: Вопросы языка и литературы народов Балканских стран / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л., 1986. С. 125—135.

спорной».¹ В ее пользу приводились словообразовательные аргументы: наличие в анатолийской топонимике образований на -ašša, в частности хеттского топонима Parnašša (Laroche 1960: 156). Хетт.-лув. рагна- 'дом' предлагалось понимать как 'дом (бога)', предполагая, что известный храм в Дельфах (у горы Парнас) был некогда лувийским святилищем (Palmer 1958: 89–90).²

Гипотеза Л. Палмера — А. Хойбека о хетто-лувийском характере догреческого субстрата встретила довольно единодушный отпор со стороны историков и археологов. См. об этом (со ссылками на литературу): Откупщиков 1973: 19–20, прим. 32. Раскопки в Дельфах не обнаружили никаких следов хетто-лувийской культуры.³ Хеттский топоним Parnašša находится отнюдь не в Каппадокии (у р. Галис), а далеко на юго-востоке, причем, как и само слово рагна-, этот топоним является заимствованием в хетто-лувийском (видимо, из хурритского). На этом и на ряде других оснований известный хеттолог А. Камменхубер категорически отвергла анатолийскую этимологию догреч. Παρνασσός (Kammenhuber 1969: 260–261).

К концу 60-х годов «лувиомания» (термин Э. Грумаха) (Grimach 1968: 425) заметно пошла на убыль. Один из авторов гипотезы о хетто-лувийском субстрате — Л. Палмер — фактически отказался от нее, заявив, что «лувийские имена могли быть принесены на запад носителями нелувийского языка» (Palmer 1968: I, 337). Другой сторонник этой гипотезы, Э. Ларош, в 1973 г. писал: «Ничто больше не позволяет предполагать присутствие хеттских или лувийских контингентов на Эгейских островах или на “догреческом” материке» (Laroche 1973 (1975): 18).⁴ Эволюция взглядов Л. Палмера и Э. Лароша по вопросу о хетто-лувийском субстрате на Балканах и в Эгеиде очень напоминает изме-

¹ «The name Parnassos... is certainly of Anatolian origin» (Huxley 1961: 26). «Анатолийское происхождение догреч. Παρνασσός несомненно» (Гиндин 1967: 148). Даже противник гипотезы о догреческом хетто-лувийском субстрате Р. Кроссленд пишет: «Привлекательным является объяснение [этимологии] топонима Παρνασσός у Палмера» (Crossland 1971: I, pt 2, 849).

² Этот аргумент был выдвинут уже Л. Палмером, поэтому вызывает удивление «дополнение» Л. А. Гиндина к его этимологии: «С о своей стороны мы можем добавить, что на греч. Парнасе расположены знаменитые Дельфы с храмом и оракулом Аполлона» (разрядка моя. — Ю. О.) (Гиндин 1967: 147).

³ «Конечно, археолог не может нести ответственность за отсутствие археологических доказательств в пользу лингвистической гипотезы», — не без юмора комментирует этот факт один из археологов (Mylonas 1962: 296).

⁴ В основном, на прежних позициях, в частности по вопросу об этимологии догреч. Παρνασσός остался Дж. Хаксли (Huxley 1976: 119).

нение точки зрения П. Кречмера по вопросу о соотношении двух топонимов Παρνασσός — в Фокиде и Малой Азии (греческий источник одноименного топонима в Бактриане ни у кого не вызывал сомнений). В 1940 г. П. Кречмер писал, что греческий топоним был перенесен из Малой Азии и что обратное, т. е. название топонима в Каппадокии по имени греческой горы, неправдоподобно (Kretschmer 1940: 251). А 12 лет спустя тот же П. Кречмер отмечал, что название города и горы в Каппадокии «может быть поздним, т. е. перенесенным из Эллады» (Kretschmer 1952–1953: 169).

Приведенные факты убедительно говорят о том, что базирующиеся на гипотезе Л. Палмера — А. Хойбека этимология догреч. Παρνασσός нуждается в пересмотре и, прежде всего, — в методике этимологического анализа. Наличие в хеттских памятниках письменности топонима Paḡnašša говорит о хетто-лувийском происхождении названия Παρνασσός не более чем засвидетельствованное в надписях из Киликии (Малая Азия) имя Μονωμερις (Zgusta 1965: 94) — о хетто-лувийском или киликийском происхождении имени известного английского фельдмаршала. Подобные совпадения — далеко не редкость (см. примеры: Откупщиков 1973: 17, прим. 25). Нельзя строить этимологию топонима на «Kling-Klang-Ähnlichkeiten» или на вычленении «основы» или «корня» с последующим его отысканием в заранее заданном языке.⁵ Что касается суффикса, то топонимы с суффиксом -ss- распространены на обширных пространствах от Атлантики до Средней Азии, и простое их коллекционирование — достаточно бесполезное занятие.

Объективным и методически оправданным представляется словообразовательный подход к этимологическому анализу топонимов (разумеется, с учетом также и иных аспектов исследования). Наличие одной и той же «основы» или одного и того же «суффикса», а иногда совпадение того и другого еще не говорит об общности происхождения топонимов. Ср. (в русской орфографии) *Кур-ск* и *Кур-а* («основа» *Кур-*), *Берл-ин* и *Талл-ин* («суффикс» *-ин*), г. *Мал-ин* в Бельгии и г. *Мал-ин* на Украине («основа» и «суффикс»). Примеры подобного рода бесчисленны.

---

⁵Ср., например, рус. *парт-* и суффикс *-ец*, что, учитывая двуглавую вершину Парнаса, легко «обосновать» семантически, а произношение догреческого -σσ- как -ts- (отсюда — варианты -σσ- и -тт- по греческим диалектам) «подтверждало» бы эту этимологию и фонетически. Примеров подобных «этимологий» можно привести множество на материале самых различных языков. Они свидетельствуют о том, с какой легкостью строятся корнеотсылочные этимологии типа Παρνασσός — к хет.-лув. paḡna- ‘дом’.

Иное дело, если к одной и той же топонимической «основе» (на первых этапах анализа — в кавычках) постоянно присоединяются одни и те же суффиксы: лат. Rom-ul-us — Rom-an-us, Sic-ul-us — Sic-ān-us, Tüsc-ul-um — Tüsc-ān-us и т. д. Особенно показательно, когда таким образом чередуются не два, а три-четыре и более суффиксов: Ὑβρα-λ-ος — Ὑβρα-ν-ος — Ὑβρα-μ-ος — Ὑβρα-σσ-ος (λ/ν/μ/σσ). Простая основа: ο-в Ὑβρος у берегов Фракии, суффиксальные образования представлены в карийской и ликийской ономастике. Правомерность приведенного сопоставления подтверждается не только ареалом, но и тем фактом, что производные с чередующимися суффиксами могут означать один и тот же топонимический объект или одно и то же лицо. Так, Ὑβρα-μ-ος = Ὑβρα-σσ-ος — эпитет Гермеса у фракийцев и карийцев, подобно тому, как Sic-ul-us = Sic-ān-us или — применительно к апеллятивной лексике — лат. dō-n-um = др.-гр. δῶ-ρ-ον.⁶

Топоним Παρνασσός на Балканах, в отличие от топонима в Малой Азии, имеет широкие фонетико-словообразовательные связи. Прежде всего, для догреческого субстрата типичным является изменение суффиксального -θ-ι-ός > -σσός, в то время как исконно греческие образования этого типа дают -θ-ι-ός > -θιος, фонетически ср. др.-гр. βυθός 'глубина' → *βυθ-ι-ός > βυσσός *idem* и *βύθ-ι-ός > βύθιος 'глубокий'; в топонимике: Κάναθος (источник в Арголиде) → *Καναθ-ι-ός > Κανασσός (топоним на Крите) (Faugé 1967: 58).⁷ По той же самой словообразовательной модели название горы в Аттике Πάρνης, Πάρνηθος (ср. также форму ἡ Πάρνηθος) образует производное *Παρνηθ-ι-ός > Παρνησσός 'Парнетский'. Поскольку основа Παρνηθ- аттическая, мы вправе реконструировать также *Παρναθ-ι-ός > Παρνασσός, причем Πάρνηθος : Πάρναθος (→ Παρνασσος) = Κάνηθος (сын Абанта) : Κάναθος (→ Κανασσός, см. выше).

Обращает на себя внимание связь догреческой ономастики с фракийским миром: Абант — мифический предок фракийского племени абантов, а в районе Парнаса в древности обитали фракийцы. Двойная трактовка α/η совпадает с подобным же колебанием в греческих передачах этнонима Θρακίης/Θρηκίης (хотя данное фонетическое явление

⁶Об индоевропейских чередованиях суффиксов типа лат. dō-n-um — др.-гр. δῶ-ρ-ον (ст.-сл. **ДА-Н-Ъ** — **ДА-Р-Ъ**), ст.-сл. **ПЪ-Н-ИИѦ** = **ПЪ-Т-ИИѦ** и т. п. см. в работах (Бенвенист 1955: 27–64; Specht 1947: passim; Откупщиков 1967: 17 и сл., 111, 156 и сл.).

⁷В связи с фонетической стороной вопроса см.: Chantraine 1933: 34. Применительно к Πάρνηθος → Παρνησσός см. также: Windekens 1952: 56 со ссылкой на П. Кречмера. Типологической аналогией фонетического изменения -θιος (и -τιος) > -σσος > может служить изменение tj > ss в венгерском языке (см.: Benkő 1975: 253).

широко представлено также и в диалектах древнегреческого языка). Неразрывно связано с фракийскими и мифологическое имя Παρνάσση (мать амазонки Синопы). Здесь также Σινώλη известно как фракийское имя, а Арес — бог или фракийского происхождения (ср. Hrdt., V, 7), или общий у фракийцев и у греков (Georgiev 1975: 21).

На Парнете, как и на Парнасе, находилось древнее святилище Аполлона, причем эпитет Парнетского Аполлона Παρνήθιος представляет собой греческий вариант догреческого *Παρνηθ-ι-ος > Παρνησσός. Важно отметить также полное совпадение между этнонимом в районе Парнаса — Παρνάσσιοι (St. B.) и Παρνάσσιοι = μεγάλοι (Suida) — в Аттике (в одном случае несомненно связь с Парнасом, в другом — с Парнетом); ср. также: Aristoph. Acharn, 348. В связи с этим, видимо, уместно будет вспомнить о древних вторжениях фракийцев в Фокиду (район Парнаса), Беотию, Аттику (район Парнета), на Эвбею и в другие области доисторической Греции (см.: Strab., 321, 445; Paus., I, 41, 8; St. B. s. v. — Ἀνθηδών и др.).⁸

Наличие в надписях параллельных личных имен Παρνάσσιος и Παρνάττιος (Fick 1894: 337) также говорит о местном балканском, а не об анатолийском происхождении топонима Παρνασσός, ибо форма с -тт- (как и у других догреческих образований на -σσός/-ττός) необъяснима при допущении заимствования из малоазийского -šš-.⁹ А в процессе палатализации *-t(h)ios > *-tsos > -σσός/-ττός промежуточная форма с -ts- хорошо объясняет оба рефлекса как результат разнонаправленной ассимиляции.

Древность топонима Παρνασσός подтверждается наличием имени ра-па-со в табличках линейного письма Б (Landau 1958: 95). Кроме того, в догреческом субстрате широко представлены имена собственные с двойным отражением индоевропейского слогаобразующего сонанта, в частности сонанта *ḡ: 1) *ḡ > -αρ- (греческий тип) и 2) *ḡ > -ур- («германский» тип). Это двойное отражение отчетливо выступает в случаях: Ἀλίχ-αρ-να и Ἀλίχ-ур-να, (Ἀλι)σ-άρ-να и Σ-ύρ-να, Μ-αρ-μησσός и Μ-ур-μισσός, Λ-αρ-νησσός и Λ-ур-νησσός, сюда же относится Π-αρ-νασσός (ра-па-со) и Π-ур-νασσός (ру-па-со).¹⁰ В последнем случае нераспро-

⁸Свидетельства античных писателей о фракийцах в центральной Греции см.: Casson 1926: 102–104, а также Откупщиков 1984b: 32–33.

⁹Применительно ко всем догреческим топонимам на -σσος/-ττος это возражение против гипотезы Л. Палмера — А. Хойбека выдвигали многие исследователи; см., напр.: Grossland 1971: 849.

¹⁰В связи с прочтением последнего примера см.: Ruijgh 1967: 176. О подобного рода двойных рефлексах слогаобразующих сонантов в табличках линейного письма А и Б

страненная ономастическая основа с той и другой огласовкой корня за-свидетельствована в Кари: Π-άρ-νος — карийское личное имя (далее сокращенно ЛИ) и Π-ύρ-νος — город в Кари.

Наконец, объективным показателем принадлежности топонима Παρνασσός к палеобалканской, а не к хетто-лувийской топонимической системе является тот факт, что он входит в сложный комплекс суффиксальных чередований. Еще Й. Хубер сопоставил догреч. Παρνασσός с апеллятивом πάρνοψ, πάρνοπος ‘саранча’ (Huber 1921: 12). Убедительным доказательством правомерности этого этимологического сопоставления служит эпитет Аполлона Παρνόπιος, который очень напоминает другой его эпитет — Σμίνθιος (или Σμινθεύς), восходящий к σμίνθος ‘мышь’. Бог Аполлон известен как бог — отвратитель бед и болезней, поэтому эпитеты Παρνόπιος и Σμίνθιος как ‘саранчовый (отвратитель)’ и ‘мышинный (отвратитель)’ соответствуют этой важной его функции. О тесной связи культа Аполлона с древним земледелием свидетельствует также и его эпитет Κόρυμβος (ср. χόρυμβος ‘ячменный хлеб’).

В словообразовательном плане πάρνοψ и Παρνόπιος относятся к Παρνασσός так же, как Κάρνωψ (ликийское личное имя) — к Καρνησό (πόλις) (город на Крите), как Κορόπη (город в Фессалии) — к Κορησσός (Лидия), как Χάροπος (мифологическое имя) — к Χαρασσό (Крит), Δρύοπες (этноним в районе Парнаса) — к Δρυησσός (фракийское личное имя) и др. Иначе говоря, перед нами не случайное сопоставление эпитета Аполлона Παρνόπιος с топонимом Παρνασσός, а констатация глубоких словообразовательных связей, типичных для догреческой ономастики.

Другое распространенное в догреческой Эгее и на Балканах чередование суффиксов — это чередование -μ-/-σσ-:

Πέργα-μ-ος (Фракия, Крит и др.)	—	Πέργα-σσ-ή (аттический дем)
Θάλα-μ-ος (личное имя)	—	Θάλα-σσ-ος (личное имя)
Θύα-μ-ος (Акарнания)	—	Θυη-σσ-ος (Кария)
*Τα-μ-ος (мифологическое имя)	—	*Τα-σσ-ός (Кария)
*Οργά-μ-η (Фракия)	—	*Οργη-σσ-ός (Македония).

Этот список можно было бы продолжить и далее. К нему, естественно, относится также и пара: Πάρνα-μ-ος (гора на Крите) (Faure 1967:

см.: Откупщиков 1983с: 147–148. Именно двойной рефлекс слогообразующего *η или *η̄ в случае τάφος/τύμβος явился одним из наиболее ярких аргументов В. И. Георгиева в пользу индоевропейского характера языка догреческого субстрата. Детальный разбор этого примера см. в кн.: Откупщиков 1988а: 21–22.

67) — Παρνα-σσ-ός (ср. также критское pa-pa-so). Надежность данного суффиксального чередования подтверждается приведенной выше синонимической парой: Τιβρα-μ-ος = Τιβρα-σσ-ος — эпитет Гермеса у фракийцев и карийцев.

В литературе топоним Παρνασσός уже сопоставлялся с названием горы на границе Лаконики и Арголиды: Πάρων, Πάρωνος (Huber 1921: 12). Чередование суффиксов -ων-ος: -α / -ησσός также представлено большим количеством примеров (образования на -ων-ος обычно приводятся в Gen. S.):

Πάρων-ων-ος	—	Παρνα-σσ-ός
Θάλ-ων-ος (личное имя)	—	Θάλα-σσ-ος (личное имя)
Λαμν-ων-ι (Крит) (Faure 1967: 61)	—	Λαμνα-σσ-ός (Крит)
Τάμ-ων-ος (Лидия)	—	Ταμα-σσ-ός (Крит) и др.

И здесь чередование ν-/σσ- подтверждается не только массой примеров, но и наличием параллельного названия одного и того же города с использованием обоих суффиксов: Τέλιμ-ν-α = Τέλιμ-σσ-α (Suida).

В настоящем очерке даны лишь выборочные примеры чередования суффиксов в эгейско-балканской и западноазиатской ономастике, не связанной с анатолийскими языками. На самом деле этих примеров гораздо больше. Одних только чередований -ν-/σ(σ)- насчитывается более двухсот, -μ-/σ(σ)- — более ста и т. д. Особенно показательны приведенные выше случаи, когда с помощью чередующихся суффиксов образуются параллельные названия одного и того же объекта. И это относится не только к собственным именам, но и к апеллятивной лексике. Например, чередование суффиксов -οτ и -ων- в случае Παρν-ότ-ιος и Παρν-ων можно сопоставить не только с двумя чередующимися формами древнего названия одного и того же о-ва Эгидны — Οἶν-οτ-ία и Οἶν-ών-η, но также с χαρ-οτ-ός (эпитет льва) и макед. χάρ-ων 'лев' (Solta 1974: 151). Показательно также, что в догреческой ономастике суффиксы чередуются не только попарно, ср.: Πάρν-ηθ-ος (Gen. S.) — Πάρν-ων — Παρνα-σσ-ός — Παρν-ότ-ιος и Κάν-ηθ-ος (сын Абанта) — Κάν-ων (личное имя) — Κανα-σσ-ός (топоним на Крите) — Καν-οτ-ις (киликийское личное имя), где у ономастических основ Παρν- и Καν- совершенно одинаково образуются производные с четырьмя разными суффиксами. Именно такие постоянно повторяющиеся чередования свидетельствуют о том, что мы имеем дело с единой ономастической системой, а не с набором случайных созвучий.¹¹ Что касается

¹¹С ономастикой совершенно иного — явно неэгейского — типа мы сталкиваемся в

этимологии догреческих имен на -σσ-, то они во многих случаях представляют собой производные с суффиксом *-i-os, образованные от названий растений и животных, основа которых оканчивается первичным суффиксом *-k-, реже — *-th- или *-t- (Откупщиков 1983b: 61–66). А в семантическом плане этимологическую связь с саранчой имеет не только Παρνασσός, но также и догреческий топоним в Северной Африке Μέμβρασα = Membressa (< *Μεμβραχ-ι-α, к μέμβραξ ‘вид цикады’),¹² а с мышью — топоним в КариИ Μύησσος (< *Μυαχ-ι-ος, к μύαξ ‘мышь’), но это уже не имеет непосредственного отношения к вопросу о происхождении догреч. Παρνασσός.

Анатолии. См., в частности, списки анатолийских личных имен в работе: Tischler 1982: 439–453.

¹²В связи с этим интересно отметить сообщение Геродота о том, что насамоны (этноним в Северной Африке) перемалывают высушенную саранчу и пьют ее с молоком (Hrdt., IV, 172).

Часть IV

VARIA

Ирл. BRÁN*

Ирландское brán ‘отруби’ имеет большое количество соответствий в кельтских и романских языках: валл. brap, гаэл. brap, брет. brepp; ст.-франц. bren и brap, прованс. и ст.-исп. bren, итал. диал. vrenne, brinpu — с тем же значением (Meyer-Lübke, 93). Кроме того, в английском языке имеется слово brap ‘отруби’, заимствованное из кельтского или французского языка.

Несмотря на большое количество соответствий, ирл. brán до сих пор не получило удовлетворительного этимологического истолкования. Конкретные пути заимствований этого слова в одних языках из других также четко не определены. По этому поводу были высказаны самые противоречивые мнения. Так, довольно широко распространено мнение о том, что англ. brap является кельтским заимствованием (см., например: Weekly, 192). Наряду с этим имеется и другая точка зрения, согласно которой англ. brap заимствовано из ст.-франц. bren, brap, а все те кельтские формы, которые обычно приводятся в качестве источника для англ. brap, являются всего лишь заимствованием из французского и английского языков.¹ Наконец, высказывалось даже мнение, что ирландское слово было заимствовано из английского, а бретонское является исконно кельтским (см.: Skeat, 71).

Следует заметить, что уже сама такая постановка вопроса в какой-то степени является схоластичной. Что перед нами — кельтское заимствование в романских языках или романское заимствование (непосредственное или через английский язык) в кельтских? Прежде чем ставить подобный вопрос, нужно выяснить, в каком из этих языков слово имеет более или менее приемлемую этимологию.

---

*Статья под названием «К этимологии ирландского brán» была опубликована в: Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1961. № 299. Сер. филол. наук. Вып. 59. С. 143–147.

¹Это предположение в довольно категорической форме выражено в большом Оксфордском словаре (Oxf. Dict., I, 1052). См. также: Shorter Oxf. Eng. Dict., 214.

Романские языки такой этимологии, видимо, дать не могут. Допустим даже, что ирл. *brán* действительно было заимствовано из англ. *bran*, а последнее — из французского *brer* или *bran*. Как же в этом случае объяснить этимологию французского слова? Обычно принято считать, что оно во французском языке заимствовано из бретонского (Holdhausen, 25). Таким образом, начав с кельтского (ирл. *brán*) — через английский и французский — мы опять возвращаемся к кельтскому (брет. *brepp*). Формы *brer*, *breppum*, *breppium* и *brann*, засвидетельствованные в средневековой латыни, уже в средние века рассматривались, по большей части, как кельтские заимствования (Glossarium... , I, 742). Этому же взгляду придерживаются и современные исследователи (Gamillscheg, 139). Следовательно, напрашивается вывод, что ирл. *brán* должно иметь кельтскую этимологию независимо от того, является ли это слово исконно ирландским или оно заимствовано из какого-нибудь другого (в конечном итоге — кельтского) языка.

Вопрос об этимологии ирл. *brán* осложняется еще тем обстоятельством, что в современном французском языке слово *bran*, наряду со значением 'отруби', может означать также 'грязь, экскременты'. Этому последнему значению совр. франц. *bran* в кельтских языках соответствуют: ирл. *brén*, брет. *brein* и валл. *braen* 'гнилой, вонючий', а также ирл. *breán*, валл. *braen* и гаэл. *breun*, которые в сложных словах имеют значение 'навоз' (Stokes 1894: 183). Это значение совр. франц. *bran* иногда рассматривается как первичное, а значение 'отруби' признается производным (Oxf. Dict., I, 1052).² Подобное предположение представляется маловероятным. Во-первых, в старофранцузском языке слово *brer* (*bran*) имело только значение 'отруби' (так же, как и соответствующие слова в средневековой латыни). Во-вторых, в кельтских языках для двух рассматриваемых значений франц. *bran* имеется два слова: ирл. *brán* и *brén* (*brean*), валл. *bràn* и *braen*, гаэл. *bran* и *breun*, брет. *brepp* и *brein*. Таким образом, можно предположить, что заимствованное из кельтского ст.-франц. *brer* (*bran*) или приобрело самостоятельно в рамках этого языка свое второе значение (которого, кстати, другие романские языки не имеют), или, что более вероятно, заимствованное из кельтского другое, близкое по звучанию слово во французском языке объединено с первым. Обратное заимствование здесь предположить очень трудно, так как вряд ли два значения одного и того же французского слова могли дать два разных слова в четырех различных кельтских языках.

---

²Правда, это предположение выдвинуто здесь в очень осторожной форме.

Трудно также предположить, что у земледельческого кельтского населения один из важнейших продуктов, идущих в пищу и на корм домашним животным (отруби), мог отождествляться с грязью и экскрементами. Это — типичная этимология горожанина, которая вряд ли имела место в реальной истории языка. Более вероятным является предположение о различном происхождении двух близких по звучанию кельтских слов.

Что касается ирл. *bḡén* и других кельтских слов с тем же примерно значением, то их уже давно сопоставляют с ирл. *braich*, *mraich* ‘солод’, лат. *marceō* ‘быть вялым, слабым’ и *marcidus* ‘увядший, сгнивший’, (*bḡén* < *mḡasno-) (Strachan 1894: 5, со ссылкой на Остгофа),³ а также с укр. *мороква* ‘болото, топь’ (Feist, 1939), лит. *miṛkti* ‘быть пропитанным’ (Льюис, Педерсен 1954: 71). Приведенные соответствия не дают достаточно четкого представления о возникновении ирл. *bḡén*, но никакого более ясного материала для этимологического истолкования этого слова в индоевропейских языках нет.

С этимологией ирл. *bḡán* ‘отруби’ дело обстоит еще хуже. Кроме весьма проблематичного предположения о связи этого слова с ирл. *bḡén*, никаких иных соображений на этот счет, насколько нам известно, в лингвистической литературе высказано не было. А между тем ирл. *bḡán* в этимологическом плане может быть сравнительно легко объяснено, если сопоставить его с некоторыми другими словами ирландского языка, оканчивающимися на *-án*, *-én*, *-ón*.

Так, ирл. *án* ‘быстрый’ восходит к *agno- (ср. лат. *agō*, др.-гр. ἄγω, др.-инд. *ájati* ‘гнать’) (Stokes 1903: 51). Восстановленную Стоком кельтскую форму можно сопоставить с лит. *agnūs* ‘быстрый, подвижный, сильный’, др.-инд. *ajigáḥ* ‘быстрый’, вульг. лат. *agīna* ‘поспешность’ (ср.: итал. *agīna* ‘поспешность’ ст.-исп. *ahīna* ‘быстрый’). Др.-ирл. *fén* ‘повозка’ восходит к *ceghno-.⁴ Ср. др.-инд. *váhati*, лат. *vehō* ‘везти’, ст.-сл. **ВОЗЪ**, др.-гр. (F)ἔχος и (F)όχος ‘повозка’ и др. Восстановленную кельтскую форму можно сопоставить с др.-в.-н. *wagan*, др.-исл. *vagn* ‘повозка’. Не останавливаясь на деталях, приведем еще ряд подобных же примеров: ирл. *brón* ‘горе, забота’ < *brugnos, ирл. *stán* ‘олово’ < *stagno- или из лат. *stannum*, ирл. *sén* ‘благословение’ из лат. *signum* или < *sekno-, ирл. *gén* ‘пядь’ < *regno- (Strachan

³Ирл. *braich* сюда, возможно, не относится.

⁴Эта этимология стала общепризнанной еще во времена Бругмана. Из последних работ, см., например: Porzig 1954: 120, со ссылкой на В. Пизани.

1894: 10–16).⁵ Огромное количество подобных примеров дает кельтская топонимика и патронимика: Broccán < Broccagnos, Artán < Artagnos и др. (Holder, I – III, примеры во всех томах). В ирландском языке *g* и некоторые другие смычные исчезали перед сонантами, удлиняя предшествующий гласный (Льюис, Педерсен 1954: 115). Именно это фонетическое изменение лежит в основе приведенных выше этимологических толкований.

Если предположить, что ирл. *brán* относится к подобной же категории слов, то оно может быть возведено к древнеиндоевропейской форме **bhragno-*, состоящей из глагольного корня **bhrag-* и суффикса от глагольного прилагательного **-no-*. В этом случае форма **bhragno-*, к которой мы возвели ирл. *brán*, будет целиком соответствовать формам **agno-* (> *án*), **ceghno-* (> *én*), **regno-* (> *ên*) и т. п., где также отчетливо выделяется глагольный корень и суффикс **-no-*. Корень **bhrag-* засвидетельствован в индоевропейских языках в двух формах — с *g* и без *g*: др.-инд. *gīgī-bhraj-* ‘прорывающийся с гор’ и *bhagnaḥ* ‘разбитый, сломанный’ (лат. *frāctus*); ирл. *combrugad* (= лат. *confringere*), *(t)airbrech* ‘грохот, треск’ и *-boing* = лат. *frangit*. Подавляющее большинство слов, образованных от этого корня в различных индоевропейских языках, восходит к форме **bhrag-*, а не **bhag-*. Образования с суффиксом **-no-* засвидетельствованы только в готск. *ga-brukano* и др.-инд. *bhagnaḥ* ‘разбитый, сломанный’.

Как показывает употребление латинского глагола *frangō*, корень *frag-* (кельт. *brag-*, др.-инд. **bhrag-*), наряду со значением ‘ломать, крушить, грохотать’, мог иметь также значение ‘дробить, толочь, молоть’. В мукомольном деле этот глагол обычно значил ‘молоть’. Так, Плиний Старший пишет, что греки *hordeum ... molis frangunt* ‘размалывают ячмень жерновами’ (Plin. Hist. Nat., 18, 72). В другом месте у того же Плиния говорится: *triticū grana molis frangunt* ‘размалывают жерновами зёрна пшеницы’ (Ibid., 18, 116; 18, 117). О близком значении соответствующего кельтского корня свидетельствует брет. *brae* ‘инструмент для трепания конопля’ (т. е. для очистки волокна от примесей).⁶

Приведенный материал позволяет предполагать, что ирл. *brán* < **bhragno-* первоначально имело значение, заимствованное из мукомольного дела, т. е. ‘растертое, размолотое (зерно)’. Позднее, когда от-

⁵ Там же приведены и другие примеры на **-ogn* > *-ón*, **-ign* > *-én*.

⁶ Ср.: Plin. Hist. Nat., 19, 5, где глагол *frango* употреблен при аналогичной обработке льна.

руби стали отделяться от чистой муки, это слово в кельтском стало означать не муку с отрубями (ср.: др.-англ. *branbred* = лат. *panis furfurius*) (Oxf. Dict., I, 1052), а просто 'отруби'.⁷

Подобное этимологическое истолкование ирл. *brán*, быть может, позволит сопоставить это слово со ст.-сл. **БРАШЬНО** и др.-рус. *брага*, а также с другими относящимися сюда словами.

Однако все эти сопоставления требуют особого их рассмотрения и они не меняют существа предложенной выше этимологии ирландского *brán*.

---

⁷ Можно также отметить, что совр. рус. *отруби* образовано от корня (ср. *рубить*), близкого по значению к латинскому *frangere*.

ΒΟΡΥΣΘΕΝΗΣ и БЕРЕЗИНА*

На первый взгляд кажется совершенно очевидным, что имя реки *Березина* не нуждается в каких-либо особых этимологических изысканиях. Связь с березой представляется абсолютно бесспорной. В отношении словообразования А. И. Соболевский сопоставлял *Березина* < *берёзина* ('березовая ветка') с *дубина* и *хворостина* (Соболевский 1910: 188). М. Фасмер, ссылаясь на А. И. Соболевского, пишет, что связь *Березины* с *березой* является «совершенно несомненной» («ganz zweifellos») (Vasmer, I, 77). В настоящее время эта этимология стала общепризнанной (Боднарский, 45). Уже давно было отвергнуто предположение о том, что *Березина* и о. *Березань* (расположенный напротив Днепровского лимана) являются славянским переводом названия острова *Бьёркё* — названия, якобы занесенного в славянские земли скандинавами. Против этого предположения говорит широкое распространение подобных наименований в славянской топонимике и гидронимике, а также и тот факт, что большинство исследователей самое название острова *Бьёркё* не связывает с 'березой' (Тиандер 1910: 265). Если не считать попыток объяснить происхождение слова *Березина* с позиций «палеонтологического анализа» (Марр 1926: 43; Рыдзевская 1947: 82, 85—87),¹ то можно сказать, что никаких иных

---

* Статья под названием «Из древней гидронимии (реки *Березина* и *Борисфен*)» была опубликована в: *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1974. Т. 24 (1—4). P. 277—292.

¹ Согласно Марру, *Березань* — результат этнического сокращения *бер-йон*; Е. А. Рыдзевская видит в первом элементе значение 'волк', во втором — 'река' (*Березань* и *Березина* рассматриваются как названия общего происхождения).

объяснений происхождения этого слова предложено не было.

Следует признать, что принятая в настоящее время этимология гидронима *Березина* является весьма правдоподобной. Однако история топонимических исследований знает немало таких случаев, когда объяснение, представляющееся очевидным, на деле оказывается неверным. Так, название поселка *Соломенное* (близ Петрозаводска) происходит не от слова *солома*, а от диалектного *соломя* 'пролив, залив' (Серебренников 1959: 41). Подобные случаи отнюдь не являются каким-то редким исключением.

Что касается слова *Березина*, то традиционную его этимологию, во-первых, трудно увязать с местом ударения в этом слове. Достаточно просмотреть перечень существительных на *-инá*, чтобы убедиться в этом: *слабина, глубина, седина, свежина, узина, круглина, целина, светлина, прямина, новина, толщина, старина, пестрина, ширина, быстрина, косина, величина, тишина, старшина, ветчина, вышина, гущина*. Легко заметить, что почти все существительные на *-инá* образованы от прилагательных. Исключением является лишь *ветчина*, образованное от глагола *ветчить*.² Среди слов на *-инá* нет ни одного надежного примера образований от имени существительного. В этом плане слово *Березинá*, в случае принятия его традиционной этимологии, явилось бы единственным исключением. Легко также заметить, что существительные, оканчивающиеся на *-йна* или *-ина*, образованы от глаголов или (чаще) от существительных: *дубина, лозина, хворостина, долина, кусина; ивина, сливина, сугробина, рыбина, родина, ссадина, берёзина, соломина, липина* и др. Здесь, напротив, нет ни одного надежного примера образований от прилагательного. Столь четкое распределение образований на *-инá* — с одной стороны, на *-йна*, *-ина* — с другой, заставляет усомниться в правильности возведения речного имени *Березинá* к существительному *береза*. Подобное образование дало бы слово **Берёзина* (или **Берёзина*), а не *Березинá*. Правда, русская ономастика дает нам такие примеры, как *Бородинá, Соснинá, Головинá* и т. п. Однако все эти имена восходят к существительным, имеющим ударение на последнем слоге (*бородá, соснá, головá*).³

Разумеется, одно лишь необычное место ударения не может слу-

²Примеры даны по словарю: Biefeldt. В список не включены лишь двухсловные слова *вина, спина, длина*, редкое слово *давнина* и этимологически неясные слова *бузина* и *дербина* (от *дербить*?).

³Фамилия *Березина*, видимо, образовалась на базе топонимического названия (река *Березина*, село *Березино*).

жить решающим аргументом против связи речного имени *Березина* с берёзой. Названия рек, деревень, оврагов и т. п., образованные от слова *береза*, широко распространены в славянской топонимике. Так, в гидронимике Украины засвидетельствованы: *Береза, Березівка (Березовка — 6 речек), Березова, Березовá, (Березовая)* (Каталог річок України). В одном только бассейне Дона насчитывается более 10 речек с именами *Березовая, Березовец, Березовка* (Маштаков 1934).⁴ Однако, если исключить *Березину*, то и эти, и другие речные имена, образованные от названий деревьев, как правило, не имеют суффикса *-инá*. Так, в «Каталоге рек Украины» перечисляются: *Дуба, Дубівка, Дубова, Дубовець, Дубовик, Осинівка, Осиновата, Орхівка, Орхова* (5 рек), *Ольхівка, Ольхова* (2 реки), *Ольховатка, Ольховець, Топольниця, Ясенець, Ясениця, Липа, Липовець, Лип'янка, Грушівка, Грушова, Грушовата*. Нет рек **Осининá, *Ольхинá, *Липинá, *Грушинá* и т. п. Сюда же можно добавить примеры из бассейна Дона: *Вербовка, Вязовая, Вязоватка, Вязовка, Ивица, Калиновка, Сосна, Сосновка, Сосенка, Черемухова, Черемушка, Черемушная* (Маштаков 1934). Опять-таки и в бассейне Дона мы не найдем названий типа **Вербинá, *Ивинá, *Черемухинá*. Следовательно, рассмотрение гидронимических названий, образованных от наименований деревьев, также выявляет полную изолированность названия *Березинá*.

Наконец, для Березины и ее бассейна берёза отнюдь не является характерным и типичным представителем местной флоры. Так, в Полесье (нижнее течение р. Березины) 60% всего лесного массива занимает сосна, причем и среди лиственных деревьев доля берёзы весьма незначительна (см.: БСЭ, XV, Полесье, Европа, 398–399). Еще труднее объяснить названия типа *Березина* и *Березань*, встречающиеся в степной полосе и в Причерноморье.⁵

Каждый из приведенных аргументов, взятый в отдельности, не опровергает возможной связи *Березина* ← *береза*. Но все эти доводы, взятые вместе, по крайней мере, говорят о том, что признанная «очевидной» этимология слова *Березина* нуждается в серьезных доказательствах. Поиски подобных доказательств не являются задачей настоящей статьи. Напротив, приведенные выше возражения должны послужить отправным пунктом для того, чтобы попытаться дать новое

⁴Примеры выбраны из разных мест книги.

⁵Разумеется, 1500–2000 лет тому назад растительный покров бассейна Березины мог значительно отличаться от современного. Однако сторонникам этимологии *Березина* — *береза* следует еще доказать, что в древности береза была шире распространена в бассейне *Березины*.

этимологическое истолкование имени реки *Березины*.⁶

Вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что *-инá* в слове *Березинá* является суффиксальной частью. Выше уже говорилось о том, что существительные на *-инá* в русском языке образуются, как правило, от прилагательных. Эта особенность не является русским новообразованием. Такие слова, как *глубина*, *быстрина* и т. д., засвидетельствованы в самых древнейших памятниках славянской письменности, а ударение на последнем слоге у этих (первоначально — абстрактных) образований на *-инá* подтверждается данными болгарского и сербского языков (Брандт 1880: 292–293; Булаховский 1926: 333). Следовательно, можно предположить, что слово *Березина* было образовано от прилагательного. Этим прилагательным, как нам кажется, является слово *bŭrziŭ ‘быстрый’.

Широкое распространение в гидронимике славянских стран названий, образованных от корня *быстр-*, является общеизвестным. В «Каталоге рек Украины» перечисляется 12 таких названий. Хорошо известны такие крупные реки, как *Быстрица* — приток р. Вятки и *Быстрица* — приток р. Сирет (Румыния). В топонимике западной и северной Польши 24 названия с корнем *Bystr-* (в том числе 6 рек и речек) (Rospond, I, 3, 1), 23 таких же названия насчитывается в Чехословакии (Proffous 1947: I, 229–230). Количество подобных примеров можно было бы значительно увеличить. Они говорят о том, что названия рек от прилагательных со значением ‘быстрый’ — явление, распространенное чрезвычайно широко.⁷ Прилагательные *быстрый* и *борзой* в современном русском языке довольно далеко отошли друг от друга по своему значению. Иначе обстояло дело в древнерусском языке, где оба прилагательных были очень близки по значению и могли образовывать параллельно производные слова *bystryi — bŭrziyi*, *bystrina — bŭrzina*, *bystrostŭ — bŭrsostŭ*, *bystro — bŭrzo* (ср. также *быстрина — быстрота* в современном русском и *бързина — бързота* в современном болгарском языке). Слова *bystrina* и *bŭrzina* стали обозначать место на реке, где быстро течет вода. Первое слово (*быстрина*) до сих пор сохранилось в русском языке, второе (*бързина*) — в болгарском. Самый корень *bŭrz-* хорошо сохранился в славянских языках: болг.

⁶*Березина* — имя одной из речек в бассейне Днестра (см. Маштаков 1917: 20). Речка *Березань* впадает в Днепровский лиман. Недалеко от устья Днепра расположен о. *Березань*, имя которого обычно никто не связывает с березой см.: Белецкий 1950: 171–172.

⁷«*Быстрица* е старинно славянско речно име» (Георгиев 1960: 57). — Перечень славянских рек с наименованием *Bistrica* и относящаяся к данному вопросу литература приведены в кн.: Bezlay 1956: 62–64.

бърже 'скоро, быстро', *бръз* и *бърз* 'скорый, быстрый'; блр. и укр. *борзо* 'быстро'; укр. *борзий* 'быстрый'; с.-хрв. *бръз* 'быстрый, скорый', *бръзо* 'быстро, скоро', *бръзина* 'быстрота, скорость', *бръзити* 'погонять, торопить', *бръзати* 'спешить'; пол. *bardzo* 'очень, весьма'; чеш. *brzký* 'быстрый, скорый', *brzo* 'скоро, вскоре' и т. п. Значительная часть слов, образованных в славянских языках от корня *bŭrz-*, неразрывно связана с рекой, с водой; болг. *бързей* 'стремнина, порог, горный поток' (слово часто встречается в географических названиях Болгарии), *бръзел* 'быстрина, стрежень, порог'; *бързина* 'быстрина'; укр. *борзина* 'быстрина'; с.-хрв. *бръџца* 'горный ручей', *бръџак* 'быстрина, стремнина' и др. (Dančić, I; Младеновъ).

Наконец, что особенно важно, от корня *bŭrz-* в славянских языках с помощью суффикса *-ina* часто образуются названия рек и населенных пунктов. Так, в Болгарии имеется речка *Бръзина* и село того же названия (Попов 1960: 555–556). В Чехословакии есть речка и местечко *Brzina* (Profous 1947: I, 192–193). Там же имеется еще 4 населенных пункта, названия которых восходят к прилагательному *brzý* 'быстрый' (Ibid.: 191–193).⁸ Приведенные примеры дают нам основание предполагать, что и название реки Березины имело подобное же происхождение.

Остановимся на фонетической стороне вопроса. Корень *bŭrz-* сохранился в русском языке в форме *борз-*. Казалось бы, название реки, образованное от этого корня, должно было иметь форму *Борзина (ср. болг. *Бързина*). Однако хорошо известно, что в области топонимики наименования «часто отклоняются от фонетического развития и преобразуют свои звуки способом, отличным от местной нормы» (Пизани 1956: 93). Правда, это отклонение также требует какого-то объяснения, которое, впрочем, напрашивается в данном случае само собой.

Древнейшие старославянские памятники (такие, как Зографское евангелие и Саввина книга) показывают, что еще до падения «еров» и до превращения *ŭ* и *ŷ* в *o* и *e* огласовка слога с *ŷ* или *ŷ* часто зависела от характера последующего слога. В Саввиной книге перед мягким слогом мы обычно встречаем *ŷ* даже там, где этимологически закономерным было бы *ŷ*. Так, например, вместо *vŷrŷlŷ* мы находим *virŷlŷ* (ср.-болг. *вепль*) (Щепкин 1899: 218, 186–192; Кульбакин 1915: 28–29). В Зографском евангелии образованиями такого же типа являются: *bŷdŷti*, *zŷlŷe*, *vŷnŷe*, *dŷvŷe* (обычно *ŷ* > *ŷ* после согласных *b*, *v*,

⁸Перечень сербо-хорватских гидронимов, образованных на корне *brz-* 'быстрый', приведен в словаре Даничица (Dančić, 694–697).

d, z — перед мягким согласным последующего слога).⁹ Указанное изменение не является особенностью только данных двух памятников, о чем свидетельствуют, например, формы **ОТЪРЪВАТИ** и **ОТЪРЪВЕНА** в Супральской рукописи (133, 12). Следовательно, для слова *Березина* мы можем предположить следующее изменение: *bŕzina (или *b^ũr^ĩzina) > (Umlaut) > bŕzina (или b^ĩr^ĩzina) > (метатеза) > *brēzina > (полногласие) > *Березина*.¹⁰ Возможность подобного изменения, в какой-то мере, могут подтвердить различные варианты слова *бревно* в древнерусском языке brŕvŕno — bŕvŕno — brŕvŕno — brēvŕno — beŕvŕno¹¹ — brēvŕno — beŕevno (Срезневский, I).¹² Кроме того, в словаре Ф. Миклошича для самого слова brŕzina засвидетельствована также умлаутная форма с гласным переднего ряда bŕzina (Miklosich², 45).¹³ Все эти факты свидетельствуют, видимо, о том, что предложенная выше этимология слова *Березина* является приемлемой с фонетической точки зрения.

Предполагаемая нами связь наименования реки *Березины* с корнем bŕgz- позволяет объяснить подобным же образом некоторые другие славянские речные имена. Так, речка в бассейне Днепра (недалеко от Киева) — *Березайка* (Середонин 1916: 116) и приток р. Мсты с тем же именем (в древности — *Березай*) имеют необычный для отыменных образований суффикс *-ай*. Между тем, болг. бѣрзѣй ‘стремнина, порог, горный поток’¹⁴ и ст.-сл. **БРЪЖА** и ‘течение’ могут пролить некоторый свет на происхождение речных имен *Березай* и *Березайка*.¹⁵ Возможно, что с корнем bŕgz- следует связывать и довольно широко рас-

⁹ Ср. обратное изменение ĭ > ŷ — опять-таки в зависимости от характера последующего слога: bŕrati, dŕrati, tŕra, vŕdova, rŕrati (Кульбакин 1915: 31). Старославянские примеры даны в орфографии С. Кульбакина. О двойных рефлексах и.-е. *ŕ в славянских языках и о колебаниях между ĭr, ŷr, и ĭ, ŷ см. также: (Бернштейн 1961: 268–270 и др.). Одно из возможных объяснений подобного расхождения и появления метатезных форм можно свести к реконструкции: и.-е. *ŕ > *ŕ^ũ (ср.: *ŕ > эгэ в Авесте) > ŷr и ĭr.

¹⁰ Форма с полногласием от корня bŕgz- засвидетельствована в Ипатьевской летописи 3946 (1172 г.): *бороздо* вм. *борзо*.

¹¹ Форма beŕvŕno приводится по кн.: Шахматов 1915: 248.

¹² Правда, здесь, возможно, отдельные варианты объясняются не явлением умлаута, а поздним смешением ŷ и ĭ в период начавшегося падения еров.

¹³ Ср. также словенские гидронимы Berz — Berza (Stanislav 1948: I, 570; II, 48, 71–72). Умлаутная форма **БРЪЗО** засвидетельствована также в Супральской рукописи (125, 25).

¹⁴ Ср. также хорватский гидроним Brzaja (Bezljaj 1956: 93) и название правого притока р. Огоста — *Бързия* (Маринов 1958: II, 44–45).

¹⁵ Кстати наименование с суффиксом *-ка*, образованное от *берѣза*, дало бы *Березка, а не *Березайка*.

пространенные (в частности, в среднем и верхнем течении Днепра) наименования *Березна* и *Березно*, а также *Березань*. Огласовка корня у первых двух слов явилась результатом воздействия (позднее исчезнувшего) *i* суффикса *-па*. Когда же к корню *bǫrz-* присоединялся суффикс *-па* (без гласного *i*), корень сохранял свою первоначальную огласовку: р. *Борзна* — приток Десны (там же — в бассейне Десны — город того же названия).

Фонетические изменения (*ǫ > ǐ*), происшедшие в слове *Березина* под воздействием суффиксального *i*, отделили его от других слов, образованных от корня *bǫrz-*. Кроме того, самое слово *борзой* почти исчезло из русского, белорусского и украинского языка. В русском языке оно уже не имеет всеобъемлющего значения 'быстрый', сохранившись, в основном, лишь в сочетании *борзый конь* (в настоящее время — устарело) и *борзая собака*. Все это содействовало, видимо, тому, что народная этимология стала связывать слово *Березина* и другие подобные образования со словом *берёза*. Следы такого вмешательства народной этимологии надежно засвидетельствованы. Так, впервые упомянутый в Ипатьевской летописи под 1152 г. *Березый* позднее превращается в *Березовый*. Левый приток Сожи в Семитопографической карте Смоленской губернии (1812 г.) и на карте Оппермана (1820-е годы) называется *Березна*, позднейшие карты дают уже иное — более понятное — название: *Березовка* (Маштаков 1918: 107).¹⁶ Именно подобным воздействием народной этимологии, по-видимому, следует в отдельных случаях объяснять широкое распространение в русской топонимике наименований, связанных с берёзой — даже там, где это дерево почти или совсем не встречается.

Против предложенной нами этимологии: *Березина* < *Bǫrǐzina можно выдвинуть весьма существенное, казалось бы, возражение: Березина не относится к числу рек с быстрым течением. Однако это возражение не может служить аргументом против связи имени *Березина* с корнем *bǫrz-*. Во-первых, течение рек не является постоянным на всем их протяжении. Так, скорость течения Днепра колеблется от 0,644 до 2,303 фута в секунду (скорость течения Березины не превышает 1—1,5 фута в секунду) (Максимов 1901: I, 169, 333). На всякой большой реке имеются глубокие места со спокойным течением и мелкие места с быстрым течением, с быстринами. Именно по одной из таких быстрин Бе-

¹⁶ Река *Березина* в просторечии также называется иногда *Береза* (Максимов 1901: 331). Свидетельство Н. И. Максимова подтверждается также картой 1699 г., составленной для Петра I, где *Березина* обозначена как *Beroza*.

резина и могла получить свое имя.¹⁷ Затем. Эпитет *быстрый* в применении к реке, как это видно из многочисленных народных песен и сказок, является постоянным эпитетом. *Быстрая речка* или *быстра реченька* — столь же устоявшееся сочетание слов, как и *красна девица*, *добрый молодец*, *белы рученьки*, *крутой бережок* и т. п. В народных песнях и сказках речка, как правило, *бежит* — даже в тех случаях, когда ее течение заведомо не является быстрым.¹⁸ Характерно, что и употребляющийся в современном русском языке глагол *течет* первоначально имел значение ‘бежит’, и от одного с ним корня было образовано слово *течение*. Все это дает нам основание предполагать, что и название *Березины* могло возникнуть вне связи с реальной быстротой ее течения. Тем более, что и самое слово *bŭrzina* в старославянском и древнерусском языке, наряду со значением ‘быстрина’, могло означать также: ‘течение, fluentum, ῥεῦμα’.¹⁹

*   *
*
*

Предлагаемая нами этимология *Березины* позволяет поставить вопрос о связи этого имени с древним наименованием Днепра — *Воруσθένης*. Впервые эти два имени пытался связать между собой С. Герберштейн — немецкий дипломат, путешественник и географ XVI в. Герберштейн выдвинул в пользу своего сопоставления три аргумента: 1) Птолемей помещает истоки Борисфена в верховьях Березины; 2) Березина у Борисова шире, чем Днепр у Смоленска; 3) созвучие имен *Березина* и *Воруσθένης* (Herberstein 1571: 105a и 142b; имеется русский перевод: Герберштейн 1908). В более позднее время это предположение Герберштейна поддержали географ Эгли и лингвист Миккола. Эгли писал, что *Воруσθένης* — это эллинизированная форма имени *Березина*, которое затем было перенесено с Днепра на один из его притоков (Egli 1893: 152). Миккола приводит сопоставление Березина — *Воруσθένης* наряду с небольшим числом примеров, в кото-

¹⁷ Sl. GKP, I, 145, где дается следующая характеристика Березины: «В., gdyjest w stanie normalnym, bieży powolnie... , ale podczas wylewów płynie bystro unosząc co napotyka». Следовательно, быстрота течения во время половодья также могла явиться причиной наименования Березины.

¹⁸ В одной из русских народных песен имеются строки: «Ой ты нам батюшка, тихий Дон!» И далее: «И бросил он ее в Дон во *быструю реку*» (Zilynsky 1960: 83).

¹⁹ См. словари Миклошича и Срезневского. Ср. литовское речное имя *Sėrmas* < и.-е. *sermos (др.-инд. sāṛmaḥ ‘течение, поток’); река в Болгарии *Ширине* < румын. șirai ‘поток, ручей’ (Георгиев 1959: 354–355).

рых славянскому *z* соответствует литовское *st*.²⁰ Никаких аргументов в пользу этого сопоставления ни Эгли, ни Миккола не приводят. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Фасмер категорически возражает против сопоставления *Березины* и *Борисфена*, ссылаясь на то, что древние не имели точного представления о среднем и верхнем течении Днепра (I, 77). Вот, собственно, всё *pro et contra*, высказанные относительно возможности сопоставления наименований *Березины* и *Борисфена*. Нужно сказать, что доводы и той, и другой стороны трудно признать достаточно убедительными. Попытаемся рассмотреть подробнее этот вопрос.

В топонимической литературе в настоящее время считается довольно твердо установленным, что древнее название Днепра — *Ворусθένης* является эллинизированной формой скифского (т. е. иранского) имени. Эта точка зрения наиболее четко была сформулирована и аргументирована А. И. Соболевским и М. Фасмером, хотя высказана она была значительно раньше. А. И. Соболевский считает, что созвучие имени *Березина* с *Ворусθένης* — «только кажущееся» (Соболевский 1910: 188). В качестве исходного пункта при анализе происхождения древнегреческого наименования Днепра Соболевский принимает следующее положение: «Славяне нигде в тех местах, где теперь живут, — не автохтоны; на пространстве от Дуная и Эльбы до Волги они заняли территорию другого народа и вместе с нею получили от этого народа названия рек, озер, гор и т. п. . . . » — отчасти в переводе, но главным образом — в их древнем виде (Соболевский 1921: 1). Отправляясь от этой неверной посылки, давно опровергнутой данными археологических исследований, Соболевский предполагает, что вся древняя топонимика Северного Причерноморья должна быть объяснена материалом иранского (скифского) языка. И до Соболевского, и после него *Ворусθένης* обычно объясняли (с незначительными вариациями) как иран. *varu-stāna* ‘широкое место’ (Kiepert 1878: 340; Müllenhoff 1892: 122; Marquart 1903: 33, 190; Vasmer 1923: 65–66; Абаев 1949: 183 и 187). В пользу этого толкования, согласно Фасмеру, говорит наличие в нижнем течении Днепра места, называющегося *Великий Луг*, а также засвидетельствованное у Иордана гуннское наименование Днепра *Var*²¹ и печенежское его имя *Βαρούχ*, упоминаемое Константином Багрянородным (Const. Porph. De adm. imper, 38). Рассмотрим приведен-

²⁰Миккола в рецензии на сравнительную грамматику славянских языков В. Вондрака: (Mikkola 1908: 14).

²¹Iord. Get. LII (269): Danabri amnis fluente . . . , quam lingua sua Hunni Var appellant.

ные аргументы. Прежде всего, среди тех, кто считает *Борисфен* словом иранского происхождения, нет единства мнения относительно его этимологии. Так, К. Мюлленгоф, видимо, не очень дорожит приведенной выше этимологией, ибо, сославшись на нее, он сразу же в примечании предлагает другое толкование этого слова. Ф. Браун вообще отвергает этимологию, связанную с *varu-stāpa*, предлагая иное объяснение: иран. *varu-stēna* (авест. *var* ‘резать, сверлить’ и корень *sti-* ‘толкаться, стремиться’, связанный с греч. *στενός* ‘узкий’) (Браун 1899: 80, прим. 1), означающее, по-видимому, ‘прорывающийся сквозь теснины (пороги)’. В других работах приводятся и иные сопоставления с иранскими словами. Нам кажется, что, опираясь на объемистый «Altiranisches Wörterbuch» Хр. Бартоломе и на словари современных иранских языков, можно без особого труда дать не один десяток различных этимологических толкований слова *Борисфен*. И все они будут не менее убедительны, чем *varu-stāpa* ‘широкое место’. Для доказательства этой последней этимологии следовало бы найти какие-то следы иранских слов *varu* и *stāpa* в причерноморской гидронимике, а также найти среди многочисленных рек, носящих иранские наименования, хотя бы одну-две реки с подобным же именем. Единственным примером для корня *varu* является встречающееся у Птолемея *Οὐαρδάνης* (Кубань) ← иран. *varu-dānu* ‘широкая река’. Но как раз этот пример и говорит против этимологии *Βορουσθένης* = *varu-stāna*, ибо в скифских именах и географических названиях начальное иранское *v-* обычно передается греческим *οὐ-*, а не *β-*: *Οὐάρας*, *Οὐανουνόβαρος*, *Οὐαράζαχος*, *Οὐαργάδαχος* и др. В то же время греч. *β-* обычно передает иран. *b-* и лишь очень редко — *v-* (Vasmer 1923: 35–36, 46). В греческой передаче иранского наименования Кубани скифскому *a* соответствует греч. *α* (*var-* : *Οὐαρ-*), в греческой передаче имени Днепра мы имеем *Βορ-*. Вызывает возражения и вторая половина «скифского» наименования Днепра: иран. *hu-stāpa* ‘хорошо сложенный, стройный’ передается по-гречески как *Οὐστανος*, а не **Οὐσθένης*. Следовательно, иранское *varu-stāpa* в греческой передаче должно было бы иметь форму **Οὐαρ(υ)στανος*, а не *Βορουσθένης*.²² Засвидетельствованное у Иордана и Константина Ба-

²² Вообще, против сопоставления *varu-stāna* — *Βορουσθένης* говорит следующее: 1) в скифских именах иран. *ā* никогда не передается посредством др.-гр. *ε*, а иран. *a* — посредством *η* (странный пример передачи долгого гласного кратким, а краткого — долгим!); 2) иран. *u*, как правило, передается др.-гр. *ου*, а не *υ*; 3) передача иран. *v* — др.-гр. *β* стала возможной лишь в то позднее время, когда *β* стало произноситься как спирант. См. в связи с этим: Zgusta 1955: 209–229. В период предполагаемого заимствования скифского имени Днепра иран. *v-* могло быть передано только посредством *ου* или (реже) *υ*, *ο*.

грянородного гуннского и печенежское имя *Борисфёна* Var и Βαροῦχ также не доказывает его иранского происхождения. Ни гунны, ни печенеги, как известно, не были носителями иранского языка. Поэтому оба приведенных имени могли или отражать более древнее греческое название Βορυσθένης, или быть независимыми от него наименованиями. Кроме того, никто не может точно сказать, какую именно реку печенеги называли Βαροῦχ: у Константина Багрянородного об этом ничего не говорится (Грот 1881: 254, 258–260). Что же касается гуннского Var, то это имя не имело ничего общего ни с др.-гр. Βορυσθένης, ни тем более с иран. varu-stāna. Феофилакт Симокатта (VI в. н. э.) называет племена, вторгнувшиеся с востока в Северное Причерноморье, Οὐάρ καὶ Χουυμί. Наименования племен и географических пунктов Var встречается у гуннов еще до их вторжения в причерноморские степи. Это название засвидетельствовано в китайских, арабских и армянских источниках, оно было отражено в древней топонимике северного Афганистана и других восточных областей.²³ Следовательно, корень var- был широко распространен в ономастике гуннов и не имел никакого отношения к скифскому varu-.

Наконец, иранские племена, действительно, оставившие заметный след в топонимике Северного Причерноморья, дали, по-видимому, имена таким рекам, как *Дон*, *Днепр* (Danaper), *Днестр* (Danaster), а возможно — и *Дунай* (Danuvius), в которых можно выделить иранский элемент dānu ‘река’.²⁴ Таким образом, иранское имя *Днепр* (Danaper) вытеснило более древнее наименование этой реки Βορυσθένης, которое вряд ли, как нам кажется, тоже было иранским.

То, что А. И. Соболевский в начале своих «Русско-скифских этюдов» писал о славянах, можно с полным основанием сказать о самих скифах-иранцах: они не были автохтонами в Северном Причерноморье. Вторгнувшись сюда с Иранского плоскогорья, кочевые скифские племена где-то на границе леса и степи (среднее и нижнее течение Днепра) прекратили свое дальнейшее продвижение на север и запад. Археологические данные говорят о том, что еще во II тыс. до н. э. между Карпатами и Балтийским морем от Одера до Днепра, по-видимому, жили предки славян. На этой же территории и, в частности, в бассейне Днепра в I тыс. до н. э. жили раннеславянские пле-

²³Haussig 1953: 283–285 (греческий текст источника, в котором слова Οὐάρ καὶ Χουυμί встречаются несколько раз: 278, 304, 326–327, 345–347). См. также: Altheim 1959: 85 и 365.

²⁴Абаев 1949: 162 (объяснение, выдвинутое еще Кречмером).

мена (Третьяков 1953: 45, 83–86). Уже давно (со времени появления работ П. Шафарика) было высказано предположение, что невры Геродота — это древние славяне. Многие археологи (М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков, Б. Н. Граков и др.) считают, что к славянским племенам можно также отнести часть скифов-пахарей и скифов-земледельцев Геродота (Третьяков 1953: 61; Граков, Мелюкова 1953: 126). В бассейне Припяти и в Черниговской области много рек, озер и болот носят славянские названия, отличающиеся исключительной древностью (Середонин 1916: 115–117). Ранние славянские племена играли видную роль в жизни Северного Причерноморья, поставляя через скифов (и наряду со скифами) хлеб в греческие приморские города (Третьяков 1953: 63). Можно поэтому предположить, что и древнее название Днепра — Βορυσθένης — пришло к грекам от славян, но не непосредственно, а через скифов, которые переняли это имя у автохтонов-праславян еще до основания первых греческих колоний на северном побережье Понта. Греческое название Днепра Βορυσθένης, нам кажется, восходит к древнеславянскому имени этой реки, которое сохранилось (разумеется, в измененном виде) в современном названии реки *Березины*. Постараемся обосновать эту гипотезу, высказанную в качестве интересной догадки еще С. Герберштейном.

Геродот (IV, 53), Страбон (II, 4, 6) и Мела (II, 6) не знают истоков Борисфена. Позднейшие авторы упорно повторяют, что эти истоки находятся в области невров: Neuroe apud quos Borysthenes (oritur) (Plin. Nat. Hist., IV, 88); apud Neuros nascitur Borysthenes flumen (Solinus 15, I); Borysthenes a montibus oriens Nerviorum (Amm. Marc., XXII, 40) и др. Невры — это славянское племя, жившее во время Геродота в бассейне Припяти, а затем переселившееся далее на север. Причем уже у самого Геродота сохранились какие-то смутные отзвуки начавшихся переселений этого племени. В прошлом веке И. Е. Забелин сопоставил сообщение Геродота о способности невров превращаться в волков с особенно широким распространением подобных легенд у белорусов и литовцев (Третьяков 1953: 62; Удальцов 1947: 6). Как показывают археологические данные, в I тыс. до н. э. в бассейне реки Березины проходила граница между славянскими и лето-литовскими племенами (Третьяков 1953: 83–86, 92). В III — X вв. н. э. примерно по Березине проходила граница между славянскими племенами — кривичами и дреговичами (там же: 219, карта). Таким образом, указания античных авторов относительно истоков Борисфена ведут нас в древние славянские земли — в бассейн Припяти и Березины.

Вероятно, уже в доисторические времена истоки Березины считались подлинными истоками Днепра. Подобное смещение истоков — обычное явление даже в наши дни. Так, в различных книгах и справочниках по географии, вышедших в 50-е годы XX в., длина Енисея определяется с разницей более чем в 2500 (!) км — что зависит от пункта, который авторы этих книг принимают за истинные истоки Енисея (Никонов 1955: 71). Предполагаемое нами в древности смещение истоков Днепра и Березины — не гипотеза, а достаточно хорошо документированный факт. Еще С. Герберштейн (1908), сопоставляя имена *Березины* и *Борисфена*, ссылался на карту Птолемея. На этой карте истоки Борисфена действительно указаны под 53° северной широты — несколько западнее истоков Березины, совсем далеко от истинных истоков Днепра. То, что Птолемей истоки Борисфена помещает в верховьях Березины, направляя их на северо-запад, а не на северо-восток, отмечают все исследователи (см.: Кулаковский 1899: 28). Описания самих истоков Борисфена, встречающиеся у древних авторов, также скорее напоминают болотистые верховья Березины (или Припяти), чем истоки Днепра: *primigeniis fontibus copiosus* ('изобилующий первоначальными истоками' — *Ann. Marc.*, XXII, 40); *ortus grande palude* ('начинающийся из огромного болота' — *Iord. Get.* V (46)). Позднее (XII в. н. э.) от озера *Тегми* выводит истоки Днепра арабский географ Идриси (*Jaubert* 1840: II, 405). Подобное же озеро (но меньших размеров) мы находим и на картах Г. Меркатора в истоках Березины (*Mercatoris Atlas* 1607: *Карты Russia и Lithuania*). Идриси, как и Птолемей, помещает истоки Днепра в верховьях Березины. Приведем в связи с этим выдержки из работы Б. А. Рыбакова. «Река Днабр показана так, что в нижнем течении она очень близка к нашему Днепру, но верхнее течение ее, значительно отклоняясь к северо-западу, идет по руслу Березины». «На карте верховья Днепра показаны в виде четырех небольших озер, около них есть специальная надпись: "верховья реки Днабр". Очевидно, перед нами не Днепр в нашем смысле, а древний Борисфен. . . он очень точно изображен на карте 1154 г.» (Рыбаков 1952: 12).²⁵ Картина вырисовывается достаточно ясная. Однако у Идриси сохранились еще более важные и интересные свидетельства: верховья Днепра носят иное название — *Beltes* (*Jaubert* 1840: II, 454). Здесь, в верхнем течении Днепра, Идриси помещает «цветущий город» *Мунишка* (*Ibid.*) в котором следует видеть город Минск (Рыбаков 1952: 33), впервые упо-

²⁵ См. также карту на с. 13. Автор статьи считает, что *Березина* — это «топонимический пережиток *Борисфена*» (Рыбаков 1952: 12).

мянутый в летописи под 1067 г. (*Менеск*). С 1101 г. Минск становится центром Минского княжества, образованного на месте Полоцкого княжества; в XII в. он ведет ожесточенную борьбу с киевскими князьями. Естественно, что Идриси отмечает этот город на карте и упоминает его в своей книге как «цветущий город».²⁶ Правда, Минск расположен не на Березине, а на ее правом притоке Свислочи. Но Идриси, гидрография которого обычно отличается исключительной точностью, в расположении городов на карте часто допускает и более серьезные ошибки (Рыбаков 1952: 9, 13, 14 и др.). Неточность, допущенная Идриси, могла быть вызвана тем, что Минск расположен в 100 с небольшим километрах от истоков Березины (согласно Идриси — Днепра или Бельтес) и в 30—35 км от истоков одноименной реки Березины — правого притока Немана. То, что Идриси помещает истоки Днепра в верховьях Березины, не может рассматриваться как ошибка, вызванная простой случайностью. Арабский географ имеет в виду именно истоки Березины, которые он довольно хорошо знает и которые он принимает за истинные истоки Днепра. Согласно Идриси, в верховьях Днепра (Бельтес), к западу от него, находится озеро Тегмі (Припятские болота?) (Рыбаков 1952: 12), где в большом количестве водится животное *feber*, или *beber* (бобр) (Jaubert 1840: II, 434—435). В литературе уже отмечалось, что большое количество бобровых гонов имелось в бассейне реки Припяти (Рыбаков 1952: 12). Добавим еще, что топонимика Березины говорит о распространении бобров также и в бассейне этой реки: *Бобр* — левый приток Березины (ниже Борисова), *Бобруйск* — город в нижнем течении Березины.²⁷ Наконец, в верховьях Березины и у ее истоков находится много болот и небольших озер; здесь же в Березину впадает большое количество притоков. Все это чрезвычайно напоминает описания истоков Борисфена — Днепра, встречающиеся у Аммиана Марцеллина, Иордана и Идриси. В то же время эти древние описания совсем не походят на настоящие истоки Днепра.

Приведенные свидетельства древних и средневековых авторов позволяют, как нам кажется, с достаточной долей вероятности утверждать следующее. Долгое время истоками Днепра считались истоки Березины.²⁸ Березина и Днепр (от устья Березины до Черного моря)

²⁶Непонятно утверждение Б. А. Рыбакова, согласно которому город *Мунишка* якобы не упомянут в тексте Идриси, а помечен только на карте (Рыбаков 1952: 33).

²⁷По поводу словообразования *Бобруйск* < *бобр* см.: Vasmer 1941: 15.

²⁸Впервые верховья Днепра правильно указывает, насколько нам известно, Константин Багрянородный (X в.). Но и после него некоторые авторы сохранили, как мы увидим далее, следы древнего смешения истоков.

считались единой рекой, у которой вполне могло быть одно имя. В бассейне Березины и среднего Днепра с древнейших времен обитали праславянские племена. За Березиной во II—I тыс. до н. э. жили летоливовские и (восточнее) финские племена. Линия Березина — Днепр была естественной границей праславянских племен, живших в бассейне Припяти. Понятно, что этот водный рубеж воспринимался этими раннеславянскими племенами как единая река. Появившиеся в Северном Причерноморье кочевые иранские племена (скифы) заимствовали у славян древнее имя Днепра, которое от скифов перешло позднее к грекам, обретя у последних эллинизированную форму *Βορυσθένης*. Впоследствии — в эпоху великого переселения народов — в нижнем течении Днепра древнее имя *Борисфен* было вытеснено иранским именем *Дарпарег*. Верховья Днепра (т. е. Березина) продолжали еще долгое время называться своим прежним славянским именем. Эта двойственность нашла свое отражение на карте и в сочинении Идриси. Постепенно новое имя (*Днепр*) распространялось все дальше на север. Но шло оно теперь по великому водному пути из варяг в греки. Таким образом, Березина сохранила свое древнее наименование, которое первоначально, видимо, было получено Днепром за его быстрое течение, за многочисленные пороги и стремнины.

Следы смешения истоков Днепра и Березины засвидетельствованы и в сравнительно недавнее время. Так, на очень интересной карте середины XVII в.²⁹ мы находим: *Boristhenes Septentrionalior* (верховья Днепра) и *Boristhenes Meridionalior* (правый приток Днепра). На других картах того же атласа (№ 51 и 57) Северный Борисфен назван также Восточным (*Orientalior*), а Южный Борисфен — Западным (*Occidentalior*). Судя по координатам (52° — 53° с. ш.), истоки Западного или Южного Борисфена (карты № 39) — это истоки Березины, несколько уклонившейся к западу (48° в. д. — от Фулы). Но очертания этой реки больше напоминают Припять.³⁰ Как бы то ни было, но даже на карте XVII в. (источники которой, несомненно, значительно древнее этого времени) для древнего Борисфена указаны два различных истока: древний — в верховьях Березины или Припяти, и новый — в верховьях Днепра.

Выше мы уже говорили о том, что др.-гр. *Βορυσθένης* не может пе-

---

²⁹ *Europa vetus Nicolai Sanson . . . geographi — recognita, emendata et multis in locis mutata conatibus geographicis Gulielmi Sanson N. filii (1668)*. Карта помещена под № 39 в атласе (Sanson N. 1677: 1).

³⁰ В более поздних картах того же атласа Западным Борисфеном называется река Припять.

редавать иран. *vaḡu-stāpa*, ибо это последнее наименование в греческой передаче должно было дать форму *Οὐαρύστανος. Рассмотрим теперь вопрос о том, могут ли имена *Ворусθένης* и *Березина* отражать одно и то же древнее наименование Днепра. Трудно сказать, какую форму имело это древнее имя в тот период, когда оно было заимствовано скифами у раннеславянских племен. Можно, однако, утверждать, что заимствование произошло до изменения $\check{u}\check{r}\check{u} > \check{i}\check{r}\check{i}$. Следовательно, др.-гр. *Ворусθένης* мы должны сопоставлять с раннеславянским * $B\check{u}\check{r}\check{u}zin\acute{a}$. Рассмотрим сначала гласные звуки. Как известно, др.-гр. $\omicron$ передает скифское $\omicron$ или ι , др.-гр. υ — скифское ι , др.-гр. ϵ — a , e или i (Абаев 1949: 209). Таким образом, $\omicron$ — υ — ϵ может целиком соответствовать славянским $\check{y}$ — $\check{y}$ — $\check{i}$. Единственный долгий гласный η (соответствующий дорийскому $\bar{a}$) отражает ударный гласный $\acute{a}$ славянского имени. Мы не знаем, сколь древним является силовое ударение в восточнославянских языках. Но какая-то (хотя и не столь ярко выраженная как в современных восточнославянских языках) интенсивность ударного слога была, видимо, характерна и для праславянского языка (Мейе 1951: 127). Эта интенсивность и могла быть передана в греческом слове посредством долгого гласного. Подобная передача ударных гласных долгими гласными — черта, характерная, например, для венгерских слов, заимствованных из румынского языка (Neiescu 1959: 135–140) или для монгольских слов, заимствованных из русского языка.³¹ Следовательно, гласные $\check{y}$ — $\check{y}$ — i — $\acute{a}$ в слове * $B\check{u}\check{r}\check{u}zin\acute{a}$ весьма точно переданы греческими гласными $\omicron$ — υ — ϵ — η . Согласные b , g и p не вызывают никаких сомнений в отношении точности их передачи в др.-гр. *Ворусθένης*. Возражения может вызвать только $-z-$: $-st^h-$. Ссылки Микколы на несколько случаев, где славянскому z соответствует литовское st , нам кажутся недостаточно убедительными. Скорее, следует предположить, что древнее имя *Березины-Борисфена* имело в корне не z , а zd . Выше мы уже отмечали слово *борздо*, засвидетельствованное в летописи. Подобными же образованиями являются с.-хрв. *брздица* (наряду с *брзица*) ‘горный ручей’, лит. *burzdùs* ‘подвижной, живой’, блр. *борздо* (XV — XVI вв.) ‘быстро’ (Vasmer, I, 107). Интересно, что литовская и белорусская формы опять приводят нас в бассейн Березины, древнейшее имя которой видимо, имело фор-

³¹ Иначе говоря, во всех случаях, когда язык, имеющий количественное различие гласных и не имеющей силового ударения, заимствует слова из языка с силовым ударением, но без различия количества гласных, — во всех этих случаях ударный гласный может передаваться посредством долгого гласного. Впрочем, возможно также, что η -просто результат эллинизации чужеземного гидронима.

му *Bǔrǔzdiná. Передача zd (zdh?) греческим σθ является вполне закономерной, ибо заимствованное слово прошло через языковую среду, в которой звонкие согласные произносились сравнительно глухо (ср. иран. Dānu ‘Дон’ — др.-гр. Τάναϊς, иран. Daḡa ‘длинный’ — др.-гр. Ταρυίταος и т. д.) (Абаев 1949: 208). Таким образом, сопоставление *Bǔrǔzdiná и Βορυσθένης фонетически вполне допустимо, оно говорит о возможности видеть в др.-гр. Βορυσθένης древнее заимствование из раннеславянского языка. Передача ѣ в первом случае посредством о, а во втором — у, передача d(h) с помощью θ, а не τ, конечная сигма — все это — результат действия народной этимологии, попытка по возможности эллинизировать непонятное слово. Но это — весьма незначительное — вмешательство народной этимологии не уничтожило того удивительно точного совпадения, которое сохранилось в звучании слов *Bǔrǔzdiná и Βορυσθένης.

*   *
*

Предложенные нами две гипотезы, касающиеся этимологии слов *Березина* и *Борисфен*, затрагивают комплекс вопросов, которые не могут быть рассмотрены в рамках одной статьи. Спорный вопрос о сравнительной древности наименований Борисфена Фракийского и Борисфена Киммерийского, возможно, получит новый материал для своего освещения. Быть может, древний Борисфен свяжет своим течением гидронимику бассейна Березины с Березанью и иными наименованиями Северного Причерноморья. Если предложенные выше гипотезы будут признаны достаточно убедительными, то данные настоящей статьи могут быть, в какой-то мере, использованы при решении вопроса о древнейшей прародине славян. Перечень подобных вопросов можно было бы значительно расширить. Но все они требуют специального исследования.³²

³²Поскольку настоящая статья была отослана в АЛН в 1961 г., в ней отсутствуют ссылки на работы последних лет. Здесь, прежде всего, следует указать на книги: Топоров, Трубачев 1962 и Трубачев 1968. В первой из этих книг говорится о балтийском происхождении гидронима *Березина* (с. 21, 176). Во второй книге О. Н. Трубачев возвращается к традиционной славянской этимологии данного гидронима (с. 144). В обоих случаях связь Березины с названием ‘березы’ не подвергается сомнению. Оставляя в силе предложенную в данной статье новую этимологию названия реки Березины (связь со значением ‘быстрый’), я хотел бы внести небольшое уточнение: речь должна, по-видимому, идти не о славянском, а о балто-славянском (*бързъ* ~ *burzdūs*) происхождении анализируемого гидронима — и только сравнительно поздние фонетические его преобразования (→ *Березина*) произошли уже в славянском ареале.

ТЮМЕНЬ*

В этимологическом словаре М. Фасмера по поводу происхождения названия города Тюмени говорится следующее: «Тюмень ж. р. город в области Тобольска, Западная Сибирь. Из вогульского Tšetx ‘Тюмень’, Tšetxəp ‘В Тюмень’. Последнее название объясняется из тюрко-татарского Ćimġi или Ćimġi-Tura — имени находившегося на том же месте более древнего города» (Vasmer, III, 164).

Эта этимология в свете достаточно хорошо известных фактов представляется чрезвычайно странной. Ее ошибочность легко устанавливается даже в том случае, если мы ограничимся только данными, связанными с Тюменью в Западной Сибири. Как известно, этот город был основан русскими в 1586 г. (вскоре после гибели Ермака) на месте города Ćimġi, или Ćimġi-Tura (*Чингис* — имя собственное + *Тура* — река, на которой расположена Тюмень¹ или точнее: + тат. *тура* ‘городок, укрепленное место’ (Миллер 1937: I, 193). Древнее тюрко-татарское название города было заимствовано русскими в форме *Чимги* и *Чинги-Тура* (что засвидетельствовано в русских исторических документах), а мансийское (вогульское) население усвоило этот топоним в форме Tšetx (Kannisto 1925: 211). В мансийском языке сохранилось это древнее название, а русские дали городу иное имя — *Тюмень*, которое, как мы увидим ниже, имеет не менее древнее происхождение, чем топоним Ćimġi. Совершенно очевидно, что название *Тюмень* не восходит ни к манс. Tšetx, ни к тюрк.-тат. Ćimġi, так как последнее имя было усвоено русскими в форме *Чимги*.

Топоним *Тюмень* неоднократно встречается в русских летописях задолго до 1586 г., причем название это засвидетельствовано не только в Западной Сибири. *Тюменские* ворота в Казани неоднократно упоминаются в Никоновской летописи под 1552–1553 гг. (XIII, 205, 209, 213, 215). Еще до этого о царстве *Тюмень* и о татарском царе *Тюменском* писал в первой половине XVI в. С. Герберштейн (Герберштейн 1908: 132, 135). Вслед за ним царство *Тюмень* (Tumen regnum) и Тюменскую орду (horda Tumensis) упоминает в 1578 г. А. Гваньини (Guagnini 1578: XII и III). В 1483 г. князь Курбский отправился от устья Пелыми вниз по Тавде — мимо *Тюмени* — в Сибирскую землю. А еще раньше —

* Статья под названием «О топониме *Тюмень*» была опубликована в сборнике: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1968. Вып. VI. С. 134–141.

¹ «... дойдоша до Тюменска городища и поставиша первый городъ въ Сибири Тюмень» (ПСРЛ, XIV, 34). Все дальнейшие ссылки на летописи также даны по Полному собранию.

в 1475 г., — по свидетельству Воскресенской летописи, «татаров Казанстии побища Устюжанъ. . . , идучи къ Тюмени торгомъ» (VIII, 181). В XV в. при Иване III Москва имела сношения с Тюменской ордой и с ногайцами. Наконец, и русские, и восточные источники («Аноним Искандера») (Треков, Якубовский 1950: 383) говорят о том, что хан Тохтамыш был убит в Сибирской земле, в Тюмени.² Последнее событие (1406 г.) произошло почти за два столетия до основания русскими сибирской Тюмени.

«Книга Большому Чертежу» (составленная в 1627 г.) несколько раз упоминает реку *Тюменку* (один из рукавов Терека) и *Тюмень* или город *Тюменский* в 30 верстах от устья Терека (КБЧ 1950: 50, 91, 146). Этот город неоднократно упоминается и в материалах русской дипломатии XVI в. Так, в Никоновской летописи (XIII, 284) под 1557 г. говорится о гостях из *Тюмени*, от *Тюменского* князя (с Кавказа). В «Книге Большому Чертежу» мы находим также упоминание о реке *Тюменке* в районе Астрахани. А. Дженкинсон в своем «Путешествии в Персию 1561–1564 гг.» пишет о стране *Тюмень* (Tumen), расположенной примерно в 100 милях к юго-западу от устья Волги (в двух днях пути от него). Это — страна, где обычно водятся пираты (Английские путешественники. . . 1937: 201). Даже в самой Москве в середине XVI в. появляется род князей *Тюменских*, что говорит о хорошем знакомстве русских с топонимом *Тюмень* задолго до основания русскими города в Сибири. Наконец, В. В. Бартольд в одном из среднеазиатских областных архивов обнаружил документ, приписанный Тимуру, в котором упоминается арык *Тюмень*, вытекающий из Сырдарьи (Бартольд 1904: 267–268). Здесь (между Чимкентом и Кызыл-Ордой) до сих пор это древнее название сохранила железнодорожная станция *Тюмень-арык*.

Вряд ли после перечисленных фактов можно сомневаться в том, что манс. *Tšemx* не имеет никакого отношения к происхождению названия города *Тюмени*. Совершенно очевидно также, что все перечисленные топонимы имеют единый источник и что их происхождение нераз-

²«Архангелогородский летописец». М., 1819. С. 126. — Очень часто это место из русской летописи считают позднейшей вставкой на том основании, что Тюмень была основана в 1586 г. (см., например: Алексеев 1941: 54). Однако мы находим крепость *Тюмень* (Tumen) на карте С. Герберштейна, изданной в 1549 г. (кстати, эта карта воспроизведена в книге М. П. Алексеева на с. 105). Крепость *Тюмень* упоминает в 1575 г. француз А. Тевэ (там же: 145). Эти, а также изложенные ниже факты, по-видимому, говорят о том, что у нас нет достаточных оснований для того, чтобы подвергать сомнению известие «Архангелогородского летописца» о гибели Тохтамыша в Тюмени в самом начале XV в.

ривно связано с монголо-татарскими завоеваниями (о чем убедительно свидетельствует география распространенности данного топонима). Нужно полагать, что ни один монголист никогда не сомневался в этом. Связь между топонимом *Тюмень* и монг. *тумэн* 'тьма, десять тысяч, множество' была, видимо, давно и хорошо известна. Но лингвисты-русисты и специалисты по топонимике, по всей вероятности, считали это сопоставление народной этимологией.³ Во всяком случае Фасмер в своем словаре даже не упоминает подобного объяснения. А автор одного из наиболее старых словарей по русской топонимике И. Гейм пишет: «Некоторые утверждают, что название *Тюмень* произошло от татарского слова, обозначающего "десять тысяч", но вернее предполагать, что это имя произошло от названия реки *Тюменки*» (Неум, 854).⁴

Старая этимология, связывавшая название *Тюмени* с монг.-тат. *tūmen*, вполне надежна как в фонетическом, так и в семантическом отношении. Древнемонгольская форма *tūmen* (обшетьюрк. *tūmān*) могла дать в древнерусском языке *Тумень* и *Тюмень*. Обе эти формы засвидетельствованы в древнерусских памятниках. Звуковое совпадение здесь полное. Смягчение конечного согласного после слога, содержащего е, — обычное явление в топонимах монгольского происхождения (ср., например: *Тургень* и др.-монг. *tūrgen*, совр. монг. *тургэн* 'быстрый'. *Эмель* и совр. монг. *эмэл* 'седло' и др. (Конкашпаев 1959: 95, 97).

Место ударения в заимствованном топониме *Тюмень* также вполне закономерно. Монгольское ударение на начальном слоге, как правило, не воспринимается русскими. В русских заимствованиях из современного монгольского языка ударными становятся слоги, содержащие долгий гласный (*Ула́н-Ба́тор* ← *Улаанбаатар*). То же явление наблюдается при усвоении монгольских слов русскими, проживающими (временно или постоянно) в Монголии. Так, монг. *сúргууль* 'школа' или *дэлгуур* 'магазин', имеющие в монгольском языке ударение на начальном слоге, произносятся русскими *сургу́ль*, *дэльгу́р*. Монгольские слова, содержащие два кратких слога, произносятся русскими с ударением на последнем слоге: монг. *да́рга* 'начальник' → *дарга́*, монг. *о́рос* 'русский' → *орос́*, монг. *но́хөр* 'товарищ' → *нохор́*, монг. *мо́нгол* → *монго́л* и т. п. О том, что перед нами — явление, характерное не только для современного монгольского и русского языков, свидетельству-

³Возможно, что этому содействовало наличие татарских легенд, связывавших топоним *Тюмень* с монг. *тумэн*. Две такие легенды приводит Г. Ф. Миллер в своей «Истории Сибири» (1937: I, 273).

⁴Эту же этимологию предлагал еще в 1673 г. А. Доббин (см.: Алексеев 1941: 391).

ют, например, такие древние заимствования, как *улус* (др.-монг. *ulus*, совр. монг. *улс*), *тамга* (др.-монг. *tamaga*, совр. монг. *támga*), *ясак* (др.-монг. *jásag*, совр. монг. *засаг*) и др. Правда, далеко не всегда можно определить, проникло ли то или иное слово в русский язык непосредственно из монгольских языков или через какой-нибудь тюркский язык. Однако в любом случае мы наблюдаем, что слова, содержащие два кратких слога, проникают в русский язык с ударением на последнем слоге. Таким образом, следует признать, что установленная еще в древности связь топонима *Тюмень* с др.-монг. *tümet* является безусловно верной в фонетическом отношении.

В современном монгольском языке до сих пор сохранилось слово *тумэн* 'десять тысяч, тьма, бесчисленное множество'; в современном ойратском языке *түмен* означает 'несметное количество, тьма, множество'; в калмыцком имеется слово *tümtü* 'десять тысяч' (Ramstedt 415). В то же время калмыцк. *tümpék*^э означает 'тюменский' (Ibid.). Поскольку тюркские языки сохранили за корнем *tümet* иное основное значение (об этом см. ниже), мы вправе считать, что топоним *Тюмень* проник в русский язык непосредственно из монгольского.

В Монгольской империи при Чингис-хане и его преемниках слово *tümet* означало не только войско в 10 тысяч человек, но и большую племенную группу — *туман* или *тумен* (обычный термин в русской исторической литературе). Первоначально это была племенная группа, обязанная доставлять хану войско в 10 тысяч воинов. Позднее это количественное соотношение перестало быть обязательным и термин *tümet* стал примерно равнозначным термину *ulus* (Владимирцов 1934: 132, 135–136) (ср. совр. монг. *улс* 'государство'). По свидетельству Рашид-ад-Дина, ойраты были при Чингис-хане разделены на четыре тумана (*tümet*) (там же: 157).

Как известно, в 1219–1221 гг. полчища Чингис-хана завоевывают Среднюю Азию, затем, пройдя по южному побережью Каспийского моря, покоряют народы Кавказа. Во второй половине XIII — XIV в. Средняя Азия, Западная Сибирь, Нижнее Поволжье и Кавказ находятся под властью Золотой Орды. Нет ничего удивительного в том, что топоним *Тюмень* укоренился во всех этих областях (арык *Тюмень* в Средней Азии, *Тюмень* на Тереке, *Тюменка* в области Астрахани, *Тюмень* в Западной Сибири).

Из приведенных выше данных русских летописей и других источников можно сделать вывод о том, что слово *Тюмень* как топоним, видимо, означало сначала область, а не город (ср. царство *Тю-*

мень у С. Герберштейна и у А. Гваньини, область de Thumen у А. Тевэ (Алексеев 1941: 143), *Тюменская* орда в летописях, страна *Тюмень* у А. Дженкинсона). *Тюмень* как область ближе в семантическом плане к монг. *tūmep* в значении ‘улус’, чем *Тюмень* как крепость или город. Позднее топоним *Тюмень* закрепился за отдельными городами и населенными пунктами. При основании русскими города на реке Туре им были, видимо, известны два его названия: 1) *Чимги* или *Чинги-Тура*, и 2) *Тюмень* (первоначально — наименование улуса или орды). Последнее имя было сохранено русскими как более соответствующее нормам русского языка (ср. топонимы *Узмёнъ*, *Струмёнъ*, *Ильмёнъ*, *Тихмёнъ*, *Сухмёнъ* и др.). В то же время в мансийском языке сохранилось другое название этого города — *Tšepx* (← *Čimgi*).

Итак, в древних источниках надежно засвидетельствованы по крайней мере четыре топонима, восходящих к др.-монг. *tūmep*: арык *Тюмень* на Сырдарье, *Тюмень* на Тереке, река *Тюменка* в районе Астрахани,⁵ *Тюмень* в Западной Сибири. Соединив эти четыре географических пункта, получим маршрут, по которому в начале XIII в. прошли монгольские войска во главе с Чингис-ханом.

Однако интересующее нас название распространено гораздо шире как в азиатской, так и в европейской части России. Вот некоторые примеры: *Тюменкино* (20 км к югу от Новосибирска), *Тюменцево* (150 км к западу от Барнаула), *Тюмень* (70 км к юго-востоку от Барнаула), *Тюменево* (32 км к западу от Мариинска), *Тюменцева* (230 км к северо-северо-востоку от Иркутска), *Тюменяк* (140 км к западу от Уфы), порог *Тюменец* на реке Чуне (180 км к северо-западу от Братска), *Тюмень* — Читинский род киргизов, кочевал в XIX в. в Тургайской области (северо-западный Казахстан) (Семенов, V, 293).

Разумеется, мы не можем утверждать, что все перечисленные топонимы (а также название киргизского рода) являются достаточно древними (здесь требуется дополнительное исследование в каждом отдельном случае). Однако вряд ли можно сомневаться в том, что перечисленные названия не могут все без исключения восходить к наименованию города в Западной Сибири. Область распространения топонима *Тюмень* еще раз подтверждает его монгольское происхождение.

В европейской части России, а также в Белоруссии и на Украине мы также встречаемся с тем же топонимом, хотя он засвидетельствован

---

⁵Мы не выделяем здесь отдельно двух гидронимов *Тюменка* (приток Туры и рукав Терека), рассматривая их вместе с названием соответствующих городов и областей (или княжеств).

здесь значительно реже. Прежде всего, следует отметить дер. *Тюменевку* на реке Карачан (бывшая Воронежская губерния) (Семенов, V: 290). Вряд ли это название может восходить к имени князей *Тюменских* (в этом случае следовало бы ожидать формы *Тюменское*). Тем более, что *Тюменевка* находится на реке, название которой также возникло, видимо, в период монголо-татарского нашествия или при более поздних вторжениях татар (*Карачан* ← тюрк. Кагаџай ← ‘черная река’). В 17 км к юго-западу от Коломны находится село *Тюменское*. В 46 верстах от Пинска в одном из польских географических словарей указано село *Tumień*, находящееся на берегу озера того же названия (Sł. GKR, XII, 623).⁶ Характерно, что в той же области имеется большое количество топонимов типа *Татарка*, *Татаровка* и т. п. (Ibid.: 223–227). Это область, через которую прошли полчища Батыя, когда они, захватив в 1240 г. Киев, через Каменец — Владимир-Волынский — Галич направились на запад, в Венгрию. Итак, можно предполагать, что *Тюмень* в районе Пинска также восходит в конечном итоге к др.-монг. *tümen*.⁷

Конечно, в каждом отдельном случае требуется кропотливая работа местных краеведов для установления происхождения каждого отдельного топонима. В некоторых случаях может оказаться, что то или иное наименование имеет более позднее происхождение, что оно не связано с др.-монг. *tümen*. Однако общая картина вряд ли от этого изменится. Слишком много фактов говорит о неразрывной связи происхождения этих топонимов с историей монголо-татарских завоеваний. Детальный анализ топонимики, не вошедшей в обычные географические карты, несомненно, позволил бы значительно расширить приведенный выше перечень топонимов, восходящих к др.-монг. *tümen*.

В связи с этимологией географических названий *Тюмень* определенный интерес представляет засвидетельствованное у В. Даля старинное слово *тюмень* ‘тютюн, табак’ (Даль, IV, 451). М. Фасмер (s. v.) в осторожной форме (*wohl*) объясняет это слово из тур. *tümbäki* ‘табак’, ссылаясь при этом на словарь В. В. Радлова (Радлов, III, 1064). Эта этимология В. В. Радлова и М. Фасмера нам представляется ошибочной. Во-первых, трудно предположить, что два полностью совпадающих по своему звучанию заимствованных слова имеют два различных источника (такая возможность, разумеется, не исключена, но она менее вероятна, чем противоположное предположение о едином источнике

⁶ Речь, видимо, идет о с. *Тюмень* Ровенской обл. Ср. с. *Тумін* Волынской обл.

⁷ Возможно, что эти названия связаны с более поздним нашествием татар. Но и в этом случае древнейший источник — тот же самый.

обоих слов). Во-вторых, *тюмень* невозможно возвести к тур. *tümbäki* по фонетическим соображениям. Гораздо логичнее возвести рус. *тюмень* ‘табак’ к тюрк. *tuman* (общетюрк. *tümän*) с основными значениями ‘десять тысяч, множество, тьма; туман; дым’. Общетюрк. *tümän*, проникая различными путями в русский язык, дало, с одной стороны, кальку из тюрк.-тат. *tuman* ‘десять тысяч, множество’ — рус. *тьма* (Vasmer, III, 162). С другой стороны, рус. *туман* также является заимствованием из тюркск. *tuman* (Lokotsch, 164), причем это слово проникло, видимо, в русский язык из одного из северных тюркских языков (Дмитриев 1958: 33). Монг. *tümen*, как мы видели, дало в русской топонимике большое количество заимствованных географических названий: *Тюмень*, *Тюменка* и т. п. К общетюркокомгонгольскому слову *tümän* (*tümen*) в конечном итоге должно, видимо, восходить и слово *тюмень* ‘табак’ (т. е. первоначально ‘дым’ → ‘табачный дым’). Различное фонетическое оформление слов *туман* и *тюмень*, а также их различное значение — не аргумент против предложенной выше этимологии слова *тюмень*. Во-первых, общетюркская праформа имела все три основных значения: ‘десять тысяч’, ‘туман’ и ‘дым’ (Lokotsch, 164, со ссылкой на словарь А. Вамбери). Во-вторых, слова *туман*, *тюмень* и *Тюмень* могли проникнуть в русский язык из разных тюркских и нетюркских языков (в частности, топоним *Тюмень* заимствован, как мы видели, из какого-то монгольского языка). При этих заимствованиях слово *туман* могло отразить форму *tuman*, а *тюмень* — *tümän* или *tümen*. Наконец, приведенный нами случай фонетических и семантических расхождений у заимствованных из общего источника слов не является исключительным и единичным. Если оставаться в рамках тюркских заимствований, то можно привести пример со словами *чертог* и *чердак*, заимствованными в разное время у тюрк-болгар (*чертог*) и из турецкого (*чердак*) и восходящими к одной и той же тюркской праформе (Lokotsch, 32).

В заключение следует сказать, что само тюркское слово *tuman* иногда объясняют, исходя из авест. *dunman* ‘туман’ и из тохар. *tumape*, *tumän* ‘десять тысяч’ (Vasmer, III, 162). Однако эта гипотеза не имеет непосредственного отношения к вопросам, затронутым в настоящей статье.⁸

⁸Мы не касались здесь также вопроса о происхождении названия денежной единицы *тюмень*, ибо связь этого термина со значением ‘десять тысяч’ выступает достаточно ясно. Ср., например: «... в *тюмени* де русских денег 10 рублей» («Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию 1640–1643 гг.», цитируется по КДРС). Название этой денежной единицы часто встречается в документах XVI — XVIII вв.

Часть V

РЕЦЕНЗИИ НА ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Том I, выпуск 1 (А), 2 (Б). Автор-составитель Н. М. ШАНСКИЙ,
изд. МГУ, 1963–1965*

Появление первых двух выпусков нового «Этимологического словаря русского языка» представляет собой выдающееся событие в нашей этимологической науке. Еще совсем недавно — каких-нибудь 10–15 лет назад — во многом устаревший этимологический словарь А. Г. Преображенского был, по существу, единственным справочником подобного рода, который находился в распоряжении у специалистов по русскому языку. Появление фундаментального трехтомного этимологического словаря известного немецкого слависта М. Фасмера — при всех несомненных достоинствах этого словаря — не могло полностью устранить образовавшийся пробел. В последние годы было опубликовано большое количество серьезных книг и статей, посвященных как общим принципам этимологического анализа, так и конкретным исследованиям в области этимологии русских слов. В Московском университете более или менее систематически выходят «Этимологические исследования по русскому языку» (вып. 1–5, 1960–1966). В Институте русского языка АН СССР в 1963 и 1965 гг. были опубликованы два больших сборника «Этимология». В 1965 г. вышел 1-й том русского перевода этимологического словаря М. Фасмера с дополнениями О. Н. Трубочева. Значительное количество статей из области русской и славянской этимологии ежегодно публикуется в многочисленных сборниках и журналах — как у нас, так и за рубежом. Наконец, новые этимологические словари родственных славянских языков также содержат много интересных фактов и наблюдений, которые должны быть использованы в работах по русской этимологии.

Обобщить и критически обработать весь этот богатый матери-

---

*Рецензия была опубликована в журнале: Русский язык в школе. 1966. № 3. С. 117–122.

ал, значительно расширить его и составить новый этимологический словарь русского языка, который отвечал бы современному уровню нашей этимологической науки, — вот основная задача, стоящая перед коллективом Этимологического кабинета МГУ, который возглавляет чл.-корр. АПН РСФСР Н. М. Шанский, являющийся автором-составителем рецензируемого словаря. Насколько можно судить по первым двум выпускам этимологического словаря, эта основная задача в процессе работы над ним успешно выполняется.

По своему типу новый «Этимологический словарь русского языка» существенно отличается от словарей А. Г. Преображенского и М. Фасмера. В этимологической науке уже давно сложилось два основных направления, которые по-разному подходят к основной задаче этимологического исследования. Одни ученые считают, что этимология должна установить то «исходное» или «истинное» значение, которое слово имело в момент своего возникновения. В исследованиях этого типа важное значение приобретает анализ соответствий в родственных языках, многочисленные сопоставления корней. Словарные статьи в этимологических словарях такого рода обычно строятся по методу этимологических гнезд (ср., например, словарь А. Г. Преображенского).

Представители второго направления считают, что установление «исходного» значения слова не исчерпывает задач этимологического исследования, которое должно полностью осветить всю «биографию» слова, отразить как можно полнее его фонетическую, словообразовательную и семантическую историю. Естественно, что при таком подходе к этимологическому анализу история каждого слова в отдельности представляет самостоятельный интерес, а группировка слов в этимологические гнезда может только препятствовать исследованию. Поэтому в словарях данного типа каждое слово обычно выделяется в отдельную самостоятельную статью.

Рецензируемый словарь относится к словарям второго типа. В отличие от словаря А. Г. Преображенского, где даже при наличии определенного опыта этимологической работы далеко не сразу найдешь нужное тебе слово, словарь Н. М. Шанского очень удобен в пользовании. Как известно, в изданиях справочного характера это качество имеет немаловажное значение.

Но основное отличие словаря Н. М. Шанского от других этимологических словарей русского языка заключается в том особом внимании, которое постоянно уделяется словообразовательно-историческому аспекту исследования. Не абстрактное «корнеискатель-

ство», а конкретная история живого слова положена в основу нового этимологического словаря. Если перед нами заимствование, то указывается не только язык, из которого данное слово было заимствовано, но и эпоха заимствования, отмечается время и место первой фиксации этого слова в памятниках письменности, древнейшее место ударения (если оно засвидетельствовано) и т. д. Все это позволяет во многих случаях уточнить, а иногда и вновь установить конкретные исторические пути заимствования слова. Как известно, этимология заимствований может быть доведена до самых своих «истоков» лишь на материале того языка, из которого соответствующее слово было заимствовано. Обычно авторы этимологических словарей ограничиваются в этих случаях простыми ссылками на этимологические словари тех языков, откуда произведено заимствование. В рецензируемом словаре, как правило, приводится весь основной материал, относящийся к этимологии рассматриваемого слова — даже если на протяжении его истории имели место неоднократные заимствования из одного языка в другой. Все это представляет собой несомненные достоинства нового этимологического словаря.

Большое место отводится в этом словаре также анализу многочисленных калек, особенно — старославянского происхождения (кальки с греческого). Этот материал представлен в словаре Н. М. Шанского значительно полнее, чем в этимологических словарях А. Г. Преображенского и М. Фасмера.

Анализируя слова, не относящиеся к числу иноязычных заимствований или калек, Н. М. Шанский отдает явное предпочтение так называемой «ближней» этимологии. Слова с «дальней»,¹ особенно — индоевропейской этимологией, по большей части, освещаются им кратко и традиционно — со ссылками на словари Э. Бернекера, Ю. Покорного, М. Фасмера и других.

Особенно важное значение Н. М. Шанский всегда придавал словообразовательному аспекту этимологического исследования. «Поскольку слово представляет собой единицу, обладающую той или иной словообразовательной структурой, при научном этимологизировании оно обязательно должно быть поставлено в какой-либо словообразовательный ряд. Это ... должно быть основным правилом этимологического анализа» (Шанский 1959: 39–40). Большое внимание Н. М. Шанский уделяет выявлению последовательности в развитии словообразовательных процессов, выделению промежуточных слово-

---

¹ Термины «ближняя» и «дальняя» этимология принадлежат Н. М. Шанскому.

образовательных звеньев (Шанский 1962: 14–25). Все эти особенности исследовательского метода Н. М. Шанского нашли свое отражение в рецензируемом этимологическом словаре.

Возьмем для сравнения статьи *быть* в словарях А. Г. Преображенского и Н. М. Шанского. В первом из этих словарей статья *быть* занимает более двух столбцов убористого шрифта, в ней приводятся многочисленные славянские формы и их индоевропейские соответствия с различными вариантами огласовки корня. В словаре Н. М. Шанского статья *быть* состоит всего из нескольких строк, где приведены основные славянские соответствия, отмечено семантическое развитие ‘пухнуть, расти’ → ‘становиться’ → ‘быть’ и даны ссылки на этимологические словари, в которых приводится более подробный индоевропейский и славянский материал.

Обратимся теперь к статье *беличий* в словаре Н. М. Шанского. На первый взгляд, самое появление такой статьи в этимологическом словаре русского языка может показаться странным. Ни А. Г. Преображенский, ни М. Фасмер не выделяют слово *беличий* в особую статью. Да и в самом словаре Н. М. Шанского нет особых статей для таких производных, как, например, *барсучий*, *барочный* и т. п. Этимологическая связь слова *беличий* с *белка* и далее — с *бел(ый)* представляется совершенно несомненной, а поэтому, казалось бы, нет никаких оснований для выделения этого слова в самостоятельную статью. И все же эти основания есть — основания словообразовательно-исторического характера.

Дело в том, что обычным производным от *белка* должно было бы быть прилагательное *белочий*, а не *беличий*. В то же время слово *беличий* могло возникнуть лишь на базе существительного *белица* (ср. *девичий* — *девица* и т. п.). Это уточнение к этимологии слова *беличий*, насколько мне известно, впервые было предложено в КЭСРЯ.² Против словообразовательной реконструкции *беличий* ← *белица* высказался проф. П. Я. Черных, который в рецензии на КЭСРЯ писал, что слово *белица* ‘белка’ не отмечено ни в письменных памятниках, ни в говорах русского языка (Черных 1961: 98). Ошибочность этого утверждения была убедительно доказана Н. М. Шанским, которому удалось обнаружить слово *белица* ‘белка’ в памятниках письменности (Шанский 1962: 16–17).

Конечно, далеко не всегда реконструируемые автором-составителем промежуточные словообразовательные звенья обнаруживаются впо-

²Статья *беличий* написана Т. В. Шанской.

следствии в письменных памятниках или в диалектах. Но пример со словами *беличий* и *белица* наглядно показывает реальность предлагаемых реконструкций, которые целиком основываются на анализе надежно засвидетельствованных словообразовательных моделей.

Ссылки на статьи *быть* и *беличий*, разумеется, не дают сколько-нибудь полного представления о рецензируемом словаре, но они позволяют подчеркнуть ту словообразовательно-историческую направленность, которая заметно отличает этот словарь от этимологических словарей А. Г. Преображенского и М. Фасмера.

Коллектив авторов нового словаря во главе с Н. М. Шанским провел большую работу по значительному расширению традиционного этимологического словника. Особенно много новых словарных статей (сравнительно с М. Фасмером, не говоря уже о А. Г. Преображенском) было включено в первый выпуск нового словаря (буква А) — главным образом за счет иноязычных заимствований. Возможно, что подобное расширение словника кому-нибудь покажется неправомерным; будут говорить, что таким словам, как *аблятив*, *аболиционизм*, *абсцисса* и т. п. — место в словаре иностранных слов, а не в этимологическом словаре русского языка. Полная неосновательность последнего утверждения станет сразу же очевидной, если мы сопоставим, например, статьи *абсцисса* из «Словаря иностранных слов» И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова (изд. 4-е. М., 1954) и из рецензируемого этимологического словаря русского языка.

И. В. Лехин, Ф. Н. Петров
Абсцисса (<лат. *abscissus* 'оторванный, отделенный') *геом.* название числа, определяющего положение точки на прямой относительно какой-л. другой определенной точки или одного из двух (трех) чисел, определяющих положение точки на плоскости (в пространстве) относительно прямоугольной системы *координат*.

Н. М. Шанский
Абсцисса. Заимствовано из франц. яз., очевидно, в начале XIX в. Впервые отмечается в словаре И. Татищева 1816 г. (1, 12).

Франц. *abscisse* 'абсцисса' восходит к лат. *abscissa* (<*abscissa linea* 'оторванная, отрезанная линия'), представляющему собой прич. от *abscindo* 'отрываю, отрезаю', префиксального производного к *scindo* 'разрываю, прорезаю'.

Укр. *абсцїса*, блр. *абсцїса*, чеш. *abscisa*, словац. *abscisa*, болг. *абсцїса*, с.-хрв. *апсциса*, словен. *abscisa*.

Приведенный пример с полной очевидностью показывает, что каждый из двух словарей преследует свои особые цели, что никакой словарь иностранных слов не может дать тех необходимых сведений, которые содержатся в словаре этимологическом (и наоборот).

Рецензии на этимологические словари очень часто служат лишь поводом для изложения точек зрения рецензента на этимологию отдельных слов. Однако подобного рода рецензии требуют значительного объема³. Конечно, можно было бы перечислить слова, этимология которых мне представляется сомнительной или даже неверной. Однако мало сказать об этом — следует еще доказать правильность иных этимологических толкований. И здесь критики очень часто прибегают к излюбленному приему: они пытаются усилить явно недостаточную аргументацию категоричностью своего тона. Не желая прибегать к подобного рода эмоциональным «аргументам», я воздержусь от обсуждения тех этимологий, которые мне кажутся неверными, неточными или спорными.⁴ Изложенные ниже критические замечания имеют своей целью отметить недочеты, свойственные не той или иной статье, а первым двум выпускам словаря в целом — с тем чтобы в дальнейшем, при публикации последующих выпусков, эти недочеты можно было бы устранить.

При чтении словаря Н. М. Шанского, прежде всего, бросается в глаза некоторая непоследовательность в составлении словарных статей. Разумеется, все статьи не могут быть написаны по одному и тому же шаблону, но какое-то единство, какие-то общие принципы в этих статьях, безусловно должны выдерживаться.

Если мы рассмотрим ряд заимствованных или устаревших слов, диалектизмов или терминов, то многие из них в словаре Н. М. Шанского сопровождаются краткими пояснениями: *бард* (поэт), *банджо* (струнный музыкальный инструмент американских негров), *бугай* (бык), *буерак* (небольшой овраг) и т. д. Подобным же образом объясняются слова *бердо*, *бердыш*, *белуха*, *баскак*, *бандура*, *близна*, *болид*, *бош*, *брашно*, *бригантина*, *бриз*, *брутто*, *булава*, *бумеранг*, *бут*. Большинство перечисленных слов хорошо известны достаточно широкому кругу читателей, включая даже школьников старших классов. В то же время без всяких объяснений в словаре даются: *берейтор*, *бергамот*, *белендрасы*, *бистро*, *болеро*, *брегет*, *бом*, *бочаг*, *брикетировать*,

³ Например, одни только дополнительные замечания Р. Брандта к этимологическому словарю Ф. Миклошича составили около 50 страниц (Брандт 1891: 27–40, 213–247).

⁴ Сюда я мог бы отнести этимологии таких слова, как *авгур*, *антрацит*, *ахинея*, *баранка*, *барахло*, *белокурый*, *бердо*, *берег*, *блюдо* и др. Впрочем, некоторые из этих этимологий изложены в словаре Н. М. Шанского в соответствии с принятой традицией.

булла, бург и др. Между тем, если требует объяснений первая группа слов, то у читателей будет не меньше оснований ждать объяснений и для второй группы (в целом более нуждающейся в таких объяснениях, чем первая группа).

Если во втором выпуске словаря объяснения значений слова даются непоследовательно, то в первом выпуске эти объяснения вообще отсутствуют. Исключение составляют лишь случаи омонимии да один-два изолированных примера типа *аспид* (ядовитый змей). Думается, что в дальнейшем следовало бы придерживаться в этом вопросе какого-то единого принципа.

Отдельные случаи непоследовательности наблюдаются и в собственно этимологической части статей, особенно относящихся к заимствованиям. Так, слово *адвокат* возводится к нем. *Advokat* ← лат. *advocatus* 'адвокат' ← *advocare* 'призывать на помощь' ← *vocāre* 'звать' ← *vox* 'голос, речь'. В результате этимология слова *адвокат* становится совершенно прозрачной, будучи доведенной, по существу, до простого корня соответствующего латинского слова. Примерно в таком же духе даются этимологические экскурсы в область латинского языка в статьях *административный* (этимология доводится до лат. *minister* 'слуга'), *акциз* (← лат. *caedo* 'рублю') и др. В то же время в статьях *абсолютный*, *абстракция* даются ссылки лишь на приставочные образования (*absolvo*, *abstraho*) — в отличие от приведенных выше примеров. Вторая часть композита *аванпост* возводится в словаре к франц. *poste* 'пост', что, несомненно, верно, но нисколько не проясняет этимологии слова. Здесь следовало сослаться на латинский глагол *pono*, *posui*, *pos(it)um*, *ponere* 'класть, ставить', который раскрывает этимологию не только слова *пост*, но и таких иноязычных заимствований, как *компонент*, *позиция*, *депонент* и даже *компот*.

Не всегда последовательно проводится в словаре отбор материала для словарных статей. Станным, например, представляется наличие явно устаревшего слова *бомбарда* при отсутствии слова *бомбардировщик*. Не совсем ясно, чем можно мотивировать включение в словник статей *адреналин*, *акрихин* при отсутствии таких, например, статей, как *атропин*, *аконит* или *аскафен*. Подобного рода вопросов при чтении словаря возникает множество, тем более что принципы отбора словарного материала, изложенные во «Введении» (вып. 1, с. 5–6), не всегда соблюдаются авторами словаря.

Некоторое неудобство при пользовании словарем вызывает то обстоятельство, что славянские и индоевропейские соответствия в ряде

статей не разделены абзацем (см., например, статьи *беда*, *белена*, *боров* и др.).

Как показывает анализ словообразовательных моделей, реконструируемых в первых двух выпусках словаря, автор-составитель Н. М. Шанский отрицательно относится к так называемому префиксально-суффиксальному типу словообразования (*борода* — *подбородок*, *береза* — *под-берез-ов-ик*, *путь* — *рас-путь-е*, *козырь* — *бес-козыр-ка* и т. п.).⁵ Слово *бескозырка* Н. М. Шанский рассматривает как суффиксальное образование «на базе предложно-падежной формы *без козыря*». По-видимому, так же можно было бы объяснить слова *подбородок*, *подоконник* и др. Но как в этом случае быть со словами, у которых приставки не имеют соответствующих предлогов? Что собой представляют слова типа *распутье* — суффиксальные образования от слов типа **распуть* или префиксальные — от **путье*? Думается, что префиксально-суффиксальный тип словообразования был достаточно широко представлен в истории русского языка и не следует его во всех случаях разбивать на два самостоятельных словообразовательных процесса (а эта тенденция выступает в рецензируемом слове весьма отчетливо).

М. Фасмер в послесловии к своему «Этимологическому словарю русского языка» писал: «Если бы мне пришлось начать работу снова, я уделил бы больше внимания калькам и семасиологической стороне» (Фасмер, I, 14). Материал, относящийся к калькам, как уже говорилось выше, в словаре Н. М. Шанского значительно расширен по сравнению с его предшественниками. А вот семасиологическая сторона исследования нередко остается в тени. Так, в статье *бесценный* справедливо отмечается, что ст.-сл. **БЕСЦЪНЬНЪ** — «словообразовательная калька др.-гр. ἀτιμῆτος», и далее перечисляются славянские соответствия, имеющие различную семантику («дешевый» и «дорогой»). Причем ни о путях семантического развития, ни о значении славянских образований (которые, кстати, даны без перевода) в статье не говорится буквально ни слова. Этот ослабленный интерес к семантическому аспекту этимологического исследования отразился и на критико-библиографической стороне рецензируемого словаря. Так, в статье *буйный* совершенно отсутствуют ссылки на две интересные работы Б. А. Ларина, специально посвященные семантико-

⁵Этот тип словообразования обычно принято называть *конфигацией* или циркумфиксацией. Ю. С. Маслов, например, отдает предпочтение последнему термину (1987: 137).

этимологической истории слов *буй*, *буйный* (Ларин 1962: 3–9; 1963: 78–87). Можно соглашаться или не соглашаться с основными выводами автора этих работ, но обходить молчанием сложный комплекс вопросов семантического характера, мне кажется, не следовало бы. И хотя перед нами — этимологический словарь словообразовательно-исторического типа, мы не вправе забывать, что история слова не ограничивается его словообразовательной историей.

В ряде случаев в словаре Н. М. Шанского этимология слова как бы распределяется между двумя соседними статьями, причем автору иногда приходится при этом повторяться (см., например, статьи *аболиционизм* и *аболиционист*, *агглютинативный* и *агглютинация* и др.). Целесообразнее было бы в этих случаях сосредоточить всю собственно этимологическую часть в одной статье, а в другой — дать на нее ссылку.

Не всегда ясно употребляется в словаре термин *восходит*. Так, например, в статье *аполитичный* говорится: «Франц. *apolitique* восходит к др.-гр. ἀπολιτικός». Что означает здесь слово *восходит*: а) проникновение из древнегреческого — через латинское посредничество — во французский; б) непосредственное заимствование из новогреческого во французский или в) искусственное позднее образование на базе греческого языка? Конкретные пути возникновения и распространения данного слова (как и некоторых других слов) остаются неясными.

Выше уже говорилось о том предпочтении, которое в рассматриваемом словаре отдается образованиям с «ближней» этимологией. Иногда эта особенность словаря становится его недостатком. Например, на с. 68–69 второго выпуска в статьях *бедный* и *бедствие* перечислены суффиксы, с помощью которых образованы эти слова, указана последовательность словообразовательных процессов, в общем — достаточно очевидных. В то же время гораздо более сложная и давно уже утратившая свою продуктивность словообразовательная модель в статье *бедро* освещена скупо и нечетко: «Образовано, вероятно, посредством суф. -г- (ср. *ведро*, *ядро*, и т. д.) от той же основы, что и лат. *femur* 'бедро, ляжка' (по морфологической структуре аналогичное сущ. *вымя* — Vasmer, I, 68)». Здесь все неясно: от какой общей основы образованы рус. *бедро* и лат. *femur*? В чем у этих слов аналогия со словом *вымя*? (Кстати, в словаре М. Фасмера этот материал тоже изложен недостаточно ясно). На этих важных словообразовательных вопросах в словаре словообразовательно-исторического типа следовало остановиться подробнее. Дело в том, что лат. *femur* (< *bhed(h)-men) относится к рус. *бедро* (< *bhed(h)-го-) так же, как рус. *вымя*

(< *ūd(h)-men) относится к др.-инд. ūdh-ag 'вымя' (=др.-в.н. ūtar, лат. ūber и др.). Из приведенных примеров видно, что какие-нибудь 2–3 строчки с наиболее близкими индоевропейскими соответствиями сразу проясняют и фонетическую, и словообразовательную картину, давая четкий ответ на поставленные выше вопросы.

В заключение остановимся на некоторых мелких замечаниях частного характера.

В рецензируемом словаре довольно часто говорится, что то или иное слово неточно или неверно объясняется в этимологическом словаре М. Фасмера (см. статьи *арфа*, *астроном*, *аффект* и др.). Почти во всех случаях подобного рода речь идет о расхождениях по вопросу о конкретных путях проникновения заимствованного слова в русский язык, а не о различных этимологических объяснениях слова. Выражения типа «неверно объясняется слово такое-то» и т. п. могут ввести в заблуждение читателей словаря, а поэтому возражать М. Фасмеру в этих случаях следовало бы более конкретно.

Довольно большое количество досадных неточностей содержится в той части статей, где речь идет о словообразовательных процессах в рамках латинского или древнегреческого языка. Так, лат. *adjutans* является причастием не от *adjuvare* (ср. *adjuvans*), а от *adjutare* (статья *адъютант*). Древнегреческие прилагательные на -ητος являются отглагольными, а не отыменными образованиями (см. статьи *арифметика*, *бездарный*, *безответный*, *бесполезный*, *беспомощный*, *бесценный*, где эти прилагательные ошибочно возводятся к различным именным образованиям). Во многих случаях неточно даются ссылки на соответствующие корни, когда на самом деле в статьях приводятся не корни, а слова. Например, лат. *signum*, *similis*, *sonus* (вып. I, с. 162–163), разумеется, не являются корнями. Точнее было бы во всех случаях подобного типа писать: «корень (заключен) в таком-то слове».

Неточно приведено др.-гр. ὅμφι- как 'всюду' (в статье *амфибия*), др.-гр. ἀνατομή как 'анатомия' (статья *анатом*), др.-гр. βελτίων как 'лучше' (статья *большой*). Лат. *architectura* как производное от *architector* требует пояснений, ибо далеко не всякий читатель знает, что последнее слово представляет собой отложительный глагол, а не существительное со значением 'архитектор'.

Древнейшее значение др.-гр. ἀστρολόγος совпадает с современным 'астроном', а не 'звездочет'. Поэтому не следовало в статьях *астролог* и *астрология* давать, по существу, различное этимологическое истолкование этих слов.

Неверное фонетическое объяснение приведено в статье *бор* (*сбор, лов; дань*): «Образовано с помощью темы *а > *о от того же корня, что и *беру*, правда в перегласованном виде (*bhaḡ-). См. *братъ*» (вып. II, с. 165). Предположение о «перегласовке» в корне и об изменении *а > *о в основе (*bhaḡas > *bhogos) является ошибочным. Образования типа лит. *bāgas* или др.-инд. *bhāgaḥ* не подтверждают этого предположения, ибо как литовское, так и древнеиндийское *a* представляет собой обычное отражение индоевропейского *о. Др.-рус. *боръ*, лит. *bāgas*, др.-инд. *bhāgaḥ*, др.-гр. *φόρος* и др. отражают единую форму *bhogos, которая находилась в регулярном чередовании с глагольными образованиями, имеющими огласовку *е: ст.-сл. **БЕРЖ**, лат. *fego*, др.-гр. *φέρω* и др. (ср. *везу/воз, веду/-вод* и т. п.).

Англ. *blooming* (см. статью *блуминг*) не может рассматриваться как «суффиксальное производное от *bloom* ‘стальная болванка’», так как все английские формы на *-ing* подобного типа представляют собой отглагольные образования. В словаре оказалось пропущенным важное промежуточное словообразовательное звено (*bloom* → *to bloom* → *blooming*).

В статье *бета* следовало отметить, что это не просто «новое заимствование из греч. яз.», но заимствование, искусственно воссоздающее нормы древнегреческого произношения.

Значение ‘дважды рожденный’ у др.-инд. *brahmān* (статья *браман*) не связано с этимологией этого слова. Ссылка на данное значение может ввести в заблуждение читателей этимологического словаря.

В целом ряде статей индоевропейские и славянские соответствия даны без перевода. Обычно перевод отсутствует, когда значение соответствий совпадает со значением русского слова. Однако нередко это правило нарушается. Так, др.-инд. *babhḡiḥ* не имеет значения ‘бобр’ (статья *бобр*), чеш. *bezcepný* не совпадает по значению с рус. *бесценный* и т. п. Во всех случаях подобного рода следовало дать переводы соответствующих слов.

Слишком много в рецензируемом словаре имеется отмеченных и неотмеченных опечаток. Так, список «Опечатки и исправления», приложенный к первому выпуску, составляет 45 строк. 20 неотмеченных опечаток было обнаружено мною в первых двух выпусках словаря, хотя я и не занимался специально вычиткой опечаток. На эту сторону издания следует обратить особое внимание при подготовке последующих выпусков словаря.

В библиографических ссылках авторы нового этимологического

словаря русского языка не всегда опираются на новейшие и наиболее фундаментальные работы. Так, вместо ссылок на 2-е издание «Латинского этимологического словаря» А. Вальде (см. Walde²) следовало пользоваться 3-м изданием этого словаря, которое было значительно расширено и заново переработано Й. Гофманом (Walde³). При наличии новейшего этимологического словаря древнеиндийского языка М. Майрхофера (Mayrhofer 1953 ff) едва ли имеет смысл ссылаться на давно устаревший словарь Уленбека (Uhlenbeck 1898—1899). Наконец, никак не следовало бы в научном издании этимологического словаря русского языка опираться на учебные словари латинского (Ананьев 1862) и древнегреческого (Дворецкий 1958) языков, которые никогда не претендовали на какой-либо авторитет в области латинской или греческой этимологии.

Приведенные выше критические замечания ни в коей мере не снижают той общей высокой оценки первых двух выпусков «Этимологического словаря русского языка», которая была дана в начале рецензии. Такие статьи, как *алло*, *балаболка*, *батрак*, *батя*, *бекеша*, *бередить*, *бледный*, *болтать* (говорить), *борщ*, *баярин*, *буркалы* и многие другие, написаны интересно и убедительно — с привлечением материала новейших исследований. Можно было бы подробно остановиться на разборе этих статей. Однако читатель получит гораздо больше пользы, если он обратится здесь непосредственно к самому словарю.

Во многих статьях содержатся новые этимологические толкования, принадлежащие автору-составителю словаря. В рамках краткой словарной статьи не всегда можно было с достаточной убедительностью изложить ту или иную новую этимологию. Будем надеяться, что такого рода новые этимологии, даже если они сейчас представляются иногда спорными, станут предметом специальных исследований, которые приведут к дальнейшему развитию русской этимологии.

Но уже и теперь можно с определенностью сказать, что появление первых двух выпусков «Этимологического словаря русского языка» Н. М. Шанского внесло существенный вклад в развитие русской и славянской этимологической науки.

Г. П. ЦЫГАНЕНКО. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
РУССКОГО ЯЗЫКА.

Киев, «Радянська школа», 1970*

Новый этимологический словарь русского языка предназначен главным образом для учителей-словесников и для учащихся средней школы. Его можно использовать также для занятий со студентами филологических факультетов. Наконец, научно-популярный характер нового словаря делает его вполне доступным для массового читателя, проявляющего, как известно, постоянно растущий интерес к происхождению слов, к истории родного языка.

Словарь Г. П. Цыганенко, написанный на материале уже существующих этимологических словарей, интересно задуман и, в основном, хорошо выполнен. Автор словаря не ограничивается чисто этимологическими задачами, но подробно останавливается на истории слов и на словообразовательных связях между ними. В этом отношении рецензируемый словарь не в меньшей, а, пожалуй, даже в большей степени, чем КЭСРЯ, является словарем словообразовательно-исторического характера.¹

Удачным представляется алфавитно-гнездовой способ размещения слов в словаре, что позволяет экономно излагать этимологический материал, избегая ненужных повторений. Автору удалось устранить наиболее существенные недочеты алфавитно-гнездового способа размещения словарных статей. Как известно, в словаре А. Г. Преображенского, например, для того чтобы найти то или иное слово, в отдельных случаях нужно заранее знать... его этимологию. Разного рода отсылки помогают читателю словаря Г. П. Цыганенко быстро найти нужное ему слово. Правда, система отсылок не во всех случаях достаточно продумана. Так, едва ли стоило давать этимологию под рубрикой производных слов, отсылая к ним читателя, который ищет более простое слово. Например: *личный* — см. *приличный*, *строфа* — см. *катастрофа*. В словаре есть специальная статья *подноготная*, а в статье *ноготь* сказано только: «см. *нога*».

Отбор слов, ориентированный преимущественно на активную лексику русского литературного языка, в основном, не вызывает возражений. Наличие большого количества слов иноязычного происхождения также не может считаться недостатком этимологического словаря.

* Рецензия опубликована в журнале: Русский язык в школе. 1971. № 3. С. 117–121.

¹ См. в связи с этим программную статью Н. М. Шанского (1959: 32–42).

В рецензии на словарь Н. М. Шанского (Откупщиков 1966: 118–119) нам уже приходилось писать о том, что объяснение иноязычного слова в этимологическом словаре преследует задачи, во многом отличные от задач, стоящих перед словарем иностранных слов. Поэтому неправы те этимологи, которые считают, что иноязычная лексика должна объясняться в словарях иностранных слов или в этимологических словарях соответствующего языка. Однако когда Г. П. Цыганенко пишет, что в этимологическом истолковании нуждаются «прежде всего слова, иноязычные по происхождению» (с. 5.), то с подобным утверждением едва ли можно согласиться. Между тем это сredo автора словаря нашло свое отражение и в отборе лексики. В словаре мы находим такие, например, иностранные слова, как *аккумулятор*, *барбарис*, *калькуляция*. Но в нем нет русских слов *ваять*, *великий*, *веревка*, *верх*, *вес*, *вешать*, *висеть*, *вечер*, *висок*, *вихрь*, *вишня*, *влага*, *вожжа*, *ворон(а)*, *ворчать*, *воск*, *вред*, *вчера*, *вымя*, *высокий*. Кстати, все приведенные слова (взяты выборочно только на букву *в*) можно найти в КЭСРЯ.

Положительным качеством нового словаря является последовательно проводимое разграничение языка-источника и языка-посредника при этимологизации заимствованных слов. Следует также признать удачным снабжение каждого этимологизируемого слова пометой с современным его значением. Хотя это, строго говоря, — функция толковых словарей, данное новшество устраняет возможность смешения реконструируемого и современного значения слова при пользовании словарем.

Очень интересны в словаре примеры из украинского языка и его диалектов. Во многих случаях они проливают новый дополнительный свет на этимологию или на словообразовательную модель анализируемых русских слов, например: укр. *побралися* 'женились' (статья *брак*), укр. диал. *ректи* 'говорить' (*речь*), укр. *немовля* 'дитя' (*отрок*), укр. *глуна* (*глуха*) *ніч* 'глубокая, глухая ночь' (*глухой*), укр. *клюйдерев* 'дятел' (*дятел*) и др. Думается, что в русском этимологическом словаре, вышедшем на Украине, материал украинского языка можно было бы даже расширить. Так, для статьи *дятел* неплохо было дать ссылку на укр. диал. *довбач* 'дятел', для статьи *кора* — на укр. диал. *черти* 'обрезать, обдирать кору' (*черти* относится к *кора*, как *везти* к *воз*, *нести* к *ноша* и т. п.). В статье *парикмахер* архаичную русскую форму *перукмахер* неплохо было бы сопоставить с укр. *перука* 'парик', *перукар* 'парикмахер', *перукарня* 'парикмахерская'. В пользу польского

посредничества при заимствовании рус. *комната* свидетельствует укр. *кімна́та* — с ударением на предпоследнем слоге. В статье *река* можно было сослаться на укр. *ринути* ‘потечь’, в статье *петь* — на укр. *півень* ‘петух’.

Основная масса статей рецензируемого словаря написана интересно и убедительно. Из имеющихся этимологий автор обычно выбирает наиболее правдоподобные. Из особенно удачно написанных статей можно было бы отметить статьи *кабинет*, *одеколон*, *печатать*, *птица*, *ярый* и мн. др. Останавливаться на содержании этих статей в рецензии едва ли целесообразно. Гораздо проще читателю обратиться непосредственно к словарю. Полемицировать с автором по отдельным этимологиям, которые рецензенту представляются неудачными, в рамках краткого отзыва также было бы затруднительно. Поэтому в критической части рецензии я позволю себе остановиться главным образом на общих вопросах принципиального характера.

Начнем с вопросов фонетики. У читателя словаря может создаться весьма смутное представление о том, что такое звуковое соответствие и чередование. По существу, любой случай в расхождении звучания сравниваемых слов автор рассматривает как «звуковое соответствие» или «чередование». Можно ли, например, говорить, что в словах *дань* и (*но*) *дать* мы имеем «звуковое соответствие» *н* — *т*? Разумеется, нет, ибо перед нами просто разные суффиксы. Однако Г. П. Цыганенко в аналогичных случаях пишет о «звуковых соответствиях». В результате в словаре устанавливаются «соответствия» типа герм. *bh* (кстати, этот и. -е. звук утрачивал в германском свою придыхательность) и слав. *m* (с. 535) или лит. *g* и слав. *z* (с. 366). На самом деле и. -е. **bh* дает и в германском, и в славянском *b*, а славянскому *z* соответствует лит. *ž*, а не *g* (ср. *зима* — *žiema*). В случае рус. (*у*) *толити* — лит. *tilti* автор видит «звуковое соответствие» *о* — *і* (!), хотя перед нами обычное чередование **o/нуль* (**ol/*!l*). Нельзя говорить о «соответствии» *j* — *l* в случае *язык* — лат. *lingua* (с. 564), хотя бы потому, что латинское слово было образовано от *dingua* (ср. эту архаичную латинскую форму и нем. *Zunge*). Г. П. Цыганенко устанавливает «звуковое соответствие» *th* — *p* для готского *thiuda* — *piuda* (с. 543). Но все дело в том, что *th* в первом слове — всего лишь транскрипция, а *p* во втором — повторение опечатки А. Г. Преображенского (*p* вместо правильного *þ*). На самом деле перед нами одно и то же готское слово *þiuda*.

«Чередованием» в словаре называется всякое фонетическое изме-

нение, а не его результат. Отсюда постоянно повторяющееся выражение: «произошло чередование звуков». В итоге фонетические изменения типа и.-е. *k' > праслав. *s или и.-е. *ō > праслав. *а в словаре называются чередованием (с. 429, 325, 456). Качественное изменение и.-е. *ō > праслав. *а автор словаря называет также «удлинением» (с. 344, 350 и др.), хотя никакого количественного изменения гласного в данном случае не было.

В словаре постоянно смешиваются праслав. ѣ, ū и ou. Такие звуковые изменения, устанавливаемые автором, как *ou > ѣ > ѡ* (с. 350) или *ѣ > ѡ > нуль* (с. 588), очень трудно признать правдоподобными. Целый ряд реконструкций, связанных с праславянскими дифтонгами *ei* и *oi*, также следует признать сомнительными. Так, *ъ* в слове *венец* (*въньць*) автор возводит к дифтонгу *ei*, хотя этот дифтонг закономерно дает *и* (*вити*), а *ъ* в приведенном случае явно восходит к *oi* (ср. лит. *vainikas*). В качестве примера второй палатализации заднеязычных в словаре приводится *izgoiti > *изжити* (с. 573). Против этого можно сделать сразу несколько возражений: 1) переход *g > ж* относится к первой, а не ко второй палатализации; 2) дифтонг *oi* в середине слова давал *ъ*, а не *и* (*vilkoī > *вьци* — только в конце слова); 3) *-goi-* по второй палатализации дало бы *-зъ-*, а не *-жи-*. В слове *лицо* палатализация произошла не перед гласным переднего ряда (с. 371), а после *и* (тип *прорицати*).

Автор неправильно понимает термины «нуль гласного» (с. 243) и «звуковая разновидность». *Вьдъти* и *volsti не могут считаться звуковой разновидностью глагола *видъти* и *voldēti (с. 74, 351), ибо перед нами или разные словообразовательные модели, или же слова с разной семантикой.

В ряде случаев фонетико-словообразовательные реконструкции, приводимые в словаре, не выдерживают критики с хронологической точки зрения. Такие реконструкции, как и.-е. *gъei-ti (с. 148), *keuti (с. 542), *smto (с. 496), *ši- (с. 548), невозможны, ибо в индоевропейском не было суффикса инфинитива *-ti* палатализации *s (>š) и изменения *k' > s. Разумеется также, что и.-е. *sēmep не могло быть образовано от (праславянского) *sēti (с. 419). В статье *рак* автор, излагая одну из этимологий этого слова, пишет, что «оно возникло из более старого *каг- вследствие перестановки букв (так называемая анаграмма)» (?! — с. 390). Перед нами яркий образчик смешения звука и буквы. Несомненно, слово *рак* значительно древнее самых древних памятников славянской письменности, и ни о какой «анаграмме»

здесь не может быть и речи (очевидно, автор имела в виду метатезу — перестановку звуков).

Разного рода фонетические погрешности и ошибочные реконструкции содержатся также в статьях *звезда, кафедра, киснуть, круг, латы, трок, простор, село, слово, совесть, стремиться, тень* и др.

Перейдем к замечаниям словообразовательного характера. Г. П. Цыганенко придает большое значение так называемому безаффиксному способу образования слов, действуя при этом нередко с излишней прямолинейностью. Я не буду здесь касаться приставочных образований, — это очень сложный вопрос. Но посмотрим, как автор устанавливает характер деривации у бесприставочных имен и глаголов. К сожалению, никакой последовательности мы здесь не найдем. Почему, например, *зевать* образовано от *зев*, а *клевать* — от *клевать*, *зыкать* — от *зык*, а *бык* — от *букать*, *значить* — от *знак*, а *пар* — от *парить*, *цветистый* — от *цвет*, а *клад* — от *класть*? В словаре можно найти не менее полусотни примеров, где характер устанавливаемой деривации или сомнителен, или неверен. Об отсутствии у автора надежных критериев при установлении типа деривации говорит случай с прямо противоположным толкованием: *лов* от *ловить* (с. 201) и *ловить* от *лов* (с. 245). Особенно часто Г. П. Цыганенко возводит имена к явно вторичным отыменным глаголам на *-ити*, *-ати*. Так, слово *квас*, по ее мнению, было образовано от *квасити* «в результате отбрасывания суффикса *-ити*» (с. 197), *пар* и укр. *пара* — путем такого же отбрасывания суффикса — от *парити* (с. 328), *слава* — от *славити* (с. 428), *груз* — от *грузити* (с. 115), *луска* — от *луцити* (с. 537) и т. п. Однако с таким же успехом можно было бы говорить о том, что *мыло* образовано от *мылити*, *пена* — от *пенити*, *туман* — от *туманити* и т. д. Во всех приведенных случаях глаголы на *-ити* были образованы от соответствующих имен, а не наоборот. Некоторые из этих имен имеют надежные соответствия в родственных индоевропейских языках, т. е. возникли они еще тогда, когда не было суффикса инфинитива *-(и)ти*. На самом деле праслав. **gromz-ъ* (>*груз*), например, представляет собой производное от **gremz-ti* (>*по-грязти*) — с обычным чередованием *е/о* типа *везу* — *воз*, **tremz-ti* (>*трясти*) — **tromz-ъ* (>*трус*) и т. п. И уже на именной основе **gromz-* был образован каузативный глагол *грузити*. Та же самая словообразовательная модель отчетливо видна на примере литовских соответствий: *grĩmz-ti* → *gramzd-ũs* ‘погружающийся’ → *gramzd-ũti* (каузатив).

В других случаях автор словаря возводит к глаголам явно отымен-

ные образования. Так, слово *пища* объясняется как производное от *питати* (с. 343). Между тем этот глагол был образован от той же самой именной основы *пит-* (ср. др.-рус. *пита* ‘пища’), что и *пища* (<*питја, ср. ст.-сл. **СВЪЩА** < *свѣтъја — от именной основы *свѣт-*). Др.-рус. *чувство* в словаре возводится к *чувати*. Однако, во-первых, суффикс *-ство* присоединялся к основе на согласный, а глагол *чувати* имеет основу на *-а*. Во-вторых, с помощью суффикса *-(ь)ство* формировались отыменные, а не отглагольные образования. Подобного рода неверная деривация устанавливается в словаре для слов *горн*, *живот*, *кольчуга*, *ловкий*, *оскома*, *остров*, *плач*, *строка*, *сукно*, *тропа*, *ужас*, *час*, *черта* и др., а также для значительного числа латинских, греческих, французских и немецких слов. Так, неверно утверждение, что лат. *rigula* — от *pilula* (с. 335). Первое слово является уменьшительным к *rigum* ‘груша’, второе же — к *pila* ‘мяч’. Латинские глаголы *tribuo* и *verso* восходят к именным основам *tribu(s)* и *vers(us)*, а не наоборот (с. 487, 506). Нем. *Schlange* ‘змея’ образовано от *schlingen*, а не от *schlängeln* (*sich*). Утверждение автора словаря (с. 549) равносильно тому, что слово *змея* образовано от *змеяться*. Примеры подобного рода можно было бы увеличить в несколько раз.

В целом неудачными нам представляются статьи *афиша*, *боро-на*, *варяг*, *герметический*, *гладиатор*, *дорога*, *желудь*, *зябнуть*, *иметь*, *квасить*, *корова*, *корыто*, *облако*, *пласт*, *плыть*, *порт*, *посетить*, *свекровь*, *слава*. Каждая из этих статей содержит различного рода фактические ошибки или неудачные толкования. В ряде случаев, когда в словаре приводится несколько различных этимологий, наименее удачные из них лучше было вообще не давать. Например, *врач* — как тюркское заимствование, *желудь* — к *жрать*, *заяц* — к *зиять*, *зима* — как ‘время дождей’, *мороз* — в сопоставлении с лат. *grūna* ‘иней’, *рак* — к лит. *gàkti* ‘ковырять’, *тесный* — к др.-гр. στενός ‘узкий, тесный’, *уголь* и *ягненок* — к *огонь*. В то же время в отдельных случаях не мешало бы включить в словарные статьи некоторые новые этимологии, еще не вошедшие в существующие этимологические словари русского языка. Здесь я мог бы сослаться, например, на некоторые интересные и хорошо аргументированные этимологии О. Н. Трубачева (*петь*, *обилие* и некоторые другие).

В рецензируемом словаре содержится немало неточностей и ошибок в переводах иноязычных слов. Например, лат. *agens* (с. 16) ‘истец’, а не ‘адвокат’; лит. *degvà* (с. 126) ‘смола’, а не ‘сосна’ (повторение ошиб-

ки А. Г. Преображенского и М. Фасмера, исходивших, видимо, из значения 'смолистая (сосновая) лучина'; древнее финское заимствование *terva* 'смола' говорит о большой архаичности именно значения 'смола'); лит. *káuti* (с. 205) 'рубить', а не 'ковать', *kartùs* (с. 218) 'горький', а не 'бедный', *kasà* (с. 220) 'коса', а не 'волосы', лтш. *mīts* (с. 263) 'мена', а не 'менять', *màlka* (с. 271) 'глоток', а не 'напиток', *skurbstu* (с. 426) — не существительное ('обморок'), а 1-е л. ед. ч. глагола *skùrbt*; итал. *soldo* (с. 440) от (латинского!) *solidus*, что буквально означает 'плотный', а не 'золотая (монета)'; лит. *spėti* (с. 445) 'успевать', а не 'быть степенным'; др.-гр. *στρουθός* (с. 456) 'воробей', а не 'птица'; лит. *au-mėnys* 'разум', а не 'память' (с. 505) и не 'знакомый' (с. 567). Есть и другие примеры неудачных или неточных переводов.

Местами в словаре перепутаны примеры из разных языков. Так, *vēzums* (с. 63) и *stupas* (с. 446) — латышские, а не литовские слова; *ogbus* (с. 387) и *gussus* (с. 405) — латинские, а не литовские. Много случаев непоследовательной орфографии в передаче древнегреческих, древнеиндийских, литовских и праславянских слов. Так, праславянские реконструкции, вопреки обещанию (с. 575), нередко даются кириллицей (с. 365, 427 и др.). Древнеиндийская висарга передается тремя разными способами (*s*, *ḥ* и *h*). В одной и той же статье в словах с одним и тем же древнеиндийским корнем один и тот же звук передается то посредством *ç*, то *ś* (с. 220). Греческий ипсилон обозначается то как *и* (с. 15), то как *у* (с. 19); дифтонг *ou* — как *и* и как *ou* и т. д. Подобного рода разнобой — и в передаче литовских слов (не говоря уже о таких «мелочах», как ударения).

К сожалению, в словаре нередки случаи с непоследовательными и противоречивыми объяснениями. Так, в латинских *popina agentis* автор вычленяет то суффикс *-tor* (правильно), то *-or* (с. 16, 218), то *-ātor* (с. 99, 213). На с. 133 говорится о том, что **dorga* «образовано с помощью суффикса **-ga>-ga* . . . от глагола **dergati*». Но ведь этот суффикс есть уже у самого глагола. В статье *хоронить* приведены в качестве индоевропейских соответствий лат. *servāre* и др.-инд. *çagana*. Поскольку др.-инд. *ç* не соответствует латинскому *s*, ссылаться следовало на какое-то одно из этих слов. Такого же рода взаимоисключающие ссылки содержатся в статье *храбрый*. Противоречивы объяснения слов *палуба*, *поросенок*, *простой*, *скорняк*, *хребет* и др. Один и тот же язык называется в словаре то древнеисландским, то древнесеверогерманским, то древнескандинавским и даже древнесеверонемецким (?! — с. 229). В настоящее время принято употреблять первое из этих

названий. Можно, разумеется, с этим не соглашаться, но обозначать один и тот же язык четырьмя различными способами в любом случае не годится. То же самое относится к обозначениям: прусский и древнепрусский, старофранцузский и древнефранцузский (с. 12–13).

Ряд ошибочных положений содержится в «Пояснениях к словарию», которые помещены в конце книги (с. 570–594). Так, здесь говорится, что «латинский — язык древнеримских текстов (с VI по III в. до н. э.)» (с. 580). В источнике, которым пользовалась Г. П. Цыганенко, речь шла, видимо, о долитературной архаической латыни. Основная же масса памятников латинского языка относится, как известно, к более позднему времени. «Литовский и латышский, — говорится на той же странице, — языки древних текстов (с XVI в.)». Почему же из этого определения исключаются современные литовский и латышский языки и их диалекты? Кстати, ссылки на древние литовские и латышские примеры в словаре отсутствуют почти полностью. Крайне неудачной является «Таблица звуковых соответствий в индоевропейских языках» (с. 582–583). Здесь много невыправленных опечаток, недосмотров, пропусков.

Встречаются в словаре и так называемые этимологические «мифы». Вот пример одного из них. «Латинские слова *porta* ‘ворота’ и *portus* ‘гавань’ образованы от глагола *portāre* ‘носить, переносить’». Этимологическая связь между понятиями ‘носить’ (*portāre*) и ‘ворота, гавань’ (*porta*, *portus*) объясняется исторически следующим образом: у древних римлян был обычай при основании города вначале опаживать его, т. е. плугом бороздить черту, по которой должна была проходить городская стена. В тех местах, где следовало ставить ворота, плуг проносили на руках. Отсюда *porta* — букв. ‘место, где носят (плуг)’, затем — ‘место для входа — выхода’ и т. п. Автор, видимо, очень дорожит этим объяснением и повторяет его еще раз в «Предисловии» (с. 8). На самом деле приведенное объяснение всего лишь красивый вымысел на уровне народной этимологии. Прежде всего, у лат. *porta* ‘ворота’, *portus* ‘гавань’ (с исходным значением ‘проход, вход’) имеются надежные индоевропейские соответствия, в частности в германских языках. Мы их находим даже в современном нем. *Furt*, англ. *ford* ‘брод’, т. е. ‘проход (через реку)’ (кстати, сюда относится и английский топоним *Oxford* ‘бычий брод’). В исландском языке соответствующее германское слово, как и лат. *portus*, означает ‘гавань’ (оно проникло в русский язык в форме *фиорд*). Как же быть с ношением плуга во всех этих случаях? Ясно, что перед нами слово более древнее, чем приведенный римский

обычай. Затем, лат. *porta* не может восходить к *portāre* по словообразовательным причинам. Самый глагол *portāre* (< *poritāre) представляет собой фреквентатив к *rogoe ‘иду, еду’ (ср. готск. *faþan* ‘идти, ехать’). Значение ‘носить, возить’ у глагола *portāre* — вторичное, развившееся из значения ‘ездить’ (ср. нем. *fahren* ‘ездить’ и → ‘возить’). В этом отношении лат. *porta* ‘дверь’ и *portus* ‘гавань’ отражают более древнюю семантику корня **reg-/*rog-* ‘идти, ехать’ — ‘проход, проезд’. О том, что глагол *portāre* непосредственно сюда не относится, свидетельствует, например, образованное без суффикса *-t-* др.-гр. *πόρος* ‘проход’ (→ ‘пролив’, ‘переправа’, ‘путь’, а также ‘πόρα’; в последнем значении через западноевропейские языки это слово проникло и в русский язык: *πόρα, πόры* ‘отверстия потовых желез на поверхности кожи’). Попутно замечу, что франц. *port* ‘гавань’ восходит не к лат. *porta* ‘дверь’ (с. 8), а к *portus* ‘гавань’.

Другой такого же типа «миф» содержится в статье *персона*. Лат. *persōna* ‘маска’ не могло быть образовано от глагола *persōnāre* ‘громко звучать’ по ряду причин. Во-первых, глагол имеет в корне краткое *ō*, а существительное *persōna* — долгое. Во-вторых, слово *persōna* было заимствовано римлянами у этрусков (оно засвидетельствовано в этрусских надписях), а глагол *persōnāre* — исконно латинский. Наконец, в латинском языке не было словообразовательной модели, по которой существительное могло бы быть образовано от глагола «путем отбрасывания суффикса инфинитива».

Автор словаря повторяет довольно широко распространенную неточность в вопросе о происхождении слова *спартакиада*. Рабочие спартакиады не были непосредственно связаны с именем Спартака — вождя крупнейшего восстания рабов в древнем Риме (с. 444). На самом деле его именем был назван «Союз Спартака» в Германии, а отсюда (позднее) — крупные спортивные состязания рабочих. Данное обстоятельство является важным промежуточным звеном в семантической истории слова *спартакиада*.

Помимо уже отмеченных недостатков, словарь Г. П. Цыганенко содержит большое количество (более 150) разного рода частных ошибок, неточностей, невыправленных опечаток. Вот некоторые из них. Др.-сканд. (др.-исл. — *Ю. О.*) *vaingr (статья *варяг*) не было заимствовано из латинского и греческого, а является исконно германским словом. У др.-гр. *ἐνωτίζειν (правильно: *ἐνωτίζεσθαι*) неверно выделен «компонент» *-ζειν* ‘принимать’ (с. 77). На самом деле *-ειν* — признак инфинитива, а *-ιζ-* — отыменный суффикс. Нем. *Jaħr* не может проис-

ходить от готск. jēg 'год' (с. 566), ибо немецкий язык генетически не восходит к готскому (как, например, романские языки к латинскому). Много в словаре искаженных иноязычных слов. Так, правильным было бы нем. Vortuch, а не Fartuch (с. 93), др.-инд. ghūkaḥ, а не gluка (с. 103), лит. gridyti, а не gridti (с. 116), др.-гр. φηλή, а не dēlē (с. 130), готск. salt, а не solt (с. 430), нем. (Jahr)markt, а не (Jahr)mark (трижды — на с. 565—566) и т. д.

К сожалению, небрежное редактирование этимологических словарей у нас уже сделалось дурной традицией. Между тем этимологический словарь русского языка является справочным пособием для учителя-словесника, школьника, студента. Каждая, даже мелкая, опечатка и неточность в такого рода издании должна быть столь же нежелательной, как, например, в телефонной книге или в орфографическом словаре.

Большое количество критических замечаний еще не свидетельствует об общей отрицательной оценке книги Г. П. Цыганенко. Положительные качества словаря, отмеченные в начале отзыва, остаются в силе. Но обилие недочетов, мимо которых я, как рецензент, естественно, не мог пройти, привело к тому, что положительные стороны словаря были раскрыты мной не столь детально как хотелось бы.

В целом, при надлежащем научном редактировании, мы, безусловно, получили бы прекрасную книгу — полезную и учителям, и учащимся, и всем тем, кто интересуется происхождением слов русского языка.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ.

Изд. МГУ, вып. I (1960), II (1962),
III (1961), IV (1963), V (1966), VI (1968), VII (1972)*

Вот уже два десятилетия в нашем языкознании интенсивно разрабатываются вопросы, связанные с русской этимологией. Возрождению этого особого интереса к этимологии, по-видимому, в значительной мере содействовали два обстоятельства. Во-первых, это дискуссия по вопросам языкознания (1950) и последующее затем восстановление в правах сравнительно-исторического метода. Во-вторых,

---

* Рецензия была опубликована в журнале: Русский язык в школе. 1973. № 4. С. 99—102. Выпуски I—II ЭИРЯ вышли под редакцией проф. П. С. Кузнецова, остальные — под редакцией проф. Н. М. Шанского.

выход в 1953–1957 гг. «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера (на немецком языке). Журнал «Вопросы языкознания» в 1952–1960 гг. публикует серию теоретических статей, посвященных различным проблемам этимологического анализа и принципам составления этимологических словарей (статьи В. И. Абаева, Р. А. Ачаряна, М. Н. Петерсона, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, Н. М. Шанского и др.; см.: Абаев 1952; Ачарян 1952; Петерсон 1952; Топоров 1960; Трубачев 1960а; Шанский 1959). Институт русского языка АН СССР с 1963 по 1973 г. выпустил под редакцией О. Н. Трубачева восемь фундаментальных сборников «Этимология» общим объемом около трех тысяч страниц. Не менее интенсивно шла публикация этимологических словарей. В 1959 г. был переиздан «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского; в 1961 и 1971 гг. в издательстве «Просвещение» вышли два издания «Краткого этимологического словаря русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской. За период с 1963 по 1973 г. в издательстве МГУ было опубликовано 5 выпусков «Этимологического словаря русского языка» под редакцией Н. М. Шанского (буквы А — Ж). В 1964 г. вышел I том Словаря М. Фасмера в русском переводе с дополнениями О. Н. Трубачева, за ним последовали II (1967) и III тома (1971). Наконец, в 1970 г. в Киеве вышел «Этимологический словарь русского языка» Г. П. Цыганенко. Как правило, эти словари не залеживаются на книжных полках магазинов, несмотря на то, что тираж одного только 2-го издания «Краткого этимологического словаря русского языка» составил 200 тысяч экземпляров. Все это свидетельствует о том, что глубокий и длительный интерес к вопросам русской этимологии не ограничивается узким кругом ученых-языковедов, а охватывает широкие массы читателей.

В этих условиях едва ли нужно обосновывать необходимость и полезность публикации «Этимологических исследований по русскому языку» (ЭИРЯ). Каждый из выпусков этого издания в среднем содержит от 10 до 20 статей по этимологии и связанным с ней вопросам. Объем I и III выпусков составил примерно 5–6 печатных листов каждый, остальных выпусков — по 12–13 печатных листов. Всего в семи вышедших выпусках было опубликовано более 100 статей, занявших свыше 1100 страниц текста. Поскольку даже простое перечисление этих статей заняло бы несколько страниц, в настоящую рецензию внесены следующие ограничения: 1) рассматриваться будут только статьи по этимологии или по общим принципам этимологического анали-

за, хотя в выпусках ЭИРЯ было опубликовано немало интересных работ по истории слов, словообразованию и другим вопросам; 2) преимущественное внимание будет уделено словам с «дальней» этимологией; 3) рецензент будет касаться главным образом тех статей, в которых содержатся новые этимологии или вносятся существенные поправки и приводятся новые аргументы в пользу спорных старых этимологий.

Одной из наиболее интересных в I выпуске мне представляется новая этимология слова *рыба*, предложенная В. Н. Топоровым. Ни одна из прежних этимологий этого слова не может быть признана убедительной. Поскольку в славянских языках не сохранилось древнего индоевропейского названия рыбы, В. Н. Топоров высказал предположение о том, что слав. *гу́ба — это позднее новообразование табуистического происхождения с исходным значением 'пестрая, рябая'. Чередующийся корень *gembh- : *gombh- : *gṃbh- дает на славянской почве *gęb (>рябъ) : *gǫb- (>руб/ить/) : *gumb->*gūb->*gub-(>рыба, ср. лит. gūtbas 'рубец' : *рыба* и лит. lūpkas : *лыко*).¹ Статья В. Н. Топорова имеет важное значение не только для этимологии слова *рыба*, но и для реконструкции праславянских фонетических процессов, в частности для установления назализованного гласного в качестве одного из источников славянского у(ы).

В том же I выпуске следует отметить две важные в теоретическом отношении статьи. Это «Этимологические заметки» Н. М. Шанского, в которых подчеркивается значение словообразовательного подхода к этимологическому исследованию,² а также статья В. И. Абаева, посвященная семантическому аспекту этимологического анализа (о привлечении семантических параллелей из других языков при обосновании этимологии анализируемого слова).

Во II выпуске следует отметить интересную серию этюдов О. Н. Трубачева (*паюс, черемуха, корчага*, топоним *Керчь*). Любопытный материал содержится в заметке о слове *ласточка*, которое засвидетельствовано в русском языке также со значением 'ласка' (название зверька). Однако предполагаемая автором этимологическая связь между словами *ласточка* и *ласкать, ласка* представляется менее вероятной, нежели традиционное сопоставление с лит. lakstýti 'летать' и lakstūs 'быстрый'. Параллели, отмеченные О. Н. Трубачевым, могут

¹Последнее фонетическое изменение у В. Н. Топорова представлено несколько иначе: *gǫb->*gub-, где э «обозначает источник славянского у» (с. 10–11). Но общая идея остается той же.

²Свои теоретические положения Н. М. Шанский иллюстрирует интересными и убедительными примерами со словами *замухрышка, косяк, косынка, рвение* и др.

быть объяснены как результат позднейшего народноэтимологического сближения.

С оригинальной попыткой обосновать исконное, а не заимствованное происхождение слав. *stoku (рус. *смоква* и др.) выступил в том же выпуске ЭИРЯ В. М. Иллич-Свитыч (связь с чеш. *spot* 'сок растенный' и др.). Из других публикаций II выпуска можно отметить заметку В. В. Лопатина о слове *бедокур* и статью Ж. Ж. Варбот «Индоевропейское *k'leu-».

В небольшом по объему III выпуске в теоретическом плане представляют интерес статьи О. Н. Трубачева и Н. М. Шанского, в которых отчетливо выступает различное отношение авторов к вопросу о роли и месте словообразовательного анализа в этимологическом словаре русского языка. Из конкретных этимологий, которые рассматриваются в этом выпуске, мне хотелось бы отметить новое объяснение происхождения слова *манишка*, предложенное Н. М. Шанским (к рус. диал. *мана* 'красивая, нарядная вещь', ср. также *манька* 'белая муфта' и др.). Раньше это слово обычно рассматривалось как заимствованное из итальянского языка: *manica* 'рукав'. Кстати, в связи с этим автор статьи отмечает интересный парадокс, заключающийся в приведенном объяснении: манишка не имеет рукавов (!).

В IV выпуске ЭИРЯ несомненный интерес представляет статья В. В. Лопатина «И. А. Бодуэн де Куртенэ как этимолог». Ценность этой статьи не только в том, что она освещает важные страницы истории отечественного языкознания, она интересна также и в плане рассмотрения некоторых теоретических вопросов этимологической науки. Ряд важных проблем, связанных с этимологизацией заимствованных слов, рассматривает в своей статье венгерский языковед Л. Киш. Свои теоретические положения он подкрепляет главным образом примерами из области славяно-венгерских лексических контактов. Тем же вопросам этимологизации заимствованных слов посвящена статья А. Е. Супруна «Среднеазиатская лексика в русском языке». К сожалению, эта первая из обещанной серии статья (носящая явно вводный характер) до сих пор остается первой и последней . . .

Еще одну этимологию очень трудного слова *сапог* предложил в том же IV выпуске ЭИРЯ А. С. Львов. Он связал это слово с рус. диал. *сапить* 'вязать (лошадь)', *сап* 'конские пути' и др. Если учесть, что уже после этого в сборнике «Этимология, 1965» О. Н. Трубачев в весьма категорической форме высказался в пользу иранского происхождения

слова *сапог*,³ читателю предоставляется богатый выбор из целого ряда в принципе возможных этимологий, из которых, однако, в настоящее время ни одна не может быть признана надежной. Нельзя считать убедительным также предположение о тюркском происхождении слова *врач*, высказанное в статье О. Н. Трубачева. Традиционная этимология слова *врач*, объясняющая его как производное глагола *врать* 'заговаривать (болезни)', надежно подтверждается материалом славянских языков и едва ли нуждается в пересмотре.

В послесловии к своему «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмер писал: «Если бы мне пришлось начать работу снова, я уделил бы больше внимания калькам и семасиологической стороне» (Фасмер, I, 14). Действительно, в вопросе о калькировании до сих пор остается много «белых пятен». В этой связи большой интерес представляет статья К. Флекенштейн (ГДР) «О некоторых теоретических проблемах калькирования», опубликованная в V выпуске ЭИРЯ. В качестве одной из наименее удачных этимологий, напечатанных в том же выпуске, мне хотелось бы отметить заметку В. П. Гудкова о слове *хороший*. Не убеждает новая этимология слова *онуча*, предложенная в статье В. В. Колесова (из *o-put-j-a — от корня *put- 'крутить, вязать'). Слишком многое здесь приходится пересматривать (в частности, этимологии слов *нута* 'вереница', *нута* 'домашний скот', чеш. *putiti* 'заставлять'), для того чтобы подвести к весьма проблематичной реконструкции значения 'крутить' для корня *put-. Традиционная этимология слова *онуча* мне кажется более правдоподобной (из *op-ou-t-j-a, ср. *ob-ou-t-j-a > болг. *обуца*, рус. диал. *обучи* (мн. ч.) 'обувь').

Одной из наиболее интересных, убедительных и обстоятельно аргументированных статей во всех вышедших до настоящего времени выпусках ЭИРЯ, по-моему, является статья Ю. П. Чумаковой об этимологии русского диалектного слова *просесть/прошес(т)ь* 'зев' (ткацкий термин). Нужно сказать, что значительные слои русской диалектной, особенно узкорегionalной лексики до сих пор представляют собой «целину» в этимологической науке. Правда, какую-то часть диалектных слов включил в свой словарь М. Фасмер, но и после этого осталось еще немало диалектных слов, в частности относящихся к ремесленной терминологии, которые все еще ждут этимологической ин-

³«... Нам кажется совершенно очевидным заимствование др.-рус. *сапогъ*, ст.-сл. **САПОГЪ** из иран. *saraga- ... »; см.: Трубачев 1967: 40. Кстати, гораздо менее уверенно О. Н. Трубачев говорит об этом в дополнениях к русскому переводу словаря М. Фасмера (III, 559).

терпретации. Анализу одного из таких слов, которое до сих пор никем не этимологизировалось, и посвящена статья Ю. П. Чумаковой. *Прощеть* (наиболее распространенная форма этого слова), по мнению автора статьи, подкрепленному тщательным фонетическим, словообразовательным и семантическим анализом, — это производное глагольного корня *шъд-* (<*xǐd-, *sǐd-) ‘идти’ с исходным значением ‘проход’ (→ ‘место прохода’ → ‘место для прохода ткацкого челнока, зев’). По типу образования Ю. П. Чумакова сравнивает слово *прощеть* с *пропасть* (-ст-<-dt-); она находит в древнерусском языке производные, образованные на той же (но бесприставочной) основе *шъд-*: *шьсть-ныи* ‘проходимый’, *шьствие* ‘шествие’ (собственно: ‘/про/хождение’). Все это делает этимологию, предложенную Ю. П. Чумаковой, в высшей степени убедительной. Единственное мое замечание касается слова *известь*, которое автор относит к числу «старых существительных с суффиксом *-ĭi» (с. 182). На самом деле это заимствованное из греческого языка слово было лишь преобразовано по указанной славянской модели.

В свое время А. Мейе отмечал, что авторы этимологических словарей часто приписывали древнейшим реконструируемым словам первоначальное абстрактное значение, тогда как на самом деле эти слова на древнейших этапах развития языка обладали значением конкретным (Мейе 1938: 385). Двадцать лет тому назад об этом же писал М. Н. Петерсон: «Реконструированным сравнительной грамматикой словам всегда приписывалось *абстрактное значение*. В засвидетельствованных языках слова эти обыкновенно имели *конкретное значение*. Таким образом, принималось развитие от абстрактного к конкретному, что противоречит действительному положению вещей. На эту ошибку не раз указывали и в былое время (ссылка на работу М. Фасмера 1909 г. — Ю. О.), но она продолжает существовать в исследовательской практике специалистов по сравнительному языкознанию до наших дней» (Петерсон 1952: 73).

После этой пространной цитаты обратимся к статье В. Я. Дерягина из VI выпуска ЭИРЯ. Автор этой статьи утверждает, что «перенесение названия “труда вообще” на название конкретного вида труда, в особенности играющего важную роль в жизни народа, является одной из всеобщих закономерностей семантического развития слов» (с. 50). Этот важный вывод, коренным образом противоречащий только что изложенной точке зрения, делается на основании наблюдений автора над историей слова *пахать*. Вслед за П. Я. Черных В. Я. Дерягин приходит

к заключению, что первоначальным у глагола *пахать* было значение 'делать' (ср. чеш. *páchatí* 'делать'). Аргумент — ссылка на аналогичные семантические изменения в случаях с лат. *laborare* 'трудиться, работать' — *frumenta laborare* 'заниматься хлебопашеством' — франц. *labouger* 'пахать, обрабатывать землю' и с др.-гр. *ἐργάζομαι* 'тружусь' и 'обрабатываю (землю)'.

Однако, во-первых, производные корня *ἔργ-* в древнегреческом языке обозначают любой труд (в том числе, разумеется, и труд земледельца), поэтому говорить о семантическом изменении типа 'делать' или 'работать' → 'пахать' в данном случае не приходится. Во-вторых, первоначальное значение слов с данным древнегреческим (индоевропейским) корнем было связано не с названием 'труда вообще', а с конкретной ткаческой терминологией (Роконпу, 1169). Абстрактное значение лат. *laborare* 'трудиться, работать' также не является «первоначальным», а восходит к более древнему конкретному значению. Вообще, абстрактные значения типа 'работать', 'делать', 'создавать' и т. п., как правило, восходят к более древним обозначениям конкретных трудовых процессов или действий. Вот несколько примеров подобного типа: а) рус. *созидать* (*создавать*) восходит к др.-рус. *зѣдѣ* 'глина'; б) нем. *schaffen* 'создавать, творить' — это слово, сформировавшее свое значение на базе более древнего конкретного действия — резьбы по дереву; в) нем. *machen* и англ. *to make* 'делать' этимологически связаны с рус. *мазать* — словом, сохранившим более древнее конкретное значение; г) древнегреческая основа *ἔργ-*, нем. *werken*, англ. *to work* 'работать', как было отмечено выше, возникли на базе ткаческой терминологии (с конкретным значением исходного глагольного корня 'вращать, крутить'); д) лит. *dirbti* 'работать' и *dárbas* 'работа' раскрывают свое более древнее конкретное значение при сопоставлении с др.-инд. *dṛbhati* 'плетет'. Этот перечень без особого труда можно было бы умножить. Разумеется, во время позднейших семантических изменений возможны были и обратные процессы конкретизации и терминологизации более общих значений (сюда можно отнести и пример с лат. *laborare* — франц. *labouger*). Но в этих случаях мы не вправе говорить о «первоначальном» абстрактном значении слова. И едва ли в этих сравнительно более редких случаях следует видеть «одну из всеобщих закономерностей семантического развития слов».

В VII выпуске ЭИРЯ очень интересным является исследование В. Д. Бондалетова «Греческие элементы в условных языках русских торговцев и ремесленников». Однако эта значительная и по объему

(44 с.), и по охвату материала работа нуждается в специальной отдельной рецензии. Из остальных статей VII выпуска хотелось бы отметить статью Н. М. Шанского «Слова с приставкой *ко-* и ее алломорфами в русском языке». Здесь мы находим ряд свежих этимологических идей, связанных с вычленением указанной приставки в словах *ковылять, ковырять, кокура, ковер, корысть* и др. Думается, однако, что эти идеи должны быть обстоятельно обоснованы в серии специальных статей, посвященных более детальному анализу этих слов. Интересны возражения Н. М. Шанского О. Н. Трубачеву по вопросу об этимологии слова *кобель*, в котором последний выделяет приставку *ко-*. Недостаточно обоснованным представляется выделение приставки *ко-* (*ка-*) в слове *калека*, которое предлагает в своей статье Н. М. Шанский. Подобной интерпретации препятствует заимствованный характер предполагаемой основы данного слова, а также серьезные трудности семантического порядка.

Интересную новую этимологию слова *бред* 'бессвязная речь больного', 'вздор, бессмыслица' предложил А. И. Корнев в статье, опубликованной в VII выпуске ЭИРЯ. Опираясь на наличие определенной семантической закономерности, которая проявляется в процессе формирования таких близких по значению слов, как *вздор, чепуха, кавардак, дребедень*, франц. *rêle-mêle, мешанина* и др., А. И. Корнев сопоставляет анализируемое им слово с рус. диал. *бред* 'смесь скошенных разносортных трав, сенная мешанина' и устанавливает семантическое развитие: 'смесь скошенных трав' → 'чепуха, вздор'. Глагол *бредить* при этом, естественно, рассматривается как производный (*бред* → *бредить*).

В. М. Мокиенко, анализируя местные географические термины *мочага, боцага* и *корчага*, предлагает рассматривать их в рамках единой словообразовательной модели: 1) *ток-ј-а > *мо́ча* 'влага, сырость' → *мочага*; 2) *buk-ј-а > *бъча (→лтш. *bica* 'бочка') → *боцага*; 3) *kirk-ј-а > *кърча → *корчага*. Впрочем, автор не исключает возможности тюркского происхождения последнего слова, но в этом случае оно было переоформлено по славянской словообразовательной модели.

Особенно убедительными являются заметки В. М. Мокиенко, посвященные происхождению слов *шваль, шушваль* и *шушера*. Казалось бы, о первом слове высказано столько противоречивых точек зрения, что его этимология запутана окончательно. Автор статьи возвращается к старому сопоставлению слова *шваль* с франц. *cheval* 'лошадь'. Однако он вносит в это сопоставление весьма существенную по-

правку, опираясь не на литературное, а на арготическое значение слова *cheval* 'грубый, жестокий человек'. Заметка В. М. Мокиенко о слове *шваль* — весьма удачный и хорошо аргументированный этимологический этюд, проливающий новый свет на происхождение этого трудного слова.

Если говорить о всех семи выпусках ЭИРЯ в целом, то необходимо отметить, во-первых, постепенное сокращение от выпуска к выпуску собственно этимологических статей. Особенно это бросается в глаза при сопоставлении первого выпуска с седьмым. В I выпуске только статьи В. В. Виноградова и П. С. Кузнецова были посвящены скорее вопросам истории слова, нежели этимологии. Во всех остальных статьях, как правило, предлагались новые этимологии русских слов. В последнем, VII выпуске ЭИРЯ, строго говоря, только в статьях А. И. Корнева, В. М. Мокиенко и Н. М. Шанского мы находим новые оригинальные этимологические толкования. Остальные 15 статей, обладая самыми различными достоинствами, по своей этимологической значимости не могут быть поставлены в один ряд со статьями I выпуска.

Второе — это небрежность в оформлении некоторых статей. Я не буду здесь перечислять разного рода недосмотры, опечатки и прочие погрешности. Замечу только, что если взять, например, всего лишь две статьи из последнего выпуска (с. 63–85), то количество ошибок в передаче и понимании греческой и латинской терминологии здесь явно переходит за грань допустимого.

И, наконец, последнее. В предисловии к I выпуску ЭИРЯ говорится (с. 3), что данное издание имеет своей целью систематическую публикацию этимологических исследований в области русского языка в качестве материалов, которые могут быть использованы при подготовке нового «Этимологического словаря русского языка», выпускаемого издательством МГУ. Публикация этого Словаря в настоящее время дошла только до буквы Ж, к тому же новые этимологии, появившиеся в последних выпусках ЭИРЯ, не могли найти отражения в ранее или одновременно с ними опубликованных выпусках Словаря. Поэтому довольно трудно судить, насколько успешно осуществляются цели, которые преследуются изданием ЭИРЯ. И все же некоторые наблюдения в этом отношении можно сделать. Уже нашли свое отражение в новом Словаре опубликованные в ЭИРЯ этимологии слов *апорт*, *бедакур*, *борозда*, *борона*, *вено*, *гнев*, *гумно*, *жучка* (с положительной или с относительно нейтральной оценкой), а также *багульник*, *будоражить*, *врач* (с отрицательной оценкой). Если сопоставить между

собой данные четырех этимологических словарей русского языка (изд. МГУ, КрЭС, Г. П. Цыганенко и русский перевод Словаря М. Фасмера), то, с учетом незаконченности двух словарей и хронологических расхождений, окажется, что публикации ЭИРЯ нашли довольно широкое отражение в этих словарях. В трех словарях из четырех так или иначе отмечены этимологии слов *борона*, *манишка*, *невеста*, в двух словарях — слова *апорт*, *бедокур*, *борозда*, *врач*, *гнев*, *гумно*, *ласка*, *лоно*, *норка*, *пихта*, *подражать*, *сапог*. Около 20 этимологий, опубликованных до выхода соответствующих томов русского перевода Словаря М. Фасмера, нашли свое отражение в дополнениях О. Н. Трубачева к этому Словарю. В большинстве случаев соответствующие ссылки даны в положительном или нейтральном плане. И только новым этимологиям слов *апорт* и *изба* даны отрицательные оценки.

Все это свидетельствует о том, что издание периодических выпусков ЭИРЯ вполне себя оправдывает. Очередные выпуски, как правило, очень быстро расходятся, к ним постоянно обращаются преподаватели вузов на практических занятиях со студентами, которые широко пользуются статьями ЭИРЯ при подготовке курсовых и дипломных работ по исторической лексикологии, диалектологии и иным аспектам изучения русского языка. На статьи ЭИРЯ может опираться и учитель средней школы, особенно при проведении внеклассной работы, например в кружках по изучению родного языка.

И в заключение хотелось бы выразить пожелание, чтобы интересное и полезное издание «Этимологических исследований по русскому языку» выходило бы более регулярно.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Словари

- Абаев — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. I. М.; Л., 1958.
- Ананьев — Сокращенный латинский словарь Ананьева, Яснецкого и Лебединского. М., 1862.
- Атлас РНГ — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.
- Боднарский — Боднарский М. С. Словарь географических названий. М., 1954.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия: 3-е изд.; В 30 т. М., 1969–1978.
- Геров — Геров Н. Речник на български език. Ч. I — V. Пловдив, 1895–1904.
- Горяев — Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
- Грінченко — Грінченко Б. Словарь української мови. Т. I — IV. Київ, 1908–1909.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I — IV. М., 1955.
- Дворецкий — Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. I — II. М., 1958.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. I — III. Київ, 1982–1989 (незаконченне видання).
- Караџић — Караџић В. С. Српски рјечник: 3-е изд. У Биограду, 1898.
- Каталог річок України — Каталог річок України. Київ, 1957.
- КДРС — Картоотека древнерусского словаря Института русского языка РАН (Москва).
- Климов — Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- КЭСРЯ¹ — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

- КЭСРЯ² — Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка: 2-е изд. М., 1971.
- Лаучюте — Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- Мікр. Бел. — Мікратапанімя Беларусі. Мінск, 1974.
- Младенов — Младенов Ст. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Мука — Мука Э. Словарь нижнелужицкого языка. Вып. I. Пг., 1921.
- Мурзаевы — Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959.
- Никонов — Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Носович — Носович И.И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- НЭС — Новый энциклопедический словарь (бывш. Брокгауз — Ефрон). Т. 23. Пг., [s. a.].
- Опыт — Востоков А. Х. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.
- ПОС — Картотека Псковского областного словаря (филологический факультет Санкт-Петербургского университета).
- Преображенский — Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. I — II. М., 1959.
- Радлов — Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1893.
- Речник срп.-хрв. — Речник српскохрватског книжевног и народног језика. Књ. III. Београд, 1965.
- Рус.-бурят. — Русско-бурят-монгольский словарь. М., 1954.
- Семенов — Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. V. СПб., 1885.
- САР — Словарь Академии Российской. Ч. I. СПб., 1806.
- Сл. Дан. Зат. — Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника / Отв. ред. Е. М. Иссерлин. Л., 1981.
- Спрогис — Спрогис И.Я. Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия. Вильна, 1888.
- Срезневский — Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I — III. СПб., 1893–1903.
- СРНГ. — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–31. М.; Л., 1965 — СПб., 1997.
- СРЯ ИАН — Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Вып. I. СПб., 1891.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. I. М.; Л., 1950.
- Техн. энцикл. — Техническая энциклопедия. Т. II. М., 1928.

- Толстой — Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь: 3-е изд. М., 1970.
- Топоров — Топоров В. Н. Прусский язык: Словарь. М., 1975 (А — D), 1979 (Е — Н), 1980 (I — K), 1984 (K — L), 1990 (L).
- Тупиков — Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. I — IV. М., 1935—1940.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973.
- Цыганенко — Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970.
- Шанский — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка, М., 1961.
- Шанский, Боброва — Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
- Шипова — Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Штейнпресс, Ямпольский — Штейнпресс Б. С., Ямпольский И. М. Энциклопедический музыкальный словарь: 2-изд. М., 1966.
- ЭИРЯ — Этимологические исследования по русскому языку. Вып. I — IX. М., 1960—1981.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1—7. Мінск, 1978—1991.
- ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. Т. I — II. М., 1963—1982. (Вышли статьи до буквы К включительно.)
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1—22. М., 1974—1995.
- Battaglia — Battaglia S. Grande dizionario delle lingua italiana. Torino, 1971.
- Battisti, Alessio — Battisti C., Alessio G. Dizionario italiano. T.I. Firenze, 1950.
- Bénac — Bénac H. Dictionnaire des synonymes. Paris, 1956.
- Berneker — Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Heidelberg, 1908.
- Bielfeldt — Bielfeldt H. H. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958.
- Böhntlingk — Böhntlingk O. v. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bd I — IV. Petersburg, 1879—1889.
- Brückner — Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- Buck — Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949.
- Būga — Būga K. Lietuvių kalbos žodynas. Kaunas, 1924.
- Casares — Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona, 1951.

- Chantraine — Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. I. Paris, 1968.
- Daničić — Daničić D. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. I. Zagreb, 1880.
- Diez — Diez F. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen: 2. Aufl. Bd I. Bonn, 1861.
- Egli — Egli J. J. Nomina geographical: 2. Aufl. Leipzig, 1893.
- Encicl. univ. — Enciclopedia universal ilustrada europeo-americana. T. VII. Madrid; Bilbao; Barcelona, [s. a.].
- Ernout, Meillet — Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: 4ème éd. T. I—II. Paris, 1959—1960; 1ère éd. Paris, 1932.
- Falk, Torp — Falk H. S., Torp Alf. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch. Bd I—II. Heidelberg, 1910—1911.
- Feist — Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache: 3. Aufl. Leiden, 1939.
- Fraenkel — Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1955—1962.
- Frisk — Frisk H. J. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954—1969.
- Gamillscheg — Gamillscheg E. Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. Heidelberg, 1926.
- Glossarium — Glossarium mediae et infimae latinitatis. T. I. Nior, 1883.
- Grimm — Grimm J. und W. Deutsches Wörterbuch. Bd IV. Leipzig, 1914.
- Heym — Heym J. Versuch einer vollständigen geographisch-topographischen Encyclopädie des Russischen Reichs. Göttingen, 1796.
- Hofmann — Hofmann J. B. Etymologisches Wörterbuch der Griechischen. München, 1949.
- Holder — Holder A. Alt-Celtischer Sprachschatz. Bd I—III. Leipzig, 1896—1907.
- Holdhausen — Holdhausen F. Etymologisches Wörterbuch der englischen Sprache: 3. Aufl. Göttingen, 1949.
- Karłowicz — Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. I—IV. Kraków, 1900—1911.
- Kluge — Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache: 17. Aufl. Berlin, 1957.
- Landau — Landau O. Mykenisch-Griechische Personennamen. Göteborg, 1958.
- Lange — Lange J. Vollständiges deutschlettisches und lettischdeutsches Lexikon. Mitau, 1773—1777.
- LKT — Lietuvių kalbos tarmės. Vilnius, 1970.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. T. I—XVIII. Vilnius, 1968—1997.
- Lokotsch — Lokotsch K. Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slavischen) Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.

- Lübben, Walther — Lüb ben A., Walther C. H. F. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Bd II¹. Leipzig, 1888.
- Machek — Mach ek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Mayrhofer — May rhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd I — III. Heidelberg, 1953–1976.
- Mažiulis — Ma žiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. T. 1–3. Vilnius, 1988–1996 (A — P).
- Meyer — Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.
- Meyer-Lübke — Meyer -L üb ke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1911.
- Miklosich¹ — Mik losich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Miklosich² — Mik losich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- Mühlenbach — M üh len bach K. Lettisch-deutsches Wörterbuch / Ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Bd 1–6. Riga, 1923–1946.
- Muller — Muller Fr. Altitalisches Wörterbuch. Göttingen, 1926.
- Niedermann, Senn, Brender — Nied ermann M., Senn A., Brender F. Wörterbuch der lietauischen Sprache. Bd I–V. Heidelberg, 1932–1958.
- Nouveau Larousse — Nouveau Larousse illustré / Publie sous la direction de Claude Augé. T. 1. Paris, [s. a.].
- OLD — Oxford Latin Dictionary / Ed. by P. G. W. Glare. Oxford, 1983.
- Oxf. Dict. — Oxford English Dictionary. Vol. I. Oxford, 1933.
- Palazzi — Pala zzi F. Novissimo dizionario della lingua italiana. Milano, 1939.
- Pape — Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen / 3. Aufl. neubearb. von G. E. Benseler. Bd I — II. Braunschweig, 1884.
- Pokorny — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I — II. Bern; München, 1959.
- PWRE — Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Begr. von Pauly, new hrsg. von G. Wissowa, W. Kroll u. a. Leipzig 1896ff. (Издание не закончено.)
- Ramstedt — Ramstedt G. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1955.
- Rječnik hrvat. — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Knj. I — XIX. Zagreb, 1880–1967.
- Rospond — Rospond S. Słownik nazw geograficznych Polski zachodniej i północnej. Wrocław, 1951.
- Sadnik, Aitzetmüller — Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
- Schrader — Schrader O. Realexikon der indogermanischen Altertumskunde: 2. Aufl. / Hgb. A. Nehring. Bd I. Berlin; Leipzig, 1917.
- Sereiskis — Sereiskis B. Lietuviškai-rusiškas žodynas. Kaunas, 1933.

- Shorter Oxf. Eng. Dict. — Shorter Oxford English Dictionary: 3d ed. Oxford, 1956.
 Skeat — Skeat W. W. An Etymological Dictionary of the English Language: New edition revised and enlarged. Oxford, 1963.
- Skok — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I—III. Zagreb, 1971—1973.
- Sławski — Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1—5. Kraków, 1952—1978.
- Śl.GKP — Sulimierski F., Chlebowski B., Walewski W. Słownik geograficzny królestwa Polskiego i inych krajow słowiańskich. T. I—XV. Warszawa, 1880—1902.
- ThLL — Thesaurus Linguae Latinae.
 Trautmann — Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- Uhlenbeck — Uhlenbeck C. C. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899.
- Vámbery — Vámbery H. Etymologisches Wörterbuch der turkotatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.
- Vanagas — Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
- Vaniček — Vaniček A. Etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache. Leipzig, 1874.
- Vasmer — Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd I—III. Heidelberg, 1953—1957.
- Walde² — Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch: 2. Aufl. Heidelberg, 1910.
- Walde³ — Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch: 3. Aufl. / Bearb. von J. B. Hofmann. Bd I—II. Heidelberg, 1938—1954.
- Walde, Pokorny — Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Bd I—III / Hrsrg. von J. Pokorny. Berlin; Leipzig, 1926—1932.
- Wartburg — Wartburg W. v. Französisches etymologisches Wörterbuch. Bonn; Tübingen; Basel, 1922ff.
- Weekly — Weekly E. An Etymological Dictionary of Modern English. London, 1921.

2. Языки и диалекты

авест. — авестийский
 азерб. — азербайджанский
 алб. — албанский
 алт. — алтайский
 англ. — английский
 араб.-эфиоп. — арабо-эфиопский
 арм. — армянский
 арханг. — архангельский

блр. — белорусский
 брет. — бретонский
 бурят-монг. — бурят-монгольский
 валл. — валлийский
 владим. — владимирский
 в.-луж. — верхнелужицкий
 волог. — вологодский
 галл. — галльский

гаэл. — гаэльский
герм. — германский
голл. — голландский
готск. — готский
груз. — грузинский
датск. — датский
догреч. — догреческий
дор. — дорийский
др.-англ. — древнеанглийский
др.-балт. — древнебалтийский
др.-брет. — древнебретонский
др.-в.-н. — древневерхненемецкий
др.-гр. — древнегреческий
др.-евр. — древнееврейский
др.-и.-е. — древнеиндоевропейский
др.-инд. — древнеиндийский
др.-иран. — древнеиранский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-корн. — древнекорнский
др.-монг. — древнемонгольский
др.-перс. — древнеперсидский
др.-прус. — древнепруский
др.-рус. — древнерусский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-чеш. — древнечешский
жемайт. — жемайтский
и.-е. — индоевропейский
икавск. — икавский
иллир. — иллирийский
иран. — иранский
ирл. — ирландский
исл. — исландский
исп. — испанский
итал. — итальянский
италийск. — италийский
казах. — казахский
калм. — калмыцкий
кашуб. — кашубский
кет. — кетский
кинр. — кимрский
кирг. — киргизский
курс. — курский
лат. — латинский
лит. — литовский
лтш. — латышский
м.-аз. — малоазийский
макед. — македонский
манс. — мансийский

мар. — марийский
монг. — монгольский
монг.-тат. — монголо-татарский
морд. — мордовский
н.-гр. — новогреческий
нем. — немецкий
ненецк. — ненецкий
н.-луж. — нижнелужицкий
н.-нем. — нижненемецкий
новг. — новгородский
н.-перс. — новоперсидский
общеслав. — общеславянский
общетюрк. — общетюркский
олон. — олонецкий
онеж. — онежский
оренб. — оренбургский
осет. — осетинский
перс. — персидский
писид. — писидийский
пол. — польский
полаб. — полабский
прагерм. — прагерманский
праслав. — праславянский
пренест. — пренестинский
псков. — псковский
романск. — романский
рум. — румынский
рус. — русский
рязан. — рязанский
саам. — саамский
сабин. — сабинский
сибирск. — сибирский
слав. — славянский
словац. — словацкий
словен. — словенский
ср.-ирл. — среднеирландский
ср.-н.-н. — средненижненемецкий
ср.-перс. — среднеперсидский
ст.-блр. — старобелорусский
ст.-исп. — староиспанский
ст.-пол. — старопольский
ст.-сл. — старославянский
ст.-укр. — староукраинский
ст.-франц. — старофранцузский
сузд. — суздальский
с.-хрв. — сербохорватский
тат. — татарский
твер. — тверской
тув. — тувинский

тульск. — тульский
 турец. — турецкий
 тюрк. — тюркский
 тюрк.-тат. — тюрко-татарский
 узб. — узбекский
 уйг. — уйгурский
 укр. — украинский
 фин. — финский
 фрак. — фракийский
 франц. — французский
 фриг. — фригийский

халд. — халдейский
 хант. — ханты(мансийский)
 хет-(лув). — хетто(-лувийский)
 церк.-слав. — церковнославянский
 чагат. — чагатайский
 чув. — чувашский
 чеш. — чешский
 шумер. — шумерский
 эст. — эстонский
 якут. — якутский

3. Периодические издания, публикации надписей и текстов

- ВДИ — Вестник древней истории
 ВСЯ — Вопросы славянского языкознания
 ВЯ — Вопросы языкознания
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук / Рос. АН / АН СССР
 КБН — Корпус Боспорских надписей
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения
 ЛС — Лексикографический сборник
 ОРЯС — см. Изв. ОРЯС
 РФВ — Русский филологический вестник
 РЯНШ — Русский язык в национальной школе
 РЯШ — Русский язык в школе
 ПСЛР — Полное собрание русских летописей
 СА — Советская археология
 Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности (см. Изв. ОРЯС)
 СВ — Советское востоковедение
 СЭ — Советская этнография
 ЭИРЯ — Этимологические исследования по русскому языку
- AfslPh — Archiv für slavische Philologie
 BB — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen
 IG — Corpus inscriptionum graecarum
 ILL — Corpus inscriptionum latinarum
 CPL — Corpus papyrorum latinarum
 IF — Indogermanische Forschungen
 KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
 LB — Linguistique Balkanique

LF	— Listy filologické
LKG	— Lietuvių kalbos gramatika
LKK	— Lietuvių kalbotyros klausimai
LKT	— Lietuvių kalbos tarmės
LP	— Lingua Posnaniensis
MSLP	— Mémoires de la Société de linguistique de Paris
RÉS	— Revue des études slaves
RhM	— Rheinisches Museum
RSI	— Rocznik slawistyczny
SIG	— Sylloge inscriptionum graecarum
ZsIsh	— Zeitschrift für slavische Philologie

4. Ссылки на древних авторов

Ael. V. H.	— Aeliani Variae historiae
Amm. Marc.	— Ammianus Marcellinus
Apoll.	— Apollodorus
Apoll. Rhod. Arg.	— Apollonii Rhodii Argonautica
Aristoph. Acharn., Av., Vesp.	— Aristophanis Acharnani, Aves, Vespes
Arr. An.	— Arriani Anabasis
Athen.	— Athenaeus
Caes. B. C.	— Caesaris Bellum civile
Catul.	— Catullus
Cic. Orat	— Ciceronis Orator
Cic. Phill.	— Ciceronis Philippicae
Colum.	— Columella
Const. Porph. De adm. imper.	— Constantini Porphyrogeneti De administrando imperio
D. Hal.	— Dionysius Halicarnassensis
D. Sic.	— Diodorus Siculus
Enn. Ann.	— Ennii Annales
Eur. Her.	— Euripidis Hercules
Eustath. Comm. ad Dionys. Perieg.	— Eustathii Commentarii ad Dionysium Periegetem
Hrdt.	— Herodotus
Hesych.	— Hesychius
Horat. Carm., Epod.	— Horatii Carmina, Epodes
Il.	— [Homeri] Ilias
Iord. Get.	— Iordani Getica
Isid. Orig.	— Isidori Origines
Liv.	— [Titus] Livius
Lucr.	— Lucretius
Od.	— [Homeri] Odyssea
Ovid. Amor., Ars amat., Met.	— Ovidii Amores, Ars amatoria, Metamorphoses
Paul. — Fest.	— Paulus — Festus
Paus.	— Pausanius
Petron.	— Petronius

Pind.	— Pindarus
Plat. Leg., Crat.	— Platonis Leges, Cratylus
Pl. Cas., Men., Mil. Glor.	— Plauti Casina, Menaechmi, Miles Gloriosus
Plin. Hist. Nat.	— Plinii Historia Naturalis
Plut. Fl.	— Plutarchi De Fluviorum et montium nominibus
Porph. In Horat. Carm.	— Porphyrii In Horatii Carmina
Porph. Vita Pyth.	— Porphyrius Vita Pythagorae
Ptol.	— Ptolomaeus
Scyl.	— Scylax
Scymn. Perieg.	— Scymni Periegesis
Sen. Con., Ep.	— Senecae Controversiae, Epistulae
Serv. ad Verg. Aen., ad Verg. Georg.	— Servii ad Vergilii Aeneida, ad Vergilii Georgica
Solin.	— Solinus
Soph. El., Trach.	— Sophoclis Electra, Trachiniae
St. B.	— Stephanus Byzantius
Strab.	— Strabo
Suet. Nero	— Suetonii Nero
Tac. Ann.	— Taciti Annales
Tibull.	— Tibullus
Thuc.	— Thucydides
Varro LL., RR	— Varronis De Lingua Latina, Res Rusticae
Verg. Aen., Georg.	— Vergilii Aeneis, Georgica

5. Прочие сокращения

вин. п.	— винительный падеж	Cod. Lugd.	— Codex Lugdunensis
диал.	— диалектный	Lev.	— книга Левит в Библии
ед. ч.	— единственное число	Nom. S.	— Nominativus Singularis
ж. р.	— женский род	Gen. S.	— Genetivus Singularis
л.	— лицо	Dat. S.	— Dativus Singularis
мед.	— медицинский	Acc. S.	— Accusativus Singularis
мн. ч.	— множественное число	Voc.	— Vacativus
м. р.	— мужской род	n.	— neutrum
о-в	— остров	pap.	— papyrus
род. п.	— родительный падеж	Pl.	— pluralis
совр.	— современный	praef.	— praefatio
ср.	— сравни(те)	s. a.	— sine anno
ср. р.	— средний род	s. v.	— sub verbo
суф.	— суффикс	fr.	— fragmentum
тыс.	— тысячелетие		

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. 1949. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л.
1952. О принципах этимологического словаря // ВЯ. № 5.
1957. Опыт этимологии славянского **МЪДЪ** // Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София.
1960. Как русское *уклад* 'сталь' помогло выяснить этимологию осетинского *æpdon* 'сталь' // ЭИРЯ. Вып. I.
- Абрахманов М. А., Гордеева О. И. 1962. О взаимодействии русских говоров и языка томских татар // Сб. работ историко-филол. факультета Томского гос. ун-та. Томск.
- Азарх Ю. С. 1961. Существительные женского рода с суффиксом *-ядь* в русском языке // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II. М.
- Алексеев М. П. 1941. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей: 2-е изд. Иркутск.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937.
- Ахунзянов Э. М. 1968. Русские заимствования в татарском языке. Казань.
- Ачарян Р. А. 1952. О составлении этимологического словаря славянских языков // ВЯ. № 4.
- Баранникова Л. И. 1972. Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.
- Барроу Т. 1976. Санскрит. М.
- Бартольд В. В. 1904. Отчет о командировке в Туркестан // Зап. Восточного отделения русского археолог. об-ва. Т. XV.
- Белецкий А. А. 1950. Принципы этимологических исследований. Киев.
1972. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев.
- Бенвенист Э. 1955. Индоевропейское именное словообразование. М.
- Берг С. Л. 1974. Критические заметки о топонимических взглядах В. А. Никонова // Географическая среда и географические названия. Л.
- Бернштейн С. Б. 1961. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.
1974. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М.
- Блаватская Т. В. 1959. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до нашей эры. М.
- Блаватский В. Д. 1964. Пантикапей. М.

1985. Античная археология и история. М.
- Блинова О. И. 1972. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л.
- Боброва Т. А. 1968. О некоторых названиях ягод с суффиксом *-ик(а)* // ЭИРЯ. Вып. VI.
- Брандт Р. Ф. 1880. Начертание славянской акцентологии. СПб.
1887. Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича // РФВ. Т. 21.
1890. Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича // РФВ. Т. 24.
1891. Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича // РФВ. Т. 25.
- Браун Ф. 1899. Разыскания в области гото-славянских отношений // Сб. ОРЯС. Т. 64.
- Будагов Р. А. 1963. Сравнительно-семасиологические исследования. М.
- Булаховский Л. А. 1926. Об интонационных суффиксальных дублетах // Изв. ОРЯС. Т. 31.
1949. Деэтимологизация в русском языке // Труды Ин-та русского языка. М.; Л. Т. I.
1953. Введение в языкознание. Ч. II. М.
- Буслаев Ф. 1867. Иностранные слова в славянских наречиях // ЖМНП. Август.
- Вендина Т. И. 1976. Суффикс *-ик(а)* в говорах русского языка // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу: Тезисы докладов. Черновцы.
- Виноградов Ю. Г. 1981. Варвары в просопографии Ольвии VI—V вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье. Тбилиси.
- Владимирцов Б. Я. 1934. Общественный строй монголов. Л.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси. Т. I—II.
- Георгиев В. 1957. Тракийский язык. София.
1958. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.
1959. Речни имена Горля, Ерма, Резовска река, Царацар, Ширине // Български език. Т. IX.
1960. Българска етимология и ономастика. София.
- Герберштейн С. 1908. Записки о московитских делах. СПб.
- Герд А. С. 1975. Из словообразования брянских говоров // Брянские говоры. Вып. 3. Л.
- Гиндин Л. А. 1967. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М.
- Граков Б. Н., Мелюкова А. И. 1953. Две археологические культуры в Скифии Геродота // СА. Т. XVIII.
- Грантовский Э. А., Раевский Д. С. 1984. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.
- Гриनावецкене Э., Мацкевич Ю. Ф., Романович Е. М., Чеберук Е. И. 1975. Бытовая лексика литовского происхождения в западной Белоруссии // ЛКК. Т. XVI.
- Гринкова Н. П. 1958. О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках // Славянская филология. III. М.
- Грот К. Я. 1881. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб.

- Грюненталь О. 1913. Этимологические заметки // Изв. Имп. АН. ОРЯС. Т. XVIII, ч. 4.
- Державин Н. С. 1939. Народная этимология // РЯШ. № 2.
- Джаукян Г. Б. 1984. Фракийцы в Армении // Античная балканистика: Предварительные материалы к международному симпозиуму. М.
- Дмитриев Н. К. 1958. О тюркских элементах русского словаря // ЛС. Вып. III. 1962. Строй тюркских языков. М.
- Добродомов И. Г. 1974. К этимологии русского слова *верига* // Вопросы филологии. М.
- Доватур А. И., Қаллистов Д. П., Шишова И. А. 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.
- Дубова Н. Г. 1980. Некоторые особенности кличек охотничьих собак // Вопросы ономастики. Свердловск.
- Дуриданов И. 1976. Езикът на траките. София.
- Зайцев А. И. 1990. Примечания к изданию: Гомер «Илиада». Л.
- Иванов Вяч. Вс. 1983. История славянских и балтийских названий металлов. М.
- Иллич-Свитыч В. М. 1963. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М.
- Ильинский Г. А. 1918. Славянские этимологии // Изв. ОРЯС. Т. XXIII, кн. 1.
- Исаченко А. В. 1953. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания // Slavia. Т. XXII.
- Иссерлин Е. М. 1960. Когда и как появилась *крыша*? // Учен. зап. Ленингр. ун-та. № 267. Сер. филол. наук. Вып. 52.
- Казанские В. П. 1980. Древние греческие и латинские образования с суффиксальными *-т-, *-теп-, *-п-: Автореф. канд. дис. М.
- Клепикова Г. П. 1975. Функционирование и генезис терминологии горного пастушества в славянских диалектах карпатского ареала // Славянское и балканское языкознание: Проблемы интерференции и языковых контактов. М.
- Конкашпаев Г. К. 1959. Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана // Изв. АН Казах ССР. Сер. филол. и искусствовед. Вып. 1.
- Корш Ф. Е. 1886. Рец. на кн.: F. Miklosich. Die türkischen Elemente in den südost- und ost-europäischen Sprachen. Wien, 1884 // AfslPh. Bd IX.
1903. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // Изв. ОРЯС. Т. VIII. № 4.
- Кулаковская Н. Н., Кулаковский Л. В. 1975. За народной мудростью // Рассказы о русском фольклоре. М.
- Кулаковский Л. В. 1940. У истоков русской народной музыкальной культуры // Сов. музыка. № 10.
- Кулаковский Ю. 1899. Карта европейской Сарматии по Птоломею. Киев.
- Кульбакин С. 1915. Грамматика церковнославянского языка по древнейшим памятникам. Пг.
- Курилович Е. 1958. О балто-славянском языковом единстве // ВСЯ. Вып. 3.
- Ларин Б. А. 1948. Парижский словарь москвитов 1586 г. Рига.
1958. Из славяно-балтийских лексикологических сопоставлений // Вестн. Ленингр. ун-та. № 14. Вып. 3.
1959. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618–1619 гг. Л.
1962. Из истории слов. *Буй — погост* // Слово в народных говорах русского Севера. Л.

1963. Об архаике в семантической структуре слова // Из истории слов и словарей. Л.
1975. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М.
- Лаучюте Ю. А. 1969. Ответы на анкету // Лексичныя балтызмы у беларускай мове. Мінск.
1971. Лексические балтизмы в славянских языках: Автореф. канд. дис. Л.
1972. Словообразовательный критерий выделения балтизмов в славянских языках // Baltistica. I priedas.
1975. Терминология обработки дерева // LKK. T. XVI.
- Линдсей В. М. 1948. Краткая историческая грамматика латинского языка. М.
- Лосев А. Ф. 1957. Античная мифология. М.
- Льюис Г., Педерсен Х. 1954. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М.
- Ляпушкин И. И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л.
- Мавродин В. В. 1949. Начало мореходства на Руси. Л.
- Мажюлис В. 1959. О лит. *klėpas* // Материалы I научной сессии по вопросам германского языкознания. М.
- Максимов И. И. 1901. Днепр и его бассейн. Киев.
- Маринов Ив. 1958. Хронологичен справочник на реките в НР България. София.
- Марр Н. Я. 1926. Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары.
- Мартынов В. В. 1960. Рец. на кн.: О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства. М., 1959 // ВЯ. № 5.
1961. [Мартынаў В. У.] Аб паходжанні славянскай фанемы *x* // Працы інстытута мовознаўства АН БССР. Вып. VIII. Мінск.
1962. Из славянских этимологий // ЭИРЯ. Вып. II. М.
1963. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (к проблеме прародины славян). Минск.
1973. Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. Минск.
1978. Балто-славяно-италийские изогlossы. Минск.
- Маслов Ю. С. 1987. Введение в языкознание: 2-е изд. М.
- Матвеев А. К. 1974. Тезис о топонимике // Вопросы ономастики. № 7. Свердловск.
- Маштак П. Л. 1917. Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного). Пг.
1918. Список рек Днепровского бассейна. СПб.
1934. Список рек Донского бассейна. Л.
- Мейе А. 1938. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.
1951. Общеславянский язык. М.
- Мелиоранский П. М. 1902. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // Изв. ОРЯС. Т. VII, кн. 2.
- Меркулова В. А. 1967. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.
- Микуцкий С. М. 1876. Вступительная лекция // Варшавские университетские известия. № 1.
- Миллер В. Ф. 1887. Осетинские этюды. Т. III. М.
- Миллер Г. Ф. 1937. История Сибири. Т. I. М.; Л.
- Миртов А. В. 1941. Лексические заимствования в современном русском языке из национальных языков Средней Азии. Самарканд.
- Младенов Ст. 1909. Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици // Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. XXV. София.

- Мокиенко В. М. 1971. Закон «относительной негативности» и региональная топонимика // Вопросы топониматики. № 5. Свердловск.
- Мокиенко В. М., Фонякова О. И. 1976. Способы называния в зоонимии // Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск.
- Мурзаев Э. М. 1974. Очерки топонимики. М.
- Назаров И. И. 1958. Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности // Учен. зап. Казанского гос. пед. ин-та. Вып. 15.
- Невская Л. Г. 1977. Балтийская географическая терминология. М.
- Нерознак В. П. 1977. Принципы исследования палеобалканской ономастики // Историческая ономастика / Отв. ред. А. В. Суперанская. М.
- Нидерле Л. 1956. Славянские древности. М.
- Нидерман М. 1949. Историческая фонетика латинского языка. М.
- Никонов В. А. 1955. Рец. на кн.: М. С. Боднарский. Словарь географических названий. М., 1954 // География в школе. № 3.
1963. Поиски системы // Этимология. М.
- Орлов А. 1907. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Бельск.
- Основы финно-угорского языкознания // Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М., 1975.
- Откупшиков Ю. В. 1961. О происхождении названия озер *Ильмень* и *Селигер* // Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя: Тезисы докладов. Л.
1967. Из истории индоевропейского словообразования. Л.
1971. Из истории балто-славянских лексических отношений // Baltistica. VII, 1.
1972. О принципах отбора лексических изоглосс // Baltistica. VIII, 1.
1975. О происхождении древнегреческих топонимов на -(ό)σσα/-ούσσα // Проблемы античной культуры. Тбилиси.
1981. Балтизмы в русских диалектах и некоторые вопросы этногенеза балтов // Конференция «Проблемы этногенеза и этнической истории балтов»: Тезисы докладов. Вильнюс.
- 1983а. Балтийские и славянские прилагательные с -и-основой // Baltistica. XIX, 1.
- 1983б. Догреческие -ss-топонимы и антропонимы (словообразовательный и этимологический анализ) // Славянское и балканское языкознание. М.
- 1983в. Палеобалканские элементы микенской фонетики // Concilium Eirene XVI: Proceedings of the 16th International Eirene Conference. Prague. Vol. 3.
- 1984а. Закон Лахмана в свете индоевропейских данных // ВЯ. № 2.
- 1984б. Фракийцы, фригийцы и карийцы в доисторической Элладе // Античная балканистика: Предварительные материалы к международному симпозиуму. М.
- 1987а. Латинская флексия -osio в G. S. e/o-основ // Philologia classica. Вып. III. Л.
- 1987б. Русское диал. *кувиклы* // Baltistica. XXIII, 1.
- 1988а. Догреческий субстрат. Л.
- 1988б. К вопросу об индоариях в Крыму и в Причерноморье // Проблемы античной культуры: Тезисы докладов Крымской научной конференции. Ч. I. Симферополь.
1989. Ряды индоевропейских гуттуральных // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л.
- Петерсон М. Н. 1952. О составлении этимологического словаря русского языка // ВЯ. № 5.

- Пизани В. 1956. Общее и индоевропейское языкознание // Общее и индоевропейское языкознание. М.
- Погодин А. Л. 1901. Из истории славянских передвижений. СПб.
1903. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава.
- Покровский М. М. 1959. Избранные работы по языкознанию. М.
- Попов К. 1960. Местные имена в Белорусском // Годишник на Софийския ун-т, филологически факултет. София.
- Порциг В. 1964. Членение индоевропейской языковой общности. М.
- Потебня А. А. 1876. К истории звуков русского языка. Ч. III. Воронеж.
1883. К истории звуков русского языка: Этимологические заметки. Ч. III. Варшава.
- Пропп В. Я. 1946. Исторические корни волшебной сказки. Л.
- Проценко Б. Н. 1985. История названий животных в славянских языках: Автореф. канд. дис. Минск.
- Ржига В. Ф. 1929. Очерки из истории быта домонгольской Руси. М.
- Ройзензон Л. И. 1968. Об одном восточнославянском тюркизме // Беларуская лексікалогія і этымалогія. Мінск.
- Ростовцев М. И. 1925. Скифия и Боспор. Л.
- Рыбаков Б. А. 1952. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК. Вып. 43.
- Рыдзевская Е. А. 1947. О названии о. Березань // СА. Т. IX.
- Санжеев Г. Д. 1953. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М.
- Серебрянников Б. А. 1957. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР, близкого к балтийским языкам // Труды АН ЛитССР. Сер. А. Вып. 1.
1959. О методах изучения топонимических названий // ВЯ. № 6.
- Середонин С. М. 1916. Историческая география. Пг.
- Скляренко В. Г. 1998. Праслов'янська акцентологія. Київ.
- Соболевский А. И. 1895. Заметки по славянской грамматике // ЖМНП. № 299.
Май.
1904. Из истории заимствованных слов и переводных повестей // Киевские университетские известия. Т. 44, № 11.
1907. Лекции по истории русского языка: 4-е изд. М.
1910. Русские местные названия и язык скифов и сарматов // РФВ. Т. 63, № 4.
1911. Рец. на кн.: Ст. Младенова. Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици // ЖМНП. № 5.
1916. Из области словообразования // РФВ. Т. 66, № 3—4.
1921—1922. Русско-скифские этюды // Изв. ОРЯС. Т. XXVI — XXVII.
- Солопов А. И. 1994. Семантический спектр прилагательного pulcher: Автореф. канд. дис. М.
- Сталмане В. Э. 1989. Ономастическая лексикография. М.
- Старинин В. П. 1955. К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода (изосемантические ряды С. С. Майзеля) // СВ. № 4.
- Тиандер К. Ф. 1910. Город Бирка // ЖМНП. Т. 27.
- Толстой Н. И. 1969. Ответы на анкету // Лексічныя балтызмы у беларускай мове. Мінск.
1997. Избранные труды. Т. I. М.
- Топоров В. Н. 1960. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // ВЯ. № 3.
1970. О балтийских следах в топонимике русских территорий // Т. 2.
1972а. «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М.

- 1972б. К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры // Ан-
тичная балканистика: Предварительные материалы. М.
1973. К фракийско-балтийским языковым параллелям. I // Балканское языкозна-
ние. М.
1975. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в свя-
зи с возможными древними ближневосточными параллелями // Славянское
и балканское языкознание: Проблема интерференции и языковых контактов.
М.
1977. К фракийско-балтийским языковым параллелям. II // Балканский лингви-
стический сборник. М.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. 1962. Лингвистический анализ гидронимов Верх-
него Поднепровья. М.
- Тохтасьев С. Р. 1984. Рец. на кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в пе-
риод Великой греческой колонизации: Материалы II Всесоюзного симпози-
ума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1979; Тбилиси, 1981 //
ВДИ. № 3.
- Третьяков П. Н. 1953. Восточнославянские племена. М.
- Тронский И. М. 1953. Очерки из истории латинского языка. М.; Л.
1960. Историческая грамматика латинского языка. М.
- Трубачев О. Н. 1957. Славянские этимологии. 1–7 // ВСЯ. Вып. 2.
1958. Рец. на кн.: П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М.,
1956 // КСИС. Т. XXV.
1959а. История славянских терминов родства. М.
1959б. Следы язычества в славянской лексике // ВСЯ. Вып. 4.
1960а. Об этимологическом словаре русского языка // ВЯ. № 3.
1960б. Славянские этимологии. 24–27 // Езиковедско-этнографски изследвания в
памет на акад. Ст. Робански. София.
1964. «Молчать» и «таять» // Проблемы индоевропейского языкознания. М.
1965. Славянские этимологии. 41–47 // Этимология. 1964. М.
1966. Ремесленная терминология в славянских языках. М.
1967. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М.
1968. Названия рек Правобережной Украины. М.
1976. О синдах и их языке // ВЯ. № 4.
1977. Лингвистическая периферия древнейшего славянства // ВЯ. № 6.
1983. Indoarica. Этимологии // Этимология. 1981. М.
1991. Этногенез и культура древнейших славян. М.
- Трубе Л. Л. 1966. О балтийских элементах в гидронимии Горьковской области // Кон-
ференция по топонимике северо-западной зоны СССР: Тезисы докладов.
Рига.
- Трубецкой Н. 1922–1923. О некоторых остатках исчезнувших грамматических кате-
горий в общеславянском языке. I. Слав. nevěsta // Slavia. Roč. 1.
- Удальцов А. Д. 1947. Основные вопросы этногенеза славян // СЭ. Т. VI–VII.
- Услар П. К. 1881. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских
горцах. Вып. X. Тифлис.
- Федорова М. В. 1967. Источники диалектной лексики Воронежской области // Сб.
материалов 2-й научной сессии вузов Центральной черноземной зоны: Лин-
гвистические науки. Воронеж.
- Хакулин Е. Л. 1955. Развитие и структура финского языка: Лексикология и синтак-
сис. Ч. II. М.

- Чекман В. Н. 1974. О рефлексах индоевропейских *k', *g' в балто-славянском языковом ареале // Балто-славянские исследования. М.
- Черных П. Я. 1956. Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период. М.
1961. Рец. на кн.: КЭСРЯ¹ // РЯШ. № 4.
- Шабалин М. Н., Гарин В. И., Лувсандэндэв М. М. 1959. Орос хэл. М.
- Шанский Н. М. 1959. Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера // ВЯ. № 5.
1962. О реконструкции промежуточных словообразовательных звеньев // Филологические науки. № 4.
- Шантрен П. 1953. Историческая морфология греческого языка. М.
- Шахматов А. А. 1902. К истории звуков русского языка // Изв. ОРЯС. Т. VII, ч. 2.
1915. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.
- Шелепова Л. И. 1977. Диалекты как источник этимологии // Дис. канд. филол. наук. Томск (машинопись).
1994. Диалекты и этимология (источниковедческий аспект). Барнаул.
- Широков О. С. 1986. Палеобалканские глоттогенетические связи // Вопросы языка и литературы народов балканских стран / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.
- Шухардт Г. 1950. Избранные статьи по языкознанию. М.
- Щепкин В. Н. 1899. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб.
- Эндзелин И. 1899. Латышские заимствования из славянских языков // Живая старина. III. Вып. 1.
1911. Славяно-балтийские этюды. Харьков.
- Эрну А. 1950. Историческая морфология латинского языка. М.
- Яйленко В. П. 1980а. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. № 3.
- 1980б. Малоазийские имена в надписях Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Симпозиум «Античная балканистика». Предварительные материалы. Тезисы докладов. М.
- Якобссон Г. 1958. Развитие понятия времени в свете славянского časъ // Scando-Slavica. T. IV.
- Alminauskis K. 1934. Die Germanismen des Litauischen. Kaunas.
- Altheim F. 1959. Geschichte der Hunnen. Berlin.
- Anttila R. 1972. An Introduction to Historical and Comparative Linguistics. New York.
- Arumaa P. 1951. Sur l'histoire des adjectifs en -u- en balto-slave // Slaviska Institutet vid Lunds Universitet. Årsbok 1948–1949. Lund.
- Ásbóth O. 1903. Ein Stück Volksetymologie // AfslPh. Bd XXV.
- Belardi W. 1951. Ittito ar-ha // Ricerche linguistiche. Vol. 2.
- Benkő L. 1975. On Some Questions of Historical Linguistics // Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXV.
- Bethe E. 1923. Apollon, der Hellene // ANTIΔΩΡON. Festschrift für J. Wackernagel. Göttingen.
- Bezljaj F. 1956. Slovenska vodna imena. Ljubljana.
- Bielenstein A. 1907–1918. Holzbauten und Holzgeräte der Letten. SPb.-Petrograd.
- Boardman J. 1967. Excavations in Chios 1952–1955. Oxford.
- Bohlen P. 1830. Das alte Indien mit besonderer Rücksicht auf Aegypten. Königsberg.
- Bolling G. M. 1948. Word Ends and Hapology // Language. Vol. 24.
- Bonfante G. 1974. Das Problem des Weines und die linguistische Paläontologie // Antiquitates indogermanicae. Gedenkschrift für H. Güntert. Innsbruck.

- Brückner A. 1877. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar.
 1901. Cywilizacja i język. Warszawa.
 1924. Rez. in: R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923 // ZfslPh. Bd IV.
- Brugmann K. 1909. Zur lateinischen Wortforschung // IF. Bd XXIV.
- Brugmann K., Delbrück B. 1897. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen: 2. Aufl. Bd II, Theil I. Straßburg.
- Būga K. 1908. Aistiški studijai. I dalis. Peterburgas.
 1922. Kalba ir senovė. Kaunas.
 1912. Lituania // Изв. ОРЯС. Т. XVII, I.
 1958–1961. Rinktiniai raštai. T. I—III. Vilnius.
- Burkert W. 1975. Apellai und Apollon // RhM. Bd 118.
- Carnoy A. 1960. Les suffixes toponymiques pré-grecs // L'antiquité classique. T. 29.
- Casson St. 1926. Macedonia, Thrace and Illyria. London.
- Chantraine P. 1933. La formation des noms en grec ancien. Paris.
- Cook A. B. 1925. Zeus. A Study in Ancient Religion. Vol. 2. Cambridge.
- Crossland R. A. 1971. Immigrants from the North // Cambridge Ancient History. Vol. I, pt. 2.
- Curtius G. 1879. Grundzüge der griechischen Etymologie: 5. Aufl. Leipzig.
- Čop B. 1958. Slav. *МѣДь 'Kupfer' / Linguistica. Leto III.
- Deny J. 1925. Un mot slave emprunté au turc a date ancienne // Mélanges publiés en l'honneur de P. Boyer. Paris.
- Detschew D. 1957. Die thrakischen Sprachreste. Wien.
- Dickenmann E. 1961. Rez. на: Тръбачев 1959a // Die Welt der Slaven. Bd VI, Hft. 2.
- Duridanov I. 1969. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia.
 1985. Die Sprache der Thraker. München.
 1987a. Probleme der thrakischen Sprache // LB. T. XXX, 2.
 1987b. Zur kleinasiatischen Toponymie // LB. T. XXX, 1.
- Eilers W., Mayrhofer M. 1960. Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung // Die Sprache. Bd VI.
- Endzelin J. 1922. Lettische Grammatik. Riga.
 1951. Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. Rīgā.
 1957. Endzelynas. Baltų kalbų garsai ir formos. Vilnius.
 1961. Endzelīns J. Latvijas PSR vietvardi. Rīgā.
- Erhart A., Večerka R. 1981. Úvod do etymologie. Praha.
- Faure P. 1967. Toponymes préhelléniques dans la Crète moderne // Kadmos. Bd VI. Hft 1.
- Fick A. 1894. Die griechischen Personennamen: 2. Aufl. Göttingen.
 1896. Altgriechische Ortsnamen I // BB. Bd 21.
- Forrer E. 1930. Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient préhistorique // Journal asiatique. T. 217.
- Fraenkel E. 1950. Die baltischen Sprachen, ihre Beziehungen zu einander und zu den indogermanischen Schwesteridiomen als Einführung in die baltische Sprachwissenschaft. Heidelberg.
- Georgiev V (I). 1966. Introduzione alla storia delle lingue indeuropee. Roma.
 1966a. Die Deutung der altertümlicher thrakischen Inschrift aus Kjolmen // LB. T. XI, 1.
 1974. Le Sud-Est européen et la Méditerranée. Interrelations linguistiques // IIIe Congrès international d'études du Sud-Est européen. Bucureşti.
 1975. Die thrakischen Götternamen // LB. T. XVIII, 1.

1981. Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia.
- Gerullis G. 1922. Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig.
- Gimbutas M. 1974. The Lithuanian God Velnias // Myth in Indo-European Antiquity. Univ. of California Press.
- Gimbutienė M. 1985. Baltai priešistoriniais laikais. Vilnius.
- Gočeva Zl. 1982. Le mythe des Hyperboréens et le rivage thrace pontique // Thracia Pontica. T. I. Sofia.
- Godel R. 1962. Latin *armentum* // Cahiers F. de Saussure. T. 19.
- Grienerberger Th. von. 1900. Untersuchungen zur gotischen Wortkunde // Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Wien. Bd 142, Abh. VIII.
- Grimm J. 1835. Deutsche Mythologie. Göttingen.
- Grumach E. 1968. The Coming of the Greeks // Bulletin of the John Rylands Library. Vol. LI, 1.
- Guagnini A. 1578. Sarmatiae Europae descriptio. Spira.
- Haas O. 1966. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia.
- Hamp E. 1960. Irish *srón*, Greek *ῥίζ, ῥῖνός* // Glotta. Bd 38.
- Haudry J. 1979. L'indo-européen. Paris.
- Haussig H. W. 1953. Theophrastus Exkurs // Byzantion. Bd 23.
- Hedden Th. D. 1989. On the Etymology of Slavic *želězo // RSl. T. 46, 1.
- Herberstein S. 1571. Rerum Moscoviticarum commentarij. Basileae.
- Heubeck A. 1961. Praegraeca. Erlangen.
- Hirt H. 1898. Grammatishes und etymologisches // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd 23.
- Horn P. 1893. Grundriß der neupersischen Etymologie. Straßburg.
- Huber J. 1921. De lingua antiquissimarum Graeciae insularum. Viennae.
- Hubschmid J. 1955. Schläuche und Fässer // Romanica Helvetica. Bd 54.
- Humboldt A. von. 1843. Asie centrale. T. I—III. Paris.
- Huxley G. L. 1961. Crete and the Luvians. Oxford.
1976. Crete and the Luvians // Institute of Classical Studies: Bulletin. № 23. London.
- Iljinskij G. 1902. Zur slavischen Wortbildung. III: Die Etymologie des Wortes *невѣста* // AfslPh. Bd 24.
1906. Slavische Etymologien // AfslPh. Bd 28.
- Jablonskis K. 1941. Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje. Kaunas.
- Jagić V. 1884. Kleine Mitteilungen // AfslPh. Bd 7.
- Jakobson R. 1955. While Reading Vasmer's Dictionary // Word. Vol. 11.
- Jaubert P. A. 1840. Géographie d'Édrisi. T. 2. Paris.
- Jēgers B. 1966. Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter // KZ. Bd 80.
- Jespersen O. 1925. Language. London; New York.
- Jokl N. 1923. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin.
1929. Thraker // Reallexikon der Vorgeschichte / Hrsg. von M. Ebert. Bd 13. Berlin.
- Jordanov K. 1984. La Thrace du Nord-Est et le monde orientale de la Méditerranée // Contributions au IVe Congrès international de thracologie. Sofia.
- Juret A.-C. 1937. Formation des noms et des verbes en latin et en grec. Paris.
- Kagaine T. 1972. Aizgūvumi no ģermāņu valodām Ērgemes izloksnē // Veltījums akadēmiķim Jānim Endzelīnam 1873—1973. Rīgā.
1983. Ērgemes izloksnes vārdnīcā 3. Rīgā.
- Kalim A. J. 1919. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki.

1936. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. Helsinki.
- Kammenhuber A. 1969. Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch // Altkleinasiatische Sprachen. Leiden; Köln.
- Kannisto A. 1925. Die tatarischen Lehwörter im Wogulischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Bd XVII.
- Katičić R. 1976. Ancient Languages of the Balkans. The Hague; Paris.
- Kiepert H. 1878. Lehrbuch der alten Geographie. Berlin.
- Kiparsky V. 1934. Die gemeinslavischen Lehwörter aus dem Germanischen. Helsinki.
1958. Polkan und Barbos // ZslPh. Bd XXVII, 1.
1968. Slavische und baltische *b/p*-Fälle // Scando-Slavica. Bd 14.
1975. Russische historische Grammatik. Bd III. Heidelberg.
- Klinge J. 1901. Die Honigbäume des Ostbaltikums und die Beutkiefern Westpreussens. Danzig.
- Kořinek J. 1930. Slov. *nevěsta* // LF. Roč. 57.
1934. Крѣводу slov. *gnědъ* // LF. Roč. 61.
- Kozlovskij I. 1886. Zur Geschichte des slavischen Consonantismus // AfslPh. Bd XI.
- Krahe H. 1937. Die Ortsnamen des antiken Apulien und Kalabrien // Zeitschrift für Ortsnamenforschung. Bd 13.
1957. Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil der Adria. Mainz.
- Kretschmer P. 1896. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen.
1928. Weiteres zur Urgeschichte der Inder // KZ. Bd 55.
1940. Die vorgriechische Sprach- und Volksschichten // Glotta. Bd 28.
1950a. Die phrygische Episode in der Geschichte von Hellas // Miscellanea Academica Berolinensia. Bd II, 1.
1950b. Invasion der Phryger in Hellas // Anzeiger der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien: Philosophisch-historische Klasse. Jg. 87.
1952/53. Die Leleger und die ostmediterrane Urbevölkerung // Glotta. Bd 32.
- Krenkel W. 1963. Pompejanische Inschriften: 2. Aufl. Leipzig.
- Kronasser H. 1952. Handbuch der Semasiologie. Heidelberg.
- Kuryłowicz J. 1958. L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław.
1956. L'apophonie en indoeuropéen. Kraków.
- Laroché E. 1960. Comparaison du louvite et du lycien // Bull. de la Société de linguistique de Paris. T. 55.
1961. Études de toponymie anatolienne // Revue hittite et asiatique. T. 69.
1973 (1975). Contacts linguistiques et culturelles entre la Grèce et l'Asie Mineure au deuxième millénaire // Revue des études grecques. T. 86.
- Leeming H. A. 1978. Slavonic Metal-Name // RSI. T. XXXIX.
- Leone F. 1969. Dominus. La storia della parola e le origini del titolo onorifico *don e donna* // Atti e Memorie dell'Accademia Toscana di Scienze e Lettere. Vol. 34. Firenze.
- Leskien A. 1884. Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen. Leipzig.
1891. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig.
- Leumann M. 1937. Rez. in: Ernout, Meillet² // Gnomon. Bd 13.
1977. Lateinische Laut- und Formenlehre. München.
- Lewy E. 1913. Preussisches // IF. Bd 32.
- Lidén E. 1897. Studien zur altindischen und vergleichenden Sprachgeschichte. Uppsala.
1906. Armenische Studien. Göteborg.
- Macdonell A. A. 1910. Vedic Grammar. Straßburg.

- Machek V. 1926. Slovanská jména uzdy // MNHMA. Sborník vydaný na paměť čtyřicetiletého učitelského působení prof. J. Zubatého. Praha.
 1934. Recherches dans le domaine du lexique balto-slave. Brno.
 1942. Beiträge zum baltisch-slavisches Wörterbuch // ZfslPh. Bd 18.
 1948. Étymologies slaves // Récueil linguistique de Bratislava. T. I.
 1954. Česká a slovenská jména rostlin. Praha.
- Marquart J. 1903. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig.
 1922. Kaukasus // Morgenland. N 1.
 1930. Woher stammt der Name Kaukasus? // Caucasia. Fasc. 6. Leipzig.
- Matzenauer A. 1870. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno.
 1885. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // LF. T. XII.
- Mažiulis V. 1970. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai. Vilnius.
- Meid W. 1956. Zur Dehnung praesuffixaler Vokale in sekundären Nominalbildungen // IF. Bd 62.
- Meillet A. 1900. Letto-slavica // MSLP. T. 2.
 1902–1905. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris.
 1908–1909. De quelques emprunts probables en grec et en latin // MSLP. T. 15.
 1909. Slavisches etymologisches Wörterbuch von E. Berneker. Lief. 1–3 // RSl. T. II.
 1921. Linguistique historique et linguistique générale. Paris.
- Mercatoris Atlas. Amsterdam, 1607.
- Meringer R. Wörter und Sachen // 1904–1905. IF. Bd 17.
- Mihailov G. 1986. L'onomastique dans l'aire thraco-macédonienne // Ancient Macédonia. T. IV. Thessaloniki.
 1987. Les inscriptions dans le trésor de Rogozen // LB. T. 30.
- Mikola J. 1893. Slavica // IF. Bd 6.
 1895. Etymologische Beiträge // BB. Bd 20.
 1897. Baltische Etymologien // BB. Bd 22.
 1908. Rez. in: Vondrák 1906 // RSl. T. 1.
 1913. Urslavische Grammatik. Lief. I. Heidelberg.
- Miklosich F. 1875. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd II. Wien.
- Müllenhoff K. 1892. Deutsche Altertumskunde. Bd 3. Berlin.
- Nehring A. 1940. A Neglected Heteroclytic Noun // Language. Vol. 16, 1.
- Neiescu P. 1959. Există legătură între cantitate și accent? // Cercețări de lingvistică. T. 3.
- Noonan T. H. S. 1973. The Origins of the Greek Colony at Panticapeum // American Journal of Archaeology. Vol. 77.
- Otrębski J. 1927. Słow. *nevęsta* // Prace filologiczne. T. XI.
 1955. Aus der Geschichte der litauischen Sprache // LP. T. 5.
 1966. Die ältesten germanischen Lehnwörter im Baltischen und Slavischen // Die Sprache. Bd 12, 1.
- Otrębski J., Safarewicz J. 1937. Gramatyka historyczna języka łacińskiego. Warszawa.
- Pajares A. B. 1971. Aportaciones al estudio fonológico de las guturales indoeuropeas // Emerita. T. 39.
- Palmer L. 1958. Luvians and Linear A // Transactions of the Philological Society. Oxford.
 1968. Linear A and the Anatolian languages // Atti e memorie del 1° Congresso internazionale di micenologia. T. 1. Roma.
- Pedersen H. 1895. Das indogermanische s im Slavischen // IF. Bd 5.
 1926. La cinquième déclinaison latine. Kopenhagen.

- Peisker J. 1905. Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. Stuttgart.
- Perrot J. 1961. Les dérivés latins en *-men* et *-mentum*. Paris.
- Persson P. 1891. Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation. Uppsala.
1912. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Bd I — II. Uppsala; Leipzig.
- Petersson H. 1909. Etymologien // IF. Bd 23.
1921. Studien über die idg. Heteroklise. Lund.
- Petr V.J. 1896. Slavische Etymologien // BB. Bd 21.
- Pierleoni G. 1929. *Frenum mordere* // Bolletino di filologia classica. Vol. 36.
- Pisani V. 1973. A Miscellany of Etymological Notes // Issues in Linguistics / Papers in Honor of H. and R. Kahane. University of Illinois Press.
- Planta R. von. 1892—1897. Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte. Bd I — II. Straßburg.
- Połujański A. 1854. Opisanie lasów królestwa Polskiego i gubernij Zachodnich cesarstwa Rosijskiego. II. Warszawa.
- Porzig W. 1924. Bedeutungsgeschichtliche Studien // IF. Bd 42.
1954. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg.
- Pott A. F. 1833. Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Bd I. Lemgo.
- Profous A. 1947. Mistní jména v Čechách. Praha.
- Prusík Fr. 1893. Slavische Miscellen // KZ. Bd 33.
- Reichelt H. 1912. Studien zur lateinischen Laut- und Wortgeschichte // KZ. Bd 46.
- Reķēna A. 1975. Amatniecības leksika dažās Latgales dienvidu izloksnēs un tās sakari ar atbilstošajiem nosaukumiem slāvu valodās. Rīgā.
- Rozwadowski J. 1908. Słow. *ośoje* itd. // Jagiń-Festschrift. Berlin.
1912. O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich // RSI. T. 5.
- Ruhig Ph. 1745. Betrachtung der Litauischen Sprache in ihrem Ursprunge, Wesen und Eigenschaften. Königsberg.
- Ruijgh C. D. 1967. Études sur la grammaire et le vocabulaire du grec mycénien. Amsterdam.
- Sabalaiuskas A. 1966. Lietuvių kalbos leksikos raida // LKK. T. VIII.
1970. Iš baltų kalbų gyvulininkystės terminologijos istorijos // LKK. T. 12.
- Sanson G. 1677. Cartes générales de la géographie ancienne et nouvelle. T. I — II. Paris.
- Scheftelowicz J. 1904. Zur Begriffe für «Schadel» im Indogermanischen // BB. Bd 28.
- Scherer A. 1947. Das Problem der indogermanischen Urheimat vom Standpunkt der Sprachwissenschaft // Die Urheimat der Indogermanen / Hrsg. von A. Scherer. Darmstadt.
- Schleicher A. 1856. Litauische Grammatik. Praha.
- Schmid W.P. 1979. Zur Frage der Datierung iranischer Lehnwörter in den finnisch-ugrischen Sprachen // Festschrift für W. Schlachter. Wiesbaden.
- Schmidt J. 1895. Kritik der Sonantentheorie. Weimar.
- Schramm G. 1973. Nordpontische Ströme. Göttingen.
- Schwyzer E. 1939. Griechische Grammatik. Bd I. München.
- Senn A. 1925. Germanische Lehnwortstudien: Diss. Freiburg; Heidelberg.
1970. Slavic and Baltic Linguistic Relations // Donum Balticum. Uppsala.
- Skardžius P. 1931. Die slavischen Lehnwörter im Alllitauischen. Kaunas.
1943. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius.

- Skutsch F. 1909. *Armentum* // Glotta. Bd I.
- Solta G. R. 1974. Zum Problem labialen Wurzelweiterungen bzw. labialer Suffixe in den indogermanischen Sprachen // IF. Bd 79.
- Specht F. 1935. Das indogermanische Wort für die Egge // KZ. Bd 42.
1944 (1947). Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen.
- Stanislav J. 1948. Slovenský juh v stredoveku. Diel I — II. Turčiansky Sv. Martin.
- Stati S. 1959. Participiul latin în -to- // Studii și cercetări lingvistice. T. X.
- Stender-Petersen A. 1927. Slavisch-germanische Lehnwortkunde. Göteborg.
- Stokes Wh. 1894. Urkeltischer Sprachschatz. Göttingen.
1903. Irish Etymologies // Opstellen geschreven ter eere van Dr. N. Kern. Leiden.
- Stolz Fr. 1894–1895. Historische Grammatik der lateinischen Sprache. Leipzig.
- Stolz Fr., Schmalz J. 1928. Lateinische Grammatik: 5. Aufl. / Bearb. von M. Leumann und J. Hofmann. München.
- Strachan J. 1894. The Compensatory Lengthening of Vowels in Irish // BB. Bd 20.
- Striedter J. 1959. Zur Herkunft von russ. *Barbos* // ZfslPh. Bd XXVIII, I.
- Šafárik P. 1837. Slovanské starožitnosti. Praha.
1865. *Sobrané spisy*. T. 3. Praha.
- Thomsen V. 1870. Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die Finnisch-Lappischen. Halle.
1890. *Berøringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog*. København.
- Tischler J. 1982. Beiträge zur hethitischen Anthononymie // *Serta Indogermanica / Festschrift für G. Neumann*. Innsbruck.
- Tomasek W. 1894. Die alten Thraker. Personen- und Orts-namen // *Sitzungsberichte der philosophisch-historische Klasse der kais. Akademie der Wissenschaften*. Bd 131.
1980. Die alten Thraker // Eine ethnologische Untersuchung. Wien.
- Torp A. 1909. Wortschatz der germanischen Spracheinheit. Göttingen.
- Tzitzilis Chr. 1978. Griechische Lehnwörter im Türkischen. Wien.
- Urbutis V. 1984. *Slavų kalbų pseudobaltizmai* // *Baltistica*. T. 20, 1.
- Vaillant A. 1938. L'ancien nom slave du «poisson» // *RĚSl*. T. 18.
1967. Slave *gněvŭ* 'colère' // *RĚSl*. T. 46.
- Vaillant A. 1974. *Grammaire comparée des langues slaves*. T. 4. Paris.
- Vanagas A. 1970. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius.
- Vasmer M. 1923. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven // I: Die Iranier in Südrußland. Leipzig.
1941. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Rußlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin.
1971. *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde*. Bd I. Berlin; Wiesbaden.
- Vendryès J. 1925. Le sillon et la frontière // *Mélanges publiés en l'honneur de P. Boyer*. Paris.
- Vlahov K. 1963. Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch. Sofia.
- Vondrák W. 1905. *Sěňi, stěňi, těňi* 'schatten' und *tělo* 'corpus' // BB. Bd 29.
1906. Vergleichende slavische Grammatik. Bd I. Berlin.
- Vordemfelde H. 1924. Die Hexe im deutschen Volksmärchen // *Festschrift für E. Mogk*. Halle.
- Walde A. 1897. Die Verbindungen zweier Dentale und tönendes z im Indogermanischen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft*. Bd 34.

- Watson K. Fr. 1822. Ueber die Abstammung der lettischen Sprache von der slavisch-russischen...// Jahresverhandlungen der kurl. Gesellschaft für Literatur und Kunst. Bd 2. Mitau.
- Wiedemann O. 1902. Etymologien // BB. Bd 27.
- Wilamowitz-Moellendorf U. von. 1903. *Appollon* // Hermes. Bd 38.
- Windekens A. van. 1952. *Le pélasgique*. Louvain.
1954. *Contributions à l'étude de l'onomastique Pélasgique*. Louvain.
- Zgusta L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha.
1958. Zur Etymologie von slaw. *mndb* 'Kupfer, Erz' // Die Sprache. Bd 4.
1964. Kleinasiatische Personennamen. Prag.
1965. Some Principles of Work in the Field of the Indigeneous Anthroponymy of Asia Minor // *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. Sezione linguistica*. Vol. VI.
1984. Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg.
- Zilynsky O. 1960. Stará ukrajinská píseň o vojvodovi Stefanovi a její význam pro dějiny slovanské lidové písně // *Slavia*. T. 29.
- Zinkevičius Z. 1966. *Lietuvių dialktologija*. Vilnius.
1977. *Lietuvių antroponimika*. Vilnius.
- Zubaty J. 1895. Über gewisse mit *st-* anlautende Wurzeln im Baltisch-Slavischen // *Sitzungsberichte der Böhmisches Gesellschaft der Wissenschaften. Classe für Philosophie, Geschichte und Philologie*. Nr 16.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ И ФОРМ*

А. Индоевропейские языки

І. Балтийские языки

Древнепрусский

aketes 91
alwis 203
ape 304, 322
ausis 201, 202
auwerus 205
awins 210
Burden 322
camstian 210
dalptan 170, 209
deiwas 247, 255
deiws 255
enkopts 169
garbis 225, 226
gelso 202
girmis 220
kērmens 12, 244
kiosi 232
Lappegarbe 225
Laumigarbis 225
lauxnos 36, 93, 155
meltan 41
mensā 285
powaiseni 41
pracartis 112
romestue 173
sasnis 322
schutuan 170
schuwikis 170
sirablan 202
syrne 93
sirvis 249

stogis 155
Swentegarben 225
tackelis 170
waidimai 134
waisnā 41
wargien 204, 206
witwan 288
wutris 209

Латышский

agns 216, 217
aīvs 203
apkaūt 208
apruocis 188
aulis 224
avins 210
baṅga 94
bārda 236
bārdāinis 236
bārdāins 236
barība 40
barūot 40
bēda 196
bēdņiēks 196
berzt 90, 91
birde 170
bires 183
birze 97
blakts 182
blūods 60
braūceklis 101

* Древние и диалектные формы особо не оговариваются.

** Автор выражает признательность своему аспиранту Е. Г. Филл в подготовке указателя слов и форм.

braūcīt 100, 168
 braūklis 101
 braukts 101
 bràuktuve 101
 brūklene 100, 105
 brūkline 100, 105
 buca 388
 cīrst 168
 Didel- 303
 dieva zuosis 251
 dievīgs 251
 dievs 247, 249, 255
 dižāt 303
 drava 224
 dviņi 57
 dzēlzs 202
 dzija 170
 ecēšas 91
 gaīva 236
 gaīvainis 236
 gaīvains 236
 glīda 130
 guba 44, 220
 gubāt 44
 gubenis 44
 guŗba 221, 223, 224
 gurbs 221, 223, 224
 guŗkste 201
 gūrstē 170, 201
 jērs 215
 kalbaks 26, 28, 181
 kaīdīt 209
 kapana 220
 kaplis 169
 karaūte 113
 karuōte 113
 kauka 195
 kausi 234
 kausiņi 236
 kausiņš 234
 kaūss 77, 172, 199, 226, 228, 230–234
 kaūst 233
 kaūstīt 169, 208
 kaūt 169, 233
 klāips 177–183, 199
 klēpis 182
 klipiņš 181
 klubāks 181
 krēms 209
 kuoda 193
 kuōdelis 192, 196
 kuozuls 224
 kupa 220
 kupraīnis 236
 kupraīns 236
 kuprs 236
 kuriķis 209
 kvīka 16
 lāpekļis 118, 121
 lāpiķis 121
 lāpīt 118
 lāps 118
 lataka 197, 198
 lateka 198
 lēd(s)ķeka 198
 lemesis 187
 lēķeka 198
 Lielciems 303
 līdaka 198
 līdeka 198
 liēt 168
 līguōt 55
 līgāt 55
 māiseklis 170
 māsīt 168
 māize 175
 māiznieks, -nīca 175
 mālka 378
 maīt 41
 Maras-upe 324
 Mariņa upe 324
 Mārupe 324
 medus 29
 milti 41
 mīsteklis 18
 mīsteklas 18

mīts 378
 muksu 201
 mulis 55
 musu 201
 nagns 216
 nags 216
 nuôstan 190
 pakausis 77, 228, 229
 paredzēt 235
 pareģis 235
 pils 306
 pilsēta 306
 pires 183
 plakts 182
 prasts 190–193
 pune 171
 puřna 182, 220
 puvesis 187
 ragainis 236
 ragains 236
 ragalis 170
 ragana 58, 119, 215, 235–237
 ragane 58, 119
 ragans 235, 236
 raganu raganais 235, 236
 rags 236
 raũds 207
 redzēt 234
 remesis 127, 173–177, 187, 199
 remesnieks, -nīca 175
 rēmeřts 187
 remiķis 173
 rũda 206, 207
 rũdēt 207
 rũdulis 207
 rũsa 207
 rũsis 207
 Sarupe 305
 sãuss 56
 sejs 156
 sēķs 209
 sidrabs 202, 208
 siena 154
 sirna 250
 skabařda 12, 195
 skabařga 12, 195
 skabařna 12
 skaīda 181
 skurbstu, skũrbt 378
 slīmesis 187
 slīmeřts 185–188
 slīmēt 187
 sniķis 187
 stãigs 167
 stãvs 12, 244, 249
 stibãt 55
 stibinãt 55
 stibis 55
 stīpa 188
 stipnazis 188
 stipnieks 188
 stribeņķis 187
 stulbs 183
 stũlps 183
 stupas 378
 sukt 168
 svins 204
 šķelda 278
 šķēle 180
 šķēlēt 180
 šķēlt 180, 182
 šķēndala 3, 199
 šķībs 9
 šķiņdala 199
 šķirsts 199, 232
 šļaubis 183
 šļauks 183
 šļauns 183
 šļaupis 183
 šniderēt 187
 šuvējs, -ēja 170
 teciklas 170
 teseklis 170
 teslis 185, 187, 209
 test, tēřu 170, 185
 Tranava 305

uguns 216
vadātājs 60
vaiņa 287
vārīt 205
vaŗš 204, 206
vatalīt 55
vedama 136
vedu, vest 136
vėzums 378
vīrs 255
virsaune 206
virsūne 206
vīt 168
zēltīt 119
zēlts 119, 202, 208
zin(ā)tnieks 60
žūrēt 60

Литовский

aglūs 217
agnūs (āgnus) 216–219, 264, 334
agus 216
akēčios 91
akis 257
akývas 257
akmuō 147
aldijā 203
alkūnē 203
álnē 203
álvas 203, 208
āmatas 175
amatiniņkas 175
anglis 208
āpalas 125
apýrankis 188
apkāuti 208
āpsčias 191
apstas, -ūs 190, 191
apstatā 192
apstókas 191
āpvadas 188
apvalūs 125

arýba 15, 74
ārklas 17, 120, 150
arklýs 150, 245, 246
armuō 12, 149, 151, 244, 245
árti 12, 74, 149–151, 244–246
arúodas 171, 184
asiúklis 17
atlāmyti 55
atlamōti 55
ātstas 190, 191
atstatā 191
atstatýti 191
atstókas 191
augmuō 149
āugti 149
áuksas 201
aumenýs 378
Aunūpis 305
Āunuva 305
ausas 201
aušrā 227
áušti 227
avē 210
avikē 211
avikiena 211
Aviliai 224
avilýs 225
āvinas 210, 215
avis 170, 210
badūs 206
bajóras 177
balnóji 210
baltókas 191
bangā 94
baņgas 195
bangštas 195
bāras 370
bariúkas 212
barónas 210, 213
barzdā 89–91, 236
barzdúkas 89
baŗzdžius 236
bāsē 210, 211

bāsinas 210
basinēlis 210
baūbti 206
baūžas 227
baziukas 211
baziulis 211
baziūtē 211, 215
bēdā 196
bēdinās 196
bēdingas 196
bēdyti 196
bēdningas 196
bēdókas 196, 197
bēdóti 197
bēdūs 196
begūnas 206
bēržas 173
biēdnas 196
biednēti 196
biržis 97
bitē 224
hóba 212
bōbšē 212
borōnas 211
botāgas 71
brauktuvē, -tūvai 100, 101
braukti 100, 105, 168
brūknēs 100, 104, 105
brūkti 168
bruktuvē 100, 101
būbti 206
budēti 277
budnūs 277
budrūs 277
burbēklis 17
burbulys 298
Burbulis 298
Burdiškių kāimas 322
būrē 210, 212, 213
burgēsas 174
burikē 212, 214
būrinās 210
buriukas 212

burnā 182, 220
burulis 212
burzdūs 351, 352
dabnūs 277
dabōklē 17
dabūs 277
daigótis 58, 119
dailidē 172, 176
dárbas 387
darbštūs 195
darbūs 195
Daubkalniai 225
dāuzēti 227
dēglas 109
Dēglē 212
Deglėjus 212
degsnis 158
dēgti 109, 158
degūtas 172
deīviškas 251
dejūoti 122
dervā 377
devyni 184
Didas 303
Didel- 303
didis 303
didūs 302
didžkaimis 303
diegas 58
diegti 58
dienā 248, 252
dievainis 251
diēvas 249, 255
dievāitis 251
dievynas 251
diēvinas 251
dirbti 387
diršā 184
dirvā 213
dirvōnas 127, 213
Dižas 303
Didžius 303
dodōnē 122

drāšūnas 126
 drāšūs 162
 drebēti 220
 drēgmē 151
 drēgmens 151
 drēgti 151
 drungnūs, -as 216
 druņgti 217
 Dūbapelis 322
 Dubrā 213
 Dubrōnas 213
 Dūbupis 322
 dubūs 322
 dūlēti 206, 208
 dūmā 119
 dūmai 119, 206
 dūmēti 209
 dūmyti 119, 209
 dūmplēs 209
 dūmti 209
 dūoklē 17
 duonēdis 30
 dvynāi 57
 ēdesis 187
 -ēdis 29
 ēdūs 206
 eigā 13
 einū 13
 ēras 215
 gābana 220
 gadnūs 216
 gāgas 213
 gagōnas 213
 Galdapē 322
 galvā 236
 galvius 236
 gaņdrai 302
 gaņgaras 220
 garbai 225
 garbaniaī 225
 gārbanos 225
 gařdas 223, 224
 gařdis 220
 Gārdupis 305
 Garduvā 305
 garēti 208
 garnys 249
 gaūbti 44
 gaūgaras 220, 312
 gaūžtis 195, 227
 gēležaunēs 206
 geležinis 203
 geležis 173, 202, 208
 gēležūnēs 206
 gēležuonys 203
 geležūoti 203
 Gēluva 305
 gerbenai 225
 gēris 205
 gērūs 205
 gėrvė 249
 gijā 170
 giřslas 174
 glodnūs 217
 glodūs 196
 glōsti 217
 grakštūmas 176
 gramzdýti 376
 gramzdūs 376
 gramžūs 196
 gridyti 381
 grimzli 376
 grynóji 122
 grōžis 220
 gruņslas 174
 gruņstas 174
 grūmti 175
 gubā 44
 gubóti 44
 gūbras 44
 gugā 312
 gulbis 220
 gúožtis 195
 Gūrbai 224
 guřbas 199, 219–226
 Guřbmiřkis 224, 225

Gurbšilēlis 224
Guŗbšilis 224, 225
Gurbū mišķas 224
gūrkļis 17
indaujā 172
jpiltas 204, 257
jstatā 191
jstatas 191
išgīfstas 174
išmiestis 306
jáuja 171
javinis 122
júodis 210
júra 323, 324
Jūrātē 323
Jūrē 323
Júrups 324
káimas 302
kaīslas 174
kaīstas 174
kaīšā 233
kaīšti 233
kálnas 199
Kálnišķiai 199
kálstyti 169
kálti 52, 169, 232
kalvā 12, 245, 249
kaņdas 195
kándē 195
kándis 205
kaņdis 205
kandūs 205
kāpana 235
kāpas 169, 235, 321
kaplūs 169
kapóti 169
Kapūpē 321
kaŗbas 220, 221, 222
kaŗdis 220
karklýnas 17
kaŗstas 199, 232
kaŗtas 231
kartūs 50, 378

kasā 378
kāsti 169
káuģē 196
kaukarā 312, 316, 318
kaūkars 220
kaukēlē 228
káuķla 17
kauķlūs 298
Kaūkļis 298
káuķolē 228, 229
kaūkti 16, 17
káustyti 169, 208
káustytojas 169
káušas 77–80, 136, 172, 199, 2
kaušēlis 228
kaūšti 77, 227, 233
káuti 78, 169, 233, 378
kedēnti 194
kēlnas 3
kēltas 3
kēpalas 179
keŗslas 209, 232
keŗstas 199
keturi 176
kiaukarā 317
kiáušas 79, 228, 229
kiáušē 228, 229
kilbēķlis 121
kibyķlas 121
kibis 205
kibūs 205
kiēmas 302
kirmis 220
kirmuō 244
Kirsnā 97
kiŗsti 50, 168, 231
klajóķas 197
klajóti 197
klēbýs 182
klēpyti 188
klēvas 249
kliēpas 177–183, 199
klōdas 233

klóti 233
 kója 122
 kopūstai 193
 kruopà 177
 kruopiēnē 177
 krūtīnē 220
 kūcē 214
 kūdas 193
 kūgauti 16
 kūjis 169, 209
 kūjūkas 209
 kūkālis 193
 kūmas 193
 kumēl(š)ē 212
 kuņpis 184
 kuōdas 193, 194, 195
 kuodēlis 192, 193, 194
 kuōdena 193
 kuodys 193
 kúōdis, -ē 195
 kuōdyti(s) 193
 kuodūoti 193
 kuōgis, -ē 195
 kúokštas 195
 kuprā 236
 kūprius 236
 Kupšēliai 301
 kuŗbas 220–223
 kuŗpas 119
 kurpýti 119
 Kurtupis 305
 Kūrtuva 305
 kūvēklis 16, 18
 kūvý 16, 17
 kūviksēti 16, 17
 kvýklynē 16
 kvyklýs 16
 lakstýti 383
 lakstūs 383
 lamākas 55
 lāmas 55
 lamātas 55
 laminti 55
 lāpas 118
 lāpatas 118
 lāpē 210
 lāpinas 210
 Lapkalnis 225
 Latakà 198
 latākas 197–199
 Latākiškiei 199
 latekas 198, 199
 Latekšna 198
 Latupýs 199
 laūmē 235
 láužas 120, 228
 láužti 206
 lavūs 196, 206
 lazdelē 176
 ledtēkas 198
 leņgvas 125, 126
 lengvūs 125, 126
 lengvinēti 126
 leņgvōsios 125
 lengvōtis 126
 lengvūnas 126
 lenkmuō 149
 leņkti 149
 lēpnas, -ūs 217
 lēpti 217
 lēteka 198
 letēkas 198
 lētūnas 126
 lētūs 126
 liejikas 208
 liēkana 235
 liēkas 235
 liēpa 125
 liētas 208
 liēti 168, 208
 lietinis 208
 lygmē 151
 lygmuō 149, 151
 lýgti 149, 151
 lingúoti 55
 Лингвения 127

lōpas 118, 121
lopikis 121
lop̄yklas 120
lōpymas 121
lopin̄ys 121
lōpinti 121
lōpyti 18, 118–121
lōpytojas 121
lōva 170
lūnkas 383
lūžti 206
maišas 209
maišiklis 170
maišyti 168
maknōtas 71
mālka 235
malkanas 235
māliti 41
malūnas 122
margā 210
mārgēlis 121, 210
mārgis 210
mārgōji 210
mārēs, mārios 324
marōkas 197
marōti 197
maūlyti, maūlinti 55
māzgas 119
mazḡyti 119
mazōkas 191
medūs 29, 224
mēsēdis 30
metūs 60
miēstas 306
miltai 41, 48
minikas 170
minti 168
mirksnis 158
mīfkti 158, 334
mutnūs 277
mūt̄rē 277
mutūs 277
nāgas 216

naktis 176
Narūpis 301
naŗvas 224
našūs 60
naujaved̄ys 137
nauvedā 45, 136, 137
negvaldūs 125
nēšamājā 200
nēšti 200
nýtys 170
nuōstais 190
ogūs 216
pagelūs 305
paikas 279
paisyti 41
paišyba 74
pakāušis 77, 228, 229
pākulos 172, 184
palkēlē 176
pařsas 234
paršinas 234
paršiukas 210
pasēkelis 209
pāstas 190
patē 210
patčlē 210
pātinās 211
pauškēti 227
pelēda 30
piāustyti 169, 208
piāuti 169, 208
pienas 265, 289
pīktas 279
pilis 306
pilnas 204, 257
pinai 226
pynē 226
pinē 226
pinka 226
pinti 223, 226
pinūčiai 223, 226
piřkti 79, 101, 228
piřsti 79, 101, 228

plēnē 249
 plēvē 249
 plēšnūs 277
 plēšrūs 277
 plēšti 277
 plēšūs 277
 prākartas 111, 112, 232
 prāsčias 191
 prasčiōkas 191
 prasčiōkiāusias 191
 prasčiūgas 191
 prāstas 190–192
 prastatā 191
 prastymāi 190
 prastynā 190, 192
 prastinys 190
 prastókas 191, 192
 prastūnas 192
 prastúoti 190
 prašyti 185, 189
 priemenē 171
 priestatas 191
 puikas, -ūs 276–278
 pūnē 171
 puodas 175
 puodiniņkas 175
 rāgana 4, 58, 119, 234–239
 ragānē 235, 239
 raganos 235
 rāgas 58, 235–239
 rāgius 235–238
 ragúota 234
 Rākija 301
 rākti 377
 Ramōnas 214
 Ramōšius 214
 rañtis 169, 173
 ramtýti 169, 173
 rankā 193
 raudā 207
 raūdas 207
 raudēti 207
 regēti 58, 234, 235, 237
 rēksmas 151
 remēsas 127, 173–175, 185, 187
 remēsis 188, 199
 remēslas 173–176, 199
 remesnỹkas 175
 remēstas 173–176, 199
 remestiniņkas 175
 remestva 177
 reñtas 169, 173, 175
 renkū 193
 rubēžius 193
 rūdā 206, 207
 rūdas 207
 rudēti 207
 rūdpeļkē 207
 Rūdupis 208
 rūdvietē 207
 rugīena 60
 rūkanas 235
 rūkas 119, 235
 rūkýti 119
 rukšnā 199
 rŭkti 199
 ruñbas 383
 Saļdupis 322
 saldūs 60, 196, 322
 sántalka 60
 sāpnas 36, 93
 Sārakas 305
 sařgis 205
 sargūs 205
 Sasnāpis 322
 sausāgyslē 56
 sausarañkis 56
 saūsas 56, 206, 305
 sausatā 56
 saūsē 211
 sāusenis 56
 sausēti 56
 sausienā 56
 sausýnas 56
 saūsis 56
 saūsyti 56

sausmenā 56
 Saūsūpis 305
 sausvējinis 56
 saūsvējis 56
 sausviššis 56
 sausviršūnis 56
 sejā, séjā 58
 sēmens 148
 sēmtas 175
 Sērmās 343
 sēsē 211
 sēti 148
 siaučiu 60
 siaūstis 60
 siautéila 60
 siautýti 60
 sidābras 202, 286
 siena 48, 154, 223, 258
 sieti 223, 258
 Sirapē 322
 siuvējas, -ēja 170
 siuvikas, -ikis 170
 skābtas 232
 skabūs 232
 skaidūs 50
 skaptúoti 232
 skařdis 53, 304, 322
 Skařdupis 304, 322
 skēlti 182, 232
 skēpetas 54
 skepetēlis 54
 skepetinis 54
 skeřsti 232
 skiāutē 231
 skiedā 181, 278
 skiesti 183
 skýsti 183
 skleřbti 180
 skliřbas 180–183
 sklimbēlis 180
 skliřpis 180, 182, 183
 sklýpas 180, 181, 183
 skliūtās 172, 185
 Slavikupis 323
 skōbti 232
 skrúoslas 174
 skrúostas 174
 skūsti 230
 skūtas 230
 skūtas 230
 skvētas 230
 snaigýti 119
 sniēgana 235
 sniēgas 119, 235
 sodýba 15
 spēti 378
 sraumuō, sraumeņš 12, 264, 288, 302
 sraunā 12, 264, 288
 sraunūs 249
 s(t)rúti 302
 sruvūs 249
 stabdýti 55
 stabýti 55
 staļdas 199
 staļnas 199
 stařbas 50
 standūs 195
 stangūs 195
 -statas 192
 -statýti 192
 stemřbti 55
 stibis 55
 stýgoti 167
 stýgti 167
 stiprūs 50
 stōgas 155
 strainūmas 176
 straumuō 302
 stuļbas 183
 stuļpas 183
 stuomuō 12, 244, 264
 sūdas 193
 sūkmas 151
 sukmuō 151
 sūkti 151, 168
 sūnūs 216

súodžiai 209
 svēčias 191
 sviřnas 171
 šaivà 170
 šãmas 185
 šémóji 210
 šjēnas 229
 Šilakalnas 225
 šlaĩtas 254
 šleĩvas 254
 šliēti 254
 šulas 120, 172, 185
 švelpēsas 174
 šviēsti 204
 švinas 204, 205
 švitas 204
 švitēti 204
 švitvaris 205
 tãkilas 170
 tašiklis 170, 185
 tašyti 170, 185
 tašytuvas 185
 tauškùs 227
 Tēkančioji (ùpė) 199
 tekēti 199
 tékmė 151
 Tekupys 199
 tiltas 229
 tilti 374
 tingùs 126
 trãnas 305
 trapùs 220
 trynai 57
 tūkstantis 184
 tvirtas 95
 ugnis 216
 úkanas 224
 úkas 226
 ūmas 193
 úostas 322
 ùpė, ùpis 199, 304, 322
 ùžkrosnis 176
 ùžpečkis 176
 ùžstatas 191
 vaĩkas 78, 234
 vaikinãs 78, 234
 vainikas 281, 285, 3
 vãkaras 70
 valdýba 74
 valkatà 198
 valketà 198
 vapsà 138
 vařganas 226, 235
 vařgas 226, 235
 vãrias 204
 varyklà 120
 Varyklà 120
 vãris 204, 205, 208
 varyti 120
 varùs 205
 vãsara 218
 Vastapà 322
 vãškas 224
 vedēklis 136
 vedys 136
 vedù, vēsti 45, 136
 velbēsas 174
 veřitaris 185
 veřkti 199
 vėrkšna 199
 versmė 151
 vērti 31, 33
 vielà 119
 viēlyti 119
 vijà 170
 vijóti 168
 vilgšnas 199
 vilgti 199
 vilna 215
 vynas 282
 vyras 205, 257
 virti 204, 205
 vystyti 208
 výtas 281
 vyti 168, 208, 281
 vytis 288, 289

vogùs 216
volióti 58, 168
voliūga 58, 170
žalóji 210
žaṁbas 229
žāsis 101
žebróji 210
ženiklis 17
žiedžiù 168
žiēdžius 168
žiemà 374
žilas 288
žilvitis 288

žinỹs 235
žiniuōlis 60
žinóti 235
žirnis 93
žiūrēti 60
žiūrūs 60
žlaūktas 172
žlūktas 119, 172
žuklỹs 17
žuvēdis 30
žuvēdra 30
žuvis 37

II. Германские языки

Английский

а) Древнеанглийский

bere 40
branbred 336
eg(e) ðe 91
filmen 244
getwinne 57
grindan 264
heorða 49
medu 29
orf 246
scāf 9
sceld 278
sceorf 265
sceorfan 265
skip 232
studu 50
weotuma 45
wituma 45
wrōt 145
yrfe 246

б) Современный английский

berry 111

bilberry 103
bit 263, 269, 270
(to) bite 263, 269
bloom 370
blooming 370
brake 95
bran 333
break 42
breaker 95
clay 66
crane 111
cranberry 111
dog 74
ford 379
grind 264
lap 39
(to) make 387
Oxford 379
policlinic 141
polyclinic 141
red bilberry 103
scale 228
scull 228
sea 324

shear 231
short 129, 231
small 129
spaniel 90
sprint 129
twins 57
wed 136
witch 235
(to) work 387

Готский

aiz 202
arjan 246
barizeins 40
bokareis 73
brēkum 96
brikan 42, 93, 155
deigan 168
faran 380
gabruka 94
gabrukano 335
gajuko 258
hauhs 312, 316, 318
haurn 249
hlaifs 177, 180
jēr 381
kann 96
kaúrjos 65
kaurn 93
maitan 130
malan 41
manna 204
mimz 285
motareis 73
raups 207
salt 381
silubr 202, 286
sin-teins 248
skeinan 156
skip 232
smals 129
stains 153

þiuda 374
wait 134
wissa 134

Датский

bide 269
bidsel 269, 270
skórpe 265

Исландский

а) Древнеисландский

arfr 246
barr 40
broddr 90
hamarr 115
hauss 228, 230
hleifr 177, 180
jörfe 245
jormune 245, 246
kvern 65
leggr 39
röt 145
sceifr 9, 50
skalm 232
skip 232
stinnr 50
straumr 301
svefn 93
þekja 155
vagn 334

б) Современный исландский

korpa 225
sneida 9

Немецкий

а) Древневерхненемецкий

albiꝛ 204
aruzzi 206
bart 90

barta 90
blio 201, 204
borön 91
burst 90
corn 93
decchen 155, 158
decchi 155
dehsala 185
egida 91
erd 245
fesa 41
gold 201, 202
grint 265
hamar 115
īsarn 201
kupfar 201
malan 41
melo 41
muljan 41
rēba 290
sahs 52
scala 232
scif 232
silabar 201, 202
smid 129
smīda 129, 206
stal 50
stuzzen 50
ūtar 369
wafsa 138
wagan 217, 334
wīda 288
widemo 45
widomo 45
wīn 282
zin 201

Средневерхненемецкий

grint (crint) 265
rāme 145

Средненижненемецкий

mēde 128
messet 186
scherve 232
snibbe 187
sniddeln 187
*snīd(e)messet 185, 186
snīden 186
snīder 187
snikke 187
snor 187
stribenke 187

Современный немецкий

Advokat 366
Apfel 294
Becher 233
bechern 233
beissen 51, 269
-berg 321
Bergenthal 225
bitter 50
Blei 204
Bockkäfer 235
brachen 40, 95
Brachfeld 95
brechen 95
Brecher 95
Bruch 95
Dechsel 185
Decke 155
decken 155
Egge 91
fahren 380
Faul-Geist 123
Furt 379
Gebiß 48, 51, 269
geschmeidig 129
gewebt 288
gewoben 288
Grind 265

herb 50
Hexe 235–237
hoch 66
Jahr 380
Jahrmarkt 381
klappen 38
Klapper 38
Korb 220–222
Lappen 39
machen 387
Poliklinik 142
quieken 16
Rebe 290
Reiseschiff 152
schaffen 387
scheiden 50
scheinen 156
schief 9, 50
Schlange 377
schlängeln sich 377
schlingen 377
Schneidmesser 185
schneiden 27, 180
Schneider 187
Schnitte 27, 180
Schorf 265
See 324
Stand 50
Stein 153

Störling 10
Streichbeere 101
streichen 101
Strickbeere 101
stutzen 50
unbezähmbar 272
Vortuch 381
Wand 49, 154, 223
Weide 288
werken 387
winden 154, 223
wissen 235
Zaum 267
ziehen 267
Zunge 374

Нидерландский

zondek 73, 193

Шведский

bär 111
betsel 269, 270
bita 269
lakka 39
sned 9
trana 111
tranbär 111

III. Греческий язык*

а) *Линейное письмо Б*
me-sa-po 322
pa-na-so 329, 330
pu-na-so 329
we-je-we 293

б) *Древнегреческий*
ἀγνός 93

ἄγορά 160
ἄγρός 218, 246, 253
ἄγω 217, 334
Ἄδρανῆ 315
Ἄδρανός 315
ἀεὶ βάλλων 294
Ἀἴγειρος 290

* Включены негреческие имена, дошедшие до нас в греческих переписях

Αἴγιλος 301
 Αἰγίμιος 301
 Αἰγινθος 301
 Αἰγιστέας 301
 Αἴγων 301
 ἄκανθος 290
 *Ακανθος 290
 ἄκμων 115, 147
 ἀκρατής 273
 ἀκταίνω 219
 Ἄλεξίσακος 297
 Ἄλικαρνα 329
 Ἄλικυρνα 329
 Ἄλισάρνα 329
 ἀλκή 297
 ἄλλος 298
 ἀλφός 203
 ἄλλως 43
 ἀμαμακ- 290
 Ἄμαμασσός 290
 ἀμάμυξ 290
 *Ἄμπελος 290
 ἀμπελών 298
 Ἄμπέλων 298
 ἀμφι- 369
 ἀμφορεύς 138
 ἀνατάχω 311
 ἀν(α)τείνω 311
 ἀν(α)τέλλω 311
 ἀνατομή 369
 Ἄνάχαρσις 311
 Ἄνδροδάϊξα 310
 ἀνδροκτόνος 310
 ἀνδρολέτειρα 310
 Ἄνδρόμαχος 310
 ἀνδροφθόρος 310
 ἀνδροφόνος 310
 Ἄνέγκλητος 310
 Ἄνθηδών 328
 ἀντακαῖος 310, 311
 ἀξίνη 92
 Ἄπειλων 298
 ἀπελαύνω 298
 ἀπελάω 298, 300
 ἀπέλλαι 294
 Ἄπέλλων 298, 299
 ἀπελών 298, 300
 Ἄπλοῦν 294
 ἀπλοῦς 294
 ἀπολιτικός 368
 ἀποθήκη 43
 ἀπόλλυμι 294, 298
 Ἄπόλλων 293–300
 ἀπολούω 293
 ἀπολύω 294
 Ἄποστροφία 297
 Ἄποτρόπαιος 297, 298
 Ἄπότροπος πημάτων 297
 ἀραρίσκω 241, 245
 ἄργυρος 201
 Ἄρισταῖος 297
 ἄριστος 297
 ἄρμα 245
 ἄρμα 150, 241, 242, 245
 Ἄρότριος 297
 ἄροτρον 297
 ἄρουρα 246
 ἄρώω 149, 151, 244
 ἄρτος 3, 246
 ἄρωμα 149, 151, 244, 246
 ἀστρολόγος 369
 ἄστυ 320
 ἀτίμητος 367
 *Ἄψινθος 290
 Βάργαλα 315
 Βάργασα 315
 βαρύς 65
 βελτίων 369
 Βορυσθένης 336, 343, 347,
 βρύω 308
 βύθιος, βυθός 327
 βυσσός 327
 γέρανος 249
 γέρρον 221
 γιγνώσκω 96
 γνῶμα 149

γόμφος 229
γόνυ 37
γύργαθος 220
δάμαρ 258
δαμάω 258
δάμνυμι 258
δεινός 287
δέμω 258
δέω 258
Δι(F)ός, Δι(F)ί, Δι(F)ει 248
δόμος 258
Δρύαλος 315
Δρυησος 315, 329
Δρύοπες 329
δυσχείμερος 295
δῶρον 218, 248, 277, 278, 327
ἐδνάομαι 45
ἐδνον 45, 46, 136
ἐδνόω 45, 136
ἔεδνον 45
εἰλεός 290
εἰλέω 290
εἴλομαι 290
εἶμι 13, 278
Εἰτέα 288
ἐλθεῖν 278
Ἐλινοί 290
(F)ελινός 290
Ἐλισσα 3
ἐμπαῖος 308
ἐνεγκεῖν 200
Ἐξαμπαῖος 306–311
ἐξαμπρεύω 308
ἐξανάγω 308
ἐξανασπάω 308
ἐξεμβρῦσαι 308
Ἐξώπολις 306
ἐργάζομαι 387
Ἐρματτός 3
(F)ἔχος 334
Ζάν, Ζανός, Ζανί 249
ζαχρηής 272
Ζεῦ πάτερ 247

Ζεύς 247, 248
Ζήν (Ζήν), Ζηνός, Ζηνί, Ζήνα 249,
252
ἠγεμών 298
Ἠγέμων 298
Θάλαμος 330
Θάλασσα 323
Θάλασσος 330
Θάλωνος 330
Θαργήλια 297
Θεσσαλίων 298
Θεσσαλῶν 298
Θεσσαλός 298
θηλή 381
Θραῖκες 328
θραῖνος 266
θραῦσιμα 259, 261
Θρήικες 328
θρήσασθαι 266
θρόνος 266
Θρύανδα 290
θρύον 290
Θύαμος 330
Θυησος 330
Ἴαμος 330
Ιασσός 330
Ἴγδαμπαίης 309–311
ἰέραξ 316
Ἰέρασος 316
Ἰμβραλος 327
Ἰμβραμος 327, 330
Ἰμβρανος 327
Ἰμβρασ(σ)ος 327, 330
Ἰμβρος 327
Ἰνυσσός 3
Ἰππιος 299
(F)Ἰτέα 281
Ἰραί ὁδοί 306–308
Καβασσός 3
κάλχη 201
Καμασαρῆ 311
Κάναθος 327, 328
Κανασσός 327, 328, 331

Κάνδαρα 315
 Κάνδασα 315, 316
 Κάνδωνος 316
 Κάνηθος 328, 331
 Κάνοπις 331
 Κάνων 331
 Κάπαι 320
 Κάπαϊος 320
 Κάρνειος 297
 Καρνησσόπολις 329
 κάρνον 297
 Κάρνωψ 329
 Καρπογένεθλος 297
 καρπός 103
 καρύα 290
 Καρύανδα 290
 Καρυασσός 290
 κασσίτερος 201
 Καύκακις 316
 Καύκαλος 315, 316
 Καυκαλοῦ κώμη 316
 Καύκανα 315, 316
 Καύκαρα 315, 316
 Καύκας 315
 Καύκασα 314–316
 Καυκασεύς 314
 Καυκάσια ὄρη 314
 Καυκάσιον ὄρος 314
 Καυκασίς 314, 317
 Καύκασον ὄρος 314
 Καύκασος 311–318
 Καύκησις 314
 καυκίον 3, 78, 229, 230
 Καυκοήγησιοι 314, 315
 Καύκωνες 316
 κείρω 112
 κερα(F)ός 249
 κεφαλοτόμοι 304
 κηπαῖος 320
 κισσός 291
 Κισσοῦσσα 291
 κλίβανος 178
 κλίνη 141
 κλινική 141
 κλυτός 139
 κο(F)ῖ 16
 κόκκυς 312
 Κόκυνθος 312
 Κολυβρασσός 3
 Κορησσός 329
 Κορόπη 329
 κόρυνθος 329
 Κόρυνθος 329
 κορύφη 316
 Κορύφη 316
 Κόρυφον 317
 κρανάς 65
 κράτος 273
 κρύος 313
 κύανός 204
 Κυπάρισσος 290
 Λαμνασσός 330
 Λάρισσα 3
 Λαρνησσός 329
 λεκάνη 39
 λευκός 93
 Λιβύη 316
 λίπα 219
 λιπαίνω 219
 λοξός 39
 Λύκαιος 298, 299
 Λυκεία 299
 Λύκ(ε)ιος 298
 Λυκοκτόνος 299
 λύκος 299
 Λυμησσός 3
 Λυρνησσός 329
 λύχνος 36, 93
 Μαλόεις 297
 μάλλον 297
 μάραθρον 291
 Μαράθουσσα 291
 Μάργανα 317
 Μάργασα, -ος 316
 Μάρμησσός 329
 Μεγάλη κώμη 303

Μεγαλοκωμήτης 303
Μέγαρο 315
Μέγασσα 315
μέθυ 29
μέμβραξ 316, 331
Μέμβρασα 316, 331
Μεσοποταμία 304, 322, 324
Μεσσαπία 304, 322, 324
Μεσσάπιος, -οι 304, 322
Μεσσάπος 322
μέσ(σ)ος 322
Μηδία 128
Μηδοί 128
μόλυβδος 201
Μονγωμερις 326
μύαξ 331
Μύησος 331
μύλαξ 316
Μύλασ(ς)α 3, 316
μύλλειν 41
Μυρμισσός 329
Ναράκιον 316
Ναρασα 316
νεαλής 316
νεᾶνος 316
νέαξ 316
νεαρός 316
νεβρός 298
Νέβρος 298
νέος 316
Νόμιος 297
Νύμφαι 304
οἶδα 134, 287
οἶκος 287
οἶνη 286, 291
Οινόανδα 290, 293
Οινοπία 330
οἶνος 281–293
Οινοῦσσα 290, 291
Οινώνη 330
οἶς 211
Οιόρπατα 310
οἶσαξ 288
οἶσός 288
οἶσúa 288
ὀκτάπους 24
ὀκτώ 24
ὄνομα 149
ὄξινα 91, 92
ὄξύς 91
Ὀργάμη 330
Ὀργησσός 330
Οὐανουνόβαρος 345
Οὐαράζακος 345
Οὐάρας 345
Οὐαργάδακος 345
Οὐαρδάνης 345
Οὔστανος 345
ὄχος 334
Παντεύς 323
παίω 307, 310
Παντίας 323
Παντίκα 322, 323
Παντικάπαιον 311, 318–324
Παντικάπη(ς) 321–324
Παντίνας 323
Παντίνος 323, 324
Πάντιος 323
Πάντις 323
Πάρναμος 330
Παρνάσση 328
Παρνάσσιοι, -ος 328
Παρνάττιος 328
Παρνα/ησσός 316, 324–331
Παρνήθιος 328
Πάρνης, Πάρνηθος 327, 328, 331
Παρνόπιος 298, 299, 329–331
Πάρνος 329
Πάρνων, Πάρνωνος 316, 330, 331
πάρνοψ 329
πᾶς, πᾶσα. πᾶν 323
Πειρήν 309
Πελαγ- 323
πελιός 294
πέλλα 294
Πέργαμος 330

Περγασσή 330
 περκνός 275
 Πηδάλιον 315
 Πήδασα 315
 Πιδανος 316
 Πίδασα 316
 Πίνδαρος 315
 Πίνδασος 315
 πλέκος 226
 πλέκω 226
 πλέω 138
 πλόκος 226
 ποίμνη 297
 Ποίμνιος 297
 πόλις 141–143, 257, 306
 πολίτης 257
 πολλαχρόν 275, 276
 πολύς 141
 πολύ 24
 πολύπους 24
 πολύχρους 275, 276
 Ποντεύς 323
 Ποντία 323
 Ποντική 323
 Ποντικός 324
 Ποντίνος 323, 324
 Πόντιος 323
 Πόντις 323
 πόντος 321
 πόρος 380
 ποταμός 322
 πρόσπαιος 307
 Προστάτης 297
 πτίσσω 41
 Πυανέψια 297
 πύκα 218
 πυκνός 218
 Πύρνος 329
 ῥάδαμνος 145
 ῥάμνος 144
 ῥεῦμα 301
 ῥέω 302
 (F)ρήγνυμι 42, 93
 ῥίς, ῥίνος 266
 Σειρήν 309
 σεμνός 39
 σῆμα 51
 σημαία 51
 σίγα 219
 σιγαίνω 219
 σίδη 291
 σίδηρος 201
 Σιδουσσα 291
 Σικελία 315
 Σικελός 315
 Σινώπη 328
 Σιτάλκας 297, 298
 σίτος 297
 σκάπτω 232
 σκάφη 232
 σκηγή 156
 σκιά 156
 σκιοός 156
 σκότος 156
 σκυφίον 228
 σκύφος 228
 Σμίνθεύς, Σμίνθιος 298, 299, 329
 σμίνθος 329
 Σμύρνα 163
 σπαρνός 257
 σπαρτός 257
 στάδιος 50
 σταθερή 50
 στάμων 245
 στατός 191
 στεγ(α)νός 46, 93, 154, 168, 257, 2
 στέγη 154, 158
 στεγνόν 154
 στέγος 39, 93, 154, 287
 στέγω 154, 158
 στενός 345, 377
 στεῦμαι 49
 στία, στίον 153
 στρουθός 378
 στύπος 49
 σύ 288

Συνέκδημος 310
σφήν, σφηνός 252
Σύρνα 329
τακερός 311
Ταμασσός 330
Τάμωνος 330
Τάναις 352
Ταργίταος 352
Ταύρειος 299
τάφος 329
τέγη, τέγος 155, 158
τέκνον 39, 288
Τέλμινα 330
Τέλμισσα 330
τέρμα 149
τήκω 311
τητάω 158
τιμάω 298
τιμῶν 298
Τίμων 298
Τιτήν 309
Τράγιος 297
τράγος 297
τύμβος 329
τῶ παντί 320
υἱήν 293
Ἑπερβόρειος 295
ὑπνος 93
ὑψηλός 46
φαίνω 311
φαναῖος 311
φανερός 311
φάραγξ 53
φάρμακον 90
φάρος 90
φαρώω 90
φέρμα 147
φερόμενος 147

φέρω 147, 370
φήγιος 256
Φοίβη 300
φοῖβος 300
Φοῖβος 299, 300
Φοίνικος 286
φόρος 82, 370
φράγμα (φάργμα) 94
φραγμός (φαργμός) 94
φράγνυμι (φάργνυμι) 94
φρήν, φρενός 252
χαλῖνος 267, 268
χάλλη 201, 205
χαλληδών 201
χαλκός 201, 202, 205
Χάλυβες 201
χάλυψ 201
χαροπός 330
Χάροπος 329
χεῖμα 151
χειμών 151
χρυσός 201
ῶνος 45

Новогреческиѡ

ἀγορά 160
ἄστυ 143
ἀστυκλινική 143
βεντοῦζα 124
Λαμνῶνι 330
οὐρμάνι 145
πλατεῖα, πλατειάδες 10, 139, 16
πολυκλινική 143
ῥουμάνι(ον) 144
ῥύμη 161
Χαρασσό 329

IV. Индийские языки

Древнеиндийский

akṣama 307	damina 258
agni 216	dāmūna 256
ājati 217, 334	dānā 218
ajanā 218	dāman 147
ajani 218	dīnam 248, 249, 252
ajirā 218, 334	divā 247, 248
ānta 310	divām 248, 249, 252
antaka 310	divi 248
āyas 201	divé 248
aratní 39	divyam 252
āvi 211	dūrā 14
avikā 211	ḍṛbhati 387
āçna 12, 264, 288	devā 247, 249, 251
āçman 12, 147, 264, 288	dévanam 251
ūdhar 369	dyāu 247, 248
kamadaminī 258	dyú 247, 248
kāya 310	dyu-pati 248
kāç- 312	dhārami 266
kuvi- 16	dhartār 266
kṛṣṇā 97	dhur 266
kēça 233	dhúrja 266
kóça 230, 233	navavadū 139
kṣamā 351	nṛhan 310
giri 312	pinaṣṭi 41
gīri-bhraj- 94, 335	piṣṭām 41, 48
gurú 65	babhrú 370
grāvan 312	babhrukā 302
ghūka 381	bardhaka 53
chāyā 156	brahmán 147, 370
jāmbha 229	bráhman 147
jānu 37	bhagñā 94, 335
jīrṇa 93	bhanākti 94
tákman 288	bhaṅgā 94
tāyú 157	bhāra 370
trāpu 201	bhāramāna 147
damana 258	bhārāmi 147
damāyati 258	bhārma 147
damitā 258	bhittā 257, 288
damitār 258	bhinnā 93, 257, 288
	bhṛṣṭi 40, 90
	mādhu 29

mānu 204
mānsá 285
mṛtí 97
mesá 214
rajatá 201
raya 249
rava 253
rīṇa 249
lohá 201
vájati 281
vadhú 45, 136
vartman 285
vasnám 43
vâhati 334
vahaná 217
vītá 281
véda 134
veṇika 286
veṇī 286
vēṇu 285
veṇú 285

çaraṇa 378
çardha 242
çarman 49
çrutá 139
çvetá 204
çvenī 204
sákthi 167
saksáṇa 41
sárma 343
sīsa 201
stambha 50
stāyáte 157
styáyate 153
sthagáyati 155, 166
sthali 50
srávati 302
svápna 36, 93
hēman 151
hemantá 151
hiraṇya 201

V. Иранские языки

Авестийский

bar 345
daēva- 251
dunman 359
haxti 167
paēman 264, 288
rauxšna 36, 93, 133, 256
sarəða- 242
vadrya- 136
vaδū- 45, 136
vaē'ti 288
vazəmna- 147
vista 134

Осетинский

k'ūsik'os 227

Персидский (и древнеперсидский)

Кар-kōf 317
kūza 227
Māda 128, 129, 206
para 304
paṇi- 307
pist 41
sar 304
sāya 156

Иранский

(реконструированные формы и слог
без указания конкретного языка)

aγda 309
barn 90
baru-stena 345

dānu- 66, 346
Dargā 352
hu-stāna 345
pa- 309

panti- 319
kaṇa- 319
varu-dānu 345
varu-stāna 344–346, 351

VI. Итальяские языки

Латинский

ablegmina 261, 263, 289
abscindo 365
abscissa 365
absolvo 366
abstraho 366
acer 91
adiutare 369
adiuvans 369
adiuvare 369
advocare 366
advocatus 366
aeger 278
aes, aeris 201
agens 377
ager 246, 253
agilis 218
agina 218, 257, 334
agino 218
agitatio 218
agmen 147, 264
agninus 256
agnua 3, 218
agnus 256
ago, agere 217–218, 257, 264, 334
agros 218
albus 130, 203
alius 298
amai 253
amaut 253
amitto 260
angina 257
ango 257
arare 150, 240–246
aratio 150

arator 150
aratrum 150
arcere 243
architector 369
architectura 369
argentum 130, 201, 202
argumentum 260
arista 297
arma 240, 241, 243, 245
armentum, -a 4, 240–246
armus 241
ars 241
artus 241
arvalis 151
arvum 12, 150, 244, 245
auceps 253
audeo 253
aurum 201
auspex 253
avarus 250
avidus 253
avis 253
barba 89
barbatus 89
Barbatus 89
beber 349
Bellona 256, 257
bellum 256, 257
Beltes 348
bini 57
caedo 50, 366
caementum 261
calidus 96
calvaria 229
canere 233

canis 20
 canna 67
 cantai 253
 cantare 233
 cantaut 253
 cantus 233
 carpo 103
 castra 239
 Caucasia montes 314
 Caucasus 314
 caucum 78, 229, 230
 cautum 253
 ceivis 254
 cena 155
 cerva 29, 249
 cervinus 256
 cervus 256
 civilis 257
 civis 254, 257
 claudio 253
 clivus 254
 clutus 139
 cognosco 96
 colo 279
 columnae 147, 151
 complementum 263
 complere 263, 289
 completus 257, 288, 289
 compos, compotis 275
 compotens 275
 confringere 335
 coniunx 258
 contamen 261
 contignatio 155
 convolvere 34
 coquina 257
 coquo 257
 cornu 249
 crepere 38
 crepundia 38
 Croucasia 312, 313, 317, 318
 culmen 121, 245
 cultus 279
 curat 318
 Danaper 346
 Danaster 346
 Danuvius 346
 decet 266, 287
 deina 250, 252
 deinus 252
 denario 318
 deivos 249, 252, 254
 deus 247, 252–255
 devas 254
 devolo 253
 devomo 253
 devoro 253
 devorsorius 253
 devorsum 253
 devorto 253
 Dies-pater 247
 dignus 266, 287
 dinai 250
 dingua 374
 dinus 250, 252
 diruere 272
 diu 247
 divinus 250, 251
 divus 247, 251, 254, 255
 dolabra 232
 dolare 232
 dolatus 232
 dolium 232
 dominus 20, 256–258
 domitor 258
 domitus 257, 258
 domo, domare 256–258
 domus 256, 258
 dōnum 218, 248, 277, 278.
 Drauca 318
 duenos 253
 duonos 253
 edax 272
 ēnuntiō 266
 eo 13
 equi 240

facinus 257
 facio 257
 faecinus 257
 faex 257
 faginus 256
 famul(os) 253
 far 40
 farina 40
 fastigium 90, 91
 feber 349
 femē 368
 femina 147
 feminalia 250
 femoralia 250
 femur, feminis 250, 278
 fermentum 259
 fero 370
 ferrum 201
 fingō 168
 firmus 267
 flamen 147
 fleo 260
 fluidus 96
 flumen 261, 264
 forare 90
 forma 267
 fornicarius 239
 fornix 268
 forum 268
 fortis 268
 fractus 94, 335
 fragmen(tum) 94, 260
 fragor 94
 frango, frangere 42, 94, 95, 155, 335, 336
 fregi 96
 frementum 51, 259–265, 289
 frenator 268
 frendo, frendere 260–270, 289
 freno, frenare 268
 frenum, -us 46, 48, 51, 265–271
 freni 51, 52, 262–265
 frenusculi 51, 52, 261–264, 268, 272, 289
 fretus 267
 frumenta laborare 387
 furca 267
 gaudeo 253
 genu 37
 gibbosus 88
 gibbus 88
 granum 93, 96
 Graucasus 355
 gravis 65
 habena, -ae 267
 herba 88
 herbosus 89
 ignis 216
 impetens 274
 impeto 274, 275
 impletus 204
 impos, -otis 275
 impotens 272–275
 impotentia 272
 infer(us) 254
 insectum 257
 instrumentum 261
 iouxmenta 243, 261
 ious 253
 iovesat 253
 iovestod 253
 Iovis 247
 iumenta 242, 243, 247, 261
 iungere 150, 247, 258
 Iuppiter 247
 iurat 253
 ius 253
 iustus 253
 laborare 387
 lanx 39
 latex 199
 latrina 250
 lavatio 250
 lavatrina 250
 legere 263, 266, 289
 lepus 262

lepusculus 262
 lēvis 280
 levo, levare 280
 levor 253
 libum 178
 lignum 3, 263, 266, 289
 limen 147
 lingua 124, 374
 linguosa 124
 livor 253
 locus 50
 Losna 36, 93, 155
 lucere 36, 93, 263, 289, 300
 lumen 12, 260, 261, 263, 289
 luna 12, 36, 256, 263, 266, 289, 300
 lupati, -a 268, 272
 lux 36, 93
 magis volo 250
 malo 250
 manare 266
 marceo 334
 marcidus 334
 mare 323, 324
 Marina 323
 matri 250
 Membressa 331
 minister 366
 moenia 277
 molere 41, 42
 molimentum 260
 murus 277
 nefrendes 52, 270, 272
 neu 254
 nive 254
 nomen 150
 nounas 253
 novem 253
 nundinae 248, 253
 nunus 253
 obliscor 250
 oblitus 250
 obliviscor 250
 occa 91
 oculus 91
 oleum 254, 255
 oliva 254, 255
 orbus 378
 ornamentum 260
 ovis 211
 pagina 218
 pango 257
 pedicaud 253
 pello 279, 294
 percussura 259
 pero, -onis 213
 persōna 280
 personāre 280
 picinus 257
 pila 377
 pilosus 88
 pilula 377
 pilus 378
 pinsare 41
 pirula 377
 pirum 377
 pistor 41
 pix 257
 plenus 204, 257, 263
 pleo 257, 260
 plumbum 201, 202
 polimen 279
 polio, polire 279
 polite 279
 politus 279, 280
 pollere 275
 pono 366
 porta 379, 380
 potare 379, 380
 Portunus 256
 portus 379, 380
 pos(i)tum 366
 posse 274
 potest 273
 preivos 254
 privus 254
 pruina 377

pulc(h)er 275–280
 pulchralis 279
 pulcros 276–280
 pulsus 279
 Punicus 286
 quercinus 256
 ramentum 260, 261
 ramus (culi) 262
 raudus 207, 208
 regimentum 259
 Rhenus 249
 rima 89
 rimosus 89
 rivus 9, 249, 253, 254
 Romanus 327
 Romulus 327
 ruber 208
 rubere 207
 rudera 207
 rufus 207, 208
 ruina 218, 257
 runcina 257
 runco 257
 ruo 218, 257
 rursum 253
 rus 253
 russus 378
 sarcina 257
 sarcio 257
 saxum 52
 Scipio 89
 secamentum, -a 151, 244
 secivum 209, 239
 seco, secare 150, 257, 263, 266, 289
 sectio 150, 288
 secutus 126
 sedecim 46, 266
 segmen(tum) 150, 243, 244, 263, 289
 Seispitei 250
 semen (tum) 147, 148, 260
 semodius 138
 seni 155, 260
 sepelio 279
 sepelitus 279, 280
 sepulchralis 279
 sepulc(h)rum 279, 280
 sequor 126
 sero 148
 servare 378
 seu 254
 severus 250
 Sicanus 327
 Siculus 327
 signum 217, 257, 263, 266, 288, 289,
 334, 369
 silūrus 310
 silva 89
 silvosus 89
 similis 369
 sinus 34, 323
 Sinus 323
 sis 250
 sive 254
 si vis 250
 socer(us) 254
 solidus 378
 somnus 43, 93, 266
 sonus 369
 sopire 43, 93, 266
 stagnum 217
 stannum 201, 334
 status 191
 sternere 264
 stipula 183
 stramen 264
 stravi 264
 struo, struxi 94, 155
 stupeo 49
 stupidus 50
 sui impotens 272
 sumen 261
 tectum 154
 teges 154
 tegile 154, 166
 teg(i)men(tum) 147, 154, 166, 259, 260
 263, 289

tego, tegere 112, 154, 158, 243, 263,
266, 289
tegula 154
tegu/imentum 259, 260, 289
tela 209
telum 209
termen 147, 149
Termini 348, 349
terminus 147
Tiberinus 257
Tiberis 257
tignarius 167
tignum 3, 154, 167, 263, 266, 289
toga 154, 166
tribunus 256, 257
tribuo 377
tribus 257, 377
Tuscanus 327
Tusculum 327
uber 369
ulcus 262
ulcusculum 262
ulmanus 256
ulmus 256
uxorem ducere 45, 136
veho 217, 334
ventus 124
venus 45
verso 377
versus 377
vicus 287
vidi 287
viere 281, 289, 291
viginti 259
vimen 289
vimentum 289
viminarius 289
viminetum 289

vimineus, -a 289, 292
vinarius 289
vinea 291, 292
vinetum 289
vineus 289
vinum 281–293
vir 205, 255
vis 278
visula 293
visus 134
vitea 292
vitis 281, 287–289
vocare 366
volo 278
vox 366

Средневековая латъ

Dominicani 20
Dominicus 20
horda Tumenensis 353
panis furfurius 237
sotaneum 163
sutana 163
Tumen 353, 354
Tumen regnum 353

Оскский

ceus 254, 255

Сабинский

ausom 201

Умбрский

tremnu 43

VI а. Романские языки

Испанский (и староиспанский)

ahina 218, 334
Barbos 88
Barbosa(s) 87
barbudos 89
bocado 263, 269, 270
bren 332
estaño 217
lenguaz(a) 124
río 253

Итальянский (и его диалекты)

agina (aina) 218, 334
barboso 89
brinnu 332
cortello 73
linguosa 124, 126
manica 384
mordere 263, 269
morso 48, 263, 269
soldo 378
sottana 163
stagno 217
ventosa 124
vinti 259
vrenne 332

Провансальский

bren 332

Румынский

ager 218
barbét 89
bărbós 88, 89
friú 271
șiroi 343
zăbală 271

Французский (и старофра)

abscisse 265
agile 218
apolitique 368
bran, bren 332
chanter 233
cheval 388, 389
labourer 387
mordre 263, 269
mors 263, 269
morsure 263
pele-mele 388
port 380
poste 366

VII. Кельтские языки

(Древне)бретонский

brae 335
brein 333
brenn 332
malaf 41

Валлийский

braen 333

brag 335

bràn 333

Галльский

Rēnos 249

Гаэльский

bran 332

breun 333

Ирландский

(включая др. и ср. ирл.)

án 46, 217, 219, 334, 335

arbar 246

Artán 217

barr 90

barz 90

-boing 335

braich 334

brán 42, 46, 94, 332–336

brén 333, 334

breán 333

bró 65

Brocán 217

brón 217, 334

combrugad 335

Corcán 217

féin 217, 334, 335

fess 134

fin 282

grán 93

lúan 93

méin 130

mraich 334

oi 211

rén 217, 334, 335

rían 249

sén 217, 334

srón 266

srúaim 301

stán 217, 334

suán 93

(t)air-brech 94, 335

Кимрский

dyw 247–249

erw 245

grawn 93

oged 91

to 155

Древнекорнский

aradar 245

erw 245

ocet 91

to 155

VII. *Славянские языки*

Белорусский

áпалы 125

аруд 171, 189

атрама 189

балбос 87

багогъ 71

бонда 210

бордзо 351

борзо 340

борозна 96

бруснѣць 99, 104

бруснѣлый 99

брусніца 98, 104

Варыкла 120

варыць 120

вондера 189

гладзілка 121

гладзіць 121

дайліда 172

дзегоць 172

дойлід(а) 80, 172, 176, 189

дойлідны 176

дойлідства 176

доилица 189, 230

дякло 17

евня 171
 жлукта 119, 172, 189, 230
 жукль 17
 кавадла 115, 116
 кавалда 115
 карклинъ 17
 ковш 77, 189, 230
 коўш 172, 226
 крупа 177
 крупеня 177
 кувадло 115, 116
 кугакаць 16
 кугакаўка 16
 кушпель 189
 лапа 117–121
 лапек(а) 117
 лапень 117, 121
 лапiк 117
 лапiк(а) 117
 лапiнка 117, 121
 лапань 117
 лапiкла, -о 18, 117, 120, 121
 лапiлка 120
 лапiць 118–121
 лата 119
 лацiць 119
 ловж, -а, -о 120
 марга 210
 маргель 121, 210
 маргiс 210
 масла 119
 маслiць 119
 мачальны 132
 мачанне 132
 мнец 170
 мохнатъ 71
 негалда 125
 ориба 78
 паiлка 120
 паiць 120
 пакулле 172
 палка 176
 парылка 121
 парыць 121
 пастаялка 120
 печка 176
 прымен(ь) 171, 189
 пуня 171, 189
 рагана 119
 ратодаила 189
 ремеснiкъ 177
 ремество 173, 175
 садзiба 15, 120
 свiран 171, 189
 склют 172, 189
 скултодойлида 189
 старъ 10
 стройны 176
 сушылка 120
 сушыць 120
 сушэць 56
 тачылка 120
 тачыць 120
 туман 119
 туманiць 119
 цадзiлка 120
 шклюд 172, 230
 шула 120, 171, 189
 яндова 189

Болгарский

Бистрица 339
 боровинка 97, 103
 бразна 96
 брана 90
 брашнò 40
 брѣзда 96
 брѣзна 96
 брусница 98, 102–104
 брусеный 100
 бруся 100, 104
 бръзел 340
 Бръзина 340
 бръз 339
 бърже 339

бърз 339
бързей 340, 341
бързина 339, 340
Бързия 341
бързота 339
вар 206
вепль 340
верига, -уга 32–34
гологъз 123
гувно 43
гумно 43
гъмжа 43
див 251
дрозд 13
дрѣгна 94
жѣрав 249
жица 170
занаят 172
кош 224
кривогъз 123, 125
лавица 170
лѣнгъза 124
обуца 385
стена 154
стъгда 161
суша 211
червена брусница 103
Ширине 343

Верхнелужицкий

brusnica 98
drozn 13
kołp 220
korto 112
rjetjeslo 172

Кашубский

barna 90

Македонский

дела 232
деланка 232
занает 172

Нижнелужицкий

brusnica 98
drozn 13
gryzadło 269
gryzaś 51, 269
gryzda 51, 269
kuźel' 195
řeńesto 172

Полабский

bordža, bórdza 95
gnewoy 106

Польский

arud 171
asiukla 17
bańojka 210
bardzo 340
baziutka 211, 215
biada 197
biadać 197
bieda 197
biedak 196, 197
bojarzyn 177
borówka 97, 103
brona 90
brósnieć 99, 104
brusznica 98
burbaklis 17
cień 158
czasz(k)a 228
dyl 13
diw 251
doilid 172
doylida 172
dziegieć 172

gniew 106
Gniewomir 107
grono 96
gurklis 17
Jarogniew 107
jodis 210
kądziel 195
kiernos 50
korklina 17
kousz 77, 79, 172, 226
kowadło 115, 116
kruch 27
kuwikać 16
łabędź 204
margiałka 121
margiel 121
margojka 210
moczar 132
naktaj 177
ogorzały 109
opalony 109
oryba 15, 74
pakuly 172
piękny 278
piękr- 277
primien 171
punia 171
radło 17, 120
ragana 119
rzemieśło 172
sadyba 14
skaptuk 189
sklut 172
strumień 301
ściana 154
szemojka 210
szuło 171
świron 172
toczydło 132, 170
wiano 45
Wierchmień 74
witwa 288
Zbygniew 107

zdun 168
żałojka 210
żebrojka 210
żeliwo 202, 203
żeniklis 17, 177
żłukto, -a 172
żołga, żołna 13

Русский

аблятив 364
аболиционизм, -ист 364, 368
абсолютный 366
абстракция 366
абсцисса 364
аванпост 366
авгур 365
агглютинация, -ативный 368
адвокат 366
административный 366
адреналин 366
адъютант 369
аккумулятор 373
аконит 366
акрихин 366
акциз 366
Алашань 64
алло 371
Алма-Ата 64
алчба 72
амбар 163
амфибия 369
анатом 369
антрацит 365
аполитичный 368
апорт 389, 390
арба 72
арбуз 32, 72
ариба 15, 74, 120
арифметика 369
аруд 171, 189
арфа 369
арык 72

аскафен 366
аспид 366
астрология 369
астроном 369
асюкля 17
атаман 163
атропин 366
афиша 377
аффект 369
ахинея 365
баба-яга 237
багаж 73
багульник 389
байбак 191
балаболка 124, 371
балбес 88
балык 70, 74, 88
балька 211
банджо 365
бандура 365
баран 212–215
баранка 365
барахло 81–86, 365
барахолка 84
барахольщик 84
барахольный 84
барахолить 84
бараш 214
барбарис 373
барбос 86–88
бард 366
баринька 212
барочный 363
барсук 88
барсучий 363
барька 212–214
баря 215
баскак 88, 365
бася 211
батрак 191, 371
бать 56
батя 371
баха 56
бахарун 56
бахарь 56
бахча 72
баш(к)а 212
бегун 206
беда 367
бедак 197
бѣдити 196
бедко 197
бѣдникъ 197
бедный 368
бедняк 197
бедняга 196
бедокур 384, 389, 3
бедро 368
бѣдьные 196, 369
бедствие 368
бѣдяга 196
безвремяе 148
бездарный 369
безответный 370
бекеша 371
белена 367
белендрясы 365
белесый 7
бслизна 7
белила 7
бѣлѣти 132
бѣлити 132
белица 363, 364
беличий 363, 364
белка 363
беловой 7
белогузка 124
белокурый 365
белуга 7
белуха 365
белый 364
белье 7
бельмо 7
беляк 7
беляна 7
бергамот 365

бердо 3, 365
бердыш 365
берег 365
бередить 371
Береза 338, 342
берёза 173, 337, 338, 342, 367
Березай 341
Березайка 341
Березань 336, 338, 339, 342
берёзина 336, 337
Березина 336–344, 347, 351, 352
Березино 337
Березна 342
Березовая 338
Березовец 338
Березовка 338, 342
Березовый 342
Березый 342
берейтор 365
беру 370
берька 214
бескозырка 367
безответный 369
бесполезный 369
беспомощный 369
бесценный 367, 369, 370
бета 370
бирюк 72
бистро 365
бити 59, 107
битчик 92
бить ключом 308
бледный 105, 371
блѣдь 105, 130
близна 365
блины 164
блуд 60
блюдо 3, 365
блюминг 370
бобр 349, 370
Бобр 349
Бобруйск 349
божественный 251
бой 59, 107
болеро 365
болид 365
болтать 371
болтун 124
большой 369
бом 365
бомбарда 366
бомбардировщик 366
бондарь 188
бор(ъ) 81
боран 214
борей 212
Борзна 342
борзо 341
борзой 339, 342
боров 50, 90, 213, 367
боровика 97
борода 337, 367
бородачи 89
Бородина 337
борозда 90, 95–97, 161, 389, 3
бороздо 341, 351
бороздна 161
Бороздна 96
борозна 96, 161
борона 90–95, 377, 389, 390
боронка 92–95
боронь 90
бор 82, 370
бороть(ся) 90
борошень 81–83
борошно 82, 83
борошня 83
борть 90
борша 212
борш 371
борьба 74
борька 212, 214
бочаг(а) 365, 388
бочка 188
бош 365
боярин 371

брага 336
бразда 161
бразна 161
брак 374
браман 370
братъ 82, 83, 370
братья 37
брашненица 83
браш(ь)но 40, 41, 82, 83, 365
брегет 365
бред 3, 388
бредить 388
бремя 147
бригадир (биргардир) 86
бригантина 365
бридж 72
бриз 365
брикетировать 365
Британия 21
брозда, брозды 271
брос 100, 104
бросать 98, 100, 104, 168
бросить 101
броснить 100
бросновать 100
бросновка 100
броснуть 100, 101, 168
броснуха* 100
бросовый 104
брус 98, 100
брусалка 99, 104
брусвянить, -еть 99, 104
брусвяный 99, 104
брусена 105
брусеника 105
брусица 97, 104
бруск 98, 104
брус(к)а 98, 104
брусковая (смородина) 99, 104
бруслён 100, 105
бруслина 99, 105
бруснёлка 100, 101
бруснёлочка 101
брусника** 97–100
брусница 98–100, 102–105
брусничник 99
бруснить 101
брусновать 100
бруснина 97, 104
бруснить 101
брусня 97, 104
брусный 104
брутто 365
брызгать 220
брякать 38
бугай 365
будоражить 389
буерак 365
бузина 337
буй 368
буйный 367, 368
б(о)укаръ 73
букать 376
булава 365
буланный 33, 76
булла 366
бумеранг 365
буркалы 371
бурсак 191
бурт 366
бурша 213
бут 365
бучел 194
бучень 194
бързъ 352
бык 376
бырка 211, 214
быть 363, 364
быстрина 337–339
Быстрица 339

* Другие диалектные варианты слова см. на с. 100

** На с. 97 приведены многочисленные диалектные варианты этого слова.

быстрога 339
быстрый 339, 343
Бьерке 336
бяш(к)а 211
бяшутка 211
вакарас 70
валить 113
вальдиба 74
валюга 58
валять 168
вар 205
варганить 206
варить 205, 206, 208
варяг 377, 380
васильковый 103
ватолить 55
ваять 373
вѣдать 29
вѣдѣти 234, 375
ведига 33
ведро 368
веду 112, 137, 370
вѣдьма 234
ведьмак 191
везу, везти 35, 79, 112, 174, 370, 373,
376
великий 373
Большой Луг 344
величина 337
вѣнь 285–286
вѣньць, венец 375, 386
венига 33
вѣникъ 286
вѣно, вено 37, 39, 44–47, 389
вѣнок(ъ) 286
верать 31, 33, 34
верба 290
Вербовка 338
вервь 31, 35
веревка 31, 33, 35, 373
верегено 36, 93
веря 31, 33
верига, -и 30–35
веруга 32–34
верюга 34, 35
верюшка 35
верх 373
Верховина 22
вес 373
весло 35, 174
весна 218
вѣсть 139
ветчина 337
ветчить 337
вечер 373
вешать 373
вѣшнѣ 164
веялка, веяло, веяльня 92
вздор 388
взять 56
взях(а) 56
взяхарь 56
видѣти, видеть 280, 375
вина 337
висеть 373
висок 373
витень 35
вити, вить 8, 168, 223, 226,
витина 226
витой 281
витушка 226
вихрь 373
вица 170
вишнёвый 103
вишня 373
вигати 168
влага 373
-вод 112, 370
вода 104
водатай 60
водимага 136
водити жену 136
водный 104
водовоз 29
вожжа 373
воз 79, 112, 370, 373, 376

волна 215
 волокно 36, 93
 вороб 26
 ворог 23
 ворон(а) 373
 ворот 27
 ворчать 373
 воск 224, 373
 враг 23
 врать 385
 врач 377, 385, 389, 390
 вред 373
 время 147, 148
 вскочить 133
 вспылчивый 59
 вчера 373
 выводное, -ые 45, 136
 вымя 147, 368, 373
 высокий 373
 вышина 337
 вьюшка 224
 вязать 35, 65, 174
 вязига 33
 Вязоватка 338
 Вязовая 338
 Вязовка 338
 вязуга 33
 Вязьма 64, 65
 Вязьмень 65
 гаган 213
 герметический 377
 гладиатор 377
 глина 130
 глубина 337, 338
 глудка 206
 глупый 373
 глухмень 146
 глудка 206
 гнѣвъ, гнев 59, 60, 106–110, 389, 390
 Гнѣвашь 110
 Гнѣвышевь 110
 гневный 110
 гнѣдъ, гнедой 105, 109, 130
 гnedаться 110
 Гнѣдашь 110
 гnedный 110
 Гнѣдышевь 110
 гнетить 59, 108
 гнетъ 59, 60, 109
 гнида 109
 гнилой, гниль, гниледь 10
 гнити, гнить 8, 59, 107–109
 гной 8, 59, 107, 108
 гноити, гноить 8, 59, 108, 110
 говядо 42
 гоити 8
 голова 337
 Головино 337
 голос 87
 голосить 87
 гора 67
 горб, гърбъ 225
 горбат 24
 горе 106
 горѣль 132
 горѣти, гореть 59, 106, 132, 20
 горн 36, 93, 377
 город 23
 горсть 170
 горький 106
 горячий 59
 град 23
 грездь 161
 грезнь 161
 греметь 38
 гриная 122
 гроздь 13, 96, 161
 грознь, -но 3, 13, 96, 161
 грудь 220
 груз 376
 груздь 3
 грузити 376
 грузкий 196
 губить 44
 гувно 43
 гуз 123

гульба 74
гумно 42—44, 389, 390
гусак 191
гусь 101
гущина 337
гърньчарь 239
гърсть 201
дабокля 17
давнина 337
дань 109, 204, 370, 374
дарь 218
дать 56, 204
дах 56
дахарь 56
двигать 94
двина 57
двинуть 94
двины 57
дева, девица 23, 104, 364
девичий 364
деготь 80, 172
делва 232
деляга 22
депонент 366
дербина 337
дербить 337
дерига 33
деруга 33
дерюга 33
дерн 36, 93
дернуть 94
деючить 122
джерпер 72
джигит 72
диво 251
дивь 251
див(ь)ный 251
дирван 127
длина 337
Днепр 346, 350
Днестр 346
дог 74
додоный 122

доити 9
долбанец 102
долбить 27
долбленка 78, 232
долбуш(к)а 52, 78, 102
долина 337
долобок 27
долото 170, 209
домик 73
домна 36, 39, 93
Дон 346
донеси 164
дорога 377
дробедень 388
дробило 94, 95
дробить 220
дрозд 130, 195
дрѣзга, -зда, -зна 13
дубина 336, 337
дулеть 206, 208
дума 193
Дунай 346
дурак 191
дути 208
дългь 13, 14, 114
дългыи 13
дылда 10, 13, 14, 114
дылдить 14
дылѣя 14
дыль 13, 14
дыльный 14
дым(ь) 206
дыметь 208
дымить 208
дырван 127
дънь 252
дятел 373
евной 122
евня 171
Ѣдкій 206
Ѣдь 29
ендова 80
есть 262

жар 111
 жаравь 111
 жаровика 111
 желва(к) 203
 желдь 3
 железа 203
 железеть 203
 желѣзо, железо 73, 173, 201, 202, 203,
 208
 железованье 203
 железовать 203
 желѣзные 203
 желна 3
 желнь 3
 желудь 377
 жеравика 111
 жеравь 111
 жив(ъ) 8, 9
 живига 33
 живот 377
 жити 8, 9
 житмень 146
 жито 84
 жица 170
 жлукто, -а 80, 119, 172, 189, 230
 жоравица 111
 жоравь 111
 жрать 377
 журавика, -ина, -ица 110, 111
 журавль 110
 жучка 389
 забор 90
 забрало 90
 завиток 226
 завитушка 226
 завить 226
 завой 226
 загорелый 109
 заеды 51, 262
 замухрышка 383
 запой 8, 107
 запрягать 242
 лараменье 148, 149
 застѣнь(е) 157
 заяц 377
 звезда 376
 звенеть 37, 38
 звено 37, 38, 43, 47
 звенья 37
 звѣри дивни 251
 зѣвь, зев 59, 376
 зевать 376
 землемер 29
 зерно 35, 38
 зѣть 59
 зима 151, 374, 377
 зинуть 59
 зиять 377
 змеиться 377
 змея 377
 знак 376
 знальщина 60
 знаменосец 137
 Знаменское 12, 148
 знаменье 11
 знамя, знамя 11, 147, 148, 149
 знати, -ть 11, 56, 234
 знаха 56
 знахарь 56, 234
 знатник 60
 значить 376
 зной 106
 зонть 59
 зой 59
 золотить 119
 золото 119, 130, 201, 208
 зонт, зонтик 73, 193
 зреть 35
 зубат 24
 зурна 72
 зык 376
 зыкать 376
 зырить 60
 зырький 60
 зьданыи 168
 зьдь 168, 387

зябнуть 377
 ивина 337
 Ивица 338
 играть 11
 игрец 11, 323
 игрок 323
 изба 390
 избрань 83
 известь 386
 изгой 8
 изжити 375
 излучать 36, 93
 изюм 32, 70, 74
 Ильмень 3, 146
 иметь 377
 имя 147
 индюк 72
 искать 140
 исподволь 308
 Италия 21
 ишак 163
 ичедоки 163
 ичетыги 163
 ищу 140
 кабан 214
 кабинет 374
 кавардак 388
 казак 191
 калабашка 28
 калека 388
 Калиновка 338
 калькуляция 373
 каменный 11, 148
 Каменское 12
 камень(е) 11, 148
 камыш 72
 канал 67
 капуста 193
 каравай (коровай) 23
 каракатица 22–28
 Кара-Кумы 23
 каракуль 23
 Карачан 358
 Карпаты 67
 катастрофа 372
 каурый 33, 76
 кафедра 376
 квас 376
 квасити 376, 377
 Керчь 383
 киёк 209
 кизил 72
 кислота 192
 киснуть 376
 кишмиш 72
 клад(ъ) 3, 233, 376
 кладенец 3
 кладиво 3, 169, 209
 кладу, класть 233, 376
 клев 376
 клевать 376
 клен(ъ) 249
 лепить 188
 клиника 141
 клонить 101, 106
 клюв(ъ) 249
 клюн(ъ) 249
 Қлязьма 64
 кобель 389
 ковало 115–117
 ковал(ок) 169
 коваль 114
 ковать 35, 78, 113, 114, 130, 169, 227,
 231, 234
 ковер 388
 ковш 77–79, 186, 189, 200, 226–231
 ковылять 388
 ковырять 388
 козырь 367
 кокора 388
 колбьяк 181
 колесо 25
 коло 25, 26, 28
 колобок 25–28, 181, 182
 колобки 28
 колода 3, 52, 232

колос 87
колосья 37, 87
колоть 28, 169, 181, 182
Колпино 220
колпица 220
колун 92
кольчуга 377
комната 373
компонент 366
компот 366
копать 112, 169, 321
копыто 112, 113
кора 102, 111, 112, 130, 373
корень 111
корец 79
корнать 50, 112
корова 377
коровай 3
короед 30
корокатица 23, 25
коротить 108
короткий 112
короткъ 130
корсар 88
кортик 73
корчага 383, 388
корысть 388
корыто 112, 113, 232, 377
коса 233
косилка 92
косина 337
косить 169
костра 239
косяк 383
косынка 383
котгедж 72
кош(ь) 224
коя 122
край 27, 149, 180
краюха 27, 180
краса 220
краснеть 99
красница 99, 110
краснота 192
краснуха 99
красный 7
краяти 180
кремень(е) 146, 148
крив(ъ), кривой 8
кривда 8
кривизна 8
кривляка 8
кривуля 8
кров 156
кроити, кроить 8, 27, 180
круг 376
круглина 337
крух 27
крылатый 24
крыть 156
крыша 156
кряка 214
крякаш 214
кувалда 78, 92, 113—117
куви 16, 18
кувикать 16, 17
кувиклы 15—19
кувички кувички 15, 18, 19
кувшин 78, 234
куга 16
куги 18
кугиклы 15—19
куделить(ся) 193
кудель 193—195
кудельничать 193
кудло 194
кудерь 194, 195
кудреватый 194
кудрявый 195
кудри 194
кужель 194, 195
кужень 194
кужлеватый 194
кужлявый 195
кузов 222, 223, 224
куколь 193

кум 193
 кумач 32, 72
 кургузый 124
 кусина 337
 кусмень 146
 кучери 194, 195
 кучерявый 194
 кушак 72
 кушпель 188
 кую 113–116
 кърчи 209
 кьи 209
 кытя 214
 кыча 214
 кятурка 176
 Лаба 63, 203
 ладья 203
 лайда 66
 лайдак 72, 191
 лайка 87
 лань 203
 лапа 121
 лапина 121
 лапить 118, 121
 лапотъ 118
 ласка 383, 390
 ласкать 383
 ласточка 383
 латы 376
 лаять 87
 лгать 11
 лжец 11
 левак 191
 легкий 126
 легонький 126
 легостать 126
 леготничать 126
 леготный 126
 легоша 126
 легошать 126
 легоше 126
 легчать 132
 легчить 132
 лежище 39
 ленгал 123
 ленгарь 123
 ленгосья 123, 125
 ленгуз(ик) 122, 123, 125
 ленгузить 123
 ленгус* 122, 123, 125
 леньгосья 125
 лынгуз 123
 лЪнь, лень 3, 123, 127
 лепета 198
 лепегать 198
 лететь 199
 лѣнгас 123, 125
 липина 337
 листаж 73
 листься 37
 лить, лити 8, 107, 168, 208
 литой 208
 литраж 73
 литьныи 208
 лицо 375
 личный 372
 лов 370, 376
 ловж(а) 77, 228
 ловить 376
 ловкий 196, 206, 377
 лог 39
 логово 39
 лодья 204
 ложесно 39, 40
 лозина 337
 локоть 39, 203
 лом 55, 92
 ломить 55
 ломот(ь) 55
 лоно 37–40, 47, 390
 лопот(ы) 118
 лопот(ать) 198

---

* Другие диалектные варианты этого слова см. на с. 122–123

лóпоть 118
 лоток 197
 лошадь 10, 76
 лошeный 280
 луна 36, 39, 44, 83, 164
 лунь 3
 луска 376
 луч 36
 -лучить 44
 лушити 376
 лыко 383
 лынгүз 123, 127
 ляга 25
 лягать 25
 лягушка 25
 ляжка 25
 мазать 35, 174, 387
 макать 133
 малиновый 103
 малый 129
 малыш 72
 мальга 123
 мана 384
 манишка 384, 391
 манька 384
 масло 35, 174
 мастак 191
 мед(ь) 29
 медва 29
 медведь 28–30
 мѣдь, медь 127–131, 201, 205, 206
 мельчать 132
 мельчить 132
 Менеск 349
 мерин 76
 мѣсити, месить 168
 меткий 60
 метраж 73
 мѣхъ 209
 мешанина 388
 Мидия 128, 206
 могу, мочь 273
 молодая, -ые 137
 молот 92
 мокнуть 131, 133
 мокрый 131–133
 молотилка 92
 молотило 92
 молотить 59
 молоть 41, 59
 молотьба 74
 молунóк 122
 Морава 63
 мороз 377
 мостик 73
 моча 388
 мочага 388
 мочало 131, 133
 мочить 131, 133
 мочило 132
 мўлить, мулїть 55
 Мунишка 348
 муравьед 30
 мухортый 76
 мѣногоножица 25
 мыкать 131
 мыло 376
 мылїти 376
 мытарь 73
 мѣти, мять 168
 навивъ 8
 навой 8
 надой 8
 наливъ 8
 налой 8, 107
 напѣвъ 59
 наузень 224
 небо, небеса 25, 26
 невѣста 4, 133–139, 391
 немогутный 274
 немогучий 274
 нѣможный, немóжный 273, 274
 немота 192
 неотесанный 280
 несомую 200
 нести 373

нити 170
новакъ 316
новина 337
нога 24, 372
ноготь 372
норка 390
носат(ый) 24
ноский 60
ноша 373
нута 385
обилие 377
облако 377
(об)ломок 55
ободъ 125, 188
оброучь 188
обучи 385
овьнь 211, 215
овьца 170, 211
овьчина 211
огнѣватися 107
огонь 107, 216, 377
огород 223
ограда 223
одеколон 374
озеро, озера 25
оковалок 3
оковы 35
окорок 23
Олимпиада 67
олово, оловъ 130, 201, 203, 208
онуча 385
оплоть 48, 49, 154, 155, 258
опока 79
опухлядь 10
опухоль 10
оранжевый 103
орати, орать 11, 74, 148–151, 244
ориба см. ариба
орьба 15, 74, 120
оскома 377
оскръдь 53
остегнь 166
Острада 63

остров 377
осьминог 24
отбросы 104
отломать 55
отломить 55
отрок 373, 376
отруби 336
отшлифованный 280
охотовед 29
очкур(а) 163
ошкура 163
пайшиба 74
паклить 119
пакля 80, 119, 172
палка 176
палуба 378
пар 376
паранджа 72
парикмахер 373
парить 376
парн- 326
пахать 386, 387
паюс 383
пѣвунъ 59, 108
пеку 79
пелега, -да 13
пелена 13, 249
пеледить, -жить, -нить 13
пена 376
пенальти 75
пенити 376
пѣник 110, 204
перегар 59, 107
перегной 59, 107
персона 380
перуцмакер 374
пестрина 337
пѣти, петь 59, 108, 374, 377
пѣтик 110, 204
пѣтунъ 108
печаль 106
печать 374
печь 106

пиво 8
 пиликать 17
 Пират 88
 писать 11
 писец 11
 пита 377
 питати 377
 пити 8, 59, 107
 пихать 36, 41
 пихта 390
 пища 377
 пищаль 18
 пищик 18
 плавати 138
 пламенный 12
 пламень 12, 146, 147
 пламя 147
 пласт 377
 платити 119
 платити 140
 платье 119
 плач 377
 плева 244, 249
 племя 147
 плетеница 226
 плетенка 223
 плетень 154, 223–226
 плету, плести 154, 222, 223, 226, 258
 плеть 35
 плоский 10
 плоскъ 10, 140
 плот 154
 площадъка 11, 140
 площадь 10, 11, 14, 139, 140
 площадь 10, 140
 плыть 377
 побрякушка 38
 погремушка 38
 погрязти 376
 подать 110, 204, 374
 подберезовик 367
 подбородок 367
 подноготная 372
 подоконник 368
 подпалины 109
 подражать 390
 подхалимаж 73
 подьгнѣта 59, 108
 подьгнѣти 108
 пожитки 84
 позвонок 38
 позиция 366
 поити, поить 8, 59, 108
 -пой 59
 покоити 8
 покой 8, 107
 покрой 8
 покрывать 156
 полено 36
 полѣти 11, 36
 поликлиника 140–143
 полип 24
 полосатый 23
 помол 41
 пора 380
 пороз, порос 127
 поросенок 378
 поросль 10
 порт 377
 порты 163
 посад 306
 посетить 377
 пост 366
 почити 8, 107
 пою 108
 правовед 29
 пра(здъ)никъ 96
 прилаживать 242
 приличный 372
 пришить 152
 пропасть 386
 прорицати 375
 просесть 385
 просить 189
 простак 191
 простать 190

простень 190
простинá 190, 192
простой 190–192, 378
простор 376
простота 192
просты́ня 192
проузи, проуиси 127, 174
прошес(т)ь 385, 386
прыскать 220
прядать 129
прямина 337
прямота 192
прясло 174
прясть 174
птица 374
пузатый 23
пузо 73
пуня 171, 189
путь 367
пухлый 10
пчелод 30
пшено 36, 38, 93, 164, 167
пыл 106
пылать 59, 106
пылкий 59, 106
работа (арбота) 86
работяга 22
раджа 72
раз 231
разиня 238
разить 231
рак 375, 377
рало 17, 120, 148
раль 11, 148
рама 67, 145, 148–151
раменка 144
раменный 12, 144, 148
раменский 144
Раменское 12, 146, 148
рамень(е) 11, 12, 143–152
Раменье 67, 146
рамяный 145
распутье 367

расшива 152, 153
расши(ва)ть 152
рвать 35, 36, 167
рвение 383
резать 180
резень 27, 180
резка 113
река 374
ремезь 127, 173, 175, 176
ремезьство 127, 172, 173, 176
ремень 146
ремесло 168, 173–176
ремесленицы 172
ремесльникъ 176
ремество 172–176
ремесьство 127, 172, 173, 176
ремьство 172
речь 373
ржина 60
рисунок (ирсунок) 86
ровный, ровня, ровнядь 11
рогаль 170
Роганок 239
рогатый 24
родина 337
роити 9
рой 9
рослый, роследь 10
рохлый, рохля, рохлядь 11
рубежь 193
рубец 169
рубить 169, 175, 336, 383
рубка 169
ругать 58
р(о)уда 207, 208
ро(у)дь 207
рудѣть 207
руно 35–38, 93, 164, 167
русский 163
р(оухло) 84
рухлядь 140
ръдѣти 207
рыба 381, 383

рыбак 191
рыбарь 73
рыбина 337
рыждыи 207
рыжеть 207
рысак 191
рябъ 169, 383
ряд 36
рядить 36, 44
рядно 36, 44
сажа 72
сайдак 72
самоеды 304
сап 384
сапить 384
сапог(ъ) 384, 385, 390
свежина 337
свекровь 377
свербеть 27
светлина 337
светофор 21
свѣча 214
свидетель 280
свинарь 73
свинец, свиньць 201, 204
свирон 171, 189
свороб 27
свѣтъти 201, 204, 208
свясло 174
сделан 287
седина 337
сѣдъ, седой 105, 130
село 376
семафор 21
семя 147
сенаж 73
сени 159
сѣнница 159
сено 230
сѣнь, сень 153, 157, 159
серебро 201, 208
сѣвъ 108
сѣти 108
сечка 113
сѣчь 209
сеялка 92
сивъ 110
синий, синь, синядь 10
сиреневый 103
скакать 133
скала 53
скать 168
склют 80, 172, 188, 230
сколить 87
сколуха 87
скура 49, 102, 130
скорняк 378
скрой 127, 180
слабина 337
слава 376, 377
славити 376
сладкий 60
сливина 337
слово, словеса 26, 376
-слонить 101
смак 129
смалец 129
смѣдъ 29, 105, 130
Смедва 29
сметиш 165
смоква 384
снѣгъ 119
снѣжить 119
совесть 376
создавать 387
созидать 387
Солова(я) 65
солома 337
Соломенное 337
соломина 337
соломя 337
сон 36
сорожина 65
Сосенка 338
сосна 337
Сосна 337, 338

Соснина 337
 Сосновка 338
 спаниель 90
 спартакиада 380
 спать 11, 36
 спец 11
 специалист 11
 спина 337
 срам 48
 ссадина 337
 став(ъ) 110, 245
 стадо 110
 стан(ъ) 12, 93, 110, 249, 264
 стани 164–166
 станис”ки 164
 станы 164–166
 стар Ёти 132
 старина 337
 старити 132
 старшина 337
 старьй, старядь 10
 статья 110
 стая 110
 стебать 55
 стебель 55
 стебенить 55
 стеганка 166
 стегно 164–167
 стена 153–159
 стёнка 159
 стЁнокъ 159
 стень 153, 157–159
 стерлядь 10
 стогна 160
 стойкий 50
 страна, сторона 36, 93, 164
 стремя 147
 стремиться 376
 стремя 147
 строгаль 114
 строити 9
 строй 9
 стройный 176
 строка 377
 строфа 372
 струмень 146, 147, 301
 Струмень 65, 146, 357
 струна 36, 39, 83, 164
 студ 206
 стыд 48, 206
 стьгда 160–161
 стьгна, стьгна 160–161
 сугробина 337
 суд(ъ) 193
 Судан 67
 сукно 36, 44, 93, 164, 167
 сундук 72
 сурамень 149
 сустав 110
 сутолока 60
 сухмень 56, 146
 Сухмень 65, 146, 357
 суховей 56
 суховейный 56
 суховерхий 56
 суховершинник 56
 сухожилие 56
 сухой, соухъ 56, 206
 соухороуки 56
 сухота 56
 сучить 44, 167, 168
 суша 212
 сушенье 56
 сушина 56
 сушина 56
 сушить 56
 сушмень 56, 146
 сушь 56
 табун 72
 тамга 356
 Татарка 358
 Татаровка 358
 телеграф 141
 телескоп 141
 телефон 141
 телец 323

телок 323
темя 147
тень 153, 157–159, 376
тесак 92, 197
тесать 170, 174, 197
тесло 170, 174, 209
Тесмень 146
тесный 377
течение 343
течь 199
тиликать 17
тим▲, тименик, тина 12
Тихвин 3
Тихмень 146, 357
тихоня 238
тишина 337
толокно 36, 93
толчей 93
толщина 337
точило 132, 170
точити 132
трепетать 220
трина 57
трогать 94
тронуть 94
тропа 377
труба (турба) 86
трудяга 22
трус 376
трясогузка 124
трясти 376
тулуп 32, 72
туман 359, 376
туманити 376
Тумень 355, 358
тупѣти 132
гупити 132
Тура 353
тъма 359
Тюменево 357
Тюменка 356–359
Тюменский, -ой 354, 358
Тюменское 358
тюмень 358–360
Тюмень 353–360
Тюмень-арык 354
убит 287
уголь 377
ужас 377
узда 3
узина 337
узмень 146
Узмень 65, 146, 358
узы 35, 65
уклад 3
улей 225
уломок 55
улус 356
умь 193
урюк 163
усадьба 15, 120
утолити 374
утюг 32
фиорд 379
хворостина 336, 337
хвостатый 24
хильмень 146
хихикать 17
хлопья 37
хмельной 257
ходьба 74
хоронить 378
хороший 385
храбрый 378
хребет 378
Христофор 21
худь 193
цвести 376
цвет 376
цвирикать 17
цевка 170
целина 337
цена 36, 93
чародейка 235
час 377
чаш(к)а 228, 232

челн(ъ) 3, 164
челядь 140
чепуха 388
чердак 359
через 127
черемуха 383
Черемухова 338
Черемушка 338
Черемушная 338
чересло 209
черника, черница 103
Черновцы 22
чернь, черный 7, 10, 130
чернь 10, 130
чернядь 10
черпак 197
черпать 197
черта 377
чертить 108
чертог 359
чссать 233
чин 164
чирикать 17
чисто (поле) 65
читать, чтец 11
чувати 377
чувство 377
чудак 72, 191
чудо, чудеса 26
чьрсти 50
шара 85
шарабара 85
шаровары 162
шваль 388
шеломень, шеломя 147
шива 152
ширина 337
широкий, ширь, ширедь 11, 140
шитво 170
шитик 153
шить 152
шкура 102
штаны 70, 162–165, 167

шуло 80, 120, 171, 189, 2
шульга 123
шутила 60
шучу, шутить 60
шушваль 388
шушера 388
шьвЪи, -Ъя 170
шьвьць 170
шьстие 386
шьстьныи 386
щаны 165
щепа 54
щепать 54
щелет 54
щепетильный 54
щепетный 54
шить 278
этруски 21
ягненок 377
ядро 368
язык 374
яндова 172, 189, 230
Ярбозеро 3
ярка 215
ярый 374
ясак 356
ясмень, ясный 12
ячмень, ячный 12, 146

Сербохорватский

бабарога 58, 237
бадар 277
бара 213
баран, -аст 213
барзан 213
барица 213
бёдак 196
бёднйк 196
белогуза 124
бёдак 206
бёровица 103
бёровница 97

бра́на 90
бра́шно 41, 83
бр̑босати 87
бр̑з 340
Brzaja 341
бр̑зак 340
бр̑зати 340
бр̑зди́ца 351
бр̑зина 340
бр̑зити 340
бр̑зи́ца 340, 351
бр̑зо 340
бр̑сница 103
бу́дан 277
ва́љати 58
ва́љуга 58, 170
ве́рати (се) 34
ве́руга 34
веру́гати се 34
ве́ругав 34
ве́ругаст 34
ви́јати (се) 34
ви́југа 34
ви́југав 34
ви́југаст 34
ви́југати (се) 34
вино́бер 284
винов 284
гъѣм, гъѣти 109
gibnǫ 43
gǫvno 43
degati se 58, 119
дѣван 251
дѣвило 232
жва́ле 48, 51, 262, 270
жва́тати 262, 270
жѣ́ца 170
за́нѣт 172
зу́бати 51, 270
кѣш 224
кря́к 23
кря́кат 23
кря́катица 23

кря́х 27
linguza, лингуза 124
ljènguz(a) 123, 124
млѣво 48
нѣва 137
нѣвеста 137
нѣвин 137
невѣвати 137
ѣбрт 172
ѣsoje 157
grisoje 156
рѣга 237
rŏgoŏna, рѣгоња 58, 119, 215, 238, 239
rŏgoŏne 238
rŏgoša, рѣгоша 58, 238
рѣгу́ља 58, 238
сѣ́ја 58, 118
сѣ́ша 211
сѣ́чѣво 209
ста́д 110
црнѣгуз

Словацкий

brusnica 98
kruch 27
zubadlo 51, 270

Словенский

Berz(a) 341
degāti se 58, 119
drŏzd, drŏzg 12, 13
grb 219
grizalo 269
gǫbnŏ 43
zobalo 270

Старославянский

berevno, beřivŏno, bŏřivŏno, brevŏno,
brŏivŏno, brŏivŏno, brėvŏno 341

bržina, bržina 341

bŕati 341

bĭdĕti 340

vŭdova 341

vŭpŕi 340

vĭnĕ 340

vŕpŕi 340

ďŕati 341

ďivĕ 340

zĭlĕ 340

pŕati 341

БАСНЬ 45

БЕРЖ 370

БРАДА 90, 91

БРАЗДА 90, 95–97

БРАЗД(Ь)НА 96

БРАНА 90, 91, 97, 155, 266

БРАТИ (СА) 90

БРАШЬНО 41, 82, 336

БРИДЪКЪ 50

БРЪЖА 341

БРЪЗДА 266

БРЪЗО 341

БРЪМА 147

БОУДИТИ 277

БЪДРЪ 277

БЪДЪТИ 277

БЪРАТИ 147

БЪЧЕЛА 224

БЪДА 196

БЕСНА 45

ВИНА 287

ВИНО 282, 293

ВИТИ 281

ВИТЪ 281

ВОСА 138

ВРЪБА 145

ВРЪМА 285

ВЪЗГНЪТИТИ 106

ВЫСОКЪ 46

ВЪДЪТИ 134

ВЪНО 44–46, 136

ВЪНЬЦЪ 281, 285

ВЪСТЪ 134

ВЪСЪ 46

ВЪТВЪ 288

ГЛАДЪКЪ 196

ГНИТИ 106, 107

ГНЪВЪ 105–107

ГНЪДЪ 105, 109

ГНЪСТИ 106

ГНЪТИТИ 106, 107

ГОВАДО 114

ГРОЗДЪ 96

ГОУМЕНЬЦЕ 44

ДАНЬ 248, 277, 327

ДАРЪ 248, 277, 327

ДЕЛЪВА 232

ДИВЪ 251

ДОБРЪ 277

ДРОЗГЪ 13

ДЪНЬ 248

ЖЕЛЖДЪ 114

ЖРЪНЫ 65

ЖЪВАТИ 51

(ЗА)ЧАТИ 95

ЗИДЪ 154

ЗЛАТО 202

ЗНАМА 51, 149

ЗНАТИ 96, 149

ЗОБАТИ 270

ЗРЬНО 93, 96

ЗЪРЪТИ 93

ЗЖЕЪ 229

ИДЖ 13

КАМЕНЬ, КАМЫ, КАМЪНЪ 146

КРАТЪКЪ 231

КРЕМЫ 209

ЛАКЪТЪ 203

ЛОУНА 36, 93, 95, 155, 158, 266, 300

ЛОУЧЪ 93, 158

ЛЪЖИВЪ 257

ЛЪЖЪ 257

МЕДЪ 29, 224

МЪДЪ 127, 129, 206

МЪХЪ 214

МАСО 285
МЖЖЬ 204
НЕСТИ 200
ОВЬЦА 211
ОСА 138
ОСТЕГЪ 158, 166
ОТВЕРЬСТЪ 139
ОТВРЬСТИ 139
ОТЪРЪВАТИ 341
ОТЪРЪВЕНА 341
ПЛАМЫ, ПЛАМЪНЪ 146
ПЛАМЕНЬ 148, 149
ПОЛЪТИ 149
ПРАМЕНЬ 146–149
ПРАТИ 149
ПЪШЕНО 41, 49
ПЪНИКЪ 108, 257, 288, 291, 327
ПЪСЕНЬ 45
ПЪТИКЪ 108, 257, 288, 291, 327
РЕМЬСТВО 173
САЖДА 72
САПОГЪ 386
СВИТАТИ 204
СВЪЦА 377
СИПАТИ 156, 159
СКАРАДЪ 114
СКОУТЬ 230
СЛАДЪКЪ 196
СМЪДЪ 127, 206
СТАЛЪБЪ, СТАЛЪПЪ 183
СТРАНА 264
СТРОУНА 155, 266
СТРЪМЕНЬ 146
СТЪБЪЛЪ 183
СТЪНА 153–155
СТЪНЬ 156–159
СЪНЪ 36, 93
СЪПАТИ 36, 93
СЪРЪБРО 202, 286
СЪМА 147, 149
СЪНЬ 156–159
СЪТИ 147, 149
СЪЧИВО 239

ТАТЬ 157
ТАИЖ 157
ТВЪРДЪ 95
ТИМЕНИКЪ 264, 288
ТИНА 264, 288
ТЪНИА 157
ТАЖЪКЪ 126
ОУЖАСИЖТИ 45
ХЛЪБЪ 177, 178, 180, 182, 183
ЧИСМА 83
ЧРЪПАТИ 233
ЧРЪВЪ 244
ЧРЪВО 12, 244
ЧРЪДА 242
ЧРЪПЪ 233
ЧРЪСТИ 168, 231
ЧАДО 95

Украинский

барабосити 87
Береза 338
Березівка 338
Березова 338
бѣдак 196
бѣдник 196
бѣдяга 196
бонда 210
борзий 340
борзина 340
борзо 340
борозна 96
борона 90
борошно 83
бруслина 100
брусница 98
глей 66
глупа ніч 373
грозно 96
гроно 96
Грушівка 338
Грушова 338
Грушовата 338

деготь 172
довбач 373
Дуба, Дубівка, Дубова, Дубовець,
Дубовик 338
дуло 209
дякло 17
евня 171
евья 171
жлукто 119, 172
кімната 374
клюйдерев 373
кльон 249
ковадло 115, 116
ковалдо 115, 116
ковш 77, 172, 189, 226
кувікати 16
кугач, кугик 16
кугикати 16
Липа, Липовець, Лип'янка 338
мороква 334
мочальний 132
мочання 132
мочар 132
немовля 373
окути 208
олово 203
Ольхівка, Ольхова(тка), Ольховець
338
Оріхівка, Оріхова 338
Осинівка, Осиновата 338
пара 376
перука 373
перукар(ня) 373
півень 374
площа 11
побралися 373
простиня 192
ректи 373
ремесло 172
ремесний 176
ремество 172
ринуті 9, 374
руда 207

стіна 154
Топольниця 338
Тумень, Тумін 358
черти 112, 373
шклюд 172
шуло 171, 189
Ясенець, Ясениця 338

Чешский (и древнечеш

beran 214
bezcnny 370
bidák 196
bidník 196
brslen 100, 105
bruslina 105
brusnice 98
Brzina 340
brzý 340
brzký 340
brzo 340
ceva 170
dehet 172
dlouhán 14
drozd 13, 14
drozn 13, 130
hnědý 109
hněv 106
kladivo 169
kouti 130, 169, 208
kov 130
kruch 27
kuvík 16
kuvíkati 16
lijec 208
mísidlo 170
močal 132
nakovadlo 115, 116
Nevosad 137
Nevosedy 137
Nevotniky 137
nutiti 385
okout 208

ovčina 211
páchatí 387
pasák 197
pásati 197
pěkný 276, 277
rádlo 120
řemeslo 173, 175
řinouti se 9
smok 384

stěna 154
stín 158
zed' 154
zobati 270
zpěvák 197
zřívati 197
žluna 249
žluva 249

IX. Прочие индоевропейские языки

Албанский

braná 90
dimen 151
garth 223
miel 41
ré 137

Армянский

art 246
erkan 65
erkir 65
gini 282, 293
kuž 227
malem 41
tiv 247–249, 252
varem 205

Иллирийский

Didius 303
Σχαρδῶνα 305

Карийский

Λύγδαμις 309

Киликийский

Σανδαπαρις 305

Македонский

Γορδυνία 302
Γορτυνία 302
Δινδρύμη 249
χάρων 331

Писидийский

Κοζαρας 304

Фракийский

ἄβδηρα 323
*Αβδηρα 323
Αἰζική 322
*Αβαρις 296
Ἄστραῖος 296
Βασσαρις 296
Βέβρυχες 302
Βειθάριον 304
Βειθυς 304
Βενδικος 323
Βενди-пара 305
Βενδης 323
Βηρίπαρα 305
βουρδ- 322
Burdara 304
Βουρδάπη 304, 322
Βουρδαπηναί 304, 32
Γελοупара 305

Γόνδραι 302
 Γραυκένιοι 317
 -δαβα, -δαυα 321
 δάρδα 305
 Δαρδάπαρα 305
 Διδυκαίμο 302, 303
 Διδας 303
 Didila 303
 Διζαπης 304
 Διζας 303
 Δινδρόμη 249
 Διτυβιστος 302
 Διτουπαιβος 302
 Ditugentus 302
 Ζαλδαπα 322
 ἴγδην 309
 Ispilibria 305, 306
 Καπίδαβα, Καπίδαυα, Capidava 321
 Κεβρήν 309
 Κεβρήνιοι 309
 Κιμιστηνω 302
 Κοζας 304
 Κοσειλας 301
 Κόσιμος 301
 Κοσινθης 301
 Κοσιστης 301
 Κοσων 301
 Κύφελα 301
 Magaris 296
 Μάγδης 309
 Μαιδική 323
 Μανασκον 323
 Μανικων 323
 Mucaris 296
 Μουκασος 316
 Μουκωνος 316
 Μυγδόνες 309
 Ναράκιον 301, 316
 ΄Ρακούλη 301
 Σάγαρις 296
 Σαδοκος, Σατοκος 302
 Σαλδο-, Σαλτο- 302
 Σανδάλη 305
 Σάνδανος 304, 305
 Σανδατις 305
 Σάρακος 304, 305
 Σαραλος 305
 Σαραπανίς 304, 305
 Σαραπία 304, 305
 Σαρατος 305
 Σαρακηλανοι 305
 Σαραπάρα 303–305
 Sauzurara 305
 Σευθαριον 304
 Σευθης 304
 Σιτάλκας 296, 297
 σχάλη 53
 Σκαπτοπαρα 305
 Σπάρτακος, Σπάρτικο
 Στρατοπαρα 305
 Στρυμόνιος 296
 Στρυμών 301, 302
 Tranurara 304

Φριγουϊσκιϋ
 *Άγδος 309
 άζήν 293
 άτμήν 293, 309
 Δειδων 303
 έσσήν 309
 κνουμανει 51
 Σχορδαπία 322

Τοχαρσκιϋ
 tumām 359
 tumane 359

Χεττσκκιϋ
 arha 246
 harki 202
 malanzi 41
 mita-, miti- 128
 parna- 325
 Parnašša 325, 326

šiuṇa 250
цаг 205

wijana- 282, 293

Б. Неиндоевропейские языки

І. Монгольские языки

Бурятский
борхолоо 86

Калмыцкий
šar (šār) 85
tūmṇ 356
tūmṇekʷ 356

Монгольский

айгыр 68
Акбайтал 68
бараа 85
бараа хоол 86
Бозайгыр 68
дарга 355
дэлгуур 355
засаг (jasag) 356
зуузай 270
зуух 270
Их Цагаан хэрэм 154
Карайгыр 68
монгол 355
морь (morin) 76
нөхөр 355
нуур 67
орос 355
сургууль 355
тамга (tamaga) 356
Тола (Tugula) 66
түмэн (tümen) 355–358
тургэн (türgen) 355
Тургень 355

Улан-Батор 355
Улан-Бургас 68
улс (ulus) 356
үүл
Үүригол
хазаар 270
казах 270
Хара-Ус-Нур 67
Хара-Нур 67
хар(а) 67
Харуул 67
хоол 85
хоол унд 84
хөх 66
хэрэм 154, 223
хэрэх 154, 223
Чингис 353
шаар 85
шаар бараа 85
эмэл 355
Эмель 355
энх тайван 84
эруул мэнд 84
эруу шуулт 84
эх эцэг 84

Монголо-татар

tümen 355

Ойратский

түмен 356

II. Тюркские языки

<i>Азербайджанский</i>	<i>Уйгурский</i>
тукмэк 66	борибосар 88
<i>Казахский</i>	кан 67
бөрибосар 88	<i>Чагатайский</i>
<i>Калмыцкий</i>	копал 114
mögin 76	<i>Чувашский</i>
<i>Киргизский</i>	шор 65
борубосар 88	<i>Якутский</i>
тогуу 66	küös 227
<i>Татарский</i>	<i>Тюркские формы</i>
тура 353	(без указания языка)
Чямги (Çinggi) 353, 357	кара 22, 67
Чинги-Тура (Çinggi-Tura) 353, 357	кыз 67
ыштан 71, 162–165	лоша 10
<i>Тувинский</i>	өрүг 32
кем, хем 67	су 66
<i>Турецкий</i>	iç 162, 163
dökülmek 66	iç-itük 163
Измир 163	içqur 163
langaz 124	içton, istan, iştan 162, 163
tümbäki 358, 359	kös 227
<i>Узбекский</i>	Қараçау 358
бўрибоси 88	orman 145
тукилмок 66	tümän, tümen 359
	tuman 359
	uç 162
	uçqur 162

III. Финноугорские языки

<i>Мансийский</i>	турня 111
Tšemx, Tšemgəp 353, 354, 357	турня пöчиж 111
<i>Марийский</i>	<i>Мордовский</i>
пöчиж 111	кувал 114

Саамский

Sāmā 304

Финский

hammas 229

heinä 229

kauha 229

lätäkkö 198

lottako 198

oinas 210, 229

seina 154

silta 229

Suomi 304

taivas 247

terva 378

Хантыйский

сop 65

Эстонский

klaip, klaiba 182, 184

klaibakas 182

kure 111

kuremari 111

mari 111

sein 155

Soome 304

IV. Прочие неиндоевропейские языки

Арабо-эфиопский

wain 282

Грузинский

γvino 282, 293

k'ovzi 227

Гуннский

Var 344–346

Οὐάρ 346

Χουυνί 346

Древнееврейский

jajin 282

Кетский

уль, ур 66

Ненецкий

нгодя 111

харё 111

харё нгодя 111

Печенежский

Βαρούχ 344–346

Халдейский

kira 65

Шумерский

urudu- 208

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть I. Принципы и методика этимологических исследований	6
Словообразовательные модели и этимология	—
Словообразовательный критерий при определении заимствования	14
Словообразовательный анализ в этимологических исследованиях	19
Из истории праславянского словообразования (рус. <i>звено, лоно, брашно, гумно, вено</i>)	35
О семантическом аспекте этимологического исследования ..	47
Диалектный материал и этимология	53
О географическом и лингвистическом аспектах топонимического исследования	61
Лексические заимствования в условиях двуязычия	69
Часть II. Славянские, балто-славянские и балтийские этимологии	81
<i>Барахло</i>	—
<i>Барбос</i>	86
<i>Борона</i> и <i>борозда</i>	90
<i>Брусника</i>	97
<i>Гньвъ</i> и <i>гньдѣ</i>	105
<i>Журавика</i>	110
<i>Корыто</i>	111
<i>Кувалда</i>	113
Блр. <i>лапікла</i>	117
Рус. диал. <i>ленгѹс</i> 'лентяй'	122
<i>Медь</i>	127
<i>Мочало</i>	131
<i>Невъста</i>	133
<i>Площадь</i>	139
<i>Ўошклиника</i>	140
<i>Рамень</i> и <i>раменье</i>	143
<i>Расшива</i>	152
<i>Стена</i> и <i>стень</i>	153
<i>Стѣгда</i>	160
<i>Штаны</i>	162
Рус. <i>режесло</i> — лит. <i>repišlas</i>	168
О древнем названии хлеба в балтийском, славянском и германском	177

О мнимых славизмах в балтийских языках	184
Балто-славянская ремесленная лексика (названия металлов, металлургия, кузнечное дело)	200
Балтийские и славянские названия овцы и барана	209
Лит. <i>agnùs</i>	216
Лит. <i>guĩbas</i>	219
Лит. <i>kaĩšas</i> , лтш. <i>kaĩss</i>	226
Лит., лтш. <i>gagana</i>	234
Часть III. Латинские и древнегреческие этимологии	240
Лат. <i>argentum</i>	—
Лат. <i>divus</i> и <i>deus</i>	247
Лат. <i>dominus</i>	256
Лат. <i>frementum</i>	259
Лат. <i>frēnum</i>	265
Лат. <i>Aquil(o) impotens</i>	272
Лат. <i>pulc(h)er</i>	275
Лат. <i>vīnum</i> , др.-греч. (F)οῖνος	281
Ἀπόλλων (Мифолого-этимологический этюд)	293
Baltico-Thracica	300
Ἑξαμπαῖος и Ἰγδαμπαῖης	306
Καύκασος	311
Παντικάπαιον	318
Παρνα(η)σ(σ)ός	324
Часть IV. VARIA	332
Ирл. <i>brán</i>	—
Ворусθένης и <i>Березина</i>	336
<i>Тюмень</i>	353
Часть V. Рецензии на этимологические словари	360
Этимологический словарь русского языка. Т. I, вып. 1, 2. Изд. МГУ, 1963—1965	—
Г. П. Цыганенко. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970	372
Этимологические исследования по русскому языку, вып. I— VII. М., 1960—1972	381
Сокращения	391
1. Словари	—
2. Языки и диалекты	396
3. Периодические издания, публикации надписей и текстов	398
4. Ссылки на древних авторов	399
5. Прочие сокращения	400
Литература	401
Указатель слов и форм	416

Научное издание

Юрий Владимирович Откупщиков

Очерки по этимологии

Редактор *Л. А. Карпова*

Художественный редактор *Е. И. Егорова*

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Технический редактор *Е. Г. Учаева*

Корректоры *И. А. Симкина, Л. А. Губина*

Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Лицензия ЛР 040050 от 15.08.96

Подписано в печать 18.05.2001. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 27,9. Уч.-изд. л. 31,2.

Тираж 700 экз. Заказ 26.

Издательство СПбГУ 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
11	7 сн.	144	143
36	20 св.	домна́	дѡмна
42	2 сн.	А. А. Погодина	А. Л. Погодина
51	6 сн.	→	—
53	13 сн.	писал	говорил
65	16 сн.	качается	касается
77	8 сн.	слова	производные слова
88	2 св.	примененис	распространение
95	16 сн.	твѣрдѣ	твѣрдѣ
136	2 сн.	челов къ	человѣкъ
137	17 св.	прошлом	XIX
144	16 св.	прошлом	XIX
157	4 св.	Vadmer	Vasmer
159	4–3 сн.	б гають . . . м сто	бѣгають . . . мѣсто
190	12 св.	ap-stas	āp-stas
193	6 св.	передается	передается
196	16 сн.	бѣдак	бѣдак
199	5 св.	genēsis	genēsas
219	4 св.	λιπα	λίπα
232	12 св.	там же:	Откупщиков 1967:
236	9 св.	Körfige	Körfige
245	2 св.	ст-	стá-
257	7 св.	pagina	pagina
261	11 сн.	οὔτος	οὗτος
267	18 св.	ŕepum	ŕēpum
276	3 сн.	4 ^ε πε	4 ^ε πε
280	1–2 св.	<i>Снять две верхние строки!</i>	
280	16 сн.	предположить	предложить
282	19 сн.	Их	Из
282	9 сн.	Walde ³	Walde ²
282	7 сн.	Walde ²	Walde ³
288	4 сн.	Frisk	Fick
297	6 св.	Ἄροτριος	Ἄρότριος
309	18 св.	ἰγόνην	ἰγδόνην
378	10–11 св.	aumenvs	aumenÿs
395	22 св.	Lictaischen	litauschen
398	15 сн.	ПСЛР	ПСРЛ
406	2 сн.	1970. . . Т. 2	1959. . . LКК. Т. 2
415	5 св.	<i>Appollon</i>	<i>Apollon</i>
470	10 сн.	кратѣкъ	кратѣкъ
471	3 св.	твѣрдѣ	твѣрдѣ